Полная серия
ЗОВ СТРАНСТВИЙ
ЛУРУЛУ
Джек Вэнс
Перевод Александра Фета

Annotation

Дилогия "Зов странствий/Лурулу" ("Ports Of Call/Lurulu") написана в 1993 году и является последним романом Джека Вэнса. На русский язык книга переведена только в 2016 г. американским русскоязычным переводчиком Александром Фетом и никогда не выходила в России ни в бумажном, ни в электронном виде.

ЗОВ СТРАНСТВИЙ
ЛУРУЛУ

Перевод
Александра Фета

ЗОВ СТРАНСТВИЙ

Предисловие

В эпоху первой ойкуменической экспансии, когда каждый молодой искатель приключений мечтал стать космическим разведчиком, были открыты, исследованы и заявлены тысячи далеких миров. Самые гостеприимные из этих планет привлекали иммигрантов — казавшуюся бесконечной череду сект, фракций, обществ, культов и просто групп свободомыслящих людей, отважившихся испытать судьбу первопроходцев и жить по-своему в собственном мире. Порой они выживали и даже процветали, но чаще торжествовали чуждые человеку условия: колонии приходили в запустение, а их обитатели переселялись в другие места, порой оставляя за собой странные небольшие популяции настойчивых потомков, тем или иным способом умудрившихся приспособиться к окружающей среде. Некоторые из таких миров, редко посещаемых и, как правило, ускользавших от внимания общественности, послужили материалом для альманаха «Затерянные миры и забытые народы» Тома Хартманна, не дающего покоя никому, кто его прочел.

Философы Ойкумены признавали, что населенные миры подчиняются определенным закономерностям социальной эволюции, каковые можно классифицировать, подразделив их на несколько систем — изоляционистских и коллективистских, центробежных и центростремительных, гомогенизирующих и дифференцирующих.

В отсутствие централизованного правительства правопорядок поддерживала МСБР — Межпланетная служба безопасности и расследований — ассоциация, посвятившая себя обеспечению законности и подавлению преступности и выполнявшая, с внушающей почтение эффективностью, сопутствующие функции преследования и наказания преступников, космических пиратов и разношерстных социопатов. В конечном счете МСБР фактически превратилась в административный орган власти, координирующий взаимодействие глобальных и региональных правительств Ойкумены и повсеместно внушающий представление об общечеловеческих нормах и ограничениях.

Примечание: ойкуменическая валютная единица, сольдо, примерно соответствует стоимости одного часа неквалифицированного труда (десяти американским долларам в начале двадцать первого века).

~

Глава 1

В детстве Мирон Тэйни бредил легендами о космических исследованиях. Он странствовал в воображении по далеким закоулкам Ойкумены, трепетно сопереживая приключениям звездных старателей и разведчиков-заявителей, пиратов, охотников за рабами и отважных агентов МСБР.

Вопреки его фантазиям, обстановка в буколическом поселке Лиллинг на отрадной планете Вермейзен, где он родился и вырос, буквально убаюкивала непринужденной безмятежностью бытия. Вопреки дерзновенным мечтам Мирона, родители настойчиво напоминали ему о прозаических требованиях действительности. «Если ты хочешь стать финансовым экспертом, таким, как твой отец, для тебя важнее всего образование, — говорили ему. — Когда закончишь Институт и получишь диплом, у тебя будет время немного расправить крылья, если можно так выразиться, перед тем, как ты займешь свою должность на Бирже».

Будучи покладист и прилежен от природы, Мирон заставил себя на какое-то время забыть об опьяняющих грезах и поступил в Колледж конкретных совершенств при Институте Варли в Саалу-Сейне, на другом краю континента. Родители, прекрасно понимавшие предрасположенность Мирона к беспечному времяпровождению, сопроводили сына строгими напутствиями. Ему надлежало сосредоточить все внимание на учебе. Академические успехи имели огромное значение для дальнейшей карьеры молодого человека.

Мирон обязался делать все от него зависящее, но, когда настало время выбрать расписание занятий, оказался в западне нерешительности. Несмотря на лучшие намерения, он никак не мог избавиться от картин, представлявшихся его внутреннему взору: роскошные пассажирские звездолеты величественно плыли в бесконечном пространстве, инопланетные города полнились незнакомыми ароматами, в старинных тавернах, открытых теплым ветрам, смуглые девушки в пурпурных юбках подавали пенистый пунш в кувшинах из резного дерева…

В конце концов Мирон составил план обучения, по его мнению отражавший своего рода компромисс: в него входили курсы статистической математики, анализа экономических закономерностей Ойкумены, общей космологии, ознакомления с основными принципами конструкции космических двигателей и ойкуменической антропологии. Мирон заверил родителей в том, что эта программа, изобретательно названная им «анализом экономических производных», служила надежной основой для достаточного общего образования. Родители не были убеждены его сообщениями. Они знали, что за благопристойными, хотя и несколько рассеянными манерами их отпрыска скрывалась наклонность к нерациональному упрямству, преодолеть которое не могли никакие доводы. Но они больше ничего не могли сказать — Мирону предстояло самому убедиться в ошибочности его представлений.

Мирон не мог с легкой душой избавиться от опасений, навеянных прогнозами отца. Это заставило его наброситься на занятия с небывалой энергией, и в свое время он закончил Институт, получив почетный диплом.

Отец придерживался того мнения, что, невзирая на странные увлечения и необычный выбор образовательных дисциплин, квалификация Мирона все еще позволяла ему делать

карьеру на Бирже, занимая для начала какую-нибудь скромную должность. К тому времени, однако, предусмотренный распорядок жизни Мирона был нарушен неожиданным вмешательством. Вмешалась в него двоюродная бабка Мирона, леди Эстер Ладжой, унаследовавшая огромное состояние первого мужа. Леди Эстер содержала роскошное поместье, окружавшее усадьбу Сарбитер в Дингл-Тéррасе, на южной окраине Саалу-Сейна. Когда Мирон учился на последнем курсе Института Варли, леди Эстер заметила, что внук ее сестры перестал быть тощим подростком с рассеянно-мечтательным — «телячьим», по выражению леди Эстер — выражением лица, но превратился во все еще худощавого, однако пропорционально сложенного юношу приятной наружности, с гладкими светлыми волосами и глазами цвета морской лазури. Леди Эстер нравилось, когда ее окружали молодые люди приятной наружности: она считала, что они создавали нечто вроде орнаментальной оправы, выгодно оттенявшей блистательные достоинства ее драгоценной персоны. Так или иначе, пока он готовился к выпускным экзаменам, Мирон проживал в усадьбе Сарбитер в обществе двоюродной бабки, что, как оказалось впоследствии, позволило ему приобрести поучительный опыт. Мирону не дозволялось называть хозяйку поместья «бабушкой» или даже «тетушкой Эстер». Она предпочитала обращение «дорогая леди Эстер» или, если это не слишком смущало молодого человека, ее шутливое девичье прозвище «Шутцель».

Леди Эстер не соответствовала общепринятым в Ойкумене представлениям о женском поведении. Высокая и костлявая, она настаивала на том, чтобы окружающие восхищались ее стройностью. Она ходила размашистыми шагами, выставив голову вперед подобно цапле, разыскивающей рыбу. Артистически растрепанная лавина волос цвета красного дерева обрамляла ее продолговатое бледное лицо со впалыми щеками. Черные глаза леди Эстер были окружены, подобно глазам попугая, множеством складок и морщинок, а ее длинный горбатый нос заканчивался заметным крючком. Лицо ее мгновенно запоминалось и поражало собеседника: рот непрерывно кривился и гримасничал, пристальные птичьи глазки часто моргали, выражение то и дело менялось под натиском эмоций. Леди Эстер прославилась бурными вспышками темперамента, капризами, причудами и странностями. Однажды, когда в саду ее усадьбы собрались многочисленные гости, некий господин наивно предложил ей написать мемуары. Лихорадочная ярость ее реакции заставила его испуганно отшатнуться: «Смехотворно! Нелепо! Непристойно! Тошнотворная идея! Почему бы я стала писать мемуары сейчас, когда я только начала жить!»

Гость поклонился: «Сожалею о допущенной ошибке — она никогда не повторится!»

Через час тот же господин достаточно оправился и собрался с духом, чтобы поведать об этом происшествии своему приятелю — тот, как оказалось, в свое время также навлек на себя гнев леди Эстер. Опасливо поглядывая через плечо, приятель пробормотал: «Подозреваю, что эта женщина заключила сделку с дьяволом!»

«Хуже! — возразил недавний потерпевший. — Она сама — олицетворение дьявола!»

«Гм! — задумался приятель. — Пожалуй, ты прав. В таком случае постараемся ее больше не раздражать».

«Невозможно! Ее раздражает все, что она слышит!»

«Что ж, этот вопрос полезно обсудить за стаканчиком-другим ее превосходного виски!»

Что правда, то правда — леди Эстер не всегда умела вести себя сдержанно и благоразумно. Она воображала себя очаровательным созданием, возбуждающим сладострастные порывы и не подвластным разрушительному влиянию времени. Невозможно отрицать тот факт, что Эстер Ладжой представляла собой великолепное зрелище, энергично

вращаясь в высших кругах в самых изумительных нарядах красновато-лиловой, сливовой, лимонно-зеленой, киноварной и черной расцветки.

Незадолго до переселения Мирона в ее усадьбу леди Эстер обвинила Гоуэра Хэчки, состоятельного члена Общества гильоширов, в клевете, порочащей ее репутацию. Суд вынес решение в ее пользу, и леди Эстер получила, в качестве возмещения ущерба, космическую яхту «Глодвин».

Первоначально она рассматривала яхту всего лишь как доказательство того, что любой, кто осмеливался называть ее «старым лысым огородным пугалом в красном парике», должен был дорого заплатить за такую привилегию. Она не проявляла никакого интереса к звездолету и, вместо того, чтобы пригласить знакомых отправиться вместе с ней в увеселительное путешествие, запретила им появляться на борту своей яхты. «Невероятно! — с язвительной усмешкой заметила она Мирону. — Откуда ни возьмись, у меня завелись десятки новых закадычных друзей, брызжущих энергией и сверкающих глазами. Все они заявляют, что, каковы бы ни были связанные с этим неудобства, они никогда не откажутся от участия в длительном космическом плавании за мой счет».

«Я тоже не отказался бы! — завистливо отозвался Мирон. — Это волнующая воображение перспектива».

Леди Эстер пропустила его слова мимо ушей: «Они тут же теряют интерес к времяпровождению в моем обществе, как только понимают, что я не планирую никаких космических полетов».

Мирон отказывался верить своим ушам: «Никаких — никогда?»

«Конечно, нет! — отрезала леди Эстер. — Стремление нестись куда-то сломя голову в безвоздушном пространстве абсурдно, неестественно! У меня, например, нет ни времени, ни желания проводить время зря, сидя в кувыркающемся жестяном гробу и глядя в непроглядный мрак. Все это сплошное безумие, умерщвляющее дух и тело. Пожалуй, мне придется продать это судно».

Мирону нечего было сказать.

Моргая птичьими глазками, леди Эстер пристально наблюдала за ним: «Твое замешательство очевидно — ты считаешь, что я боязлива и придерживаюсь старомодных воззрений. Заблуждаешься! Плевать я хотела на условности и традиции. И почему, как ты думаешь? Потому что тот, кто молод духом, никогда не стареет! Можешь считать меня сумасбродной фантазеркой — что с того? Такова цена, которую приходится платить, чтобы сохранять бодрость юности, и в этом секрет моей неувядающей красоты!»

«Да-да, разумеется», — поспешил согласиться Мирон, но тут же задумчиво прибавил: «И все же, жаль было бы расстаться с такой замечательной яхтой».

Последнее замечание вызвало у леди Эстер приступ раздражения: «Мирон, смотри на вещи с практической точки зрения! С какой стати я стала бы слоняться среди звезд, подыхая от скуки, или бродить по грязным глухим закоулкам, зажимая нос и рискуя вдохнуть какую-нибудь заразу? У меня не хватает времени даже на то, что я делаю здесь, у себя дома. Уже сейчас, сию минуту, мне нужно разослать дюжину приглашений людям, которых невозможно игнорировать. Я пользуюсь повсеместным и постоянным спросом! Скоро начнется очередной «Карнавал черномазых пучеглазов», а я в составе организационного комитета. Если бы я могла куда-то улететь, я провела бы недельку на горном курорте в Лальчионе. Свежий воздух успокаивает нервы, как целебный бальзам. Ты должен понимать, что я непрерывно нахожусь в движении, в поиске новых впечатлений!»

«В этом не может быть никаких сомнений», — кивнул Мирон.

2

Однажды утром леди Эстер обнаружила, что ей было положительно нечем заняться, и, подчинившись внезапному капризу, решила произвести осмотр своей космической яхты. Она вызвала Мирона, они полетели в космопорт в ее большом черном аэролимузине и приземлились на стоянке звездолетов. На полпути вдоль длинной вереницы разномастных космических кораблей они нашли «Глодвин» — яхту умеренных размеров, покрытую золотистой и зеленой эмалью, с обводами и выпуклыми приливами датчиков, выделенными красновато-фиолетовой краской. Блестящие наружные поверхности судна, очевидная прочность его компактной конструкции и неожиданно роскошный внутренний интерьер произвели на леди Эстер благоприятное впечатление. «Красивая посудина! — сообщила она Мирону. — Достаточно просторный салон. Оборудование, судя по всему, в хорошем состоянии. Не могу пожаловаться на меблировку и отделку: затейливо, но со вкусом. Честно говоря, я ожидала, что яхта такого беспардонного мерзавца, как Гоуэр Хэчки, окажется обшарпанной развалюхой. Его замечания по поводу моей внешности поистине выходили за рамки дозволенного!»

Мирон задумчиво кивнул: «Когда-нибудь я прикину, во что ему обошлось его высказывание, в расчете на каждый слог. Надо полагать, сумма окажется астрономической. В конце концов, произнесенный слог сам по себе ничего не значит. Если бы Хэчки разделил свое замечание на отдельные слоги и зачитал их в суде по одному справа налево, судья не усмотрел бы в этих звуках никакого правонарушения, и обвиняемый отделался бы строгим предупреждением».

Леди Эстер начинала нервничать: «Этот вопрос не заслуживает дальнейшего обсуждения. У тебя в голове копошатся самые нелепые мысли. Пойдем, пора возвращаться. Я посоветуюсь с Донси по поводу яхты. Он разбирается в таких вещах».

Мирон придержал язык за зубами.

Донси Труз, франтоватый здоровяк с грубовато-добродушными манерами, частенько навещал усадьбу Сарбитер; у него были жесткие усики «щеточкой» и коротко подстриженные «по-военному» волосы коричневато-песчаного оттенка. Мирон не мог судить о том, насколько интимными были отношения Труза и леди Эстер, но в последнее время Донси явно занял место ее главного фаворита. Мирон вынужден был наблюдать — с циничным неодобрением — как его престарелая родственница, зачарованная галантным обхождением Донси, ворковала и жеманничала подобно влюбленной школьнице.

Через несколько дней после посещения космопорта леди Эстер позволила себе заметить, между прочим, что в один прекрасный день, когда расписание ее общественных обязанностей станет не столь обременительным, она могла бы рассмотреть возможность непродолжительного космического круиза на яхте «Глодвин» — в частности, не отказалась бы навестить соседнюю планету Дерард, где, судя по отзывам, периодически устраивали веселые пасторальные празднества, сопровождавшиеся буйными деревенскими плясками и пиршествами под открытым небом; там диких кабанов жарили целиком на вертеле над ямами, заполненными пылающими углями, а на каждом столе выставляли бочонок вина с шестью кранами. Мирон всецело поддержал этот проект, но леди Эстер не обратила особого внимания на его энтузиазм: «Да-да, Мирон, я прекрасно понимаю, что тебе бы это понравилось — ты у нас в душе неисправимый скиталец! Но это неудивительно! За мной и так уже волочится целая свита новых поклонников. Каждый из них при любом упоминании

о «Глодвине» заявляет, что он — прирожденный космический волк, до мозга костей пропитанный страстью к приключениям. Все они только и ждут, что их пригласят роскошно проводить время на борту «Глодвина»! Но я заверила всех и каждого, что, даже если отправлюсь в космос, то не потерплю на своей яхте никаких распущенных бездельников!»

«И вы совершенно правы! — откликнулся Мирон. — Но я не распущенный бездельник, моя квалификация говорит сама за себя — в колледже, как вам известно, я закончил курс космологии».

«Пш! — леди Эстер презрительно прищелкнула пальцами. — Все эти лекции и бумагомарательство не имеют никакого практического приложения».

«Неправда! — возмутился Мирон. — Я изучил космическую динамику во всех фазах, ойкуменическую экономику и математические принципы гиперпространственного передвижения. Я прочел от корки до корки «Путеводитель по планетам» и «Галактическую космографию». Короче говоря, я не какой-нибудь дилетант! И мне не терпится найти полезное применение своим знаниям».

«Похвальное стремление, — сказала леди Эстер. — Возможно, когда-нибудь у тебя появится такая возможность». Она прибавила, словно вспомнив о чем-то несущественном: «Кстати, раз уж ты так усердно занимался космографией, что тебе известно о планете под наименованием «Кодайра»?»

«Кодайра? Что-то не припомню. По сути дела, никогда о ней не слышал».

«И чего после этого сто́ит все твое дорогостоящее образование?» — фыркнула леди Эстер.

«Известны тысячи планет, населенных и не населенных — не могу же я помнить обо всех! И даже если бы мог, то не стал бы этим заниматься, потому что с каждым годом исследованных миров становится все больше. Именно поэтому «Путеводитель по планетам» постоянно переиздают». Мирон направился к стеллажу, взял сравнительно недавно выпущенный стандартный справочник и просмотрел алфавитный указатель: «Кодайра здась не значится».

«Странно!»

Мирон пожал плечами: «Иногда одна и та же планета называется по-разному, и не все ее названия перечислены в путеводителе. Почему вас так интересует этот мир?»

Леди Эстер постучала пальцем по странице раскрытой перед ней статьи: «Этот журнал редактируется и публикуется здесь, в Саалу-Сейне. Он пользуется популярностью в высших интеллектуальных кругах и считается престижным. Это последний выпуск. Я только что прочла пару статей, посвященных важному вопросу. Статьи эти не одинаковы по содержательности — первая довольно-таки легкомысленна. Вторая опубликована кем-то под псевдонимом, и она гораздо интереснее первой, хотя обе вызывают любопытство и заставляют задуматься».

Леди Эстер подняла журнал; Мирон заметил на обложке название: «Инновационное оздоровление».

«В первой статье, — продолжала леди Эстер, — под заголовком «Источники молодости: факт или вымысел?», автор обсуждает важную проблему — к сожалению, в поверхностном сенсационном стиле. Проблема заключается в омоложении и восстановлении тканей организма, что непосредственно касается всех и каждого».

«Разумеется, — кивнул Мирон. — И что же вам удалось узнать?»

Леди Эстер опустила глаза к журналу: «Полезных сведений здесь мало; кроме того, их

понимание затрудняется неуместными попытками автора подшучивать. Прежде всего излагается сводка исторической информации, после чего автор обсуждает методы, применяемые знахарями и шаманами, маниакальные синдромы религиозных фанатиков, а также, разумеется, надувательства целителей-шарлатанов. Он шаловливо заканчивает статью анекдотом о «Товариществе вечной надежды». По его словам, процедуры, предлагаемые этой организацией, настолько продолжительны и до́роги, что многие пациенты умирают от старости прежде, чем успевают омолодиться. Прискорбный факт — опять же, не заслуживающий быть мишенью для упражнений в остроумии».

«Как насчет второй статьи?»

«Она отличается от первой как стилем, так и содержанием — и, несомненно, позволяет сделать более существенные выводы. Жаль, что конкретные подробности в ней тщательно замаскированы. Автор, пишущий под псевдонимом «Серена», судя по всему — женщина, живущая где-то неподалеку. По ее словам, на далекой планете Кодайре проводятся передовые исследования исключительно терапевтического характера. Цель исследований заключается в устранении или обращении последствий старения — там не балуются генетическим проектированием. Предисловие редактора вдохновляет. В нем говорится:

«Кодайра известна как «мир радостного смеха» и «царство возрождения юности». Источником чудесного омоложения является единственный в своем роде родник, известный под наименованием «Воды Эксиля»; первый исследователь замечательных свойств этого источника (назовем его «доктор Максимус» — нам не разрешили упоминать его настоящее имя) разработал основы новой научной дисциплины, метахроники. Автор статьи, скрывающаяся под псевдонимом «Серена», хорошо знакома с условиями жизни на Кодайре. Серена сама занимается научными исследованиями — ее перу принадлежат работы, посвященные наблюдениям в области сравнительной ботаники; в настоящее время она поселилась в окрестностях Саалу-Сейна. Редакция считает ее статью одной из важнейших, когда-либо опубликованных на Вермейзене»».

Леди Эстер Ладжой покосилась на Мирона, чтобы убедиться в его неослабевающем внимании: «Что ты об этом думаешь?»

«Теперь мне понятно, почему Кодайра вызывает у вас такой интерес».

«Иногда, Мирон, твое откровенное безразличие начинает действовать на нервы!» — с плохо скрываемым раздражением отозвалась леди Эстер.

«Прошу прощения».

Леди Эстер протянула ему журнал: «Прочти, не поленись!»

Мирон вежливо взял журнал и сосредоточился на статье под заголовком «Возрождение: для немногих избранных». Сначала Мирон читал не слишком охотно, но мало-помалу его любопытство возрастало. Серена отзывалась о докторе Максимусе следующим образом: «Неутомимый, невероятно целеустремленный маленький человечек: он даже не ходит, а словно перепрыгивает с места на место. Доктор Максимус терпеть не может суеверия, глупости и ханжество; он в равной степени отвергает как похвалу, так и осуждение общественности, стремясь целиком и полностью освободиться от влияния распространенных предубеждений. В частности, поэтому он продолжает свою работу на малоизвестной далекой планете, которую мы позволим себе называть «Кодайра». Вторая и важнейшая причина — в том, что именно на Кодайре находится «источник юности», Воды Эксиля».

Далее Серена привела описание «истинного источника юности»: «Вода поднимается из

глубин вулканического жерла, где в ней растворяются различные минералы сложного состава. Затем она сочится через густые джунгли, впитывая целебные свойства трав, грибниц и глубокого перегноя. Наконец эта светло-зеленая, слегка пузырящаяся драгоценная жидкость вливается в омут Эксиля. Доктор Максимус, биолог по образованию, заинтересовался уникальными, напоминающими тритонов существами, живущими в окружающих омут грязевых отложениях. Он не преминул заметить, что живучестью и долговечностью они намного превосходят особей того же вида, обитающих в других местах. После нескольких предварительных экспериментов и анализов доктор Максимус отбросил осторожность и стал пить воду из источника. Последствия оказались обнадеживающими. В конце концов он разработал лечебную программу, первоначально испытанную на нескольких пациентах-добровольцах. Так была основана «Клиника нового века», где доктор Максимус лечит клиентов, способных вносить довольно-таки существенную плату».

Серена прибыла с мужем на Кодайру, чтобы проводить ботанические изыскания. Она случайно узнала о существовании клиники, заинтересовалась программой регенеративной терапии и прошла курс лечения. Результаты ее полностью удовлетворили.

Тем временем доктор Максимус продолжает исследования, надеясь усовершенствовать программу и выявить важнейшие процессы, способствующие успешному омоложению. В настоящее время он считает, что окончательному синергическому эффекту способствует сочетание нескольких факторов; он стремится оптимизировать наиболее активные составляющие и в то же время свести к минимуму некоторые утомительные, а иногда и раздражающие пациентов аспекты курса лечения. Он хорошо понимает, что метахроническая терапия еще несовершенна, и подозревает, что, учитывая сложность вовлеченных в этот процесс систем, полное совершенство в области регенерации тканей человеческого организма недостижимо. При этом он настаивает на том, чтобы местонахождение его клиники оставалось в тайне, опасаясь нашествия толп неимущих инвалидов, немощных и престарелых. По той же причине он отказывается выдвигать какие-либо теоретические предположения по поводу возможного желательного или нежелательного влияния его экспериментов на общественное устройство».

Мирон отложил журнал. Леди Эстер язвительно спросила: «У тебя отнялся язык? Потрудись высказать свое мнение!»

«Любопытно, но слишком расплывчато и скрытно. Кроме того, насколько я понимаю, этот омолаживающий курс связан с большими расходами».

Леди Эстер изумленно уставилась на внука своей сестры: «Неужели? А для чего еще по-твоему, нужны деньги? Доктор Максимус продает молодость, бодрость, вторую жизнь! Как можно переоценить такие услуги?»

«Надо полагать, доктор Максимус берет столько, сколько согласны платить его клиенты», — рассеянно сказал Мирон.

Леди Эстер презрительно фыркнула и вернулась к чтению. Через несколько секунд она снова подняла голову: «Завтра ты сможешь найти практическое применение своему дорогостоящему образованию. Встань пораньше — тебе предстоит отправиться в Космологический архив и провести тщательное расследование. Просмотри указатели, найди все возможные ссылки. Вынюхивай все, что можешь, полагаясь на врожденную интуицию! Постарайся хоть раз в жизни проявить настойчивость! Мне нужны результаты! Найди Кодайру!»

Прошло два дня. Следуя указаниям двоюродной бабки, Мирон изучил объемистые каталоги и картотеки Космологического архива, но вернулся с пустыми руками, убежденный в том, что наименование «Кодайра» было нарочно изобретено, чтобы сбить с толку читателей журнала — о чем он и сообщил своей покровительнице. Леди Эстер нисколько не удивилась: «Так я и думала! Что ж, неважно! Нас пригласили на завтрашнюю садовую вечеринку сэра Реджиса Глаксена. Конечно, Донси Труз любезно согласился меня сопровождать, но я хотела бы, чтобы ты познакомился с несколькими людьми, которые могут там появиться».

«При чем тут я? Пусть они знакомятся с Донси».

«Не желаю слышать никаких возражений! И не забудь одеться, как подобает — это не какая-нибудь студенческая попойка в таверне за углом».

«Ладно, ладно! С вами невозможно спорить, — проворчал Мирон. — И все равно я не понимаю, зачем мне туда тащиться».

«В свое время ты все поймешь. Это на самом деле важно, мне могут понадобиться твои наблюдательность и проницательность».

Неожиданный комплимент заставил Мирона промолчать, и на следующий день он отправился в поместье сэра Реджиса Глаксена вместе с леди Эстер и неизбежным Донси Трузом. Леди Эстер решила появиться в восхитительном наряде, состоявшем из глубоко декольтированной блузы цвета подгоревшей апельсиновой корки и длинной лимонно-зеленой юбки с разрезом слева. Разрез этот время от времени открывал взорам окружающих значительную часть ее левой ноги, затянутой в желтый шелковый чулок. Нога была длинной и тощей, колено — шишковатым, но леди Эстер пребывала в убеждении, что всякий раз, когда обнажалась ее худосочная конечность, у мужчин учащался пульс, подстегнутый обильным выделением гормонов.

Вечеринка сэра Глаксена отличалась, как всегда, идеальным сочетанием аккуратно подстриженных деревьев и газонов с великолепными цветочными клумбами, роскошным изобилием буфета и общеизвестностью гостей. Строгие стандарты леди Эстер, однако, трудно было превзойти. Оказавшись в саду, она тут же остановилась и оценила собравшихся, бросая по сторонам пронзительные взгляды всевидящих черных глаз. Состав гостей вызвал у нее смешанные чувства — она узнала несколько лиц, с которыми предпочла бы не иметь дела. А тех, с кем она особенно хотела бы встретиться, не было в наличии. Сдерживая раздражение, она позволила Донси Трузу подвести ее к столу на краю газона, под сень развесистого цветущего иссопа. Донси усадил ее с безукоризненной галантностью. Мирону этот ритуал с прищелкиванием каблуков показался чрезмерным и даже смехотворным, но леди Эстер воспринимала подобное внимание как должное. Появился лакей; Донси, напустив на себя вид умудренного жизнью эксперта, заказал для всех пунш «Пингари».

Приблизился сэр Реджис Глаксен: круглолицый господин среднего возраста, пухлый, розовый и веселый. Наклонившись, он поцеловал леди Эстер в щеку: «Вам это покажется невероятно странным, но сначала я не мог разглядеть ваше лицо из-за низко протянувшейся ветви иссопа. Но как только я заметил очаровательную желтую ногу, я сказал себе: «Как может быть иначе! Конечно, я знаю, чья это нога! Она может принадлежать только Эстер Ладжой, самой обаятельной из представительниц прекрасного пола!» Да-да, желтая нога сообщила мне все, что нужно было знать. И я настолько спешил к вам присоединиться, что споткнулся о петунию, но это не беда — я здесь, к вашим услугам!»

«А, лесть! — воскликнула леди Эстер. — Обожаю лесть, даже если это очевидная ложь.

Готова слушать вас бесконечно».

«В моем зачарованном саду ничто не начинается и не кончается, — решительно заверил ее сэр Глаксен. — Эсхатология — опаснейшая дисциплина!»

Леди Эстер нахмурилась: «Даже не помню, как пишется это слово, не говоря уже о том, чтобы высказывать какие-либо суждения по поводу эсхатологии».

Сэр Реджис уселся: «Нет ни прошлого, ни будущего — существует лишь мерцающая искра быстротечного мига, который мы называем «настоящим». Признайтесь, дражайшая Эстер! Вы когда-нибудь пытались точно измерить продолжительность мгновения? Я пытался, но теперь знаю еще меньше, чем когда-либо. Что такое миг? Десятая доля секунды? Целая секунда? Сотая доля секунды? Чем дольше об этом размышляешь, тем больше приходишь в замешательство. Идея прозрачная и неуловимая, как воздух!»

«Да-да, все это очень занимательно. Я об этом подумаю и, пожалуй, попрошу Мирона сделать соответствующий расчет. А пока что потрудитесь сообщить: кто сегодня воспользовался вашим приглашением?»

Сэр Реджис обвел изящный парк взором, полным циничного скептицизма: «Не уверен, что знаком с этими людьми. Иногда мне кажется, что я никого из них не приглашал и развлекаю добрую половину сброда из темных подворотен Саалу-Сейна. Тем не менее, они нередко рассказывают забавные истории и распивают мои лучшие вина с согревающим душу удовольствием».

«Вы намекали, что могли бы пригласить одного издателя, с которым я не прочь была бы познакомиться».

«Было дело. Насколько я понимаю, вы имеете в виду Джонаса Чея, распространяющего — не позволяя себе даже намека на усмешку, прошу заметить — «Вегетарианский вестник»!».

«Мне его имя напоминает об «Инновационном оздоровлении», — с достоинством отозвалась леди Эстер. — Это гораздо более респектабельное издание».

«Вполне может быть. Боюсь, однако, что не могу предложить вам общество Джонаса Чея — надо полагать, ему помешали какие-то неотложные дела». Повернувшись на стуле, сэр Реджис поискал глазами среди присутствующих и протянул руку: «Видите высокого субъекта с рыбьей физиономией без подбородка? Это помощник Чея, заместитель редактора — он вам подойдет?»

Леди Эстер смерила взглядом долговязого субъекта в черном костюме поверх коричневого жилета и желтовато-коричневых штиблетах с длинными острыми носками: «Внешность обманчива, он может оказаться приятным собеседником. С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы мне его представили».

Сэр Реджис с готовностью удалился и вернулся в сопровождении усатого верзилы: «Позвольте представить вам Оствольда Сокроя, помогающего Джонасу Чею издавать журнал «Инновационное оздоровление». Здесь, перед вами — леди Эстер Ладжой, знаменитая светская львица, а теперь еще и владелица прекрасной космической яхты «Глодвин»».

«Очень приятно с вами познакомиться, — сказала редактору леди Эстер. — Присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите о себе».

Оствольд Сокрой подчинился: «О чем тут рассказывать? Я живу и работаю в мире идей. Мыслю, формирую суждения, сообщаю о них другим и тем самым перенаправляю их деятельность…»

Леди Эстер терпеливо слушала, порой вставляя замечания и благосклонно улыбаясь,

хотя Сокрой производил на нее впечатление человека малопривлекательного. Тощий и костлявый, с продолговатым бледным лицом и черными усами, заместитель редактора мог похвалиться только высоким лбом. Леди Эстер могла бы простить ему внешность, но не манеры — Сокрой обращался к леди Эстер с усмешкой снисходительной терпимости, как если бы находил ее причуды забавными, но не заслуживающими особого уважения. Кроме того, ее неодобрение вызывал отказ Сокроя попробовать что-либо, кроме травяного чая — не было возможности развязать ему язык крепкими напитками.

«Но я уже достаточно распространялся о себе и своих заботах, — сказал наконец Сокрой. — Расскажите мне что-нибудь о вашей космической яхте».

«О ней еще почти нечего рассказывать, — вежливо ответила леди Эстер. — Я приобрела ее совсем недавно».

«Но это поистине многообещающее приобретение! — заявил Сокрой. — Вас, конечно же, готовы использовать открывшиеся теперь возможности?»

«Я не такая уж бесстрашная космическая путешественница, как вы себе представляете, — несколько напряженным тоном отозвалась леди Эстер. — На самом деле я успела только однажды взглянуть на эту яхту. Говорят, она достаточно надежна. У нее эмалированный корпус приятной расцветки. Интерьер меня вполне устраивает — по меньшей мере, на первый взгляд. Друзья хотят, чтобы я отправилась в межпланетный круиз, но общественные обязанности не позволяют мне свободно распоряжаться своим временем. Тем не менее, в один прекрасный день — кто знает?»

Оствольд Сокрой любезно рассмеялся: «Надеюсь, когда наступит этот день, вы не забудете включить меня в список гостей. Я умею показывать карточные фокусы и распевать старинные шансоны под аккомпанемент лютни. Может быть, мне удастся немного развлечь других пассажиров во время длительного полета».

«Постараюсь не забыть о ваших талантах», — пообещала леди Эстер. Она достала из сумочки листок бумаги и сделала на нем пару заметок: «С вами всегда можно связаться, позвонив в редакцию?»

«Разумеется! Звоните в любое время!»

Леди Эстер кивнула: «Присутствие такого человека, как вы, хорошо разбирающегося в издательском деле, оказалось бы очень полезным в космическом путешествии. Надо полагать, именно вы определяете, какие статьи будут публиковаться, скажем, в «Инновационном оздоровлении»?»

«Можно сказать и так — в некоторой степени».

«Так это вы решили поместить в последнем выпуске две статьи, посвященные регенерации?»

«Совершенно верно! По существу, первую статью я написал сам, чтобы она служила своего рода вступлением ко второй, более обстоятельной».

«Да-да, очень любопытное, объективное и даже в чем-то забавное вступление. А вторая статья? Признаться, мне хотелось бы знать, кто скрывается под псевдонимом «Серена». Вы с ней хорошо знакомы?»

Сокрой поджал губы: «По сути дела, нет. С ней связывался, главным образом, Джонас Чей».

«Но вы, конечно же, сформировали какое-то мнение о достоверности ее сведений?»

Сокрой смущенно пожал плечами: «Не сказал бы. Меня не просили распространяться по этому поводу».

«Насколько я понимаю, она живет где-то поблизости. Возможно, я с ней знакома. Скажите по секрету: как ее зовут?»

Сокрой покровительственно рассмеялся: «Дражайшая леди, вам придется спросить меня о чем-нибудь другом. Мы никогда не сообщаем такие сведения, это запрещено правилами».

Леди Эстер медленно кивнула: «Вот как!» Она задумчиво взглянула на памятную записку с именем Сокроя. Кончик ее крючковатого носа заметно шевелился, она изучала заместителя редактора пронзительно-черными птичьими глазами. Тот наблюдал за ней с не меньшим напряжением.

«Само собой, я ни в коем случае не хотела бы, чтобы вы нарушили доверие главного редактора, — сказала леди Эстер. — Тем не менее, вы могли бы кое-что сообщить, нисколько не нарушая правила, и для меня этого было бы вполне достаточно. Кто тот ученый, которого автор статьи сопровождала в экспедиции на Кодайру?»

Сокрой поморщился. Опустив глаза к памятной записке, он снова взглянул в лицо богатой старухе: «Этот конкретный факт не подлежит действию правил — я могу говорить о нем, не испытывая угрызений совести».

Леди Эстер одобрительно кивнула: «Неопровержимая логика! Неудивительно, что вас ценят и уважают в редакции! Так что же, как зовут этого ученого?»

Сокрой поднял глаза к усеянным цветами ветвям иссопа, чопорно сложил губы трубочкой и неохотно произнес: «Его зовут — точнее, его звали… Экспедицию организовал профессор Андрей Онтвилл. Он погиб, работая в джунглях Кодайры. Проект финансировался Колледжем ботанических наук при Институте Варли».

«Мое любопытство удовлетворено! — заявила леди Эстер. — К сожалению, я никогда не встречалась с покойным профессором и, скорее всего, никогда не встречусь с его вдовой. Я уже забыла о нашем разговоре», — она взяла со стола памятную записку и с демонстративной осторожностью положила ее в сумочку.

«И когда вы собираетесь отправиться в космический круиз? — самым беззаботным тоном осведомился Оствальд Сокрой. — Было бы полезно это знать — хотя бы для того, чтобы я мог заранее договориться об отпуске, если меня действительно пригласят».

Леди Эстер кивнула: «Я еще не могу точно назвать дату отправления. Мне предстоит закончить целую дюжину неотложных дел — придется подождать, пока не сложатся благоприятные обстоятельства».

«Хм! — отозвался Сокрой. — Третья из «Десяти кратких апофегм» барона Бодиссея Невыразимого гласит: «Лучше раньше, чем никогда». А мой любимый лозунг: «Делай все сразу!»».

«Хорошо вас понимаю, — сказала леди Эстер. — Но космический круиз невозможно устроить по мановению волшебной палочки. Его придется планировать и подготавливать».

Озарив старуху смущенно-задорной улыбкой, Донси Труз чуть наклонился к собеседникам: «Жизненный опыт, дражайшая леди, научил меня печальной истине: время течет только в одном направлении! День проходит за днем, и никто из нас не становится моложе. Порой мы откладываем осуществление грандиозных планов только для того, чтобы обнаружить в конце концов, что не успеем их осуществить! Промедление смерти подобно!»

Рассуждения Донси о быстротечности бытия не понравились леди Эстер, предпочитавшей верить, что она не подвержена старению: «Как бы то ни было! И все же я отказываюсь действовать, исходя из мрачных и гнетущих предпосылок! Жажда жизни,

любви и чудесных переживаний сохранится во мне надолго — навечно, если сбудутся мои дерзновенные мечты! И я не желаю принимать во внимание какие-либо возражения!»

Оствольд Сокрой осторожно наклонил голову: «Ваши надежды делают вам честь».

«Благодарю вас!» — леди Эстер обвела взглядом сад сэра Реджиса: «По сути дела, здесь больше нет никого, с кем я хотела бы поговорить. Мирон? Донси? Я готова вернуться домой».

Донси вскочил на ноги и помог леди Эстер подняться из-за стола. Оствольд Сокрой тоже поднялся и поклонился: «Было очень приятно с вами познакомиться. Надеюсь, мы снова встретимся в ближайшее время».

«Вполне возможно. Желаю вам всего наилучшего!» — подхватив под локоть Донси Труза, леди Эстер направилась по газону к сэру Реджису — тот стоял у мраморного портала, приветствуя пару запоздавших гостей. Леди Эстер остановилась, разглядывая новоприбывших: «Донси, кто это такие?»

Взглянув в требуемом направлении, Донси дернул себя за ус: «Боюсь, мне они не знакомы».

«Где-то я видела этого человека, — пробормотала себе под нос леди Эстер. — У него впечатляющая внешность, должна признаться. Его спутница тоже умеет себя показать, хотя такое длинное платье не свидетельствует о хорошем вкусе».

Мирон покосился на карнавальный наряд самой леди Эстер, но решил промолчать. Новоприбывшие явно считались влиятельными персонами. Седой высокий господин выделялся прямотой выправки и решительным выражением лица. Судя по всему, он был намного старше своей спутницы, каковую Мирон находил весьма привлекательной. Ее возраст не поддавался определению с первого взгляда; по мнению Мирона, она выглядела одновременно невинной и умудренной жизнью, что создавало интригующий эффект. Ее светлые курчавые волосы были стянуты сеткой на затылке, а ее кожа, гладкая и золотисто-смуглая, словно излучала здоровье — прекрасная незнакомка явно не пренебрегала спортивными упражнениями под открытым небом. Облегающее длинное белое платье, заслужившее критику со стороны леди Эстер, отличалось главным образом простотой покроя и способностью выгодно демонстрировать элегантность фигуры его обладательницы.

«Мирон, держи себя в руках! — рявкнула леди Эстер. — Ты практически пускаешь слюни и роешь землю копытами!»

«Прошу прощения».

Принудив Мирона к поспешному раскаянию, леди Эстер снова повернулась к опоздавшим гостям. «Хотела бы я знать, кто они такие! — размышляла она вслух. — Этот солидный субъект, насколько я понимаю — человек обеспеченный. Тем не менее, он пресмыкается перед подругой, как неоперившийся юнец. Обычное дело! Так всегда бывает, когда хорошенькой девушке позволяют дважды взглянуть на пожилого мужчину. От всей души надеюсь, Мирон, что к тому времени, когда ты состаришься, ты научишься вести себя с приличествующим твоему возрасту достоинством».

«Непременно! — отозвался Мирон. — Не могу даже вообразить ничего другого — если, конечно, не представится удобный случай забыть о возрасте».

Леди Эстер фыркнула: «Пойдем! Узнаем, кто есть кто!»

Приблизившись к порталу в сопровождении Мирона и Донси, она остановилась: «Реджис! Нам пора идти, хотя вы устроили безукоризненный прием. Мы вам исключительно благодарны».

«Вы меня осчастливили тем, что нашли время здесь появиться! — заявил сэр Реджис Глаксен. — Кстати, позвольте представить вам Джонаса Чея, издателя журнала «Инновационное оздоровление», и леди Бетку Онтвилл, входящую в круг его регулярных корреспондентов. А это леди Эстер Ладжой, в сопровождении Мирона Тэйни и Донси Труза».

«Большая честь с вами познакомиться», — слегка поклонился Джонас Чей.

«Я тоже очень рада нашей встрече», — отозвалась леди Эстер.

4

Леди Эстер позвонила Бетке Онтвилл, занимавшей собственную виллу на краю Ангвинского Верещатника, в сельской пригородной полосе километрах в восьми к югу от Саалу-Сейна. Несколько секунд две женщины оценивали одна другую, глядя на телефонные экраны, после чего леди Эстер изобразила радостное оживление: «Может быть, вы меня помните. Реджис Глаксен познакомил нас, когда вы приехали к нему на вечеринку. Меня зовут Эстер Ладжой».

«Да, я хорошо вас помню — леди с красными волосами и в желтых чулках!»

«Нечто в этом роде, — позволила себе слегка смутиться Эстер Ладжой. — Ваше очаровательное платье произвело на меня большое впечатление простотой, свидетельствующей об изысканном вкусе».

«Благодарю вас. Очень приятно это слышать от такой знаменитости, как вы».

Леди Эстер шаловливо усмехнулась: «Почему бы вы считали меня знаменитостью? Разве что…»

«Сэр Реджис упомянул о том, что вам принадлежит космическая яхта, — спокойно пояснила Бетка Онтвилл. — Надо полагать, благодаря этому обстоятельству вы испытываете чудесное ощущение свободы передвижения».

«Ах да, космическая яхта. В какой-то мере вы правы. Но я получила это судно в качестве возмещения ущерба, по решению суда, и не могу претендовать на звание опытной путешественницы. Я позвонила, однако, по поводу вашей замечательной статьи в журнале Джонаса Чея, посвященной регенерации. Меня очень интересует проблема омоложения тканей».

На несколько секунд наступило молчание, после чего Бетка Онтвилл осторожно произнесла: «Мне известна эта статья. Хотела бы напомнить, что под ней подписалась некая «Серена». По всей видимости, автор желает оставаться в неизвестности».

«Да-да, это понятно. Тем не менее, я хотела бы, чтобы вы отужинали со мной, завтра вечером. Я пришлю за вами машину — обещаю превосходное меню! Кроме того, личность «Серены» ни в коем случае не станет достоянием гласности, ваша тайна под замком».

Наступила еще одна пауза. Наконец госпожа Онтвилл ответила — на этот раз ледяным тоном: «Меня зовут Бетка Онтвилл. Вы делаете совершенно безосновательные допущения, и при этом пытаетесь вторгнуться в мою личную жизнь».

«Даже так? — усмехнулась леди Эстер. — Если мои допущения ошибочны, фактические обстоятельства еще невероятнее, чем они представляются теперь».

«Все это какая-то нелепость! — отрезала Бетка Онтвилл. — Мне больше нечего сказать. А теперь попрошу меня извинить…»

«Один момент! Вашего супруга звали Андрей Онтвилл. В реестре Ботанического колледжа значится профессор Андрей Онтвилл, тридцать пять лет тому назад женившийся на некой Бетке Онтвилл. В высшей степени любопытный факт!»

«Да, и что же?» — сухо спросила госпожа Онтвилл.

Леди Эстер продолжала: «Вы — женщина впечатляющей внешности. Вы носите платья, не скрывающие, а скорее раскрывающие фигуру. Вы держитесь прямо и уверенно, вашей бодрости, вашему здоровью могла бы позавидовать иная школьница, и при этом ваш возраст невозможно угадать! Могут ли существовать две никак не связанные Бетки Онтвилл? Возможно ли, чтобы обе Бетки вышли замуж за человека по имени Андрей и отправились с ним в экспедицию, изучать джунгли далекой планеты? Возможно ли, чтобы оба Андрея погибли в джунглях примерно в одно и то же время? Странно, не правда ли? Все это нельзя считать совпадением — особенно после того, как некая «Серена» опубликовала статью, описывающую процесс ее омоложения на планете Кодайра. Я в замешательстве — точнее говоря, сгораю от любопытства».

Голос Бетки Онтвилл стал хрипловато-резким: «Вы не имеете права совать нос не в свое дело!»

«Чепуха! Ваша статья привлекла внимание публики и сделала вас законной мишенью для любопытства».

«Для того я и подписалась псевдонимом, чтобы не привлекать к себе внимание!» — поспешила возразить госпожа Онтвилл — и тут же поджала губы, осознав, что проговорилась и предоставила хитрой старой ведьме существенное преимущество.

«Не волнуйтесь! — посоветовала леди Эстер. — Независимо от того, что я узна́ю, я не стану трубить об этом на каждом углу. Я нуждаюсь в информации исключительно для того, чтобы использовать ее в моих собственных целях. Я вправе получить эту информацию, и у вас нет никаких оснований жаловаться, так как вы сами решили заворожить читателей намеками и умолчаниями. Вы ведете себя, как девчонка, приводящая парня в состояние эротической лихорадки, а затем возмущенно восклицающая: «Как ты смеешь!»».

«У меня не было таких намерений. Я написала статью только потому, что Джонас Чей посулил мне большую сумму — а я срочно нуждалась в деньгах».

«Какова бы ни была причина ваших действий, последствия одинаковы. Я имею право получить ответы на мои вопросы. Я не становлюсь моложе; недалек тот час, когда мне придется заглянуть за кулисы театра бытия, если можно так выразиться. Я намерена задержать этот момент всеми возможными практическими средствами — в том числе теми, о которых говорится в статье некой Серены».

Бетка Онтвилл невесело рассмеялась: «Вы не одиноки в этом стремлении».

«Как бы то ни было! Во Вселенной есть только одна Эстер Ладжой! Я прокладываю свою неповторимую тропу в диких зарослях жизни и буду сопротивляться превращению в ничто зубами и когтями!»

«Хорошо вас понимаю, но я обязалась хранить тайну и не хотела бы обсуждать конкретные обстоятельства».

Леди Эстер кивнула: «Это не телефонный разговор. Мы побеседуем завтра вечером, в усадьбе Сарбитер».

«Я не могу брать на себя такие обязательства».

«Ну послушайте! — уговаривала ее леди Эстер. — Мы превосходно поужинаем, вы сможете попробовать мои лучшие вина! Никто ничего не узна́ет. И не будет никакой необходимости устраивать сенсацию и переполох в прессе по поводу таинственной «Серены» — что практически неизбежно, если вы мне откажете».

Бетка Онтвилл мрачно встретилась глазами с леди Эстер: «Вы пытаетесь меня

шантажировать?»

«Конечно! — подтвердила леди Эстер. — Вы нашли точное определение происходящему. Но это относительно безболезненный процесс, и я прослежу за тем, чтобы ужин приготовили наилучшим образом».

«У вас нет ни стыда, ни совести», — напряженно выдавила Бетка Онтвилл.

«Ошибаетесь! Вы составили обо мне самое превратное представление! У меня за столом никогда не подадут рейнвейн «Шпанценхаймер» к паштету из воловьих хвостов или цыганскую «Бычью кровь» с копчеными снетками».

«По меньшей мере в этом отношении вы меня обнадежили», — Бетка Онтвилл колебалась, разрываемая противоречивыми эмоциями.

«Превосходно! — невозмутимо заявила леди Эстер. — Я пришлю за вами машину примерно в шесть часов вечера».

5

В условленное время длинный черный лимузин леди Эстер приземлился у виллы Бетки Онтвилл и отвез ее в усадьбу Сарбитер. Встретив гостью на террасе, леди Эстер проводила ее в приятную светлую гостиную с серой и зеленой обшивкой стен и мебели, где камердинер подал им аперитивы и где через некоторое время к ним присоединился Мирон Тэйни.

«Как тебе известно, — сказала ему леди Эстер, — госпожа Онтвилл участвовала в нескольких экспедициях на далекие планеты. К сожалению, ее супруг погиб во время последней из этих поездок». Покосившись на Бетку Онтвилл, она прибавила: «Возможно, я проявила бестактность! Вам трудно вспоминать об этой трагедии?»

Бетка Онтвилл с улыбкой покачала головой: «Это было так давно, что память больше меня не тревожит. Могу рассказать, что случилось — на этот счет у меня нет возражений. Андрей углубился в джунгли километра на полтора и собирал сок железного дерева. Птица, которую там называют «бутылочником», уселась на гроздь стручков, почти на вершине дерева. Десятикилограммовый стручок, состоящий главным образом из железа, сорвался, пролетел тридцать метров и упал бедному Андрею прямо на голову. Он даже не успел понять, что произошло».

«Не самый плохой способ умереть, — заметила леди Эстер. — Но оставим в стороне этот несчастный случай. Вы прожили долгую и достопримечательную жизнь — уверена, что вы можете поделиться тысячами чудесных воспоминаний! Например, на какой планете вы побывали в последней экспедиции?»

Бетка Онтвилл покачала головой: «Это несущественно, и я предпочла бы не останавливаться на этой теме».

«Само собой!» — отступила леди Эстер.

Мирон наблюдал за тем, как дамы обсуждали другие вопросы, нисколько его не интересовавшие. Он сосредоточил внимание на привлекательной внешности госпожи Онтвилл. Сегодня вечером на ней был скромный костюм из мягкой синевато-серой ткани, выгодно оттенявший лицо и не позволявший даже леди Эстер составить неблагоприятное мнение. Сперва Мирон принял ее за очаровательную молодую вдову немногим старше его самого. Ее золотистые кудрявые локоны были собраны в узел на затылке, откуда две светлые пряди спускались на плечи. Гладкая, как застывший крем, кожа путешественницы слегка загорела под лучами далеких солнц. Тем не менее, даже не приглядываясь нарочно, Мирон начинал подмечать почти неуловимые признаки, не вязавшиеся с его первоначальным впечатлением. Например, движения госпожи Онтвилл не отличались гибкостью и

упругостью, свойственными молодости. Когда они только заходили в гостиную, Мирон, пропустивший дам вперед, слегка удивился осторожной подтянутости походки их гостьи — ее суставы словно слегка одеревенели в бедрах и в коленях. Ему пришлось сделать вывод, что госпожа Онтвилл, вопреки ее несомненному очарованию, вовсе не была восхитительным юным созданием, какое пыталась из себя изобразить.

Леди Эстер сдержала слово — роскошный ужин из десяти блюд в сопровождении девяти вин свидетельствовал о намерении хозяйки привести гостью в состояние сонливо-опьяненного насыщения, внушавшего уступчивость и позволявшего выудить интересовавшие старуху сведения. Мирону уже не раз приходилось наблюдать за подобными ухищрениями своей двоюродной бабки.

За десертом леди Эстер стала умолять госпожу Онтвилл рассказать о какой-нибудь из ее любопытнейших экспедиций.

Бетка Онтвилл снова покачала головой и улыбнулась: «Боюсь, мои рассказы вам наскучат. По большей части наша работа носила характер повседневной рутины: сбор, упаковка и перевозка образцов, обустройство временных палаточных лагерей в труднодоступных диких местах — где, как правило, не было почти никакой возможности отдохнуть или чем-нибудь развлечься, потому что там преобладали, мягко говоря, негостеприимные условия. Тем не менее, мы трудились не покладая рук и никогда не жаловались на трудности. Андрей был талантливым ученым и прекрасным человеком — ничто не сможет возместить мне его утрату».

«Не сомневаюсь! — сочувственно отозвалась леди Эстер. — Когда он погиб, вы были далеко от центров цивилизации?»

Госпожа Онтвилл скорбно усмехнулась: «Как раз тогда меня с ним не было. Я проходила курс лечения в местной клинике. Прошла неделя, прежде чем помощник Андрея известил меня о его гибели».

«Какой ужас! И что же вы сделали?»

Бетка Онтвилл пожала плечами: «Мы похоронили Андрея на местном кладбище, а я продолжила курс лечения — раз уж я там оказалась, не было смысла упускать такую возможность». Покосившись на леди Эстер, она снова усмехнулась: «Обо всем, что я говорю, можно догадаться, прочитав мою статью».

Рот леди Эстер покривился, но она промолчала.

«В конце концов я собрала пожитки, оборудование и все наши записи и вернулась на Вермейзен, чтобы отдохнуть, собраться с мыслями и подумать о будущем — чем я и занимаюсь в настоящее время. В какой-то мере я сожалею о том, что написала статью для Джонаса. Может быть, это было неблагоразумно, хотя от предложенной суммы трудно было отказаться — она позволила мне уплатить накопившиеся долги».

На лице леди Эстер отразилось надлежащее смущение, тут же сменившееся озорной улыбкой: «Понимаю, что вы не хотите вдаваться в подробности по поводу курса омоложения, но скажите мне одно: что требуется для того, чтобы попасть в эту клинику и принять участие в программе?»

«Понятия не имею. Доктор сам выбирает пациентов, а он прихотлив и применяет необычные методы».

«Но клиника принимает к рассмотрению какие-нибудь ходатайства?»

Госпожа Онтвилл стала крутить пальцами ножку бокала: «Не думаю, что этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении».

«Не могли бы вы, по меньшей мере, рекомендовать вашему врачу новых пациентов?»

«Нет».

Леди Эстер расчетливо изучала лицо Бетки Онтвилл: «Что ж, мне не подобает вынюхивать чужие секреты — больше не буду задавать вам никаких вопросов».

«Рада это слышать! — отозвалась госпожа Онтвилл. — Мои ответы не вызвали бы у вас ничего, кроме раздражения».

Ужин закончился, и черный лимузин отвез Бетку Онтвилл обратно к ее дому на Ангвинском Верещатнике.

6

Как только лимузин улетел, Мирон собрался было вернуться к себе в комнату, но леди Эстер велела ему остаться. Мирон неохотно опустился в кресло и ждал, пока леди Эстер расхаживала туда-сюда размашистым, почти гусиным шагом. Запустив пальцы в копну темно-рыжих волос, она превратила ее в растрепанные космы. Наконец старуха остановилась и резко повернулась к Мирону: «Так что́ ты думаешь?»

«О чем?» — не понял Мирон.

«Ты слышал, как эта мерзавка изворачивалась, как змея, смазанная маслом! Она явилась с твердым намерением ничего не сообщать. Уплетала ужин за обе щеки, опорожнила последнюю бутылку вина, отрыгнула раза три из вежливости и упорхнула, оставив меня в полном неведении. Ничего, кроме усмешек, уловок и обмана — ты не заметил?»

«Я почти не прислушивался к разговору».

Леди Эстер возмущенно уставилась на него: «Иногда, Мирон, ты невероятно туп! Неужели ты не понимаешь, что она старше меня?»

Мирон пожал плечами и нахмурился: «Да, мне показалось, что она выглядит моложе своих лет».

«В этом отношении, по меньшей мере, ты не ошибся. Бетка вышла замуж за Андрея Онтвилла тридцать пять лет тому назад».

«Она на удивление хорошо сохранилась. Вы считаете, что именно она написала статью под именем Серены?»

«Конечно! Она этого не отрицает!»

Мирон понимающе кивнул: «Значит, курс доктора Максимуса ей действительно помог. На первый взгляд она умудряется производить впечатление молодой женщины».

«А какое впечатление произвожу я? — горестно возопила леди Эстер. — Все говорят, что я излучаю всепобеждающий пыл, перед которым отступает время! Я чувствую в себе упоение юности, оно наполняет каждую частицу моего существа до мозга костей — мой дух, мои самые сокровенные стремления! Донси Труз уверяет, что я танцую по жизни, как нимфа, в вечно весеннем саду воображения!»

«Донси — сладкоречивый льстец».

Эстер Ладжой возобновила возбужденную ходьбу по гостиной. Через некоторое время Мирон зевнул и поднялся на ноги: «Думаю, что мне пора…»

«Сядь, будь так любезен! — рявкнула леди Эстер. — Я сама тебе скажу, когда пора, а когда не пора. Я еще не закончила! Бетка Онтвилл скрывает какую-то тайну, и я имею право знать правду! Почему мне не позволяют участвовать в чудесном преображении? Для этого нет никаких причин, я намерена омолодиться!»

Мирон напряженно молчал, поворачивая голову в такт напоминавшим маятник перемещениям двоюродной бабки.

Остановившись, та снова повернулась к нему: «Ты изучал космологию — на тебя потратили уйму денег, и теперь тебе предстоит применить приобретенные знания на практике. Я хочу, чтобы ты нашел Кодайру».

Мирон рассмеялся и пригладил светлые гладкие волосы: «Дражайшая леди, такой планеты нет! Это плод воображения, выдумка! Как я могу найти то, что не существует?»

«Чепуха! Очевидно только одно: Бетка Онтвилл придумала название «Кодайра». Но планета, как таковая, существует. Я хочу, чтобы ты узнал, как на самом деле называется этот мир, и где он находится».

«Легко сказать! Где его искать? У меня нет ни малейшего представления».

«В твоих руках десятки улик! Профессор Онтвилл был ботаником: ступай в Институт и раскопай все сведения, относящиеся к его последней экспедиции — прежде всего, маршрут его полета и название планеты, на которой он погиб. Невозможно сомневаться в том, что эти факты зарегистрированы. Хотя бы в этом отношении ты со мной согласен?»

«В какой-то степени. Но чем вам помогут такие сведения?»

Леди Эстер рассмеялась, как задорная девчонка: «Неужели ты не понимаешь? А зачем мне, по-твоему, «Глодвин»? Я отправлюсь в космический полет!»

Мирон не удивился: «Это не так просто, как вы думаете».

«Конечно, нет! Но в этом отношении я могу положиться на Донси. Он хорошо разбирается в таких вещах».

«Надеюсь».

Леди Эстер устремила взор в пространство и задумчиво произнесла: «Скорее всего, ты заметил, что в последнее время я провожу много времени в обществе Донси. Разумеется, я немного старше его, но что с того? Наши души редкостно гармонируют; Донси утверждает, что никогда раньше не испытывал ощущение такого единства надежд и стремлений! По его словам, нас ожидают вдохновляющие перспективы. Он отвергает любые сомнения, относящиеся к возрасту, и настаивает на том, что общность интересов и духовная щедрость важнее нескольких быстротечных лет».

«Точнее говоря, нескольких быстротечных десятилетий», — подумал Мирон, но вслух решил задать лишь осторожный вопрос: «Вы серьезно решили связать свою судьбу с этим субъектом?»

Леди Эстер отозвалась задорным девичьим смехом: «Донси — выдающийся джентльмен, привлекательный и образованный. У него безукоризненные манеры; он одевается с поистине космополитической непринужденностью. Да, если он сделает мне предложение, я готова рассмотреть его со всей серьезностью».

«Любопытно!» — подумал Мирон; случайно приобретенная им информация о господине Трузе не соответствовала такому описанию.

Мирон поднялся на ноги: «Мне пора спать. Завтра я займусь экспедициями Онтвилла».

На следующий день, за ужином, леди Эстер поинтересовалась: «Мирон, тебе удалось что-нибудь узнать?»

«У меня начинает складываться общее представление».

«И ты сможешь получить конкретные сведения?»

«Судя по всему, смогу».

Леди Эстер одобрительно кивнула: «У меня тоже хорошие новости! Донси всецело предоставил себя в мое распоряжение. Он наймет команду опытных специалистов,

способных безошибочно управлять «Глодвином». Число членов экипажа будет минимальным. Нас не будут сопровождать никакие праздные пассажиры или дилетанты. Донси возьмет на себя роль капитана и навигатора, но я сохраню, по шутливому выражению Донси, неограниченные полномочия «самодержавной высшей инстанции». Он настаивает на таком распределении обязанностей, и я согласилась с тем, что мы не будем отступать от этих правил».

«Тем не менее, принимая во внимание все обстоятельства, для меня тоже должно найтись какое-то место на борту! — возразил Мирон. — Я не инвалид и не кретин».

Леди Эстер рассмеялась: «Верно, верно! Ты уже подрос, неплохо выглядишь и закончил курс космологии. Но решение этого вопроса зависит от Донси — набором команды заведует он».

Послышались шаги — кто-то заходил в усадьбу. Леди Эстер повернулась и прислушалась: «Это Донси — он уже здесь. Отведи его в сторону и предложи свою кандидатуру».

«Сейчас же так и сделаю!» — Мирон покинул гостиную и обратился к Трузу, уже снимавшему плащ в фойе: «Насколько я понимаю, вы взяли на себя выбор команды «Глодвина»».

Донси задержался, не отпуская плащ, уже почти висевший на крючке, и свысока взглянул на Мирона; его усики, аккуратно подстриженные по-военному, ощетинились: «Так оно и есть».

«Леди Эстер говорит, что, если я хочу найти место на борту, мне следует просить об этом у вас. Вам наверняка известно, что в Институте я закончил специализированный курс космологии».

Донси улыбнулся и покачал головой: «Не получится, дружище. Я уже заполнил все вакансии квалифицированным персоналом, для тебя просто не осталось места. Очень сожалею — и так далее — но так обстоит дело».

Леди Эстер уже стояла в дверном проеме гостиной. Донси обернулся: «А, вот и вы, моя дорогая! Я только что объяснил Мирону, что экипаж «Глодвина» уже полностью укомплектован опытным персоналом». Снова повернувшись к Мирону, он прибавил: «Мы рассматриваем этот полет как рабочую экспедицию и не можем развлекать пассажиров».

Леди Эстер постаралась утешить Мирона: «Как-нибудь в другой раз, когда у нас не будет таких серьезных намерений».

«Да-да, само собой, — откликнулся Мирон. — Жизнь идет своим чередом».

Леди Эстер окинула юного родственника проницательным взором: «Ты подозрительно равнодушен. Надеюсь, ты все еще занимаешься последней экспедицией Онтвиллов?»

«Разумеется. Я уже раздобыл самую существенную информацию. По сути дела, я даже увлекся — меня заинтриговал один второстепенный вопрос».

«Помилуй, Мирон! Меня не интересуют второстепенные вопросы. Будь так добр, сообщи мне вкратце все, что тебе удалось узнать — сию минуту!»

«Еще не время. Остается уточнить пару фактических обстоятельств», — Мирон направился к выходу.

Леди Эстер резко остановила его: «Куда ты собрался?»

Мирон ответил неопределенным жестом: «Э-э… никуда, в сущности. Нужно закончить кое-какие дела».

Мирон удалился из усадьбы Сарбитер, сопровождаемый неодобрительным взором леди

Эстер. «Мирон ведет себя как-то странно, — сообщила она Донси Трузу. — Вам так не кажется?»

Донси отозвался грубоватым смешком: «Я почти не замечаю Мирона. Не сомневаюсь, что у него самые лучшие намерения, но, по-моему, он в какой-то мере растяпа и размазня».

«Хм! Не уверена, что это так. Мирон приводит меня в замешательство. Он часто кажется мечтательным и даже рассеянным, но у него явно недюжинный интеллект».

«Возможно, — Донси отказывался обсуждать Мирона Тэйни. — У меня хорошие новости! Вся команда нанята — все, как один, матерые космические волки. Через два-три дня они соберутся и будут готовы к вылету».

«Я хотела бы с ними встретиться как можно скорее. Не могли бы вы привести их сюда, в мою усадьбу».

«Конечно, могу. Я все организую и обо всем сообщу».

«Вот и замечательно».

Прошло два дня; все это время Мирон сторонился усадьбы Сарбитер — леди Эстер начинала тревожиться. Со стороны Мирона нехорошо было проявлять такую уклончивость! Ведь он прекрасно знал, что она отчаянно нуждалась в самых подробных сведениях — хотя бы для того, чтобы успокоить нервы. Он просто издевался над своей покровительницей, не находившей себе места от нетерпения: взбалмошный юнец, вечно считающий ворон! Следовало поблагодарить судьбу за Донси Труза, надежного, как тихая гавань в бурю. Смелый и решительный, настоящий джентльмен, он не придавал никакого значения разнице в возрасте. Проницательная чувствительность позволяла Донси заглянуть в самую глубину ее внутренней сущности — духовной сущности, жаждущей истинного понимания, не говоря уже о позывах к более непосредственным радостям жизни! Донси: драгоценность, сокровище, нерушимая опора! Она могла положиться на Донси, он был достоин ее доверия.

7

Утром третьего дня Мирон позвонил в усадьбу Сарбитер. Леди Эстер задыхалась от раздражения. «Так что же, Мирон? — выдавила она. — Ты куда-то пропал, а мы сгораем от любопытства! Нас ожидают эпохальные события — как долго ты намерен томить меня в полном неведении? Где ты? Мне нужно поговорить с тобой сейчас же, потому что сегодня вечером ко мне явится команда «Глодвина». Если я не смогу даже намекнуть им, куда мы полетим, я буду чувствовать себя последней дурой».

«О, не беспокойтесь по этому поводу! Пункт назначения вашего полета существует — более того, я уже несколько дней располагаю этой информацией».

Голос леди Эстер срывался — она с трудом заставляла себя говорить связно: «Тогда почему ты не выполнил прямую обязанность и не сообщил мне эти сведения?»

«Сегодня мы обсудим этот вопрос за обедом, и все станет ясно».

«Ничего подобного! Выбрось обед из головы! — рявкнула леди Эстер. — Сию минуту, будь так любезен, расскажи мне все, что тебе удалось узнать!»

«Сожалею, но еще не время. Вам известна площадь Флуари, к северу от Старого Рынка?»

Лицо леди Эстер надменно вытянулось: «Предпочитаю не бывать в этой части города».

«Сегодня вам придется сделать исключение. Жду вас ровно в полдень под башенными часами Банджера».

Леди Эстер энергично протестовала: «Это совершенно ни к чему! Не понимаю, зачем

ты предъявляешь такие требования!»

«Я все подробно объясню, когда мы встретимся».

«Мирон, не будь такой занудой! Квартал площади Флуари — пристанище всевозможного подозрительного сброда, а я стараюсь не нарываться на неприятности. Что за глупости? Что ты придумал?»

«Все очень просто. Я уже заказал столик в ресторане неподалеку».

«Что ж, будь по-твоему! Смотри, не опаздывай!»

Мирон прибыл в назначенное место за десять минут до полудня — леди Эстер уже расхаживала туда-сюда под башенными часами. По такому случаю она выбрала один из своих самых впечатляющих нарядов: зеленую накидку, широко расходящуюся в бедрах, и просторные шаровары в зеленую, голубую и черную полоску, заправленные в сапожки из малиновой кожи. Шляпка из серебряной сетки сдерживала ее гнедую шевелюру и служила креплением высокому плюмажу из зеленых перьев — перья покачивались на каждом шагу и роскошно развевались, когда леди Эстер очередной раз поворачивалась на каблуках. Заметив приближение Мирона, она резко остановилась и приветствовала его хриплым пронзительным возгласом: «Наконец ты явился! Почему ты заставляешь меня так долго ждать?»

«Совсем не долго. До полудня еще пять минут».

«Неважно! Все это сплошная чепуха. Уважающие себя люди в этом районе не показываются. И я не вижу поблизости ни одного приличного ресторана! Вижу только порнографическое варьете и собачью парикмахерскую. Там, дальше, лавка, торгующая экзотическими травами и вегетарианскими пилюлями. А здесь какое-то непонятное заведение — что это такое?»

«Это клуб «Кит-Кэт» — подвальное кабаре, модное среди представителей авангарда. Но пойдемте — наш стол не будет пустовать вечно».

Мирон сопроводил двоюродную бабку по узкому переулку, ведущему с площади Флуари к речным причалам. Леди Эстер жаловалась всю дорогу: «Куда ты меня ведешь? Я не люблю эксцентричных излишеств! Здесь все вокруг какое-то убогое и неопрятное».

Мирон указал на вывеску, гласившую:

«ЦЫГАНСКАЯ ЖАРОВНЯ ЗАМСКОГО».

«Мы идем сюда. Это достаточно приличное заведение, хотя среди его посетителей попадаются нетрадиционные личности — такие, как вы».

Леди Эстер была польщена таким определением ее характера. «Ладно, — уступила она. — Не могу отрицать, что время от времени позволяю себе безумства. Я обожаю жизнь! Надо полагать, кое-какие чопорные чучела огородные считают, что я не соблюдаю ортодоксальный этикет. В каком-то смысле это даже комплимент! Боюсь, что тебя, с твоей почти патологической приверженностью к нравственным устоям, никто никогда не назовет нетрадиционной личностью».

Мирон пожал плечами: «Каждому свое».

Они зашли в ресторан и очутились в шумном обеденном зале с высоким потолком и стенами, обклеенными театральными афишами. Официант провел их на открытую террасу, выходящую на реку Чайм, и усадил за столом сбоку, в тени густой листвы лукантуса. Взглянув по сторонам, Мирон заметил, что за столом у перил террасы, как обычно,

закусывала знакомая парочка.

В целом, леди Эстер осталась довольна тем, что увидела. Каждый из столов, накрытых нарядными скатертями в красную, зеленую или синюю клетку, украшала ваза со свежими цветами. Ей пришлось неохотно признать, что ресторан, по меньшей мере не первый взгляд, выглядел привлекательно: «Тем не менее, почему нас посадили здесь, в тесном углу под каким-то кустом? Разве нет других свободных столиков? Не забывай: я — солнечное создание! Не могу существовать без света, свежего воздуха, открытых пространств! Можно было бы ожидать, что ты успел привыкнуть к моим причудам и учитывать их!»

«Так как я не договаривался заранее, сегодня мне не смогли предложить ничего лучшего. Другие столы зарезервированы для регулярных посетителей. Вы проголодались? Вот меню. Их фирменное блюдо — отбивная под соусом из тертой мандрагоры. Гуляш очень неплох, и фаршированная каракатица тоже».

Леди Эстер небрежно отбросила меню: «Пусть мне подадут салат и пареных угрей с поджаристыми хлебцами. Можешь заказать бутыль хорошего вина».

Официант принял заказ. Мирон поглядывал на парочку, сидевшую у перил — их легкий обед уже подходил к концу.

«А теперь рассказывай! — приказала леди Эстер. — Мое терпение истощилось. Что ты узнал об экспедиции Онтвиллов?»

«Хорошо. Я зашел в ботаническую библиотеку и просмотрел их записи. Мне удалось найти предложение профессора Онтвилла о финансировании его последней экспедиции, содержавшее расписание выполнения работ и подробное описание маршрута. Кроме того, я просмотрел отчет об обстоятельствах, в которых он погиб. Действительно, профессор был убит десятикилограммовым стручком железного дерева — стручок упал с тридцатиметровой высоты и размозжил ему череп».

Мирон продолжал поглядывать на террасу. Теперь интересовавшие его мужчина и женщина пили чай, все еще погруженные в беседу. Мужчина сидел спиной к Мирону и леди Эстер, лица его не было видно. Молодая женщина выглядела немногим старше Мирона. Она носила темно-серую блузу, застегнутую почти до шеи, и брюки из мягкой светло-розовой ткани, плотно облегавшие ее стройные ноги. Красивые, длинные рыжевато-каштановые волосы выгодно оттеняли деликатные черты ее лица. Она сидела, расслабившись в томной позе под яркими солнечными лучами, полуприкрыв глаза темными ресницами и растянув губы в непроизвольной улыбке — так, словно все в этой жизни делало ее счастливой и казалось ей забавным. Мужчина наклонился к ней, взял ее за руки и сделал какое-то серьезное замечание. Откинув голову назад, женщина рассмеялась — очевидно, теперь мир представлялся ей забавнее, чем когда-либо.

«Продолжай, Мирон! — потребовала леди Эстер. — Не затягивай рассказ, чтобы произвести драматический эффект».

«Как вам будет угодно. Профессор Онтвилл погиб на планете Нахариус в системе GGP 922 сектора Девы. Судя по всему, госпожа Бетка Онтвилл проходила курс омоложения в местной клинике на этой планете».

«Хммф! Этих сведений может быть достаточно. На что ты все время заглядываешься?», — леди Эстер обернулась через плечо, следуя направлению взгляда Мирона. Мужчина за столом напротив поднял руку женщины к губам и нежно поцеловал ее пальцы. Наклонив голову, женщина тихо произнесла несколько слов. Мужчина вздохнул и посмотрел на часы — по-видимому, им пора было уходить. Мужчина шутливо зарычал и

слегка укусил подругу за запястье, как раздраженная собака. Женщина рассмеялась, отдернула руку и сделала вид, что собирается запустить ему в лицо скомканной салфеткой. Он снова схватил ее за руку и притворился, что грызет костяшки ее пальцев. Женщина вскочила на ноги, уронив салфетку на стол — игра закончилась. Глубоко вздохнув, мужчина тоже встал, и любовники стали осторожно пробираться между столиками к выходу. Теперь можно было хорошо рассмотреть лицо мужчины — самодовольно-благодушное, с аккуратно подстриженными щетинистыми усиками: лицо Донси Труза.

Леди Эстер издала нечленораздельный звук — то ли ахнула, то ли крякнула. У нее отвисла челюсть. Она хотела позвать Донси, но не смогла. Слова, застрявшие в горле, душили ее.

Тем временем Труз и его спутница покинули террасу.

Наконец леди Эстер обрела дар речи: «Это был Донси! Догони, верни его!»

Мирон покачал головой: «Это было бы нетактично. Донси и его подруга заняты личными делами».

«Нет-нет, догони его! — хрипела старуха. — Узнай, как зовут эту женщину!»

«В расспросах нет необходимости, — возразил Мирон. — Ее зовут Вита Палас — по меньшей мере, под этим именем она выступает в кабаре. В кабаре клуба «Кит-Кэт». Того самого, что на площади Флуари. Именно там Донси с ней познакомился, когда она исполняла канкан в комической бурлеске «Капитан Сукин Сын и Королева Пиратов». Надо полагать, навыки капитана космической яхты Донси приобрел в этом варьете».

Леди Эстер уставилась на Мирона горящими черными глазами: «Вот зачем ты меня сюда привел! И как давно ты узнал об этой интрижке?»

Мирон задумался: «Предпочел бы, чтобы вы нашли другое объяснение моим действиям».

«И какое же?»

«Так как Донси и его подруга приходят в этот ресторан практически ежедневно, я допустил, что вам придутся по вкусу кулинарные шедевры Замского».

«Да уж, я получила редкое удовольствие! — яростно отозвалась леди Эстер. — Пойдем отсюда, не задерживайся».

«Подождите! Я еще даже не попробовал судачков под шубой. Кроме того, я заказал на десерт ромовую бабу, для вас и для себя».

«Забудь про судачков! К дьяволу ромовую бабу! Сегодня вечером Донси приведет свою команду ко мне в усадьбу. Я хочу, чтобы ты был под рукой — на тот случай, если он попробует притворяться невинным простачком. Никогда еще никто не злоупотреблял моим доверием так подло, как этот прохвост! Предатель, чудовище!»

8

Не солоно хлебавши в ресторане, Мирон и леди Эстер решили поужинать пораньше — в алькове у высокого окна, откуда открывалась далекая перспектива до западного горизонта, где заходящее солнце озаряло низкую гряду облаков десятками мрачноватых оттенков — в том числе переливчатых зеленых и голубых, характерных для Вермейзена и приводивших метеорологов в замешательство своей необъяснимостью.

Молодой человек и его двоюродная бабка ели молча. Леди Эстер попробовала персик и раздраженно играла вилкой с сарделькой, приправленной трюфелями. Мирон подкреплялся более существенно, поглощая жаркое-ассорти и ризотто с кедровыми орешками и шафраном.

Отказавшись от десерта, леди Эстер сидела, сжимая пальцами обеих рук чашку с чаем,

тогда как Мирон невозмутимо приступил к уничтожению абрикосового пирожного. Небо темнело за окном; ближе к зениту уже сверкало яркое созвездие, получившее на Вермейзене прозвище «Единорога».

Леди Эстер бросила салфетку на стол: «Пойдем! Через десять минут заявится команда «Глодвина» под предводительством прохиндея Труза».

Но она не спешила вставать: «Мне нечего стыдиться. Труз умеет себя подать и выдвигает убедительные доводы. Конечно, он всему найдет объяснение и будет исключительно красноречив в своем раскаянии. Но теперь я вижу его насквозь: Донси — беззастенчивый позер, не говоря уже о его смехотворных усиках! И все же, что мне остается? Если он искренне извинится и осознает свою вину, как я могу его не простить? Увы, я наивна, как школьница, и никогда не умела твердо отказывать ухажерам. Что ж, посмотрим! Боюсь, что не смогу сдержать сочувствие, если он честно и смущенно признается в обмане. Обвинять легко — но еще легче прощать. В глубине души я — бескорыстная женщина, щедрая и неспособная не проявить отзывчивость. Какой позор, однако! Как он посмел уделить даже толику внимания этой пустоголовой потаскухе, когда он мог пользоваться всеми преимуществами духовной близости со мной, Эстер Ладжой! Это просто не поддается пониманию!»

Физиономия Мирона выражала сомнение. Он начал было говорить, но осекся.

Несмотря на отчаяние и раздражение, леди Эстер не потеряла привычную наблюдательность: «Ты хотел что-то сказать, Мирон? Было бы любопытно узнать, что́ ты думаешь».

Подняв брови, Мирон взглянул на потолок: «Я всего лишь хотел заметить, что ваши инстинкты помогут вам распутать этот клубок эмоций».

«Вот еще! — пробормотала леди Эстер. — Твои расплывчатые наблюдения никогда не утешают». Она поднялась на ноги: «Будь так любезен, подожди их в гостиной. Мне нужно освежиться, я скоро к тебе присоединюсь». Она помолчала: «Донси и команда яхты прибудут с минуту на минуту. Попроси Генри подать им выпивку по вкусу. Мне нужно успокоиться».

Мирон задумчиво направился в гостиную. Налив себе стаканчик лучшего коньяка «Фругола», он встал у пылающего камина.

Через пять минут в дверном проеме появился дворецкий Генри. Он церемонно произнес, лишь некоторой гнусавостью тона подчеркивая свое отвращение к происходящему: «Господин Труз прибыл с компанией друзей. Он утверждает, что их ожидают».

«Что поделаешь? Проведите их сюда и дайте им что-нибудь выпить — из обычного набора, разумеется».

«Разумеется, господин Тэйни».

Донси зашел в гостиную; за ним последовали шесть человек — все в типичной одежде астронавтов, неизменной во всех концах Ойкумены. Донси, однако, облачился в униформу, подобную тем, какие любили носить офицеры роскошных пассажирских пакетботов, и состоявшую из темно-синего пиджака с нашивками и блестящими бронзовыми пуговицами, серых выглаженных брюк и мягкой белой фуражки. Посмотрев по сторонам, Донси спросил: «Где же леди Эстер?»

«Она скоро придет. Не хотите ли выпить? Генри приготовит вам напитки по вкусу».

Дворецкий выполнил указания гостей. Донси обратился к Мирону: «Вот наша команда

— отличные специалисты. Здесь у нас первый помощник капитана, с ним повар и старший стюард — а также пара техников и помощники стюарда. Вполне достаточно для «Глодвина», насколько я понимаю».

Мирон вежливо поздоровался с присутствующими и сказал: «Леди Эстер потребует, чтобы вы представили свои рекомендации. Надеюсь, вы взяли их с собой?»

Донси Труз резко вмешался: «Не беспокойся — я обо всем позаботился».

Мирон усмехнулся — прищурившись, Донси бросил на него пронзительный взгляд, но не успел ничего сказать: Мирон уже отвернулся, чтобы налить себе еще коньяку.

Прошло несколько минут. Наконец показалась леди Эстер. Она переоделась в темно-красную блузу с короткими рукавами поверх развевающегося длинного платья в желтую, красную и черную полоску, а шевелюра ее была повязана темно-красной широкой лентой.

Донси шагнул ей навстречу и галантно приподнял фуражку: «А, моя дражайшая леди! Вы наконец почтили нас своим вниманием — и, должен сказать, вы сногсшибательно выглядите в этом чудесном платье!»

Леди Эстер стояла неподвижно, как столб, переводя взгляд с лица на лицо. Она покосилась и на Мирона — тот скорчил смущенную гримасу.

Донси продолжал: «Вот наша команда. Все — специалисты высшей квалификации. Позвольте представить вам помощника капитана Этвина и главного механика Фёрта. Алоис де Грасси — наш повар, а с ним — Вита Палас, она будет выполнять обязанности стюарда. Далее…»

Леди Эстер проговорила низким густым голосом, полным готовых взорваться эмоций: «Донси, не могу найти слов, чтобы выразить свои чувства. Ты — отвратительное насекомое, прячущееся от солнечного света под заплесневелым камнем. Ты пытаешься протащить свою шлюху на борт моей космической яхты — у меня под носом! Это невероятное оскорбление — меня разбирает смех и в то же время тошнит! Твоя низость безгранична — даже воздух в моей гостиной наполнился вонью твоей разлагающейся душонки!»

Донси притворился ошарашенным: «Не понимаю, какое…»

«Молчать!» — рявкнула леди Эстер. Повернувшись на каблуках, она смерила взглядом с головы до ног Виту Палас, с безукоризненной скромностью одевшуюся в серую юбку, бежевую блузу, полуботинки и небольшую белую шапочку, под которой она уложила заплетенные косой тонкие светло-коричневые волосы. «Змея подколодная! — ласково сказала ей леди Эстер. — С нравственными представлениями бродячей кошки. Возможно, ты не проститутка — но кто и как подтвердит, что это не так?»

«Постойте-ка, постойте! — взорвалась Вита Палас. — С чего это вы взялись меня поносить? Взгляните на себя — трухлявое чучело, выкрашенное охрой! Знаю я вас, набитых деньгами старых нимфоманок! Дребезжащий скелет, пропитанный желчью и завернутый в морщинистый пергамент! Твои-то нравственные представления давно смыло в канализацию — окружила себя танцующими альфонсами да сутенерами и вообразила невесть что! Не смей меня оскорблять, а не то сорву парик с лысины и заявлю во всеуслышание, что я на самом деле про тебя думаю! Ох, тебе это не понравится — весь твой кривой длинный клюв посинеет!»

Леди Эстер повернулась к дворецкому: «Генри, выдворите Донси и эту потаскуху из моего дома! Если они попробуют сопротивляться, подозреваю, что Мирон с удовольствием надает им по шее. Не правда ли, Мирон?»

«Думаю, они сами уберутся подобру-поздорову, — примирительно отозвался Мирон. —

Кстати, не забудьте выгнать двух помощников стюарда — это комические танцоры из клуба «Кит-Кэт»».

Донси подал знак Вите Палас: «Пойдем! Оставаться здесь значило бы унижать наше достоинство. Старуха явно спятила».

«Один момент! — звенящим голосом остановила их леди Эстер. — Хочу, чтобы вы знали о моем решении». Повернувшись к Мирону, она спросила: «Насколько мне известно, ты закончил курс космологии и знаешь Ойкумену вдоль и поперек?»

«В какой-то мере это так», — неуверенно подтвердил Мирон.

«Можешь ли ты проложить курс «Глодвина»?»

«Несомненно — постольку, поскольку автопилот исправно функционирует».

«Прекрасно! — заявила леди Эстер. — Я назначаю тебя капитаном «Глодвина». Сделай все необходимые приготовления к полету». И снова она вихрем повернулась лицом к Донси Трузу: «Вот так! Что ты об этом думаешь, неблагодарный изменник?»

Донси дернул себя за ус: «Я всегда думал и продолжаю думать, что вы — взбалмошная старуха, слегка не в своем уме».

«Генри, вышвырните их вон!»

«Будьте любезны, следуйте за мной», — церемонно поклонившись, сказал Трузу дворецкий.

«А как же мы? — возмутился главный механик. — Этот тип, Труз, нанял нас по списку, вывешенному в космопорте».

«Передайте Генри свои адреса и телефонные номера; кроме того, оставьте у меня рекомендации — если они вам не понадобятся до завтрашнего дня. Я просмотрю их утром. Спокойной ночи».

Астронавты удалились вслед за Трузом и его друзьями. Леди Эстер и Мирон остались в гостиной одни.

«А теперь, Мирон, — сказала леди Эстер, — слушай меня внимательно. Тебе предстоит управлять «Глодвином» — так, чтобы я чувствовала себя удобно, чтобы меня ничто не раздражало, чтобы я была в безопасности. Я хотела бы, чтобы мое путешествие было приятным».

«Надеюсь, так оно и будет», — осторожно ответил Мирон.

«Очень хорошо. Что ж, теперь ты капитан — то есть олицетворение власти. Тебе больше не подобает бесцельно шляться по углам и подсматривать в замочные скважины. Научись держаться как следует! Расправь плечи! Говори громко и разборчиво! Кроме того, тебе придется самостоятельно принимать решения — не хочу, чтобы мне докучали бесконечными заботами и жалобами. Ты — капитан, по мере необходимости проявляй твердость. У тебя в руках будет настоящая власть — пользуйся полномочиями бескомпромиссно и ни перед кем не извиняйся. Ты все понимаешь?»

«О да, все это ясно и понятно».

«Гм! В тебе не заметно никаких признаков воодушевления», — заметила леди Эстер.

Мирон отозвался нервным смешком: «Обязанности капитана связаны с определенными трудностями. Мне придется подумать о том, как их преодолеть».

«Хммф! — леди Эстер пожала плечами. — Постольку, поскольку мы прибудем в пункт назначения, и по пути я не умру от скуки и неподвижности, у нас не должно быть никаких особенных затруднений. И, само собой, в свое время я хотела бы вернуться в усадьбу Сарбитер в целости и сохранности, а также — надеюсь — полная энергии, надежд и новых

впечатлений, даже если с омоложением ничего не получится».

«Нам предстоит любопытное путешествие», — сказал Мирон.

~

Глава 2

Вылетев из космопорта Саалу-Сейна, «Глодвин» пронзил облака и вырвался в космос. За кормой всплыло солнце Вермейзена — Дианте.

Леди Эстер наблюдала за тем, как Вермейзен превращался в небольшой диск, а затем — в святящуюся точку. Глубоко вздохнув, она отвернулась от иллюминатора: «Когда видишь, как твоя родная планета и твое солнце пропадают в бесконечном пространстве, возникает ощущение одиночества и необратимости. Не могу даже выразить свои чувства».

Мирон ответил с тяжеловесной важностью, каковую он невольно напустил на себя под бременем капитанских полномочий и под влиянием капитанской униформы: «Вам следовало бы наслаждаться удобствами чудесной космической яхты, надежно защищающей вас от вакуума — так же, как парусная яхта предотвращает погружение в темную бездну океана».

Леди Эстер словно не слышала его: «Когда мы смотрим на закат, трагедия наступления темноты сменяется уверенностью в том, что завтра снова взойдет солнце. А теперь мне кажется, что впереди — только мрак пустоты, на веки вечные…»

Мирон заставил себя рассмеяться: «К чему такая гнетущая символика? Смотрите, вот диван! Садитесь, устраивайтесь поудобнее. Я попрошу стюарда принести аперитивы».

«По меньшей мере, это конструктивный подход, — согласилась владелица яхты. — А как мы узна́ем, что наступило время ужинать?»

«Все очень просто. Бортовые часы показывают то же время суток, что и в Саалу-Сейне, и мы будем придерживаться этого времени, пока не появится какая-нибудь причина для изменения расписания. Таким образом, обед подадут примерно через час».

Леди Эстер кивнула: «Хотя бы это нас немного развлечет».

Мирон хотел было ответить, но решил промолчать.

Обед подали в главном салоне — леди Эстер находила относительно простую судовую кухню скучноватой. После еды Мирон объяснил повару Алоису, что леди Эстер нуждалась в более изощренном меню из нескольких блюд — хотя бы для того, чтобы развеять скуку, навязанную монотонностью жизни на борту звездолета.

«Так тому и быть! — заявил Алоис. — Блюда будут подаваться в классической последовательности! Она познает все величие моего искусства!»

«Замечательно! — отозвался Мирон. — По меньшей мере, одна проблема решена».

Леди Эстер не любила читать, в связи с чем Мирону пришлось играть с ней в карты и в триктрак, причем леди Эстер настояла на том, чтобы они делали довольно-таки существенные ставки. Мирон возражал бы против этого условия, если бы ему не удавалось выигрывать так же часто, как проигрывать. Через некоторое время навыки Мирона отточились, он стал постоянно выигрывать, и леди Эстер потеряла интерес к азартным развлечениям.

Полет продолжался. Леди Эстер обнаружила, что у нее было гораздо больше свободного времени, чем обычно, а это никак не вязалось с ее непоседливым темпераментом. Она капризничала: «В самом деле, Мирон, я не представляла себе, что космический полет может быть таким невыносимо скучным! Мне нечего делать, я только и делаю, что ем и сплю! Расписание никогда не меняется. Кажется, я уже впадаю в кататоническое состояние».

Проявляя такт и деликатность, Мирон пытался относиться к ее жалобам с чувством

юмора: «Многим нравится бездействие. Покой дает время собраться с мыслями. Некоторые учатся играть на музыкальных инструментах. Кстати, я припоминаю, что где-то в шкафу у нас завалялся аккордеон».

Леди Эстер поджала губы: «Мирон, иногда тебе в голову приходят на удивление идиотские идеи. Кажется, это называют «бафосом»».

«Не совсем так. «Бафосом» называют попытку придать нелепости чрезмерное или возвышенное значение. Хотя, пожалуй, предложив вам учиться играть на аккордеоне, я позволил разыграться своему воображению».

Леди Эстер его не слушала. Она задумчиво произнесла: «Донси — неблагодарное чудовище и бесстыдный обманщик, ему нет прощения. Тем не менее, несмотря на все, он умел меня развлекать. Не могу сказать, что сожалею о том, что изгнала его из моей жизни, но, если бы он оказался здесь, он немедленно принял бы меры к тому, чтобы развеять мою скуку».

«Насколько я помню, он назвал вас взбалмошной старухой».

Леди Эстер печально улыбнулась: «Так оно и было. Но он это сказал в приступе раздражения. Ладно! Так или иначе, думаю, что мне не помешала бы компания нескольких веселых гостей. В данный момент «Глодвин» — вместилище социального вакуума в космическом вакууме. В самом деле, Мирон, ты мог бы предусмотреть возникновение такой проблемы».

«Не возлагайте вину на меня! — возмутился Мирон. — Вы сами настояли на том, чтобы не было никаких пассажиров — на том основании, что они стали бы действовать вам на нервы. Вы обозвали их оппортунистами! Вы сказали, что вам больше всего на свете хочется спокойно отдохнуть. А теперь, когда вы можете отдыхать сколько угодно, вам хочется чего-то другого».

«Отдых и безмозглая апатия — разные вещи! — с достоинством ответила леди Эстер. — Ты приписываешь мне намерения, которых у меня не было».

«Ничего подобного! Я всего лишь хочу напомнить о действительности прежде, чем меня распнут или сожгут заживо».

«Вот именно, Мирон, на забывай о действительности. Ты давно уже восхвалял радости и романтику космических странствий. И вот я здесь, посреди бесконечной пустоты, и спрашиваю себя: где же эти радости? Где романтика?»

Мирон указал на иллюминатор: «Взгляните на звезды! Смотрите, как они проплывают мимо. Разве это не самое романтическое зрелище из всех возможных?»

Леди Эстер поежилась: «Звезды страшно далеко. Космос полон молчаливого мрака. Там, в вечной темноте, в вечном холоде, блуждают и беззвучно страдают души умерших».

«Чепуха! — фыркнул Мирон. — Ничего такого там нет! Подойдите, взгляните сами!»

Леди Эстер упрямо трясла головой: «Если я туда посмотрю, а оттуда на меня уставится пучеглазое исчадие ада, бормочущее и корчащее рожи, я начну визжать и никогда не перестану».

Мирон опасливо покосился на иллюминатор: «Странная, зловещая мысль!»

Леди Эстер опустилась в одно из кресел: «Принеси «Фруголу», налей нам по стаканчику. А потом садись — я хотела бы, чтобы ты кое-что мне объяснил».

Мирон налил коньяку и осторожно присел: «Да? Что нуждается в объяснении?»

«Все очень просто. Насколько я понимаю, тебе известен наш пункт назначения?»

«Несомненно. Мы летим к Нахариусу».

«И тебе известны точные космические координаты этой планеты?»

«Да, известны».

«Кроме того, ты мог бы заставить двигатели перемещать эту яхту с огромной скоростью — гораздо быстрее, чем она движется сейчас, не так ли?»

«И да, и нет. Это сложный компромисс, рассчитанный автопилотом. Чем медленнее мы летим, тем точнее прокладывается курс. Мы вполне могли бы лететь в сто раз быстрее, но по возвращении в обычное пространство звездолет мог бы оказаться где угодно, и только по счастливой случайности — поблизости от Нахариуса. Неизбежная неопределенность принципов функционирования гиперпространственных двигателей делает очень высокие скорости практически нецелесообразными. Автопилот рассчитывает оптимальное соотношение, а продолжительность космических полетов, как правило, всех устраивает».

«Эта система нуждается в усовершенствовании!» — заявила леди Эстер и жестом дала понять, что желает еще коньяку.

«Вы уверены в том, что вам не хватит? — спросил Мирон. — Вам пора одеваться к ужину».

Леди Эстер застонала и нахмурилась: «Иногда, Мирон, ты ужасно надоедлив». Она выбралась из кресла: «Действительно, мне пора переодеться. Сегодня вечером на мне будет зеленый и алый костюм в стиле «фанданго» — это меня утешит, и мы великолепно поужинаем!»

«Прекрасная мысль!» — не слишком убежденно отозвался Мирон.

На следующий день леди Эстер завтракала у себя в каюте. Мирон не видел старуху несколько часов, после чего обнаружил ее в рубке управления — владелица яхты была увлечена разговором с первым помощником.

«Ага, Мирон! — воскликнула леди Эстер, заметив двоюродного внука. — Наконец ты соблаговолил появиться! Первый помощник и я просматривали навигационные карты и заметили, что неподалеку, чуть в стороне от нашего курса, есть населенный мир под наименованием «Заволок». А его солнце… — она повернулась к помощнику капитана. — Как называется эта звезда?»

Первый помощник нажал кнопку, и на экране засветилась схема: «Звезда Модвелла, система JN-44 в секторе Льва. Вот она, капитан! Пятая планета — Заволок!»

Леди Эстер деловито произнесла тоном, не допускающим возражений: «Мирон, мы приземлимся в космопорте Заволока, так как я хочу немного размяться — и, может быть, найдем какое-нибудь местное празднество, какую-нибудь ярмарку, где будут играть веселую музыку и устраивать развлечения. Я хотела бы также сделать кое-какие покупки — может быть, что-нибудь причудливое или оригинальное попадется на рынке или в каком-нибудь другом месте, где местные жители продают свои поделки».

Мирон спросил помощника: «А вы заглядывали в «Путеводитель»?»

«Еще не заглядывал, капитан».

Мирон подошел к столу, раскрыл толстый том в красном переплете и нашел статью, посвященную Заволоку. Наскоро просмотрев перечень физических характеристик, он внимательно прочел напечатанный мелким шрифтом раздел под заголовком «Прочие примечания». В «Путеводителе по планетам» — справочнике, знаменитом осторожностью формулировок — Заволок описывался как «непривлекательный мир, где небо вечно затянуто низкими темными тучами, часто порождающими траурные завесы моросящего дождя.

Сплошной облачный покров изолирует планету, в связи с чем резкие перепады температуры почти не наблюдаются где-либо на ее поверхности. Несмотря на это и вопреки наличию нескольких пригодных для жизни континентов, население сосредоточено в районе, окружающем город Фладжарет. Заволок не отличается приятными для глаз видами, и любопытство редких туристов вызывают лишь еженедельные собачьи схватки.

В отсутствие какой-либо достопримечательной растительности на Заволоке преобладают суровые пейзажи, и даже горы кажутся не более чем угрюмыми гигантскими отвалами шлака и щебня. Поверхность океанов поросла плотным влажным покровом водорослей почти полуметровой толщины. Эти «маты», плоские, как биллиардный стол, простираются от горизонта до горизонта. Водоросли насыщают атмосферу кислородом и служат убежищем и пищей бесчисленным роящимся насекомым. Говорят, что выкрутасы красных с желтыми узорами жуков, так называемых «перекати-матов», в какой-то степени забавны, равно как и дисциплинированные маневры мониторов-фомориев. Собравшегося прогуляться по «мату» путешественника предупреждают, однако, о том, что укус голубого хлыстохвоста может оказаться смертельным, и что тучи кровососущего гнуса, крылатых личинок, поскребышей и прочих паразитов невыносимы без применения особых мер предосторожности.

Крупнейший город планеты, Фладжарет — центр обслуживания персонала близлежащих рудников; сами по себе рудники, по сути дела — единственная причина, заставляющая еще не выжившего из ума человека жить на Заволоке, потому что еда здесь отвратительна, так же как и местное пиво, которое варят, согласно циничным слухам, из океанских водорослей. Самым популярным развлечением на Заволоке служат регулярные собачьи схватки, вызывающие у публики страстные взрывы эмоций. Эти зрелища нередко сопровождаются массовыми потасовками зрителей — в них радостно участвуют стаи бродячих псов, кусающих всех подряд без разбора.

В давние времена на провинившегося злоумышленника здесь надевали сапоги, кожаные шорты и респиратор, после чего отвозили на заранее определенное расстояние по водорослевому «мату». Чем более вопиющим было правонарушение, тем дальше выдворяли преступника, хотя никто не заслуживал кары, большей, чем изгнание на восемь километров — любое дальнейшее приращение расстояния считалось излишним. В настоящее время подобному наказанию подвергаются только лица, совершившие нападения на агентов МСБР, причем в таких редких случаях нарушителя высаживают в самом центре океанского «мата» — что служит достаточным предупреждением для всех заинтересованных лиц.

Сексуальные нравы Заволока носят самый необычный и сложный характер, и мы не можем анализировать их в рамках краткой справочной статьи. Посетителя планеты, однако, строжайшим образом предупреждают ни в коем случае не пытаться завязывать интимные отношения с местными женщинами, так как подобные авансы чреваты исключительно неприятными последствиями, вплоть до принудительного брака с женщиной, послужившей предметом вожделений, или даже с ее матерью».

Пытаясь оградить себя от возможных дальнейших упреков, Мирон настоял на прочтении вслух всего описания Заволока в присутствии леди Эстер. Как он и ожидал, она пропустила мимо ушей почти все «прочие замечания» и, когда Мирон спросил ее, намерена ли она, несмотря ни на что, остановиться на этой планете, леди Эстер раздраженно обронила: «Конечно! И как можно скорее!»

2

Заволок становился все больше: огромный шар, окутанный серым туманом, не позволявшим различить никаких физиографических контуров. Датчики на борту «Глодвина» определили местонахождение космопорта Фладжарета, и яхта погрузилась в ярко светящийся туман, вынырнув из него на высоте примерно одного километра. Внизу показались горы — хаотичные нагромождения черного и серого камня; чуть поодаль начинался бархатный водорослевый покров океана, местами расчерченный бледно-голубыми прожилками.

Глядя в иллюминатор, леди Эстер презрительно шмыгнула носом и неприязненно покосилась на Мирона: «Возникает впечатление, что на этой планете нет ничего радостного или волнующего».

Мирон пожал плечами: «Как вы могли заметить, в «Путеводителе по планетам» подчеркивается унылый характер этого мира. Может быть, вам понравятся собачьи схватки».

Леди Эстер поджала губы, но больше ничего не сказала.

«Глодвин» опустился на посадочное поле перед космическим вокзалом Фладжарета. Как только закончились иммиграционные формальности, леди Эстер и Мирон отправились посмотреть на город. Широкий прямой проспект соединял космопорт с центром Фладжарета, а затем, минуя ряд бетонных административных зданий, долго поднимался по пологому склону среди беспорядочно разбросанных серых валунов к мрачноватым промышленным сооружениям, окружавшим рудники как таковые. Дальше виднелись лишь хребты и пики обнаженной серой породы.

В городе не было ничего привлекательного и никаких архитектурных достопримечательностей: все строения из плавленого камня отличались бескомпромиссной прямоугольной конструкцией. С одной стороны проспекта по склону холма поднимались террасами кубические серые коттеджи; с другой находились здания покрупнее — склады и мастерские, а также внушительных размеров стадион с большой вывеской под крышей. Слева на вывеске был изображен огромный взъерошенный мастифф, вставший на задние лапы и обнаживший клыки; справа с не меньшим озлоблением ощерился другой пес. Между псами красовалась надпись: «СПОРТИВНАЯ АРЕНА НАК-НАК».

Там, где проспект выходил на центральную площадь, возвышался отель «Аполлон»; по периметру площади теснились небольшие лавки и магазины. Быстро переходя от одной лавки к другой, леди Эстер критически изучала товары, ощупывая кое-какие образцы. Она не увидела почти ничего, что могло бы ей понравиться. В магазине готового платья она нашла юбку из собачьих зубов, нанизанных на переплетенные нити и создававших таким образом весьма необычную ткань. Рассмотрев со всех сторон эту ни на что не похожую юбку, несомненно обещавшую вызвать оживленные пересуды, если бы она явилась в ней на званый ужин в Саалу-Сейне, в конце концов леди Эстер решила, что слишком тяжелый материал не смог бы грациозно облегать ее ноги.

В следующем магазине торговали пищевыми продуктами: маленькими горьковатыми кумкватами, печеньем из прессованных медовых гусениц, коробками с дрожжами, длинными связками мириаподов, выловленных живыми из прорубей в водорослевых «матах», утомленных формальдегидом, а затем высушенных и закопченных дымом тлеющих водорослей. Шокированная неожиданной атакой грубых запахов, леди Эстер отшатнулась и поспешила выйти. В лавке по соседству ее внимание привлекла выставка маленьких, примитивно вырезанных из камня изображений приземистого коротконогого человечка, выставившего вперед большую неуклюжую голову, присевшего и пригнувшегося. Леди Эстер

подняла одну из фигурок, заинтригованная ее злобной усмешкой. Она не понимала, кому понадобилось заниматься изготовлением столь отвратительных изображений — и кто стал бы их покупать, кроме, пожалуй, инопланетных туристов? Хозяйка заведения, такая же приземистая, как ее статуэтки, с такими же крупными чертами лица, ринулась к посетительнице, назидательно покачивая указательным пальцем: «Это мастерское изделие — исключительно редкое и дорогостоящее! Я уступлю его за сходную цену, потому что вы мне нравитесь!»

«Как это может быть редкостью? — не поверила леди Эстер. — Я взяла фигурку с подноса, на котором валяются еще тридцать таких же!»

«Но вы не видите их глазами знатока! Это воплощение эффрита, свергающего громовые камни с горы Гарр! Такой амулет приносит особую удачу — он помогает делать выигрышные ставки на собачьих схватках! Но кто я такая, чтобы судить о капризах удачи? Мне нужны деньги, я уступлю вам эффрита за смехотворную цену — всего двадцать сольдо!»

Леди Эстер потрясенно, с негодованием уставилась на торговку: «Вот уж действительно смехотворная цена! У вас нет ни стыда, ни совести — вы решили заломить первую попавшуюся сумму за паршивую серийную поделку! За кого вы меня принимаете? Это же просто какое-то оскорбление!»

«Подумаешь! Я оскорбляю людей получше вас по двадцать раз в день. Меня это нисколько не затрудняет — можно сказать, я даже получаю от этого удовольствие».

Леди Эстер вынула из сумочки монету: «Вот цена, которую я готова уплатить за эту противную безделушку — и только для того, чтобы получить удовольствие, рассказывая знакомым о вашем жалком заведении».

«Еще чего! — ощерилась торговка. — Берите ее бесплатно — хотя бы только для того, чтобы вы не могли похваляться тем, что превзошли меня благородством. Берите — и убирайтесь!»

«Почему нет? Я так и сделаю. Будьте добры, заверните ее во что-нибудь приятное для глаз».

«У меня есть дела поважнее».

Леди Эстер уронила фигурку в открытую сумочку и гордо удалилась из лавки. Мирон задержался, чтобы положить монету достоинством в одно сольдо на поднос, где лежала статуэтка. Хозяйка, снова усевшаяся на высокий табурет за прилавком, безразлично наблюдала за его действиями, не высказывая никаких замечаний.

Выйдя на площадь, леди Эстер остановилась и принялась обозревать окрестности. Город Фладжарет, на фоне серых гор и непрерывной пелены туч, производил впечатление испещренной сложными контурами одноцветной фотографии. По проспекту медленно ехали пять или шесть машин. Кое-где на площади можно было заметить редких пешеходов: хмурых черно-бородых коротышек, топавших по тротуарам в сопровождении толстозадых женщин в черных сапогах до колен и широкополых шляпах. Женщины эти вышагивали важно и тяжеловесно, словно исполненные внутреннего величия. Они не смотрели по сторонам. Пока леди Эстер разглядывала фасад отеля, на нее случайно наткнулась одна из проходивших мимо матрон. Отступив на шаг, раздраженная леди Эстер высокомерно подняла брови. У дородной местной жительницы, среднего возраста, было широкое лицо с близко посаженными черными глазами и большой бородавкой на щеке. Две женщины холодно смерили друг друга взглядами с головы до ног, после чего каждая с достоинством

отвернулась, и горожанка продолжила свое шествие.

«Неряшливая образина! А шляпа? Курам на смех!» — заметила леди Эстер к сведению стоявшего рядом Мирона.

Уходя, горожанка тоже что-то пробормотала на ухо супругу. Оба задержались, чтобы обернуться и получше разглядеть леди Эстер, после чего протопали дальше по тротуару, ухмыляясь до ушей.

Этот эпизод вызвал у леди Эстер приступ возмущения: «Если бы не мое благородное происхождение, я бы показала этой беспардонной самке, где раки зимуют! Я не привыкла к подобной наглости!»

«Зачем волноваться? — попытался ее успокоить Мирон. — Они не заслуживают такого внимания».

Продолжая прогулку вокруг площади, Мирон и его двоюродная бабка приблизились к кафе перед входом в отель «Аполлон». Шесть небольших столиков были расставлены вдоль узкой террасы, каждый под поблекшим зонтом из красных и синих секторов, защищавшим посетителей от моросящего дождя, а не от солнца, которое здесь никогда не светило. Два столика были заняты. В дальнем конце террасы пара стариков в черных шерстяных пальто сгорбились над испускающими пар кружками с каким-то горячим варевом. За другим столиком сидел самоуверенный молодой человек с пушистыми черными усами, густыми черными кудрями и блестящими карими глазами — судя по одежде, чужестранец. Мирон поздоровался с ним вежливым кивком и присел за соседним столиком. Тем временем леди Эстер отправилась инспектировать лавочки, приютившиеся в крытой галерее, тянувшейся вдоль отеля.

Подошел официант. Небрежно смахнув со столика дождевые брызги полотенцем, перекинутым через сгиб локтя, он разглядел Мирона с головы до ног: «Так что же? Чего пожелаете?»

«Не могу сказать, пока не увижу меню».

«Нет у нас никакого меню — а даже если есть, оно где-то внутри, и мне неохота за ним ходить. Говорите, что́ вы хотите заказать, и дело с концом!»

«Как я могу сделать заказ, если еще не знаю, что́ вы можете предложить?»

«Как хотите, дело ваше, — сказал официант. — Почему я должен что-то решать за вас?»

Мирон указал на двух стариков в дальнем конце террасы: «Что они пьют?»

«Наш фирменный «пунш удачи». Рекомендуется тем, кто намерен делать ставки на собак».

Молодой человек, сидевший за соседним столиком, посоветовал: «Не заказывайте пунш. Его варят из хвостов дохлых псов».

«Благодарю за предупреждение, — отозвался Мирон. — А что у них можно пить?»

«Все, что у них есть, пить невозможно. Чай напоминает вазелин. Кофе заваривают жженными волосами и птичьими перьями, а уж о горячительных напитках лучше даже не упоминать. Детям они подают светлое пиво — вот его я и пью. Дрянь порядочная, но все остальное еще хуже. Кстати, он не показал вам меню, потому что собирается содрать с вас по три сольдо за бутылку пива, тогда как на самом деле ей красная цена семнадцать грошей».

Мирон повернулся к помрачневшему официанту: «Принесите мне две бутылки пива по семнадцать грошей».

«А что вы будете есть?»

Инопланетянин снова пришел на помощь: «Закусывайте только импортированными бисквитами и сыром. И потребуйте, чтобы тарелки предварительно вымыли».

«Мы попробуем бисквиты с сыром, — сказал официанту Мирон, — по цене, указанной в меню, и на чистых тарелках. Если это вас не затруднит».

«За чистые тарелки взимается наценка. Только таким образом можно компенсировать затраты на посудомоечную машину». Официант удалился.

Инопланетянин за соседним столиком поднялся на ноги: «Не позволите ли к вам присоединиться?»

«Пожалуйста», — без особого энтузиазма согласился Мирон.

Молодой человек уселся напротив Мирона и представился: «Меня зовут Марко Фассиг — по меньшей мере, так меня называют вежливые люди. Я был владельцем космического корабля, но теперь у меня его нет».

«Рад с вами познакомиться, — натянуто ответил Мирон. — Я — Мирон Тэйни, капитан космической яхты «Глодвин»».

«Очень приятно слышать! — заметил Марко Фассиг. — А кто ваша спутница? Надо полагать, она не ваша супруга?»

Мирон остановил на лице Фассига ледяной взгляд, полный недоверия и отвращения: «Конечно, нет! Абсурдное предположение! Это моя двоюродная бабка, леди Эстер Ладжой, владелица яхты «Глодвин»».

Марко Фассиг добродушно рассмеялся: «Зачем так обижаться? Вы же не вчера родились! Случаются гораздо более странные вещи».

«Не со мной», — брезгливо заверил его Мирон.

Прибыл официант с пивом, бисквитами и сыром. Марко Фассиг взглянул на тарелку и обратил на нее внимание официанта: «Взгляните! Это не мытая тарелка, вы не сможете получить наценку за мытье посуды».

«По-моему, она достаточно чистая».

«На ней крошки, следы какого-то жира и отпечатки чьих-то пальцев».

«Я недосмотрел. В любом случае, какая разница?» Официант вывалил бисквиты и сыр на стол, вытер тарелку полотенцем, снова положил на нее бисквиты с сыром и галантно поставил тарелку перед Мироном: «Вот, пожалуйста — чистая тарелка и все такое. Ешьте или не ешьте — цена одна и та же».

«Мне придется это есть, но я не одобряю такое обслуживание и наценку платить отказываюсь».

«Еще чего! — заартачился официант. — В таком случае с вас причитаются двойные чаевые».

Леди Эстер вернулась из торгового пассажа, присела за столик и вопросительно взглянула на Марко Фассига: «А это кто?»

«Трудно сказать с уверенностью, — пожал плечами Мирон. — Перелетная птица, если можно так выразиться — это все, что я о нем знаю». Обратившись к Фассигу, он сказал: «Извините меня за откровенность, Марко, но я не так наивен, как может показаться с первого взгляда. Теперь вы можете вернуться за свой столик, так как леди Эстер и мне нужно обсудить несколько важных вопросов».

«Не спеши, Мирон! — воскликнула леди Эстер. — Иногда я просто тебя не понимаю! Перед тобой молодой человек приятной наружности, он очевидно может рассказать что-нибудь интересное — а ты хочешь сразу от него избавиться?» Она повернулась к Фассигу,

наблюдавшему за происходящим с благодушной усмешкой: «Расскажите нам о себе, Марко. Что вас привело в эту чертову дыру, навязанную мне Мироном?»

«Не следует винить Мирона — он очевидно делает для вас все, на что способен. Что рассказать о себе? По сути дела я — бродячий философ, знаток всего изысканного и прелестного, в том числе прекрасных женщин, знающих толк в жизни. Все мое существование — ряд кульминаций, сменяющихся кратковременными периодами размышлений, посвященных достижению чудесной мечты».

«Как занимательно! Но Заволок — скучнейшая из планет! Как случилось, что вы предаетесь размышлениям и мечтам именно здесь?»

«На то есть две причины — или, скажем, к такому результату привели две параллельные последовательности событий, одна — духовного характера, а другая — практического. Взаимодействуют две силы, оказывающие влияние то поочередно, то совместно. Мои рассуждения приводят вас в замешательство? Возникает впечатление, что Мирон чем-то огорчен».

«Не обращайте внимания — Мирон напускает на себя важность. Пожалуйста, продолжайте разъяснения».

«Я уже упомянул, в общих чертах, о первой составляющей моего нынешнего положения. Возможно, это не более чем упражнение в самодисциплине, но, когда передо мной не открываются никакие перспективы, кроме утомительной скуки, я заставляю себя погружаться в метаморфическое состояние. Если можно так выразиться, превращаюсь в куколку, из которой, в конечном счете, снова появляюсь на свет, обновленный и преображенный — и жизнь представится мне тем более великолепной, чем более безнадежной она казалась мне прежде. Невозможно отрицать, что это безрассудный, рискованный способ существования. Предпочитаю думать о себе как о первопроходце, плывущем по океану романтических переживаний, время от времени вынужденного непредсказуемыми бурями находить пристанище в тихой гавани, где можно встретить родственную душу».

«Потрясающе! — заявила леди Эстер. — Ваше мироощущение исключительно любопытно — не в последнюю очередь потому, что оно во многом сходно с моим собственным. Но объясните мне другую, практическую причину вашего пребывания на Заволоке».

«Хорошо — мне нечего скрывать. Человек по имени Госс Джильстра и я были совладельцами небольшого космического судна. Занимались мы, главным образом, перевозкой фруктов. Обычно нам удавалось ладить друг с другом, но в конце концов наступил день, когда мы уже не могли согласиться по поводу дальнейших планов. После того, как наш звездолет, «Прелестная Борина», приземлился во Фладжарете, для каждого из нас настало время идти своей дорогой, но ни один из нас не мог выкупить долю другого, так что мы договорились предоставить на волю случая решение о том, кому достанется, со всем ее содержимым, «Прелестная Борина». Испытать судьбу можно было десятками различных способов, но, раз уж таково местное повальное увлечение, мы поставили все на собак. Джильстра доверился хромому псу по имени Смог, а я выбрал волкодава по прозвищу Халтурщик. Началась схватка, и сразу стало ясно, что подлый Смог не умеет честно драться. Он притворился, что упал, бросился на Халтурщика снизу и вырвал у него печень, но отважный Халтурщик успел раскусить противнику яремную вену — оба пса сдохли, и схватка закончилась вничью. На какое-то время мы с Госсом растерялись — что делать?

Пришлось поставить все наше имущество на карту — точнее, на три карты: каждый из нас должен был по очереди вытащить из колоды по одной карте три раза, и тот, у кого после этого на руках оставалось больше очков, считался победителем. В первый заход я вытащил девятку, а Госс, к его величайшему сожалению — тройку. Затем я вытащил восьмерку — то есть у меня на руках было уже семнадцать очков, тогда как Госсу пришлось удовольствоваться семеркой, то есть, в сумме, тем, что называется «десяткой простака». Можно было считать, что «Прелестная Борина» — моя, потому что каким образом теперь мог бы выиграть Госс? Но этот мошенник отошел от открытого окна, и порыв ветра сдул наши карты, в том числе мою третью, на пол. Госс мгновенно вытащил третью карту — жалкую двойку! — и заорал «Ура!», закончив игру. Мерзавец выиграл «Прелестную Борину» с двойкой на руках — только потому, что все мои карты валялись на полу. И вот я здесь, неприкаянный бродяга, истинный поклонник Диониса, всегда готовый жадно пить сладкое вино жизни и тут же положить голову в зубастую пасть Судьбы — таков мой обычай».

«Старый товарищ бросил вас одного здесь, во Фладжарете? — спросила леди Эстер. — Как это бессердечно с его стороны!»

«Вынужден с вами согласиться. Тем не менее, мы расстались достаточно дружелюбно. Он улетел в пучины космоса, а я погрузился в периодическую нирвану обновления и преображения. Теперь она подходит к концу, я готов к новым предприятиям. Но я достаточно говорил о себе и о своих злоключениях, дражайшая леди! Теперь ваша очередь рассказать о себе».

«С удовольствием!» — леди Эстер подняла к губам кружку пива и пригубила его: «Фу! Какая гадость? Что это такое?»

«Местное светлое пиво, — пояснил Мирон. — По-видимому, ничего лучше у них нет. Согласен — это зловонные помои».

«Ха! Ты уже пробовал?»

«Я осторожно сделал один глоток — этого оказалось более чем достаточно».

«Тогда почему ты меня не предупредил — перед тем, как я отхлебнула чуть ли не треть кружки?»

«Прошу прощения, я отвлекся размышлениями по другому поводу».

«В какой-то мере это характерно для всего нашего путешествия, — сообщила Марко Фассигу леди Эстер. — Мы вылетели из Саалу-Сейна, полные радужных надежд — ведь мь отправлялись, по сути дела, на поиски новой жизни и вечной юности. У нас были самые серьезные намерения, мы были полны решимости — тем не менее, никто из нас не ожидал, что путешествие окажется мрачным и суровым предприятием. Мирон не возражал против такой программы — напротив, он заверял меня в том, что экспедиция будет перемежаться забавными эпизодами, чудесными экзотическими празднествами. И что же произошло на самом деле? Мы бесконечно дрейфовали в леденящей кровь пустоте! Затворники, замурованные в пещерных кельях, не испытывают подобную скуку! Когда я осмелилась напомнить о развлечениях, Мирон посоветовал смотреть в иллюминатор и восхищаться черной бездной космоса! Я отказалась! Космос разит смертью! Полет продолжался, гнетущая прострация не давала мне покоя. Я отчаянно нуждалась хоть в каком-нибудь развлечении, и капитан Мирон наконец осознал, что апатия наносит опасный ущерб моему душевному равновесию. А теперь он предлагает мне в качестве развлечения собачьи драки и заказал для меня это ядовитое пойло!»

«Примите мои соболезнования, — сказал Марко Фассиг. — Но космический полет,

даже самый продолжительный, не обязательно должен быть утомительно скучным. На борту «Прелестной Борины» мы не раз веселились на славу, уверяю вас! На этот счет Госс Джильстра и я не расходились во мнениях. Коротая время вдвоем, мы изучили все разновидности удовольствий и развлечений, известных в секторе Вóрона, невинных и не таких уж невинных…»

Леди Эстер жалобно воскликнула: «Вот как я хотела бы путешествовать! Веселиться время от времени вместо того, чтобы сидеть, моргая, у иллюминатора, уставившись в ничто. Тем не менее, в этом городе я уже видела все, что стоило увидеть, и готова отсюда сбежать. Мирон, как ты думаешь?»

«В некоторых отношениях Фладжарет — любопытное место, но я тоже не прочь продолжить полет».

Леди Эстер сухо кивнула и повернулась к Марко Фассигу: «А у вас какие планы?»

Марко надул щеки, растопырив пушистые усы: «Со мной все очень просто. Рано или поздно я надеюсь найти свободное место на борту какого-нибудь пассажирского корабля, нуждающегося в услугах опытного астронавта».

«Мы не сможем вам помочь, — холодно сказал Мирон. — В настоящее время команда «Глодвина» укомплектована».

«Чепуха! — закричала леди Эстер. — Мирон, ты снова опережаешь события! Марко, вы можете немедленно занять место на борту «Глодвина». Я посоветуюсь с капитаном Тэйни, и мы как-нибудь вас устроим».

«Это в высшей степени удовлетворительное решение вопроса, — сказал Марко Фассиг. — Сделаю для вас все, что смогу — может быть, мне даже удастся оживить атмосферу в пути».

«Именно это я имела в виду, — леди Эстер поднялась на ноги. — Соберите пожитки и присоединяйтесь к команде «Глодвина» как можно скорее!»

Леди Эстер и Мирон вернулись на космическую яхту. Леди Эстер дала Мирону недвусмысленные указания, в связи с чем, когда Марко Фассиг взошел по трапу в салон «Глодвина», Мирон мрачновато проинформировал мошенника о том, что он зачислен в команду на должность «помощника стюарда». Фассиг заявил, что такое положение дел его вполне устраивало.

3

«Глодвин» взлетел над космопортом Фладжарета и пробился сквозь сплошную завесу туч навстречу ослепительным лучам звезды Модвелла. Первый помощник и Мирон запрограммировали надлежащий курс, и звезда Модвелла скрылась за кормой, превратившись в одну из мерцающих искр звездного сонма.

Мирон вернулся в главный салон, где леди Эстер и Марко Фассиг сидели в расслабленных позах, с охлажденными до изморози бокалами пунша «Пингари» в руках. Леди Эстер объясняла цель своего путешествия, а Марко лениво слушал ее, развалившись в мягком кресле. «Как вы теперь понимаете, наш полет — серьезная и важная экспедиция. Я надеюсь подтвердить заявления Бетки Онтвилл собственными наблюдениями и, конечно же, ни в коем случае не откажусь пройти курс омоложения. Психологически я не поддаюсь традиционным представлениям. Я так же готова дерзать и привыкать к новизне, как в юности. Я делаю, что хочу, и плевать хотела на последствия! К сожалению должна признаться, что мой организм иногда возражает против моих намерений, и к нему приходится прислушиваться. Я больше не могу разбежаться вприпрыжку по пляжному песку,

чтобы окунуться с головой в набегающую волну, или пуститься без оглядки в какую-нибудь безрассудную авантюру, как я не раз делала в прошлом. Именно этот все больше огорчающий меня недостаток бодрости и упругости я хотела бы восстановить. И почему нет? Я готова вкушать наслаждения жизни, мой дух жаждет самых волнующих, самых удивительных приключений! У меня одна цель: сорвать сладчайшие плоды Древа Жизни и поглотить их, все до последнего! — леди Эстер мелодраматически опорожнила бокал. — Теперь вам известна движущая сила нашей экспедиции!»

«Отдаю вам честь! — объявил Марко Фассиг. — Такую женщину, как вы, днем с огнем не найдешь!»

Леди Эстер повернулась, чтобы взглянуть на Мирона: «Да? Что тебе нужно? Ты давно уже там стоишь, переминаясь с ноги на ногу. В чем проблема?»

«Нет никаких проблем. Я хотел бы показать Фассигу, где он будет обедать и ужинать, а также разъяснить ему его обязанности».

Леди Эстер подняла брови: «В самом деле, Мирон! Ты ведешь себя, как солдафон. Мне любопытно было бы услышать то, что может рассказать Марко. В его жизни было множество занимательных событий, и ты сам мог бы кое-чему у него поучиться».

Марко Фассиг лениво поднялся на ноги: «Не буду задерживать капитана Тэйни». Поклонившись леди Эстер, он прибавил: «Надеюсь продолжить нашу беседу в другое время».

За ужином леди Эстер отмалчивалась, показывая, что не желает разговаривать с Мироном, но в конце концов заявила: «Не вижу причин для того, чтобы Марко не мог ужинать в нашей компании. Он умеет меня развлечь и сочувственно относится к моим планам, а это редкое сочетание».

«Команда не ужинает в салоне, это не принято, — ответил Мирон. — Некоторыми различиями нельзя пренебрегать — иначе вся дисциплина на корабле может развалиться».

«Вот еще! В такой неуступчивости нет необходимости. Будь так добр, пригласи Марко присоединиться к нам на десерт».

Мирон поднялся на ноги, поклонился с бесстрастной церемонностью и пошел выполнять приказания владелицы яхты. На следующий день леди Эстер сообщила ему: «Начиная с сегодняшнего дня, Марко будет обедать и ужинать в салоне. Будь так любезен, проинформируй об этом старшего стюарда».

По мере того, как полет продолжался, Мирон начинал все больше недолюбливать Марко Фассига и его самоуверенные повадки. Леди Эстер, однако, очевидно приветствовала и поддерживала неподобающее поведение Фассига, и вскоре Мирону пришлось понять, что жалобы по этому поводу бесполезны.

Отчасти потому, что ее увлекли рассказы Марко, леди Эстер решила остановиться по пути на какой-нибудь живописной планете, чтобы развеять однообразие полета. Она предложила такое изменение маршрута Мирону, язвительно подчеркнув при этом, что не хотела бы снова оказаться в месте, где наилучшим развлечением считаются собачьи драки.

Пытаясь по возможности сохранять достоинство, Мирон заверил ее в том, что он, естественно, сделает все возможное для того, чтобы удовлетворить ее требования. Тем не менее, Мирон предупредил ее о том, что яхта уже находилась в секторе Ойкумены, относительно удаленном от самых цивилизованных и урбанизированных миров, большинство каковых остались за кормой.

«Так что же нам теперь осталось? — раздраженно спросила леди Эстер. — Джунгли,

болота и пляшущие с копьями красноглазые дикари?»

Мирон вежливо рассмеялся: «Боюсь, что можно наткнуться и на джунгли, и на дикарей. В этой части Галактики ни в чем нельзя быть уверенным».

«Хммф. Разве твой знаменитый «Путеводитель» не подскажет, чего нам следует ожидать?»

«Конечно, и я непременно им воспользуюсь. Но прежде всего я не хотел бы слишком далеко отклоняться от заданного курса».

«Так или иначе, постарайся подыскать забавную планету, населенную красивыми людьми, умеющими хорошо поесть и выпить, знающими толк в интересных развлечениях и предлагающих в продажу добротные товары, не вызывающие отвращение с первого взгляда».

«Посмотрю, что можно будет сделать».

Мирон изучил навигационные карты сектора и соответствующие статьи «Путеводителя по планетам»; в конце концов он решил, что наилучшим приближением к идеальному миру, соответствовавшему представлениям его двоюродной бабки, могла бы послужить планета Тобри в солнечной системе Вианджели. Он сообщил леди Эстер о результатах своих изысканий. Та согласилась с его выбором, но без особого энтузиазма: «В справочнике не упоминаются какие-либо экзотические церемонии или что-нибудь, заслуживающее особого интереса — за исключением обычая сажать преступников в клетки и выставлять их на всеобщее обозрение на центральной площади».

«Возможно, вам повстречается забавный заключенный. В справочнике говорится, что на рынке изделий обитателей глубинки — внутренних районов главного континента — попадаются любопытные артефакты».

«Что они называют «любопытными артефактами»? — потребовала объяснений леди Эстер. — Двадцатипудовые тыквы? Дрессированных мышей?»

«Понятия не имею».

«Ну хорошо. Попробуем взглянуть на планету Тобри и ее неизвестные развлечения».

Мирон тут же направил космическую яхту к звезде Вианджели — мало-помалу она становилась все ярче, и через некоторое время в иллюминаторах появился огромный незнакомый мир: Тобри. Когда Мирон зашел в рубку управления, чтобы воспользоваться макроскопом, он обнаружил там Марко Фассига, небрежно облокотившегося на стойку с оборудованием и болтавшего о каких-то пустяках с первым помощником Этвином. Давно уже возраставшее возмущение Мирона разрядилось вспышкой гнева — он решил раз и навсегда положить конец навязчивому присутствию Фассига. С окончательными мерами, однако, приходилось повременить до прибытия на планету. Мирон сдержанно произнес: «Будьте добры вернуться к своим обязанностям, Фассиг. Как вам известно, в рубке управления могут находиться только навигаторы».

«Так точно, капитан!» — без тени смущения отозвался Фассиг. Выпрямившись, он подмигнул Этвину и не спеша вышел из рубки.

«Глодвин» приземлился у космического вокзала города Танджи. Мирон сразу же нашел Марко Фассига: «Сударь, начиная с этой минуты вы уволены. Я нахожу, что в присутствии бортпроводника на моем корабле нет необходимости. Потрудитесь собрать свои вещи и покинуть яхту немедленно!»

Марко Фассиг дернул себя за ус и вопросительно поднял брови, после чего пожал плечами: «Таковы ваши прерогативы, капитан Тэйни, и с моей стороны протестовать бесполезно. Дайте мне пять минут. Я хотел бы пожелать леди Эстер счастливого пути, после

чего вы меня больше не увидите».

Через час Мирон Тэйни — все еще в капитанской форме — стоял, одинокий и покинутый, у выхода космического вокзала. Отголоски истерических упреков двоюродной бабки звенели у него в ушах. Он опустил на землю чемодан, содержавший все его немногие пожитки. Леди Эстер позволила ему взять с собой денежную сумму, достаточную для приобретения билета до Вермейзена. В заключение своих многословных замечаний она сказала: «Мирон, у тебя был шанс показать, на что ты способен, но ты позорно провалил этот экзамен! Ты полностью потерял представление о действительности. Ты — праздный мечтатель, живущий в воображении и — если уж выражаться откровенно — в какой-то мере недотепа. Советую тебе вернуться домой и поучиться еще года четыре в Институте, а затем начать карьеру на Бирже под руководством отца. Таково, насколько я понимаю, твое призвание, и в таком качестве ты сможешь добиться какого-то успеха — если как следует возьмешься за ум».

~

Глава 3

Мирон заметил, что метрах в пятнадцати от него стоял, выпрямившись, как на параде, какой-то чиновник или служащий в аккуратно выглаженной униформе — уже не молодой, но еще не поседевший. Чиновник этот, судя по всему, интересовался Мироном и его поведением. Что послужило причиной такой бдительности?

Мирон отвернулся и стал обозревать окрестности. Бульвар, обсаженный деревьями с обеих сторон, соединял космический вокзал с центром города. Мирон распознал деревья по их описанию в «Путеводителе по планетам»: это были знаменитые облачные вязы планеты Тобри — огромные массы серой пены, опутанные сетью черных побегов-плодоножек, клубились над стволами подобно небольшим кучевым облакам.

Мирон обернулся. Чиновник оставался в прежней позиции. Выражение его лица казалось скорее любопытствующим, нежели враждебным. Тем не менее, такое неотрывное внимание смущало Мирона. Мирон снова принялся разглядывать пейзаж, притворяясь невинным туристом. Пейзаж, при всем при том, производил довольно приятное впечатление — чистые тротуары и проезжая часть бульвара поддерживались в хорошем состоянии, газоны были подстрижены безукоризненно, не было заметно никаких сорняков и никакого мусора. По бульвару медленно и осторожно двигались несколько экипажей. Над головой высились кроны облачных вязов — их пена покачивалась и меняла очертания под дуновениями теплого послеполуденного ветерка. Неподалеку от вокзала бульвар выходил на площадь. Насколько мог видеть Мирон, здешние здания отличались примерно одинаковым архитектурным стилем — сложными формами фасадов с большим количеством завитушек и цветочных украшений, напоминавших о древнем стиле «рококо», и высокими остроконечными крышами с множеством мансардных окон. всюду применялись одни и те же материалы: темное дерево, терракота, подцвеченное стекло в высоких узких оконных рамах. Мирон подумал, что обитатели Танджи руководствовались четкими и определенными представлениями о том, как должен был выглядеть их город.

Мирон снова покосился на чиновника. Тот продолжал стоять, как прежде, наблюдая за новоприбывшим со сдержанной бдительностью сторожевого пса. Терпение Мирона истощилось. Он повернулся, чтобы потребовать объяснений, но чиновник тут же двинулся с места и неспешно приблизился, почтительно остановившись на расстоянии трех метров. Теперь Мирон смог прочесть выпуклую надпись на нагрудной нашивке чиновника: «ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ».

Мирон резко спросил: «Почему вы следите за мной с таким подозрением?»

«Никаких подозрений, сударь — не более чем вполне простительное любопытство. Насколько я понимаю, вы никогда раньше не бывали в Танджи?»

«Я только что прибыл».

Надзиратель указал на брошюру, полученную Мироном в космическом вокзале — он все еще держал ее руке: «Вы уже ознакомились с текстом «Рекомендаций»?»

«Нет, еще нет, — Мирон взглянул на брошюру. — Кажется, это какой-то справочник для туристов?»

«Совершенно верно. Он содержит полезные сведения и карты, которые помогут вам найти дорогу в городе. Кроме того, в справочнике вы найдете краткое описание истории Тобри и сводку некоторых местных постановлений — их рекомендуется учитывать. У нас в

Танджи любят, чтобы все было в полном порядке. Естественно, от инопланетных посетителей требуется соблюдение тех же правил, какие соблюдаем мы».

«Естественно».

«Вот именно. «Рекомендации» позволят вам узнать о наших особых традициях, нарушение которых влечет за собой предусмотренные наказания. Например… — надзиратель указал на чемодан Мирона, стоявший на тротуаре, — Похоже на то, что вы собираетесь оставить здесь этот предмет, в связи с чем он будет соответствовать определению мусора».

Мирон не верил своим ушам: «Вы поэтому следите за мной уже целых полчаса?»

«Мой долг заключается в том, чтобы задерживать нарушителей в тот момент, когда их преступные намерения становятся очевидными».

Мирон сдержал раздражение — приложив при этом немалое усилие, так как сегодня его долготерпение уже подверглось небывалому испытанию. Тщательно выговаривая слова, он объяснил: «Это мой чемодан! В нем — мои вещи! Мне нужны эти вещи. Они имеют для меня большое значение».

Надзиратель пожал плечами: «Фактические обстоятельства позволяют сделать другой вывод. Это очень маленький чемодан, и вы вполне могли бы попытаться оставить его здесь так, чтобы этого никто не заметил».

«У меня маленький чемодан, потому что у меня мало личных вещей. Если бы у меня было больше вещей, я бы носил с собой чемодан побольше. Я поставил его на тротуар, когда вышел на улицу, потому что не хотел все время держать его в руке, пока смотрел по сторонам. Когда я куда-нибудь пойду, я непременно подниму чемодан и возьму его с собой».

«Ага! Тогда все понятно! — добродушно сказал надзиратель. — Тайное стало явным. Тем не менее, я настоятельно рекомендую вам внимательно прочесть «Рекомендации». В них точно определяются границы приемлемого и неприемлемого поведения, а вам несомненно будет полезно будет знать, как себя вести для того, чтобы не переступать эти границы».

«Обязательно прочту «Рекомендации», при первой возможности. Не могли бы вы посоветовать мне недорогую, но очень приличную гостиницу?»

Чиновник задумчиво погладил подбородок: «Вы предъявляете противоречивые требования. И все же, я мог бы порекомендовать «Приют скитальца» — там вас не ограбят и обслужат по-человечески. Должен заметить, на всякий случай, что у нас не принято торговаться».

«Даже так? Что, если хозяин гостиницы заломит неслыханную цену?»

«В таком случае вам следует повернуться и направиться к выходу. Если хозяин проявит сострадание, он позовет вас и назначит другую цену, после чего вы можете вернуться или продолжать идти к выходу — до тех пор, пока владелец заведения не согласится принять от вас сумму, устраивающую вас обоих».

«Понятно. А где находится «Приют скитальца»?»

«Пройдите по бульвару до площади, поверните направо по переулку Фимрода, и в двух шагах будет «Приют скитальца»».

«Спасибо!» — Мирон поднял свой чемоданчик с преувеличенной прилежностью и направился по бульвару к площади. На какое-то мгновение он представил себе «Глодвин», леди Эстер и тошнотворного Марко Фассига, но тут же решительно подавил эти воспоминания. Злопамятная мстительность — бесполезная эмоция, ограничивающая сферу

деятельности и препятствующая ясному мышлению. Когда-нибудь, в один прекрасный день, если тому будут способствовать обстоятельства, он серьезно рассмотрит вопрос о восстановлении справедливости, но в данный момент такие намерения относились к области фантазий. Тем не менее, Мирон пообещал себе никогда не забывать об изощренной подлости, на которую людей толкают самые примитивные инстинкты.

Мирон вышел на площадь. Оглядевшись по сторонам, он заметил множество магазинов и агентств, пару небольших рынков, а также несколько ресторанов и кафе; напротив, с левой стороны, темнела вереница клеток — судя по всему, предназначенных для демонстрации злодеев. По периметру площади и вокруг зданий росли деревья — главным образом облачные вязы, увенчанные почти невесомыми массами серой пены.

Повернув в переулок Фимрода, Мирон скоро нашел «Приют скитальца»: обширное двухэтажное строение под высокой крышей с несколькими рядами крутых черепичных коньков. В просторном вестибюле стены были обшиты полосами лакированного дерева; здесь его встретила тучная женщина средних лет в развевающемся платье из легкой зеленой ткани. Она флегматично выслушала Мирона, объяснившего свои потребности, и без лишних слов провела его в чистый номер на втором этаже, с примыкающей к нему ванной. Мирон нашел предложенное ему помещение вполне удовлетворительным, но прежде, чем он успел заикнуться о цене, хозяйка взяла с него три сольдо за три ночи и молча промаршировала прочь. Мирон растерянно смотрел ей вслед. Он не проявил расторопность и упустил свой шанс. Что ж, может быть, в следующий раз он сумеет не быть такой растяпой! Усевшись на стул у окна, Мирон заставил себя успокоиться и подвести итоги сложившейся ситуации. Его возможности были настолько ограничены, что даже не заслуживали длительного размышления. С теми деньгами, какие у него остались, он мог заплатить за проезд домой — безопасный, разумный, хотя и в некотором смысле позорный вариант. Единственная альтернатива заключалась в том, чтобы найти работу, в качестве стюарда или повара, на борту какого-нибудь приземлившегося в Танджи корабля; несмотря на диплом космолога, его практических навыков не хватило бы для выполнения более высокооплачиваемых обязанностей.

Мирон вздохнул. Он приобрел обширные познания, но они не пользовались спросом. И все же, не помешало бы навести справки в космопорте. Даже если любые такие попытки окажутся тщетными, он сможет вернуться в Саалу-Сейн с чистой совестью.

По местному времени уже приближался вечер. Мирон решил прогуляться по площади, но сперва следовало познакомиться с содержанием «Рекомендаций». Заголовок брошюры гласил:

«РЕКОМЕНДАЦИИ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ЖЕЛАЕМ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО УВАЖАЕМЫМ ГОСТ ТАНДЖИ!

В этом справочнике вы найдете полезные доброжелательные советы, относящиеся к обычаям нашей планеты, а также наши правила и постановления, в том числе сведения о мерах наказания за их нарушение.

МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЭТИ РЕКОМЕНДАЦИИ БУДУТ СПОСОБСТВОВ БЛАГОПОЛУЧНОМУ И ПРИЯТНОМУ ПРЕБЫВАНИЮ ПУТЕШЕСТВЕННИКО НАШЕМ ГОРОДЕ!»

На первой странице Мирон обнаружил следующее предисловие:

«Добро пожаловать в мир чудес! Как вы скоро убедитесь сами, на планете Тобри немало вдохновляющих красот природы. Контрасты поражают воображение! Несмотря на множество присущих им достопримечательностей, два из трех континентов, Фарст и Винтс, доступны только участникам специально организованных экспедиций, в связи с опасностью преобладающих там условий и свирепой фауны. Неподготовленного посетителя, однако, порадуют необычайные и волнующие диковины третьего континента, Лиро, по большей части благоприятного для здоровья и позволяющего пользоваться всеми космополитическими удобствами. Колоритные различия обычаев и внешности не мешают местным жителям, как правило, сохранять доброжелательность и вести себя вежливо.

Танджи, Меланкрино и Семмерин — многонаселенные современные города, центры цивилизации и культуры, не уступающие уровнем и разнообразием обслуживания известнейшим метрополиям Ойкумены. Приезжему следует отбросить всякие помыслы о бережливости и попытаться изучить каждый из кантонов Лиро, чтобы насладиться богатейшим разнообразием традиций и нарядов, не говоря уже о необычных и нередко экзотических блюдах — неизменно питательных, невзирая на их внешний вид. Разве не правда, что человек оценивает достоинства пищи прежде всего языком и зубами, а не глазами? Не обращайте внимания на расходы: каждый кантон предлагает широкий ассортимент развлечений и достопримечательностей на любой вкус, и ваши впечатления надолго останутся в памяти.

Танджи — столица континента, где вы найдете все необходимые службы и учреждения, а коллекции нашего «Музея панцирей неподвижных земноводных» не уступают репутацией и полнотой собраниям других естественноисторических институтов.

На посетителя Танджи произведут впечатление упорядоченность и логика процессов, расписаний и организационных структур, хотя регламентация нашей жизни не заставит его чувствовать себя стесненно. У нас каждый поступает в полном соответствии со своими предпочтениями, так как нашей системой ценностей предусмотрены свобода воли и личная ответственность. В Танджи не бывает случайных инцидентов: в каждой возможной ситуации однозначно определяются потерпевшая и нарушившая правила стороны. Если вам будет нанесен какой-либо ущерб или если вам причинят какое-либо неудобство, будьте уверены в том, что виновник будет опознан и подвергнут исправительному наказанию.

«Правонарушением» считается любое намеренное действие или бездействие, приводящее к несоблюдению правил. Действие одних и тех же правил распространяется на всех — даже на вас, как бы ни было для нас неприятно указывать на это обстоятельство осмотрительному и благовоспитанному туристу.

Тем не менее, в помощь посетителям ниже приводится краткая сводка повседневно применяемых правил поведения. Подробный текст постановлений содержится в разделах II и III. Пожалуйста, внимательно прочтите и запомните эти «Рекомендации».

Гражданские правовые запреты в целом сводятся к следующему.

Не оставляйте после себя мусор или какие-либо предметы, не гармонирующие с повседневным состоянием окружающей местности или городского ландшафта. Не вызывайте беспорядки; не демонстрируйте в общественных местах или на территории частной собственности какие-либо письменные сообщения, инструкции, призывы, лозунги, плакаты, предупреждения, обвинения, знаки и (или) символы, в том числе надписи на

стенах общественных или частных туалетов.

Не создавайте где бы то ни было какие-либо уродливые повреждения, пятна или оскорбляющие взор объекты. Если вы заметите мусор, повреждение, пятно или неприятный на вид объект, закон требует, чтобы вы сделали все возможное для устранения такого нарушающего общественный порядок явления.

Не отхаркивайте слюну и не сморкайтесь где попало. Не опорожняйте кишечник или мочевой пузырь в не отведенных для этого местах; пользуйтесь только предназначенными для этого санитарными емкостями и приспособлениями. Не выпускайте газы в присутствии посторонних; делайте это только на обозначенных надлежащим образом участках. Не производите громкий, неприятный или нежелательный шум, не проигрывайте оскорбляющую слух музыку с помощью аппаратуры и не демонстрируйте похотливые изображения.

В том, что относится к лавочникам, торговцам, продавцам и владельцам магазинов, применяется особый этический кодекс. Общаясь с обслуживающим персоналом, воздерживайтесь от споров и возражений. Если цены не соответствуют вашим финансовым возможностям, удалитесь. Не бранитесь и не докучайте назойливыми просьбами; не высказывайте презрительные замечания о товарах или услугах так, как если бы они были непотребными или бесполезными. Не торгуйтесь; у нас это не принято. Для того, чтобы заслужить одобрение владельца заведения, заплатите названную им цену с величественным пренебрежением аристократа. Такое поведение будет способствовать самоуважению всех участников сделки.

В том, что относится к поведению в публичных местах и учреждениях, следуйте указаниям общественных надзирателей.

Если вас задержат, вам вынесет приговор районный магистрат. Он незамедлительно объявит размер наказания — как правило, умеренный и справедливый. Незначительные нарушения правил наказываются заключением в одной из клеток на восточном краю центральной площади на половину дня, на один день или на несколько дней. В случаях более серьезных правонарушений может потребоваться прохождение курса исправительной трудотерапии в каменоломнях. Мы надеемся, что сведения о предусмотренных наказаниях вызовут у наших гостей исключительно теоретический интерес и не будут иметь для них никакого практического значения.

Вкратце, наши рекомендации сводятся к трем положительным и к трем отрицательным императивам. Три положительных императива: будьте предусмотрительны, соблюдайте правила и проявляйте щедрость! Три отрицательных императива: не наносите ущерб, не причиняйте боль и не нарушайте покой!

Еще несколько полезных рекомендаций.

Соблюдайте осторожность, предлагая кому-либо вступить в половой акт. Некоторые характеристики поведения рассматриваются как подтверждение безотзывного обязательства заключить брак.

Опьянение может оказаться незаконным, так как допускается употребление только спиртных напитков, подлежащих налогообложению! Прежде чем поглощать спиртное, непременно требуйте предъявления налоговой лицензии, выданной питейному заведению! Возможно, вам больше понравятся наши безалкогольные фруктовые напитки — вкусные, свежие и полезные!

Посетителей Танджи ждут волнующие развлечения! Получите ни с чем не сравнимое

удовольствие, оценивая взглядом знатока художественные композиции в парке! Участвуйте в заседаниях благородных обществ и в грациозных церемонных танцах, устраиваемых клубами департамента общественных развлечений! Эти клубы подразделяются на категории I, II и III. В клубах категории I дети и чувствительные девицы могут собираться, не опасаясь вызывающих смущение ситуаций. В клубах категории II приветствуются мужчины и женщины зрелого возраста, ведущие серьезные беседы, а иногда и позволяющие себе обмениваться шутливыми замечаниями. В клубах категории III время от времени царит в какой-то мере раскрепощенная атмосфера. Здесь персонал космических кораблей может чувствовать себя в своей тарелке. В заведениях третьей категории подают высококачественное пиво, а дамы, как правило, меньше обижаются на откровенные предложения и комплименты — мы пытаемся проявлять терпимость к космополитическим представлениям.

Таков, в общих чертах, распорядок жизни в нашей столице. Мы высоко ценим тихие радости бытия и верим в благопристойность. У нас любой, в том числе турист и проезжий гость, может тратить деньги щедро и без оглядки — никто из нас никогда не обвинит инопланетянина в заносчивом расточительстве! Не скупитесь! Наслаждайтесь в полной мере возможностями Танджи! Добро пожаловать!»

На следующих страницах подробно излагался текст законодательных положений правительства Танджи. Кроме того, приводилось описание тринадцати кантонов, составлявших континент Лиро.

Мирон отложил «Рекомендации», снял капитанскую форму и надел обычную одежду астронавта, принятую во всех уголках Ойкумены: темные брюки, свободные в бедрах, собранные в лодыжках и заправленные в черные башмаки, рубашку с длинными рукавами, из мягкой темно-синей материи, и рабочую кепку с козырьком.

Выйдя из гостиницы, Мирон прошелся к площади по переулку Фимрода и остановился, чтобы сориентироваться. Высаженные через равные промежутки деревья, непропорционально высокие, довлели над площадью. Облачные вязы, сооружения из темных деревянных брусьев, непривычная прозрачность воздуха — все это производило на Мирона впечатление галлюцинации. Казалось, что он смотрел на диораму, на сценические декорации или на что-то вроде детского миниатюрного городка. Мирон несколько раз моргнул — иллюзия исчезла.

В ближайшем кафе он заказал чай с печеньем. Отдыхая под лучами вечернего солнца, он забыл о неприятностях и наблюдал за горожанами Танджи, спешившими по своим делам. Внешность их примерно соответствовала обычным ойкуменическим характеристикам, хотя, по мнению Мирона, в основном здесь попадались люди коренастые, круглолицые, скуластые и курносые, с квадратными подбородками, а цвет их волос, как правило, варьировал от темно-коричневого до почти черного — блондинов здесь не было. Костюмы обитателей Танджи тоже не привлекали внимания — за исключением головных уборов. Мужчины носили плоские четырехугольные шляпы из жесткого материала, темно-синие, темно-зеленые или черные, натянутые на макушку строго вертикально. Женщины красовались в более изощренных чепцах, сшитых вручную из накрахмаленных матерчатых салфеток нескольких цветов, уложенных складками в несколько слоев различной высоты и ширины так, что получалась поразительно хитроумная конструкция.

С особым интересом Мирон разглядывал проходивших мимо девушек, удивляясь их жизнерадостности. Они излучали бодрость и энергию; девочки помоложе передвигались

почти вприпрыжку, как на пружинках, словно их подгоняло какое-то неуемное воодушевление. Иные выглядели достаточно привлекательно для того, чтобы Мирон напомнил себе о соответствующем параграфе «Рекомендаций». В большинстве своем девушки и женщины, однако, не вызывали у него восхищения — виной тому были, главным образом, их прически: по-видимому, местная мода требовала, чтобы над каждым ухом выпячивался пушистый шарообразный или каплеобразный пуф из волос. Мирона отталкивало также общее выражение удовлетворенно-лукавого самодовольства, особенно заметное у самых хорошеньких девушек — можно было подумать, что все они только что съели по большой миске клубники со сливками, предназначенной не для них, и безнаказанно лишили кого-то этого угощения. Поглядывая на Мирона, они прежде всего замечали его гладкие светлые волосы, что заставляло их присмотреться повнимательнее, после чего они загадочно поджимали губы и слегка поднимали брови, прежде чем отвернуться — тем самым выражая недоверие к астронавтам и вообще к инопланетянам.

«Что ж, — сказал себе Мирон, — в любом случае, даже если бы я захотел, я не посмел бы скорчить страшную рожу и внезапно рявкнуть на какую-нибудь девушку — того и гляди, посадят за это в клетку или, что еще хуже, заставят на ней жениться!»

В конце концов Мирон решил, что глазеть на девушек значило тратить время попусту. Близились сумерки. Солнце уже скрылось за облачными кронами деревьев. Мирон покинул кафе и пересек площадь, чтобы рассмотреть поближе клетки для преступников. В клетке, находившейся посередине, он заметил молодого человека примерно своего возраста, безутешно сутулившегося на скамье. Мирон подошел к нему. Узник угрюмо покосился на зеваку. Мирон вежливо спросил: «Сколько вам еще осталось здесь сидеть?»

«Меня выпустят через час после заката».

«Надеюсь, вы не будете возражать, если я поинтересуюсь: за что вас сюда посадили?»

«Почему бы я стал возражать? Какая мне разница, в конце-то концов? Я приехал из Биркенхальтера на рынок, с грузом папагонов. Один упал с моей фуры, а я не заметил. Младший надзиратель вызвал инспектора; тот дал мне семь минут на уборку мусора. Я поднял папагон и положил его в кузов. На все про все я затратил шесть минут сорок четыре секунды. И все-таки несколько семян выпали из-под листа — я их не подобрал. Младший надзиратель наблюдал за мной и указал на семена инспектору. Тот оштрафовал меня на пятьдесят грошей. Я подождал несколько минут, а потом подбежал к младшему надзирателю сзади и дал ему хорошего пинка. Меня отвели к магистрату, тот посадил меня в клетку. Вот и все — теперь вы знаете не меньше моего».

«Неприятная история, — посочувствовал Мирон. — И что вы теперь будете делать, когда вас выпустят?»

«Я сам уже давно размышлял по этому поводу, — признался узник. — Но теперь, кажется, принял решение. Если бы после того, как меня освободят, я подошел к младшему надзирателю… Вон он маячит вокруг да около, все посматривает да поглядывает, жирный сопляк в квадратной черной шляпе! Так что́ я говорю? Если бы я выпорол его доброй лозой из орешника так, чтобы вся его нежная задница покрылась волдырями — отомстил бы я таким образом за все несправедливости во Вселенной? Если так, я с радостью провел бы в клетке еще денек! Но это невозможно: зло и обман глубоко заложены в самой сущности бытия. Мои усилия не смогли бы их искоренить. Поэтому я решил, что младший надзиратель как-нибудь обойдется без взбучки. Вместо этого пойду-ка я к «Осоловей-разбойнику», съем кусок пирога с мускатным виноградом и выпью большую кружку горького эля. А потом

найду свою фуру и уеду отсюда. И даже если по пути мне попадется младший надзиратель, я сделаю вид, как будто его нет. Месть сладка, но трюхать домой по сельской дороге под звездами ночи еще лучше!»

Мирон задумался, глядя на площадь, теперь уже залитую бледнеющим светом, отраженным от закатного неба, после чего сказал: «Вполне разумное решение — пожалуй, оно поможет мне самому справиться со своими неприятностями».

Заключенный мрачно кивнул: «В конечном счете месть не окупается».

«Вы правы! Если, конечно, не подвернется случай отомстить и незаметно смыться».

«Само собой».

«Значит, вы рекомендуете таверну «Осоловей-разбойник»?»

«Да, пирожные там отличные. И эль неплохой. Это клуб третьей категории, там порой веселятся не на шутку. Перейдите площадь, сверните в переулок Мельчера, пройдите еще метров шестьдесят — и вы уже там».

«Спасибо!» — Мирон отошел от клетки. Облака на западном небосклоне озарились киноварными, малиновыми и бледно-зелеными сполохами — необычное сочетание оттенков, с точки зрения Мирона символизировавшее странную атмосферу, царившую в Танджи.

2

Мирон снова пересек площадь, углубился в переулок Мельчера и увидел впереди вывеску, нависшую над мостовой:

«ОСОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Трактир — как в добрые старые времена!

Закуски — бочковый эль — музыка и танцы почти каждый день!

Клуб категории III: без женщин жить нельзя на свете!»

Распахнувшись, тяжелые створки двойной двери пропустили Мирона в просторный пивной зал, освещенный тускнеющими закатными лучами, проникавшими сквозь высоко расположенные окна. Мирон нашел свободную скамью за длинным столом у боковой стены — там, по меньшей мере какое-то время, он сидел в одиночестве. Такие же столы окружали центральную площадку, где для танцоров был предусмотрен вощеный паркет. На возвышении у противоположной стены была водружена кафедра, откуда кто-нибудь мог бы обратиться с речью к собравшимся, если бы у кого-нибудь возникло такое желание. «Странный обычай!» — подумал Мирон; но это был странный мир, в любом случае.

Под рукой оказался парнишка-официант. Мирон заказал кружку эля и попросил показать меню. Подросток покровительственно усмехнулся: «Эль я подам сию минуту, но «меню», как вы выразились, у нас написано мелом, — он указал на большую черную доску, висящую над баром. — В «Осоловей-разбойнике» не держат ресторанных штучек-дрючек!»

Мирон прочитал перечень закусок: «Пирог с мускатным виноградом хорош?»

«Очень хорош, сударь! Утиная печенка с петрушкой и пурпурный виноград под хрустящей корочкой, с картофельным пюре вместо гарнира».

«Мне этого будет вполне достаточно».

«Послушайте меня, начните с горшка деревенского рагу из тушеных овощей с мясом, с пылу с жару — пальчики оближешь! — подсказал паренек — Всего семь грошей за горшок — где еще вы найдете такую дешевизну?»

«Ладно, я попробую рагу — но сначала принесите эль».

Когда официант подавал эль, Мирон спросил его: «Для чего эта кафедра? Она как-то не подходит к вашему заведению».

Паренька позабавила наивность инопланетянина: «Разве на вашей планете таких нет?»

«Посреди таверны? Нет, ничего такого у нас нет».

«Что ж, раз так… Кафедра используется полицией и дежурным магистратом, — официант обратил внимание Мирона на знак, висевший на стене прямо у того над головой. — Вы прочли объявление?»

«Нет. Я его не заметил».

«Тогда прочтите — в нем объясняется, какие тут у нас порядки».

Мирон повернулся и прочел:

«ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ НЕУКОСНИТЕЛЬНОЕ СОБЛЮДЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. БУЯНИТЬ ЗАПРЕЩЕНО!

ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОДМИГИВАТЬ ЖЕНЩИНАМ И ЩИПАТЬ ИХ ЗА ЯГОДИЦЫ СТР ПРЕДУПРЕЖДАЮТ: ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ СОВОКУПЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ Б ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЛИЦЕНЗИРОВАНЫ.

ТАНЦОРОВ ПРИЗЫВАЮТ ВЕСТИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО И СОХРАНЯ ДОСТОИНСТВО: БЛАГОПРИСТОЙНОСТЬ ОДОБРЯЕТСЯ, ТАК КАК С СПОСОБСТВУЕТ КРАСОТЕ ТАНЦА».

«Гм! — произнес Мирон. — Надо полагать, в «Осоловей-разбойнике» умеют повеселиться».

«В меру — не более того, сударь. Полиция зорко подмечает излишества, а магистрат тут же раскрывает «черную книгу» и зачитывает приговоры без малейших сожалений».

И снова Мирон напомнил себе о необходимости вести себя с максимальной осторожностью. Он попробовал эль — крепковатый, горьковатый и слегка затхлый на вкус, но в общем и в целом приемлемый. Мирон посмотрел по сторонам. Зал заполняла публика смешанного состава. Здесь были и местные горожане, и приезжие из глубинки в кожаных штанах и синих саржевых блузах. Можно было заметить нескольких инопланетных туристов и коммивояжеров, а за стойкой бара пили пиво человек шесть астронавтов. Космопорт Танджи служил пересадочным и перевалочным узлом, откуда пассажиров многопалубных пакетботов и товары, доставленные крупными грузовыми судами, развозили на небольших кораблях к планетам, оставшимся в стороне от торных маршрутов — многие астронавты искали возможности подкрепиться свежим пивом перед тем, как снова отправиться в дальний путь, а поблизости не было более подходящего для этого места, чем «Осоловей-разбойник».

Паренек принес горшок с рагу из овощей с мясом, вместе с блюдом плоских хлебцев. Погрузив ложку в горшок, Мирон осторожно попробовал содержимое. Поморщившись, он приложился к кружке эля и снова попробовал рагу. Возникало впечатление, что повар, вознамерившись придать пикантность своему произведению, злоупотребил самыми необычными пряностями. Мирон глубоко вздохнул. Наилучшая стратегия заключалась в том, чтобы есть и не задавать вопросов; посему он приступил к усердному поглощению рагу, время от времени промывая глотку элем.

Официант подал кусок пирога с мускатным виноградом, и Мирон отважно поглотил его, не пытаясь анализировать состав начинки.

Таверна заполнялась до отказа. Приходили женщины — целыми компаниями, по одиночке, с друзьями и супругами; одни были молоды, другие не были. Мирон не видел ничего, что могло бы его заинтересовать; кроме того, его побуждала к предусмотрительности мысль о возможности принудительного бракосочетания.

Паренек-официант привел четырех человек, только что прибывших, к свободным местам за столом Мирона. Мирон с любопытством наблюдал за их приближением. Они совсем не походили друг на друга, хотя, судя по одежде, все они работали на звездолете. Первый, самый пожилой, немного выше среднего роста, был худощав и держался прямо; у него были аристократические черты, жесткие седые волосы и безмятежное, даже несколько отстраненное выражение лица.

За ним следовал плотный коротышка с розовой, как у младенца, кожей и невинными голубыми глазами на добродушном круглом лице. Его лысеющую голову чуть прикрывали редкие пряди длинных и мягких волос. Он ходил деликатно и опасливо, как можно мягче опуская на пол короткие широкие ступни — так, словно ему жали ботинки, и он старался свести к минимуму причиняемое ими неудобство.

Третий астронавт, молодой и подтянутый, двигался с разболтанной небрежностью арлекина. Пригожий, как манекенщик с журнальной фотографии, с сердцевидным контуром лица, мягкими черными кудрями, длинными темными ресницами и кривящимся в усмешке ртом, этот персонаж покрыл расстояние от входа до стола несколькими размашисто-пружинистыми шагами слегка согнутых в коленях длинных ног, посматривая по сторонам и чуть наклонив голову на бок, будто он каждую секунду ожидал чего-то необычного или неожиданного.

Четвертый участник этой странной процессии, опять же, заметно отличался от всех своих спутников. Очень высокий и тощий, как палка, он выделялся нездоровым землистым оттенком кожи и суровым продолговатым лицом. Над его высоким лбом с залысинами начиналась черная шевелюра; бледная полоска брезгливо поджатых губ отделяла его длинный нос от острого костлявого подбородка. На нем был черный костюм судейского покроя, настолько плотно обтягивавший руки и ноги, что они казались продетыми в черные сочлененные трубы.

Четыре астронавта уселись, вежливо поздоровались кивками с Мироном и заказали эль у паренька-официанта.

Интересуясь странными соседями, через некоторое время Мирон завязал беседу с розовым коротышкой — тот не преминул представиться. Он довольствовался именем «Винго» и выполнял обязанности старшего стюарда на борту грузового судна «Гликка», только что прибывшего в Танджи. «Я — старший стюард, это неоспоримо, — говорил Винго. — Но этим дело не ограничивается. По совместительству я — повар, судомойка, уборщик, истребитель паразитов, хирург, медбрат и чернорабочий на все случаи жизни. Когда мы берем пассажиров — а у нас есть несколько пассажирских кают — я становлюсь также устроителем развлечений, посредником в спорах и корабельным психиатром. Порой на борту «Гликки» жизнь бьет ключом, и всё по голове!»

Винго представил своих спутников: «Это капитан Малуф. Он может показаться суровым аскетом, хранящим таинства храмовников на манер архимандрита Дренского монастыря, но не верьте глазам своим: когда приходит время надуть экспедитора, отправиться на поиски затерянного сокровища или скармливать фруктовые леденцы хорошеньким пассажиркам, капитан Малуф в своем амплуа!»

Капитан усмехнулся: «Расплывчатая характеристика. Как всегда, Винго позволяет себе экстравагантные преувеличения».

Винго сделал серьезное лицо и покачал головой: «О нет, это не так! Опыт всей моей жизни показывает, что истина иногда точнее всего выражается вскользь, намеками и гиперболами. То, что «могло бы случиться» и то, «чему следовало бы произойти», всегда интереснее того, что «есть на самом деле» — и нередко важнее».

«Вполне может быть, — сказал Мирон. — Хотя в том, что касается капитана Малуфа, я не стал бы спешить с выводами».

«Очень тактично с вашей стороны, — одобрил Винго. — Но позвольте обратить ваше внимание на человека, сидящего рядом с капитаном и осушающего одну кружку эля за другой с нахальной грацией падшего ангела. Его зовут Фэй Шватцендейл. На борту «Гликки» он считается главным механиком — а также первым помощником механика, вторым помощником механика, смазчиком, обтирщиком и техником на все руки. Кстати, он — заправский математик и умеет делать сложные расчеты в голове, почти мгновенно сообщая их результаты независимо от того, насколько они ошибочны».

«Впечатляющие способности!» — заметил Мирон. Взглянув на Шватцендейла, привычно наклонившего голову набок и продолжавшего криво усмехаться, Мирон прибавил: «Значит, он почти такой же многосторонний профессионал, как вы?»

«Гораздо более многосторонний! — убежденно заявил Винго. — Шватцендейл умеет играть на аккордеоне и стучать кастаньетами. Он может декламировать наизусть «Балладу о Рози Малони», с начала до конца! И это только вершина айсберга. Для него рассчитать вероятность выигрыша легче, чем мне приготовить суфле. Шватцендейл — гроссмейстер пятизвездочного монте, стингари, преферанса, качинки и любых других известных и неизвестных мне капризов судьбы, каковые, по его мнению, могли бы принести ему прибыль».

«Достопримечательно!» — отозвался Мирон, подозвал официанта и заказал по кружке эля для всех собеседников. После этого он указал кивком головы на господина в облегающем черном костюме, сидевшего за столом с другого конца: «А этот представитель вашей команды — тоже виртуоз?»

Винго ответил с нарочитой сдержанностью: «Это Хильмар Крим, наш суперкарго. На основе некоторых допущений я мог бы дать положительный ответ на ваш вопрос — особенно если учитывать мнение самого Крима. Хильмар работает с нами всего три месяца, и мы только начинаем разбираться в его достоинствах. Он специализировался в области юриспруденции и, судя по всему, хорошо разбирается в законодательствах множества миров; по сути дела, он собирает материал, подготавливая к изданию трактат под наименованием «Основы сравнительного ойкуменического правоведения». Не так ли, Крим?»

«Возможно, — встрепенулся Крим. — Я тебя не слушал. По какому вопросу вы спорите?».

«Я объяснял Мирону Тэйни, что ты — непревзойденный правовед».

Крим опустил голову: «Я пытаюсь свести воедино законодательства многочисленных миров с тем, чтобы осуществить всесторонний синтез ойкуменических правовых норм. Это гигантский труд».

Винго встретился голубыми глазами с глазами Мирона: «Вот видите! Такова команда «Гликки». Все мы — заблудшие души, в том или ином отношении. Капитан Малуф — мечтатель, ищущий истоки романтической легенды так, как если бы она была реальностью.

Шватцендейл — игрок и толкователь таинственных насмешек судьбы. Хильмар Крим — мудрец, изучающий лабиринт человеческих представлений о преступлении и наказании. Все мы в какой-то степени отстранились от общепринятых взглядов — скорее авантюристы, нежели уважаемые члены общества».

Крим возразил с тяжеловесной шутливостью: «Будь так добр, исключи меня из этой категории, многоуважаемый Винго. Я рассматриваю себя как синкретического пантолога, неотделимого от любой окружающей среды. Я элемент универсального ойкуменического сообщества, а не изгой».

«Как тебе будет угодно», — уступил Винго.

Крим кивнул, будучи вполне удовлетворен таким ответом. Мирон спросил у Винго: «А как насчет вас? Кто вы — мудрец, игрок или мечтатель?»

Винго скорбно покачал головой: «По существу, я никто и ничто, даже не изгой. Я сознаю существование вселенской загадки и пытался определить ее очертания. С этой целью я прочел сочинения многих ойкуменических философов; мне известны их слова и доводы, их предпосылки и заключения. Трагическое откровение состоит в том, что все мы — каждый из философов, я и Вселенная — говорим на разных языках, и нет словаря, который позволил бы нам друг друга понять».

«И что же — что дальше?»

«Почти ничего. Что можно узнать, созерцая хаос? — Винго задумчиво нахмурился, глядя на свои короткие толстые пальцы. — Однажды я забрался в какие-то горы — уже не помню, как они назывались. Набрел на лужу дождевой воды; в ней отражались небо и редкие плывущие облака. Сначала я смотрел вниз, на отражение, а потом поднял голову и взглянул наверх, в небо — необъятное, голубое, потрясающее. Я ушел оттуда, робкий и притихший». Винго снова печально покачал головой: «Пока я спускался с гор, мои бедные ступни болели всю дорогу — они у меня всегда болят, когда я слишком много хожу. Как я радовался, когда мне удалось, наконец, погрузить их в теплую соленую воду, а потом успокоить боль целебной мазью!» Помолчав, он прибавил: «Если мне когда-нибудь снова попадется такая лужа, может быть, я снова взгляну на небо».

«Не совсем вас понимаю, — признался Мирон. — Судя по всему, вы хотите сказать, что бесполезно прилагать слишком много усилий, пытаясь понять все на свете».

«Нечто в этом роде, — согласился Винго. — Даже если «объективную действительность» или «истину» — как бы их ни называли — откроют и определят в научных терминах, они могут оказаться сущим пустяком, и долгие годы поисков будут затрачены зря. Я посоветовал бы мистикам и фанатикам соблюдать осторожность: пожертвовав десятилетия поста и самобичевания во имя постижения истины, в конечном счете они могут приобрести лишь какой-нибудь жалкий обрывок информации, по своему значению уступающий обнаружению мышиного помета в сахарнице».

У Мирона начинала кружиться голова — он не был уверен, чем объяснялось это обстоятельство: количеством выпитого эля или попытками уяснить сущность рассуждений Винго.

Шватцендейл присоединился к разговору: «Наш корабль — просто какой-то улей глубокомыслия. Крим сочиняет правовую систему, которой суждено найти применение по всей Ойкумене. Он намерен взимать пошлину за каждое правонарушение. Что касается меня, я руководствуюсь простейшим правилом: сто́ит мне с испугом и удивлением указать на восток, все вскакивают и смотрят на восток, в то время как я лопаю все, что у них было на

тарелках. Капитан Малуф изо всех сил старается выглядеть суровым, трезвым и респектабельным — но все это одна видимость. На самом деле он гоняется за блуждающим огоньком, притаившимся среди бесчисленных звезд на какой-то неизвестной планете».

Капитан, слушавший с едва заметной усмешкой, заметил: «Даже если бы это было так, мои поиски — не более чем приступы ностальгии, не заслуживающие обсуждения». Обратившись к Мирону, он спросил: «А как насчет вас? Вы тоже гоняетесь за призраками?»

«Не сказал бы. Могу объяснить, чем я тут занимаюсь, в нескольких словах — смейтесь надо мной, если хотите. Моей двоюродной бабке Эстер принадлежит космическая яхта «Глодвин». Мы отправились в путешествие. Меня назначили капитаном — по меньшей мере я поверил в эту фикцию. В пути леди Эстер соскучилась и стала капризничать, пока на планете Заволок нам не повстречался усатый мошенник по имени Марко Фассиг, которого она пригласила нас сопровождать. Как только мы приземлились в Танджи, я приказал Фассигу убираться, но леди Эстер выгнала меня вместо него, и вот — я не при деле и утешаюсь элем в таверне «Осоловей-разбойник»».

«Достойная сожаления ситуация», — развел руками капитан Малуф.

Поразмышляв, Мирон отважился задать осторожный вопрос: «Из практических соображений мне следовало бы поинтересоваться: может быть, в вашей команде не хватает человека моей профессии? Если так, я хотел бы предложить свою кандидатуру».

«Вы были капитаном космической яхты?»

«В каком-то смысле. Так называлась моя должность».

Малуф с улыбкой покачал головой: «В данный момент на борту «Гликки» нет никаких вакансий — вся наша команда сидит здесь, за столом».

«Что ж, — пожал плечами Мирон, — я просто подумал, что не помешало бы спросить».

«На вашем месте я сделал бы то же самое, — успокоил его Малуф. — Сожалею, что ничем не могу вам помочь. Но в двух капитанах мы очевидно не нуждаемся».

Мирон мрачно отпил еще полкружки эля. Тем временем в таверну прибыла группа музыкантов. Они взошли на эстраду в дальнем конце зала и вынули инструменты: флажолет, концертину, баритоновую лютню и трамбониум. Настроившись под концертину — с обычными при этом писками, трелями, позвякиванием, глиссандо и пассажами — они стали играть: сначала простоватую, но синкопированную мелодию, в бодром темпе. Пальцы принялись постукивать по столам, носки ботинок — по полу. Скоро завсегдатаи таверны начали танцевать — кто в одиночку, кто парами.

Ночь опустилась на Танджи; таверну освещали маленькие цветные фонари. Мирон опорожнил еще одну кружку эля и расслабился, опираясь спиной на стену и наслаждаясь бездельем. Винго торжественно заявил, что, хотя ему нравились танцы, воздействие пола на чувствительные ступни вызывало у него нервное раздражение.

Рослая рыжая женщина, в полном расцвете ранней зрелости, подошла к Шватцендейлу и предложила ему потанцевать с ней. Механик отклонил это почетное предложение, сопроводив отказ таким множеством любезных комплиментов, что незнакомка погладила его по голове прежде, чем отойти. «Мудрец Шватцендейл! — повернувшись к Мирону, заметил Винго. — В разных местах — свои, особые брачные обряды. Нередко чужеземец делает какой-нибудь пустяковый жест или всего лишь предполагает возможность мимолетных интимных отношений — и обнаруживает, что тем самым обязался связать себя брачными узами, причем невыполнение обязательства чревато наложением крупного штрафа, изрядной взбучкой со стороны родственников девушки или даже прохождением

курса трудотерапии. Оказавшись на незнакомой планете и не изучив предварительно местные традиции, рекомендую не позволять себе ничего лишнего во взаимоотношениях с женщинами — и, если уж на то пошло, с мужчинами. Шватцендейл хитер, но даже он не хочет рисковать. Вот послушайте!» Винго обратился к Шватцендейлу: «Предположим, к тебе подойдет красавица с корзиной фруктов на голове и попытается повесить тебе на шею гирлянду пурпурных амарантов — что бы ты сделал?»

«Убежал бы со всех ног из «Осоловей-разбойника» и спрятался бы у нас на корабле, закрывшись в каюте на замок и натянув на голову одеяло!»

«Таково заключение эксперта!» — заявил Винго.

«Буду осторожен, — пообещал Мирон. — Я нахожу ваши советы исключительно полезными».

Оркестр заиграл новый, энергичный тустеп, подчеркнутый ритмичными возгласами трамбониума и звучными аккордами нижнего регистра лютни. Площадка посреди таверны снова заполнилась танцорами, исполнявшими замысловатые последовательности телодвижений. Одна из пар продемонстрировала популярный номер — взяв друг друга за предплечья, мужчина и женщина застыли в позе готовности, после чего пустились в пляс: проскользнув четырьмя приседающими шагами в сторону, они останавливались, высоко подбрасывали ноги направо и налево, после чего проделывали то же самое в обратном порядке. Другие крутились и вертелись, как придется, производя шутливый шум карнавальными гудками и маленькими волынками. Мирону это зрелище казалось чрезвычайно колоритным. Он заметил, что Хильмар Крим, раньше сидевший почти неподвижно, стал постукивать пальцами и покачивать головой в такт музыке. Винго усмехнулся: «Крим выпил четыре пинты эля — в два раза больше обычного — и музыка начинает приобретать для него какое-то значение. У него цепкий ум: надо полагать, он уже выискивает звуковые прецеденты и коллизии».

Крим сделал еще несколько глотков и пробежался пальцами по столу так, словно играл на клавиатуре. Это упражнение его не удовлетворило, и он поднялся на ноги. Залпом опорожнив кружку, он направился к покрытой паркетом площадке и попробовал танцевать джигу — сначала осторожно, но с возрастающим воодушевлением. Лицо подвыпившего юриста застыло в восторженном сосредоточении; подергивая и шаркая ступнями, он вертелся и постепенно перемещался в толпе, напряженно вытянув руки по бокам и время от времени взбрыкивая длинной ногой то вперед, то назад.

В таверну зашел самоуверенный дородный субъект средних лет, вскоре пустившийся в пляс в обнимку с одной из городских красавиц. Господин этот, в бархатном жилете насыщенного коричневого оттенка и блестящих черных штиблетах, украшенных серебряными розетками, очевидно был какой-то местной знаменитостью, причем элегантная небрежность, с которой он преодолевал трудности популярного танца, бросалась в глаза. Другие танцоры уступали ему дорогу, с почтительным восхищением провожая его глазами. Танцующая пара то удалялась, то приближалась, прилежно вытягивая носки, наклоняясь, стремительно скользя из стороны в сторону и вскидывая ноги то направо, то налево — пожалуй, с несколько преувеличенным размахом. Хильмар Крим, всецело поглощенный собственной диковатой пляской, пренебрег приближением господина в бархатном жилете, и тот, продолжая брыкаться, угодил ему в спину каблуком, прямо между лопатками.

Крим удивленно вскрикнул и прервал свою джигу, едва удержавшись на ногах.

Увлекшийся танцем господин ни в коем случае не желал нарушить ритм отточенных движений и отделался шутливым извиняющимся, но слегка пренебрежительным жестом, явно не приписывая большого значения случайному пинку — для него гораздо важнее было не отставать от музыки.

Негодующий Крим преградил танцору путь — тому пришлось резко остановиться, чтобы избежать столкновения. Последовал обмен раздраженными репликами. Крим разъяснил местному выскочке, как надлежит танцевать порядочным людям. Господин в бархатном жилете отозвался парой кратких замечаний, после чего подхватил подругу и снова пустился в пляс, но сразу же — услышав то, что сказал ему вдогонку Крим — схватил с ближайшего стола кружку эля и выплеснул ее содержимое Криму в лицо, чтобы проучить иностранца за несдержанность. Предварительно оглушив обидчика ударом обеих ладоней по ушам, Крим вихрем завертелся на месте, подпрыгивая и брыкаясь в такт музыке — при этом ему удавалось с завидной, поистине артистической ловкостью синхронизировать с синкопированными акцентами трамбониума удары каблуков по ягодицам и пинки в брюхо дородного оппонента. Наблюдая за тем, как Крим выделывал пируэты подобно заправской балерине, отрабатывая джигу на выпуклостях оторопевшей знаменитости, музыканты не растерялись — напротив, они заиграли с пущим энтузиазмом, всем своим видом показывая, что целиком и полностью поддерживают инициативу отважного юриста.

Представлению положили конец два констебля, поспешивших прорваться сквозь толпу и схватить Крима — только тогда наступила тишина.

Винго скорбно покачал головой: «Крим продемонстрировал достойные восхищения акробатические навыки, но сомневаюсь, что это поможет ему выдвинуть убедительные аргументы в свою защиту».

«Жаль! — откликнулся Шватцендейл. — У нашего счетовода, оказывается, было чему поучиться!»

«Опрометчивость, непростительная даже для эксперта-правоведа», — заметил капитан Малуф.

Констебли потащили Крима к кафедре. Тот самый господин, которого оттузил Крим, бодрым шагом опередил полицию, привычно взобрался на кафедру и уселся за пюпитром.

Расставляя на столе кружки со свежим элем, паренек-официант с благоговением произнес: «Ваш приятель — храбрец, но ему не помешала бы толика благоразумия. Теперь ему придется требовать справедливости от магистрата, которому он только что, всем на радость, показал кузькину мать».

«Значит, ты одобряешь его действия?» — поинтересовался Шватцендейл.

Подросток пожал плечами: «Почему не отдать должное тому, кто этого заслуживает?»

Тем временем дородный господин, поудобнее устроившись на стуле, приказал: «Подведите нарушителя спокойствия!»

Подхватив помрачневшего Крима под локти, констебли поставили его перед кафедрой.

«Как вас зовут?»

«Меня зовут Хильмар Крим. Я выполняю обязанности суперкарго на борту звездолета «Гликка». Я закончил Ахернарский центральный колледж судебной лингвистики, где я специализировался в области адмиралтейского права. Второй диплом мне выдали в Институте общественных наук имени Эразма Роттердамского, где я редактировал ежеквартальный «Обзор судебной практики». Мои практические профессиональные навыки не уступают моей академической квалификации».

«Ага! И где же вы приобрели навыки балетного кикбоксинга?»

Крим отозвался на шутку угрюмой усмешкой: «Я упомянул о своем образовании лишь для того, чтобы поставить суд в известность о том, что мне хорошо знакомы не только основы юриспруденции, но и практические правовые нормы. Юридические принципы, применимые в рамках рассматриваемого дела, а также ряд относящихся к нему прецедентов, предусмотрены статьями десятой и двенадцатой Основного адмиралтейского кодекса. Насколько я припоминаю, характерными примерами могут послужить…»

Магистрат поднял руку: «Позвольте заметить, юрисконсульт, что порядок выступлений на этом заседании определяю я, а не вы! Разумеется, ваша эрудиция может оказаться полезной, хотя фактически у вас нет никаких оснований принимать меня за неотесанную деревенщину».

«Совершенно бездоказательное заключение, ваша честь!»

«Неважно. Сущность и объем вашего правонарушения известны — остается только определить надлежащую меру наказания, каковое, конечно, не ограничится простым заключением в клетке на всеобщее обозрение».

Крим выпрямился во весь рост и сурово заявил: «Я целиком и полностью отвергаю подразумеваемое обвинение, ваша честь! Оно проистекает из предубеждения и спорно во всех отношениях. Кроме того, суд даже не рассмотрел фактические обстоятельства дела».

Магистрат кивнул и постучал деревянным молотком по кафедре: «Суд признаёт приемлемость возражения защиты! Я проигнорирую только что сделанное мной замечание».

Хильмар Крим слегка наклонил голову: «В таком случае я ходатайствую об отклонении иска».

«Ходатайство не может быть удовлетворено. Дело еще не рассматривалось».

«По поводу фактических свидетельств не может быть никаких сомнений, — заявил Крим. — Конфликт возник, когда вы лично вторглись в пространство, предварительно законно занятое моей персоной, недвусмысленно функционировавшей в качестве одного из танцоров. Такое вторжение объяснялось вашей преступной небрежностью, причинившей мне, посредством столкновения вашей нижней конечности с моим телом — невзирая на последующие многократные столкновения вашего тела с моими нижними конечностями — эмоциональное потрясение и существенный дискомфорт. Человек более строгих правил, чем я, мог бы потребовать возмещения штрафных убытков; тем не менее, в данном случае с вашей стороны будет достаточно простого признания своей вины».

«Ваше ходатайство нарушает порядок судопроизводства, так как ему предшествует исковое заявление другой стороны, поданное мной. Нет необходимости вдаваться в подробности. Признаёте ли вы свою вину?»

«Я невиновен, будучи жертвой хулиганского злонамеренного вторжения в предварительно занятое мной личное пространство, а также недопустимого провокационного и оскорбительного ногоприкладства: таковы обстоятельства, составляющие сущность спорного вопроса».

Магистрат постучал молотком: «Продолжим. Не буду выслушивать возражения очевидцев, так как лиц, выступивших в пользу ответчика, пришлось бы признать виновными во лжесвидетельстве, подлежащем суровому наказанию. С точки зрения заинтересованных лиц гораздо проще допустить, что все свидетели дадут показания в пользу истца. Суд подтверждает справедливость обвинения. А теперь, что касается приговора… Одну минуту, дайте-ка мне заглянуть в черную книгу». Магистр снял с находившейся за кафедрой полки

увесистый том в переплете из черной «рыбьей кожи», установил его на пюпитре и раскрыл его.

Хильмар Крим поспешно вмешался: «Ваша честь, справедливость — хрупкое понятие, его нетрудно сокрушить тяжестью закона, совмещая функции истца, прокурора и судьи! Справедливость проистекает из человеческого взаимопонимания, ее вскармливает молоко гуманности и сочувствия. Мне известны несколько безукоризненных прецедентов, которыми вы могли бы руководствоваться в данном случае».

Магистрат снова поднял руку: «Ваша эрудиция впечатляет — меня, но не черную книгу. Извольте заметить: я открываю раздел «Жестокость в общественных местах». Нахожу статью под заголовком «Нападение, оскорбляющее достоинство должностного лица». В примечаниях к ней приводится следующая инструкция: «Определите тяжесть правонарушения, подсчитав число нанесенных ударов». Далее: «В зависимости от категории и степени нарушения правопорядка, назначьте дополнительное наказание, соразмерное престижу потерпевшей стороны»».

Хильмар Крим выдавил дрожащую улыбку: «Необходимо учитывать особые обстоятельства! Ваша честь, я — представитель интеллигенции!»

«Оговорка, заслуживающая внимания, — согласился магистрат. — Действительно, придется учесть особые обстоятельства дела. Я уже отметил присущую вам необыкновенную ловкость; кроме того, вам свойственны развитые и многосторонние интеллектуальные способности, не так ли?»

«Можно сделать такое предположение, но…»

«Таким образом, если вы познакомитесь с надзирателем карьера в Бросовом Провале, вы сможете продемонстрировать ему самый эффективный метод переноски тяжелых камней с места на место?»

«Рад был бы оказать всяческое содействие, — прохрипел Крим, — но у меня нет времени, так как…»

«У вас найдется все необходимое для этого время, уверяю вас». Снова заглянув в черную книгу, магистрат произвел расчет: «В случае таких правонарушений, как ваше, точная продолжительность срока исправительных работ составляет четыре месяца, одиннадцать суток и девятнадцать часов. Констебли, удалите заключенного и сопроводите его в Бросовой Провал. Отсчет срока наказания начинается с момента прохождения заключенного через ворота исправительного учреждения».

Крим пытался выдвигать дальнейшие возражения и все еще цитировал прецеденты, когда его выводили из таверны. Музыканты взяли инструменты, снова заиграла веселая музыка. Магистрат спустился с кафедры, нашел свою партнершу, и они опять стали танцевать.

Молчание за столом нарушил Винго: «Неприятное завершение вечера, который так хорошо начался. Крим танцевал с душой и проявил необычайное проворство».

«Крим слишком много выпил — или слишком сосредоточился на принципе справедливого возмездия. Так или иначе, он потерял способность к трезвой оценке ситуации, — сказал капитан Малуф. — Трудно сказать, что́ именно послужило основной причиной его внезапной несдержанности».

Шватцендейл поднял кружку, взглянув на опустевшее место, где прежде сидел счетовод: «Предлагаю выпить за здоровье Хильмара Крима. Желаю ему стойко выдержать превратности судьбы и как можно приятнее провести время в лагере! В хорошей компании

время летит незаметно».

«Может быть, среди камней ему попадутся любопытные окаменелости», — предположил Винго.

Все сидевшие за столом опорожнили кружки и снова погрузились в молчание.

Через некоторое время Мирон обратился к Малуфу: «Капитан, возникает впечатление, что должность суперкарго на борту «Гликки» освободилась».

Капитан Малуф серьезно кивнул: «Возникает такое впечатление».

«В таком случае я хотел бы подать заявку на заполнение этой вакансии».

Малуф смерил Мирона оценивающим взглядом: «У вас есть соответствующий опыт?»

«Как вам известно, в последнее время я выполнял обязанности капитана космической яхты».

Малуф не совсем понимал, как следовало реагировать на такое заявление: «Таким образом, выполнение обязанностей суперкарго было бы для вас понижением в ранге?»

«Для меня это стало бы началом новой карьеры, — возразил Мирон. — Уверен, что справлюсь — мне уже приходилось иметь дело с оформлением грузовой документации и бухгалтерией».

«Я вам верю, — заключил капитан Малуф. — Судя по всему, вы разумный молодой человек, наделенный способностями от природы. Считайте, что вы приняты в состав нашей команды».

~

Глава 4

«Гликка» — нескладное старое суденышко умеренной вместимости — перевозило грузы в трех трюмах, а также, в зависимости от спроса, то или иное число пассажиров, каковым предлагались каюты второго и третьего класса, причем пассажирские перевозки нередко совмещались с грузовыми. Команду составляли капитан Адэйр Малуф, главный механик Фэй Шватцендейл, старший стюард Айзель Винго, а теперь и новый суперкарго — Мирон Тэйни.

Команда покинула таверну «Осоловей-разбойник» в полном составе и не слишком поздно. Мирон направился в номер, который он снимал в «Приюте скитальца», а другие вернулись в свои каюты на борту «Гликки».

Утром Мирон упаковал немногочисленные пожитки и спустился в вестибюль. Хозяйка заведения, сидевшая за стойкой, никак не реагировала на его приближение.

Мирон попытался придать голосу суховатую деловитость: «Мне больше не понадобится ваш номер».

«Как вам будет угодно».

Мирон ждал, но хозяйка больше не сделала никаких замечаний.

Мирон нарушил молчание слегка более напряженным тоном: «Вы могли бы вернуть два сольдо, уплаченных вперед за неиспользованный постой».

Хозяйка сложила руки на груди: «Ничего я не верну».

Разглядывая бесстрастное лицо этой женщины, Мирон открыл было рот, чтобы протестовать, но все приходившие на ум возражения казались ему недостаточными. Он закрыл рот. В любом случае, почему бы он стал торговаться с беззастенчивой воровкой из-за какой-то жалкой пары сольдо? Согласно «Рекомендациям», ему подобало проявить аристократическую снисходительность или даже презрение. Мирон надменно произнес: «Это не имеет значения. Тем не менее, не ожидайте чаевых». С этими словами он повернулся на каблуках и промаршировал на улицу. В каком-то смысле он одержал победу. Он покинул «Приют скитальца», не поступившись достоинством, а хозяйка заведения, в принципе, теперь должна была сгорать от стыда. Кроме того, жизнь преподала ему полезный урок, за который не жалко было заплатить два сольдо.

Выйдя на площадь, он сел за столик в кафе и позавтракал рыбными котлетками с чаем, после чего прошел по бульвару, под облачными вязами, к зданию космопорта. Надзиратель, стоявший на прежнем месте, вежливо отдал ему честь. Мирон ответил сухим кивком. Пройдя на посадочное поле, он заметил «Гликку» в сотне метров от выхода — судно крупнее «Глодвина», явно надежной конструкции, но лишенное эстетических претензий и застенчивой элегантности частной космической яхты. Корпус «Гликки» некогда был покрыт суровой синевато-серой эмалью с темно-красными обводами, но теперь через полустертую эмаль проглядывал серовато-белый грунтовочный слой, местами заляпанный оранжевым вяжущим материалом, герметизировавшим глубокие царапины, отметины, оставленные мелкими метеоритами, и прочие повреждения. Под открытым люком правого трюма стоял передвижной подъемник, хотя в данный момент никто ничего не загружал.

Мирон пересек опаленное пламенем двигателей посадочное поле и поднялся по ступеням трапа, ведущего к распахнутому настежь входному люку главного салона «Гликки». В салоне он нашел Малуфа и Шватцендейла, задержавшихся за завтраком. Они

приветствовали его дружелюбно, но спокойно, как старые знакомые. «Присаживайся, — пригласил Малуф. — Ты уже завтракал?»

«Я съел две рыбные котлетки под томатным соусом и выпил пару чашек перечного чая, — признался Мирон. — По сути дела, я уже позавтракал».

Винго, гремевший кастрюлями в соседнем камбузе, услышал его и тут же принес Мирону миску фасоли с беконом, а также две поджаренные ячменные лепешки, сопровождая свои действия следующим строгим наставлением: «На паршивых планетах кормят всякой дрянью. На борту «Гликки» мы не предаемся гурманскому обжорству, но и не корчим из себя эстетов-аскетов. Так или иначе, в изучении тонкостей местной кулинарии обычно нет необходимости».

«Такие вопросы у нас решает Винго, — сообщил Мирону Шватцендейл. — Если он находит на местном рынке что-нибудь привлекающее его внимание, это подают на ужин. Винго внимательно следит за последствиями: если нам не становится плохо от нового блюда, он иногда осмеливается попробовать его сам».

Винго ухмыльнулся до ушей. «Мне редко приходится выслушивать жалобы, — успокоил он Мирона. — Если ты соблаговолишь последовать за мной, я покажу тебе каюту суперкарго. Мы с Шватцендейлом уже сложили вещи бедняги Крима в камеру хранения на космическом вокзале. Каюта проветрилась, на койке свежие простыни. Думаю, ты тут освоишься».

Мирон отнес свой чемоданчик в каюту и вернулся в салон.

За столом оставался один капитан. Он спросил: «Надеюсь, тебя устраивает каюта?»

«Да, разумеется — я готов приступить к работе».

«В таком случае я объясню, в чем будут заключаться твои обязанности. Они разнообразнее, чем можно было бы ожидать». Малуф задумчиво взглянул на потолок и продолжил: «Попытайся разобраться в методах, применявшихся Кримом. В этом отношении могут возникнуть затруднения. Несмотря на множество его талантов и познаний, Хильмар Крим относится к категории людей, которых… как бы это выразиться… невозможно отнести к какой-либо категории».

Мирон кивнул: «Это меня не удивляет».

«Крим неприязненно обращался с некоторыми пассажирами, что приводило к излишним трениям. В ответ на запрос, казавшийся ему нерациональным, вместо того, чтобы затратить пять минут и удовлетворить запрос, Крим разъяснял, почему пассажиру следовало изменить взгляд на вещи. Например, если пассажир страдал несварением желудка, Крим рекомендовал ему холистический подход вместо того, чтобы выдать требуемую пилюлю, и споры по этому поводу продолжались несколько часов, пока позеленевший пассажир не скрывался в туалете, схватившись за живот. Если я пытался вмешаться, Крим заявлял, что он придерживается самых высоконравственных принципов, в связи с чем мне оставалось только чувствовать себя беспринципным шарлатаном».

Мирон снова кивнул и занес в маленькую записную книжку следующую пометку: «Инструкция № 1: умиротворять пассажиров; выдавать лекарства по требованию».

«Вот именно. А теперь — о записях и счетах. Опять же, в этом отношении я вынужден подвернуть Крима критике. Он был настолько одержим монументальной компиляцией законодательств Ойкумены, что рассматривал финансовый учет как невыносимый каторжный труд, которого следовало избегать всеми возможными средствами. Когда его упрекали в нерадивости, он утверждал, что безошибочно хранит в памяти все существенные

цифры и может восстановить их на бумаге в любой момент, когда это потребуется. Однажды я спросил его: «Чтó, если превратность судьбы заставит вас покинуть наше судно — например, если вас убьет бандит или если вы умрете от кровоизлияния в мозг?»

«Чепуха, такого не может быть!» — безапелляционно заявил Крим.

«Тем не менее, — настаивал я, — чтó, если вас арестует полиция и вас бросят в тюрьму? Кто, в таком случае, сможет расшифровать ваши каракули?»

Крим рассердился. По его словам, такая перспектива была слишком маловероятной, чтобы ее можно было рассматривать всерьез. Никакая полиция не посмела бы задержать человека, вооруженного такими средствами правовой и процессуальной защиты, какими располагал он, Хильмар Крим. Но он ошибался. Его так-таки арестовали и бросили в тюрьму — и теперь для нас потеряно огромное множество учетных записей, которые он держал в голове. На мой взгляд, этот эпизод говорит сам за себя».

Мирон пометил в записной книжке: «Инструкция № 2: вести надлежащие записи; избегать полиции».

«Ты меня правильно понимаешь». Малуф приступил к описанию других обязанностей суперкарго. Мирону надлежало регистрировать загрузку и разгрузку товаров, оформлять транспортные накладные и, по мере необходимости, обеспечивать получение разрешений на импорт и экспорт. Наблюдая за погрузкой и разгрузкой в каждом порту, он должен был удостоверяться в том, что все соответствующие грузы доставлялись получателю, даже если бы для этого ему пришлось самому перетаскивать их из трюма на передвижную платформу.

Мирон записал: «Инструкция № 3: следить за погрузкой и разгрузкой, подробно регистрируя все, что перемещается из трюмов и в трюмы».

Малуф продолжал: «Суперкарго должен удостоверяться в том, что вся плата за перевозку была внесена перед загрузкой товаров — в противном случае вполне возможно, что мы будем доставлять грузы, не извлекая никакого дохода, так как грузополучатели нередко отказываются оплачивать счета за перевозку, и в результате у нас на руках остаются бесполезные товары, что приводит к множеству затруднений».

Мирон записал: «Инструкция № 4: обязательно требовать предоплаты перевозки грузов, в том числе всех сборов и пошлин».

«Как видишь, — говорил Малуф, — идеальный суперкарго — человек непреклонный, всевидящий и неотвязно настойчивый. Его ум подобен западне, не упускающей никакие сведения, он не верит нахальным утверждениям складских работников и не уступает давлению со стороны портовых чиновников, как бы они ни пытались его запугивать».

«Сделаю все, что смогу», — упавшим голосом отозвался Мирон.

«Надеюсь, этого будет достаточно, — сказал капитан. — У нас на борту вечно не хватает рабочих рук. Каждый выполняет несколько функций одновременно — особенно суперкарго, время от времени вынужденный помогать стюарду или механику, а также брать на себя обязанности подсобного помощника на все руки. Это понятно?»

«Теперь понятно».

Сразу после полудня капитан Малуф и Мирон направились в зал ожидания космического вокзала. В небольших конторах, в дальнем конце зала, ютились экспедиторы. На стене у входа в каждую контору висели перечни грузов, которые желал отправить тот или иной экспедитор.

«Здесь наша профессия становится по-настоящему сложной, — сообщил Мирону капитан. — Если бы она заключалась просто в перевозке груза из пункта А в пункт В, где

можно было бы сразу наполнить трюмы другими товарами и отвезти их в пункт С, а из пункта С — следующий груз в пункт D и так далее, все мы разбогатели бы, не моргнув глазом, и астронавты-перевозчики не страдали бы нервными расстройствами и не закатывали бы неожиданные истерики в тавернах. Но все никогда не бывает так просто».

«А как насчет пассажиров?»

Физиономия Малуфа приобрела кислое выражение: «Пассажиры, в лучшем случае — неизбежное зло. Как правило, они капризны. Они на все жалуются. Сначала они хотят одного, а потом совсем другого. Они ругаются друг с другом. Они требуют дополнительных поблажек, причем надеются, что они их получат бесплатно. Они вечно суют нос в рубку управления. Они усаживаются в капитанское кресло и читают мои книги. Винго слишком добр к пассажирам. Шватцендейл заглядывается на женщин и втягивает в азартные игры всех, кого он может облапошить. Нет уж, лучше возить товары! Груз лежит себе тихонько в трюме и не требует, чтобы его развлекали. Пойдем, посмотрим, что нам сегодня предложат».

Малуф и Мирон просмотрели перечни товаров, ожидавших отгрузки. Вместо того, чтобы делать пометки или расспрашивать экспедиторов, Малуф фотографировал списки. «Это проще всего, — пояснил он Мирону. — Не забывай еще об одном: груз, пункт назначения которого почему-либо неудобен, нередко можно оставить в перевалочном порту для дальнейшей доставки другим судном. Многие товары, внесенные в сегодняшние списки, были разгружены здесь именно с этой целью».

«Дело сложнее, чем я ожидал», — признался Мирон.

«Конечно. Возможность прибыльной перевозки груза, несомненно, в какой-то степени зависит от логики умозаключений, но от интуиции — вдвойне, а от удачи — втройне, особенно если мы надеемся подбирать выгодные грузы по пути».

Вернувшись с Мироном на борт «Гликки», капитан загрузил сделанные фотографии в судовой компьютер — тот автоматически считывал и обрабатывал данные, содержавшиеся в списках. «Я запрограммировал компьютер так, чтобы он решал задачу, которую когда-то называли «задачей коммивояжера», — сказал Малуф. — Ты знаешь, в чем она заключается?»

«Нет, кажется, я никогда не слышал о такой задаче».

«Вопрос ставится следующим образом: какой маршрут лучше всего выбрать странствующему торговцу, желающему посетить несколько городов, чтобы проехать наименьшее расстояние? Даже в простейшем виде это сложная задача, а я усложнил ее еще на несколько порядков, добавив две дополнительные переменные: третье измерение и прибыльность. К сожалению, компьютер неспособен учитывать выгодные грузы, которые могут попадаться по пути, в связи с чем решение задачи никогда нельзя назвать оптимальным или окончательным».

Прошло пять минут. Компьютер трижды воспроизвел звук тихо звенящего колокольчика. «Задача решена, — сказал Малуф. — Компьютер доволен». Он обратил внимание Мирона на экран, демонстрировавший множество белых искр на темном фоне, соединенных тремя разноцветными нитями — красной, синей и зеленой — зигзагообразно тянувшимися от одной искры к другой.

«Ты понимаешь то, что видишь?» — спросил капитан.

«Да. Искры на экране — звезды, цветные линии — возможные маршруты полета. Все маршруты начинаются в Танджи, но заканчиваются в различных солнечных системах».

«Правильно, — подтвердил Малуф. — Хотя конечные пункты маршрутов могут

изменяться, в зависимости от того, какие грузы попадутся по пути». Капитан вынул распечатку из прорези компьютера. Несколько минут он изучал полученные данные, после чего снова взглянул на экран: «Лучше всего взять «синий» курс. Дюайль на Скропусе станет первым перевалочным пунктом, оттуда в Коро-Коро, а затем в Какс на Бленкинсопе — это еще один перевалочный пункт». Он сложил распечатку и засунул ее в карман: «Теперь начинается настоящая работа — переговоры о заключении контрактов. Выжать прибыль из экспедитора труднее, чем вырвать кусок мяса из волчьей пасти. Что ж, остается только попытаться — может быть, в конечном счете у нас на руках останутся какие-нибудь гроши».

Малуф и Мирон вернулись в вестибюль космического вокзала. Руководствуясь компьютерной распечаткой, капитан смог заключить контракты на перевозку грузов по «синему» маршруту. Мирон с любопытством наблюдал за переговорами. Малуф вел себя так, словно процесс его мало интересовал, почти рассеянно. Судя по всему, однако, его методы были достаточно эффективны, и капитан очевидно остался доволен результатами. В конце концов Мирон не выдержал и спросил: «Почему у вас все идет гладко, как по маслу?»

Малуф улыбнулся: «По нескольким причинам. Я не требую невозможных уступок, в связи с чем никто не считает, что его принимают за дурака. Но важнее то, что я соглашаюсь брать «осиротевшие» грузы, пункты назначения которых находятся далеко от обычных маршрутов, на редко посещаемых планетах. Экспедитору осиротевшего груза приходится ждать появления «бродячего судна», такого, как «Гликка». Так как он платит неустойку за простой, ему больше не терпится избавиться от груза, чем мне — везти его в такую даль. Сегодня мы уже заключили несколько неплохих контрактов, но я сомневаюсь, что у нас будут полные трюмы. Посмотрим, не удастся ли нам подцепить что-нибудь еще».

Вечером Мирон подготовил манифест и запланировал экономичное размещение нового груза. Утром контейнеры и ящики, подлежавшие отгрузке, переместили со склада на погрузочную платформу, откуда их подняли в трюмы «Гликки» под бдительным наблюдением Мирона. Как и опасался капитан Малуф, объем товаров оказался недостаточным — один из трюмов полностью пустовал.

После полудня Малуф и Мирон снова направились в вестибюль космического вокзала, надеясь найти новые объявления о грузах, ожидавших отправления, но в списках не было никаких изменений, и оставались открытыми лишь несколько экспедиторских контор. В одной из этих контор дородный чернобородый субъект в опоясанном коричневом кафтане в черную полоску спорил с агентом, то льстиво выпрашивая у него какую-то услугу, то раздраженно настаивая на чем-то и подчеркивая свои замечания выразительными жестами. Экспедитор возражал, отвечая не менее выразительной жестикуляцией — он ни за что не соглашался удовлетворить требования посетителя. Терпение агента наконец истощилось. Он откинулся на спинку стула и тряс головой, отказываясь выслушивать дальнейшие доводы. С явным облегчением заметив капитана Малуфа, он указал на него чернобородому субъекту; человек в коричневом кафтане развернулся на месте, взглянул в сторону Малуфа, немедленно покинул контору экспедитора и почти бегом направился к капитану.

Наблюдая за этой последовательностью событий, Малуф помрачнел и пробормотал, чуть наклонившись к Мирону: «Увы! Сдается мне, что это пассажир».

Человек в кафтане остановился перед ними — невысокий, с маленькими ладонями и ступнями, успевший нарастить небольшое брюшко. Голова его была сплошь покрыта черными кудряшками, черная борода подстрижена «лопатой» сантиметрах в пяти под подбородком, на круглом серьезном лице выпучились карие собачьи глаза. Он представился:

«Меня зовут Детер Калаш, я из Луазонвиля на планете Комард. Как вы могли заметить, я занимаю высокое положение. По сути дела, я — перрумптер клантической секты, и в настоящее время выполняю обязанности путеразведчика группы из десяти пилигримов. Мы направляемся в место под названием Бесовская Высадка на планете Кирил. Пока что наше паломничество нельзя назвать спокойным и успешным. Мы взошли на борт пассажирского звездолета «Старый хрыч», доверившись обещанию доставить нас прямиком в Бесовскую Высадку. Но капитан Фоглер бесцеремонно изменил курс и оставил нас здесь со всем нашим багажом. Это причиняет нам огромное неудобство, потому что сроки паломничества имеют для нас большое значение».

«Достойное сожаления затруднение! — сказал Малуф. — Тем не менее…»

«Одну минуту — подождите, пожалуйста! Мне сообщили, что вы направляетесь в сектор Перголы, то есть в сторону Кирила, если даже не на Кирил как таковой! Поэтому я хотел бы сразу договориться с вами о перевозке одиннадцати пассажиров в Бесовскую Высадку, в каютах самой комфортабельной категории, вместе с одиннадцатью сундуками, содержащими священные реквизиты. Естественно, мы имеем право на благотворительную скидку в качестве подаяния, то есть наши сакральные сундуки подлежат бесплатной перевозке без учета в транспортной накладной — как, надо полагать, вы всегда перевозите багаж благочестивых паломников».

«Не всегда, — отозвался Малуф. — По сути дела, мы никогда так не делаем».

Глаза Калаша округлились от изумления: «Я вынужден настаивать на концессиях, традиционно предоставляемых жреческому сословию!»

Малуф глубоко вздохнул: «Прошу меня извинить — я скоро вернусь». Капитан пересек вестибюль и зашел в контору экспедитора. Там он задал вопрос; агент развернул несколько карт — Малуф сверился с ними, а также изучил изображение, появившиеся на экране компьютера агента. После этого он вернулся к Калашу и Мирону, знаком пригласив их сесть. Когда все трое уселись, Малуф обратился к чернобородому путеразведчику: «Надо полагать, у вас есть финансовые средства, позволяющие вам заплатить за проезд?»

«Само собой! — достоинство Калаша было явно оскорблено. — За кого вы нас принимаете — за спурионитов или за иноков Братства Проклятых?»

Малуф пожал плечами: «Мне все равно — лишь бы поездка была оплачена». Капитан вынул небольшую пачку желтой бумаги и самопишущее перо: «Прежде всего условимся. Вы желаете, чтобы мы доставили одиннадцать человек с багажом в Бесовскую Высадку на Кириле».

«Именно так! Как я уже упомянул, мы предпочитаем самые комфортабельные каюты, по возможности удешевленного класса «люкс». Багаж, в связи с его особыми свойствами, потребует особого обращения».

«Будьте добры, опишите этот багаж».

«Что тут еще описывать? — капризно возмутился Калаш. — Каждый из нас везет личные вещи, в том числе некоторое количество ритуальных реквизитов».

«В сундуках? Так это обычно делается?»

«В какой-то мере. А теперь послушайте! В том, что касается кухни, мы довольно-таки разборчивы…»

«Не сомневаюсь. Но прежде всего — еще несколько вопросов. Что содержится в ваших сундуках?»

Калаш нахмурился: «Каждый паломник везет с собой освящённый материал,

призванный обогатить субстанцию Кирила».

«И сундуки одинаковы по размерам?»

«Совершенно одинаковы».

«Ага! И каковы же размеры каждого сундука?»

Калаш ответил широким жестом: «Не имею ни малейшего представления. Такие детали меня не интересуют. Перейдем к обсуждению кулинарных требований».

Малуф не давал себя отвлечь: «Какой высоты эти сундуки? Примерно такой?» Капитан протянул ладонь примерно в полуметре над полом.

«Надо полагать, примерно такой. Что-то в этом роде, в любом случае».

Малуф поднял ладонь еще на полметра: «Или такой?»

Калаш рассмеялся: «Возможно! Но учитывайте, что я не инженер, меня никто не учил оценивать габариты на глаз».

Малуф поднял ладонь до уровня полутора метров над полом: «Такой высоты?»

Калаш нахмурился: «Нет, все-таки меньше».

Капитан сделал пометку на желтом листке: «Скажем, предположительно, метр двадцать пять сантиметров — что подлежит уточнению, конечно. Какой ширины ваши сундуки? Примерно такой?»

В конечном счете Калашу пришлось признать, что каждый из сундуков был примерно полтора метра в длину, метр в ширину и метр с четвертью в высоту.

Малуф делал пометки: «И у вас одиннадцать таких сундуков?»

Калаш сухо кивнул: «Помните! Все они проникнуты духовным озарением!»

Малуф продолжал расчеты: «Сундуки займут четверть грузового трюма. Применяются обычные расценки с учетом массы емкостей и всего их содержимого, включая духовное озарение. В качестве особой скидки мы согласны перевозить духовное озарение без наценки».

Калаш разразился протестующими возгласами, но капитан их игнорировал: «Возникает еще один вопрос. Кирил не предусмотрен в графике нашего полета. Мы высадим вас в Коро-Коро на Флютере. Это пересадочный пункт, откуда вы сможете долететь до Кирила на попутном корабле».

Круглые глаза Калаша увлажнились: «Нас нисколько не устраивает такая перспектива! Нам совершенно необходимо вовремя завершить Пятилетнюю Круговерть! Неужели вы не можете слегка отклониться от курса, чтобы включить Кирил в свой график и доставить нас в Бесовскую Высадку? Ведь для этого не потребуются особые затраты или усилия».

«В каком-то смысле это так. Тем не менее, упомянутое вами «отклонение от курса» потребует поворота под прямым углом, и вам придется заплатить за такое отклонение дополнительно».

«Это было бы очень удобно, — осторожно сказал Калаш, — если вы назовете соответствующую нашим финансовым возможностям цену, предусматривающую наш проезд со всеми удобствами непосредственно в пункт назначения».

«Мне приходится беспокоиться и о моих собственных финансовых возможностях, — парировал Малуф. — Могу, однако, сообщить вам наши расценки».

«Конечно, конечно! — нетерпеливо воскликнул Калаш. — Рассчитайте сумму на чистом листе бумаги, новым пером! Не нажимайте на перо слишком сильно! Само собой, я ожидаю церковного подаяния в полном размере!»

Малуф с улыбкой покачал головой: «Ваши ожидания беспочвенны. Но наши расценки

не чрезмерны».

Калаш тревожно дернул себя за бороду: «Рад слышать, рад слышать. Каковы же эти расценки?»

Малуф подвел итог: «Скажем так: по сто сольдо за перевозку каждого пилигрима, вместе с его сундуком, до Коро-Коро, плюс наценка в размере пятисот сольдо за дополнительную перевозку всех пилигримов со всеми сундуками до Кирила».

Калаш в отчаянии воздел руки к потолку: «Но это же просто возмутительно!»

«Если вы так считаете, у вас всегда есть альтернативный вариант», — спокойно сказал капитан.

«Какой именно?»

«Вы можете улететь на другом корабле».

«Но такой возможности нет! Никакое другое судно не летит в сектор Перголы».

«С этим я ничего не могу поделать».

Калаш принялся умолять жалобно напряженным тоном: «Проявите снисхождение к нам и к нашему паломничеству! Подобно древним рыцарям-паладинам, мы посвятили себя славным деяниям! Нередко нам приходится терпеть лишения, порой поистине мученические! И все же, направив стопы свои в пустыни Кирила, мы восславим благодетелей, оказавших нам помощь в пути!»

Малуф усмехнулся: «Мы тоже стремимся к славной, достойной благоговения цели: а именно к извлечению прибыли, которая позволяет нам выжить — дохода, выжатого, к нашей неописуемой радости, из скаредных пассажиров».

«Ваша философия вульгарна!»

«Ни в коем случае! — возразил Малуф. — Разумное отношение к действительности никогда не вульгарно. Такое отношение позволяет предположить, что, будучи способны позволить себе роскошь дорогостоящих религиозных обрядов, таких, как межзвездное паломничество, вы можете позволить себе оплату необходимой для такого паломничества поездки, в том числе оплату перевозки необычно громоздкого багажа».

Калаш колебался, пытаясь подыскать подходящий ответ. Мирон внимательно наблюдал за происходящим. По всей видимости, с каждой минутой перед его глазами открывался новый немаловажный аспект теории и практики межпланетных перевозок.

Калаш все еще не сдавался. Еще десять минут он упрашивал, угрожал, издавал жалобные возгласы, лебезил, приводил всевозможные доводы на основе трансцендентального вероучения, но в конце концов угрюмо пробурчал: «Похоже на то, что мне придется уступить вашим невероятным требованиям и расстаться с астрономической суммой. Я выбираю первый предложенный вами вариант: мы заплатим за проезд до Коро-Коро, а там уже попытаем счастья на последнем этапе пути».

«Как вам будет угодно».

Калаш смело заявил: «Сию минуту я могу выдать вам вексель, подлежащий оплате, в полном размере, в центральном управлении Клантического ордена. Разумеется, мне потребуется квитанция, подписанная вашим помощником в качестве свидетеля».

Малуф снова улыбнулся и покачал головой: «Таково последнее отчаянное упование религиозного фанатика».

«Я вас не понимаю», — напряженно и холодно сказал Калаш.

«Если ваш вексель не сто́ит ломаного гроша, что я смогу сделать? Искать вас в пустынях Кирила? Заставить вас вернуться в Танджи? Или просто удовольствоваться вашими

извинениями за допущенную ошибку?»

Калаш возвел к потолку собачьи карие глаза: «Вы мне нисколько не доверяете?»

«Нисколько».

Путеразведчик пилигримов продолжал ворчать и скулить, но капитан Малуф не проявлял сочувствия. В конце концов Калаш уплатил за проезд паломников наличными и пообещал собрать с попутчиков плату за перевозку сундуков.

Вечером Мирон наблюдал за тем, как сундуки пилигримов загружали в трюм № 3. Действительно, сундуки оказались одинаковыми и по размерам, и по внешнему виду: изготовленные из плотного темно-коричневого дерева, навощенного и отполированного до блеска, они были окованы бронзовыми полосами и закрыты на три замка каждый. В ответ на расспросы Мирону сообщили только то, что сундуки содержали в высшей степени священные и неприкосновенные культовые аксессуары.

Паломники гурьбой взошли по трапу «Гликки» — разномастная компания всевозможных возрастов, в том числе относительно молодой нахальный толстяк Полоскун и не менее наглый и развязный старикашка Бартхольд. Зейтцер отличался более покладистым темпераментом, тогда как Тунх, ворчливый и язвительный, подозревал всех и каждого в самых отвратительных намерениях. Праздного болтуна Лориса и мудреца Кершо разделяла еще бóльшая пропасть, в данном случае интеллектуальная. Перрумптер Калаш, будучи человеком более или менее обыкновенным в том, что касалось манер и поведения, порой прилагал чрезмерные усилия, пытаясь добиться уступок, за которые он не желал платить ни в коем случае. В частности, бросив первый взгляд на свою каюту, Калаш обратился к капитану Малуфу, протестуя в самых сильных выражениях; перрумптер утверждал, что термин «каюта самой комфортабельной категории» был совершенно неприменим в отношении спальных мест, отведенных паломникам.

Малуф только пожал плечами: «Так как мы предлагаем каюты только одной категории, термин «самая комфортабельная» применим к любой из них в равной степени».

Калаш продолжал возражать, но капитан отказался его слушать: «В дальнейшем, пожалуйста, обращайтесь с любыми жалобами к суперкарго — он, по возможности, устранит любые упущения».

Пилигримы тут же пожаловались Мирону на отсутствие надлежащих удобств в столовой: они не желали сидеть на скамьях, установленных с обеих сторон вдоль одного длинного стола. Они желали, чтобы каждого из них обслуживали за отдельным столом, накрытым льняной скатертью. Мирон немедленно согласился и подготовил меню, в котором цены соответствовали тем, каких можно было бы ожидать в роскошном ресторане, с тем примечанием, что с каждого обедающего будет ежедневно взиматься наценка за столовое белье в размере одного сольдо.

Калаш просмотрел меню с удивлением и неприязнью: «Я многого здесь не понимаю. Например, что это за блюдо, «вареные бобы в стиле Винго», по одному сольдо за порцию? А здесь? «Соленая макрель без приправ» за одно сольдо и семьдесят грошей? Мы не сможем ничего есть, если будем столько платить!»

«Вы могли бы предпочесть стандартное меню, нередко вполне приемлемое — причем стоимость перечисленных в нем блюд уже включена в стоимость проезда», — предложил Мирон.

«Да-да, — проворчал Калаш. — Мы попробуем стандартное меню».

Винго подал паломникам прекрасный обед: гуляш, пельмени в бульоне и свой

фирменный салат. Калаш был слишком занят поглощением этих блюд для того, чтобы жаловаться.

В тот же день, проходя мимо Мирона, капитан Малуф остановился и сказал: «Заметно, что ты постигаешь основы своей профессии. Несмотря на невинное выражение твоей физиономии, ты, пожалуй, сможешь успешно выполнять обязанности суперкарго».

2

«Гликка» вылетела из Танджи и взяла курс на звезду Тактона и ее планету Скропус, где находился их первый порт захода, Дюайль. В Дюайле «Гликка» должна была выгрузить партию химикатов, лекарств и гигиенических медицинских материалов, предназначенных для Рефункционария — исправительного учреждения, разместившегося в древнем дворце. Капитан надеялся — если повезет — найти здесь дополнительный груз, ожидавший дальнейшей перевозки: прессованную пыльцу, ароматическую камедь или, может быть, пару палет дерева драгоценных пород.

Мирон быстро приспособился к распорядку своей работы. Гораздо труднее оказалось справиться с записями Хильмара Крима и его необычайными методами бухгалтерского учета. Крим использовал систему сокращений, неразборчивых стенографических пометок и не поддающихся расшифровке иероглифов. Кроме того, многие финансовые подробности, такие, как портовые сборы, суммы, полученные складскими рабочими, авансы, выплаченные команде, и прочие случайные расходы, Крим вообще никогда не регистрировал. Он предпочитал держать промежуточный итог в голове до тех пор, пока у него не появлялось желание занести значение баланса в учетные книги. Такое желание появлялось у него нерегулярно, по капризу, в связи с чем в ведомостях нелегко было найти какие-либо осмысленные цифры.

В конце концов Мирон изобрел метод расчета, который он называл «усреднением по вдохновению». Это была прямолинейная система, позволявшая получать определенные результаты, хотя исходные данные в ней носили скорее интуитивный или даже произвольный характер. Руководствуясь этим принципом, Мирон заменял иероглифы Крима воображаемыми суммами, каковые он корректировал, пока они не позволяли получить надлежащий результат. Таким образом Мирон восстановил какую-то видимость порядка в учетных книгах, хотя не мог гарантировать абсолютную достоверность записей. Мало-помалу Мирон пришел к тому выводу, что точность цифр не имела большого значения постольку, поскольку цифры были указаны четким и уверенным почерком и в сумме позволяли подвести осмысленно выглядевший итог и согласовать счета. Капитан Малуф часто пытался проверять учетные записи, но процессы, применявшиеся Кримом, превосходили всякое понимание. Теперь, просматривая «вдохновенные» цифры Мирона, снабженные удобопонятными краткими пояснениями, капитан был вполне удовлетворен.

Дни проходили за днями, и Мирон все ближе знакомился со своими коллегами-астронавтами. Шватцендейл оказался, при ближайшем рассмотрении, стихийно непосредственной, непостоянной личностью с необузданным воображением, полной сюрпризов и вызывающих изумление способностей. Рядом с ним Винго выглядел человеком спокойным, методичным, склонным к глубокомыслию. С первого взгляда Шватцендейл производил впечатление мошенника привлекательной наружности, но с сомнительными привычками. Его физиономия — изящный подбородок, высокий лоб, разделенный треугольным выступом волос, и словно светящиеся прозрачные глаза — нередко побуждала незнакомцев принимать его за томного молодого эстета, даже за сибарита. Такое

представление нисколько не соответствовало действительности. По сути дела, Шватцендейл был человеком дерзким, непоседливым, с расточительными привычками и сумасбродными настроениями. Он бежал по жизни вприпрыжку, как ребенок, никогда не испытывая ни малейшего смущения. К практическим обязанностям инженера-механика Шватцендейл относился с презрительной яростью, как если бы это занятие было недостойно серьезного внимания со стороны человека с утонченными вкусами и блестящим интеллектом — то есть такого, как он. В том, что касалось самооценки, Шватцендейл был одновременно тщеславен и романтически наивен; он воображал себя азартным игроком и благородным искателем приключений. Время от времени Винго отзывался о выходках Шватцендейла с почтительным ужасом, смешанным с восхищением и неодобрением.

Будучи полной противоположностью механику, Винго — низенький, полный, голубоглазый, с редкими прядями светлых волос, ничуть не прикрывавших розовую лысину — был мягок и дружелюбен, всегда готов проявить сочувствие. Он страстно коллекционировал редкости — небольшие антикварные безделушки и любопытные диковины — причем ценил в них не столько стоимость, сколько изобретательность и мастерство изготовления. Кроме того, Винго увлекался фотографированием и занимался составлением того, что он называл «подборкой настроений» — стюард надеялся когда-нибудь опубликовать большой альбом под наименованием «Карнавал Ойкумены».

Винго проявлял пристальный интерес к сравнительной метафизике: к сектам, предрассудкам, исповеданиям и трансцендентальным философским воззрениям, с бесконечным разнообразием каковых он неизбежно сталкивался по мере того, как «Гликка» порхала с планеты на планету. Очутившись в новом, незнакомом месте, он непременно уделял внимание туземным мистическим верованиям. Шватцендейл осуждал в нем эту наклонность: «Винго, ты тратишь время зря! Все они говорят одну и ту же чушь разными словами, причем все, чего они от тебя хотят — денег, больше денег и еще больше денег! Какой смысл разбираться в этой болтовне? Во всей Вселенной нет ничего глупее и постыднее религиозного юродства и ханжества».

«Ты во многом прав, — признавал Винго. — Тем не менее, разве не существует вероятность того, что одно из вероучений на самом деле определяет смысл и назначение космоса? Если мы пропустим такую возможность, мы так никогда и не узнаем, что́ есть истина».

«В теории все может быть, — ворчал Шватцендейл. — На практике у тебя нет никаких шансов».

Винго покачивал в воздухе розовым указательным пальцем: «Не скажи! Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Откуда ты знаешь, что не просчитался? Тот, кто не играет, не выигрывает».

«Одними рассуждениями ничего не добьешься! — рычал Шватцендейл. — Сколько бы ты ни играл, тысячу раз или тысячу тысяч раз, ты останешься с носом, если у тебя нет никаких шансов!»

На это Винго только снисходительно качал головой.

В корабельной жизни паломников тоже установился своего рода привычный распорядок: они пили чай, критиковали блюда за обедом, отправляли какие-то обряды и обсуждали планету Кирил, где они намеревались совершить занимавшее примерно пять лет «кругохождение», тем самым заслужив почетное звание «круговертов».

После того, как Мирон привел в порядок учетные записи, у него иногда оставалось

свободное время. В таких случаях он помогал Винго в камбузе или Шватцендейлу в двигательном отсеке. Шватцендейл служил для Мирона неистощимым предметом любопытнейших наблюдений. Механик прекрасно сознавал тот факт, что природа наделила его идеальным телосложением и привлекательной внешностью, но полностью игнорировал это обстоятельство. В двигательном отсеке он работал быстро, с безукоризненной точностью, с абсолютной самоуверенностью и с характерным для него апломбом. Как правило, Шватцендейл выполнял любое поручение так, словно демонстрировал восхищенной публике, как это делается, после чего отходил на шаг, окинув отремонтированную деталь угрожающе-высокомерным взглядом — и тем самым предупреждая ее никогда больше не повторять допущенную ошибку. Мирон исподтишка следил за причудливыми повадками механика — ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного: за его неповторимыми привычками и причудами, язвительными шутками и неожиданными допущениями, за вопросительным наклоном его головы и приподнятыми, словно взлетающими локтями, за его манерой стремительно переходить с места на место размашистыми шагами. Иногда Мирону казалось, что все компоненты Шватцендейла были деформированы — но так, что подходили один к другому и слаженно функционировали именно по этой причине. В нем все было асимметрично, эксцентрично, наперекос. Шватцендейл напоминал шахматного коня, способного двигаться только прыжками, совершая непредсказуемый поворот в воздухе перед самым приземлением.

Однажды Мирон застал Шватцендейла за столом в салоне — механик раскладывал игральные карты. Ловкость почти незаметных для глаз движений его пальцев, заставлявших карты разлетаться и ложиться точно в предназначенных для них местах, заворожила Мирона. Шватцендейл неожиданно спросил Мирона: не известны ли тому какие-нибудь азартные игры, которые помогли бы им скоротать время и, может быть, поставить на кон монету-другую. Например, знакома ли Мирону игра под наименованием «швырломырло»?

Мирон признался в том, что никогда не слышал про «швырломырло» и никогда не практиковался в каких-либо иных азартных развлечениях: «От моего внимания не ускользнуло то обстоятельство, что в процессе азартной игры деньги переходят из одних рук в другие. Если я стану играть и выиграю, это не доставит мне особого удовольствия. Если я проиграю, меня станет преследовать сожаление о понесенной потере. Кроме того, я чувствовал бы себя последним дураком».

Шватцендейл криво усмехнулся: «Тебе чуждо первобытное возбуждение охоты. Игрок удовлетворяет кровожадные инстинкты, живущие в нас с незапамятных времен».

«Удачное сравнение! — заметил сидевший неподалеку Винго. — Загребающий выигрыш шулер подобен каннибалу, поглощающему плоть и кровь своей жертвы».

«Таковы настоятельные требования наших инстинктов! — заявил Шватцендейл. — Именно их внутреннее противоречие вызывает восторг торжества — или трагическое отчаяние».

Винго покачал головой: «Когда Фэй увлечен игрой, он часто забывает о чувстве собственного достоинства». Обратившись к Мирону, стюард прибавил: «Рекомендую сторониться азартных игр — в особенности с участием Шватцендейла. Он обчистит тебя до нитки так быстро, что ты это заметишь только тогда, когда схватишься за карман и обнаружишь, что в нем не осталось даже засморканного носового платка».

«Винго совершенно прав! — с готовностью подтвердил Шватцендейл. — Только дай мне такую возможность, и я оставлю тебя без штанов — так что ты и схватиться за карман

не сможешь!»

«Фэй не преувеличивает, — мрачно предупредил Винго. — У него выиграл однажды только знаменитый Проныра Монкриф — Фэй до сих пор морщится, когда об этом вспоминает».

Шватцендейл схватился за голову: «Зачем ты произносишь это имя? Я не успокоюсь, пока…»

«Пока не сыграешь с ним опять и не проиграешь еще больше. А после этого опять будешь сгорать со стыда».

«Нет, никогда, никогда!»

«Будем надеяться», — целомудренно заключил Винго.

3

Звезда Тактона разгоралась все ярче прямо по курсу, а затем, слегка отодвинувшись, пропустила «Гликку» к орбитальной плоскости своих планет. Четвертую орбиту занимал Скропус — мир чуть больше девяти с половиной тысяч километров в диаметре, с плотным ядром и стандартным притяжением.

Скропус превратился в сферу; горизонты разошлись, и стали заметны географические детали. Два больших континента почти спрятались под спиралями облачных вихрей, накрыв шапками южный и северный полюса, где преобладали нескончаемые снежные бури. Третий континент, Айра, очертаниями напоминавший саламандру, раскинулся по всему миру в тропической зоне к северу от экватора, где его не беспокоили штормовые ветры, громы и молнии, холодные ливни, пурга и метели, бушевавшие в полярных просторах. Мягкий солнечный свет, рассеянный дымчатой атмосферой, казалось, придавал цветам особую ясность и насыщенность. Синие, красные и зеленые тона будто светились изнутри, напоминая о восприятии мира, безвозвратно ушедшем в прошлое вместе с детством. Небо отличалось глубоким кобальтовым оттенком; по ночам единственная луна, Олантус, озаряла холмы зеленовато-серебряным сиянием. Ультрамариновые моря окаймляли берега слепящей радужными отблесками ярко-белой пеной прибоя.

«Гликка» приземлилась в центре тропического континента, на окраине хаотичного старого города Дюайля, неподалеку от Рефункционария.

Несколько тысяч лет тому назад Скропус скрывался далеко за невидимой пеленой Запределья, недостижимый для ойкуменических законов и надежно защищенный от МСБР. В те времена этот прекрасный мир был личной вотчиной Имбальда по прозвищу «Космический Султан»; репутация Имбальда во всей населенной людьми части Млечного Пути была такова, что при одном упоминании его имени разговор прерывался длительным молчанием. Имбальд был широк в плечах, очень высок — на добрый вершок выше двух метров — и весил полтора центнера. Размах воображения и амбиций Имбальда соответствовал его телосложению. Человек наблюдательный и проницательный, он подробно изучил историю и характер человечества, а его массовым жестокостям — хотя бы благодаря их не поддающимся представлению масштабам — было присуще особое абсурдное величие. В окрестностях города Дюайля он приказал возвести дворец, превосходивший во всех отношениях все произведения зодчих всех времен и народов. Дворец должен был отличаться невиданными архитектурной изысканностью и великолепием интерьеров, исключительными грацией и красотой прислуги и всепроникающей, бесподобной, поражающей глаз каждой мельчайшей деталью роскошью. Дворец был построен, и Космический Султан нарек его «Фанчен-Лалу». Для того, чтобы

отпраздновать торжественное открытие дворца, Имбальд разослал тысячу небольших космических кораблей во все пределы Ойкумены. Корабли вернулись на Скропус и привезли самых выдающихся людей той эпохи — в том числе ученых, музыкантов, философов, государственных деятелей и прочих всевозможных знаменитостей. Иные прибыли добровольно и охотно; большинство, однако, похитили и доставили насильно, невзирая на протесты и жалобы. Так или иначе, все они собрались во дворце Фанчен-Лалу; им отвели роскошные апартаменты, их обслуживали свиты расторопной прислуги, в их распоряжении были гардеробы аристократических нарядов. По велению Имбальда, они участвовали в обрядах, подтверждавших существование и значение дворца Фанчен-Лалу — и, тем самым, величие самого Имбальда, Космического Султана.

Церемонии и торжества продолжались три дня, после чего Имбальд, казнив нескольких знатных сановников, вызвавших его раздражение, отпустил остальных гостей домой.

Через несколько месяцев МСБР снарядила линейный флот, уничтоживший пиратскую флотилию Имбальда. Имбальд не мог поверить в свое поражение и остался в Фанчен-Лалу, где его осадили десантники МСБР. Космический Султан попал в западню: у него не было никакой возможности бежать, его неизбежно должны были найти и расстрелять на месте. Мысль об этом вызывала у него безудержную ярость — Имбальд еще не готов был умереть! Но у него не оставалось выбора. В безумии отчаяния он принялся разрушать Фанчен-Лалу, зал за драгоценным залом. Командир спецназа МСБР, сэр Ральф Вичинанца, человек образованный и восприимчивый, отказался допустить варварское уничтожение творения лучших архитекторов Ойкумены. Он вызвал Имбальда на переговоры и выдвинул разумное — даже щедрое, с его точки зрения, предложение. Имбальд должен был воздержаться от дальнейшего разрушения дворца и сдаться МСБР. После этого пирата-диктатора посадили бы в космический корабль, рубка управления которого была бы отделена от остальных помещений звездолета таким образом, чтобы Имбальд никогда не смог получить доступ к навигационной системе. Корабль должен был вылететь по предварительно заданному курсу за пределы Ойкумены и, в конечном счете, в межгалактическое пространство. Имбальд оставался бы на борту в полном одиночестве, но располагал бы запасом провизии, достаточным для пропитания на протяжении трех человеческих жизней. Ему предстояло улететь в неизведанные просторы и узреть перспективы, никогда еще не открывавшиеся взору человека. Но ему суждено было никогда не вернуться.

Имбальд размышлял не дольше пяти минут. Он поставил несколько условий, относившихся к качеству провизии и выбору вин, к интерьеру и удобствам салона и спальни, а также к содержанию библиотеки звездолета. Космический Султан признался сэру Ральфу, что давно уже хотел заняться сочинением своего жизнеописания, и что теперь, наконец, ему представилась такая возможность. Сэр Ральф пожелал ему многих лет безмятежного существования и отправил его в космос. Благодаря такому дипломатическому маневру бóльшая часть дворца Фанчен-Лалу была спасена. Проходили века; владельцами знаменитого дворца становились, одна за другой, новые организации и корпорации. Несколько раз предпринимались попытки реставрации — с переменным успехом. Теперь во дворце Фанчен-Лалу расположилось пенитенциарное учреждение, так называемый «Рефункционарий», вместе с подведомственными ему Институтом передовой пенологии и лабораторией психопатологических исследований.

Нынешние обитатели Скропуса были, в большинстве своем, потомками палачей и подручных Космического Султана, которым позволили сохранить сельские поместья. В них

не осталось ни следа необузданной жестокости предков — они сонливо прозябали в своих усадьбах, не одобряли Рефункционарий и время от времени посещали Дюайль, чтобы принять участие в очередном заседании Клуба садоводов или, если их окончательно одолевала скука, в каком-нибудь семинаре Общества межпланетного культурного обмена.

«Гликка» приземлилась у космического вокзала, рядом с вереницей высоких голубых и зеленовато-бирюзовых саговников, широко распустивших перистые ветви.

Мирон наблюдал за разгрузкой трюмов. Доставке в Рефункционарий подлежали три больших обрешеченных контейнера; перед тем, как их установили на передвижной платформе, однако, к Мирону подошел суперинтендант пенитенциарного комплекса — субъект благодушной наружности, средних лет, по имени Юэль Гартовер. На нем была аккуратная голубая униформа с белыми и черными лампасами; он обратился к суперкарго с такой сдержанной любезностью, что Мирон тут же согласился рассмотреть возможность выполнения его запроса. Гартовер хотел, чтобы «Гликка» перелетела на территорию исправительного учреждения, где тяжелые ящики могли выгрузить работники Рефункционария — это позволило бы избежать дополнительных затрат на перевозку доставленных материалов из космопорта.

Мирон передал пожелания суперинтенданта капитану Малуфу; тот не возражал. После загрузки в другой трюм прессованной пыльцы, предназначенной для заказчика в Каксе на Бленкинсопе, «Гликка» переместилась на площадку перед дворцом Фанчен-Лалу — капитан согласился предоставить такую услугу бесплатно.

Выражая благодарность, Юэль Гартовер предложил команде «Гликки» экскурсию по Рефункционарию. Вопреки влиянию времени и дюжины проектов «модернизации», Фанчен-Лалу во многом сохранил былое величие.

Не меньший интерес вызывали мужчины и женщины, занимавшиеся своими делами в залах древнего дворца. Они не походили друг на друга ни внешностью, ни одеждой; по словам Гартовера, среди них были надзиратели, стажеры из местного колледжа, исследователи из института и собственно преступники.

Винго удивился: «Все они бродят куда глаза глядят, никто и ничто их не удерживает! Мы окружены отчаянными головорезами! Как вы можете сохранять спокойствие?»

Гартовер усмехнулся: «Почему нет? Нашим заключенным есть чем заняться — им и в голову не приходит нарушать спокойствие».

«В высшей степени странно! — недоумевал Винго. — Надо полагать, самые буйные и кровожадные из них заперты в каком-то особом отделении?»

Продолжая улыбаться, Гартовер отрицательно покачал головой: «Учитывайте, пожалуйста, что в каком-то смысле это экспериментальное учреждение. Мы не отказались от ортодоксальных методов целиком и полностью — им тоже находится полезное применение — но в целом мы функционируем в режиме, который я назвал бы «динамическим оптимизмом». Термин «неудача» не входит в наш лексикон, а произносить слово «преступление» запрещено. Вместо этого мы говорим: «ошибка» или «недопустимое поведение». Это не значит, что мы — наивные идиоты-идеалисты, отрицающие существование жестокости и страданий. Мы — прагматичные психомеханики; наша цель состоит в том, чтобы сделать правонарушения и злоупотребления непривлекательными, чтобы соответствующие действия казались бессмысленными и неинтересными».

«Вы пытаетесь демонстрировать банальность зла, — пробормотал капитан Малуф. — Разве это заменяет нравственную систему ценностей?»

«И да, и нет, — ответил Гартовер. — В любом случае, если я спрошу, что такое нравственность, вы не сможете ответить».

Винго с сомнением покосился на Шватцендейла: «А что бы вы сказали о мерзавце, который подвесил чудовищное дохлое насекомое прямо над лицом спящего человека, осветил насекомое ярким фонарем, отошел в сторону и заорал: «Помогите! Помогите! Наступает конец света!»?»

Гартовер задумался, после чего вежливо сказал: «В отсутствие другой фактической информации я не могу обосновать диагноз. Тем не менее, можно предположить, что «мерзавец», как вы выразились — изобретательный плут, страдающий от отсутствия достаточных развлечений».

«Может быть».

Мирон спросил: «Преступники, которых содержат в Рефункционарии — ну хорошо, назовем их «людьми, которые вели себя недопустимо» — понимают, какой ущерб они нанесли другим?»

Гартовер поджал губы и пожал плечами: «Возможно, но это не имеет значения, потому что ваш вопрос относится к прошлому, а мы сосредоточиваем внимание на будущем. Мы стремимся внушать гордость, а не стыд».

«То есть, вы занимаетесь тем, что называется «реабилитацией»», — заметил Винго.

«Именно так! Раз уж об этом зашла речь, могу привести любопытный пример. Недавно поступивший к нам пациент, убивший обеих своих бабушек, заявил, что он полностью реабилитирован, так как у него нет никакой возможности повторить свои недопустимые действия ввиду отсутствия каких-либо других его бабушек. Должен сказать, что его аргументация в какой-то мере убедительна — в настоящее время Наблюдательный совет рассматривает его ходатайство».

Малуф нахмурился: «А вы не думаете, что таким образом вы подчиняете действительность теории? Другими словами, насколько целесообразен такой подход в практическом отношении?»

«Не беспокойтесь! Мы не только практичны, мы проницательны и умеем приспосабливаться. В Рефункционарии научились избегать педантичного применения одних и тех же традиционных методов в изменчивых, мимолетных ситуациях, возникающих и пропадающих, как огоньки светлячков в ночи. Каждому нарушителю общественного спокойствия свойственны генетические закономерности поведения, в какой-то степени поддающиеся классификации. Мы никогда не подходим к реабилитации тех, кто мучает животных, так же, как мы корректируем поведение тех, кто обжуливает вдов и сирот. Каждый случай требует модифицированного, индивидуального подхода, соответствующего предрасположенностям пациента. Нам приходится проявлять такт; некоторые из наших убийц — исключительно гордые люди, и мы не хотим дополнительно травмировать их представление о себе. Мы рассматриваем даже самые отвратительные поступки именно таким образом — как психические травмы, ожидающие исцеления. Мы избегаем позорящих обвинительных определений — в них нет необходимости — и с этой целью изобрели забавную хитрость: я имею в виду расцветку головных уборов. Убийцы носят белые кардинальские шапочки, фальшивомонетчики, мошенники и прочие обманщики — черные, а воры и грабители — зеленые. Шантажисты щеголяют в оранжевых шапочках; им полагаются также остроконечные козлиные бородки. Не спрашивайте меня, почему — просто установилась такая мода. Поджигатели ходят в лиловых шапочках, садисты,

наносившие увечья — в розовых, насильники и сексуальные извращенцы — в коричневых, и так далее. Наша система способствует здоровой конкуренции — каждая группа стремится отличиться хорошим поведением. Нередко такое безобидное соперничество позволяет пациентам от души повеселиться и вызывает у них энтузиазм. Каждый воодушевлен, никто не деморализован: такова наша цель. У нас человек может заявить, почти что с гордостью: «Да, я избивал свою жену! И теперь, отбросив всякие сожаления по этому поводу, я чувствую себя гораздо лучше!»

Впечатленный, Винго пробормотал: «Похоже на то, что вам удается то, что не удавалось еще никому».

Гартовер с сожалением развел руками: «Не могу отрицать, что в некоторых случаях нас постигает разочарование. Попадаются пациенты с врожденными антисоциальными характеристиками. Мы стараемся избегать понятий «добра» и «зла», но в конечном счете игра словами не помогает: зло существует, как бы его ни называли».

«И что вы делаете с такими неисправимыми злодеями?»

«Пытаемся применять самые эффективные методы: дружелюбные консультации, драматические представления, демонстрирующие выгоды добропорядочности, медитацию, трудотерапию, гипноз». Заметив кривую усмешку Шватцендейла, Гартовер вздохнул: «Как только я упоминаю о гипнозе, все без исключения относятся к этому скептически».

«Я от рождения неспособен поддаваться иллюзиям», — заявил Шватцендейл.

Гартовер улыбнулся: «В некоторых случаях скептицизм — не более чем догматическое невежество».

Шватцендейл не уступал: «Мне приходилось иметь дело с несколькими злодеями. Эти люди насквозь проникнуты злом, зло им свойственно так же, как воде свойственно быть мокрой, а космосу — бесконечным. Каждое их слово, каждый их жест, каждый фибр их души источали зло и служили злу. Вы могли бы гипнотизировать их сколько угодно — без всякой надежды на их исправление».

Гартовер переводил взгляд с лица на лицо: «Вы все придерживаетесь такого мнения? Никто из вас не верит в гипноз?»

Винго серьезно ответил: «Я всегда считал гипноз чем-то вроде салонного фокуса. Мудрецы говорят об «универсальном принципе», которому, по их словам, подчиняется всё. Когда мы возвысимся до седьмого уровня, мы постигнем истинный смысл добра и зла. Ни о каком гипнозе при этом не упоминается».

«Глубокий взгляд на вещи, что и говорить», — Гартовер повернулся к Мирону: «А вы?»

Мирон на некоторое время задумался, после чего выпалил: «Подозреваю, что многие из ваших так называемых «пациентов», после того, как их отсюда выпустят, выбросят гипноз из головы и вернутся к умерщвлению бабушек».

Гартовер вздохнул и взглянул на капитана: «Вы тоже так думаете?»

Малуф пожал плечами: «Так же, как любой другой, я сомневаюсь в эффективности гипноза, хотя у меня нет достаточного опыта, чтобы делать по этому поводу какие-либо окончательные выводы».

Гартовер рассмеялся: «Нам не удастся друг друга убедить — не сегодня, во всяком случае. А теперь позвольте предложить вам прохладительные напитки и закуски».

Суперинтендант Рефункционария провел гостей в свою частную трапезную и, попросив его извинить, удалился, чтобы сделать какие-то приготовления.

Четыре астронавта смотрели по сторонам с нескрываемым восхищением. В трапезной,

по-видимому, сохранился старинный интерьер дворца Фанчен-Лалу. Стены были обшиты панелями из бледного дерева оттенка слоновой кости и украшены изящными изображениями корзин с букетами, выложенными из микроскопических цветных стеклянных трубочек, подсвеченных изнутри. Стол представлял собой цельную пластину полированного темно-коричневого дерева больше полутора метров в ширину и метра четыре в длину, покрытую сложной, нигде не повторяющейся резьбой. Под потолком висела люстра уникальной конструкции. Шесть горизонтальных стеклянных дисков, почти метрового диаметра каждый, были разделены вертикальными промежутками высотой примерно в ладонь. Диски медленно вращались с различной скоростью и в различных направлениях. По каждому диску пробегали волнообразные потоки света различных оттенков. Мирон пытался определить зависимость расцветки и последовательности потоков света от скорости и направления вращения дисков, но после того, как десятый раз убедился в ошибочности очередной гипотезы, решил, что цвета генерировались методом случайной выборки.

Гартовер вернулся с большим подносом — на подносе стояли несколько бутылей вина, окруженные маленькими пирожными: «Прошу прощения за задержку — наш кухонный персонал проходит обязательный курс ораторского красноречия. Да-да, смейтесь, если хотите! Но мы считаем, что способность к самовыражению — необходимый элемент гармонично сбалансированной личности».

«Не сомневаюсь, что вы правы, — вежливо согласился капитан Малуф. — Мы восхищались настенными панелями и резьбой на столе. Все это сделано из местных материалов?»

«Каждая деталь! Туземная флора на удивление разнообразна. Например, дерево, из которого изготовлен этот стол, произрастает в море. Его корни погружены в дно на глубине больше ста метров, а массивный ствол устремляется ввысь. Во всех направлениях, на расстояние до тридцати метров, от ствола расходятся нити, поглощающие подводный свет. Когда ствол достигает поверхности моря, он разрастается горизонтально, образуя круглую жесткую площадку, а из центра этой площадки поднимаются десятки гибких жгутов, поддерживающих плодоносные органы. Чудесное растение, каждая часть которого находит полезное применение! По сути дела…» Гартовер вскочил на ноги: «Кажется. я могу предложить вам подобающие случаю сувениры». Он подошел к стоявшему в углу серванту, порылся в ящиках, вернулся к столу с четырьмя пузатыми деревянными баночками и раздал их гостям.

Шватцендейл снял крышку с полученной баночки и рассмотрел ее содержимое: «Что это такое?»

«Пыльца ультрамаринового дерева, пропитанная смолой того же дерева. Эту пыльцу называют также «дикой синькой» — иногда ее используют в церемониальных целях. Разумеется, она не токсична — совершенно безобидная мазь».

«Большое спасибо! — сказал капитан Малуф. — Эти красивые, тщательно изготовленные сосуды еще долго будут напоминать нам о вашем гостеприимстве. А ультрамариновая мазь всегда пригодится».

«В нашем инвентаре не значится ультрамариновая мазь, — задумчиво пробормотал Винго. — Необъяснимое упущение!»

Астронавты вернулись на борт своего звездолета, где паломники принялись упрекать их за то, что «Гликка» слишком долго торчит на Скропусе. «Возможно, вам некуда торопиться,

но мы спешим! — страстно восклицал Детер Калаш. — Время течет, как песок сквозь пальцы! Мы обязаны доставить сакральные реквизиты в Бесовскую Высадку до того, как начнется Каскадное Соединение!»

Мирон успокоительно заметил: «Как вы видите, мы уже покидаем Скропус».

«И сразу направимся в Коро-Коро?»

«К сожалению, нет. По пути нам придется остановиться еще в нескольких местах».

Шватцендейл присоединился к Винго в камбузе и сидел со стаканом ромового пунша в руках, пока Винго готовил ужин. Ни один из них еще не составил окончательное мнение о том, что они видели и слышали в Рефункционарии. Выводы Винго носили, пожалуй, более умеренный характер: «Как минимум это благородное начинание, и преданность Юэля Гартовера своему делу похвальна. Может быть, не все его усилия пропадут даром».

«Надо надеяться, — проворчал Шватцендейл. — В противном случае он выпустит на волю толпу кровожадных психов».

Честное розовое лицо стюарда поморщилось — он сомневался: «Конечно, Гартовер выпустит их на волю! В этом и состоит его план. Он простит их ошибки, исцелит их от стыда — и, когда наступит время, они вернутся в лоно общества с высоко поднятой головой, чтобы приносить пользу!»

Шватцендейл высоко поднял одну бровь, его локти нервно подернулись: «Смотри в лицо действительности! Добрая половина его пациентов-правонарушителей не в своем уме! Разве ты не заметил, сколько там было субъектов в серых шапочках, непрерывно что-то напевающих себе под нос?»

«Неважно. Большинство преступников — преступники только потому, что часть их мозга атрофировалась в процессе развития».

«После чего Гартовер их гипнотизирует и превращает в кишмиш все, что осталось от их мозгов».

Винго поджал губы: «В том, что ты говоришь, есть определенный смысл. Но не забывай!» Стюард поднял пухлый указательный палец и повторил любимую поговорку: «Что вредно одному, то полезно другому!» Взглянув на часы, Винго спохватился: «Я опаздываю! Пора подавать ужин».

Шватцендейл вернулся к себе в каюту. Команда «Гликки» ужинала отдельно от пассажиров, потому что капитан Малуф любил, чтобы за едой соблюдались формальности.

Четыре астронавта заняли места за столом. Все они надлежащим образом переоделись к ужину; каждый выкрасил нос ультрамариновой мазью из пузатой деревянной баночки. Повернувшись к Винго, Шватцендейл нахмурился: «Ты пропустил место под самым кончиком носа».

«Прошу прощения», — Винго отвернулся, чтобы устранить эту оплошность.

«Так-то будет лучше», — одобрил Шватцендейл.

В капитанский салон заглянул Детер Калаш. Взглянув на команду, он удивился: «Что это вы все выкрасили носы в синий цвет?»

«Не приставайте с глупыми вопросами! Мы ужинаем!» — грубо отозвался Шватцендейл.

Мирон вежливо ответил: «Насколько я понимаю, это часть формального этикета. Никогда не придавал этому особого значения».

Винго предложил дополнительное разъяснение: «Капитан Малуф требует, чтобы судовые традиции соблюдались неукоснительно. Все должно быть именно так, и никак

иначе».

«Понятно, — в замешательстве сказал Детер Калаш. — Говорят, сегодня вы посетили Рефункционарий. Как вам понравилось это заведение?»

«В общем и в целом там преобладает атмосфера терпимости, — решил поделиться впечатлениями Винго. — Заключенные носят шапочки разных цветов и, несмотря на то, что там придают абсурдно преувеличенное значение гипнотическому внушению, теоретические основы их исправительной методики представляются вполне разумными».

«Я тоже так думаю», — наклонил голову набок Шватцендейл. Ни Мирону, ни капитану не осталось ничего прибавить.

Калаш кивнул, показывая, что теперь все стало предельно ясно: «Всегда рад научиться чему-нибудь новому. Разноцветные шапочки на заключенных. Персонал проявляет терпимость. Теоретические основы разумны, за исключением абсурдной одержимости гипнотическим внушением. Я правильно понимаю?»

«Безошибочно! — заявил Винго. — Вы так быстро во всем разбираетесь, что разговаривать с вами — одно удовольствие».

4

Покинув Скропус, «Гликка» взяла новый курс, удаляясь по диагонали от центра Галактики к югу от плоскости ее вращения. Паломники не преминули заметить это обстоятельство и встревожились. Перрумптер напомнил капитану Малуфу о необходимости торопиться: «Десятки, сотни пилигримов ждут нашего прибытия!»

Малуф пытался его успокоить, ссылаясь на другие обязательства по перевозке грузов: «Мы движемся с практически оптимальной скоростью. Наше судно не просто мечется в пространстве туда-сюда — его курс соответствует аппроксимативному решению сложной математической задачи».

«Да-да — предположим, допустим! Несомненно, однако, что должны существовать другие, более целесообразные маршруты. Почему не направиться прямо в Коро-Коро? Или, что еще лучше, сразу повернуть к Бесовской Высадке, а потом уже, сделав изящный разворот, взять курс на Коро-Коро? На мой взгляд, это был бы самый оптимальный вариант! Ваши головокружительные расценки в любом случае оправдывают такую уступку».

«Если вы считаете, что мы не делаем того, о чем договорились, вы можете сойти с корабля и выгрузить свой багаж в следующем порту захода, — холодно ответил капитан. — В таком случае я верну вам деньги».

«Неужели? — Детер Калаш сразу насторожился. — И где находится этот следующий порт?»

«В Нежно-Ныряльске, на планете Терц».

«И оттуда можно долететь до Бесовской Высадки?»

«Насколько мне известно, вряд ли. Терц — во многих отношениях проблематичная планета, я не рекомендовал бы ожидать пересадки в Ныряльске».

Калаш яростно дернул себя за черную бороду: «Никто не посмеет утверждать, что я не держу свое слово! Придется соблюдать условия нашей первоначальной договоренности, какими бы сомнительными они ни были!»

Фэй Шватцендейл прислушивался к разговору. Теперь он вмешался, обращаясь к Калашу: «Вы слишком много беспокоитесь! Не напрягайтесь, наслаждайтесь путешествием! Вам нечего делать? Почему бы не сыграть во что-нибудь с вашими спутниками?»

«Мы — серьезные люди! — отрезал Детер Калаш. — Нам не подобает тратить время на

пустячные забавы».

Паломник по имени Дьюри подошел и нежно положил руку на плечо Калаша: «Поразмысли, путеразведчик! Круговерть — символ нашей веры. Судьба кругообразна: каждый движущийся сегмент бытия рано или поздно возвращается туда, где ему было положено начало!»

«Естественно! — раздраженно откликнулся Калаш. — Таково вероучение. Какое отношение это имеет к безмозглым развлечениям?»

«Самое непосредственное! Все и всегда имеет отношение ко всему! Все сущее существует! То, что существует — правильно! То, что правильно — хорошо! Следовательно, все существующее хорошо, и все хорошее существует! Круговерть замыкается».

«Твои рассуждения самоочевидны. Научись избегать прописных истин: необходимо также решать насущные вопросы по мере их возникновения. Упрямство капитана Малуфа непреодолимо — мы вынуждены приспосабливаться к действительности».

Дьюри ударил кулаком по ладони: «То, что есть, должно быть — ничто не нарушает этот принцип! Мы покоряемся судьбе — и, пока судьба направляет нас по неизбежному пути, почему бы не последовать совету судового механика? Мне надоело провозглашать позиции вращения по молитвенному кругу».

«Как хочешь, — обронил Калаш. — Не вовлекай меня в круг своего легкомыслия — это все, о чем я прошу».

Паломники тут же вынули припасенные игральные карты и принялись резаться в «дубль-моко», делая небольшие ставки. Шватцендейл время от времени благодушно поглядывал на их игру. Мало-помалу он стал проявлять интерес к этому процессу, хлопая в ладоши, когда кто-нибудь неожиданно выкладывал козырь, утешая игрока, которому не посчастливилось, и указывая на то, каким образом можно было избежать катастрофы. В конце концов Дьюри воскликнул: «Если вы такой энтузиаст, почему бы вам не рискнуть своими деньгами и не взять карты в руки? Тогда мы посмотрим, как вы справитесь с прожженными знатоками!»

Шватцендейл смущенно улыбнулся: «Я новичок — боюсь, у меня ничего не получится. Но почему не зайти по колено в воду, если все вокруг смело плещутся в волнах?»

Подтащив стул к столу, Шватцендейл присоединился к игрокам. Он взялся за дело неумело, и вскоре потерял свою последнюю ставку. «Так я и думал! — ворчал механик. — А теперь прошу меня извинить. Скоро ужин, мне пора выкрасить нос ультрамариновой мазью».

Шватцендейл играл с паломниками еще несколько раз и каждый раз расставался с деньгами — что, разумеется, побуждало паломников настойчиво приглашать его играть снова и снова. Тем временем ультрамариновая мазь в пузатых деревянных баночках кончилась, в связи с чем команде пришлось ужинать с неокрашенными носами. Сначала этот недостаток приводил их в замешательство. «Странно! — рассуждал Мирон. — Моя бабушка всегда придерживалась самых строгих правил, но у нее в доме мы никогда не красили носы».

«У нас в семье тоже никогда так не делали», — согласился Винго.

«Господа! — сказал капитан Малуф. — Так как обстановку на борту нашего судна трудно назвать официальной в полном смысле слова, предлагаю больше не беспокоиться по поводу синих носов». [1]

«Да уж, — слегка подавленным тоном отозвался Шватцендейл. — Никак не могу

понять, почему мы вообще стали красить носы».

«Что тут понимать? — пожал плечами капитан Малуф. — Хорошо еще, что Юэль Гартовер не приказал нам брить головы наголо или повязывать перед ужином кружевные воротнички на половые члены».

~

Глава 5

Далеко впереди становилась все ярче оранжевая искра, постепенно превратившаяся в гигантское солнце Бран. «Гликка» спустилась на поверхность третьей планеты, Терца — мира умеренных размеров с единственным континентом, почти кругосветным, но разделенным узким разрывом знаменитого бурями океана, создававшего бесчисленные глубокие заливы, бухты, извилистые фьорды, проливы и солоноватые внутренние моря.

Топография континента казалась преимущественно блеклой и пустынной — здесь было мало заметных рек, хотя о наличии пресной воды свидетельствовали несколько продолговатых лесных массивов и огромное болото, занимавшее практически все западное побережье. В других местах состав туземной фауны ограничивался несколькими видами птиц с жесткими кожистыми крыльями, ящерицами, рыбой и бронированными насекомыми. Немногочисленные человеческие популяции сосредоточились в шести изолированных районах, причем на протяжении восьми тысяч лет здесь образовались пять рас с практически несовместимыми характеристиками. Самым примитивным племенем были юче — кровожадные дикари-каннибалы с южных гор, обитавшие в пещерах и опустившиеся до культурного уровня каменного века. В центре континента, рядом с космопортом Шоло, в смежных районах жили шуйи и мелули: шуйи — на высоком плоскогорье, мелули — ниже, в степи. Шуйи и мелули охотились друг на друга как для развлечения, так и в коммерческих целях: они сдирали кожу с пленников, дубили ее и экспортировали на другие планеты. Острова в море у восточного побережья населяли тарки — исключительно худощавая и долговязая раса; они носили черные мантии и высокие клобуки, делавшие их похожими на жрецов какого-то таинственного культа, известного лишь посвященным. Тарки прибывали на длинных плоских морских баржах в портовый рыночный город Нежно-Ныряльск, где они торговали с береговыми цингалами; в ярмарочный сезон обе расы временно сдерживали взаимную ненависть.

МСБР рассматривала племена Терца как не поддающиеся влиянию цивилизации; их умиротворение считалось практически невозможным. Сотни раз здесь пытались организовать местные подразделения полиции, и каждый раз безуспешно. В настоящее время МСБР запрещала импортировать на Терц лучевое оружие и предупреждала туристов об опасностях этой планеты, во всех остальных отношениях предоставляя туземцам возможность жить и умирать по-своему.

Капитан Малуф уже несколько раз бывал на Терце. Еще перед тем, как «Гликка» начала тормозить в атмосфере, спускаясь по спирали, капитан проинформировал команду об условиях, которые следовало ожидать на поверхности: «Терц — не туристический заповедник, его дикие просторы не привлекают бродяг-романтиков. Этот мир одинаково опасен как для туземцев, так и для приезжих. Космопорт в Нежно-Ныряльске охраняется МСБР и поэтому относительно безопасен; рынок находится поблизости от космического вокзала — то есть, если вы зайдете на рынок, вас, скорее всего, не зарежут, не ошкурят и не съедят. Но если вы решите прогуляться вдоль причалов в поисках любовных утех, вас могут, конечно, обслужить местные проститутки, хотя с таким же успехом вас могут избить или ограбить».

Перрумптер Калаш объявил, что пилигримы останутся на борту: «Нас не интересуют распутные обычаи этих странных дикарей. Зачем рисковать головой? Только для того, чтобы

взглянуть на экзотические наряды и обряды? Сомнительное удовольствие — предавайтесь ему сами, если вам так хочется».

Винго с улыбкой возразил на том основании, что любые новые познания могут только способствовать дальнейшему пониманию судьбы человека: «Всякий раз, когда группа людей заявляет, что руководствуется незнакомыми мне принципами, я знаю, что найду на их планете ценный материал для моей фотографической «подборки настроений»».

Калаш цинично усмехнулся: «Все мы сделаны из одного теста. Вы ничем не лучше других».

«Неправда! — заявил Винго. — Для меня это важно. Я считаю, что у меня есть особая редкая способность запечатлевать сущность места и времени в одном мгновенном снимке».

«Так вам кажется. Но зачем стараться, в любом случае?»

«Я пополняю альбом замечательных фотографий, который издадут под названием «Карнавал Ойкумены» — тружусь, не покладая рук!»

Калаш проникся пущим скептицизмом: «Все это не более, чем щекотание нервов и потворство нездоровому любопытству».

«Неправда, неправда! — возбужденно восклицал Винго. — Я руководствуюсь исключительно артистическими побуждениями! Чем еще я мог бы руководствоваться? Я решительно осуждаю жестокость и порок!»

Калаш потерял интерес к обсуждению: «Вполне может быть».

Винго, однако, продолжал разъяснять свои намерения: «Рождаются и умирают бесчисленные триллионы обитателей ойкуменических планет — и, тем не менее, каждый раз, когда я запечатлеваю фотографическое «настроение», я чувствую, что причащаюсь к опыту всей человеческой расы!»

«Делайте, что хотите, — пробормотал Детер Калаш. — Мне все равно».

«Надеюсь, мне удалось убедить вас в чистоте моих намерений, — вежливо сказал Винго. — Вопреки вашим подозрениям, я вовсе не стремлюсь раболепно привлечь внимание публики какими-то сенсациями! Поэтому будет очень жаль, если мне не удастся заснять представителей необычайных народностей Терца и включить их портреты в мой сборник».

Калаш нетерпеливо дернул себя за бороду: «Довольно! Достаточно! Вы меня убедили». Он поспешил присоединиться к компании паломников, чтобы беспрепятственно изложить им свое мнение о причудах и претензиях судового повара.

Повернувшись к Винго, капитан Малуф повторил свое предупреждение: «Не забывай что местные жители — вовсе не ценители произведений искусства. Если им почему-либо покажется, что ты ведешь себя нахально, они тебе уши отрежут».

Винго трезво пообещал соблюдать осторожность.

«Гликка» приземлилась в космопорте Нежно-Ныряльска, откуда можно было видеть просторы Восточного океана. Мирон наблюдал за разгрузкой трюмов, а капитан Малуф отправился на космический вокзал, чтобы попытаться заключить новые контракты с экспедиторами. Ему удалось договориться о перевозке нескольких ящиков; кроме того, ему сообщили, что на следующее утро с островов должна была приплыть еженедельная баржа, в связи с чем могла возникнуть возможность отправки дополнительных экспортных товаров. Малуф согласился подождать с отлетом в Шоло до следующего дня.

После обеда Малуф, Винго, Шватцендейл и Мирон отважились выйти из вокзала. У выездных ворот им преградил путь молодой человек в униформе агента МСБР: «Господа, могу ли я поинтересоваться, куда вы направляетесь, и с какой целью?»

«Мы идем на рынок, — ответил капитан Малуф. — Никакой особенной цели у нас нет — мы просто любопытствуем, хотя Винго хотел бы сделать тайком несколько фотографий для своей «подборки настроений»».

Агент МСБР взглянул на Винго с некоторым любопытством. Так же, как и в других подобных случаях, стюард напялил просторный плащ табачного оттенка, широкополую коричневую шляпу и мягкие кожаные сапоги. Такой костюм, по мнению Винго, отражал романтический дух богемного образа жизни, присущего настоящим артистическим натурам.

Молодой агент вежливо заметил: «Моя бабушка тоже увлекалась фотографией — по сути дела, ни о чем больше не думала».

«Я предпочитаю рассматривать себя как свободного художника, — с некоторым напряжением сообщил Винго. — Мой сборник включает существенные характерные изображения, иллюстрирующие не поддающиеся словесному определению свойства ойкуменической души».

«Замечательная идея! Позвольте, однако, вас предупредить! Будьте очень осторожны на рынке. Если вы сфотографируете чью-нибудь душу, ее обладатель потребует с вас соответствующую плату — пять или десять сольдо — и сумеет причинять вам всевозможные неприятности и неудобства, пока вы не заплатите».

«Я не вчера родился, — с достоинством ответствовал Винго. — Я снимаю совершенно незаметно — ни у кого даже не возникнет никаких подозрений».

«Рад слышать! — отозвался агент. — Тем не менее, сохраняйте бдительность, а то с вас совершенно незаметно снимут сапоги — так, что у вас даже не возникнет никаких подозрений».

Винго с отвращением покачал головой: «Похоже на то, что у местных жителей полностью отсутствует всякое понятие о чести».

«Вполне справедливая оценка ситуации. А теперь: пытается ли кто-нибудь из вас пронести лучевые пистолеты, лазерные огнеметы или молекулярные гранаты-распылители? Совершенно необходимо, чтобы такое оружие не попало в руки местных бандитов — то есть, по сути дела, большинства населения».

«У меня с собой бамбуковая трость, — сказал капитан Малуф, демонстрируя этот предмет. — Ее единственным энергетическим приводом служит мышечное усилие моей руки».

Другие заявили об отсутствии у них какой-либо контрабанды, и агент МСБР пропустил их через ворота: «Последний совет: не выходите с территории рынка! Если вы зайдете выпить под какой-нибудь из рюмочных навесов на набережной, вас могут одурманить и ограбить — если не хуже. Даже на рынке не расслабляйтесь. К вам может подойти музыкант, играющий на баяне, с парой хорошеньких танцующих и кувыркающихся детишек. «Какие очаровательные малыши!» — подумаете вы. И в тот же момент мальчишка, делая сальто-мортале, пнет вас в пах туфлей с окованным железом носком. Как только вы упадете на землю, он усядется вам на шею и станет сворачивать вам нос на сторону, пока девчонка вытаскивает кошелек у вас из-за пазухи, после чего они прыснут в разные стороны и растворятся в толпе. Тем временем музыкант заиграет другую мелодию и потребует с вас чаевых».

«Мы будем внимательно следить за приближением баянистов и прочих негодяев, — пообещал капитан Малуф. — Сомневаюсь, что нас застанут врасплох».

«Удачи!» — напутствовал их молодой агент межпланетной службы безопасности.

Четыре астронавта вышли из ворот на рынок и остановились, чтобы осмотреться. Лавина впечатлений, заполонившая органы чувств, не позволяла сразу разобраться в происходящем: цвета, шум и суматоха ошеломляли, как сочетание оглушительных диссонансов; вонь перезрелых фруктов, подгнившей рыбы и кипящих горшков с требухой, казалось, вздымалась и колыхалась, как ожившая субстанция. За вереницей ятаганных деревьев вздымался пронзенный резко контрастирующими темными силуэтами их стволов громадный бледно-оранжевый шар солнца. Рынок заполняла чересполосица пересекающихся проходов между прилавками, тачками и ларьками. Торговцами здесь были представители расы цингалов: жилистые, находившиеся в постоянном движении люди с кожей оливково-загорелого оттенка, черными волосами, сверкающими карими глазами и впалыми щеками. Они носили белые юбки до колен и короткие белые блузки; голову они повязывали цветными шарфами, надвинутыми на лоб. Цингалы предлагали товары со страстной настойчивостью, расхаживая взад и вперед, жестикулируя, выбегая в проход, чтобы схватить за локоть прохожего, и странно пританцовывая за прилавками, словно они никак не могли устоять на месте — все это время они расхваливали свое добро мелодичными причитаниями и возгласами притворного восхищения, стараясь перекричать соседей-конкурентов.

Четыре астронавта приступили к изучению рынка, постоянно оглядываясь, чтобы приближение вора или мошенника не стало для них неожиданностью. Это позволило им избежать большинства возможных неприятностей, если не считать нескольких незначительных инцидентов.

Первый из этих эпизодов впоследствии послужил для них источником изрядного саркастического веселья. Побродив по рынку полчаса, они взошли по трем ступеням на помост под навесом, где подавали освежительные напитки, чтобы попробовать местное пиво. Приближаясь к их столу, обслуживавшая желающих промочить горло женщина любопытным образом перетасовала пачку меню, которую она держала в руках, прежде чем выдать одно из меню астронавтам.

Это обстоятельство сразу возбудило подозрения наблюдательного Шватцендейла. «Эй, голубушка! — закричал он. — Будьте добры, выдайте по одному меню каждому из нас!»

Отходя, женщина обернулась и отрезала: «У нас так не делается! Одного меню достаточно — каждый может прочесть его другим».

Как только она ушла, Шватцендейл проворно заменил выданное меню другим, оставленным кем-то на соседнем столе. Когда женщина вернулась, она выслушала пожелания астронавтов с выражением угрюмой снисходительности, после чего принесла им четыре кружки слегка выдохшегося пива и блюдо жареных морских моллюсков. Когда команда «Гликки» покончила с пивом и закусками, он подали знак, что готовы рассчитаться. Женщина потребовала три сольдо и двадцать грошей, не считая чаевых.

Наклонив голову набок, Шватцендейл расхохотался: «Вы здорово промахнулись!» Он указал на меню: «Мы должны вам за четыре кружки пива и блюдо того, что здесь называется «жареным уловом». В общей сложности это обойдется в шестьдесят грошей. Принимая во внимание вашу беспардонную жадность, думаю, что чаевые вам не полагаются. Вот ваши деньги». Механик выложил монеты на стол.

«Вы что себе позволяете?!» — возопила женщина.

Шватцендейл подмигнул повару: «Самое время запечатлеть одно из твоих «настроений»».

«Прекрасная мысль!» — одобрил Винго.

Женщина страстно протестовала: «Цены указаны в меню! У нас респектабельное заведение! Я не позволю себя обманывать!»

Шватцендейл показал ей меню: «Да, цены указаны однозначно. Взгляните сами!»

Женщина изумленно уставилась в меню, после чего убежала в кухню.

Поднявшись на ноги, капитан Малуф тут же сказал: «Быстро! Пошли отсюда!»

Все четверо спрыгнули с помоста. Женщина выбежала из кухни с ведром, полным рыбьих кишок, и выплеснула их вслед убегающим астронавтам. К тому времени они уже были достаточно далеко, и отбросы угодили прямо в лицо никак не ожидавшему этого прохожему-цингалу. Мгновенно разъярившись, тот вспрыгнул на помост и хорошенько оттузил обидчицу. Полюбовавшись на эту сцену, команда «Гликки» пошла своей дорогой; Винго довольно ухмылялся — он успел заснять редкие кадры.

В центральном проходе рынка имел место второй инцидент. Здесь собралась труппа из шести акробатов, ожидавших появления зрителей, готовых заплатить за представление. Как только астронавты стали приближаться к акробатам, им навстречу выступил руководитель труппы: мускулистый приземистый человек с бритой головой, мощными икрами и бедрами, пышными черными усами и горестно полуприкрытыми глазами. Он развел руки в стороны: «Господа! Перед вами — знаменитые «Скарбуш-Лораки»! За небольшую мзду мы покажем вам чудеса силы и ловкости под аккомпанемент вокального ансамбля. Мы взимаем очень умеренную плату».

«Стойте! — размахивая руками, закричал Малуф. — Не начинайте представление! Мы ничего не заплатим! Даже если вы начнете, мы не будем смотреть!»

«Нас это вполне устраивает, — сказал предводитель акробатов, отвесив глубокий поклон и взмахнув рукой так, словно он снял несуществующую шляпу. — Платно или бесплатно, мы все равно устроим представление, чтобы оказать вам уважение». Подтянувшись, он рявкнул: «Гип! Гип! Хуссаа!» Его помощники вспрыгнули на него, а затем друг на друга, образуя четырехэтажную башню из человеческих тел, державшуюся на широких плечах предводителя — усы лысого атлета задрожали, он оскалился от напряжения. Что-то соскользнуло — ошибка! Равновесие нарушилось! Человеческая башня накренилась; предводитель сделал несколько быстрых шатких шагов вперед, словно пытаясь удержать падающее сооружение — но тщетно. Акробаты повалились на астронавтов: Мирон и Винго распластались на земле под кувыркающимися телами. Мирон почувствовал, что его ощупывают проворные пальцы; пытаясь вывернуться и откатиться в сторону, он услышал, как что-то просвистело в воздухе, после чего раздались жалобные вопли. Наконец Мирон освободился и поднялся на ноги — но где был его плащ? Плащ пропал! Винго лежал на спине, яростно дергая ногами и крича — предводитель акробатической труппы пытался стащить с него сапоги. Шватцендейл сделал шаг к усатому акробату и протянул палец. В лицо предводителя труппы дунуло облачко мелких брызг. Шипя от боли и задыхаясь, тот отшатнулся. Малуф нанес еще несколько ударов бамбуковой тростью. Один из акробатов, стараясь уклониться от очередного удара, наткнулся на прилавок ближайшего торговца — корзина, полная небольших желтых фруктов, опрокинулась, рассыпав содержимое по проходу. Разозлившись, торговец огрел акробата по шее большой соленой рыбой. Акробат убежал, сопровождаемый изобретательными проклятиями торговца.

Капитан Малуф отдал Мирону его плащ: «Им попало по самым чувствительным местам — не думаю, что сегодня они снова соберутся грабить прохожих».

Раскрасневшийся Винго негодовал: «Мерзавец хотел стащить с меня сапоги, не проявляя ни малейшего сочувствия к моим бедным ступням! Об этом нужно сообщить в МСБР!»

«Сообщить можно, — согласился капитан. — Сомневаюсь, однако, что здешний агент удивится. Циркачам вообще нельзя доверять. Ну что, пойдем дальше? В лавке на углу, кажется, продают какие-то интересные ткани».

Винго постарался успокоиться: «Хорошо. Кстати, нам не помешали бы новые скатерти — эти замысловатые орнаменты всем понравятся».

Третий нежелательный инцидент не заставил себя ждать.

Перед прилавком были вывешены несколько отрезов ткани — якобы для того, чтобы продемонстрировать их узорчатую раскраску. Когда Винго наклонился, чтобы рассмотреть и пощупать ткань, его сумка, висевшая на наплечном кожаном ремешке, оказалась над краем прилавка. Полотна ткани перед прилавком слегка разошлись в стороны. В прорези появились ножницы, осторожно сомкнувшиеся на ремешке, державшем сумку стюарда. Стоявший чуть в стороне капитан Малуф заметил происходящее. Схватив руку с ножницами, он с силой потянул ее на себя и выдернул ножницы: из-под прилавка вывалилась старуха с огромным носом, спутанными седыми волосами и костлявыми конечностями. Кряхтя и стеная, она попыталась отползти на четвереньках. Малуф огрел ее бамбуковой тростью по заднице, после чего добавил еще пару ударов для острастки. Взобравшись на ноги, старуха разразилась многоэтажной руганью и стала наступать на Малуфа. Капитан удерживал ее на безопасном расстоянии концом трости; раздраженная невозможностью расцарапать ему лицо, старуха стала плеваться, а ее проклятия приобрели самый несдержанный характер. Малуф сказал спутникам: «Я нахожу здешнюю манеру выражаться неприличной. Пора возвращаться на корабль».

«Не могу с вами не согласиться, — с отвращением отозвался Винго. — Я потерял всякий интерес к этой ткани. В любом случае, материал никуда не годится».

Малуф обратился к старухе: «Мадам, вам следовало бы постыдиться! Вы промышляете позорным ремеслом и употребляете непечатные выражения. В наказание я позволю себе конфисковать ваши ножницы».

«Нет! Не смей! Это мои лучшие ножницы, фирмы «Глитцер»!»

«Вам следовало подумать об этом прежде, чем вы попытались ограбить беднягу Винго. В следующий раз будете знать!» Малуф повернулся к спутникам: «Пойдем?»

Астронавты направились по проходу к воротам космического вокзала. Старуха хромала за ними, подпрыгивая и выкрикивая оскорбления в адрес Малуфа и всех его предков. Притворяясь, что поправляет плащ, Винго сфотографировал несколько «настроений» — впоследствии эти изображения производили большое впечатление на всех, кто их видел. В конце концов капитан сжалился и положил ножницы на землю. Старуха рванулась вперед и схватила их, взорвавшись последним каскадом ужасных ругательств, задрала юбку и показала уходящим астронавтам зад, после чего заковыляла восвояси, торжествующе потрясая ножницами.

«Гнетущее зрелище, — скорбно заметил Винго. — Больно смотреть на то, как готовы унижаться человеческие существа».

Они дошли до ворот без дальнейших приключений. Молодой агент МСБР приветствовал их вопросом: «Как вам понравился рынок?»

«Здесь много любопытного, но не все пришлось нам по вкусу», — ответил капитан.

«Мы решили закусить на помосте под навесом посреди рынка, — сообщил Шватцендейл. — Пиво у них выдохлось, «жареный улов» — позавчерашний, а женщина, обслуживающая посетителей, вела себя грубо и пыталась нас обсчитать. Не могу рекомендовать это заведение».

«Обязательно учту ваши замечания, — отозвался агент. — Значит, вы больше не пойдете на рынок?»

«Не в этот раз, — сказал капитан Малуф. — Утром мы вылетаем в Шоло».

«Хм! Позвольте кое-что вам посоветовать — разумеется, неофициально. Темные дела творятся в Шоло! Никуда не ходите в одиночку. Держите оружие наготове. Стреляйте первыми и сразу, а вопросы — если вообще потребуются какие-нибудь вопросы — задавайте не в то же время и не в том же месте, а как можно дальше оттуда и по прошествии длительного времени. Даже если вы будете принимать все возможные меры предосторожности, в Шоло с вас могут спустить шкуру в самом буквальном смысле».

2

Наутро «Гликка» воспарила над Нежно-Ныряльском и заскользила по воздуху на запад над пустошами, солончаками, горными хребтами и засушливой степью. Острые скальные обнажения и вулканические останцы торчали подобно гигантским заброшенным монументам, отбрасывая мрачные черные тени в косых лучах оранжевого солнца. Степь тянулась на сотни километров, пока не наткнулась наконец на эскарп Пантона, названный в незапамятные времена в честь разведчика-заявителя Жюля Пантона, первооткрывателя Терца. Гигантский обрыв вздымался на восемьсот метров над степью, а поселок Шоло, вместе со своим космопортом, приютился в его основании.

Эскарп разделял территории двух враждующих племен: мелули населяли плоскогорье, начинавшееся за утесами, а шуйи кочевали внизу по степи. Несмотря на сходство культур и обычаев, внешне эти народы отличались настолько, что один вид представителя другой расы вызывал у них сильнейшее отвращение.

Малуф как-то раз уже доставлял груз в Шоло. «Шуйи и мелули! Их не перепутаешь, — говорил Мирону капитан. — Шуйи — бледные люди, с кожей оттенка старой слоновой кости и рыжевато-коричневыми волосами. У них заостренные уши — их дети часто похожи на маленьких чертенят и могут даже показаться забавными, если не поворачиваться к ним спиной. Мелули — тощее, угловатое племя с хищными лицами цвета сырой глины; они передвигаются нервными толчками, как марионетки в руках неумелого кукольника. Шуйи относительно цивилизованы — если в данном случае этот термин вообще применим. В их таверну, рядом с космопортом в Шоло, можно даже зайти, не подвергаясь особой опасности — соблюдая осторожность, конечно. И шуйи, и мелули экспортируют кипы дубленой человеческой кожи. Они заявляют, что вынуждены этим заниматься, потому что им больше нечего экспортировать».

«Интересная, но мрачная планета! — заметил Мирон. — И чьими же шкурами они торгуют?»

«Их устраивает кожа любого человека, независимо от того, дорожит ли он своей шкурой. Шуйи и мелули охотятся друг на друга, а также совершают набеги на пещерных каннибалов племени юче. Любой труп считается полезной добычей, если он еще не подгнил. Инопланетяне нередко приносят здесь пользу — особенно ценятся тела светлокожих блондинов». Капитан Малуф многозначительно взглянул на гладкие светлые волосы Мирона, но воздержался от дальнейших замечаний.

Мирон недоуменно спросил: «И мы подрядились везти отсюда партию человеческих кож?»

Капитан пожал плечами: «Почему нет? Дубленую кожу отправляют в Какс на Бленкинсопе — а мы все равно туда летим. Если мы не возьмем этот груз, его подберет следующее судно».

Мирону пришлось согласиться с убедительностью такого аргумента. «А что делают с этими кожами в Каксе?» — поинтересовался он.

«Обшивку мебели и стен, гобелены, драпировки. Встречаются коллекционные изделия редкостной красоты. Художники используют кожи в своих композициях. Я видел на аукционе одно такое произведение, оно называлось «Детская игра». Большая деревянная панель, расписанная маслом, изображала сад. На панель были наклеены шкурки восьми детей в таких позах, словно они играли в чехарду и кружились хороводом. У них были плоские, как картонные маски, лица с губами, искривленными смехом, а пустые глазницы смотрели прямо на меня. За эту картину заплатили сумасшедшие деньги. Но какое нам дело! Мы астронавты, а не искусствоведы. У «Гликки» не случится несварение желудка от того, что́ лежит у нее в трюме».

Эскарп Пантона пересекал ландшафт от горизонта до горизонта. «Гликка» спускалась на площадку космопорта Шоло, почти в тени головокружительных отвесных утесов. Сверху поселок Шоло не производил большого впечатления. Здесь находились примитивный литейный цех, несколько замызганных лавок, дубильня с отстойником, контора экспедитора, склад и таверна «Ода к радости» — все эти сооружения окружали прямоугольную центральную площадь. По степи беспорядочно рассеялись скопления хижин с огородиками, засаженными бобовыми кустами, бадейником и шкиркевицей.

После приземления капитан Малуф собрал команду и пассажиров в главном салоне. «Я здесь уже бывал однажды, — напомнил он. — Тогда, много лет тому назад, Шоло был странным и опасным местом. Не думаю, что с тех пор здесь что-нибудь изменилось к лучшему. Если вы покинете корабль, дорожите своей шкурой не меньше, чем ею дорожит каждый встречный шуйя! Никуда не ходите в одиночку. Если зайдете в таверну «Ода к радости», следите за тем, что́ там подают. Избегайте лавочников — они в любом случае не предлагают ничего, что могло бы вам пригодиться. Здесь нет проституток — их присутствие было бы излишним, так как шуйям неизвестно целомудрие. Но не поддавайтесь эмоциональным порывам! Если вы засвидетельствуете почтение местной остроухой красавице, она отдаст должное вашим достоинствам, но не достоинствам галантного джентльмена, а достоинствам ходячей шкуры той или иной стоимости».

«Невероятно! — с отвращением воскликнул Детер Калаш. — Здесь нас ничто не привлекает. Предлагаю немедленно вылететь в Коро-Коро».

«Придется подождать, — возразил Мирон. — Доставленный товар еще не выгрузили».

«Кроме того, — заметил Винго, — местные жители поистине интересны — хотя бы потому, что руководствуются в повседневном быту тем, что можно было бы назвать «деформированной системой ценностей». Я не прочь хотя бы мельком взглянуть на них».

«Как вам будет угодно! — отрезал Калаш. — Но помните! Если вас убьют, если вас ошкурят, или если вам нанесут какой-либо иной ущерб таким образом, что от этого пострадает качество корабельных блюд, мы потребуем от капитана Малуфа возвращения существенной суммы!»

«Хорошо сказано! — подхватил Шватцендейл. — Причем любая такая сумма,

подлежащая возврату, будет вычтена из жалованья Винго!»

«Вам бы все шутки шутить! — обиделся стюард. — Здешние племена подчиняются таинственным правилам, заменяющим нравственные установки. Было бы любопытно узнать, поддаются ли эти правила формулировке, которая сделала бы их более понятными для нас».

«Несомненно, — кивнул Малуф. — Но, прошу тебя, не занимайся исследованиями! Примерно десять лет тому назад группа этнологов прибыла в Шоло в сопровождении студентов-аспирантов, руководствуясь именно такими намерениями. У них было самое современное оборудование, и они досконально разбирались в сравнительной этнографии. Нескольких исследователей съели юче, а остальные пожертвовали свои шкуры шуйям».

Винго сокрушенно качал головой: «Грустная история. И все же, на мой взгляд, возмущаться по этому поводу бессмысленно. Иногда мне кажется, что добродетель и порок — нечто вроде летучих мышей, шарахающихся в темном погребе человеческого подсознания. Они не поддаются определению, устраивающему всех и каждого».

«Молодец, Винго! — похвалил повара Малуф. — Невозможно отрицать, что у тебя хорошо подвешен язык».

«Если Винго запечатлеет несколько «настроений», — неожиданно поддержал стюарда Шватцендейл, — хотя бы только в таверне «Ода к радости», может быть, ему удастся в какой-то мере уловить внутреннюю сущность этих шкурников, и какая-та часть окружающей их таинственной завесы приподнимется».

«Надеюсь! — скромно опустил голубые глаза Винго. — Это нелегкая задача, но я сделаю все, что смогу».

3

В космопорте Шоло формальностей не было. Мирон проследил за разгрузкой, а капитан Малуф и Шватцендейл посетили контору местного экспедитора и договорились о подписании счетов-фактур, об упаковке в ящики ожидавших отправки товаров и о доставке означенных товаров на борт «Гликки» не позднее следующего дня.

Вернувшись на корабль, Шватцендейл поднял лебедкой из трюма и опустил на землю автолет, после чего подозвал Мирона: «У тебя есть лучемет?»

«Нет».

«Пора тебя вооружить».

Покопавшись в шкафчике салона, обычно закрытом на замок, механик вынул короткий черный лучевой пистолет и вручил его Мирону: «Это детрактор девятой модели в варианте «Голубая метка» — полезная штука. Один из пассажиров забыл его у нас на корабле. Ты знаешь, как им пользоваться?»

«Конечно».

«Значит, он твой».

«Спасибо. Кого я должен застрелить?»

«Еще не знаю. Может быть, никого. Мы полетим в Мель, на край плоскогорья. Поговорим с гетманом племени — и с кем-нибудь еще, если появится такая возможность. Держи лучемет на виду — все время! Рекламируй его, похваляйся им, привлекай к нему внимание! Если какой-нибудь мелули позволит себе хотя бы фыркнуть или шмыгнуть носом — прожги ему дыру во лбу. Они уважают такое отношение к делу».

В салон зашел Винго: «Вы говорите о шуйях?»

«Что шуйи, что мелули — один черт. Они убивают людей, как мух, но сами страшно боятся умереть — для них смерть означает, что им придется вечно бродить по ночной степи

в освежеванном виде. Когда они смотрят в дуло лучемета, они становятся кроткими, как певчие птички».

Винго задумался: «Странно! Похоже на то, что в Шоло запугивание насилием — важнейшее условие социального договора». Заметив лучемет в руке Мирона, стюард с удивлением повернулся к Шватцендейлу: «Куда вы собрались?»

«Слетаем в Мель, на край плоскогорья. Может быть, у них есть груз, ожидающий отправления».

Винго с неприязнью смотрел на оружие: «У Мирона еще нет достаточного опыта. Может быть, ему не следует поручать такие вещи, пока он не покроется звездным загаром, если можно так выразиться».

Шватцендейл наклонил голову набок и смерил Мирона критическим взглядом: «Думаю, наш суперкарго не такой уж невинный агнец, каким ты себе его представляешь».

«Тебе надо было стать политиком и толкать речи с трибуны, — с отвращением сказал Винго. — Я полечу с вами и буду сидеть за турелью раптора с пальцем на спусковой кнопке. Две или три предупредительные очереди поджарят им нижнее белье и заставят вести себя прилично».

«Удачная мысль!» — согласился механик. Шватцендейл вскочил на ноги — весь перекошенный, несимметричный, и в то же время безукоризненно сложенный и слаженный: «Вы готовы? Пошли!»

Все трое забрались в автолет; набирая высоту вдоль отвесных утесов, машина взлетела над краем обрыва. За эскарпом на запад, до смутно различимой в оранжевой дымке горизонта гряды пологих холмов, простиралось пустынное каменистое плоскогорье. Примерно в полутора километрах от обрыва, на лишенной всякой растительности проплешине мелкого щебня, окружавшей небольшой темный пруд, расположился поселок Мель.

Автолет приблизился к поселку, повернул и сделал круг на высоте ста метров. Мель производил еще более унылое впечатление, чем Шоло. Ветхие хижины беспорядочно сгрудились у пруда; одинокая дорога вела мимо нескольких лавок к рынку; поодаль виднелись два строения покрупнее, из потемневших бревен и плавленого камня — дубильня и склад с примыкающей к нему конторой экспедитора. Никакой таверны или гостиницы здесь, по всей видимости, не было. Еще дальше, где плоскогорье было покрыто редкой порослью чего-то вроде бурой осоки, паслось немногочисленное стадо скота.

Автолет продолжал кружить над поселком, пока из хижин не высыпали люди, встревоженные редким появлением летательного аппарата. Шватцендейл опустил машину на площадку примерно в пятидесяти метрах от склада. Механик и Мирон спрыгнули на землю с лучеметами наготове, а Винго остался у закрепленной на носу турели раптора. Для того, чтобы придать себе как можно более мрачный и угрожающий вид, стюард натянул на лоб черный капюшон, наполовину скрывавший его розовую физиономию.

Прошло пять минут. Из дубильни вышел человек; не подходя близко, он громко спросил: «Что вы тут делаете? Это Мель, я — здешний гетман!»

Шватцендейл сделал пару шагов навстречу: «Мы — астронавты с грузового судна «Гликка». Есть у вас какой-нибудь груз, ожидающий отправления?»

Гетман прокричал: «Уберите оружие! Я еще не готов расстаться со своей шкурой!»

«Не беспокойтесь, — ответил Шватцендейл, указывая на турель лучевой пушки. — Если бы мы хотели на вас напасть, мы могли бы расстрелять поселок с воздуха. Но кому

пригодились бы после этого обгоревшие лоскутья ваших шкур?»

Гетман-мелули медленно подошел ближе — человек средних лет с жесткими черными волосами, выступавшими над ушами подобно надкрыльям жука, с выдающимся клювообразным носом, прищуренными глазами-щелками и бронзовой кожей, отливающей зеленоватым блеском. Он носил черный кожаный сарафан и черные штаны, заправленные в сапоги. Мирон заметил, что внимание гетмана с каким-то задумчивым восторгом сосредоточилось не на механике и не на стюарде, а на его собственной персоне — можно было подумать, что гетман влюбился в Мирона с первого взгляда.

Винго не преминул заметить то же самое и усмехнулся: «Не зазнавайся! Ему не терпится содрать с тебя золотистый скальп. По его просвещенному мнению, твоя шкура стала бы исключительно ценным приобретением».

«Вполне может быть, — отозвался Мирон. — Мне она еще дороже».

Винго передал Мирону большой белый платок: «Повяжи этим голову, чтобы они не таращились на тебя с таким вожделением».

«Я чувствую себя, как голая девственница на аукционе работорговца», — проворчал Мирон, обматывая голову платком.

К тому времени Шватцендейл и гетман уже стояли метрах в десяти друг от друга. Механик спросил: «Так есть у вас какой-нибудь груз?»

Гетман обернулся и кого-то позвал. Вышел человек постарше гетмана, с еще более величественным горбатым носом — этот не проявлял никаких признаков страха при виде лучеметов. Гетман сказал: «Вот агент экспортной конторы, говорите с ним».

«Хорошо, что вы прилетели, — сообщил агент. — У меня есть две партии товара, по пятьдесят штук каждая, они готовы к укладке в ящики. Завтра вы можете их забрать».

«Это нас вполне устроит, но я обязан осмотреть товар и подсчитать шкуры, потому что мелули знамениты небрежным отношением к арифметике, а в недостаче обвинят перевозчика».

«Как хотите! — откликнулся агент. — Считайте, сколько хотите. Склад у вас за спиной».

«Хорошо! — сказал Шватцендейл. — Мы навестим склад. Гетман должен стоять здесь и ждать, пока мы не вернемся. Если кто-нибудь решит, что настало время содрать пару первосортных шкур, Винго сперва убьет гетмана, после чего мы разрушим Мель и не оставим в живых ни одного мелули. Вы усмехаетесь? Вы мне не верите? Ладно, мои слова очень просто подтвердить — больше никто смеяться не будет. Винго, будь так добр, продемонстрируй серьезность наших намерений — на мой взгляд, вон та хижина с провалившейся крышей в любом случае никому не нужна и только портит пейзаж».

Винго нажал на красную кнопку в основании турели; хижина в сотне метров от автолета взорвалась раскаленными осколками камня.

И гетман, и агент-экспортер потрясенно отшатнулись. Гетман не потерял присутствия духа, однако, и пожаловался на то, что теперь шкура древней старухи, прозябавшей в разрушенной хижине, уж точно ни на что не сгодится: «Из-за вас добро пропадает даром!»

Сокрушенный Винго хотел было извиниться, но Шватцендейл поспешно прервал его, обратившись к гетману: «Как вы можете видеть, мы — убийцы! Нужны какие-нибудь еще пояснения? Мы убиваем каждого, кто нас раздражает, без малейших угрызений совести!»

Гетман недоуменно развел руками «Грызений чего? Вы про что? Говорите по-человечески, если хотите, чтобы вас понимали!»

«Неважно. Соблюдайте мои условия — или мы улетим и оставим ваши прожженные шкуры гнить на плоскогорье! Попрактиковаться в стрельбе с воздуха по движущимся целям никогда не помешает».

Наконец, судя по всему, было достигнуто какое-то соглашение. Гетман продолжал стоять под прицелом раптора, что заставляло его нервно переминаться с ноги на ногу и поводить плечами. Никто из мелули не подходил к складу, где они могли бы окружить астронавтов и напасть на них. Мирон и Шватцендейл, с лучеметами наготове, последовали за агентом к складу. У входа к ним присоединился кожевник — тощий человечек неопределенного возраста, с более спокойными и вежливыми манерами, чем у гетмана или агента. Кожевник с усталой улыбкой заверил Шватцендейла в том, что на складе никому не угрожает опасность, и что здесь никого нет, кроме него и его помощника. Он с готовностью согласился с необходимостью проверки товара — в прошлом не раз наблюдались ошибки, допущенные при учете и в декларациях качества шкур. «Но только не под моим руководством! — заявил кожевник. — Проще делать все, как полагается».

«Тем не менее, мне поручили произвести подсчет», — настаивал Шватцендейл.

«И вы хорошо разбираетесь в качестве первосортных кож?»

«Нет, не разбираюсь. Но если возникнет проблема, мы вернемся, и обман обойдется вам гораздо дороже честности».

«Разумный подход, — согласился кожевник. — Тогда пойдемте, подсчитаем шкуры. На складе вас никто не тронет, никто не готовит вам западню — насколько мне известно». Он вопросительно взглянул на агента-экспортера: «Кто-нибудь что-нибудь задумал?»

«Что тут можно задумать? Эти инопланетяне — хладнокровные убийцы».

«Рады слышать, что заслужили ваше одобрение, — отозвался Шватцендейл. — Следует заметить также, что мы пугливы — если нас что-нибудь потревожит, мы начнем палить в кого попало. Все, что движется, станет мишенью, и всем, кто окажется в радиусе действия лучеметов, придется веки вечные бродить по ночам в освежеванном виде».

«Довольно кровожадной болтовни! — прорычал агент. — Мы пришли считать шкуры, а не гладить вас по головке».

«У нас есть все основания нервничать, — возразил Шватцендейл. — И лучше всего будет, если вы будете нервничать не меньше нашего».

Кожевник нетерпеливо вмешался: «Действительно, хватит болтать! Пойдемте, подсчитаем шкуры». Он провел посетителей в склад — кожевник зашел туда первый, за ним последовал агент, а Мирон и Шватцендейл завершали процессию.

Косые лучи оранжевого солнца проникали в просторный полутемный склад через несколько горизонтальных окон-прорезей под крышей, озаряя разнообразными оттенками коричневого бревенчатые стены, столбы, дощатый пол, столы и кучи наваленных шкур. В дальних углах темно-бурые тени становились угольно-черными. Шкуры тоже пестрели оттенками — от темных, напоминавших побуревшую слоновую кость, до табачно-коричневого и умбры. Пахло дубильными химикатами, клейкой смолой, камфорой и чем-то еще, не поддающимся определению, но вызывавшим у Мирона тошноту.

Мирон внимательно смотрел по сторонам. В глубине помещения не по летам морщинистый юноша со впалыми щеками и хищным горбатым носом скоблил кожу, растянутую на столе. Кожевник резко произнес пару слов, и помощник молча отступил в тень.

Мирон занял позицию у входа, не опуская лучемет. Агент-экспортер прислонился к

куче кож, всем своим видом изображая ленивое безразличие. Быстро осмотревшись, Шватцендейл сосредоточил внимание на кожевнике: «Так что́ же мы будем считать?»

«Вот товар, готовый к экспорту, — кожевник подошел к широкому длинному столу, заваленному грудой дубленых шкур. — Мы можем уложить их в ящики и приготовить к отправке завтра, к полудню». Он принялся переворачивать кожи, демонстрируя их Шватцендейлу: «Как видите, это шкуры высшего качества, с надлежащим «загаром», выдержанные. Почти в каждой небольшое отверстие, оставленное копьем — но это уж как водится».

Мирон наблюдал за происходящим, как завороженный. Под руками кожевника шкуры казались гибкими, как бархат. Уплощенные искусной обработкой лица почти потеряли индивидуальность, с одинаковым настороженным удивлением глядя на мир черными круглыми глазницами. «Мне посчастливилось заниматься интересным делом, — заметил кожевник. — Время от времени меня одолевают поистине отвлеченные размышления. Что остается от человека в дубленой шкуре? Чувствуют ли что-нибудь эти шкуры? Теплятся ли в них, все еще, надежды и мечты? Нередко они вызывают жутковатое ощущение, словно о чем-то беззвучно говорят».

«И к какому заключению вы пришли?»

«Тайна остается тайной, и чем больше о ней думаешь, тем таинственнее она становится», — пожал плечами дубильщик.

«Любопытный взгляд на вещи, — кивнул Шватцендейл. — Что касается меня, я стараюсь не забивать себе голову призрачными идеями. Достаточно того, что происходит в этом мире, здесь и сейчас. Все остальное — туман и небылицы».

«Ваш подход отличается преимуществом простоты, — вежливо ответил кожевник. — Пожалуй, в конечном счете это самое мудрое отношение к таинствам бытия — развивая теории, мы неизбежно запутываемся в лабиринте возможностей, каждая из которых в чем-то привлекательна или убедительна».

Шватцендейл рассмеялся: «Я не позволяю себе развивать теории даже в такой степени! Я праздную конкретность реальности! Если у меня что-нибудь чешется, я чешусь, а не размышляю об этом. Если мне предложили пирог с бараниной и луком, я его ем. Если мне встретилась красивая женщина, я стараюсь ей понравиться».

«Это позволяет вам избегать бесчисленных неудовлетворенных желаний, — сказал кожевник. — Вы не теряете времени на стремление к недостижимым целям. Хотел бы я придерживаться такого мировоззрения! Увы! Мои влечения уводят меня в страну фантазий и миражей, где возможно все чудесное и прекрасное! Иногда я мечтаю о том, что когда-нибудь из-под моих рук выйдет дюжина безукоризненных кож, идеально соответствующих всем требованиям, предъявляемым по каждой из двенадцати стилистических категорий! А иногда я тоскую по вещам, которые можно назвать только невыразимыми». Продолжая переворачивать шкуры одну за другой, кожевник задержался: «Ага! Извольте заметить — перед вами настоящая редкость!»

На взгляд Мирона, редкая шкура отличалась особенной бледностью. Кожевник пояснил: «У нас побывал инопланетянин!»

«Турист, а не астронавт, я надеюсь?» — поинтересовался Шватцендейл.

«Да, турист — причем с исключительно необычной кожей. Взгляните на татуировку! Роскошная, не правда ли? Например, здесь, на животе — красные и зеленые завитки, а на ягодицах — прекрасный цветочный орнамент! Шкуры такого качестве редки, за нее я

выставлю особый счет — она обойдется недешево».

«Очень интересно! — похвалил Шватцендейл. — Очевидно, что вы — мастер своего дела».

Кожевник тоскливо усмехнулся: «Настоящие мастера работают в других местах. Вы — разборчивый человек; я покажу вам истинный шедевр». С полки из-под стола он достал большой альбом с вкладными листами: «Смотрите!» Раскрыв альбом, он нашел фотографию, явно вырезанную из какого-то модного журнала. Надпись под фотографией гласила:

«Ректор Фабиан Маис принимает гостей в изящной гостиной своей усадьбы в Тасса-Лоле. Он демонстрирует чудесный новый экспонат из своей коллекции: шедевр под наименованием «Прохождение сильванов», созданный художником Федоре Колюччо из экзотических материалов».

На фотографии элегантный джентльмен стоял у панели четырехметровой ширины и метра два с половиной в высоту, изображавшей процессию искаженных человеческих фигур, выходящих из леса. Группа замерла в движении, чтобы вечно смотреть в гостиную пустыми глазницами. Первым шел мужчина, за ним — женщина, выглядывающая у него из-за плеча, за ней полускрытый в сумраке ребенок, а еще дальше — лишь намеки на другие силуэты.

Рядом с фотографией была наклеена вырезка из журнальной статьи:

«Исключительно впечатляющее использование уникальных средств выражения! Ректор Маис находит эту работу внушающей безмятежный покой, передающей «ощущение»… — на этом слове ректор останавливается, затрудняясь найти точное определение. «Ощущение вечности» — говорит он наконец».

Кожевник открыл другую страницу альбома, изображавшую интерьер большой роскошной спальни. По обеим сторонам кровати висели затейливо обрамленные человеческие шкуры, торжественно устремившие взоры пустых глазниц на кровать. Надпись под фотографией гласила:

«Нам позволили мельком взглянуть на убранство знаменитой спальни во дворце Баббинч-хаус в Баллиморе; наше внимание немедленно привлекли настенные панели, которые лорд Шиобан насмешливо называет своими «memento mori»».

«Замечательные вещи!» — пробормотал кожевник и открыл другую страницу: «А это из журнала «Престиж архитектора». Еще одна композиция Федоре Колюччо, под названием «Любовники». Колюччо нарисовал английский парк со скамьей на заднем плане и расположил пару шкур так, как если бы они сидели на скамье, взявшись за руки в неопытно-страстном порыве. И, как всегда, их глазницы смотрят на нас, словно говоря: «Смотрите! Наша любовь — навеки!»». Повернувшись к Шватцендейлу, тощий мелули спросил: «Как по-вашему?»

«Очаровательно! — уверенно заявил механик. — И в высшей степени изобретательно!»

Стоявший у выхода Мирон встал на цыпочки и вытянул шею, пытаясь рассмотреть фотографию издали. К нему прикоснулись чьи-то пальцы. Мирон испуганно отшатнулся — рядом появился, как из-под земли, приложивший палец к губам морщинистый юноша, помощник дубильщика. Юноша прошептал: «Пойдем, я тебе что-то покажу! Гораздо лучше фотографий. Красота, да и только! Пойдем!»

Мирон уставился на него в замешательстве: «Что ты имеешь в виду? Какая такая «красота»?»

«Пойдем! Пусть они торгуются, продают, покупают! Отойдем в сторонку — это здесь, в тени».

«Я должен оставаться у входа, — возразил Мирон. — Я на посту».

«Пойдем! — шептал паренек. — Они рассматривают картинки и ничего не заметят». Он потянул Мирона за локоть: «Пойдем, сюда!»

Шватцендейл краем глаза следил за происходящим. Подскочив, он с разбега ударил юношу кулаком в висок — так сильно, что тот упал. Что-то со звоном прокатилось по полу. Шватцендейл воскликнул: «Змееныш! Сегодня тебе повезло! Если бы я не был в хорошем настроении, у тебя во лбу уже дымилась бы здоровая дыра!» Нагнувшись, механик схватил с дощатого пола блестящий предмет и показал его Мирону: «Шкуросъемный нож. Возьми на память».

Паренек тут же взмолился: «Отдайте нож! Он дорогой — у меня нет ничего лучше!»

Кожевник и агент-экспедитор напряженно застыли. Наконец кожевник нарушил молчание: «О чем тут еще говорить? Завтра я набью кожами два дощатых контейнера, готовых к отгрузке. И дело с концом».

Шватцендейл жестом пригласил кожевника и агента: «Выходите первыми».

Морщинистый юноша поднялся на ноги и залился всхлипывающим воем: «Мой нож! Мой драгоценный нож! Где я возьму еще такой? Отдайте, он мой, мой!»

Мирон и Шватцендейл ухом не повели. Отступив подальше в тень, помощник кожевника злобно кричал: «Ублюдки, набитые сливками с киселем! Жирные свиньи-туристы! Бегите к своей кормушке! Еще две секунды — и я освежевал бы проклятого сквонка, а теперь у меня даже ножа не осталось!»

Мирон и механик вернулись к автолету. На обратном пути в Шоло Мирон спросил: «Что такое сквонк?»

Шватцендейл задумался и через некоторое время ответил: «Насколько я помню, это какая-то безволосая белая крыса».

~

Глава 6

Автолет осторожно опустился на землю рядом с «Гликкой», после чего машину подняли на борт и закрепили в люльке. Дело шло к вечеру. Винго подал ужин паломникам, недовольно ворчавшим больше, чем когда-либо. Бартхольд, согбенный старик с горящими глазами и взъерошенной копной седых волос, вопрошал: «Зачем мы торчим на этом проклятом пустыре? Что нам тут понадобилось? Каждое мгновение задержки впивается под кожу, как зазубренная колючка! Нам еще далеко лететь — ох, как далеко!»

Капитан Малуф сдержанно ответил: «В какой-то мере наше расписание всегда зависит от экспедиторов. Если груз еще не готов к отправке, приходится немного подождать. В конце концов, бизнес есть бизнес».

«Вы забываете о своих обязанностях перед пассажирами! — отрезал Детер Калаш. — Подумать только! Проходят драгоценные часы, а мы тут сидим, посреди засушливой степи, окруженные дикарями!»

Задиристый молодой пилигрим по имени Полоскун воскликнул: «А пока мы тут штаны просиживаем и считаем ворон, наши братья уже торжественно шествуют из Бесовской Высадки, распевая победные гимны!»

«А мы? Стыд и позор! — сочувственно отозвался Тунх. — Где наше торжество? Мы радуемся победе, только когда обыгрываем друг друга в дубль-моко! По правде говоря, наше терпение истощается».

«Очень сожалею, — пожал плечами Малуф. — Почему бы вам не посетить местную таверну? Как ни как — развлечение, и вам не будет угрожать опасность, если вы не разбредетесь в поисках женщин».

«Еще чего! — пробормотал Калаш. — У нас не осталось денег на такие шалости».

«За это здесь не берут никакой платы, — возразил Малуф. — Шуйи не имеют представления о целомудрии. Но если вы не будете совокупляться коллективно, с вас снимут шкуру».

Калаш отказался последовать такой рекомендации: «Мы предпочитаем заниматься такими вещами конфиденциально, так как у каждого из нас свои собственные методы, не подлежащие огласке».

«В таком случае мне нечего вам посоветовать».

«Мы не нуждаемся в подобных советах и проведем вечер на борту!»

Перед заходом солнца Винго, Шватцендейл и Мирон решили навестить таверну «Ода к радости». Оранжевое солнце Бран дрожало огромным полукругом в густом воздухе над эскарпом, изрезанное, как червоточинами, очертаниями далеких остроконечных скал. Когда они подходили к питейному заведению, Бран уже скрылся за краем обрыва, погрузив нижнюю степь в полумрак лавандового оттенка.

Астронавты вошли в таверну и оказались в длинном помещении с белеными бетонными стенами. Красочные плакаты туристических агентств, изображавшие виды далеких планет, украшали одну стену; на противоположной стене висели черепа зубастых хищников, водившихся в западных болотах. Хозяин заведения восседал за стойкой бара, наливая эль и пиво из деревянных бочонков, а напитки покрепче — из высоких черных бутылей. Грузный человек средних лет, с длинными седыми волосами, закрывавшими острые кончики ушей, он выглядел достаточно мирно. Лицо, однако, выдавало в нем представителя его племени: под

широким лбом скулы сужались к острому подбородку. У него за спиной, над баром, висели три объявления для посетителей. В первом значилось:

«ВНИМАНИЕ, ТУРИСТЫ! ЗДЕСЬ ОРГАНИЗУЮТСЯ ЭКСКУРСИИ ЗНАМЕНИТОМУ БОЛОТУ ГАЛАХАНГА, ГДЕ КРОВОЖАДНЫЕ БЕСТИИ ИСПОЛ ВНУШАЮЩИЙ УЖАС, ЗАВОРАЖИВАЮЩИЙ СПЕКТАКЛЬ!

БЕЗОПАСНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

ТРАВМЫ ПРАКТИЧЕСКИ ИСКЛЮЧЕНЫ, НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ РЕДКИ. ЗА БОЛЕЕ ПОДРОБНЫМИ СВЕДЕНИ ОБРАЩАЙТЕСЬ К БАРМЕНУ».

Второе объявление приглашало:

«ПРОБУЙТЕ НАШИ ОСОБЫЕ НАПИТКИ! ИХ ОДОБРЯЮТ МНОГИЕ ЗНАТОК ДРУГИХ ПЛАНЕТ. ИХ ВКУС И АРОМАТЫ НЕПОВТОРИМЫ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬ РЕКОМЕНДУЕМ КАК ШИПУЧИЙ ЭЛЬ, ТАК И НАШЕ СЛАДКОЕ ФРУКТЕРНОЕ ПИВО».

Третье объявление носило не столь гостеприимный характер:

«ВНИМАНИЕ! ТУРИСТЫ! НЕ ПОСЕЩАЙТЕ ПО НОЧАМ ДРУЗЕЙ И ПОДРУ НАШЕГО ПОСЕЛКА.

В ТЕМНОТЕ ПОДЖИДАЮТ ГОЛОВОРЕЗЫ — НА ВАС МОГУТ НАПАСТЬ, Е МОГУТ НАНЕСТИ ТЯЖЕЛУЮ ТРАВМУ, ВАС МОГУТ УБИТЬ!

ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЫВЕШЕНО ПО ПРИКАЗУ МСБР».

Три астронавта уселись за стол. В трактирном зале уже собрались не меньше десятка местных посетителей, сгорбившихся над латунными кружками с небольшими раструбами сверху. Они пили жадными судорожными глотками, откинув голову назад — так, что эль струился из уголков рта по подбородку и капал на стол. Как только кружка пустела, ее обладатель с лязгом опускал ее на стол, после чего к нему походила девушка-официантка, чтобы взять следующий заказ. Девушка эта, как не преминул заметить Мирон, не походила на типичную трактирную потаскуху. Грациозная и хрупкая, она была несколько моложе Мирона и несомненно привлекательна, несмотря на молчаливо-неулыбчивое выражение лица. Каштановые кудри окаймляли ее лоб, уголки губ опустились — от скуки? От раздражения? Из-за какой-то обиды? На ней были легкое белое платье и сандалии, она повязала волосы белой лентой. Мирон пытался представить себе, руководствовалась ли официантка типичным для ее племени пренебрежением к целомудрию. Если бы представилась такая возможность, он был бы не прочь отвести ее в сторонку и задать подобающий случаю вопрос.

Через некоторое время девушка подошла к астронавтам, чтобы взять заказ. Переводя взгляд с лица на лицо, она не проявляла ни малейшего интереса. В ответ на вопрос Винго девушка сказала, что в таверне подают горький эль и сладкое темное пиво, а также импортные крепкие напитки и вино из серебристого шиповника. Говорила она тихо и сдержанно, что, по мнению Мирона, никак не вязалось с окружающей обстановкой. Странно!

Когда официантка направилась к бару, Мирон заметил — говоря скорее с самим собой, нежели с кем-нибудь другим: «Она не производит впечатление такой девушки, какую я ожидал бы здесь встретить».

Шватцендейл рассмеялся: «Девушки никогда и нигде не оправдывают ожиданий».

Мирон смотрел вслед официантке: «Может быть, она приезжая?»

«Вряд ли, — сказал Шватцендейл. — У нее заостренные уши. Скорее всего, это дочь хозяина таверны».

«Гм! Любопытно было бы узнать…» — Мирон осекся, слегка смущенный. Затем, пытаясь придать голосу самоуверенность бывалого космического волка, он выпалил: «Капитан упомянул о том, что местные девушки — как бы это выразиться? — доступны, но наша официантка вовсе не выглядит легкодоступной».

Шватцендейл скорчил одну из своих издевательских гримас, перекосив рот и растянув его до ушей: «Не осмелюсь выражать никаких мнений на этот счет! Лично я предпочитаю веселых попрыгуний. Обсуждаемую особу трудно назвать попрыгуньей. Она словно блуждает в тумане грез! Тем не менее, скорее всего, она мало отличается от других».

«Не уверен, — пробормотал Мирон. — Она так не выглядит».

«Внешность может быть обманчива», — изрек Винго.

«Пусть тебя ничто не удивляет! — наставительно заявил Шватцендейл. — Если она способна, не поморщившись, зарезать человека и содрать с него шкуру, ей ничего не сто́ит предварительно переспать с ним на чердаке!»

Мирон начал было находить изъяны в логике механика, но девушка уже вернулась к столу с тремя кружками эля. Она уже собралась уходить, когда Мирон решился спросить ее: «У тебя есть имя?»

Официантка с удивлением обернулась: «Конечно, у меня есть имя».

«И как тебя зовут?»

«Не скажу. Незнакомым людям опасно называть свое имя».

«Почему же? Вот я, например — Мирон, я не боюсь тебе представиться».

Девушка улыбнулась: «И теперь, когда я знаю, как тебя зовут, я могла бы тебя сглазить».

«Почему бы ты хотела меня сглазить?»

Девушка пожала плечами и взглянула в сторону бара, где трактирщик наливал эль двум посетителям. Снова повернувшись к Мирону, она торопливо проговорила: «В один прекрасный день, когда я заработаю на билет, я отсюда улечу. Надеюсь, к тому времени у меня будут какие-нибудь приятели на другой планете. Если я тебя хорошенько околдую, ты мог бы стать таким приятелем».

«Хмм! — отозвался Мирон. — Об этом следует подумать. В любом случае, однако, я предпочел бы, чтобы меня не сглазили».

«Забудь мои слова, — безразлично ответила девушка. — Все это сказки. На самом деле я ничего не знаю ни о какой ворожбе».

«Рад слышать! — заявил Мирон. — Так ты скажешь, как тебя зовут?»

«Нет. Нас подслушают», — она взяла поднос, бросила на Мирона загадочный взгляд и отошла к соседнему столу.

«Вот ты и остался с носом! — ухмыльнулся Шватцендейл. — Ни имени, ни колдовства, ничего!»

«Лиха беда начало, — возразил Мирон. — Я просто спросил из любопытства, ничего больше».

Астронавты занялись элем, и Мирон попытался забыть об официантке. Для этого он стал думать о девушках, которых знал в Саалу-Сейне. Он вспомнил Ролинду — темноволосую, с длинными ресницами, похожую на бесенка, исполнявшую виртуозные пассажи на клавиатуре эмоций Мирона. После нее была Беренс — невероятно очаровательная, с длинными волосами медового оттенка и с глазами необычайной голубизны. Увы! Она сочиняла загадочные стихи и хотела, чтобы Мирон сделал посреди лба татуировку в виде широко открытого глаза, на манер суфических духопровидцев. Тем не менее, сама Беренс отказывалась украсить себя таким же образом, в связи с чем их романтическая связь распалась. А еще была Анджела, восхитительная Анджела — Мирон был от нее без ума, но она вышла замуж за богатого торговца рыбой, на поверку оказавшегося скрягой. Каждый вечер он приносил домой связку непроданной рыбы и приказывал Анджеле приготовить ее на ужин. Они вскоре развелись.

Через некоторое время Мирон невольно заинтересовался разговором Шватцендейла и Винго, обсуждавших «Гликку» и стремления, каковыми, как утверждал Винго, руководствовались капитан Малуф и его команда.

Шватцендейл отказывался относиться к этому вопросу серьезно. Он рассматривал какие бы то ни было «стремления» как легкую форму помешательства, к которой у него, Шватцендейла, выработался устойчивый иммунитет: «Стремления! Не дающие спокойно спать надежды на будущее, обильно приправленные лежалым медом с дохлыми мухами. Я отважно скольжу по искристому гребню волны преходящего мига! Прошлое — кладбище сожалений и запоздалых догадок, будущее — дебри неизвестности».

«Никогда не слышал подобной чепухи! — отмахнулся Винго. — По меньшей мере с тех пор, как у тебя в прошлый раз развязался язык».

«Истинно говорю тебе! — величественно, нараспев вещал механик. — Ни у времени, ни у сознания нет измерений! Реальность бытия сосредоточена в быстротечном мгновении настоящего! Разве это не очевидно?»

«Вот именно, очевидно! — Винго насмешливо фыркнул. — Ты повторяешь, как попугай, пошлости, прозрачные вдоль и поперек, словно это разгадки каких-то космических тайн. На простака твои рассуждения могли бы произвести впечатление, но я не вчера родился».

Шватцендейл обидчиво покосился на стюарда, безмятежно глотавшего эль: «Трудно сказать, следует ли воспринимать твои слова как комплимент».

Винго пожал плечами: «Просто-напросто я считаю, что человек, не сосредоточенный на духовных ценностях — или нарочно прогоняющий свои мечты — попусту тратит драгоценную жизнь. Но о чем мы говорим? Тебя никак нельзя назвать таким человеком».

«Почему нет?»

«Достаточно упомянуть небезызвестного Проныру Монкрифа. Ты не успокоишься, пока его не обыграешь и не обчистишь до нитки! Таково твое стремление!»

Шватцендейл воздел руки к потолку: «Это не стремление! Это жажда мести, больше ничего! Стремления — совсем другое дело, они изменчивы — сейчас одно, через час другое. Стремления — призраки, манящие, как светлячки, и тут же пропадающие во мраке!»

«Даже если это верно, тебе ни в коем случае не чужды стремления, — возразил Винго. — Подсознание руководит нами днем и ночью: так же, как любого из нас, оно ведет тебя по пути, проложенному твоей внутренней сущностью — другими словами, твоими стремлениями».

«Не мудрствуй лукаво! — воскликнул Шватцендейл. — Взгляни в лицо действительности! Докажи что-нибудь, не разглагольствуй! Возьми, например, капитана Малуфа — какими «стремлениями», по-твоему, он руководствуется?»

Винго погладил розовый подбородок: «Честно говоря, он никогда не обсуждал со мной такие вопросы. Тем не менее, интуиция подсказывает, что капитан что-то или кого-то ищет и живет в надежде на удачное завершение своих поисков».

«Хммф! — Шватцендейл пожал одним плечом. — Ты излучаешь романтические бредни во все стороны. У тебя есть какие-нибудь фактические свидетельства?»

Винго пожал двумя плечами: «Ты же видел, как он часами просиживает в рубке, глядя на звезды. В его прошлом есть какая-то тайна».

Шватцендейл задумался, почти убежденный против воли: «Чтó он мог бы искать?»

«Что-то потерянное — то, что он стремится найти во что бы то ни стало. Иначе он давно прекратил бы всякие поиски, не так ли?»

«Пожалуй, — Шватцендейл наклонил голову набок. — Вполне может быть. А ты? Какие у тебя стремления? Или они покрыты завесой тайны, как стремления капитана?»

Винго усмехнулся: «Как тебе хорошо известно, у меня нет никаких тайн. Мои цели просты. Я хочу жить в мире с самим собой и в гармонии со Вселенной. Вот и все».

«Скучноватые, не слишком конкретные цели, тебе не кажется? Тем не менее, они на самом деле просты и, возможно, даже безвредны для окружающих».

Винго вздохнул: «Вот Мирон, наверное, еще не успел стать циником. Он охотно, с гордостью назовет стремления, ведущие его по жизненному пути».

«Могу ответить за него! — вызвался Шватцендейл. — В данный момент у него два важнейших стремления. Прежде всего, он стремится лишить невинности дочь хозяина таверны. Во-вторых, он стремится вернуться в свою каюту на борту «Гликки», не потеряв шкуру в процессе достижения первой цели. Во всех других отношениях Мирон — астронавт и бродяга, не отягощенный духовными заботами».

«Отчасти это верно, — признал Мирон. — Но есть и третье стремление, никогда меня не покидающее. Оно относится, главным образом, к человеку по имени Марко Фассиг и к моей двоюродной бабке Эстер, путешествующим на космической яхте «Глодвин». Всякий раз, когда я о них вспоминаю, я испытываю приступ ярости, который, как я подозреваю, вполне можно назвать «стремлением»».

«Что поделаешь! — развел руками Винго. — Довольно вспоминать старые обиды. Смотрите-ка!» Он указал на застекленный стеллаж, стоявший у стены. Над стеллажом висела табличка:

«КАМЕННЫЕ ТАБУ-АМУЛЕТЫ, ВЫРЕЗАННЫЕ ДИКАРЯМИ ЮЧЕ С ЮЖНЫХ I НАХОДЯТ ПРИМЕНЕНИЕ КАК СРЕДСТВА ПСИХИЧЕСКОГО УСТРАШЕН ЭКСПОНАТЫ ПОХИЩЕНЫ ИЗ ПЕЩЕР С РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ! ЗА КАЖД СИМВОЛОМ ТАБУ СКРЫВАЕТСЯ УЖАСНОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ.

ПРЕЙСКУРАНТ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПО ЗАПРОСУ».

Винго поднялся на ноги; Шватцендейл тоже вскочил, и они отправились разглядывать «амулеты ужаса». Мирон собрался было последовать за ними, но заметил, что девушка-официантка смотрит в его сторону. Он снова сел и поднял руку, подзывая ее. Девушка подошла: «Да, сударь? Принести еще эля?»

«Нет. Я хотел с тобой поговорить».

Официантка с сомнением улыбнулась, оглянулась через плечо в сторону бара, снова повернулась к Мирону и тихо сказала: «Похоже на то, что ты учился в колледже».

«Да, — удивился Мирон. — Откуда ты знаешь?»

«Достаточно на тебя посмотреть, услышать твой голос. Чему ты учился?»

«Как обычно, всему понемногу. Начал с экономических флуктуаций, потом занялся теоретической эстетикой, но в конце концов перешел на факультет космологии, на чем и остановился. А ты где-нибудь училась?»

Девушку этот вопрос позабавил: «Я знаю только то, про что читала. Но я хотела бы жить по-другому».

«Даже так? И как бы ты хотела жить?»

«Я хочу уехать отсюда и никогда не возвращаться! Может быть, я смогла бы учиться в колледже — так же, как ты. Разве это невозможно?»

«Не вижу, почему бы это было невозможно. Но чему бы ты хотела учиться?»

«Всему, что можно узнать».

Мирон нахмурился, не будучи уверен в том, что́ можно было на это ответить. На самом деле, конечно, осуществление надежд юной официантки следовало считать маловероятным.

Девушка словно угадывала его мысли: «Значит, мне не на что надеяться?»

«Это было бы непросто. Но все возможно!» — храбро заявил Мирон.

«Вот и я себе говорю то же самое. У меня мало денег — их не хватит, чтобы заплатить за проезд на другую планету. Не могла бы я работать на космическом корабле?»

Мирон колебался: «Бывает, что на пассажирском звездолете не хватает стюардессы или медсестры. На грузовом судне вроде нашего свободных мест обычно нет. Хотя иной капитан мог бы взять с собой хорошенькую девушку, чтобы она делала ему массаж и грела ему постель. Тебя смущает такая перспектива?»

Девушка задумалась: «Это не нанесло бы мне особого вреда. Думаю, что соглашусь, если капитан — не слишком грубый и неприятный человек». Она покосилась на Мирона и тут же отвела глаза: «А ты — капитан?»

Мирон рассмеялся: «Если бы я был капитаном, мы сегодня же улетели бы отсюда на моем корабле! Но я всего лишь суперкарго, седьмая вода на киселе».

«И ты не можешь взять меня с собой?»

«Мне не позволят. Но проезд на пассажирском звездолете сто́ит не так уж дорого».

«Я скопила кое-какие деньги — немного. Скорее всего, недостаточно».

«Сколько?»

«Тридцать шесть сольдо».

«За пятьдесят сольдо ты могла бы купить билет до Танджи, а там, скорее всего, нашла бы какую-нибудь работу — может быть, на борту пакетбота, и таким образом сумела бы долететь до Сарбейна, до Легенды Арктура или даже до Древней Земли».

«Это было бы чудесно! Но у меня нет таких денег».

«А отец тебе не поможет?»

«Нет, — она снова оглянулась через плечо в сторону бара. — Он хочет, чтобы я оставалась здесь и работала в таверне. Когда я болтаю с инопланетянами, он злится. Он думает, что я продаю себя за деньги».

Мирон вопросительно взглянул ей в лицо: «Но это не так?»

«Нет — хотя это не имеет большого значения. Ты дал бы мне денег?»

Несколько секунд Мирон не знал, что сказать. Наконец он спросил: «Зачем?»

«Чтобы помочь мне улететь с Терца — если хочешь, я могу тебе отдаться».

«Заманчивое вложение капитала! — выпалил Мирон. — Я мог бы расстаться… скажем, с пятью сольдо».

Девушка снова на мгновение встретилась с ним глазами: «Моя смена скоро кончится. Если ты не прочь поделиться со мной деньгами, ты можешь это сделать в интимной обстановке. Мне тебе нечего предложить, кроме себя, и, если тебя это устраивает, я так и сделаю. Не только из-за денег, но и потому, что ты мне нравишься — я тоже хочу чем-нибудь с тобой поделиться».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Это меня несомненно устраивает».

«Дверь в мою комнату — средняя в том коридоре, за стеллажом. Я оставлю ее приоткрытой».

Девушка отошла, бросив еще один задумчивый взгляд через плечо. Вскоре Мирон заметил, что она положила поднос на стойку бара, обменялась парой слов с хозяином заведения и потихоньку выскользнула из трактира.

Тем временем Шватцендейл и Винго вернулись к столу. «Так-так, что тут у нас происходит? — спросил наблюдательный механик. — Если она тебя соблазняет, выбрось ее из головы. Все, что ей нужно — твой замечательный светловолосый скальп. За твою редкостную шкуру она получит кругленькую сумму».

«Чепуха! — возразил Мирон. — Мы обсуждали возможности высшего образования. Она хочет улететь с Терца, а для этого ей нужны деньги. Я согласился дать ей пять сольдо, и она согласилась отплатить услугой за услугу. Я понимаю, что все это звучит в какой-то степени вульгарно, но на самом деле это совсем не так. Возможно, она придерживается местных традиций и презирает целомудрие — что с того? Она не рассматривает такую сделку как торговлю своим телом».

«Совершенно верно! — согласился Шватцендейл. — Ей нужна твоя шкура. За нее она получит как минимум пятьдесят сольдо — может быть, даже больше».

«Не могу в это поверить! — пробормотал Мирон. — Она отчаянно хочет сбежать с этой проклятой планеты. Кроме того, кажется, я ей нравлюсь».

Механик разразился язвительным смехом: «Она принесла тебе кружку эля и влюбилась в тебя с первого взгляда. Ты действительно так думаешь?»

«Разве такого никогда не бывает?»

«Все бывает. Случаются и другие, еще более невероятные вещи. Шуйи очень сноровисто обращаются с небольшим инструментом — его достаточно воткнуть тебе в шею и повернуть, тем самым отделив спинной мозг от головного. Смерть наступает мгновенно и почти безболезненно; кроме того, шкура остается практически неповрежденной».

«У нее и в мыслях нет ничего подобного — не могут же инстинкты настолько меня обманывать! Бьюсь об заклад, что я не ошибаюсь!»

Восклицание Мирона носило чисто риторический характер — он забыл о наклонностях Шватцендейла.

«Превосходно! — оживился механик. — С тебя десять сольдо чистоганом, если она попробует снять с тебя шкуру, тем или иным способом. По рукам?»

«По рукам!» — отважно отозвался Мирон, хотя его уже начинали одолевать сомнения.

Винго возмутился: «Нельзя заключать пари на таких условиях! Жизнь Мирона будет в

опасности — особенно в том случае, если у нее есть сообщники».

«Мы примем меры предосторожности, — успокоил стюарда Шватцендейл. — Я буду стоять у двери и смотреть в щелку».

«Нет, ни в коем случае! — запротестовал Мирон. — Тогда я не смогу ничего сделать».

«Хорошо, я просто буду стоять за дверью. Если мерзавка вытащит нож, Мирону сто́ит только позвать, и я встану на защиту своих финансовых интересов. Не сомневаюсь, что Мирон сможет о себе позаботиться. Само собой, он возьмет с собой лучемет».

«Само собой! — подтвердил Мирон. — Развлекаясь с девушкой, я буду держать лучемет в зубах».

«Неплохая идея, — поддержал Винго. — Не забывай: внезапного нападения следует ожидать именно тогда, когда ты больше всего отвлечен другими вещами».

«Совершенно верно! — заметил Шватцендейл. — Как-то раз я беззаботно обнимался с девицей и не заметил, как вошла ее мамаша с метлой в руках. Я ее увидел, когда она уже замахнулась метлой, и быстро перевернулся на спину, заслонившись девицей. В результате мамаша изо всех сил огрела метлой ягодицы собственной дочери. Я воспользовался последовавшей перепалкой, схватил штаны и унес ноги. Больше я никогда не встречался с этой девицей и, разумеется, обходил за версту ее мамашу».

«В таких случаях нельзя терять бдительность ни на минуту!» — назидательно произнес Винго.

Шватцендейл поднялся на ноги: «Так что же, Мирон, ты готов?»

«Готов», — мрачно отозвался Мирон.

«Еще пара полезных советов. Обыщи ее хорошенько и убедись в том, что она не прячет нож — не забудь заглянуть также под подушку. А если она спросит про лучемет, скажи, что капитан строго приказал тебе держать его при себе».

«Да-да, — пробормотал Мирон. — Все это не так романтично, как хотелось бы. Пойдем, что ли? Не наступай мне на пятки. И будь так добр, не спрашивай через дверь, как у меня идут дела!»

«Можешь на меня положиться!»

Мирон пересек трактирный зал и углубился в полутемный коридор; Шватцендейл следовал за ним. Они миновали туалет и остановились у приоткрытой двери — коридор пересекала полоска света, проникавшего через щель. Мирон растворил дверь пошире и потихоньку проскользнул в комнату. Остановившись, он осторожно прикрыл дверь за спиной, не защелкивая замок — так, чтобы край двери лишь слегка притерся к раме. Он оказался в относительно просторном помещении, меблированном роскошнее, чем он ожидал. Оштукатуренный белый потолок был окружен по периметру лепным декоративным фризом, раскрашенным в светлые голубые и охряные тона. На паркетном полу из полированного темного дерева лежала широкая чистая циновка, сплетенная из пучков сухой травы. У левой стены, рядом с небольшим стеллажом, стоял сервант с шестью нижними ящиками; на полках стеллажа наклонились, опираясь одна на другую, несколько книг; там же лежала пачка довольно-таки потрепанных журналов. Справа, на круглом деревянном столе, красовались лампа с абажуром и ваза с пучками перистых листьев розовато-лиловой, черной и яркой прозрачно-коричневой окраски. У противоположной входу стены ютилась кровать, аккуратно застеленная стеганым голубым одеялом с белым орнаментом. Правую стену украшала большая карта Древней Земли, а на длинной полке над кроватью стояла дюжина небольших красочно наряженных кукол.

В воздухе чувствовался приглушенный аромат: деликатный, чуть щекочущий ноздри и — как показалось Мирону — в какой-то мере экзотический. Помимо этого запаха, кукол и карты, здесь ничто не говорило о характере девушки, сидевшей на краю кровати — не было никаких фотографий, побрякушек или сувениров. Бросив быстрый взгляд на Мирона, она опустила голову, словно задумчиво изучая свои руки, сложенные на коленях. Она сбросила сандалии — ее босые ноги были обнажены до бедер.

Мирон смотрел на нее, не двигаясь с места; у него в голове копошились всевозможные противоречивые мысли. Его продолжали беспокоить циничные замечания Шватцендейла: можно ли было им доверять? Могло ли такое грациозное, хрупкое существо, полное мечтательного очарования, таить в себе кровожадные помыслы, которые приписывал официантке корабельный механик?

Девушка подняла голову, взглянула на Мирона и тихо спросила: «Ты сожалеешь о том, что пришел?»

«Нет, — Мирон напряженно усмехнулся. — Но, пожалуй, я немного нервничаю».

«Не хочешь оставаться — не оставайся».

«Дело не в этом. Сегодня, на верхнем плоскогорье, в Меле, мальчишка пытался заманить меня в тень, чтобы зарезать. Воспоминание об этом приключении все еще вызывает у меня дрожь».

Девушка улыбнулась: «Мы внизу, в Шоло. Я не мальчишка, и у меня нет ножа».

«Понятное дело — но тот паренек тоже казался совершенно безобидным. Причем друзья не забыли мне напомнить, что моя шкура позволит тебе купить билет до Танджи».

Улыбка девушки стала натянутой: «И все же, несмотря на опасения, ты пришел».

«Пришел. Мне хотелось бы познакомиться с тобой поближе. Еще больше мне хотелось бы, чтобы мы встретились где-нибудь в другом месте».

Девушка снова опустила глаза к рукам, сложенным на коленях: «Мне тоже хотелось бы оказаться где-нибудь в другом месте. Именно поэтому я спросила, не хочешь ли ты ко мне придти. Но я подумала и решила, что не хочу брать у тебя деньги. Не хочу, чтобы ты считал, что я готова себя продать за пять сольдо — ведь больше ты не можешь заплатить? За пятьсот сольдо — да! За тысячу сольдо — с радостью, отдамся кому угодно!»

Мирон рассмеялся: «Увы, я даже представить себе не могу такое богатство! Но я хотел бы все же внести свою лепту, чтобы ты могла скорее купить билет до Танджи — даже если я могу предложить не больше пяти сольдо». Он выложил монеты на полку серванта.

Девушка поднялась на ноги: «Спасибо». Подойдя к серванту, она открыла верхний ящик, небрежным движением ладони сбросила в него деньги, с улыбкой повернулась к Мирону и протянула к нему руки: «Не бойся! Посмотри внимательно — где ты видишь нож?»

Мирон пригляделся; в руках девушки, обнаженных до плеч, ничего не было.

«Этого недостаточно! Ты должен меня обыскать!» — продолжала она. Заметив колебания Мирона, она сказала: «Не робей! Разве я не предлагаю то, чего ты хотел?»

«Тебе это может показаться смешным… — в смятении выдавил Мирон. — Но мальчишка с его шкуросъемным ножом — и предупреждения бывалых астронавтов… Никак не могу избавиться от опасений».

«Так обыщи меня! — настаивала девушка. — Ощупай все мое тело, ищи! Тебя это смущает?»

«В какой-то мере. У нас в Саалу-Сейне считалось бы невежливым обыскивать девушку,

прежде чем ложиться с ней в постель». Запинаясь, покрасневший Мирон прибавил: «Конечно, у разных народов свои обычаи».

Девушка отвернулась, лицо ее напряженно застыло: «Делай, что хочешь — убедись в том, что на мне нет ни пружинной бритвы, ни игольчатого кинжала, ни шкуросъемного ножа».

Мирон встал у нее за спиной и осторожно ощупал все ее тело, не пропуская ни одного места, где она могла бы спрятать нож. Наконец он отступил на шаг, тяжело дыша — у него дрожали руки: «Я тебя внимательно обыскал, но не нашел ничего, кроме теплой девичьей кожи. Прикосновения к тебе опьяняют, у меня зубы стучат — надо полагать, от похоти».

Девушка обернулась: «Так что же? Что ты стоишь, как восковая фигура?»

«Честно говоря, я вспотел от страсти, но никак не могу забыть, что я в Шоло, среди охотников за шкурами».

Девушка вздохнула, но ничего не сказала, когда Мирон направился к кровати и заглянул под подушку. Там не было ни ножа, ни какого-нибудь другого оружия. Под туго натянутой наволочкой не мог скрываться даже какой-нибудь опасный шнур.

Мирон отступил от кровати, чувствуя себя глупо и раздраженный этим обстоятельством. Он не смог обнаружить ничего зловещего — никаких следов крови, ничего, что позволяло бы предположить, что здесь кого-нибудь когда-нибудь зарезали. По сути дела, его ничто не беспокоило, кроме девушки как таковой. Она продолжала за ним наблюдать без всякого выражения, кроме какого-то намека на усмешку — по-видимому, его поведение ее забавляло. Почему он не вызывал у нее никакого отвращения или хотя бы раздражения? Любой другой девушке, даже проститутке, такой посетитель показался бы оскорбительно брезгливым! Здесь что-то было не так. Девушка проявляла непостижимую терпимость. Она давно уже должна была выгнать его в шею, насмехаясь над его малодушием! Но настроение девушки не менялось — она продолжала быть уступчивой, даже если не совершенно безразличной. Может быть, она настолько невинна, что ее просто озадачивала его чрезмерная осторожность? В таком случае можно было считать, что десять сольдо Шватцендейла у него в кармане — что тоже было бы неплохо.

Девушка слегка пожала плечами, словно смирившись с причудами инопланетянина. Она подошла к столу, села на один из стульев и, протягивая руку к полке, поставила на стол жестяную коробку, бутыль и высокий граненый бокал из толстого черного стекла. Налив в бокал что-то из бутыли, она открыла коробку, опустила в нее руку и, порывшись в содержимом жестянки, достала из нее глазированную вафлю. Откусив кусочек вафли, она пригубила темную жидкость из бокала, покосилась на Мирона и сказала: «Садись, если хочешь».

Мирон присел за стол. Девушка снова приложила к губам бокал и заметила: «Если тебе хочется пить, тебе придется пить из этого бокала — у меня другого нет».

Мирон взял у нее бокал. Темная жидкость попахивала незнакомыми острыми эссенциями. Мирон поморщился и вернул девушке бокал: «Не думаю, что это придется мне по вкусу».

«Ты напрасно всего боишься! — девушка подняла бокал и сделала пару глотков. — Эта настойка называется «Сафринет», она вкуснее, чем может показаться по запаху. На Терце ее считают лучшим местным напитком».

«Не сомневаюсь, — сказал Мирон, — но я не большой любитель настоек из местных трав».

Девушка снова подняла крышку жестяной коробки: «Возьми одну из вафель! Их пекут из сладких семян, пропитанных маслом мармареллы. Нет? Ну хотя бы попробуй! У них очень приятный вкус».

«Спасибо, но сейчас мне не хочется сладкого печенья».

Девушка задумчиво опустила руку в жестянку, вынула еще одну сладкую вафлю и съела ее. «Хватит напитков и закусок! — сказала она Мирону. — Приступим!» Она встала и посмотрела ему в глаза: «Я готова».

Мирон медленно поднялся на ноги. Воздух наполнился напряжением неизбежности. У него сильно и часто билось сердце. Девушка повернулась к нему спиной: «Расстегни мне платье».

Непослушные пальцы Мирона разъединили застежку в нижней части ее шеи; легкое белое платье соскользнуло на пол, обнажив все ее тело, за исключением узкой полоски, прикрытой почти незаметными трусиками. Она обернулась, глядя на него сияющими глазами: «Теперь я помогу тебе раздеться». Приблизившись почти вплотную, она подняла руки: «Сначала рубашка. Если хочешь, можешь меня обнять». Пальцы девушки почти прикоснулись к застежке на вороте рубашки Мирона. Мирон успел заметить краем глаза, что средний палец правой руки девушки был согнут — это никак не вязалось с ее намерением взяться за застежку. Прежде чем она успела приложить ладонь к его горлу, Мирон схватил ее за правую кисть так сильно, что девушка вскрикнула от боли. Мирон медленно повернул к себе ее ладонь. К первой фаланге среднего пальца приклеился мешочек, наполненный жидкостью. Из маленькой круглой прокладки посреди наружной поверхности мешочка торчала короткая игла.

Мирон заглянул девушке в лицо. Она неподвижно смотрела ему в глаза все теми же горящими глазами, но без всякого выражения. Она прилепила к пальцу мешочек, когда в последний раз опустила руку в жестянку с вафлями. Мирон глухо сказал: «Я не зря тебя боялся».

Девушка ответила шепотом: «Все это неважно. Ты победил — возьми меня. Делай со мной все, что хочешь».

В ушах у Мирона шумело, в нем медленно разгоралась дикая ярость. Малейшее промедление, малейшая потеря бдительности — скорее даже малейшее невезение — стоили бы ему жизни, и сейчас он лежал бы на полу, умирая для того, чтобы остроухая молодая шуйя могла снять с него драгоценную светловолосую шкуру!

Глядя ему в лицо, девушка испугалась. Он воскликнула «Ты делаешь мне больно!» и попыталась выдернуть руку. Мирон крепко держал ее. Девушка присела и, со стоном выкручивая руку, вырвалась из его хватки. Тут же выпрямившись, она размахнулась, чтобы шлепнуть его ладонью по лицу, но Мирон снова успел схватить ее за руку и, продолжая начатое движение, согнул руку девушки в локте, направляя ее от себя и вверх — так, что ладонь с ядовитым шприцем легла на шею девушки около плеча. Бессознательно, движимый страхом и гневом, Мирон плотно прижал средний палец девушки к ее шее — игла проникла сквозь кожу. Почувствовав укол, она издала дикий вопль, полный безнадежного отчаяния. Мышцы ее руки безвольно обмякли; взглянув на ядовитый мешочек, Мирон увидел, что тот опорожнился.

Девушка произнесла тоном безмерного удивления: «Ты меня убил! Я умираю!»

«Вполне возможно. Тебе лучше знать».

Девушка бормотала: «Не хочу вечно глазеть на живых с картины на стене!»

«Но ты хотела, чтобы это сделали со мной! Сама виновата, мне тебя не жаль. Кроме того, из-за тебя я проиграл десять сольдо».

«Нет, нет! Я отдам твои деньги!»

«Какая разница? Теперь тебе все равно».

У девушки начали подгибаться колени. Она подвывала от ужаса — эти странные звуки словно прокатывались жесткими волнами по нервам Мирона.

Дверь распахнулась — наклонив голову набок, Шватцендейл сделал быстрый шаг в сторону и оказался внутри помещения, спиной к стене и с лучеметом наготове. С мрачной усмешкой он наблюдал за тем, как Мирон отнес слабо дергающуюся девушку на кровать, где она застыла, лежа на спине, раскинув руки и глядя в потолок.

«Я решил, что тебя пора спасать», — сказал Шватцендейл.

«Ты опоздал, — отозвался Мирон. — Я сам себя спас».

Механик подошел к Мирону; оба смотрели на бессильное тело девушки. Та произнесла сбивчивым полушепотом: «Я боюсь! Что со мной будет?»

«Думаю, что сейчас ты умрешь», — ответил Шватцендейл.

Глаза девушки закрылись. Она поморщилась, после чего ее лицо стало безмятежным.

«М-да, — нарушил молчание Шватцендейл. — Даже в этой ситуации можно найти положительную сторону: теперь ты мне должен десять сольдо».

Мирон медленно кивнул: «Что поделаешь? Придется платить». Взглянув на сервант, он подошел к нему и открыл верхний ящик. С лежавшего в нем подноса он взял пять сольдо и положил их себе в карман, отсчитал еще десять монет и передал их механику: «Насколько я понимаю, мы в расчете».

«Конечно, почему нет? Деньги есть деньги, откуда бы они ни взялись».

Мирон накрыл тело девушки лоскутным одеялом, и два астронавта вернулись в трактирный зал. Винго мирно сидел за столом, поглощая третью кружку эля. Шватцендейл спросил его: «Пойдем отсюда, что ли?»

«Пойдем. Тем более, что эль у них так себе».

Винго встал, и все трое покинули «Оду к радости».

Пока они возвращались к звездолету, Мирон обратился к стюарду: «Сегодня вечером ты фотографировал какие-нибудь «настроения»?»

«А как же! У них в трактире царит неповторимая атмосфера. Думаю, мне удалось в какой-то мере ее уловить».

«А девушку-официантку ты снимал?»

«Да, разумеется! Хорошенькие девушки придают непостижимо вдохновляющий характер любому снимку. Это известно любому фотографу, даже новичку-любителю».

Мирон ничего не ответил; остаток пути они проделали в молчании.

~

Глава 7

На рассвете «Гликка» вознеслась над космопортом Шоло, поднимаясь вдоль отвесного обрыва, и приземлилась у склада в Меле. Мелули погрузили в трюм приготовленные ящики с кожами, и «Гликка» снова взлетела, на этот раз направляясь в космос. Мирон стоял у иллюминатора рубки управления, глядя вниз, на городок Шоло в основании эскарпа. Неровную ступенчатую крышу таверны «Ода к радости» можно было легко распознать с воздуха. Под этой крышей лежало тело девушки, поведение которой даже теперь, поутру, казалось нереальным. По мнению Мирона, этот эпизод лишний раз подтверждал общеизвестное наблюдение: за привлекательной внешностью нередко скрываются самые непривлекательные намерения.

Мирон не отходил от иллюминатора, пока крыши Шоло не растворились в дымке атмосферы. Эскарп все еще пересекал степь, как темный шрам, но в конце концов и он пропал в оранжево-сером сумраке.

«Гликка» набирала скорость. Терц превратился в шероховатый серый шар. Оранжевое солнце уплывало вдаль за кормой и постепенно превратилось в одну из бесчисленных галактических звезд.

Капитан Малуф взял курс на Фьяметту, где им предстояло остановиться в двух космических портах: в Жирандоле и в Медовом Цвету.

Дела на корабле шли своим чередом. Паломники, все больше снедаемые нетерпением, утешались непрестанной игрой в дубль-моко, стуча кулаками по столу и дергая себя за бороды, когда их рискованный блеф проваливался и ставки переходили в жадные руки противников. Шватцендейл наблюдал за тем, как пилигримы резались в карты и, как прежде, время от времени высказывал замечания, указывая на ошибки и с похвалой отзываясь о тех, кто применял выгодные стратегии. В конечном счете он вновь позволил вовлечь себя в игру. Мало-помалу он начинал выигрывать — небольшие ставки — якобы исключительно благодаря нелепой случайности или по счастливому и неожиданному стечению обстоятельств. Затем он проиграл несколько существенных сумм, что, по всей видимости, привело его в замешательство. Механик бормотал себе под нос, проклиная невезение. Паломники, смеясь и обмениваясь шутками, сочувствовали Шватцендейлу и пару раз даже потрудились объяснить ему некоторые тонкости игры. Анализируя ошибки механика, они рекомендовали методы совершенствования его тактических приемов. Тем не менее, общее мнение заключалось в том, что Шватцендейлу еще многому следовало научиться, прежде чем соревноваться с экспертами. Но упрямый механик настаивал на том, что все было в полном порядке, и что он способен всему научиться на практике. В следующий раз, говорил он с безрассудной решимостью, он сможет избежать позорных ошибок, допущенных раньше, соблюдая надлежащую осторожность.

«Как вам угодно! — говорили пилигримы. — Не говорите, что вас не предупредили! Пока у вас остались монеты, выкладывайте их на стол, и мы с удовольствием положим их себе в карман».

Осмелевшие и повеселевшие, теперь паломники были готовы делать ставки покрупнее. И теперь везение Шватцендейла вернулось, как по волшебству. Он наносил молниеносные удары, его смелые комбинации сеяли разгром и опустошение в стане противников, и через некоторое время у пилигримов не осталось наличных денег: всё выиграл Шватцендейл. Игра

остановилась; паломники впали в состояние мрачного раздражения. Не зная, чем еще развлечься, они вспомнили детскую игру в «камень-ножницы-бумагу», попарно и одновременно показывая друг другу символы на пальцах, причем проигравший получал подзатыльник. Вскоре, однако, и это оживленное занятие им наскучило, несмотря на его почтенную древность. Паломники сидели в угрюмой прострации, растирая ушибленные затылки и критикуя кулинарные способности Винго.

Тем временем Фьяметта становилась все больше и ярче в лучах Каниль-Верда, так называемой «Зеленой звезды». Вокруг Фьяметты вращались три луны, создававшие драматические ночные ландшафты и служившие неисчерпаемым источником пророчеств, гаданий и мистических толкований судьбы для жрецов и провинциальных оракулов.

«Гликка» пересекла орбиты трех лун и стала потихоньку спускаться к Жирандолю, своему первому пункту назначения на Фьяметте. Горизонты разошлись, открывая взору вереницы холмов, широкие долины, реки и болота, нагромождение гор и островки скалистых утесов. Во многих местах земля возделывалась, а во многих других, судя по всему, была отведена под пастбища — и те, и другие участки окружал темный лес, и даже на открытых пространствах красовались в величественном одиночестве отдельные деревья. Внизу показался Жирандоль: умеренных размеров городок с центральной рыночной площадью. Под сенью плакучих ив притаились темные бревенчатые бунгало — каждое с верандой, с крытой галереей на втором этаже и с остроконечной крышей; если доверять легендам, местному архитектурному стилю положили начало картинки в древнем сборнике детских сказок.

В Жирандоле команде «Гликки» предстояло разгрузить бочки с сельскохозяйственными химикатами и, возможно, взять на борт несколько ящиков, ожидавших дальнейшей перевозки — Жирандоль служил второстепенным перевалочным пунктом, где ожидали попутных кораблей, направлявшихся к дальним планетам сектора, не только грузы, но и редкие пассажиры. В Медовом Цвету, на другой стороне планеты, складировались экспортные товары — рулоны тканей, маслянистые пластины бледно-зеленого нефрита, а также исключительно изящные чаши из сине-зеленого фарфора, изготовленные и обожженные гончарами с Мульравских гор.

«Гликка» приземлилась у главного товарного склада; на той же площадке уже стояли несколько других звездолетов, в том числе пассажирский пакетбот компании «Черная перевязь», роскошная космическая яхта «Фонтеной» из тропического курорта Койри-Бич на планете Альцидон и грузовое судно «Эрлемар», еще более потрепанное, чем «Гликка» — весь его корпус покрывали разнообразные «зарубцевавшиеся шрамы».

Уже через несколько минут капитан Малуф узнал, что практически все работники местных складов и мастерских получили отпуск в связи с продолжавшимся неделю фестивалем.

Капитан отнесся к этой ситуации по-философски. Подобные обстоятельства возникали нередко, их нельзя было назвать необычными — складские рабочие и грузчики были повсеместно знамениты забастовками, капризами и умением выторговывать для себя особые привилегии. Может быть, на следующий день удалось бы собрать бригаду из числа желающих подработать в выходные; если нет, команда «Гликки» могла самостоятельно загрузить трюмы — невелика беда. В любом случае, задержка не беспокоила никого, кроме паломников, сразу устроивших скандал. Они наотрез отказались покидать судно, заявив, что якобы должны охранять от грабителей драгоценное содержимое своих роскошных сундуков.

На самом деле какие-либо развлечения Жирандоля им были просто недоступны, так как Шватцендейл, накопивший многолетний опыт игры в дубль-моко, присвоил все их наличные деньги. Угрюмо проводив глазами четверых астронавтов, спустившихся по трапу, пилигримы начали новую игру, используя в качестве ставок волоски, выдернутые из бород.

Когда команда «Гликки» проходила мимо яхты «Фонтеной», их остановил возглас: «Эй! Подождите минутку!» На пороге входного шлюза «Фонтеноя» стоял господин средних лет, приятной наружности — его слегка повелительные тон и жестикуляция свидетельствовали о привычке распоряжаться.

Четыре астронавта остановились и подождали. Незнакомец спрыгнул на землю и направился им навстречу — высокий худощавый человек в свободной повседневной одежде путешественника. Вежливо улыбаясь, он приближался размашистой походкой. Растрепанные ветром седые локоны спустились ему на лоб, а седые брови были постоянно иронически приподняты, как если бы его ежеминутно забавляли и удивляли парадоксы человеческого существования.

«Джосс Гарвиг, владелец «Фонтеноя»!» — слегка поклонившись, добродушно представился он.

Капитан Малуф познакомил его с командой: «Перед вами — старший стюард Винго, здесь — суперкарго Мирон Тэйни, а за ними — как всегда, погруженный в загадочные размышления — наш главный механик, Фэй Шватцендейл. Меня зовут Адэйр Малуф, я — капитан».

«Очень приятно с вами встретиться! — заявил Гарвиг. — Но позвольте сразу объяснить, почему я вас побеспокоил — я руководствуюсь не совсем альтруистическими побуждениями. Возникла проблема с двигателем моей яхты, и я надеюсь, что ваш механик сможет ее устранить. Наш бортинженер в замешательстве, а специалисты из местных мастерских все разбежались на выходные. Возникла исключительно неприятная ситуация, мы застряли».

«Расскажите, в чем дело, — предложил Малуф. — Как минимум, мы вас выслушаем. Больше ничего не могу обещать».

«Разумеется, разумеется! — воскликнул Гарвиг. — Проблема заключается в следующем: в космических доках Эттенхайма на моей яхте установили новый девятирежимный модуль уплощения пространства. Их механики гарантировали, что он обеспечит бесперебойную синхронизацию анатродетической матрицы. Ничего подобного! Как только мы начали приземляться в Жирандоле, корабль стал болтаться, брыкаться и бросаться из стороны в сторону, как бешеный жеребец! Мы едва не разбились и теперь боимся взлететь, пока не будет найдена причина такого безобразия. Мой бортинженер только разводит руками — по сути дела, я подозреваю его в некомпетентности. Может быть, ваш механик посоветует, как избавиться от этой неприятности?»

Малуф повернулся к Шватцендейлу: «Как ты думаешь?»

Шватцендейл наклонил голову набок: «Возможны три варианта. Первый вариант: вибрационные стержни разошлись по фазе с новым модулем. Второй вариант: мощность нового устройства недостаточна для двигателя вашей яхты. Третий вариант: модуль неправильно установили, что наиболее вероятно, потому что оборудование такого рода, как правило, само по себе надежно».

«Значит, вы не сможете починить двигатель? Или сможете?» — неуверенно спросил Гарвиг.

Шватцендейл колебался лишь какую-то долю секунды: «Посмотрим, что можно сделать — хотя я ничего не гарантирую».

«Я буду благодарен за любую помощь! — Гарвиг гостеприимным жестом пригласил их подняться по трапу. — Проходите в салон! Я прослежу за тем, чтобы вам подали что-нибудь освежающее. Моя жена, Вермира, готовит превосходный «розовоглазый пунш», не говоря уже о ее заслужившем опасную репутацию «саскадудле»!»

Гарвиг провел астронавтов в салон «Фонтеноя» и познакомил их со своей семьей — в первую очередь со своей супругой Вермирой, модно одетой, хотя уже чуть пополневшей дамой, отличавшейся прекрасной гладкой кожей розоватого оттенка, крупными, но дружелюбными чертами лица и напоминающей небольшое облако шевелюрой золотисто-медового оттенка, завитой легкомысленными кудряшками. За ней последовал сын Гарвига — Мирль — худой и застенчивый, полностью лишенный располагающей к себе общительности, свойственной его отцу. Наконец, повинуясь настойчивому зову Джосса Гарвига, в салоне появилась его дочь Тиббет — зевая и потягиваясь, поправляя на ходу пижамные брюки левой рукой и, в довершение ко всему, лениво почесывая ягодицу пальцами правой. Привлекательная девушка с искорками, тлеющими в глубине глаз, она нисколько не заботилась о взъерошенной копне своих темных волос. По мнению Мирона, она была года на три или четыре моложе его. В первую очередь Тиббет смерила взглядом Шватцендейла, после чего осмотрела с головы до ног Мирона, неопределенно пожала плечами, отвернулась и принялась изучать ногти. Испуганно-приглушенным тоном Вермира настойчиво порекомендовала дочери немедленно вернуться в каюту и переодеться.

Тиббет беззаботно покинула салон и вернулась уже через несколько секунд, все еще в пижамной блузе, но в так называемых «пиратских шароварах», туго обтягивавших бедра, а затем расширявшихся, но подвязанных на лодыжках — такой наряд выгодно подчеркивал преимущества ее фигуры. Мирон решил, что, принимая во внимание все «за» и «против», дочь владельца яхты была достаточно привлекательна, несмотря на ее несколько наигранное пренебрежение к правилам хорошего тона. В любом случае, она его не слишком интересовала, что было только к лучшему, учитывая ее демонстративное безразличие.

Мирль, наблюдавший за происходящим, усмехнулся: «Не обижайтесь! Она просто воображуля и строит из себя Вильмера».

Вермира всполошилась: «Мирль, как тебе не стыдно! Гостям вовсе не обязательно знать такие вещи!»

«В этом нет ничего постыдного, это даже забавно, — возразил Мирль. — У нас были два кота: Вильмер — большой, пушистый и довольный собой, и Тинк — тощий и пугливый. Им давали корм в двух отдельных мисках. Вильмер жадно жрал и всегда заканчивал первый. Взглянув в сторону Тинка, он подходил к его миске, отпихивал Тинка и нюхал его еду. После этого он вставал в такую позу, словно презрительно мочился в миску Тинка, и уходил, а Тинк оставался и огорченно смотрел на еду, которая ему только что нравилась, но к которой теперь он не хотел прикоснуться. Вот и Тиббет тоже строит из себя Вильмера».

«Ага! — воскликнул Шватцендейл. — Ты хочешь сказать, что Тиббет понюхала меня и Мирона, сделала вид, что на нас помочилась, и ушла».

«В сущности».

Мирон и Шватцендейл одновременно повернулись и взглянули на сестру Мирля — та только пожала плечами и усмехнулась.

Гарвиг рассмеялся: «На самом деле Мирль и Тиббет живут душа в душу, хотя со стороны

это не всегда заметно. Вермира, что ты нам готовишь?»

«Саскадудль! Потерпите, он уже почти остыл».

Мирон наконец заставил себя на какое-то время забыть о девушке и обратил внимание на салон. На его взгляд, роскошь меблировки и дороговизна хрустальных люстр не оправдывались их функциональным назначением. Джосс Гарвиг явно не был астронавтом или опытным путешественником — скорее его можно было назвать туристом и коллекционером антикварных редкостей, характерных поделок народных умельцев и прочих безделушек, каковыми были заставлены и завалены все полки, застекленные шкафы и столешницы обширного салона. Коллекция Гарвига носила эклектический, даже беспорядочный характер. Некоторые изделия, по мнению Мирона, вполне могли быть проданы за большие деньги, но в совокупности с другими казались частью вездесущего хлама. Приглядевшись, Мирон заметил, что на каждом экспонате был закреплен небольшой ярлык с указанием его происхождения, древности и каких-то других сведений. Прохаживаясь, он обнаружил в глубине салона объект, сразу заставивший его остановиться. На низком каменном постаменте стояла человекоподобная фигура, вырезанная или изготовленная каким-то иным образом из жесткого твердого вещества серо-зеленого оттенка, с глянцевой поверхностью, напоминавшей кремнистый сланец, нефрит или, может быть, хризолит. Массивные плечи сутулой полутораметровой фигуры были шире мощного торса и выдавались вперед. Длинные руки, кончавшиеся огромными ладонями, свисали до колен. Большая голова производила впечатление карикатурной маски со смазанными, искаженными чертами лица.

За спиной Мирона послышался голос Мирля: «Он настоящий. Остальные, пожалуй, еще страшнее».

«Остальные?»

Мирль указал на сумрачный дальний конец салона, где вдоль стены стояли еще три фигуры, похожие на первую: «Что вы о них думаете?»

Мирон ответил не сразу: «Если бы они были мои, я сразу подарил бы их своей тетушке Эстер».

Мирль рассмеялся: «Отец считает их непревзойденными шедеврами человеческого гения. Но это потому, что он — директор отдела закупок Пангалактического музея искусств в Дюврее, на Альцидоне. Теперь вы знаете, почему мы путешествуем по пояс в древнем мусоре». Мирль посмотрел по сторонам: «По большей части все это действительно мусор». Снова повернувшись лицом к статуе, он прибавил: «Но только не эти чудища. Кураторы музея будут в восхищении! Невозможно не признать, что от них исходит какая-то жестокая эманация».

Мирон спросил — почтительно, почти испуганно: «Где вы находите такие вещи?»

«Там же, где все остальное — в древних святилищах, на свалках вымерших городов, среди руин, на раскопках, в частных коллекциях, у аборигенов-гробокопателей. Короче говоря, мы покупаем у всех, кто не прочь торговать или меняться. Иногда мы находим вещи, которые, судя по всему, никому не принадлежат — по меньшей мере мы надеемся, что это так — тогда мы их просто берем с собой! Отец называет это «динамичным подходом к финансированию гуманитарных исследований», — Мирль усмехнулся. — Все это делается во имя науки, искусства или философии — что, с точки зрения моего уважаемого родителя, примерно одно и то же. Он убежден, что, если потребуется, сможет ходить по воде аки по суху и поэтому всегда выходить сухим из воды. И кто я такой, чтобы об этом судить? Может

быть, так оно и есть».

Тем временем Джосс Гарвиг отвел Шватцендейла и Малуфа в двигательный отсек. Прошло минут двадцать; Вермира вручила всем присутствующим кувшинчики «саскадудля» — бледно-зеленой жидкости, слегка шипучей. чуточку жгучей, но приятно щекотавшей язык.

Малуф и Шватцендейл вскоре вернулись, а вслед за ними и Гарвиг, торжествующе объявивший: «Выпьем за успех! Модуль перекосился! Шватцендейл сразу понял, в чем дело, и все поправил прежде, чем мы успели глазом моргнуть. Впечатляюще! Чудесный механик, золотые руки!» Гарвиг шуточно отдал честь, после чего заявил капитану: «Если бы я был неблагодарным мошенником, я тут же переманил бы его к себе с вашего корабля».

Шватцендейл скорчил гримасу и поежился одним плечом: «Маловероятно — если вы не предложите мне руку своей дочери вкупе с головокружительным приданым и не разрешите выбросить в море этих позеленевших от злости истуканов».

Гарвиг рассмеялся: «Тиббет? Берите ее со всеми потрохами. Приданое? Черта с два! А для того, чтобы вам понравились эти статуи, их нужно научиться ценить. Это глубокие, проникновенные произведения искусства».

«Вместо того, чтобы вам противоречить, я лучше останусь на борту «Гликки», — вежливо ответил механик. — По сути дела, я вообще не понимаю, что такое «искусство» и с чем его едят».

«У этого слова сотни различных смыслов в различных контекстах», — изрек Винго. Повернувшись к Гарвигу, стюард сказал: «Фэй — очень чувствительный человек! От этих истуканов исходят зловещие чары. Было бы предусмотрительно запаковать их в стальные контейнеры и вернуть изготовителю».

Гарвиг снова рассмеялся, хотя на этот раз не так беззаботно: «Музей примет их с благодарностью, это исключительно редкие экспонаты! Моя репутация не пострадает — напротив, меня могут ожидать продвижение по службе с повышением оклада или даже присвоение рыцарского достоинства».

«И что потом?»

«Потом мы снова отправимся в путь, на поиски драгоценных редкостей — кто знает, какие чудесные сокровища нам предстоит раскопать?»

«Вы ведете интересную жизнь, — заметил Малуф. — Надо полагать, поиски нередко приводят вас в такие места, куда обычные люди никогда не заглядывают».

«Совершенно верно, — согласился Гарвиг. — Наша работа сопряжена с определенными трудностями и опасностями, но затраченные усилия вознаграждаются стократно! По меньшей мере, Мирль и Тиббет получают превосходное образование».

Тиббет отозвалась язвительно-печальным смешком: «Я научилась смешивать коктейли: «розовоглазый пунш», «саска-дудль» и даже «войдинго», изобретенный контрабандистом-головорезом по имени Теренс Доулинг. Я видела «солнечные хороводы» и «лунные хороводы», поклонение тотемам, змеиные гонки и не меньше дюжины ритуалов плодородия. Все это было бы гораздо любопытнее, если бы мне разрешили участвовать в упомянутых обрядах, но каждый раз, как только я начинаю проявлять к ним интерес, кто-нибудь берет меня за шкирку и запирает в чулан».

Вермира прищелкнула языком: «Дорогая, пожалуйста! Твои шутки не свидетельствуют о хорошем вкусе. Наши гости могут составить о тебе неправильное представление».

«Вряд ли! — возразила Тиббет. — Господин Шватцендейл всецело погружен в тайные расчеты. А господин Винго меня даже не слушает».

Действительно, Винго критически изучал серо-зеленых истуканов. Через некоторое время он обратился к Гарвигу: «Это не просто скульптура. Здесь скрывается что-то другое».

«Неужели? Что именно?»

«Судите сами. Мастерская работа, но необычно противоречивая: дикий гротеск сочетается с поразительным мастерством! Сомневаюсь, что эти статуи изготовлены с эстетической целью».

«Вполне вероятно. Мне говорили, что это своего рода пугала, «гонители призраков»».

Разговор об истуканах наскучил девушке. Она томно произнесла: «По-моему, это не более чем садовые украшения — хотя несколько причудливые, на мой вкус».

«Причудливые? — возмутился Мирон. — Да они просто кошмарны! Кто согласился бы поставить таких чудищ у себя в саду? И зачем?»

«Не говорите глупости! — отрезала Тиббет. — Владельцам сада, в котором они стояли, нравились эти статуи! Поэтому они их туда и поставили! Зачем? Чтобы отпугивать призраков, зачем еще?»

«Лично я предпочел бы смотреть на призраков», — парировал Мирон.

Джосс Гарвиг снисходительно улыбнулся: «Вы видите их глазами случайных наблюдателей! Знатоки смотрят на них по-другому».

«Каким образом они вам достались?» — спросил у Гарвига капитан Малуф.

«По счастливой случайности, — самодовольно отозвался Гарвиг. — Вы когда-нибудь слышали о Заоблачной стране моабитов? Нет? Примерно в ста пятидесяти километрах к востоку отсюда начинаются возвышенности, усеянные скалистыми утесами — за ними скрываются высокогорные луга. Там — дикие, почти невероятные виды: острые каменные шпили тянутся ввысь, погруженные в тучи и озаренные паутиной молний; вихри туманов клубятся в лесах и выползают на луга, покрывая их сплошной пеленой. Неприветливые, необжитые места — но когда-то там добывали нефрит горцы из племени чен. Сами они называют себя «верховодами» — странный народ, избегающий всякого общения с чужаками. Иные «верховоды» все еще прозябают в древних усадьбах — на доходы от капиталовложений, надо полагать. Они не терпят посетителей, туристов, собирателей редкостей, никого вообще. Другие местные жители считают, что чены занимаются черной магией, и обходят их стороной. Таковы обитатели Заоблачной страны моабитов. На равнине, у подножья первого уступа Заоблачных высот, находится ярмарочный городок Земерле; когда-то там торговали горным нефритом. Мы приземлились в Земерле, надеясь купить пару старых поделок их нефрита, но ничего не нашли. А затем один из местных купцов предложил нам тайную сделку. Он долго мялся, прокашливался и чесал в затылке, но в конце концов показал фотографию так называемого «гонителя призраков» в саду заброшенной усадьбы ченов. Он уверял, что статуя вырезана из первосортного нефрита, и что он мог бы ее продать по сходной цене. Я попросил его подробнее рассказать о происхождении статуи. Купец объяснил, что в те времена, когда верховоды-чены вырабатывали залежи нефрита, они не работали сами, а использовали крепостных трилей, захваченных в болотах Фарсетты. Трили погибали тысячами от непосильного труда, и призраки умерших горняков блуждали в туманах высотных лугов. Чены выставляли «гонителей призраков», чтобы духи трилей не выходили из леса. Нынче во многих усадьбах «верховодов» больше никто не живет; их руины плесневеют в чащах заросших старых садов. Но «гонители призраков» все еще стоят на страже, не позволяя мертвым холопам посещать дома бывших хозяев». Обернувшись, Гарвиг нежно посмотрел на истуканов: «Торговец

заверял меня, что похитить «гонителя призраков» почти невозможно, но что он знает двух отчаянных молодых головорезов, готовых на все ради денег. Он мог бы договориться с ними, получив авансом тысячу сольдо.

Я даже вскрикнул от неожиданности! Кто согласился бы заплатить такую цену? Но купец не уступал ни гроша. По его словам, риск был слишком велик. Он заявил, что верховодам известны трансцендентные тайны и что, если я хочу получить «гонителя призраков» за бесценок, мне придется похитить статую самостоятельно.

Мы долго и тщетно торговались. В конце концов я расстался с этим купцом и, взвесив все «за» и «против», решил, что торговец преувеличивал трудности, связанные с похищением статуи. Многие древние усадьбы давно опустели — почему бы чены стали беспокоиться о потере одного или двух древних пугал?

Короче говоря, мы покинули Земерле и стали изучать Заоблачную страну сверху, на бреющем полете. Несколько дней мы производили разведку, вглядываясь в туман. Составив приблизительную карту местности, мы выбрали очевидно нежилую древнюю усадьбу, спустились к ней на автолете в сумерках и погрузили в машину четырех истуканов. Все получилось без сучка без задоринки. Луны, то ныряя в туман, то выплывая из него, обеспечивали достаточное освещение. Тем не менее, атмосфера в старом саду навевала печаль и тревогу: казалось, там все обременено тяжестью воспоминаний. Мы были рады поскорее вернуться к ожидавшему в небе «Фонтеною».

Оттуда мы полетели прямо в Жирандоль, а здесь потребовалось чинить модуль уплощения пространства. Вот и все, по сути дела». Гарвиг снова взглянул через плечо на «гонителей призраков»: «Честно говоря, я не прочь был бы вернуться в Заоблачную страну и увезти еще несколько нефритовых статуй».

Вермира резко возразила: «Забудь об этом! Мы обещали детям, что завтра полетим в Медовый Цвет на ежегодный фестиваль Великой Лалапалузы! И ничто не заставит меня нарушить этот план ради каких-то окаменевших гигантских жабо-кваков!»

Гарвиг взглянул на супругу со снисходительной улыбкой: «Как ты сказала? Лалапалуза?»

«Именно так — это знаменитый фестиваль, он празднуется с незапамятных времен».

Гарвиг великодушно махнул рукой: «Что ж, так тому и быть! Мы полетим праздновать очередную годовщину Лалапалузы — никаких проблем, никаких возражений, никаких задержек. Сказано — сделано!»

«Рада слышать!» Вермира обратилась к смаковавшему коктейль Винго: «Говорят, это шумный и веселый праздник с парадами, аттракционами и выставками, с народными танцами в традиционных костюмах. Все это должно быть очень красочно, хотя ходят слухи, что некоторые представления… как бы это выразиться… носят слишком откровенный характер».

Гарвиг ухмыльнулся до ушей: «Или — другими словами — там можно будет подсмотреть, откуда ноги растут! Тем не менее, почему бы не позабавиться! Думаю, что у Мирля и Тиббет еще меньше предубеждений, чем у нас».

Вермира начала было протестовать, но Джосс Гарвиг поднял руку: «Послушай, дорогая моя, нельзя же полностью отгораживать молодых людей от действительности! Мы должны твердо надеяться на то, что нашего примера достаточно для того, чтобы направить их на путь добродетели, не поддающейся обольщениям порока. Не так ли, капитан?»

Малуф взглянул на девушку, изобразившую чопорную улыбочку целомудрия:

«Совершенно верно!»

Вермира подняла рекламную брошюру и гордо продемонстрировала ее присутствующим: «Только послушайте! На фестивале Великой Лалапалузы будут акробаты и танцы на пятиметровых ходулях, а также поединки кулачных бойцов на ходулях! Будет выступать балаганная труппа под руководством некоего Чародея Монкрифа».

Шватцендейл вздрогнул и обернулся: «Как вы сказали? Там будет Проныра Монкриф?»

Вермира снова просмотрела текст брошюры: «Не вижу никакого упоминания о пронырах. Тем не менее, похоже на то, что мы сможем вволю повеселиться — завтра летим на фестиваль!»

«Завтра мы разгрузим трюмы и присоединимся к вам в Медовом Цвету, — сказал капитан Малуф. — А теперь нам пора идти». Он поклонился Вермире и Тиббет, после чего направился к выходному шлюзу.

Гарвиг многозначительно прокашлялся. «Мы на самом деле очень благодарны за починку модуля», — сказал он Шватцендейлу. Приблизившись к механику, он засунул ему в карман пять сольдо: «Спасибо!»

На какое-то мгновение Шватцендейл остолбенел, дрожа всем телом, словно пораженный ударом электрического тока. Затем, глядя в потолок и судорожно перекосив рот, он вынул деньги из кармана и осторожно опустил их на ближайшую полку, сделал три размашистых шага на полусогнутых ногах, оказавшись таким образом в выходном шлюзе, спрыгнул на землю и скрылся.

Джосс Гарвиг огорчился: «Удивительный человек! Если он хотел, чтобы ему заплатили больше, он мог бы так и сказать! Я не скупердяй, но не могу же я угадать, что́ у него на уме!»

Капитан Малуф усмехнулся: «Вы не понимаете. Фэй — отпрыск исключительно высокопоставленной семьи. Достоинство не позволяет ему брать деньги у простолюдинов и даже у кого-либо, кто уступает ему благородством происхождения».

У Гарвига отвисла челюсть. Он скорбно уставился на несчастные пять сольдо: «Что ж… Он поставил меня в неудобное положение. Меня трудно назвать простолюдином, тем не менее…»

«Пусть это вас не беспокоит, — заверил его Малуф. — Фэй уже забыл об этом инциденте. Я рекомендовал бы, однако, когда вы снова с ним встретитесь, не позволять себе никаких фамильярностей и не пускаться в объяснения, которые могли бы ему наскучить».

«Нет-нет, конечно», — пробормотал Гарвиг.

Три астронавта спустились по короткому трапу «Фонтеноя». Шватцендейл ждал их снаружи — все четверо направились в город по взлетному полю.

2

Наступил вечер. Каниль-Верд опускался за горизонт; облака в западной части небосвода вспыхнули, подобно гигантскому тлеющему костру, гранатовым огнем с бледно-зелеными обводами и сполохами синего и лавандового оттенков.

Астронавты шли по бульвару к центру городка. Закатные цвета становились все глубже и глуше, сгущались фиолетовые сумерки. Неподалеку, еще на окраине, им повстречался трактир «Зеленая звезда»: продолговатое низкое сооружение из потемневших бревен, с обширным открытым павильоном перед входом, окруженным черными деодарами, плакучими ивами и туземными кардунами. Фонари, закрепленные на высоких ветвях, отбрасывали разноцветные шлейфы мягкого света. Несколько столов, расставленных вдоль края павильона, были заняты местными жителями — семьями, влюбленными парочками и

старожилами, решившими развлечься теплым вечерком. Астронавты уселись за свободным столом у балюстрады, под навесом. К ним подошел круглолицый паренек-официант в красивой зеленой рубахе с черными полосками, в белом переднике и в высоком белом колпаке с нашивкой спереди; на нашивке значилось его имя: «Флодис». Паренек перечислил блюда, имевшиеся в наличии: суп из корнеплодов с луком-пореем и овощными бананами, конфитюр из тростниковой птицы, жареная рыба-маска с морскими фруктами, жаркое из домашней птицы под особым соусом; предлагались также свежеиспеченный хлеб и различные гарниры. Если уважаемые посетители предпочитали только выпивку, официант готов был подать выдержанный эль из погреба, свежий пальмовый пунш, арак, темный или светлый ром, а также несколько различных вин. Уважаемые посетители попросили его начать с четырех кружек эля, а затем подать горячий суп и, напоследок, тростниковую птицу с болотным рисом и обжаренным луком-пореем.

Астронавты пили эль, поглядывая на две луны, плывущие в зените — третья, всходившая на востоке, уже не могла их догнать. Мирон с удивлением рассматривал эти луны: казалось, они отливали бледно-зеленым блеском. Какая-то иллюзия? Или такому эффекту способствовал крепковатый эль?

Флодис подал суп в глубоких глиняных мисках, и внимание Мирона отвлеклось. За супом последовала жареная тростниковая птица на подушке коричневатого риса, приправленного стручками туземного перца.

Места за столами по периметру павильона и под навесом заполнялись людьми всевозможных каст и социальных уровней. С одного из недавно прибывших пассажирских пакетботов явилась шумная группа туристов, дивившихся на три луны и распивавших эль одновременно с пуншем. Рядом фермерская семья хлебала суп, закусывая хлебом и тайком наблюдая за туристами. Четверо молодых лоботрясов из Жирандоля также, по-видимому, интересовались туристами и, усевшись поближе к ним, стали обмениваться вульгарными шутками и прибаутками. Флодис-официант наблюдал за хулиганами с явным неодобрением. «Они еще устроят какую-нибудь заварушку, помяните мое слово, — сообщил он Мирону. — Надеются привлечь внимание инопланетных девушек, а это всегда плохо кончается, так или иначе. Разнимать-то их придется мне! Причем и на мою долю придется пара тумаков, это как пить дать — а кто мне за это заплатит? Как вы могли догадаться, ответ на этот вопрос носит самый решительный и бесповоротный характер: никто!» Флодис мрачно покачал головой и пошел по своим делам.

Через некоторое время в трактир прибыла группа астронавтов с грузового судна «Эрлемар» — эти сразу расселись за стойкой бара. Прошла еще пара минут, и в павильон зашли Джосс Гарвиг и его домочадцы. Заметив знакомую команду «Гликки», они сели за соседним столом. С опаской покосившись на Шватцендейла, Гарвиг провозгласил самым дружелюбным тоном: «Вот как получается! Мы снова собрались вместе!» Посмотрев вокруг, он прибавил: «Колоритное местечко, хотя… скажем так, публика здесь довольно-таки разношерстная».

«Пожалуй, — согласился Малуф. — Тем не менее, эль у них неплохой».

Флодис-официант подошел, взял заказ и удалился. Вермира заметила какое-то движение, указала на него пальцем и захлопала в ладоши от радости: «По-моему, здесь будет музыка! Может быть, даже танцы! Тиббет, почему ты такая скучная? Разве тебе не интересно?»

«Я в восторге», — мрачно отозвалась Тиббет.

Из глубины трактира, воровато пригнувшись, выбежали трусцой шестеро смуглых коротышек с исхудалыми скуластыми лицами. Вскочив на небольшую эстраду, они выстроились полукругом. Вслед за ними явилась группа маленьких бледных сорванцов с такими же костлявыми физиономиями, как у старших соплеменников, с нечесаными космами темных волос, с руками и ногами, тощими, как палки. Сгрудившись у основания эстрады, пацаны принялись озираться по сторонам, показывая пальцами то на одну, то на другую группу посетителей, и шептаться, обмениваясь явно издевательскими замечаниями.

«Что такое? Ничего не понимаю! — пробормотала Тиббет. — У них же нет инструментов! А эти детеныши выглядят, как жадные маленькие крысы».

Джосс Гарвиг мягко упрекнул ее: «Зачем же так говорить? Следует проявлять терпимость и не судить опрометчиво. Артистическое мастерство никогда не очевидно, особенно для тех, кто незнаком с местными традициями! Нужно послушать, а потом уже выносить приговор; вполне возможно, что эти странные человечки — первоклассные виртуозы. Подождем — и попробуем их понять».

«Не сомневаюсь, что ты прав, — откликнулась Тиббет. — Не буду слушать, пока ты мне не скажешь, достаточно ли они талантливы. Это позволит мне не растрачивать зря психическую энергию».

«Придержи язык, Тиббет! — отрезал Гарвиг. — Его острота не придает тебе дополнительное очарование».

«Тише вы, тише! — прикрикнула на них Вермира. — Они начинают играть».

Коротышки на эстраде раздвинули длинные телескопические трубы и, без каких-либо предварительных замечаний, принялись дуть в них изо всех сил, раздувая щеки и производя оглушительное верещание, сопровождавшееся беспорядочными трелями, визгом и писком. Сорванцы, столпившиеся под эстрадой, засунули пальцы в рот и, выпучив глаза так, что они, казалось, вылезали из орбит, обрушили на ужинающих лавину режущего уши свиста.

Джосс Гарвиг возмущенно воскликнул — хотя никто не мог расслышать его слова: «Во имя всего кошмарного и отвратительного, что за чертовщина! Это же не музыка — даже не авангардистский сумбур!»

Два пацана схватили подносы и, пританцовывая, стали обходить сидящих за столами, почти приставляя край подноса к шее каждого посетителя. Высоко подпрыгивая, они трясли бедрами в воздухе, подчеркивая ритм прыжков странным уханьем, напоминавшим отрыжки. По мере того, как они перемещались по кругу, посетители трактира неохотно расставались с монетами, бросая их на подносы.

Мирон заорал, обращаясь к Флодису, стоявшему рядом с ничего не выражающим лицом: «Что происходит?!»

Наклонившись, Флодис сказал ему на ухо: «Это клоуны с Речного острова! Выступают бесплатно, поэтому им позволяют приходить. Неплохая сделка — нам это развлечение ничего не сто́ит, хотя, как видите, они настаивают на чаевых. Как только они соберут десять сольдо, развлечение прекратится».

Танцующие пацаны приблизились к Джоссу Гарвигу. Тот приготовился было гневно оттолкнуть поднос локтем, но Флодис бросился к столу, чтобы удержать его, и прокричал: «Не торопитесь! А то вся их труппа подбежит к вашему столу и начнет здесь шуметь и танцевать!»

Лицо Гарвига исказилось противоречивыми эмоциями, но в конце концов он бросил на поднос несколько монет, после чего пронаблюдал, все еще кипя возмущением, за тем, как

команда «Гликки» положила на поднос несколько грошей, тем самым избавившись от сорванцов. Завершив обход павильона, наглые попрошайки снова сгрудились под эстрадой и передали подносы старшим клоунам. Шум мгновенно прекратился: «музыканты» подсчитывали улов. По-видимому он показался им достаточным, так как они соскочили с возвышения и убежали, той же сгорбленной трусцой, в темную рощу за трактиром.

Гарвиг повернулся к Малуфу: «Никогда еще я не ценил так высоко утешительную тишину! Прекращение этого жуткого гвалта само по себе доставляет огромное удовольствие».

«Тишина нередко производит успокаивающее действие», — согласился капитан.

«Жаль, что тишину нельзя разливать в бутылки и продавать на рынке в качестве общеукрепляющего эликсира!» — заметил Винго.

«На любой спрос есть предложение, — откликнулся Шватцендейл. — Настойка цианистого калия производит желаемый эффект».

«Чрезмерный эффект, — с улыбкой возразил стюард. — И, кроме того, необратимый».

«Винго совершенно прав, — поддержал его капитан Малуф. — Хорошего помаленьку». Поразмыслив, механик вынужден был уступить.

За соседним столом Вермира тянула супруга за руку: «Здесь не так уж интересно, причем какие-то небритые молодые люди глазеют на Тиббет самым неприличным образом! Пора идти».

Джосс Гарвиг обвел взглядом домочадцев: «Так что же? Пойдем?»

«Не забывай — завтра у нас будет более чем достаточно развлечений. Если мы тут засидимся, мы не успеем выспаться как следует».

Скорчив капризную гримасу, Тиббет оценила внешность молодых болванов, поведение каковых вызывало у ее матери такое беспокойство. Их нельзя было назвать привлекательными, причем у двоих наблюдались смехотворно пушистые усы. Девушка спросила Флодиса: «Какие-нибудь еще развлечения предвидятся?»

«Не в самое ближайшее время. Но, если я не ошибаюсь, скоро должны появиться канатоверты».

«Они тоже будут шуметь?» — поинтересовался Гарвиг.

«В какой-то мере».

«Тогда здесь нечего ждать», — Гарвиг повернулся к четырем астронавтам: «Скорее всего мы встретимся в Медовом Цвету, но пока что позвольте пожелать вам удачи и спокойной ночи».

Гарвиг и его семья покинули трактир «Зеленая звезда». Малуф спросил спутников: «Еще по кружке их вполне приличного эля?»

«Не откажусь, — отозвался Шватцендейл. — Если канатоверты нам наскучат, мы всегда успеем уйти».

Винго и Мирон придерживались сходной точки зрения, в связи с чем Малуф подозвал Флодиса, и тот принес еще четыре кружки эля.

Прошло полчаса, но канатоверты так и не появились — Флодису пришлось признать, что они, возможно, задержались в таверне Лукантуса или, что еще более вероятно, уже разошлись по домам.

Голос Флодиса вдруг задрожал, он прервался на полуслове. Его внимание привлекло прибытие двух пожилых субъектов в длинных черных плащах и черных шляпах с надвинутыми на лоб широкими полями. Пару минут эти двое стояли у входа в павильон,

обозревая присутствующих. Мирона удивило явное беспокойство Флодиса — может быть, юный официант в чем-то провинился, и теперь его пришли арестовать? Скорее всего, причина заключалась в другом. Возникало впечатление, что люди в черных плащах были должностными лицами из провинциального городка или селения. Худые, среднего роста, оба держались навытяжку, словно подчиняясь какому-то аскетическому этикету; у них были морщинистые бледные лица, круглые черные глаза, острые подбородки.

Субъекты в черных шляпах подошли к столу, стоявшему у входа, сели и замерли. Их неподвижность показалась Мирону неестественной. Он подал знак Флодису — тот неохотно приблизился. «Кто эти двое? — Мирон показал на них пальцем. — Канатоверты?»

Флодис нервно облизал губы и выпалил: «Ни в коем случае не обращайте на них внимание, прошу вас! Это верховоды, чены — зачем-то они спустились с гор. Кому-то сегодня не поздоровится».

Мирон повернулся к капитану: «Вы слышали?»

«Слышал».

Мирон украдкой изучал «верховодов». Помимо странной неподвижности, в них не было ничего, чем можно было бы объяснить паническую нервозность Флодиса.

Мирон сказал официанту: «Судя по всему, это всего лишь пара вежливых пожилых людей, они ведут себя тихо и никому не мешают. Чего ты так боишься?»

Флодис напряженно рассмеялся: «Это стервятники самого высокого полета! Они якшаются с призраками и знают вещи, которые настоящим людям знать не положено. Даже не смотрите на них! Они вас сглазят, и по ночам вас будут душить домовые, сидя у вас на шее!»

Малуф спросил: «Они часто заходят в «Зеленую звезду»?»

«Нечасто — но даже одного раза более чем достаточно». Флодис глубоко вздохнул и расправил плечи: «Теперь мне придется их обслуживать. А за малейшую ошибку они просверлят меня глазами и навсегда запомнят, как меня зовут».

«Не отчаивайся, — заметил Мирон, — они уже уходят».

Флодис, однако, схватился за голову: «Я не поспешил их обслужить! Они разгневались и ушли! Теперь мне не сдобровать, вот увидите!»

«Все может быть, — сказал капитан Малуф. — Скорее всего, однако, они пришли посмотреть на канатовертов, и теперь направились в таверну Лукантуса».

Флодис с сомнением кивнул: «Да, может быть. Если так, мне повезло».

Официант занялся выполнением своих обязанностей. Уже через несколько секунд Малуф встал: «С меня хватит эля на сегодня — думаю, лучше вернуться на корабль. Кроме того, мне хотелось бы проверить, как идут дела на борту «Фонтеноя»».

«Удачная мысль, — серьезно сказал Винго. — Пойдемте, вернемся на взлетное поле».

Удалившись из трактира «Зеленая звезда», астронавты направились в космический порт, тихо, как тени, перемещаясь под высокими деревьями. Обогнув здание космического вокзала, они вышли на посадочную площадку. В зените сияла одна луна. Другая наполовину спустилась по небосклону, а третья уже прикоснулась нижним краем к западному горизонту. Мирону все еще казалось, что эти бледные луны слегка отливали зеленоватым блеском. Ночью безлюдное поле космодрома казалось неожиданно обширным — его края тонули в темноте. Только в главном салоне «Фонтеноя» теплился ночной огонь — другие звездолеты молчали, превратившись в едва заметные силуэты. Четыре астронавта поднялись на борт «Гликки» и разошлись по каютам.

Посреди ночи Мирон проснулся. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он задремал, но, выглянув в иллюминатор, заметил, что последняя луна уже висела над самым горизонтом. Мирон снова лег и прислушался. Его разбудил какой-то звук, но теперь все было тихо. Он снова попытался за-снуть.

Прошло какоето время — несколько минут или даже полчаса. Откуда-то донеслось тихое уханье. Мирон тут же широко открыл глаза, соскользнул с койки и посмотрел в иллюминатор. На фоне звезд можно было различить черный силуэт «Фонтеноя». Рядом с космической яхтой, полуприкрытый ее корпусом, появился еще один приземистый силуэт — Мирон не мог распознать его в темноте, но присутствие этого объекта вызывало самые зловещие подозрения. Мирон выбежал из каюты в салон: капитан Малуф стоял у большого иллюминатора и смотрел на взлетное поле. Обернувшись, капитан сказал: «У «Фонтеноя» что-то происходит. Одевайся, и возьми с собой лучемет».

Мирон бегом вернулся к себе в каюту. Когда он оделся и вышел, Малуф спросил его: «Лучемет не забыл?»

«Не забыл».

«Тогда пошли».

3

Тиббет проснулась в замешательстве, часто моргая. У нее в ушах все еще мерещился какой-то отзвук — отзвук странного, тихого, зовущего голоса — такого она еще никогда не слышала. Она замерла, прислушиваясь, после чего встала с койки и подошла к иллюминатору. Ничего не понимая, Тиббет смотрела на машину, стоявшую рядом с «Фонтеноем». Это был крупный грузовой автолет довольно-таки нескладной конструкции. Девушка надела тапочки, накинула темно-синий плащ и направилась к выходу из каюты. Здесь она боязливо остановилась, но, набравшись храбрости, открыла дверь и выступила в коридор. Из салона слышались какие-то шорохи, какое-то движение. Внезапно раздался гневный возглас ее отца, после чего наступило полное молчание. Шаг за шагом Тиббет продвигалась по коридору. Наконец она смогла выглянуть в салон — и не поверила своим глазам! Кошмар, да и только! Две коренастые фигуры тащили к выходному шлюзу бессильно обмякшее тело ее отца.

Тиббет открыла было рот, чтобы закричать, но из ее сдавленного горла вырвалось только какое-то бульканье. В тот же момент кто-то схватил ее сзади с такой силой, что у нее затрещали суставы. Заставив себя обернуться через плечо, она взглянула прямо в огромную зеленую морду гонителя призраков! Хватка истукана была холодной и каменной; его ожившие черты стали еще ужаснее, чем тогда, когда он стоял без движения. Девушка хотела кричать, но опять не смогла выдавить из себя ничего, кроме жалкого хрипа. Не обращая внимания на боль в шее, она продолжала смотреть назад, в морду, обвисшие губы которой угрожающе дрожали. Истукан собирался высосать из нее кровь или сделать что-нибудь еще похуже! У Тиббет душа ушла в пятки.

Не вполне сознавая, что она делает, Тиббет согнула колени и в падающем движении выскользнула из гладких каменных рук, тут же вскочила и бросилась к выходному шлюзу. Оступившись, она выпала из отверстия люка на площадку космодрома, пару раз перевернулась и с трудом поднялась на колени. Чен в широкополой шляпе нагнулся, чтобы схватить ее — девушка пнула его в живот, отползла на четвереньках и, снова поднявшись на ноги, убежала в ночь.

Малуф и Мирон украдкой двигались по взлетному полю в обход, чтобы незаметно

оказаться в тени за кормой космической яхты. Неподалеку послышался странный всхлипывающий звук — по мере их приближения он становился все громче. С пугающей внезапностью им навстречу из темноты выбежала, спотыкаясь, человеческая фигура. В лучах многочисленных звезд бледнело искаженное ужасом лицо под растрепанной копной темных волос. Малуф приблизился к ней на пару шагов; заметив его, девушка икнула от страха. Малуф быстро сказал: «Тиббет, это я, капитан Малуф. Со мной Мирон — не бойся!» Тиббет бессильно опустилась на землю в полном отчаянии. Малуф поднял ее, погладил по голове: «Тиббет! Ты в безопасности! Тебя никто не тронет!» Тиббет глотала воздух, судорожно пытаясь что-то сказать: «Истукан! Меня схватил…»

«Тиббет, слушай внимательно! Другим нужна наша помощь, сию минуту мы не можем о тебе позаботиться. Ты меня слышишь?»

«Слышу», — глухо ответила девушка.

«Ты видишь наше судно — «Гликку»?»

«Да, вижу».

«Беги туда, поднимись на борт и жди нас там».

Тиббет упрямо мотала головой: «Я хочу остаться».

Спорить не было времени. «Как хочешь! — сказал Малуф. — Но стой тут, не сходи с места!»

Внимание девушки отвлеклось — она воскликнула неожиданно звучным контральто: «Смотрите! Что они делают с отцом?» Она бросилась назад, к «Фонтеною», но Мирон встал у нее на пути и удержал ее: «Подожди здесь! Ты ничем не поможешь!»

Тиббет уставилась на него — испуганная, ошеломленная. Мирон побежал вслед за Малуфом, к теням за кормой «Фонтеноя». Он слышал, что Тиббет бежит за ним, но больше не мог контролировать ее поступки.

Тем временем у шлюза космической яхты продолжалась зловещая деятельность. Джосса Гарвига столкнули вниз по трапу. Он вывалился на взлетное поле, как мешок. За ним вниз по трапу протопала приземистая фигура. Опустив длинные руки, она схватила Гарвига за ногу и потащила его к грузовому автолету. Вслед за отцом по трапу выкатился Мирль, в таком же бессознательном состоянии. Его тоже потащили к машине ченов. Наконец из шлюза вытолкнули Вермиру, распластавшуюся на земле в жалкой беспомощной позе. Два других «гонителя призраков» медленно и тяжело выступили из корабля, сопровождаемые вторым ченом. Спустившись по трапу, чен остановился на взлетном поле и смотрел по сторонам — он явно искал девушку. Он не заметил Малуфа, Мирона и Тиббет, прятавшихся в тени за кормой «Фонтеноя», хотя явно что-то чувствовал и продолжал озираться.

Малуф прошептал Мирону на ухо несколько слов. Тиббет хотела было бежать к родителям, но Малуф остановил ее и решительным жестом приказал оставаться за кормовым выступом яхты. Девушка неохотно послушалась.

Малуф вышел из укрытия. Два чена-верховода сразу заметили его — их руки потянулись к карманам длинных плащей.

«Не двигайтесь! — Малуф поднял лучемет. — Вы на волосок от смерти!»

Чены застыли. Малуф указал дулом на ближайшего: «Руки за голову! Иди сюда!»

Чен стал медленно приближаться, пока Малуф не остановил его движением лучемета: «Стой! Мирон, не спускай с него глаз».

Мирон выскользнул из теней и подошел с лучеметом наготове. Остановившись метрах в пяти от чена, он сказал: «На прицеле!»

Капитан повернулся к другому чену, стоявшему рядом с автолетом. Тот произнес: «Не вмешивайтесь в наши дела. Уходите, и поскорее».

«Не все так просто, — возразил Малуф. — Мы знакомы с этими людьми, а вы с ними плохо обращаетесь».

«Они виновны в преступлениях и должны быть наказаны».

«В преступлениях? — с издевкой спросил Малуф. — Может быть, они нарушили какие-то правила, но преступлением это никак не назовешь».

«Осквернение древних святынь — преступление! Запретное вторжение в нашу страну и хищение нашего имущества — преступления!»

«Не слишком тяжкие. Какому наказанию вы намерены подвергнуть этих людей?»

«Соразмерному их прегрешениям. Вскоре здесь, на краю взлетного поля, встанут четыре нефритовые статуи. Каждая будет держать в руках плакат: «Мы украли гонителей призраков у верховодов. Больше мы никогда не будем красть!»».

Малуф сдержанно ответил: «Все это красивые слова. Ваши намерения неразумны».

«Закон есть закон. Если вы осмелитесь нам мешать, на этом поле будут стоять шесть статуй, а не четыре. Ваши лучеметы ничего не значат. Возвращайтесь к себе на корабль!»

«В небе у тебя над головой — вооруженный раптором автолет, — сказал Малуф. — Не двигайся. Я намерен экспроприировать твое оружие».

Чен надменно усмехнулся: «А я намерен экспроприировать твое». Усмешка стала морщинистой гримасой; в обоих глазах чена загорелись голубые искорки. Мозг Малуфа охватило голубое пламя. Его мысли смешались, он переставал что-либо видеть или слышать, словно на него надвигалась непроницаемая черная завеса. С этим нужно было что-то сделать, и срочно! Колени Малуфа подгибались, он опускался на землю — но заставил себя нажать на курок. Луч белого огня ударил в плечо «верховода» — тот упал ничком, подергиваясь от боли.

Малуф стоял на коленях, низко опустив голову. Он заставил себя обернуться: второй чен застыл, уставившись в лицо Мирону. Малуф прохрипел: «Не смотри на него! Отвернись!»

Слишком поздно. Голубое пламя уже охватило мозг Мирона, его рука, державшая лучемет, безвольно опустилась. За спиной Мирона послышались торопливые шаги — под звездами мелькнуло бледное лицо Тиббет. Девушка подбежала к чену, всецело погруженному в процесс подчинения противника, и надвинула ему на глаза широкополую шляпу. Черная завеса гипноза рассеялась — Мирон, пошатываясь, сделал несколько шагов вперед и ударил чена в висок рукояткой лучемета. Тот упал, все еще пытаясь приподнять шляпу непослушными руками. Мирон наклонился и вынул из кармана длинного плаща обитателя Заоблачной страны небольшой мощный лучемет. Капитан Малуф обыскал первого чена и сделал то же самое.

Приземлился автолет «Гликки», из него вышли Винго и Шватцендейл. Малуф отошел в сторону; Винго тут же занялся раненым ченом — перевязал сквозной ожог и удалил с запекшейся крови обугленные лоскутья одежды. После этого стюард оторвал нижнюю кайму плаща «верховода» и поместил руку раненого в наскоро изготовленную перевязь.

Тем временем Джосс Гарвиг сумел подняться на ноги и стоял, прислонившись к грузовому автолету ченов, пока очнувшийся Мирль и Тиббет помогали Вермире, еще не вполне пришедшей в себя и растерянно сидевшей на нижней ступеньке трапа.

Гарвиг постепенно осознал чудовищные масштабы того, что сделали с ним и с его семьей. Сверкнув глазами, он направился, прихрамывая, туда, где Малуф стоял рядом с

раненым ченом. Старательно выговаривая слова непослушным языком, Гарвиг произнес: «Капитан, вы спасли нас! Не сомневайтесь в моей признательности! Надеюсь, что сумею выразить свою благодарность надлежащим образом. Но прежде всего я должен позвонить в МСБР — они покажут этим мерзавцам, где раки зимуют!» Он повернулся, чтобы подняться по трапу своей яхты.

«Постойте! — позвал его Малуф. — Не спешите! Вы хорошо подумали о том, что собираетесь сделать?»

Гарвиг остановился, нахмурился и обернулся: «Какие могут быть сомнения? Мутанты хотели нас убить!»

«Вполне возможно — но не забывайте, что вы первыми нарушили закон».

«Что с того? Я всего лишь спас от забвения несколько статуй, брошенных в болоте».

«И это все, что вы можете сказать в свое оправдание? Чены заявят, что вы тайком проникли в Заоблачную страну, спустились ночью на автолете и разграбили усадьбу, умыкнув четыре статуи, которые — по вашим собственным словам — представляют собой большую ценность и могут быть проданы за крупную сумму. В суде ваша позиция не выдержит критики. У вас могут конфисковать «Фонтеной»; более того, вас могут приговорить к исправительным работам».

Гарвиг нерешительно почесал в затылке: «Так что же, по-вашему, я должен сделать? Негодяи заслуживают смерти, но не могу же я хладнокровно пристрелить безоружных людей — даже если они не люди, а черт знает что! Честно говоря, не знаю, как поступить».

«Могу кое-что предложить, хотя это может вам не понравиться».

«Предлагайте, я вас выслушаю».

«Поднимитесь в салон «Фонтеноя» вместе с женой и с детьми. Чены погрузят «гонителей призраков» в свой автолет и вернутся в Заоблачную страну. Никто не будет счастлив, но никто не умрет».

Гарвиг раздул щеки: «Не слишком выгодный, но вполне разумный план, учитывая сложившиеся обстоятельства. Я согласен — если эти извращенцы от нас отстанут».

Малуф повернулся к «верховоду»: «Вас устраивают такие условия?»

Несколько секунд морщинистые лица ченов оставались неподвижными, но в конце концов один из них сказал: «Пусть будет так. Нам придется простить грабителей».

Гарвиг устало поднял руку, показывая, что ничего больше не может сказать. Прихрамывая, он побрел к «Фонтеною». Сделав несколько шагов, однако, он остановился — его озарила новая идея. Медленно повернувшись к ченам, он задумчиво смерил их взглядом. Те молча смотрели на него, не проявляя никакого интереса.

«Мы положили конец нашему конфликту, — сказал Гарвиг. — Он возник потому, что и я, и вы руководствовались несовместимыми представлениями и ложными допущениями — не так ли?»

Чены не отвечали. Гарвиг продолжил: «Мне пришло в голову, что вас могла бы заинтересовать возможность заключения взаимовыгодной сделки. Я куплю одного или двух так называемых «гонителей призраков» — с тем условием, конечно, что вы не назовете какую-нибудь фантастическую цену». Гарвиг искоса наблюдал за ченами: «Что вы скажете?»

«Это невозможно».

Гарвиг моргнул: «И это все?»

«Нас не интересуют деньги».

«Как вам угодно!» — развел руками Гарвиг. Чопорно поклонившись, он повернулся и снова побрел к «Фонтеною». С помощью Мирля он отвел Вермиру вверх по трапу и скрылся в салоне «Фонтеноя». Тиббет поспешила за ними.

Чены готовились к отлету. Пока один из них погружал снова оцепеневших истуканов в кузов автолета, Малуф попытался завязать разговор с другим. Чен отвечал сухо и односложно, но капитан настойчиво продолжал расспросы, пока «верховод» не замолчал, всем своим видом показывая, что больше ничего не скажет. Малуф вежливо отступил и стоял, провожая глазами взлетевшую машину, пока она не скрылась в ночном небе.

Гарвиг тоже наблюдал за отлетом ченов с верхней площадки трапа. Он позвал Малуфа: «Заходите к нам! Мы все пережили неприятный вечер, никому не помешает отдохнуть и что-нибудь выпить».

«Замечательная мысль!» — отозвался капитан. Команда тоже не возражала — все четверо промаршировали вверх по трапу в салон космической яхты.

4

Мирль заварил чай и принес в салон поднос с чашками и блюдо с ореховым печеньем. Вермира с благодарностью взяла у Тиббет чашку чая и сказала дрожащим голосом: «Они меня так напугали! Никогда в жизни со мной не случалось ничего подобного! Какой-то кошмар!»

Винго попытался ее успокоить: «Теперь все в порядке! Никаких приключений больше не будет, вы можете отдохнуть и собраться с мыслями».

«Вы называете это приключениями? — взорвался Джосс Гарвиг. — Это возмутительный бандитизм, вот что я вам скажу!»

«Как бы то ни было, нам повезло, — заметил Мирль. — Если бы не Тиббет и ее способность быстро соображать, все мы уже были бы на том свете».

«О, Мирль, пожалуйста! — взмолилась Вермира. — Я уже пытаюсь все это забыть!»

«Попытки спрятать голову в песок ничему не помогут, — заявил Гарвиг. — Нужно смотреть в лицо действительности».

«Тиббет — поистине героиня сегодняшнего дня, — прибавил Мирон. — Важно об этом не забывать».

Тиббет торжествующе воздела руки к потолку: «Ура! Наконец-то! Впервые за много лет я сделала что-то полезное! Мне придают какое-то значение! Теперь, может быть, матушка позволит мне гулять без присмотра?»

Вермира похлопала дочь по руке: «Не слишком возбуждайся, дорогуша. Всему свое время. Ты еще молода и неопытна».

Тиббет раздраженно отдернула руку: «Как я могу набраться опыта, если ты с меня глаз не сводишь?»

«Сегодня Тиббет приобрела кое-какой опыт, — поддержал сестру Мирль. — Это не следует сбрасывать со счетов».

Вермире не нравился такой разговор: «Все это не повод для шуток. Тиббет, тебе давно пора спать!»

Тиббет фаталистически пожала плечами: «Точнее было бы сказать, что мне пора вставать».

Вермира хотела было приструнить девушку, но в конце концов решила простить «героине дня» строптивое поведение.

Капитан Малуф, тем не менее, поставил чашку на стол и собирался уходить. «Одну

минуту! — остановил его Гарвиг. — Вы о чем-то говорили с ченом перед тем, как они улетели. Если не секрет, что́ он сказал?»

Малуф улыбнулся: «Нет, не секрет. Меня интересовали «гонители призраков». Я спросил чена: живые они или мертвые? «Ни то, ни другое», — ответил он. Может быть, тем самым он имел в виду «и то, и другое». Я попросил пояснить этот вопрос подробнее. Чен сказал, что процесс изготовления каменных пугал известен «верховодам» с незапамятных времен. Подходящего субъекта приводят в бессознательное состояние гипнозом. Его пропитывают особыми растительными смолами и сиропами, стабилизирующими и замедляющими метаболизм. Затем его маринуют в течение двух лет — в растворе, покрывающем тело непроницаемым панцирем из нефрита. Субъект проходит испытания, после чего истукана устанавливают на пьедестале там, где требуются его услуги. Там он и остается — в тумане, под дождем, открытый ветрам и метелям — надо полагать, на веки вечные».

«Почему бы чен разболтался? — недоумевал Гарвиг. — Они не производят впечатление людей, охотно обсуждающих древние тайны».

Малуф снова улыбнулся: «Они хотели, чтобы им вернули лучеметы. Я хотел получить информацию. Таким образом, мы заключили своего рода сделку».

«Хммф! Что еще он успел рассказать?»

«Я спросил про исходящие из глаз «верховодов» лучи голубого огня, заставившие нас потерять сознание. Чен объяснил, что миниатюрные лазеры хирургически вживляются в глазные мышцы таким образом, чтобы их можно было включать напряжением этих мышц и направлять туда, куда смотрит обладатель вживленных устройств. По мере необходимости поляризованный свет модулируется, обеспечивая максимально эффективное гипнотическое воздействие. Когда лазерные лучи контактируют с сетчатой внутренней оболочкой глазных яблок гипнотизируемого, модулированный сигнал вызывает коматозное состояние. Эти синие лазеры — сложные и капризные устройства, для управления ими требуется продолжительная интенсивная подготовка. Еще я спросил его, действительно ли «гонители призраков» отпугивают души умерших рабов. Чен сказал, что ему неизвестны какие-либо свидетельства обратного, и на этом наш разговор закончился. А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи — нам пора возвращаться».

Гарвиг проводил четырех астронавтов к выходному шлюзу: «Спокойной ночи — и не сомневайтесь в нашей благодарности за оказанную помощь! Завтра мы прилетим в Медовый Цвет — Вермира и Тиббет смогут немного развлечься и, может быть, забудут обо всей этой отвратительной истории».

«Не сомневаюсь, что мы снова встретимся на фестивале, — отозвался капитан. — Завтра утром нам предстоит заниматься погрузкой-разгрузкой, так что в Медовый Цвет мы прибудем после полудня. До свидания!»

Перед тем, как уходить, Мирон задержался рядом с Тиббет и тихо сказал: «Ты не только храбрая, ты еще и прекрасно выглядишь».

Тиббет улыбнулась: «Хорошо, что ты заметил». Обернувшись, она прибавила: «Матушка за нами следит, сегодня нам не дадут поговорить. Завтра!»

«Завтра — надеюсь!» Мирон спустился по трапу и догнал капитана, шагавшего к своему кораблю.

~

Глава 8

Вскоре после полудня «Гликка» поднялась в стратосферу, пролетела несколько тысяч километров на юг и опустилась на космодроме Медового Цвета в предгорьях Ботанического хребта. «Фонтеной» стоял на том же поле, но в космической яхте не было заметно никаких признаков деятельности — семья Гарвигов уже отправилась знакомиться с городом.

Так же, как в Жирандоле, местные грузчики и складские рабочие ушли в праздничный отпуск: их возвращения можно было ожидать только на следующий день. Паломникам не терпелось побыстрее добраться до Бесовской Высадки; они настаивали на том, чтобы команда занялась разгрузкой трюмов самостоятельно, но астронавты пренебрегли их брюзжанием и сразу покинули корабль, оставив на борту кипящих возмущением пассажиров.

Команда «Гликки» бодро прошагала по взлетному полю в зал ожидания космического вокзала, где висел большой плакат, объявлявший о праздновании фестиваля Великой Лалапалузы на лугу Лилибанка. В объявлении перечислялись самые различные выступления, аттракционы и выставки, в том числе диковинные танцы, акробатические фокусы, балет на ходулях, ошеломительный карнавал-маскарад, гонки, турниры, соревнования и «парад чудовищ», гарантировавший ночные кошмары самым мирным и спокойным детям. По всему залу демонстрировались фрукты и овощи, получившие призы на местных сельскохозяйственных выставках и предлагавшиеся посетителям ближайших ресторанов.

Рядом с большим плакатом висело объявление поменьше, напечатанное бледно-зелеными, алыми и черными буквами:

«Приятный сюрприз на фестивале Лалапалузы!
Чародей Монкриф, его изумительная труппа и чудесные представления!
Станьте свидетелями славных подвигов, примите участие в доблестных играх, приносящих богатство и разорение во мгновение ока!
Играйте для развлечения — играйте, чтобы выиграть!
Не оставайтесь в пыли, пока Караван Мечты проносится мимо!
Смейтесь — вас от души развеселят Фрук, Плук и Снук!
Наслаждайтесь непревзойденным мастерством
ЧАРОДЕЯ МОНКРИФА!»

Шватцендейл воззрился на это объявление, как завороженный. Не могло быть сомнений: на фестиваль прибыл Проныра Монкриф собственной персоной — Монкриф, предложивший Шватцендейлу сыграть в «калиостро» и безжалостно опустошивший кошелек механика, содержавший сорок семь сольдо и шестьдесят грошей!

Шватцендейл молча отвернулся от плаката. Винго задумчиво заметил: «Вообще-то мне нравятся ярмарки и фестивали. Не знаю, кто такая Лалапалуза, но почему бы нам не отпраздновать ее годовщину?»

«Действительно, почему нет?» — отозвался капитан Малуф. Ни Мирон, ни Шватцендейл не возражали, и вопрос был решен.

Городское маршрутное такси отвезло астронавтов на луг Лилибанка. Они заплатили за вход у турникета, прошли через него и оказались на пространстве метров двести в длину и в ширину, заполненном разноцветными шатрами и полотнищами, шумом и праздничным

возбуждением. Некоторое время они бродили по выставке победителей конкурса фермеров, разглядывая знакомые и экзотические фрукты, груды больших и маленьких орехов, пирамидки шарообразных перечных стручков и трюфелей, зеленые и синие корнеплоды, копченую рыбу, выложенные артистическими орнаментами вяленые потроха, лотки со съедобными пиявками, клюквой, пастилой и паштетами, лоханки с так называемым «чертовым маслом», круги сыра и прочее, не сразу поддающееся опознанию съестное. Многие из тех же продуктов предлагались желающим закусить на ходу торговцами, орудовавшими поварешками и ухватами у кипящих котлов, дымящихся жаровен и вертелов. Работая, они нараспев расхваливали преимущества своих закусок и в то же время поносили кухню конкурентов.

Бродячие музыканты вносили свою лепту в ярмарочный гвалт. Одни разгуливали в причудливых нарядах менестрелей, другие вертелись и пританцовывали, хрипло распевая горестные баллады о полузабытых трагедиях прошлого. Время от времени толкавшие тачки сгорбленные старухи внезапно разражались пронзительными криками, напоминавшими перекличку тропических попугаев, тем самым надеясь привлечь внимание покупателей к своему товару. Торговали они, главным образом, поделками ремесленников с Ботанических гор. Винго, испытывавший слабость к антиквариату, приобрел дюжину миниатюрных шедевров, а также успел запечатлеть немало превосходных «настроений».

В свое время четыре астронавта набрели на площадку, огороженную мачтами с синими вымпелами, блестевшими на солнце серебряными узорами. Здесь величественно исполняли номера танцоры на ходулях. Команда «Гликки» пронаблюдала за сложным ходульным менуэтом, после чего начался турнир — соревновались четыре «гроссмейстера» на десятиметровых ходулях: двое в синих с серебром доспехах, двое других — в красных с золотом. В конце концов, под нестройный аккомпанемент фанфар, красным с золотом рыцарям было нанесено поражение, и ходульные мастера удалились на перерыв до вечера.

Астронавты перешли на соседний участок, где кордебалет детей-акробатов изображал живые мосты, башни и двухконсольные перекрытия, в то время как особая команда выполняла между ними очевидно невозможные трюки на нескольких высоких трамплинах: тела взвивались в воздух, многократно кувыркаясь и перелетая с одного трамплина на другой, не будучи ничем защищены от падения на землю.

Покинув акробатов, четыре астронавта приблизились к большому сооружению без окон, над входом которого было написано: «Чертог трех эонов». Внутри шатра царил почти непроглядный прохладный мрак, и только гигантские силуэты, темнее темноты, напоминали о том, что над головой посетителя высились громоздкие кромлехи, а другие тени, скользившие среди дольменов, имитировали легендарную расу существ, исчезнувших больше миллиона лет тому назад. В тишине, нарушаемой лишь зловещими шорохами и тихими вздохами ветра, посреди забрезжившего овала таинственного света ансамбль танцоров разыгрывал пантомиму «Рассветного ритуала».

Команда «Гликки» покинула «чертог» в угрюмом молчании. Постояв немного под открытым небом, чтобы привыкнуть к ослепительному солнечному свету, они прошли в находившийся напротив павильон, сплетенный из гибкой лозы, под крышей из сухих пальмовых листьев. Здесь им подали ледяной пунш в темных деревянных кубках, и мрачное очарование «Рассветного ритуала» постепенно рассеялось.

Они направились дальше по широкому проходу между киосками и палатками. Вскоре им повстречалась арена, посвященная категорическому утверждению духовных истин;

напротив, на такой же арене, те же верования подвергались уничтожающему осмеянию и опровержению. Приверженцы каждого из эзотерических культов — метаморфов, парамистиков, футуриан, вегетариан и яга-ягов — собирались в отдельном секторе арены и по-своему праздновали собственную версию реальности. Иногда дело не обходилось без жертвоприношений: например, мальчик взбирался по колышущейся лестнице из змей, пока, испустив последний изумленный крик, не исчезал в небе на глазах стоявших внизу озадаченных родителей.

Ярмарочный бульвар огибал детский парк аттракционов и выходил на центральный огороженный двор, заполненный бурлящей толпой и окаймленный киосками, кафе и павильонами. Здесь астронавты остановились, чтобы сориентироваться. Сквозь просвет в толчее Мирон заметил семью Гарвигов; они о чем-то спорили у «Шутовского балагана», по-видимому обсуждая вопрос о том, следовало ли туда заходить. Тиббет стояла в стороне, почти отвернувшись, и не принимала участия в совещании. На ней были светло-бежевый пуловер, белые брюки в обтяжку и небольшая белая шапочка, вмещавшая большинство ее темных локонов. Мирон замер, глядя на нее в восхищении.

Тиббет почувствовала его взгляд. Обернувшись, она его увидела и улыбнулась. Украдкой покосившись на свою мать, она снова повернулась к Мирону и сделала загадочный вопросительно-приглашающий жест — что он означал? Мирон почему-то был уверен, что понимает его смысл.

Толчея теснилась и шевелилась; всевозможные плечи и торсы заслонили просвет — девушку больше не было видно. Мирон продолжал стоять, глядя скорее в пространство, нежели в каком-либо определенном направлении. Он снова заметил Гарвигов — теперь у парадного плаца, где зеленые дервиши-пигмеи устроили потешные маневры. Уже через мгновение, впрочем, семья Гарвигов снова скрылась в толпе.

Тем временем Винго обнаружил большой плакат, висевший на фронтоне довольно-таки претенциозного сооружения, представлявшего собой низкую широкую сцену, частично выступавшую из-под высокого остроконечного шатра из розовых и голубых полос. Плакат гласил:

«ЧАРОДЕЙ МОНКРИФ!
ЭКСТУИТИВНЫЕ ПРЕТОЛКОВАНИЯ!
СОКРОВИЩА ДЛЯ ВСЕХ, КОМУ СОПУТСТВУЕТ УДАЧА!
ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ИГРА!»

Астронавты подошли к шатру, где несколько десятков зрителей ожидали появления Монкрифа и начала следующего розыгрыша. Судя по всему, представление должно было начаться с минуты на минуту. На авансцене стояли три цилиндрических постамента, примерно метровой ширины и полуметровой высоты, выкрашенных блестящей белой эмалью и повязанных розовыми, голубыми и золотистыми лентами — блестки лент радужно переливались под солнечными лучами. Астронавты ждали. Три девушки вышли из-под шатра и вскочили на постаменты, радостно улыбаясь зрителям — юные, стройные, с ясными сверкающими глазами, прекрасные, как ангелы. Их длинные волосы, одинакового золотисто-медового оттенка, ровно спускались на плечи, на них были белые платья до колен и белые сандалии без украшений. Каждая стояла, слегка расставив ноги, и держала в руке шест с факелом — желтое пламя плясало над их головами на высоте протянутой руки. Они походили на детей, изображающих какой-то древний мистический обряд. Удивительнее

всего было то, что три девушки были неотличимы одна от другой, как одноя́йцевые близнецы.

В затененной шатром глубине сцены стояли две высокие женщины с суровыми лицами. Они тоже почти не отличались одна от другой — атлетически сложенные, с бугрящимися мышцами плечами и предплечьями, короткими шеями и начесанными копнами волос, напоминавшими охапки влажного сена. «Впечатляющая парочка! — подумал Мирон. — Хотя не слишком привлекательной внешности». Бедра и ягодицы этих женщин, тугие и жесткие, не уступали мускулистостью плечам и шеям. Их обнаженные груди словно ороговели от ветра и солнца.

Из-под шатра появился еще один персонаж: невысокий полный субъект в скромном элегантном костюме. Монкриф? Мирон ожидал увидеть подтянутого аскета-циркача, но Монкриф — если это был он — скорее производил впечатление благодушного и доброжелательного, даже несколько рассеянного прожигателя жизни. Голова его была покрыта шапкой седеющих волос, бледный лоб возвышался над длинным мясистым носом, его «собачьи» карие глаза словно умоляли о доверии и снисхождении.

Монкриф обозревал собравшихся. Если он и узнал Шватцендейла, то ничем это не показал.

Шватцендейл пробормотал на ухо капитану: «Он обчистил карманы стольких простофиль, что уже не отличает одного от другого».

Монкриф сделал шаг вперед: «Дамы и господа! Меня зовут Марсель Монкриф. Я продолжаю величать себя «чародеем» и «толкователем тайн», но эти прозвища что-то значили, наверное, лет двадцать тому назад, когда мои глаза все видели, а мои нервы все выдерживали». Монкриф усмехнулся: «Увы, не я придумал этот мир! Такова жизнь, друзья мои — все мы не становимся моложе. Вполне может быть, что вы меня помните — я неоднократно бывал на Фьяметте, и мне особенно нравится выступать в Медовом Цвету». Монкриф возвел очи к небу и блаженно улыбнулся, словно предаваясь счастливым воспоминаниям. Скорбно покачав головой, однако, он заставил себя вернуться к действительности: «Увы! Такие отщепенцы, как я, прокляты неизлечимой болезнью бродяжничества — мы не можем не переезжать с места на место, то поднимаясь к светлым вершинам, то спускаясь в мрачные бездны, в никогда не покидающей нас тоскливой надежде на достижение невозможной мечты! Этим объясняется наша щедрость — щедрость не от мира сего! Выигрыш, проигрыш — какая разница? Все это всего лишь забава, все мы — игрушки в руках судьбы. Важно только то, чтобы зрителям было о чем вспомнить, и чтобы их воспоминания были приятными. Итак — игра начинается! Участие в игре обойдется дешево, а уж сколько вы намерены выиграть — зависит только от вас!»

Монкриф снова обозрел присутствующих: «Вы нетерпеливы. Вам хочется, чтобы игра началась скорее. Что ж, так тому и быть! Позвольте представить вам мою труппу. На белых барабанах — неотразимые Фрук, Плук и Снук, райские виде́ния, чистые и сверкающие красотой, как свежий снег под голубыми небесами. Их сторожат оставшиеся в тени Сиглаф и Хунцель из племени клутов, с Мутных холмов Нумоя, в высшей степени необычной планеты. По сути дела, они — простые деревенские девушки, по-своему робкие и скромные. Тем не менее, они твердо намерены заработать приданое, чтобы вернуться к своим суженым и жить с ними в мире и согласии до конца своих дней. Сегодня, чуть позже, они устроят волнующее соревнование, также способное обогатить отважного участника. Именно для этого приготовлен резервуар, который вы, наверное, заметили рядом с нашим шатром. Но

достаточно болтовни! Пора заняться делом — чтобы кровь азартно бежала по жилам, чтобы монеты звенели в кошельках! Начнем одну из забавных игр, позволяющих каждому выиграть столько, сколько он пожелает! Вы мне не верите? Сыграйте с нами и убедитесь в том, что я говорю правду! Прежде всего обратите внимание на трех девушек, свежих, как утренняя роса! Как вы уже заметили, на пальце у каждой из них — кольцо, украшенное драгоценным камнем. В кольцо Фрук вставлен рубин, в кольцо Плук — изумруд, а в кольцо Снук — прекрасный темно-синий сапфир. Внимательно изучите этих девушек! Подмечайте их особенности, анализируйте их привычки! Например, когда Плук улыбается, иногда можно заметить, как поблескивает ее верхний правый клык. Фрук причесывается с пробором слева, тогда как Плук и Снук еще не переняли у нее эту привычку — и так далее! А теперь…»

«Постойте, постойте!» — в передний ряд зевак пробрался похожий на хищную птицу старик с длинными седыми волосами, покрасневшими выпуклыми глазами и неряшливой щеткой усов; наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, он оценивающе приглядывался к девушкам.

Монкриф вежливо настаивал: «Если вы завершили исследование, будьте добры, позвольте нам продолжать».

«Не спешите! Мое исследование не закончено! Я желаю изучить Фрук гораздо подробнее!»

Монкриф отозвался великодушным широким жестом: «Разумеется, как вам угодно! Прошу вас только не слишком задерживаться, вздыхая и пуская слюни — нам пора начинать игру».

Старец протиснулся к самому краю сцены и наклонился вперед: «Ха! Ха-ха! Хм!»

Фрук тут же пожаловалась: «Он ведет себя странно! Это никуда не годится! Он дышит на мое колено! Мне щекотно!»

«Нужно проявлять терпение к зрителям, — сказал ей Монкриф. — Возможно, у него плохое зрение».

«Он все прекрасно видит! Он считает волоски у меня на ноге!»

Монкриф нахмурился и подошел к старику: «Каковы ваши намерения, сударь?»

«Помолчите! Не отвлекайте меня, а то я собьюсь со счета!»

Монкриф погладил подбородок и заявил: «Наши правила не позволяют зрителям подходить к авансцене ближе, чем на два шага! Вы нарушаете это правило — будьте добры, отойдите!»

«Чепуха! Я не вчера родился! Покажите мне это правило!»

«Даже если оно не документировано, будучи владельцем предприятия, правила устанавливаю я. Могу ли я поинтересоваться: сколько вы желаете поставить?»

«Ничего я не желаю ставить. Я практикуюсь».

Чародей Монкриф развел руками: «В таком случае — уходите! Вон! Практикуйтесь на своей бабушке!»

Угрожая чародею кулаком и возмущенно огрызаясь, старик выбрался из толпы и, прихрамывая, поспешил прочь. Монкриф глубоко вздохнул и дружелюбно улыбнулся зрителям: «Насколько я понимаю, все готовы? В таком случае, одну минуту». Проходя за девушками, Монкриф собрал шесты с факелами и вставил их в гнезда перед боковой кулисой: «Вот так, теперь все в порядке! Девочки, девочки — внимание! Раз, два — три! Живей, живее!»

Фрук, Плук и Снук повернули кольца камнями внутрь, соскочили с барабанов, взялись

за руки и принялись кружиться хороводом, то наклоняя головы вниз, то откидывая их назад подобно троице юных менад. Они разбежались в стороны, повернулись и, продолжая выделывать пируэты, заскользили одна мимо другой, приводя зрителей в замешательство путаницей гибких молодых тел, после чего снова разбежались, промаршировали на авансцену и выстроились, торжествующе ухмыляясь. Какая из них была Фрук? Или Плук? Или Снук?

Монкриф выступил вперед и пожаловался: «Что-то мне подсказывает, что сегодня удача от меня отвернется. Но я повинуюсь судьбе — отступать некуда! Так кто же поставит десять сольдо, чтобы получить почти гарантированный выигрыш? Достаточно лишь правильно указать одну из девушек — Фрук, Плук или Снук. Что может быть проще? Делайте ставки! Рекомендую ставить десять сольдо — или больше, по желанию».

Повернувшись к Малуфу, Винго пробормотал: «Крайняя справа — Плук! Вы тоже так думаете?»

Малуф пожал плечами: «Не могу знать — я за ними не следил».

«Если ты так уверен, поставь десять сольдо!» — сказал стюарду Шватцендейл.

Винго колебался; прежде, чем он принял решение, однако, один из зрителей протиснулся к авансцене и выложил пять сольдо у ног девушки, стоявшей посередине: «Это Плук! С вас пять сольдо!»

Средняя девушка повернула кольцо и показала рубин: «Я — Фрук!»

«Ха-ха! — воскликнул Монкриф, ловко подбирая монеты. — Боюсь, сударь, вы недостаточно внимательны. Для того, чтобы выиграть, нужно сохранять бдительность!»

Девушки снова вскочили на барабаны. Винго с гордостью обратился к капитану: «Я же говорил! Правая девушка, Плук, теперь стоит на среднем барабане».

«Твоей наблюдательности можно позавидовать», — похвалил его Малуф.

«Наблюдательность развивается художественным фотографированием».

Монкриф объявил о начале нового розыгрыша: «Живее, девочки! Танцуйте и кружитесь! Пусть в вашем танце отразятся, как в зеркале, закономерности судьбы!»

Девушки, как прежде, начали с хоровода, рассыпались в стороны и сошлись, приводя зрителей в замешательство вихрем рук, ног и гибких тел, сливающихся в быстротекущий переплетенный орнамент. Наконец они выстроились вдоль переднего края сцены, отдуваясь и ухмыляясь.

Монкриф воззвал: «Так что же? Кто отважится рискнуть десятью сольдо?»

Винго храбро прошествовал вперед: «Бьюсь об заклад, что я знаю, как зовут эту девицу!» Он осторожно положил монету на сцену. Монкриф нагнулся и пригляделся: «Что я вижу? Один сольдо? Это все, что вам платят за неделю?»

«Не совсем так! Учитывая обстоятельства, однако, это все, чем я готов рискнуть».

Монкриф со вздохом уступил: «Что ж, как хотите! Назовите ту, на кого вы показываете».

Винго похлопал по колену крайней правой девушки: «Ее зовут Плук!» Взяв ее за руку, Винго убедился в том, что у нее на пальце было кольцо с изумрудом: «Так оно и есть!»

«Судя по всему, вы правы», — проворчал Монкриф. Уплатив стюарду сольдо, он заметил: «Вам следовало действовать смелее и поставить больше».

«Возможно».

«Как бы то ни было! Мы теряем время. Девочки — на барабаны! На них вы смотритесь лучше всего!»

Начался третий розыгрыш. Винго решил обогатиться за счет Монкрифа и поставил пять сольдо. На этот раз, однако, девушка, которую он опознал под именем «Плук», показала ему кольцо с сапфиром и объявила, что она — Снук. Винго мрачно проследил за перемещением своих пяти сольдо в карман «чародея».

Монкриф объявил четвертый раунд. После обычных хороводов и пируэтов девушки снова выстроились на авансцене, и Монкриф предложил зрителям делать ставки.

Мирон внезапно повернулся к Шватцендейлу: «Я их разгадал! Девушка справа — Плук!»

«Даже так? Откуда ты знаешь?»

«Она усмехается, и у нее поблескивает правый верхний клык!»

«Чепуха! — Шватцендейл махнул рукой. — Все они ухмыляются и скалят зубы. Это не разгадка».

Мирон нахмурился: «А ты сможешь отличить одну из них от других?»

Механик взглянул на девушек: «Пожалуй, смогу».

«Тогда почему ты не играешь?»

Шватцендейл беззаботно повертел пальцами в воздухе: «В свое время, может быть, и сыграю. Смотри-ка, на зеленых дервишей глазеют Джосс Гарвиг и его семья — в том числе Тиббет. Насколько я понимаю, ты в нее влюбился».

«В какой-то мере», — пожал плечами Мирон.

Гарвиги отошли от дервишей, распевавших монотонный гимн гнусавыми дрожащими голосами, подпрыгивая и быстро вращаясь в воздухе. Джосс и Вермира заметили команду «Гликки» и подошли к шатру Монкрифа. Астронавты и Гарвиги обменялись приветствиями, после чего Винго, отвечая на вопрос Вермиры, пояснил сущность игры Чародея Монкрифа. Вермира была зачарована танцем девушек. Повернувшись к Джоссу, она воскликнула: «Их действительно не отличить! Ты можешь сказать, кто из них кто?»

Гарвиг самоуверенно рассмеялся: «Если бы я захотел, конечно, я проследил бы за одной из них». Он повернулся к Малуфу: «Вы уже пробовали, капитан?»

«Только не я. Вероятность слишком мала — скорее всего, они меняются кольцами, когда танцуют».

«Разумный подход! Надеюсь, вам нравится фестиваль Лалапалузы?»

«Да, здесь чисто и никому не позволяют безобразничать. Единственным очевидным свидетельством низости человеческой природы здесь, судя по всему, является Проныра Монкриф».

Гарвиг кивнул, довольный тем, что Малуф подтвердил его собственное заключение.

Вермира с энтузиазмом воскликнула: «Цветочная выставка просто великолепна, и мне понравились эти маленькие дервиши, они такие прыткие и вправду зеленые!»

«Меня больше впечатлили танцоры на ходулях, — возразил Джосс Гарвиг. — Я никогда еще не видел подобного мастерства! Как ни в чем не бывало, они разгуливают на четырехметровых шестах, бегают вприпрыжку, танцуют и делают пируэты на одной ходуле! А чего сто́ят одни их костюмы! Алые и лиловые, расшитые золотом, с длинными юбками и шароварами, свисающими чуть ли не до самой земли! Они выглядят, как сумасшедшие принцы из Бьёркланда! Причем исполняют самые сложные танцы — польки, сальтареллы и тому подобное — с точностью и грацией необыкновенной. Иногда во главе их труппы танцует пара гроссмейстеров на десятиметровых ходулях! У нас на глазах они исполнили «Пляску пьяного Формби» — непостижимо!»

«В самом деле, великолепное зрелище!» — заявила Вермира.

«В общем и в целом, устроители фестиваля заслуживают похвалы, — прибавил Гарвиг. — Они придерживаются самых высоких стандартов».

Вермира хмыкнула: «Не сказала бы, что их пошлый «Грот любви» соответствует моим стандартам. Я туда не заглядывала, конечно, но, судя по описанию, их вульгарные вольности не пришлись бы мне по вкусу».

«Все может быть, — рассмеялся Гарвиг. — Может быть, нам следует послать туда Мирля, пусть разведает обстановку».

«Вот еще! — возмутилась Вермира. — Мирль не сможет находиться в таком месте хотя бы из самоуважения!»

«Давайте, я туда схожу! — вызвалась Тиббет. — У меня нет никакого самоуважения».

«Помолчи! — оборвала ее мать. — Стыдно говорить такие вещи даже в шутку! Когда-нибудь какой-нибудь уважаемый человек услышит, что ты говоришь такие глупости, и ты потеряешь самое драгоценное, что у тебя есть».

«Что именно?»

«Я имею в виду твою репутацию!»

«Об этом следует подумать», — Тиббет отвернулась.

2

Монкриф потребовал от девушек, чтобы они снова исполнили свой лихорадочный танец. Некий господин поставил небольшую сумму, утверждая, что ему известно, какая из танцовщиц — Фрук. Он угадал — на кольце девушки красовался рубин.

«Ну почему мне так не везет! — в отчаянии возопил Монкриф. — Если так будет продолжаться, я умру в нищете! Девочки, танцуйте! Не волочите ноги, живей, с огоньком!»

Один за другим азартные игроки подходили к авансцене, чтобы выложить на нее свои деньги и назвать ту или иную из трех девушек. Иногда они выигрывали, но чаще ошибались, о чем могли судить все присутствующие, когда сверкал рубин Фрук, изумруд Плук или сапфир Снук. Некоторые относились к поражению со спокойным разочарованием, другие возмущались потерей денег и угрожающе поглядывали на Монкрифа — тот продолжал излучать благодушие. Иногда мошенник пытался утешить жертву, клятвенно заверяя проигравшего в том, что невезение не может вечно преследовать одного и того человека, и что следовало продолжать делать ставки хотя бы для того, чтобы продемонстрировать непреклонность перед лицом судьбы. Один из участников забавы, муниципальный чиновник по имени Эван Достой, потерял ставки три раза подряд, но каждая неудача, по-видимому, лишь разжигала в нем стремление выиграть. Крепко сложенный коротышка средних лет с драчливой угловатой физиономией, украшенной кудрявыми рыжими бакенбардами и бородой, Достой не сдавался. Три раза он выложил на сцену пять сольдо, утверждая, что опознал Снук, но указанной им девушкой дважды оказывалась Фрук с ее рубином, и один раз — Плук с изумрудом. Потерпев третье поражение, чиновник медленно поднял голову, устремив на Монкрифа пронзительный взор голубых глаз. «Здесь что-то нечисто! — заявил Эван Достой. — Но я никак не могу понять, что именно».

«Многоуважаемый! — вежливо отозвался Монкриф. — У нас все делается открыто, без обмана, буквально у вас на глазах!»

«На первый взгляд. Но — предположим — если бы вы пользовались каким-то механическим устройством, подменяя кольца, вы могли бы выигрывать достаточно часто, чтобы извлекать прибыль, не так ли?»

Монкриф рассмеялся: «Хотел бы я изобрести такое устройство! Хотя, разумеется, я не стал бы его использовать в ущерб своей клиентуре — ни в коем случае!»

«Рад слышать! Тем не менее, невозможно не заметить, что вы проигрываете только тогда, когда ставки незначительны».

Улыбка Монкрифа застыла: «Чистое совпадение! Я нахожусь здесь; девушки — посреди сцены, вы — там, где вы стоите. Таким образом, мы образуем ничем не соединенные вершины треугольника. Ваши подозрения иллюзорны».

«Что, если в механическом соединении нет необходимости? Например, если вы пользуетесь магнитным излучателем?»

«В таком случае я был бы несметно богат. Но — так как я не богат — либо такой излучатель не существует, либо я — честный человек, одно из двух. Силлогизм в чистом виде».

«Все это прекрасно и замечательно, — плотно поджав губы, не уступал Достой. — Попробуем сыграть еще раз, но принимая некоторые меры предосторожности».

«Как вам будет угодно!» — с достоинством ответствовал Монкриф.

Достой повернулся спиной к «чародею», положил деньги в конверт, написал имя на листке бумаги и вложил его в тот же конверт. Затем, обратившись к Фрук, он сказал: «Будьте добры, протяните вашу левую руку».

Фрук пожала плечами и вытянула левую руку. На внутренней стороне ее пальца с кольцом, рядом с верхним ободком кольца, Достой нарисовал кружок. Подойдя к Плук, он сделал то же самое, обозначив ее палец крестиком, а в случае Снук изобразил на пальце маленький перечеркнутый квадрат. «Вот теперь посмотрим! — заявил Эван Достой. — В конверте — моя ставка и имя девушки, на которую я укажу после того, как закончатся ваши хореографические фокусы-покусы».

Монкриф обратился к трем девушкам: «Фрук, Плук и Снук! К сожалению, мы имеем дело с человеком, подвергающим сомнению нашу добросовестность. Но мы не будем обижаться и повторим обычную процедуру. А теперь, живее! Не ленитесь!»

«Этот рыжий упрямец — не дурак, — сказал Малуфу Шватцендейл. — Должен признаться, мне самому приходили в голову такие же подозрения — пока я не понял, что они излишни. Монкрифу не нужны трюки: он может твердо положиться на теорию вероятности».

«Так что же? Вы собираетесь делать ставки?» — спросил механика Джосс Гарвиг.

«Собираюсь! Возможность представилась: наконец я смогу отомстить Проныре Монкрифу!»

«Значит, вы разгадали его стратегию?»

«Насколько я понимаю, да».

«И в чем заключается его секрет?»

«Ага! — Шватцендейл улыбнулся, хотя его улыбка, как всегда, скорее напоминала кривую гримасу. — Бдительность превыше всего! Если я начну вам объяснять, Монкриф сразу это заметит и все поймет».

Девушки выстроились на авансцене. Монкриф вежливо обратился к Достою: «Сударь, ваши условия соблюдены. Можете ли вы опознать девушку, поименованную вами на листке бумаги?»

Достой шагнул вперед и похлопал по колену девушку, стоявшую посередине: «Вот она — та, имя которой вы найдете в конверте».

«Даже так? Посмотрим, посмотрим!» Монкриф взял конверт и вынул из него десять сольдо, а затем листок бумаги. Взглянув на листок, он громко объявил: «Здесь написано — Фрук!» Монкриф обернулся к девушке, стоявшей посередине: «Если ты — Фрук, у тебя на пальце должно быть кольцо с рубином. Так ли это?»

«Нет! — ответила девушка. — Я — Плук! У меня на пальце — кольцо с изумрудом и крест. К сожалению, этот господин опять ошибся».

Эван Достой взял девушку за руку и в замешательстве уставился на изумруд и на нарисованный им самим крестик. Дернув себя за рыжую бороду, взглянул вверх на Монкрифа и пробормотал: «Ничего не понимаю! Но играть больше не буду».

«Не упрекайте себя! — утешительным тоном произнес Монкриф. — Я, например, считаю, что вы проявили отвагу и похвальную настойчивость. О чем тут еще говорить?»

Достой только крякнул, повернулся на каблуках и ушел.

Монкриф обратился к трем девушкам: «Снова на барабаны, будьте любезны! Пример господина Достоя вдохновил других игроков, они ждут своей очереди! Кто следующий?»

В Шватцендейле явно боролись противоречивые побуждения. Настал ли, в самом деле, желанный миг отмщения? Или следовало оттягивать развязку, чтобы она произвела еще более драматический эффект? Он склонялся то к одному, то к другом ответу, но в конце концов поддался влиянию сентенции поэта Наварта: «Пользуйся возможностью, пока она не воспользовалась тобой!»

Шватцендейл протиснулся вперед. «На этот раз играть буду я! — заявил он Монкрифу. — Я разработал математическую формулу, согласно которой мне следует предпринять пять попыток, увеличивая ставку с каждой попыткой. Таково мое намерение. Вы не возражаете?»

Благодушно улыбаясь, Монкриф поклонился: «Нисколько не возражаю и предоставлю вам возможность проверить свою формулу. Сколько вы поставите?»

Шватцендейл положил на сцену несколько монет: «Моя первая ставка — в точности четыре сольдо и семьдесят шесть грошей».

Монкриф посмотрел в небо и слегка нахмурился: «Странное число! Подозреваю, что оно имеет какое-то тайное символическое значение».

«Вполне возможно, — согласился Шватцендейл. — Я готов».

«Хорошо! Живо, девочки! Кружитесь, пляшите — пусть деньги льются, как вино!»

Девушки выполнили танцевальную процедуру и выстроились на краю сцены.

«А теперь мы проверим справедливость ваших расчетов! — воскликнул Монкриф. — Выберите девушку и скажите, как ее зовут!»

«Любопытно! — пробормотал Шватцендейл. — Кто же она? Фрук, Плук или Снук?» Взглянув на листок бумаги, который он держал в руке, механик объявил: «Я выбираю Фрук. Она стоит посередине!»

Фрук показала руку с рубиновым кольцом. Монкриф развел руками: «Похоже на то, что ваша формула работает! Вы совершенно правы!» Он уплатил Шватцендейлу обусловленную сумму: «Что теперь?»

Шватцендейл сверился со своими заметками: «Теперь ставка должна быть в десять раз больше — сорок семь сольдо и шестьдесят грошей».

«Опять же, странная сумма! — задумчиво сказал Монкриф. — Вы намерены каждый раз увеличивать ставку десятикратно?»

«Именно так, — подтвердил Шватцендейл. — Начинайте следующий раунд!»

«Как вам будет угодно». Монкриф подал знак трем девушкам: «Гоп-ля! Еще разок! В хоровод… и разбежались… и гурьбой, кружась, смешались… и вышли к зрителям. Вот и все, молодцы!»

Девушки снова выстроились на краю сцены. Шватцендейл сказал: «Я заявляю, что Плук, с изумрудным кольцом — крайняя слева!»

Плук продемонстрировала изумруд. Монкриф крякнул от досады: «И снова вы угадали! Сколько я вам должен?»

«Сорок семь сольдо и шестьдесят грошей».

«Да-да, именно так, — Монкриф вздохнул. — Заплачу вам сорок восемь сольдо, чтобы никто не подумал, что я мелочный скупердяй. Оставьте сдачу себе».

Шватцендейл покачал головой: «Условия математического прогноза не допускают никаких неточностей! Вот сорок грошей сдачи — и теперь мы перейдем к третьему раунду».

Монкриф погладил подбородок: «И ставка снова увеличится в десять раз?»

«Разумеется! Теперь я ставлю четыреста семьдесят шесть сольдо — и никаких грошей!»

Плечи Монкрифа опустились. Он кашлянул три раза и постучал себя в грудь, тоже три раза. В глубине сцены Сиглаф и Хунцель опустили висящий на цепи гонг и ударили в него тяжелыми молотами. «Очень сожалею! Девочки отработали дневную норму, им нужно отдохнуть! — заявил Монкриф. — Но не унывайте! Самым азартным игрокам мы предлагаем новую игру. Позвольте обратить ваше внимание на резервуар, установленный рядом с помостом. Теперь с него сняли чехол, и вы можете видеть, что он заполнен вязкой субстанцией, напоминающей грязь, глубиной полтора метра. Этой особой емкостью заведуют наши храбрые клуты, Сиглаф и Хунцель — они помогут нам устроить новое состязание».

Вермира соскучилась, стала оглядываться по сторонам и спросила Гарвига: «Тебе не кажется, что мы провели здесь достаточно времени? По-моему, пора уходить!»

Джосс Гарвиг вздохнул и выдвинул осторожное предположение: «Может быть, новое соревнование окажется забавным?»

«Фу! Что забавного в том, чтобы возиться в грязи? Подозреваю, что они намерены потакать болезненным сексуальным фантазиям вульгарных бездельников!»

«Надо полагать, так оно и есть», — Гарвиг снова вздохнул.

Вермира сухо кивнула: «Тогда пойдем. Мирль? Тиббет? Мы уходим».

«Пойдем — мне тут давно надоело», — отозвался Мирль.

Вермира смотрела то направо, то налево: «Где Тиббет? Нет, это просто безобразие! Мы как раз собрались уходить, а она куда-то пропала!»

Мирль тоже посмотрел по сторонам и произнес старательно озадаченным тоном: «Ах да, теперь я припоминаю! Она куда-то ушла с Мироном».

Вермира ошеломленно уставилась на сына: «Что? Она мне ничего не сказала! Куда они пошли?»

Мирль пожал плечами: «По-моему, они упомянули «Грот любви» — хотя я не уверен, что они не пошутили. Тем не менее, такую возможность нельзя исключить! Насколько я помню, Мирон заметил, что они, может быть, где-нибудь поужинают, и что поэтому не следует беспокоиться в том случае, если они вернутся поздно вечером».

Некоторое время Вермира не могла найти слов. Взяв себя в руки, однако, она набросилась на супруга и дала ему беспрекословные инструкции. Джоссу следовало немедленно выяснить, куда именно сбежала распутная парочка. Мирону следовало сделать

строгий выговор, а Тиббет подлежала заключению в каюте «Фонтеноя».

Джосс Гарвиг в принципе согласился с таким планом действий, но указал на некоторые практические трудности, связанные с его осуществлением. В конце концов, после того, как ему не помогли ни уклончивость, ни логика, он просто-напросто отказался выполнять указания Вермиры. Та воскликнула: «В таком случае я найду их сама, во что бы то ни стало!»

«Каждый из нас выполняет свой долг так, как он его понимает», — философски отреагировал Гарвиг.

Вермира решительно вышла на ярмарочный двор и стала смотреть по сторонам. Многие из окружавших ее обывателей явно не относились к элитарным слоям местного общества, а некоторые даже отличались довольно-таки вульгарными манерами. Один из последних, чернобородый нахал разбойничьей внешности, приблизился к ней самодовольной переваливающейся походкой и поинтересовался, чем он мог бы ей помочь. Вермира поспешила вернуться к Гарвигу.

Тем временем Монкриф разглагольствовал перед публикой: «Извольте заметить, что вдоль края резервуара устроен помост. Этот помост — наша игровая площадка. В дальнем конце помоста между двумя столбиками подвешен гонг. Цель игрока заключается в том, чтобы добраться, начиная с отмеченного безопасного стартового поля на ближнем конце помоста, до его дальнего конца, и ударить в гонг. Тот, кому это удается сделать, выигрывает ставку. Но у него на пути возникает препятствие! Посреди помоста стоит одна из отважных девушек-клутов, Сиглаф или Хунцель. Она постарается воспрепятствовать продвижению игрока и не допустить его к гонгу. Ей не разрешается пинаться, драться кулаками, отпихивать игрока задом, кусать или душить его. Изначальная ставка — десять сольдо. Если игрок ударит в гонг, он выиграет сотню сольдо! Но если его сбросят с помоста в грязь, он потеряет свою ставку.

Предлагаются также различные варианты состязания! Участник может выиграть тысячу сольдо, если отважится выступить против обеих защитниц гонга, действующих сообща. Лодыжки защитницы могут быть скованы кандалами, но в таком случае возможный выигрыш ограничивается пятьюдесятью сольдо. Если у защитницы завязаны глаза и скованы лодыжки, выигрыш составляет лишь десять сольдо. Если у защитницы с завязанными глазами будут скованы и ноги, и руки, после чего она должна будет кружиться на месте, услышав стартовый колокольчик, участник состязания сможет выиграть только один сольдо. Кто вызовется первым?» Монкриф переводил взгляд с лица на лицо, но никто из зрителей не желал попытать счастья над бассейном грязи. Монкриф обратился к Шватцендейлу: «Как насчет вас? Может быть, формула обеспечит вам выигрыш и в этом соревновании?»

Шватцендейл покачал головой: «Я бы вызвался, если бы гонг защищали вы, а не Сиглаф или Хунцель».

Монкриф усмехнулся: «Боюсь, я недостаточно поворотлив для такого развлечения. Кроме того, я не дурак». Снова повернувшись к публике, «чародей» развел руками: «Я разочарован! Неужели среди вас нет желающих рискнуть десятью сольдо, чтобы выиграть сотню?»

Откуда-то из задних рядов донесся повелительный возглас: «Не спешите с выводами! Я желаю испробовать мою тайную стратегию!»

Вперед протискивался, размахивая руками, плотный приземистый субъект средних лет, с круглым побагровевшим лицом. Он очевидно успел изрядно наклюкаться, участвуя в

фестивальных увеселениях, и находился в состоянии возбужденного энтузиазма. Его куртку украшали несколько церемониальных лент, на лихо сдвинутой набекрень шляпе развевались два плюмажа из разноцветных перьев. «Подождите, не начинайте! — кричал он. — Омар Дайдинг им покажет, где раки зимуют! Тайное станет явным!» Решительно подступив к помосту, он шлепнул на него купюру достоинством в десять сольдо: «Давайте сюда свою Снук, Плук или Фрук! Пусть какая-нибудь из них защищает гонг!»

«Три упомянутые вами девушки отдыхают после работы, — елейно-любезным тоном возразил Монкриф. — Их согласились заменить Сиглаф и Хунцель. Выбирайте одну из них!»

«Я предпочитаю иметь дело с двумя — и выиграть тысячу! — заявил Дайдинг. — Зачем мелочиться? Моя тайная стратегия мигом подчинит обеих».

«Как вам угодно, — сказал Монкриф. — Мы с любопытством пронаблюдаем за вашей стратегией».

Участники состязания заняли места. Монкриф подал сигнал колокольчиком. Дайдинг шагнул вперед, Сиглаф и Хунцель двинулись ему навстречу. Дайдинг начал было что-то им говорить, но они не слушали. Сиглаф схватила его за кисти рук, Хунцель — за лодыжки. Раскачав его пару раз, они швырнули Омара Дайдинга в грязь. Монкриф объявил об окончании матча и забрал десять сольдо.

Барахтаясь, Дайдинг уцепился за край резервуара. Запечатлев несколько замечательных «настроений», Винго помог ему выползти на помост, где Дайдинг продолжал валяться в луже грязи, отплевываясь, пока Винго, вооружившись шестом, выуживал из резервуара его шляпу.

Через некоторое время Дайдинг поднялся на ноги и стал отряхиваться. Винго взял предусмотренный с этой целью садовый шланг и стал услужливо поливать пьяницу водой. Дайдинг слегка протрезвел и теперь пребывал в отвратительном настроении. Тем не менее, Винго позволил себе заметить: «Я ожидал, что вы примените свою тайную стратегию. Что-то не получилось?»

«Сами видите! — огрызнулся Дайдинг. — Девушки, конечно, здоровые и в теле, но скромницы, каких мало. Я пытался объяснить им свою программу, но они отказались меня выслушать».

«Но в чем именно заключалась ваша программа?»

«У меня был простой и естественный план. Подвергая противниц неожиданным ласкам, хватая их за ягодицы и накладывая руки на интимные части их тел, участник состязания тем самым приводит девушек в смущение и замешательство и может делать с ними все, что захочет. Такова, в сущности, была моя тактика — если хотите, можете сами ее испробовать».

«Гм! — отозвался Винго. — Необычный подход к рукопашному бою».

Других желающих участвовать в состязании над бассейном с грязью не оказалось, и Монкриф объявил, что дальнейших представлений сегодня не будет. Спустившись со сцены, он отвел Малуфа в сторону и завязал с ним разговор. Обсудив условия, капитан согласился перевезти Монкрифа и его труппу в Какс на планете Бленкинсоп, так как этот порт уже значился в маршруте «Гликки».

«Должен вас предупредить, однако, — сказал «чародею» капитан, — что у нас на борту уже собрались одиннадцать паломников. Они будут сопровождать нас до Коро-Коро на Флютере, в связи с чем в корабле может быть тесновато, пока мы не прибудем на Флютер. Так или иначе, мы как-нибудь вас разместим».

3

Вечер на Фьяметте тянулся долго. Зеленая звезда, Каниль-Верд, опустилась наконец за горизонт, оставив после себя неразбериху оранжевых и кораллово-красных сполохов посреди очерченных яблочно-зелеными контурами редких облаков.

В Медовом Цвету наступили сумерки. Взошли две из трех лун, озаряя пейзаж бледно-зеленым светом. Фестивальные павильоны и шатры закрылись на ночь, на ярмарочном лугу стало тихо — неразборчивые отголоски разговоров доносились только из редких полутемных пивных, где завсегдатаи продолжали оценивать достоинства пунша «Пингари», гедмонского эля и местных вин. На космодроме горели несколько тусклых огней, в том числе в иллюминаторах «Гликки» и «Фонтеноя».

Шло время. Луны достигли зенита и стали спускаться по небосклону. По взлетно-посадочному полю в лунном зареве двигались две фигуры. Приблизившись к «Фонтеною», они задержались в тени яхты и обнялись. Они говорили — тихо и печально. Мирон сказал: «Настало время прощаться. Ничего не поделаешь».

Тиббет издала жалобный звук, взяла Мирона за руку и положила его ладонь себе на грудь: «Слышишь, как бьется мое сердце? Неделю тому назад невозможно было даже подозревать, что у меня есть сердце! Теперь ты его нашел — и теперь ты уходишь».

«У меня нет выхода. Твои родители не пустят меня в «Фонтеной», а капитан Малуф не согласится устроить тебя на борту «Гликки» — даже если бы тебе разрешили с нами улететь».

«На это можно не надеяться!»

«Когда-то я мечтал, что тетушка Эстер подарит мне свою космическую яхту, когда утомится от одного или двух путешествий, — задумчиво произнес Мирон. — Если мои мечты сбудутся, я найду «Фонтеной» и прилечу за тобой».

Тиббет горестно рассмеялась: «Бесполезные фантазии! В любом случае, это приятно слышать». Взглянув на небо, она некоторое время следила за плывущими лунами, после чего тихо сказала: «Не забуду этот вечер до конца своих дней. А теперь, — она выпрямилась и расправила плечи, — мне лучше взойти поскорее по трапу, а то я тут разрыдаюсь».

«Я зайду с тобой. Если нас ожидают гром и молнии, по меньшей мере часть грозы обрушится на мою голову».

Они подошли к трапу. Кто-то сидел в темноте на верхней ступеньке. «Я вас ждал», — сообщил Мирль.

«Вот мы и вернулись, — отозвалась Тиббет. — Какая нынче погода внутри?»

«Ничего страшного. Матушка беспокоится, но еще не в истерике». Мирль поднялся на ноги и проскользнул во входной шлюз. Мирон и Тиббет последовали за ним в салон.

Джосс Гарвиг и Вермира сидели рядышком на диване. «Так-так! — прорычал Гарвиг. — Вы все-таки решили вернуться!»

Тиббет сумела рассмеяться: «А как же! Вот она я, заблудшая дочь, ожидающая казни».

Гарвиг взглянул на Мирона: «А вы что можете сказать в свое оправдание?»

Мирон покачал головой: «Ничего — кроме того, что фестиваль мне понравился. Никогда его не забуду».

Тиббет подбежала к матери и поцеловала ее: «Надеюсь, ты не слишком волновалась».

Вермира вздохнула: «Годы пролетели, как сон — хотя я изо всех сил пыталась их удержать! Ты больше не ребенок».

«Наверное, нет. По меньшей мере, не совсем».

Вермира встала с дивана и взглянула на Мирона: «Для вас, надо полагать, вся эта

авантюра благополучно закончилась?»

«Вы возвращаетесь в Дюврей на Альцидоне, — трезво ответил Мирон. — «Гликка» следует в Какс на Бленкинсопе и дальше — куда именно, никто еще не знает».

Вермира мрачно кивнула: «Что еще вы могли бы сказать?»

Мирон не сумел найти слов, выражавших его чувства надлежащим образом. Он отвернулся и направился к шлюзу. Тиббет проводила его вниз по трапу на взлетное поле. Помолчав, Мирон произнес: «Вполне может быть, что мы больше никогда не увидимся. Ойкумена велика».

«В каком-то смысле это так. А в каком-то другом смысле — не так уж велика».

«Мы разлетаемся в разные стороны, что делает ее слишком большой».

«Ты можешь мне писать по адресу Пангалактического музея искусств в Дюврее, — напомнила Тиббет. — Когда я перестану получать твои письма, я буду знать, что ты меня забыл».

~

Глава 9

Утром яхты «Фонтеной» на космодроме больше не было. «Гликка» разгрузила и загрузила трюмы, после чего покинула Медовый Цвет и взяла курс на звезду Пфитц, чтобы посетить четыре станции на планете Мария, а оттуда направиться в Коро-Коро и, наконец, в Какс на Бленкинсопе.

Шесть новых пассажиров немедленно внесли оживление в атмосферу на борту корабля. В салоне раздавались смех и шутки, а также велись серьезные беседы возвышенного характера. Винго обсуждал аспекты своей философии, а капитан Малуф время от времени вставлял иронические замечания. Мирон поведал о своих злоключениях в качестве капитана космической яхты «Глодвин» и произвел настолько благоприятное впечатление, что теперь даже Хунцель и Сиглаф, хотя и презрительно, признавали его право на существование. Только Шватцендейл сохранял язвительное молчание, задумчиво сидя в углу салона. Три девушки-танцовщицы, от природы наделенные счастливым и веселым темпераментом, быстро приспособились к новой обстановке. Они носили скромные голубые платья с белыми воротничками, белые чулки, белые тапочки и маленькие белые шапочки — подтянутые, аккуратные, притягательно аппетитные. На паломников, впервые их увидевших, танцовщицы произвели глубокое впечатление. Собираясь небольшими группами, пилигримы тайком поглядывали на юных прелестниц и обменивались критическими замечаниями.

Исключение составлял пухлый розовощекий Полоскун, паломник с влажными карими глазами. Наивный молодой человек достаточно строгих правил, Полоскун, тем не менее, был говорлив и готов завести знакомство с кем угодно. Увидев девушек, сидевших за длинным столом, Полоскун тут же направился к ним и опустил на стул свой объемистый зад. Проявляя навязчивое дружелюбие, он приветствовал девушек на борту «Гликки» и поклялся, что сделает все от него зависящее для того, чтобы полет стал для них радостным и достопамятным событием. Несколько ошеломленные, девушки, однако, вежливо поблагодарили его. Полоскун подвинулся к ним поближе. Исключительно сердечным тоном, сопровождая свои слова ухмылками и подмигиваниями интимного характера, Полоскун представился как «неповторимая призматическая индивидуальность».

«Любопытно!» — заметила одна из девушек. «Мы еще никогда не видели призматическую индивидуальность», — прибавила другая.

Полоскун беззаботно махнул рукой: «Друзья и родственники сравнивают меня с синехвостым клювощупом — есть у нас такая птица — то есть рассматривают как человека динамической компетенции».

«Потрясающе!» — заявила третья девушка.

«Именно так, и это еще не все. На ежегодной ярмарке я координировал соревнование по прыжкам в высоту среди престарелых дам и выполнял обязанности преподавателя классического коленопреклонения в Благородной Палате!»

«Хо-хо! — уважительно откликнулись танцовщицы. — Просто невероятно!»

Полоскун улыбнулся и кивнул: «А теперь, девушки, не желаете ли познакомиться с некоторыми из наших незаурядных обычаев? Например, я могу научить вас декламировать «Десять дифирамбов», принимая участие в «церемонии очищения» — если, конечно, вы не возражаете против омовения в обнаженном виде. Все это, разумеется, в высшей степени торжественно и целомудренно!»

Со стороны Сиглаф донесся хриплый каркающий звук. Три девушки вскочили из-за стола и окружили Сиглаф, сидевшую в другом конце салона. Та произнесла несколько резких фраз. Полоскун смотрел вслед упорхнувшим танцовщицам, недовольно подняв брови. Он решил было последовать за ними, но тут к нему подсел Винго.

«Насколько я понимаю, вы восхищаетесь тремя юными артистками», — заметил стюард.

«Разумеется! — высокомерно подтвердил Полоскун. — Скромные и благочестивые создания, они заслуживают самой любвеобильной помощи!»

«Понятно. Какая из трех вам нравится больше других? Снук? Или Плук? Или, может быть, Фрук?»

«Не знаю! — капризно отмахнулся Полоскун. — Все они достаточно любезны и снисходительны».

«Завидую вашей отваге! — сказал Винго. — Вы, наверное, заметили их атлетических подруг, Сиглаф и Хунцель? Они — амазонки-клуты с Мутных холмов, и следят за каждым вашим движением».

«Им никто не запрещает мной интересоваться, — гордо заявил Полоскун. — И я готов предоставить им такую привилегию».

«Ага! — догадался Винго. — Значит, вы ничего не подозреваете?»

«Что я должен подозревать?»

«Вы — маленькая мышка, почуявшая сыр в мышеловке, которая вот-вот захлопнется».

Полоскун начинал терять самоуверенность: «Почему вы так думаете?»

«Допустим, будучи человеком неопытным, вы случайно позволили бы себе нарушение принятого у клутов кодекса взаимоотношений полов. В таком случае Сиглаф или Хунцель — а может быть, обе амазонки — могли бы претендовать на вступление с вами в нерасторжимый брак. Капитан Малуф обязан был бы совершить требуемый обряд, и вся ваша жизнь приобрела бы новый, неожиданный смысл».

«Это не поддается представлению!» — развел руками Полоскун.

«Тем не менее, это именно так, — заверил его Винго. — Клуты — достойные всяческого уважения дамы, но, вероятно, у вас другие планы на будущее».

«Конечно! Наше паломничество важнее всего!»

Винго больше ничего не сказал. Некоторое время Полоскун неподвижно сидел за столом, после чего, украдкой покосившись на другой конец салона, тихонько удалился к себе в каюту и прочел восемнадцать страниц сборника «Первичных истин».

Полет продолжался. Мало-помалу команда и пассажиры молчаливо согласовали нечто вроде общепринятого, достаточно дружелюбного распорядка жизни на борту. Фрук, Плук и Снук, игнорируя мрачное неодобрение двух амазонок-клутов, рыскали по всему кораблю, как три шаловливых котенка. В том, что касалось забавных проказ, их изобретательности, казалось, не было предела. Пригласив Полоскуна сыграть с ними в прятки, они умудрились запереть его в туалете на корме, где он и просидел довольно долго, пока его крики и стук не привлекли внимание Калаша. С Винго они играли в другую игру, внезапно окружая его лавиной молодых женственных тел, садясь ему на колени, целуя его в нос, взъерошивая остатки его волос и нежно дыша ему в уши, пока повар не обещал выдать им ореховое печенье и пирожные с кремом. Они устраивали засады Шватцендейлу, ласково обнимая механика, залезая ему на спину, целуя его и заявляя, что он им так полюбился, что они наденут ему на шею расшитый узорами ошейник и будут водить его на поводке.

Шватцендейл благосклонно обнимался с девушками, похлопывал их по попкам и отвечал, что их план вполне его устраивает — с тем условием, что его будут хорошо кормить, мыть, причесывать и прогуливать каждый день. «Непременно!» — радостно заверяли его танцовщицы. Они все вместе будут носиться по знаменитому бесконечному пляжу Ша-ла-ла и бросать палки в море, чтобы Шватцендейл за ними бегал и, отфыркиваясь, приносил их обратно в зубах.

Сиглаф и Хунцель наблюдали за проделками трех девушек с угрюмой подозрительностью, время от времени обмениваясь бормочущими замечаниями. Монкриф проявлял терпимость. «Такова жизнь! — говорил он атлетическим амазонкам. — Перед отливом всегда наступает прилив. Если не плыть против течения, однако, утонуть можно и в том, и в другом случае — а для бедного старины Монкрифа настало время качаться на волнах в смутных грезах, глядя в небо, пока его уносит в открытое море».

Резко повернувшись к шарлатану, Сиглаф смерила его каменным взглядом и сухо обронила: «Пока тебя не унесло слишком далеко, и пока волны не убаюкали тебя на веки вечные, изволь заплатить нам все, что ты должен. Мы ждем уже слишком долго».

Хунцель прибавила: «Мы прекрасно понимаем, что ничто не доставляет тебе большего удовольствия, чем возможность надуть кого-нибудь и смыться со всеми его деньгами. Мы не хотели бы, чтобы ты доставил себе такое удовольствие за наш счет». Обе говорили грубо и отрывисто, нисколько не беспокоясь о приличиях и не обращая внимания на то обстоятельство, что неподалеку находилась полуоткрытая дверь в каморку суперкарго.

Сиглаф продолжала: «Сию минуту у нас нет ни гроша. Это возмутительно!»

Монкриф улыбнулся, успокоительно поднимая ладонь: «Уважаемые дамы! Давайте не будем устраивать кошачий концерт! Вы не потеряете ваши деньги».

«Твоими устами мед пить! — фыркнула Хунцель. — Все наши так называемые «деньги» — столбики цифр в записной книжке, куда никому не дают заглянуть. С какой стати мы должны тебе верить?»

Сиглаф почти кричала: «Ты хочешь, чтобы мы бродили по улицам, голодные и голые, и просили милостыню или торговали собой? Отдавай нам весь заработок сейчас же!»

«Всему свое время, — парировал Монкриф. — Ничего не могу сделать, пока не подведу баланс».

«Забудь про баланс! Раскошеливайся!»

«Не все так просто, — пояснил Монкриф. — Прежде всего я должен подсчитать, сколько я вам должен. Из этой суммы придется вычесть затраты на проезд, проживание, питание и тому подобное. Баланс — это остаток после всех вычетов».

Сиглаф гневно взмахнула рукой: «Так подведи свой баланс сию минуту и выплати все, что нам причитается!»

«Практически нецелесообразно! — заявил Монкриф. — Как вам известно, для того, чтобы они не были доступны любому встречному и поперечному, учетные записи закодированы. Для того, чтобы их расшифровать, потребуются время и приложение усилий».

«Не притворяйся! — воскликнула Хунцель. — Мы знаем правду! Ты разбрасываешься нашими деньгами, как сумасшедший! Ты прокутил все средства, у тебя ничего не осталось. Разве не так?»

«Исключительно в теоретическом плане. В ходе дальнейших выступлений я намерен взыскивать гонорары и амортизировать вклады, пока не соберется требуемая итоговая сумма, после чего я смогу с вами рассчитаться. Мы не можем плодотворно сотрудничать в

истерической атмосфере: расчеты слишком сложны».

«В таком случае тебе следовало бы заняться расчетами, не теряя времени».

«В настоящее время я планирую новую программу выступлений труппы, — с достоинством ответствовал Монкриф. — Мне нельзя отвлекаться».

Обе амазонки разразились саркастическим хохотом. Хунцель спросила: «О какой труппе ты говоришь? Ты живешь в безвозвратном прошлом».

Монкриф безразлично пожал плечами: «Посмотрим. А теперь уходите — вы мешаете мне отдыхать».

«Ха-ха! Не тут-то было! Мы тебя не оставим в покое!»

«Почему бы ты тут валялся и нежился, пока мы беспокоимся о потерянном заработке? — спросила Хунцель. — В Каксе мы позаботимся о том, чтобы тебя отправили, как несостоятельного должника, в исправительный трудовой лагерь на острове Аквабель!»

Монкрифу нечего было сказать. Амазонки-клуты раздраженно удалились.

Через несколько минут из своей каморки показался Мирон. Клуты вернулись к себе в каюту, в салоне стало тихо. Фрук, Плук и Снук сидели за обеденным столом и просматривали альбом «фотографий-настроений» Винго. Паломники собрались на свободном участке грузового отсека, репетируя последовательность молитвенных ритуалов. Монкриф все еще сидел в углу салона. Увидев Мирона, он подозвал его жестом — Мирон приблизился.

Монкриф указал на дверь каморки суперкарго: «Надо полагать, вы слышали мою перепалку с клутами?»

«Слышал. И готов был вмешаться, по мере необходимости».

Монкриф усмехнулся: «По сути дела, такой необходимости не было. Клуты ведут себя вызывающе, они ругаются, они устраивают перепалки, как попугаи-гильгао, но в конечном счете смирно продолжают выполнять свои обязанности».

«Меня удивляет ваша самоуверенность, — возразил Мирон. — Угроза провести годы в исправительном трудовом лагере, по всей видимости, нисколько вас не беспокоит».

Монкриф пожал плечами: «Я подобен хорошо оснащенному судну, плывущему по океану жизни. Ветры, волны, бури — мне все нипочем. Надеюсь, в дальнейшем меня ожидает безмятежное плавание».

«Но в этот раз на вас обрушился шторм?»

Монкриф поморщился: «Нас занесло в полосу непредусмотрительных капиталовложений. Потери существенны — в частности, я потерял деньги, которые Сиглаф и Хунцель рассматривали как свои собственные. Это обстоятельство их не радует».

«Хунцель заявила, что вы «прокутили все деньги, как сумасшедший» — если я не ослышался».

Чародей Монкриф глубоко вздохнул: «Как можно спорить с рассерженной женщиной? Так или иначе, так как у меня нет денег, мне нечего терять. Это своего рода освобождение от бремени».

«Еще один вопрос, — почесал в затылке Мирон. — Капитан Малуф настаивает на том, чтобы плату за проезд вносили авансом. Но в моих учетных книгах нет записей, подтверждающих внесение такой суммы вами или кем-либо из вашей труппы».

«Я договорился с капитаном на особых условиях, — лениво отозвался Монкриф. — За мой собственный проезд я заплачу из средств, собранных на Марии и в Коро-Коро на Флютере. Клутам придется рассчитываться самостоятельно».

«А как насчет трех девушек-танцовщиц?»

Лицо Монкрифа приобрело кислое выражение: «Девушки находятся под опекой клутов. Значит, клуты несут ответственность за оплату их проезда и питания».

Мирон был озадачен таким ответом: «Но ведь вы — руководитель труппы!»

И снова Монкриф вздохнул: «Девушки заключили с клутами кабальный договор, предоставив себя в залог по четыреста сольдо каждая. Клуты контролируют услуги танцовщиц, пока те себя не выкупят — но они не успеют заработать на выкуп. В Каксе клуты продадут право на выкуп богатому падруну, за огромную сумму. Девушек отвезут во дворец на Небесном плато; они исчезнут в серале, и их больше никто никогда не увидит».

«В это трудно поверить!» — воскликнул потрясенный Мирон.

«Тем не менее, именно так обстоит дело на Бленкинсопе. Падруны-шимераты что хотят, то и воротят».

«Но это же рабство, а рабство в Ойкумене запрещено!»

«В некоторых случаях работа по кабальному договору и рабство практически неотличимы — с той лишь разницей, что в принципе залог можно выплатить и получить свободу».

«Хм! — Мирон задумался. — С этим давно уже следовало что-то сделать».

«Легко сказать! Чтобы вызволить девушек, нужно заплатить клутам тысячу двести сольдо. У меня нет такой суммы. У вас она есть?»

«На всем нашем корабле нет таких денег».

«Кроме того, существует еще одна проблема. Даже если бы у меня были такие деньги, клуты не обязаны заключать сделку со мной. Только сами девушки могут себя выкупить. По сути дела, клуты могут делать с девушками все, что им заблагорассудится».

Мирон обреченно откинулся на спинку стула: «Просто не понимаю, как такое может быть!»

«Все очень просто. На планете Нумой Сиглаф и Хунцель работали в трапезной на Ферме подкидышей в долине Задельщиков, под Мутными холмами, и там они заключили кабальный договор с тройней близнецов. Два года они работали с труппой, но теперь, как только мы приземлимся в Каксе, они продадут договорное право на выкуп. Сиглаф и Хунцель разбогатеют и вернутся в Мутные холмы на Нумое».

«Тошнотворная ситуация!»

«Несомненно», — кивнул Монкриф.

Примерно через час Мирон нашел капитана Малуфа — тот сидел один в рубке управления. Мирон сообщил капитану все, что узнал от Монкрифа.

Несколько секунд Малуф сидел неподвижно, но вскоре встрепенулся и встал, заложив руки за спину: «Отвратительный случай!»

«Не могли бы мы как-нибудь вмешаться?» — спросил Мирон.

«Есть десятки способов вмешаться. Возможно, существует законный способ опротестовать такой договор. Но другой метод представляется мне более целесообразным в практическом отношении».

Мирон и капитан молча стояли, глядя в усеянное звездами пространство. Наконец Малуф завершил разговор: «До Какса еще далеко, у нас есть время. Я подумаю».

2

Прошло несколько дней, и паломники снова увлеклись игрой в дубль-моко, на этот раз пользуясь бобами вместо монет. В отсутствие финансового давления они раззадорились и

позволяли себе гораздо более рискованные комбинации, чем тогда, когда им приходилось делать ставки настоящими деньгами. В то же время у них появилась возможность анализировать игру, оценивая преимущества различных позиционных сочетаний и подсчитывая малозаметные последовательные приращения этих преимуществ, которые раньше они считали не заслуживающими внимания. Мало-помалу новые прозрения позволили им убедить себя в том, что они поняли, наконец, сущность выигрышной стратегии Шватцендейла — теперь они обсуждали то, каким образом они могли бы вернуть проигранные деньги, если бы механик осмелился играть с ними снова.

Еще через несколько дней паломникам надоело передвигать по столу кучки бобов, и они изобрели новую валюту — фишки, каждая из которых соответствовала одному из пакетов, хранившихся в их сундуках.

Игра продолжалась с тем же воодушевлением, что и раньше. Будучи убеждены теперь в своем глубоком понимании игры и в совершенстве новоприобретенных навыков, многие пилигримы все еще не могли смириться с поражениями, нанесенными им Шватцендейлом. Осмелившись, они бросили ему вызов, приглашая снова сесть за карточный стол, чтобы они могли попытаться возместить свои потери.

Поначалу Шватцендейл притворялся, что опасается их мести. «Предчувствую западню! — говорил он. — Вы настолько отточили навыки игры, что их блеск ослепляет, как лезвие бритвы! Ваши козыри пожирают карты противника с молниеносной алчностью! Вы превратились в сущих демонов дубль-моко!»

«Вот еще! Вы преувеличиваете! Мы были простаками, простаками и остались!»

«Сомневаюсь», — отвечал Шватцендейл, но таким тоном, словно уже сомневался в своих сомнениях.

«В чем тут сомневаться? Мы не изменились — у нас не выросли хвосты и копыта!»

«А какие ставки вы делаете? Я уже прибрал к рукам все ваши наличные деньги».

«Самые полновесные! — заверил его Зейтцер. — Мы играем на фишки. Каждая фишка соответствует одному пакету священного материала стоимостью как минимум один сольдо уже сейчас, а в Бесовской Высадке такой пакет можно будет продать, пожалуй, за десять сольдо».

Шватцендейл ответил одним из его неповторимых колоритных жестов: «Вы меня за дурака принимаете? Фишки ничего не сто́ят, пока я не знаю, чем они обеспечены. Если я выиграю, допустим, несколько фишек, каким образом и где я смогу обменять их на обычные деньги?»

Зейтцер неохотно пояснил: «Разве это не ясно? На Палорквинском мысу соберутся сотни паломников, не сумевших взять с собой надлежащие сакральные реквизиты. Мы предоставим им все необходимое по сходной цене, которая, конечно же, будет зависеть от рыночных факторов спроса и предложения. Таким образом, стоимость фишки определяется ценой пакета реквизитов на рынке Бесовской Высадки по прибытии туда вашего судна».

Шватцендейл колебался — азарт игры неудержимо влек его: торжествующие выпады в, казалось бы, безнадежных позициях, демонстрация припасенного напоследок козыря, поражающая противника, как удар ятагана, стоны поверженных в прах… В конце концов механик согласился сыграть пару раундов — просто для того, чтобы посмотреть, что́ у него получится.

Зейтцер, человек совестливый, предупреждающе поднял указательный палец: «По всей справедливости должен вас предупредить, что мы уже не такие недотепы, как прежде.

Некоторые из нас разобрались в тонкостях игры. Вы готовы рискнуть?»

«Я уже сел играть, — пожал плечами Шватцендейл. — Назвался груздем, полезай в кузов».

«Значит, раздавайте карты!»

Поначалу Шватцендейл играл скромно, оценивая тактику противников, но через некоторое время заразился всеобщим воодушевлением и вошел во вкус. Его «дьявольские джокеры» обрушивались на стол, как чугунные ядра, пробивающие каменные укрепления обороны, его козыри ненасытно поглощали лучшие комбинации соперников, с возгласом «Клянусь геенной огненной!» он переворачивал карты, открывая взорам очередную «ложную кровлю», подрывавшую и обращавшую в прах самые смелые и коварные замыслы. Уже через полтора часа ошеломленные паломники остались не только без денег, но и без фишек — и на том дело закончилось бы, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Монкриф пару раз проходил мимо карточного стола, благожелательно наблюдая за игрой. Когда возникло впечатление, что Шватцендейлу уже практически не с кем было сражаться в карты, Монкриф присел к столу и смиренно попросил разрешения присоединиться к игрокам. Ему разрешили, игра возобновилась. Внезапно у Шватцендейла все пошло кувырком. Даже если ему попадался «дьявольский джокер», каждый раз не хватало необходимой третьей карты, козыри не шли к нему в руки, а если и встречались, то сразу терялись, будто их никогда не было… Шватцендейл стоически переносил поражения, но его ответные ходы не наносили противнику заметного ущерба. Он лишь изредка и осторожно использовал «драконов», а его робкие попытки перейти в нападение, по-видимому, только забавляли Монкрифа, отвечавшего многоходовыми комбинациями поразительной новизны.

Напрасно сопротивляясь, через два часа Шватцендейл проиграл Монкрифу все фишки паломников. «Чародей» не прочь был продолжать, но Шватцендейл отказался.

«Любезнейший, неужели вы уже сдаетесь? — с нежным укором обратился к нему Монкриф. — Игра в самом разгаре! Откройте кошелек, бросьте на стол несколько сольдо! Нужно верить в удачу!»

Шватцендейл с улыбкой покачал головой: «Наживка кончилась».

«Наживка? — Монкриф поднял брови. — Не могли бы вы пояснить, о чем вы говорите?»

Шватцендейл колебался. Поразмышляв, он отказался объяснить свои слова: «Учитывая все обстоятельства, лучше всего больше не обсуждать этот вопрос».

Но от Монкрифа не так легко было отвязаться: «Что же вы, любезнейший! Говорите! Между нами не должно быть тайн, нам нечего скрывать!»

Шватцендейл пожал плечами: «Как хотите. Подозреваю, что фишки пилигримов не сто́ят ломаного гроша, так как реальную стоимость они могут приобрести только в Бесовской Высадке, а туда мы не летим. Поэтому я нашел им полезное практическое применение. Я играл очень внимательно, мало-помалу жертвуя своими фишками для того, чтобы проанализировать и запомнить вашу стратегию».

Монкриф выпрямился на стуле: «Ха-ха! Хитроумный план — но я, разумеется, сразу его разгадал. Поэтому я продемонстрировал вам несколько детских приемов и три или четыре устаревших позиции, каковые вы изучали с напряженным вниманием».

«Верно, — пробормотал Шватцендейл. — Изучал».

Монкриф продолжал: «Интересно было бы знать, в чем состояла ваша цель — если вы не желаете продолжать практическое обучение».

«Я не прочь был бы еще попрактиковаться, — серьезно отозвался Шватцендейл, — в том случае, если мы не будем играть на фишки и забудем о сакральных реквизитах».

Монкриф постучал по подбородку пухлым указательным пальцем: «Что же вы предлагаете? Какие ставки вас заинтересуют?»

«Деньги могут быть полезны».

Монкриф криво усмехнулся: «Изречение, достойное старого доброго барона Бодиссея! В данный момент, однако, я в неустойчивом финансовом положении, что объясняется несколькими опрометчивыми капиталовложениями».

«Таким образом, у вас не осталось никаких наличных денег?»

«Совершенно верно. Но у меня есть ресурсы — труппу как таковую можно рассматривать как ценный актив».

Шватцендейл был озадачен: «Как вы можете использовать труппу в качестве ставки в азартной игре?»

«Косвенным образом. Я предлагаю труппу в качестве обеспечения полученного от вас займа — скажем, в размере тысячи сольдо. Располагая этими деньгами, я смогу продолжать игру, и мы будем соревноваться на равных».

Механик почесал подбородок и задумчиво произнес: «Над этим сто́ит серьезно подумать».

Монкриф отмахнулся: «О чем тут думать? Я уже обо всем подумал! Превосходный план!»

«С вашей точки зрения, может быть. Что́, если я проиграю весь кон?»

Монкриф улыбнулся и пожал плечами: «В чем вопрос? Я тут же верну вам тысячу сольдо, снова вступлю во владение своей труппой и воспользуюсь выигрышем в свою пользу».

Лицо Шватцендейла перекосилось гримасой отвращения: «С другой стороны, предположим, я выиграю — что тогда?»

«Пшш! — Монкриф величественно расправил плечи. — Я не могу проиграть».

«Но давайте представим себе немыслимое, — настаивал Шватцендейл. — Допустим, что я выиграю ту тысячу сольдо, которую я вам занял — в таком случае вся ваша труппа и все ее имущество станут моей собственностью. Я вас правильно понимаю?»

«Далеко идущее допущение. Тем не менее — да, по существу это именно так».

«И в моем распоряжении окажутся услуги Фрук, Плук и Снук, не так ли?»

Монкриф покровительственно рассмеялся: «Понятно, что́ у вас на уме! Вынужден вас огорчить, однако — ваши умозаключения ошибочны!»

«Неужели?»

«О да. Сиглаф и Хунцель увольняются — и заберут танцовщиц с собой».

«Как это может быть?» — поинтересовался Шватцендейл.

«Это не секрет. Девушки предоставили себя в залог, заключив с клутами кабальный договор. Они обязаны подчиняться клутам, пока не смогут себя выкупить».

Шватцендейл резко откинулся на спинку стула: «Поразительно!» Через несколько секунд ему в голову пришла новая мысль: «Таким образом, труппа, которую вы только что оценили в тысячу сольдо, не сто́ит выеденного яйца! Кроме вас, в составе труппы никого не осталось».

«Да, остался я! — надменно заявил Монкриф. — С моими репутацией, репертуаром, спектаклями, костюмами, фокусами, сценариями, партитурами, неисчерпаемым запасом

долготерпения и ни с чем не сравнимым жизненным опытом!»

Шватцендейл скорбно покачал головой: «Не говорите глупости! Под моим руководством все было бы как в старые добрые времена! Вы снова стали бы знаменитым Пронырой Монкрифом, ваша труппа зарабатывала бы кучу денег! Вы могли бы шарлатанить с яростной целеустремленностью безумного гения! Я собирал бы ставки и выплачивал выигрыши: все до последнего гроша. И не нужно было бы никакого жульничества, никаких ночных побегов, нам не пришлось бы снова переодеваться старухами, чтобы избежать заслуженных побоев!»

«Как? Что это? О чем вы говорите? — обиделся «чародей». — Монкриф всегда был образцом высоконравственного шарлатана, во всех отношениях!»

«Не всегда! — возразил Шватцендейл. — Некий небезызвестный мне человек проиграл в «калиостро» сорок семь сольдо и шестьдесят грошей беспардонному мерзавцу-шулеру. Он узнал, как звали мерзавца — Проныра Монкриф! — и поклялся ему отомстить».

Устало вздохнув, Монкриф отказался придавать какое-либо значение этой истории: «Когда-то меня частенько поносили в самых оскорбительных выражениях. Все это было давно и неправда — славные деньки вольного шарлатанства, где вы? В далеком прошлом!»

«Мы возродим эти дни, во всей красе их былого фанфаронства! Азартные игроки обожают шутовство, оно помогает им раскошеливаться. Вы все еще не потеряли навыки мишурного трюкачества, причем для своего возраста вы на удивление проворны».

Монкриф скорчил гримасу и начал было возражать, но Шватцендейл прервал его: «Вы упомянули о тысяче сольдо: впечатляющая сумма, полностью с вами согласен! Но теперь нам придется спуститься с головокружительных высот фантазии и осознать горькую действительность. Когда я заглядываю в свой небольшой сейф, я нахожу в нем меньше двухсот сольдо. Из этих денег я мог бы пожертвовать не более чем сотней. Этого должно быть достаточно».

«Вы шутите, это ни в какие ворота не лезет! — воскликнул Монкриф. — Ваше предложение абсурдно!»

«Не более абсурдно, чем вариант, предложенный вами! Подумайте! Если я выиграю, я проиграю. Если я проиграю, то проиграю вдвойне. Кто еще согласился бы занимать вам деньги на таких условиях?»

Монкриф тяжело поднялся на ноги. Глядя на Шватцендейла сверху, он сказал: «Надо полагать, мой план неосуществим. Забудьте о нем, выбросьте его из головы!» С этими словами шарлатан вышел из салона.

3

На борту «Гликки» — так же, как практически на любом другом космическом корабле Ойкумены — сутки начинались со случайно выбранного когда-то момента времени и подразделялись примерно на двенадцать часов «дня» и примерно двенадцать часов «ночи». Когда судно покидало очередной космический порт, бортовой компьютер корректировал показания корабельных часов, ежедневно прибавляя или вычитая небольшие промежутки времени таким образом, чтобы по прибытии в следующий порт корабельное время совпадало с местным, и астронавтам не приходилось испытывать нарушение суточных биоритмов.

Дни проходили в упорядоченной последовательности. Примерно на полпути Шватцендейл заметил любопытное изменение в настроении пилигримов. Время от времени они собирались небольшими группами, перешептываясь, усмехаясь и подмигивая, но тут же

обращали к нему каменные лица, как только замечали его приближение. Пару раз он заставал их давящимися от смеха — паломники прищелкивали пальцами и хлопали друг друга по спине, хотя, опять же, как только он подходил ближе, напряженно выпрямлялись, изображая деловитую серьезность.

Однажды Полоскун вперевалку забрел в салон и, громко крякнув, уселся на стул рядом с механиком. Беспокойно посмотрев по сторонам — словно убеждаясь в том, что никто другой его не услышит — он спросил: «Хотите, я вам что-то скажу? Вас это может заинтересовать».

«Разумеется, почему нет?» — отозвался Шватцендейл.

И снова Полоскун опасливо оглянулся через плечо: «Это почти конфиденциальная информация».

Шватцендейл изобразил спокойное удивление: «Как следует понимать этот необычный термин?»

Полоскун усмехнулся: «Ну, скажем так, это не совсем тайна, но в то же время эти сведения предназначены только для избранных ушей».

«Хорошо. Мои уши избраны, я слушаю».

Полоскун наклонился и постучал пальцем по колену механика: «Поведение некоторых паломников, к сожалению, не совсем соответствует судовым правилам — по меньшей мере, строгому истолкованию этих правил».

«Какое поведение?»

«Они устроили на корме клуб в углу грузового отсека. Там они развлекаются новой игрой — и считают ее исключительно удачным изобретением».

Многозначительность сообщения озадачила Шватцендейла: «Может быть, это не совсем соответствует правилам, но я не думаю, что кто-нибудь станет возражать — если, конечно, новая игра не наносит ущерб грузу».

«Нет-нет, ничего подобного! Соблюдаются все меры предосторожности».

«Тогда зачем вы мне это рассказываете?»

«По очень простой причине. Паломники считают, что вы могли бы принять участие в новой игре».

Шватцендейл ухмыльнулся: «Я уже прибрал к рукам все, что у них было! Чем они делают ставки?»

«Фишками, как раньше. Они приготовили новые фишки, обеспеченные содержимым сундуков».

«Невероятно! Я думал, что старые фишки исчерпали их финансовые возможности».

«Не совсем так. В конце концов, мы люди предусмотрительные и рискнули всего лишь примерно третью товаров. Новые фишки обеспечены тремя другими сундуками».

«Что именно содержится в ваших сундуках? Какие ценности?»

Полоскун поджал губы: «Мы — правоверные приверженцы клантической секты, но, подобно всем человеческим существам, подвержены голоду, жажде, боли, усталости и прочим общераспространенным неприятностям и недомоганиям. Что важнее всего, мы надеемся вернуться домой, завершив паломничество. Для того, чтобы удовлетворять эти мирские потребности, мы вынуждены извлекать какой-то доход практическими методами».

«Все это превосходно, — согласился Шватцендейл. — Но чтó именно вы везете в сундуках?»

Полоскун слегка развел руками, изображая благочинное пренебрежение: «Придется,

видимо, пояснить. Некоторым паломникам, прибывающим в Бесовскую Высадку, не хватает тех или иных важнейших сакральных реквизитов. Мы везем с собой запас реквизитов, надлежащим образом приготовленных и освященных, чтобы продавать их по десять сольдо за штуку. Возможно, нам удастся выручить даже больше. Конечно, торговля ритуальными принадлежностями носит несколько вульгарный характер, но, так как нам не хватает финансовых средств, мы рассчитываем на то, что более удачливые собратья поделятся с нами своими суетными приобретениями».

«И вы уверены, что сможете продать эти так называемые «реквизиты»?»

«Непременно! Они пользуются большим спросом! Как только мы прибудем в Бесовскую Высадку, мы будем располагать более чем достаточными денежными средствами».

«Почему же вы хотите, чтобы я снова с вами играл?»

Полоскун глуповато ухмыльнулся: «Разве не понятно? Вспомните последнюю игру! Вы налетели на нас, как бичующий тиран, как стихийное бедствие — и отобрали все наши фишки. Мы надеемся на реванш!»

«В таком случае вы обращаетесь не по адресу. Для меня фишки не представляют никакой ценности, в связи с чем я позволил Монкрифу выиграть весь запас».

«И у вас не осталось никаких фишек?» — жалобно воскликнул Полоскун.

Шватцендейл великодушно махнул рукой: «Я могу выиграть их снова в любой момент. Старый шарлатан потерял бдительность и зевает на каждом шагу. Пойдемте, покажите мне новую игру».

Полоскуна, казалось, вдруг стали одолевать сомнения: «Торопиться незачем, нужно сохранять достоинство. Поспешишь — людей насмешишь. По сути дела, вполне может быть, что они еще не готовы».

«Неважно! Я готов! — Шватцендейл вскочил на ноги. — Прежде всего нужно посмотреть, в чем заключается игра. Будьте добры, проводите меня туда, где собрались ваши спутники».

Полоскун встал, но продолжал переминаться с ноги на ногу: «Вам потребуются деньги».

«По пути я зайду к себе в каюту. Пойдемте! Если уж на то пошло, я и сам могу их найти в грузовом отсеке».

Полоскун сдвинулся с места, но волочил ноги, словно к ним были привязаны гири.

В конце концов Шватцендейл не выдержал и воскликнул: «Кого мы хороним? Почему вы плететесь, будто вас мучает запор? Шевелитесь, вперед! Нас ждут великие дела!»

Полоскун остановился и оглянулся через плечо: «Вы не устали? Может быть, нам лучше передохнуть».

«Нет, я не устал».

«Иногда полезно немного задержаться».

«К чему задержка? Мы еще двух шагов не сделали! У вас болит живот?»

«Если хотите знать, скорее всего они еще не кончили практиковаться».

«Практиковаться? В чем?»

«Ну… — Полоскун ответил неопределенным жестом. — Требуются приготовления. Это занимает время».

«Что ж, посмотрим, как они практикуются — может быть, заметим что-нибудь интересное».

Полоскун возвел к потолку собачьи карие глаза: «Подсматривать нехорошо. Им это

может не понравиться».

«Ага! Вы возбудили мое любопытство! Обязательно посмотрим, как они там практикуются, причем потихоньку, не привлекая внимания».

В углу кормового грузового отсека паломники раздвинули тюки и ящики, чтобы освободить пространство для стола и нескольких стульев. Не выходя из ведущего в отсек коридора, Шватцендейл остановился в тени и, несмотря на явное беспокойство Полоскуна, стал наблюдать за игрой из этого укрытия.

За круглым столом сидели шестеро. Шватцендейл узнал Зейтцера, Квантика, Дьюри, Тунха, Киммеля и Лоллинга. Они играли жесткими прямоугольными карточками, сантиметров восемь в длину и пять в ширину, побольше тех круглых фишек, какими они пользовались раньше. Из этих карточек они строили домики, прислоняя одну карточку к другой и осторожно устраивая на Λ образных опорах перекрытия из тех же карточек, после чего начинали возводить следующий этаж. Паломники работали поспешно, напряженно, бдительно поглядывая на противников и прерываясь только для того, чтобы щелчком запустить поперек стола одну из своих карточек в направлении домика, становившегося трех- или четырехэтажным. Достаточно проворный строитель хватал летящую карточку и прибавлял ее к своей стопке, но если он не успевал ее поймать, она ударялась в его карточный домик, и все сооружение обваливалось. После такой катастрофы другие игроки протягивали руки над столом и разбирали рассыпавшиеся карточки, пока неудачливый строитель спешил собрать столько, сколько мог, в свою стопку.

Шватцендейл спросил Полоскуна: «В чем состоит цель этой игры?»

«Каждый игрок пытается построить шестиэтажный домик. Если он успеет это сделать, он выиграет все карточки, использованные при постройке других домиков. А теперь нам пора выходить отсюда — сколько можно прятаться?»

«Подождите! Я хочу посмотреть, как продолжается игра».

Упитанный молодой паломник что-то проворчал себе под нос; на его лице появилось озлобленно-упрямое выражение — он сделал шаг вперед. Шватцендейл схватил его за воротник и резко потянул назад — так, что Полоскун едва удержался на ногах: «Тихо! Не шевелись! Или я сейчас кому-то нос сверну на сторону!»

Полоскун неохотно подчинился: «Нет никакой необходимости прибегать к насилию!»

Шватцендейл вернулся к внимательному наблюдению за игрой. Квантик, проявляя исключительную бдительность и завидную сноровку, построил пятиэтажный домик и уже принялся сооружать шестой ярус, когда жадный тощий Тунх быстрыми щелчками отправил в его сторону две карточки. Квантик успел схватить первую, но вторая ударилась во второй этаж его постройки и, к яростному возмущению Квантика, вся его конструкция рассыпалась. Развалины его домика тотчас же атаковали Дьюри, Киммель, Тунх и Зейтцер. Несмотря на лихорадочные усилия Квантика, он потерял половину своих карточек. Вскочив на ноги, Квантик гневно погрозил кулаком Тунху — тот презрительно рассмеялся. Тем временем Зейтцер воспользовался тем, что Квантик отвлекся, и своровал еще четыре его карточки.

Прежде, чем Квантик успел отреагировать на это хищение, Лоллинг встал и поднял обе руки, призывая паломников к порядку. Он начал говорить, но гулкая акустика грузового отсека, а также особый «ржущий» тембр голоса Лоллинга, не позволяли расслышать отдельные слова. Судя по всему, он давал паломникам какие-то указания — те серьезно слушали, время от времени кивая. Лоллинг поднял длинный указательный палец и что-то сказал. Остальные кивнули. Лоллинг поднял два пальца, и снова ему ответили кивками.

Лоллинг поднял три пальца — паломники расхохотались. Лоллинг говорил еще минуту-другую, после чего обвел взглядом присутствующих, словно измеряя произведенный эффект. Очевидно удовлетворенный этим эффектом, он снова уселся.

К этому времени Полоскун решительно закусил удила и двинулся вперед. Он громко прокашлялся — игроки оглянулись. Шватцендейлу пришлось волей-неволей последовать за Полоскуном и зайти в отсек.

Полоскун обратился к игрокам: «Я привел знакомого всем присутствующим Фэя Шватцендейла, заслужившего наше восхищение! Я сообщил ему о том, что мы придумали новую игру, и он заинтересовался. Возможно, если вы предложите ему место за столом, он любезно согласится к вам присоединиться».

«Конечно! — воскликнул Лоллинг. — Мы все глубоко почитаем навыки господина Шватцендейла! Он — настоящий спортсмен и джентльмен, один из нас! Добро пожаловать, Фэй Шватцендейл! Не желаете ли принять участие в нашей игре?»

«Пожалуй, хотя, скорее всего, останусь здесь ненадолго — не могу же я надеяться переиграть в одиночку шестерых экспертов! Тем не менее, попытка — не пытка! Каковы правила?»

Лоллинг пояснил: «Прежде всего учитывайте, что это детская игра — беззаботная, веселая. Она дает возможность развлечься и забыть об утомительной скуке полета».

«Замечательно! Что может быть лучше? Продолжайте».

«Мы покупаем фишки — вот эти карточки. Я их раздаю».

«Очень хорошо — что дальше?»

«Каждый начинает строить карточные домики — вот такие, какой уже строит Зейтцер. Цель заключается в том, чтобы построить шестиэтажный домик, опередив всех остальных — победитель получает все фишки противников!»

«Не слишком сложная игра. И это все, что мне нужно знать?»

«Почти все. Дозволяются кое-какие хитрости, время от времени позволяющие получить преимущество — но никакие нарушения правил не допускаются!»

«Будьте добры, разъясните эти правила подробнее».

«Нельзя прикасаться к домику другого игрока руками или ногами. Нельзя запускать в домик противника больше одной карточки одним щелчком. Мы называем такие летящие карточки «снарядами». Если домик обваливается, любая лежащая на столе карточка из числа тех, которые составляли этот домик, может быть «подобрана» любым из других игроков. Резервные карточки, еще не использованные при строительстве домика, складываются в стопки на краю стола — их нельзя подбирать».

«Понятно. Чтó, если, скажем, три игрока вступят в сговор против четвертого? Есть какие-нибудь правила на этот счет?»

«Таких правил нет, потому что в этой игре сговоры запрещены. Каждый за себя!»

Шватцендейл купил фишки — игра началась. Механик соблюдал чрезвычайную осторожность, сооружая первый этаж, и в то же время запускал «снаряды» в домики других игроков, особенно в те, что проворно строили Зейтцер, Тунх и Киммель, явно поднаторевшие в этом занятии. Снаряд, выпущенный Дьюри, уничтожил домик Лоллинга. Шватцендейл успел «подобрать» шесть карточек. Один из его собственных снарядов сокрушил четырехэтажную постройку Тунха — и снова Шватцендейл проворно «подобрал» больше десяти фишек. Продолжая игру в таком консервативном стиле, он накопил большое количество фишек, хотя даже не начинал строить второй этаж. Его тактика начинала

раздражать других, позволявших себе язвительные замечания типа: «Ну-ну, Шватцендейл! Соорудил роскошную собачью конуру!» Или: «Проснитесь, Шватцендейл! Мы не вышиваем узоры крестиками! Это игра для настоящих мужчин!»

Надеясь пристыдить Шватцендейла, Тунх и Квантик принялись возводить этаж за этажом с лихорадочной поспешностью — но снаряды механика, летевшие быстро и метко, положили конец их намерениям. Ни тот, ни другой не отнеслись к такому результату с хладнокровием, приличествующим спортсмену. Квантик размахивал кулаками и шипел проклятия сквозь зубы, тогда как физиономия Тунха застыла, искаженная яростной гримасой. Шватцендейл успел проворно «подобрать» тридцать фишек. Киммель, Дьюри и Тунх потеряли столько карточек, что им пришлось приобрести дополнительные фишки из запаса Лоллинга. Зейтцер упрекнул Шватцендейла: «Вы не понимаете дух нашей игры! Мы строим этаж за этажом как можно быстрее, соревнуясь в стремлении к триумфальному шестому ярусу!»

«Я все еще постигаю азы, — смиренно отозвался Шватцендейл. — Не следует ожидать, что каждый способен сразу угнаться за мастерами».

«Как бы то ни было, вы уже накопили гораздо больше фишек, чем приобрели первоначально», — капризно заметил Лоллинг.

«Новичкам, как известно, везет», — парировал Шватцендейл.

«Гм-гм!» — Лоллинг обвел взглядом сидящих за столом, встречаясь глазами с другими паломниками, и поднял длинный указательный палец: «Продолжим!»

Характер игры изменился. Паломники стали проявлять осторожность, защищая свои скромные двух- и трехэтажные постройки обеими руками, готовыми схватить любой «снаряд». Изменение не ускользнуло от внимания Шватцендейла — он стал наращивать ярусы с максимальной возможной скоростью. Закончив второй, третий и четвертый этажи, он принялся за пятый. Лоллинг хлопнул левой ладонью по столу и поднес к носу палец правой руки. Тотчас же каждый из паломников выпустил «снаряд» в направлении домика Шватцендейла. Одновременный залп невозможно было отразить, и сооружение механика развалилось. Собрав груду карточек одной рукой, а другой не позволяя противникам до них дотянуться, Шватцендейл сумел потерять не больше дюжины фишек. Повернувшись к Лоллингу, он заметил: «Насколько я понимаю, сговоры запрещены правилами?»

«Совершенно верно! — строго подтвердил Лоллинг. — Правила соблюдаются неукоснительно, никто ни с кем не договаривается».

«В таком случае, почему все игроки атаковали мой домик одновременно?»

«Чистое совпадение — даже если бы это действительно было так, в чем я сомневаюсь».

«Тогда почему вы подали им сигнал, поднимая палец?»

«Ничего подобного я не делал! — Лоллинг возмущенно надул щеки. — Мне просто нужно было почесать нос. По всей видимости, вы неправильно истолковали мой жест». Обратившись к другим паломникам, он прибавил: «Шватцендейл, в каком-то смысле — наш гость. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы ему понравилась наша игра. Это понятно?»

Со всех концов стола донеслись звуки ворчливого одобрения.

«Вот и хорошо! Продолжим!»

Строительство домиков и запуск «снарядов» возобновились, сопровождаемые отчаянными стонами потерпевших крушение. Шватцендейл попробовал применять новую тактику, сосредоточившись на постепенном тщательном возведении ярусов, но не забывая

при этом ловко отражать «снаряды» противников; через некоторое время ему снова удалось выстроить пять этажей. Наблюдая за всеми игроками одновременно со всей возможной бдительностью, он умудрялся строить одной рукой и в то же время ловить летящие карточки другой. Он уже почти закончил шестой этаж — до выигрыша было рукой подать. В этот момент Лоллинг обвел оценивающим взглядом сооружения всех игроков, рассеянно почесывая грудь двумя пальцами.

Шватцендейл напрягся — однако, судя по всему, никто ничего не заметил. За игорным столом, прислонившись спиной к штабелю ящиков, праздно вертел в руках какую-то веревку Полоскун. Ничего подозрительного. Шватцендейл вернулся к сооружению шестого этажа. У него за спиной раздался оглушительный металлический грохот — нервы Шватцендейла затрепетали, как камыш под порывом ветра. Инстинктивно обернувшись, он увидел, что откуда-то сверху на палубу свалилась связка стальной арматуры. Шватцендейл тут же повернулся к столу — слишком поздно! Весь его домик рассыпался. Только яростная поспешность позволила ему спасти дюжину карточек. Шватцендейл горестно подсчитал запас, оставшийся у него в стопке. Он мог попытаться построить еще один домик. Только теперь он взглянул на паломников — те улыбались и сочувственно покачивали головами.

Убедившись в том, что ему не угрожает обвал других связок металлических прутьев, Шватцендейл упрямо вернулся к сооружению карточного домика. Пилигримы, по-видимому, были всецело поглощены возведением своих этажей. Полоскун продолжал предаваться безделью по другую сторону стола, прогуливаясь туда-сюда и пиная обрывки какого-то упаковочного материала.

Шватцендейл работал старательно и осторожно, успевая ловить «снаряды», время от времени летевшие в его направлении. Он убеждал себя в том, что уже приобрел навыки, достаточные для выигрыша — следовало только не забывать о бдительности. Как прежде, перед ним вырастали ярусы карточек: третий, четвертый, пятый. Шватцендейл установил первые две карточки шестого этажа — он снова приближался к победе! Лоллинг наклонился вперед, чем-то внезапно заинтересовавшись, и, чтобы поддержать свой вес, оперся на край стола тремя пальцами. Шватцендейл встревожился, ожидая очередного подвоха, но опять же, по-видимому, никто ничего не заметил, и игра продолжалась, как прежде. Тунх поймал «снаряд», запущенный Киммелем, тогда как Дьюри добился лучшего результата, ловко запустив по дуге карточку, разрушившую домик Зейтцера. Поодаль Полоскун глупо подпрыгивал, то приподнимаясь на цыпочки, то опускаясь на пятки. Шватцендейл старался не отвлекаться. Под ним что-то подалось — стул опрокинулся назад, и Шватцендейл упал спиной на палубу. Он тотчас же вскочил и бросился к столу, что позволило ему спасти одиннадцать карточек из тех, что остались от его домика.

«А! Какая неудача!» — посочувствовал Тунх. «Не повезло так не повезло!» — поддакнул Киммель.

Шватцендейл поправил стул и снова сел. Лоллинг сделал ему выговор: «Вы допустили серьезную ошибку! Нужно сидеть на стуле плотно и прямо, а не раскачиваться, откинувшись на спинку».

«Совершенно верно, — согласился механик. — Неосторожность дорого обходится».

«Вы потеряли большинство своих фишек. Не желаете ли прикупить еще?»

«Ничего другого не остается! Кажется, я приноровился к игре, но мне придется сходить в каюту за деньгами».

Лоллинг радушно развел руками: «Сразу видно — настоящий спортсмен! С

нетерпением будем ждать вашего возвращения».

Шватцендейл покинул грузовой отсек и отсутствовал несколько минут. На обратном пути — так же, как в первый раз — он задержался в тени коридора, наблюдая за происходящим за круглым столом. Как прежде, Лоллинг инструктировал других игроков, поднимая один палец, затем два и, наконец, три пальца. Напоследок Лоллинг обронил замечание, вызвавшее смех всех паломников, в том числе даже вечно унылого Тунха. Сразу после этого Шватцендейл показался в отсеке. Его встретили дружелюбные шутки и улыбки. Киммель воскликнул: «Может быть, теперь вам больше повезет, и вы не свалитесь со стула!»

Дьюри произнес несколько утешительных слов: «Все мы в одной лодке — волны удачи то поднимаются, то опускаются, но настоящая радость — в азарте игры как таковой!»

Шватцендейл молча кивнул. Он купил у Лоллинга фишки и вернулся к своему месту за столом. Квантик игриво спросил: «Так что же, Шватцендейл? Все возвращается на круги своя?»

«Боюсь, что так, — признал Шватцендейл. — Моя прежняя тактика оказалась неплодотворной, но я не сдаюсь! Теперь буду строить по-другому — вы моргнуть не успеете, как я закончу шестой этаж! Ярус за ярусом поднимется мой монумент, на удивление всем зодчим-конкурентам!» Эту короткую хвастливую речь, Шватцендейл сопровождал широкими выразительными взмахами левой руки, привлекавшими внимание других игроков. В то же время правой рукой он выжимал из тюбика тонкую полоску прозрачного желеобразного клея, протянувшуюся по краю стола за стопками его фишек: «Теперь я не стану торопиться с возведением этажей — невозможно ожидать, чтобы другие искренне сочувствовали моим целям. В этой жизни можно полагаться только на себя! Таков, в сущности, принцип нашей игры, не так ли?»

«Вот именно!» — «Совершенно верно!» — «Сам себе не поможешь — никто тебе не поможет!» — одобрительно отозвались пилигримы.

Шватцендейл взглянул на Лоллинга: «Надо полагать, за время моего отсутствия в правила не вносились какие-либо изменения или поправки?»

«Ни в коем случае! Правила неизменны!»

«В таком случае, начнем!»

Каждый из строителей тут же пригнулся к столу и занялся сооружением карточного домика, в то же время внимательно поглядывая по сторонам. Шватцендейл строил так же методично, как раньше, но на этот раз он незаметно прикасался к полоске клея теми краями каждой карточки, которыми она прилегала к другим — таким образом каждый элемент его сооружения становился частью жестко соединенной конструкции. Он работал неторопливо, но, так как на самом деле теперь ему не нужно было следить за «снарядами», этаж вырастал за этажом — второй, третий, четвертый. Лоллинг начинал проявлять интерес к успехам Шватцендейла. Взглянув на других паломников и встретившись с ними глазами, он тихонько приложил к груди вытянутый указательный палец. Тут же на домик Шватцендейла обрушился одновременный залп из шести летящих карточек. Две ударились в домик Шватцендейла, но не причинили никакого ущерба. Четыре карточки Шватцендейл успел поймать и прибавить к своему запасу. Паломники с удивлением переглянулись.

Игра продолжалась. Лоллинг показал сообщникам два пальца. С потолка на грудь Шватцендейла стремительно спустилось трепещущее крыльями мохнатое насекомое длиной с локоть. Механик в ужасе отпрянул — при этом послышался сдавленный смешок Полоскуна. В тот же момент ураган «снарядов» обрушился на карточный домик

Шватцендейла — сооружение задрожало, но не рассыпалось.

Насекомое оказалось изделием из проволоки, бумаги и волос с уродливой глазастой головой, вылепленной из теста. Нить, направлявшая полет этого пугала, легла поперек стола, а ее конец исчезал в тенях за штабелями ящиков. Полоскун невинно ошивался поблизости. Шватцендейл смахнул самодельное чудище на пол, прибавил упавшие «снаряды» к своему запасу фишек и громко сказал Полоскуну: «Зачем вы швырнули в меня это насекомое? Из-за вас я мог бы потерять множество карточек!»

Полоскун не смутился: «Это всего лишь игрушка. Я хотел, чтобы она пролетела под потолком, но она сорвалась и упала. На что вы обижаетесь? Уже и пошутить нельзя?»

Лоллинг сказал: «Не судите беднягу Полоскуна слишком строго. Он хотел проверить летные качества своей поделки, вот и все. В любом случае, вы не потерпели никакого ущерба!»

«Что само по себе удивительно! — пробормотал Тунх. — Карточный домик Шватцендейла незыблем, как сварная решетчатая ферма из нержавеющей стали! Ничего не понимаю!»

«Домик как домик — он отличается от вашего только высотой и качеством постройки, — возразил механик. — Не забивайте себе голову мелочными подозрениями! Игра продолжается!»

Шватцендейл начал приклеивать карточки шестого яруса.

Лоллинг раздраженно застонал и положил на стол три пальца. Шватцендейл тут же закричал, обращаясь к Полоскуну, стоявшему у стены: «Убери руку с выключателя! Не смей гасить свет, или я запру тебя в туалете на неделю за нарушение правил пользования судовыми осветительными приборами!»

Полоскун неохотно отошел от выключателя. Шватцендейл завершил постройку шестого этажа. «Дело сделано! — объявил он. — Я выиграл!»

Паломники опустили плечи, некоторые закрыли лица руками. Шватцендейл сокрушил их карточные домики и собрал все фишки — двести штук с лишком — соорудив из них перед собой ряд высоких стопок. Оставалась нерешенной только одна проблема: как разобрать склеенный домик так, чтобы не возбудить никаких подозрений? Переводя взгляд с одного унылого лица на другое, Шватцендейл спросил: «Вам, как я вижу, не терпится начать новый раунд? Я готов ко всему, только скажите!»

«Нет уж, увольте! — прорычал Тунх. — Ваши непостижимые фокусы всех нас оставили без гроша!»

Лоллинг долго не мог ничего сказать, но в конце концов выдавил: «С меня на сегодня хватит!» Поднявшись на ноги, он вышел из отсека.

«Я немного задержусь, — сообщил оставшимся Шватцендейл. — Хочу подсчитать фишки. И, может быть, попрактикуюсь немного — на тот случай, если мы с вами снова сыграем».

«Практикуйтесь, сколько влезет! — отрезал Тунх. — Сомневаюсь, что это вам пригодится, потому что я, например, ни во что с вами больше играть не буду». Старик раздраженно прошествовал прочь.

«Я тоже больше не буду с вами играть, — прибавил Киммель. — Ваша манера притворяться, что вы поначалу проигрываете, а потом обчищать всех до нитки, вызывает отвращение». Киммель вышел из отсека, за ним последовали другие пилигримы,

Шватцендейл разобрал свой домик, очистил карточки от клея, собрал выигрыш в охапку

и вернулся к себе в каюту.

~

Глава 10

Из «Путеводителя» Мирон узнал, что планета Мария занимала шестую орбиту вокруг белой звезды Пфитц. В примечании справочника пояснялось, что разведчик-заявитель Абель Мерклинт назвал эту звезду «Лаура Арделия Пфитц» в честь своей первой любви, но со временем общеупотребительным стало сокращенное наименование «Пфитц».

Мирон узнал также, что, будучи немного крупнее Земли, Мария отличалась несколько меньшей силой притяжения, что объяснялось ее меньшей средней плотностью.

Подобно многим другим представителям его профессии, Абель Мерклинт был романтическим философом и не чуждался литературных амбиций. Он описывал Марию как изменчивый и многообразный мир, наделенный бесчисленными красотами и в то же время угрожающий наводящими ужас опасностями. В разделе «Общие замечания», в приложении к его первоначальному отчету, Мерклинт прибегает к следующим выражениям:

«У Марии сотни обликов, тысячи масок и десятки тысяч настроений. Четыре континента почти равномерно распределены вдоль экватора. Из космоса они выглядят как четыре изящные девицы, танцующие хороводом, но по ближайшем рассмотрении это впечатление исчезает, и каждый из континентов раскрывает особый характер.

Альфа — суровый, изрезанный ущельями континент с четырьмя скалистыми хребтами, перемежающимися высокогорными и низинными пустынями и полупустынями; он обращен к океану безрадостными утесами, обрывами и узкими, вечно стонущими в прибое галечными пляжами.

Второй континент, Бета, подвергался множеству тектонических сдвигов и отличается чудесным разнообразием геологических формаций. В развалах и осыпях холмов Беты часто заметны обнажения залежей ценных минералов. В прослойках пегматита я видел идеальные кристаллы турмалина больше тридцати сантиметров длиной, а в метаморфических амфиболах встречается синий нефрит с ноздреватой маслянистой текстурой поверхности.

На краю Великого Шинарского леса и, возможно, еще в одном или двух районах рельеф позволяет предположить наличие руин — здесь попадаются артефакты невероятной древности. По всей видимости, примерно пятьсот тысяч лет тому назад в этих местах обосновалась раса давно вымерших существ. Следы их жизнедеятельности, однако, уже настолько малоразличимы, что любые предположения о том, как выглядели и чем занимались эти аборигены или колонисты, в лучшем случае останутся спорными.

Гамма — крупнейший континент, обильно орошаемый частыми ливнями. На центральной равнине Гаммы образовалось гигантское болото, облюбованное плодовитой и разнообразной флорой и фауной, по большей части неприязненно относящимися к человеку. Болотом порождены девять полноводных рек, медленно несущих воды к морю по саваннам, пестрящим стадами четвероногих жвачных, становящихся добычей соответствующих хищников, каковые, впрочем, реагируют на присутствие человека с не более чем платоническим любопытством. Заметив мое приближение, они спокойно отходили подальше, сохраняя достоинство и как бы говоря всем своим видом: «Не знаю, кто ты такой и что тебе нужно, но предпочитаю не совать нос не в свое дело».

Четвертый континент, Дельта, подобен хорошенькой девушке в компании трех обросших бродяг-оборванцев. На Дельте всюду открываются радующие глаз пейзажи безмятежной красоты, там все грубое и жестокое словно запрещено законами природы. Там,

на берегу залива Сонгерль, я построю бревенчатый дом беспорядочной планировки, с выходящим на пляж крыльцом. По утрам босоногие девы будут подавать мне завтрак, а когда я буду сидеть на веранде, наблюдая за тем, как гаснет закат и зажигаются звезды, я буду принимать из их ласковых рук чаши с охлажденным ромовым пуншем… В лучах яркого солнца синий залив Сонгерль выглядит достаточно мирно, но плавать в нем и даже заходить по колено в прибой опасно, ибо местные воды кишат всевозможной зубастой и ядовитой живностью. Тем не менее, именно здесь я хотел бы провести последние годы. Сбудется ли моя мечта? Кто знает? Человек с душой разведчика миров никогда не знает, куда его заведет судьба».

Мирон проконсультировался с картой. Марию обслуживали четыре космических порта, по одному на каждом континенте: станция A в окрестностях Восхождения на континенте Альфа; станция B на Бете, между Камбрией на западе и Великим Шинарским лесом на востоке; станция C на Гамме, на краю Необозримой Пропасти у городка Высадка Фелькера и станция D в пригороде Сонка у залива Сонгерль, на западном побережье Дельты.

«Гликка» должна была доставить грузы на каждую из станций и, тем самым, посетить каждый из континентов. В связи с особенностями размещения груза в трюмах в первую очередь следовало остановиться на станции D у залива Сонгерль — там, где Абель Мерклинт соорудил свои пасторальные пенаты.

«Гликка» приземлилась в полдень. Разгрузку трюмов и их последующую загрузку ожидавшими отправки товарами произвели без задержки. Тем не менее, еще несколько партий местной продукции, хранившиеся на провинциальных складах, должны были доставить только через пару дней. Трамповым грузовым судам, чьи маршруты изменялись в зависимости от спроса, нередко приходилось испытывать подобные задержки. Жаловались только пилигримы — не в последнюю очередь потому, что теперь, лишившись финансовых средств, они не могли развлечься в селении неподалеку от космопорта. Стремясь утешить паломников, Винго пообещал подать им после ужина обильный десерт из местных фруктов. Но самой приятной новостью для них стало то, что Шватцендейл передал перрумптеру Калашу конверт, содержавший одиннадцать сольдо — с тем, чтобы тот выдал по одному сольдо каждому из пилигримов, желавших что-нибудь купить на сельском рынке.

В салон зашли Сиглаф и Хунцель. Взглянув по сторонам и обнаружив Монкрифа, потягивавшего чай и читавшего журнал, они решительно направились к нему. Монкриф вздохнул, отложил журнал и повернулся к ним: «Любезнейшие дамы! Надо полагать, вы собрались прогуляться по пляжу? Будьте осторожны — не заходите в море без зеленых купальных шапочек — в противном случае вас может сожрать монитор-трапеноид. Впрочем, даже зеленые шапочки не всегда помогают».

«Мы не намерены ни гулять, ни плавать! — заявила Сиглаф. — Нас интересуют другие вопросы».

«У нас было время подумать, — сухо прибавила Хунцель. — Когда ты заплатишь все, что должен?»

Монкриф аккуратно поставил журнал на полку: «Я не сидел сложа руки. Напротив! Я занимался сбором необходимых средств и теперь готов с вами рассчитаться».

Не ожидавшие такого ответа Сиглаф и Хунцель ошеломленно молчали. «Если так, мы рады это слышать», — произнесла наконец Сиглаф.

«Да-да, радостные вести — для всех заинтересованных лиц! — заверил ее Монкриф. —

Тем не менее, необходимо покончить с некоторыми формальностями».

«Какие еще формальности? — возмутилась Сиглаф. — Смотри, болтовней на этот раз ты не отделаешься!»

Монкриф сделал рукой снисходительный волнообразный жест: «Следует применять общепринятые деловые методы. Прежде всего: вы уже подготовили расписку о получении? Нет? Я так и думал. Сию минуту разборчиво напишите расписку, содержащую следующий текст: «Настоящим подтверждается получение от Марселя Монкрифа, в полном размере, суммы возмещения всех задолженностей и финансовых обязательств, выраженных и подразумеваемых, возникших и существовавших с первого момента известного или неизвестного срока существования Вселенной, в зависимости от того, какая из этих дат наступила раньше, до того момента, когда во Вселенной померкнет последний квант энергии, независимо от того, в какой форме, одушевленной или неодушевленной, будут существовать к тому времени стороны, производящие расчет». Проставьте дату и подпишитесь».

Сиглаф взвыла от ярости: «Вздор! Чушь собачья! Ты над нами издеваться вздумал?»

Хунцель лениво обронила: «Отдавай деньги, и положим конец всей этой трепотне».

«Разумеется, — вежливо ответил Монкриф, — но прежде всего я должен получить надлежащие счета-фактуры с постатейным указанием всех кредитов и дебитов. Надо полагать, вы уже оформили счета?»

Хунцель шлепнула на стол лист бумаги: «Вот все, что требуется. Здесь подведен итог заработной платы, до сих пор не выплаченной мне, Сиглаф и трем девушкам. Будь так добр, вручи нам эту сумму».

Монкриф взял счет, критически просмотрел его и поднял глаза, всем своим видом выражая удивленное непонимание: «Это какая-то шутка? Где вычеты текущих расходов? Вы забыли о стоимости перевозки и пропитания, не говоря уже о деньгах, полученных вами на карманные расходы».

«Насколько я понимаю, ты говоришь о так называемых «расходах на содержание труппы», — заметила Хунцель. — От нас не требуется учет таких расходов, они покрываются помимо заработной платы».

Монкриф отбросил счет: «Ваши цифры никуда не годятся. К счастью, я веду свои собственные записи. Надлежащая система учета проста. В кредит зачисляется заработная плата, из которой вычитаются ваши личные расходы на проезд, проживание и пропитание». Монкриф вынул из кармана учетную ведомость, а также пакет с фишками, которые он выиграл у Шватцендейла. Сверившись с ведомостью, он записал цифру на счете клутов: «Вот сумма, которую я вам должен в данный момент. Вам все еще предстоит рассчитаться с суперкарго или с капитаном Малуфом за проезд из Медового Цвета в Какс».

Сиглаф и Хунцель смотрели на цифру Монкрифа, дрожа от гнева.

«Возмутительно! — воскликнула Хунцель. — Мы отказываемся подвергаться такому грабежу!»

«Тем не менее, это сумма, которую я готов уплатить. Если вам так угодно, вы можете проверить мои расчеты».

«В любом случае, уплати хотя бы часть! Лучше хоть какие-то деньги, чем никаких! В Каксе мы подадим жалобу «красным мундирам», и они заставят тебя рассчитаться сполна!»

Монкриф благодушно пожал плечами: «Мне все еще потребуется расписка, подтверждающая получение вами любой выплаченной суммы». Он начал подсчитывать

фишки. Клуты с подозрением наблюдали за его действиями. «Почему ты считаешь какие-то грязные кругляшки из картона?» — потребовала объяснений Сиглаф.

Монкриф с достоинством ответил: «Это ценные бумаги, выпущенные паломниками. Каждая фишка сто́ит десять сольдо и обеспечена ценными реквизитами, находящимися в сундуках пилигримов. Эти фишки следует рассматривать как законные долговые обязательства, позволяющие нам рассчитаться».

Сиглаф и Хунцель оглушительно расхохотались.

«Не пройдет!» — закричала Сиглаф. — «Не принимай нас за деревенских дур!»

«Плати настоящими деньгами и плати сию минуту! — взревела Хунцель. — Иначе мы выдадим тебя «красным мундирам» — и тебя утащат, как визгливого брыкающегося поросенка, в работный дом на острове Аквабель!»

«Я предъявлю встречные обвинения, — возразил Монкриф. — Это вас, а не меня, утащат в трудовой лагерь».

«Ничего подобного! Наш иск неопровержим, потому что ты нам должен! Один этот факт достаточно свидетельствует о твоем уклонении от исполнения договора, и дело будет в шляпе!»

«Чепуха, детский лепет! — заявил Монкриф. — Правда восторжествует!»

Хунцель отозвалась презрительной усмешкой: «Не забывай: в исправительном лагере на Аквабеле содержат насильников и головорезов. Кроме того, там кормят гнилыми объедками — если вообще кормят».

Клуты раздраженно покинули «Гликку» и принялись расхаживать по пляжу. Монкриф остался за столом, размышляя о событиях прошедшего дня. Размышления не исправили ему настроение. Всюду, куда ни взгляни, притаились тревожные неопределенности. Кроме того, самый ужасный враг из всех — колоссальное и неумолимое Время — надвигался все ближе и становился все огромнее в перспективе воображения. Годы проходили безвозвратно.

Монкриф поморщился и выпрямился на стуле. Подобных бесполезных дум следовало избегать. Верно — он больше не был проворным молодым шарлатаном, но умственные способности его не покинули и все эти годы только развивались! Он остался таким же коварным, проницательным и дерзким, как всегда — хотя, по правде говоря, в последнее время расслабился и обленился. Тем не менее, с другой стороны, разве склонность к легкой жизни и потворству своим прихотям не была ему свойственна изначально? Ведь ему не было суждено стать акробатом и ходить колесом на потеху толпе до конца его дней? Конечно, нет! Что же делать? Ответ был ясен. Необходимо было возродить живость характера, сопротивляясь стареющему телу, потерявшему быстроту реакции и неспособному разгорячить кровь мощными гормональными стимулами.

«Поднять якорь, поставить все паруса! Отдать концы — и в путь!» — подбодрял себя Монкриф еле слышным бормотанием. Давно пора положить конец бездействию! Вопреки всему он — Чародей Монкриф, тот самый Марсель Монкриф, возвысивший шарлатанство до уровня изящного искусства! Несмотря на отдельные поражения, сколько раз он торжествовал! Даже теперь оказавшаяся на корабле труппа могла принести ему новые славные победы, если он сможет ее удержать! Да, настало время встрепенуться и подчинить себе мелкие — и не такие уж мелкие — превратности судьбы.

Прежде всего необходимо было поправить финансовое положение! Практически единственным его существенным активом оставались фишки, выигранные у Шватцендейла. Какова была их реальная ценность? Монкриф поднялся на ноги и спустился в трюм, где

хранились сундуки пилигримов. К разочарованию антрепренера, он обнаружил в трюме капризного старца Бартхольда, сторожившего сундуки в отсутствие остальных пилигримов, бродивших по сельскому рынку. Небольшого роста, с жестким ежиком седых волос, мутно-голубыми глазами и вызывающе выпяченным подбородком, Бартхольд хромал — одна его нога неправильно срослась после перелома. Теперь он сидел на бочонке, с посохом и кружкой можжевелового пива под рукой. У него за спиной была распахнута откидная панель, служившая сходнями — из открытого проема в трюм проникали отраженный свет Пфитца и порывы прохладного ветерка, приносившего резковатый запах моря.

«Почему вы не на берегу, со своими спутниками?» — поинтересовался Монкриф.

Опираясь на посох, Бартхольд рывком встал на ноги и махнул посохом в сторону сундуков: «Кто-то должен сторожить сакральные реквизиты. Братья-пилигримы доверили мне эту обязанность».

«И у них, надо полагать, на это были все основания», — пробормотал Монкриф. Он сделал еще несколько шагов и присмотрелся к сундукам. Изготовленные из плотного темного дерева, они были окованы бронзовыми полосами с выдавленным сложным орнаментом. На каждом сундуке висел тяжелый бронзовый замок. «Какой из сундуков открыт для осмотра?» — простовато-невинным тоном спросил Монкриф.

«Никакой! Все они опломбированы, на каждой пломбе — оттиск церемониальной печати владельца. И не вздумайте проказничать — к сундукам не велено никого подпускать. Причем я ни для кого не делаю исключений!»

Монкриф придал голосу авторитетную весомость: «Будьте добры, отойдите! Я желаю осмотреть сундуки — и вправе это сделать, так как мне принадлежит, как вам известно, львиная доля их содержимого».

«Ха-ха! Не наводите тень на плетень! Вполне может быть, что вам принадлежат какие-то реквизиты, но вам не принадлежат ни сундуки, ни бронза, ни пломбы со священными символами! Кроме того, я вам не доверяю!» Старец взмахнул посохом: «Ничто не заставит меня нарушить свой долг!»

«Если капитан Малуф заглянет в трюм и вы трахнете его по голове своей тростью, вам не поздоровится!» — предупредил его Монкриф.

Бартхольд только презрительно хрюкнул и угрожающе повертел посохом. Монкриф вернулся в салон. В ту же минуту Шватцендейл вышел из камбуза, где он пробовал «полинезийский пунш» Винго — любопытное сочетание свежего кокосового молока, [2] лаймового сока и рома, приправленное чайной ложкой абрикосового бренди. Заметив призывную жестикуляцию Монкрифа, механик присоединился к нему за столом салона: «У вас мрачный и недовольный вид. Что случилось?»

«Если хотите знать, я боюсь бедности — не говоря уже о ее побочных эффектах».

«Вполне разделяю вашу боязнь. Только страхом нищеты я оправдываю опустошение казны пилигримов — хотя, признаться, мне доставила немалое удовольствие возможность натянуть нос этим мошенникам».

Монкриф хмыкнул: «Скорее всего, и мой, и ваш выигрыш — не более, чем фикция».

«Неужели? Почему же?»

«Мы играли с пилигримами, доверяя их словам, словно они отчеканены из чистопробного серебра. Мы рисковали полновесной монетой, а они подсунули нам кусочки картона, оценив их в десять сольдо каждый. Все это очень хорошо и замечательно — но где можно выкупить эти фишки? Только на планете Кирил, в Бесовской Высадке. Но «Гликка»

не долетит до Кирила, и у нас на руках останется груда бесполезного картона!»

Шватцендейл поднял руки, выставив вперед растопыренные пальцы и широко расставив острые локти — по-видимому, этот жест означал возмущение, смешанное с иронической насмешкой над собой: «Подлецы паломники провели нас на мякине!»

Монкриф угрюмо кивнул: «Таково мое понимание ситуации, что заставило меня серьезно задуматься. Как я уже упомянул, «Гликка» не направляется на Кирил. Пилигримов и сундуки с драгоценными реквизитами выгрузят в Коро-Коро, где им предстоит найти попутный корабль, чтобы добраться до Бесовской Высадки, в то время как мы продолжим полет к Бленкинсопу, положив в кубышку кусочки картона, как последние идиоты».

«Вы правы — позорный провал!»

«Но отчаиваться рано! Остается искра надежды. Фишки обеспечены содержимым сундуков. Утверждается, что это содержимое имеет ценность, хотя никто толком не объяснил, почему реквизитам паломников приписывается какая-то стоимость. Может быть, они везут древние реликвии, инкрустированные драгоценными камнями! Или хорасанские миниатюры! Или розовые тюрбаны, расшитые черными узорами! Мы просто-напросто не располагаем достаточной информацией».

Шватцендейл хлопнул в ладоши: «Следует немедленно реализовать наш выигрыш — и чем скорее, тем лучше! Конечно же, паломники взвоют и будут упираться, но что с того?»

«Мы вправе получить то, что нам причитается, — отозвался Монкриф. — По меньшей мере, у нас есть достаточные основания требовать передачи собственности. С этим паломникам будет трудно спорить».

Шватцендейл вскочил на ноги: «Предлагаю действовать немедленно. Пилигримы на рынке — скорее всего, торгуются с местными проститутками».

Монкриф тоже встал: «Прежде всего следует преодолеть одно несущественное препятствие. Сундуки сторожит старый хрыч по имени Бартхольд — наглец, каких мало. Если бы мы смогли как-нибудь его отвлечь, сумели бы вы открыть один из сундуков?»

«Несомненно! Это нетрудно».

«В таком случае приступим к делу».

Монкриф нашел Фрук, Плук и Снук в камбузе, где они в свою очередь оценивали достоинства «полинезийского пунша». Монкриф привел их в салон и усадил в кресла вокруг низкого столика, после чего доверительно обратился к девушкам: «Мне нужно многое с вами обсудить, но всему свое время. В данный момент возник важнейший вопрос, требующий безотлагательного решения».

«Ага! — воскликнула Снук. — Значит, вы тоже считаете, что Сиглаф не хватает очарования, и что ей следует брать уроки изящных манер?»

«Конечно, я так считаю, но это не совсем то, что я имею в виду». Монкриф приступил к объяснениям и дал девушкам подробные указания. Им не понравился его замысел.

«Слишком скучно! — заявила Фрук. — Это не в нашем стиле».

«Даже в каком-то смысле неприлично, — заметила Плук. — После этого, чего еще вы от нас потребуете?»

Снук повела плечом: «Не хотела бы даже догадываться».

«В любом случае, с этим можно подождать денек-другой», — уверенно заявила Фрук.

«А я догадалась, как решить этот вопрос! — воскликнула Плук. — Сиглаф и Хунцель справятся гораздо лучше нас! Им все равно больше нечего делать».

Монкриф придал голосу всю возможную суровость: «Девочки, я не хочу слышать

никаких отговорок! Вы обязаны мне помочь!»

Плук жалобно протянула: «Имейте сострадание! Мы неспособны на такие проказы — тем более, что придется иметь дело с каким-то сквернословом, пропахшим чесноком и перегаром».

«Довольно, без шуток! — Монкриф погрозил девушкам пальцем. — Если не будете слушаться, больше не получите никаких сладостей и деликатесов!»

«Неправда! — деловито заявила Снук. — Мы можем у вас выпросить все, чего захотим».

Монкриф усмехнулся: «Тем не менее! Сегодня вы должны сделать то, о чем я прошу — и за это каждая получит коробку фруктовых леденцов».

«А, это другое дело!»

Девушки бегом спустились в трюм и принялись дразнить старого Бартхольда. Они садились ему на колени, тянули за нос, дули ему в уши. Плук задрала ему рубаху, и Снук стала щекотать ему спину соломинкой.

«Вы на удивление хорошо сохранились! — говорили они ему. — Где еще можно встретить такого отважного, свирепого силача! Мы трепещем!»

«Вы надо мной смеетесь! — Бартхольд освежился парой внушительных глотков можжевелового пива. — Тем не менее, я и вправду все еще силен и на все готов! Еще как готов!» Он схватил Плук, посадил ее на колени, прижал к себе и стал лапать: «Да уж, девочки, таких, как вы, поискать надо! Приятные штучки! Ха-ха! А это у нас что такое?»

«О! Сами знаете — мы все сделаны одинаково».

«Ха-ха! А что, если я возьмусь за обе сразу?»

«Пожалуйста! Разве мы не ваши маленькие невинные подружки? Но не я одна такая — видите, мы все раскраснелись и тяжело дышим!»

Бартхольд скорбно покачал головой: «Жаль, что первой может быть только одна».

«Верно — но кто из нас?»

«А мы это определим тайным голосованием. Выстраивайтесь в ряд, а я буду совать руку под ваши милые попки, и таким образом выбор будет сделан».

«Но только не в этом ужасном трюме. Панель открыта — спустимся на пляж!» Девушки сбежали по сходням, и Бартхольд поспешил за ними.

«А теперь становитесь строем, как договорились», — сказал запыхавшийся старик.

«Ха-ха! Сначала нас поймайте!» — девушки отскочили и принялись бегать по пляжу. Умоляя их повременить, хромой Бартхольд пустился в погоню, опираясь на посох одной рукой, а другой размахивая кружкой с остатками пива.

Тем временем Монкриф сказал Шватцендейлу: «Берите инструменты — давайте посмотрим, чего сто́ит фишка паломников». Они спустились в трюм, подняли панель, служившую сходнями, и наглухо закрепили ее зажимами изнутри, после чего Шватцендейл закрыл мастер-ключом дверь трюма, ведущую на лестницу, чтобы Бартхольд не мог вернуться. Механик взял инструменты и приступил к взлому ближайшего сундука. Наскоро осмотрев замок, пломбы и бронзовые полосы, он осторожно вскрыл монтировкой соединения тыльной доски сундука, не повредив при этом ни одной пломбы. Содержимое было аккуратно упаковано в картонные коробки: множество маленьких мешочков, не содержавших ничего, кроме сухого грунта или компоста, очевидно не представлявшего собой никакой ценности.

Обменявшись взглядами, Монкриф и Шватцендейл обреченно пожали плечами — их надежды не оправдались. Не говоря ни слова, Шватцендейл восстановил целостность

сундука. Открыв дверь, ведущую в трюм, они поднялись по лестнице.

2

Неподалеку от того места, где Абель Мерклинт когда-то построил свой первый и последний дом, расположился салун «Сонк» с роскошным видом на залив Сонгерль — скрипучее обветшавшее сооружение из обесцвеченных морским ветром тесаных брусьев, с обширной верандой и крышей, разделенной дюжиной причудливых слуховых окон. Боковая пристройка служила обеденным залом, где столы были расставлены вокруг танцевальной площадки.

Направляясь в трактир, Шватцендейл и Монкриф повстречались с тремя танцовщицами — Фрук, Плук и Снук играли в прибое, запрыгивая в пенящуюся воду и отбегая, когда накатывалась волна. Увидев антрепренера, они прервали это занятие, подбежали и, возбужденно перебивая одна другую, рассказали о том, как они сбежали от старого Бартхольда, оставив его барахтаться в лабиринте колючего кустарника; теперь они намеревались раздеться и поплавать в прибое голышом. Монкриф хлопнул себя ладонью по лбу и, поначалу не находя слов, указал пальцем на нечто вроде черной трубы, поднявшейся метра на два над поверхностью моря, довольно далеко от берега: «Видите эту трубу? У нее на конце — глаз чудовищной твари, известной под наименованием «монитор-трапеноид». Как только вы войдете в воду по пояс, три или четыре щупальца дотянутся до вас, схватят за лодыжки и затащат в черную подводную пасть. Даже если бы здесь не было монитора, в заливе водится рыба-нож — ее спинные плавники, твердые, как металл, острее бритвы. Налетев стаей, рыбы-ножи тут же разрежут вас на кусочки и растащат их, чтобы спуститься на дно и накормить свой молодняк. Кроме того, тут водятся нефринги с носами-иглами, а также гакко — рыбы с головами, напоминающими маленькие губки. Когда такая губка прикасается к человеку, на коже вспухает зеленая язва, быстро разъедающая плоть, если ее сразу не вырезать. Плескаться в водах залива Сонгерль не рекомендуется».

Три девушки в ужасе пискнули и отскочили от воды. «Наша жизнь висела на волоске», — упавшим голосом сказала Плук.

«Подумать только! — воскликнула Фрук. — Мы едва не познали то, что Полоскун называет «потусторонними тайнами»».

«На корабле все стали бы нас оплакивать! — почтительным тоном прибавила Снук. — И, конечно, здесь — на этом самом месте — нам поставили бы памятник!»

«Ну вот, морские чудища испортили нам весь день! — пожаловалась Плук. — Что теперь делать?»

«Прежде всего, нам нужно серьезно поговорить, — властным тоном произнес Монкриф. — Необходимо подумать о будущем».

«Нет никакой необходимости думать о будущем! — торжественно заявила Плук. — По словам Сиглаф, она уже обо всем подумала, и нам предстоит самое замечательное будущее».

«Даже так! — отозвался Монкриф. — И, конечно же, мудрые дуэньи рассказали вам об этом замечательном будущем во всех подробностях?»

«Рассказали, а как еще? — рассеянно обронила Флук. — В Каксе мы станем принцессами — хотя это не так-то просто и не у всех получается. Нужно иметь связи и знать влиятельных людей».

«В Каксе статус важнее всего, — пояснила Снук. — Нас познакомят с местной элитой».

«Сиглаф и Хунцель уже несколько раз объясняли, что́ мы будем делать на Бленкинсопе, — серьезно прибавила Плук. — Нас ждет приятная и обеспеченная жизнь. Нас

будут возить в золоченых экипажах и кормить деликатесами. Нам все будут завидовать!»

Монкриф вздохнул и покачал головой: «Ох, девочки, девочки! Такие галантные, такие доверчивые! Боюсь, что правда вас очень разочарует. Пойдемте, сядем подальше от прибоя, и я расскажу все, что вам нужно знать».

Шватцендейл прошелся дальше по пляжу к салуну «Сонк». Вся остальная команда «Гликки» уже сидела на веранде, распивая ромовый пунш и наслаждаясь видом на залив. К астронавтам присоединились два пилигрима: Полоскун и эрудированный седовласый господин по имени Линус Кершо. Оба до сих пор воздерживались от участия в азартных играх и поэтому сохранили бóльшую часть своих сбережений. Узнав, что Кершо был магистром доксологии и доктором онтологических наук, Винго завязал с теологом разговор, интересуясь его взглядами. Они обсудили несколько различных вопросов, в том числе доктрину клантических расколоборцев. Винго признался в своем невежестве и попросил дать понятное определение этого учения, что вызвало улыбку на лице Линуса Кершо.

«Это сложный и многогранный комплекс представлений, маловразумительный по своей природе. Тем не менее, я могу предложить определение, если можно так выразиться, «костяка» нашей доктрины — надеюсь, этого будет достаточно».

Полоскун прокашлялся и произнес самым «культурно-образованным» тоном: «Если я могу позволить себе подобающее случаю замечание, я уже давно размышлял на эту тему и, по сути дела, завершил компиляцию кодифицированных формулировок «тринадцати скрупулезных уточнений»…»

«Благодарю вас, — прервал его Кершо. — В данном случае нет необходимости углубляться за пределы диспозитивных свидетельств, так как мы не хотим обременять ум господина Винго более чем самыми основными замысловатостями».

Полоскун довольно-таки высокомерно пожал плечами: «Никакие разъяснения не позволят проникнуть в суть вещей, если мы не упомянем об обращенных умозаключениях».

«Лучше синица в руке, чем журавль в небе, — сказал Винго. — На мой взгляд, эта древняя пословица все еще не потеряла свой смысл».

«Совершенно верно, — согласился Кершо. — Что ж, я сделаю все, что могу».

Полоскун отважно вмешался: «Если, паче чаяния, Кершо упустит какую-нибудь деталь доктрины, я, конечно же, смогу о ней напомнить. Или, если хотите, я могу сопровождать его изложение периодическими комментариями».

Кершо устремил на молодого паломника вопросительный взгляд — тот внезапно замолчал. Через некоторое время Полоскун спустился с веранды на пляж и стал сосредоточенно швырять камешки в прибой.

«Наш символ веры нельзя назвать непосредственно доступным случайному любителю философии, — сказал Кершо. — Тем не менее, в каком-то смысле он предельно прост. Основное учение заключается в том, что каждый индивидуум волей-неволей создает свою собственную вселенную, в которой он является верховным существом. Как вы могли заметить, мы не используем термин «бог», так как влияние индивидуума не носит всеобъемлющий или всепроникающий характер — у каждого человека свое неповторимое представление о характере и цели мироздания. Допускается, что тот или иной индивидуум способен в какой-то степени манипулировать тенденциями развития или — если можно так выразиться — наклонностями объективной Вселенной. В результате каждый индивидуум населяет такую вселенную, какой он заслуживает — как если бы условия среды его обитания выделялись, подобно поту, из пор его интеллектуальной оболочки. Поэтому, если

окружающая его личная вселенная лишена очарования, он нередко уклоняется от необходимости признать свою ответственность и притязает на контроль исключительно над ограниченной персональной средой».

Винго поджал губы: «Возможно, такие люди руководствуются скромностью или даже смирением, что, принимая во внимание характер их вероучения, представляется вполне целесообразным».

«Любопытное наблюдение! — вежливо отозвался Кершо. — Тем не менее, согласно клантической доктрине, каждый индивидуум живет в условиях, формируемых его способностями. Следствия такого взгляда на вещи часто нарушают душевный покой».

«Вполне вас понимаю, — кивнул Винго. — К этому можно было бы прибавить, что преодоление трудностей перекрестной кодификации, по-видимому, становится бесконечной задачей».

«Вот именно! Окончательное преодоление таких препятствий было бы эквивалентно однозначному решению системы огромного множества уравнений, содержащих неопределенное число неизвестных переменных, причем без использования матриц. Работая в Институте, в свое время я пытался сформулировать уравнение, которое позволяло бы согласовать все возникающие диссонансы. Мой метод заключался в исключении взаимно сокращающихся элементов, которые я называл «аберрациями» и «агрессивными членами», с обеих сторон уравнения».

«И что же?»

«Я добился успеха, но успех скорее привел меня в замешательство, нежели внес какую-либо ясность. В конечном разрешении я получил в высшей степени многозначительное равенство: небытие есть небытие».

«Странно, очень странно! — пробормотал Винго. — По-видимому, на этом уровне мы углубляемся в мистическую сферу. Так, как если бы мы шли по ночной дороге, озаренной лунным светом, и нам преградила путь, поднимая руку, высокая фигура без лица».

Кершо мрачно кивнул: «В тот памятный день все, что мне нужно было знать, стало предельно ясно, без фанфар и церемоний. С тех пор я отказался от дальнейших исследований, хотя продолжаю размышлять о многообразных пертурбациях жизни по мере того, как блуждаю в пространстве».

Два человека сидели молча, глядя на набегающие и отступающие волны прибоя. Тем временем Полоскун продолжал швырять камни, время от времени почти попадая в перископ монитора-трапеноида, находившийся теперь гораздо ближе к берегу, чем раньше. Один из официантов трактира позвал Полоскуна и обратил его внимание на поведение монстра, волнообразно изгибавшего ранее неподвижную шею-трубу. Полоскун испугался, отошел подальше от воды и перестал кидать камни. Перископ морского хищника несколько раз раздраженно дернулся из стороны в сторону, после чего стал удаляться от берега, возвращаясь на прежнюю позицию. Полоскун сел на бревно, обратившись лицом к белой звезде Пфитц, погружавшейся в гряду кучевых облаков на горизонте.

Кершо заметил: «Если не ошибаюсь, у Полоскуна несчастный вид. Хотел бы я знать, что вызвало у него такое огорчение».

Винго усмехнулся: «Думаю, что причина мне известна. Он считает, что Монкриф надул его, тем или иным образом, и выудил у него пять сольдо».

«Странно! Полоскун исключительно осторожно расходует свои деньги».

«Не сомневаюсь. Ему показалось, однако, что он заметил промах в одном из фокусов

Монкрифа, и он не удержался от пари, рассчитывая с легкостью избавить Монкрифа от десяти сольдо».

«Увы! Во многих отношениях Полоскун слишком наивен и доверчив. Но что подвело его на этот раз?»

«Боюсь, всему виной его собственная алчность. Монкриф вертел в руках тонкое веревочное кольцо, надевал его на пальцы и растягивал, демонстрируя различные сетчатые узоры — так называемые «кошкины люльки». Перед тем, как растянуть кольцо, Монкриф утверждал, рискуя десятью грошами, что Полоскун не сможет предсказать следующую конфигурацию. Полоскун, однако, внимательно наблюдал за движениями пальцев и правильно предсказывал результаты, каждый раз выигрывая по десять грошей. Поэтому Полоскун уверился в своей способности разгадать ухищрения Монкрифа к тому времени, когда тот вручил ему острый перочинный нож и, растянув переплетенное кольцо пальцами обеих рук, заявил, что Полоскун не сможет разре́зать веревку так, чтобы кольцо распалось и превратилось в отрезок с двумя концами. Полоскун утверждал, что сможет это сделать без малейшего труда. Монкриф предложил ему доказать свою правоту, говоря, что готов рискнуть десятью сольдо против пяти сольдо Полоскуна. Полоскун с готовностью выложил на стол пять монет и разре́зал верхнюю часть веревки, туго натянутой между пальцами Монкрифа. «Абракадабра! — провозгласил Монкриф. — Пусть кольцо срастется снова!» Полоскун взял веревочное кольцо и убедился в его неразрывности. Тем временем Монкриф собрал со стола пять сольдо. Полоскун пинал стулья и рвал себя за волосы, но тщетно! Он все еще носит с собой это веревочное кольцо и время от времени рассматривает его, надеясь найти разрез».

Кершо иронически покачал головой: «Полоскуну не следует придавать слишком большое значение этой неудаче — это может подвергнуть сомнению его понимание неповторимой вселенной, находящейся под его личной ответственностью».

Винго взглянул на Полоскуна, продолжавшего сидеть на бревне лицом к закату и возобновившего, на безопасном расстоянии от моря, бомбардировку прибоя камешками.

«Увы! — снова нарушил молчание Кершо. — Полоскун может не последовать моим рекомендациям».

Два собеседника осушили бокалы и подали знак официанту, чтобы тот снова их наполнил. Через некоторое время Винго сказал: «Пока вы рассказывали об уравнении небытия, я вспомнил пару эпизодов из своего не слишком бурного прошлого. Вас могло бы заинтересовать присущее им отсутствие логики».

«Говорите! — фаталистически махнул рукой Кершо. — Каждый миг существования сам по себе — чудо, так же, как каждая песчинка этого пляжа».

«Я тоже так думаю, — заявил Винго. — Так же, как вы, я давно надеялся синтезировать случайности космоса и обнаружить в них гармонию единства. Я прошел в этом направлении долгий путь, и время от времени мне удавалось находить решение некоторых очевидных парадоксов — но мне все еще не дает покоя пара неразрешимых противоречий».

«Всего лишь пара? — Кершо сардонически усмехнулся. — Надо полагать, вы на самом деле глубокий мыслитель! Так в чем же состоят эти противоречия?»

Винго собрался с мыслями: «Оба носят основополагающий характер, хотя относятся к различным аспектам. С первым противоречием я столкнулся еще в молодости, присутствуя на диспуте двух многоуважаемых ученых мужей. Они придерживались фундаментально противоположных точек зрения. Один заявлял, что Вселенную сотворило извечное

божество; другой утверждал, что извечный космос сам по себе выполняет оплодотворяющую функцию и периодически генерирует очередное «сотворение Вселенной» исключительно с целью создания самовоспроизводящейся модели себя самого. Мало-помалу аргументы мудрецов стали напоминать перепалку базарных торговок, так как их гипотезы были взаимоисключающими — допустив одну, необходимо было отвергнуть другую. Тогда я никак не мог понять, какое из двух мировоззрений соответствует действительности, и до сих пор не могу сделать окончательный вывод».

«Вы оказались в неудобном положении, — признал Кершо. — Безмятежное философское отношение к жизни возможно только в том случае, если оно зиждется на неоспоримой истине».

Сидевший поблизости Мирон прислушивался к разговору и решился вставить замечание: «Говорят, что от барона Бодиссея Невыразимого однажды потребовали, чтобы он определил Истину. Его взгляды не обязательно имеют непосредственное отношение к предмету вашего разговора, но, как всегда, заставляют взглянуть на вещи с неожиданной точки зрения».

«Так что же? — подбодрил его Шватцендейл, также примкнувший к беседе. — Что сказал по этому поводу достопочтенный барон?»

«Дело обстояло таким образом. Однажды в полночь ученик заглянул в темную спальню барона и разбудил его: «Учитель! Меня снедает тревога, я не могу спать! Скажите сразу, объясните наконец: чтó есть Истина?»

Барон стонал и ругался, но в конце концов поднял голову и проревел: «Почему ты беспокоишь меня из-за такой ерунды?»

Запинаясь, ученик ответил: «Потому что я — невежда, а вы — мудрец!»

«Ну хорошо! Да будет тебе известно, что Истина — веревка с одним концом!»

Ученик не отставал: «Я все-таки чего-то не понимаю! Как быть с дальним, недостижимым концом?»

«Идиот! — взорвался барон. — Это и есть единственный конец веревки!» С этими словами барон опустил голову на подушку и снова заснул».

«Забавно! — одобрил Кершо. — Я не смог бы лучше сформулировать сущность затруднения, с которым столкнулся Винго». Повернувшись к Винго, он спросил: «А в чем заключалась ваша вторая проблема?»

«Это парадокс, вызывающий у меня постоянное беспокойство, — сказал Винго. — Судя по всему, он не поддается критике чистого разума».

«Как минимум, вы можете предложить нам любопытную задачу, — отозвался Кершо. — Будьте добры, продолжайте».

«Мне снова придется вспомнить дни моей молодости, когда я был студентом в Органоне. Наш профессор математики придерживался весьма нетипичных взглядов; кроме того, он терпеть не мог ханжество и лицемерие. По его словам, традиционная математика была сплошным жульничеством и обманом, потерявшим всякую связь с действительностью. Основным изъяном он считал использование символа нуля в качестве целого числа, обозначающего «ничто». Применение нуля, по мнению профессора, было смехотворным извращением, так как «ничто» не существует. Он указывал на тот факт, что «отсутствие чего-либо» ни в коем случае не эквивалентно существованию «ничего», утверждая, что производить расчеты с помощью нуля в качестве целого числа значило издеваться над логикой и здравым смыслом, и что рассматривать «нуль» как полезную фикцию могли

только идиоты. Думаю, что его аргументы убедительны — тем не менее, когда я применяю таблицу умножения на основе его обоснованных, приближенных к реальности математических принципов, я получаю, сплошь и рядом, ошибочные результаты».

Кершо с сомнением покачал головой: «Даже если традиционная таблица умножения — олицетворение ханжества и жульничества, теперь уже поздно что-либо менять. Разрушать до основания устоявшиеся представления опасно».

«Я тоже так считаю, — поддакнул Мирон. — Лучше уж пользоваться привычной системой, даже если она неправильна. Иначе каждый раз, покупая что-нибудь, придется бесконечно спорить о сдаче».

Винго разочарованно хмыкнул и пригубил пунш: «Во всем этом скрывается какая-то ошибка».

Белое солнце Пфитц опускалось за горизонт в суматохе кучевых облаков. Небо разгорелось пунцовыми и розовыми тонами, после чего стало меркнуть — сполохи становились темно-малиновыми и сливовыми: сумерки снизошли на залив Сонгерль. Вдоль берега перемигивались небольшие костры — местные жители готовили в котелках какое-то варево из множества дразнивших обоняние ингредиентов.

В пристройке салуна «Сонк» за цветными абажурами зажглись тусклые лампы, таинственно озарявшие настенные холсты, искусно расписанные сепией, сажей и умброй. На эстраде в дальнем конце трактирного зала стояла старая обшарпанная маримба, явно самодельная, с пластинками из твердого дерева, подвешенными на бамбуковой раме. Слева от эстрады, у выхода в кухню, Мирон заметил Монкрифа, увлеченного разговором с дородным краснолицым субъектом в белом переднике и высоком белом колпаке. Оба размахивали руками и постукивали пальцами одной руки по ладони другой, очевидно договариваясь об условиях какой-то сделки.

Места за столами на веранде и в пристройке заполнялись, кухонный персонал начинал подавать ужин: миски с ухой, хлеб, сыр и холодное мясо с маринованными овощами. В песке на пляже два официанта вырыли неглубокую канаву метра три длиной, заполнили ее сучковатыми черными поленьями и развели огонь. Поверх канавы установили длинную решетку на шести раскосых опорах и, когда пламя унялось и поленья превратились в пышущие жаром угли, на решетку положили жариться нечто длинное, завернутое в банановые листья.

Тем временем в пристройке происходили драматические события, а именно ссора между дородным трактирщиком, Айзелем Траппом, и одним из его подчиненных, хилым подростком по имени Фритцен. Что-то привело трактирщика в неописуемую ярость. Он выкрикивал изобретательные ругательства и дико жестикулировал — так, что Фритцену не раз приходилось отшатываться, чтобы не препятствовать движению угрожавших ему мясистых дланей. В какой-то момент Трапп швырнул на пол свой белый колпак и принялся топтать его ногами. Фритцен стоял, ссутулившись и опустив голову. Когда он осмелился что-то пробормотать в свое оправдание, Трапп заорал еще громче, и подросток, в отчаянии всплеснув руками, стал вертеть головой в поисках какого-нибудь убежища. В конце концов он поспешил туда, где эстрада примыкала к правой стене, и вытащил из-за маримбы видавший виды большой барабан. Судя по живописному изображению на некогда глянцевой поверхности, барабан сей, переживший немало музыкальных битв, был некогда изготовлен на Древней Земле: кот в ботфортах и черном сомбреро с колокольчиками полулежал на мраморной скамье, перебирая струны гитары и обратив восторженную сладостными звуками

мордочку к желтому месяцу в темно-синем небе. На заднем плане клонились к морю три кокосовые пальмы, придававшие картине романтически-тропическое настроение.

Айзель Трапп подобрал с пола свой поварской колпак, отряхнул его об колено, чтобы расправить, и натянул на лысину с довольным выражением человека, хорошо сделавшего дело, после чего вернулся на кухню. Как только трактирщик удалился, Фритцен начал угрюмо постукивать полумягкими молоточками по пластинкам маримбы, производя нестройные случайные сочетания звуков. Тут же, как по сигналу, с заднего хода в трактирный зал проскользнуло любопытное существо: карлик с синевато-серой кожей, настолько мутировавший во многих отношениях, что он казался представителем нечеловеческой расы. На его большой пучеглазой голове торчала серовато-желтая щетина, жесткая, как стержни птичьих перьев. Длинные тощие ноги поддерживали небольшой пузатый торс. Он носил потрепанную бурую блузу и словно приросшие к нему тускло-зеленые трико в обтяжку. Вскочив на эстраду, карлик уселся, скрестив ноги, за барабаном. Фритцен продолжал что-то несвязно наигрывать на маримбе. Остановившись, подросток отложил молоточки, отрегулировал резонирующие пластинки, снова взял молоточки и сыграл длинное арпеджио снизу вверх, проверяя на слух весь диапазон. Это занятие ему явно наскучило. Бросив молоточки, Фритцен уселся, свесив ноги, на краю эстрады. Карлик принялся постукивать по барабану подушечками и костяшками пальцев, негромко наигрывая пульсирующий ритм. Айзель Трапп выскочил из кухни и что-то проревел; Фритцен притворился, что не слышит. Трапп угрожающе шагнул к эстраде. Фритцен лениво поднялся на ноги, отмахнулся от Траппа, вернувшегося на кухню, подобрал молоточки и атаковал маримбу. Сначала он бесцельно перебирал пластинки, извлекая из инструмента позвякивающие и глухо вибрирующие диссонансы, но мало-помалу сосредоточился, и с эстрады донеслась тоскливо подвывающая мелодия.

Наконец Фритцен исполнил изобретательную восьмитактовую коду, и музыка смолкла. Обернувшись к карлику-барабанщику, паренек усмехнулся, по-волчьи оскалив зубы — тот ответил невозмутимым взглядом выпученных глаз.

Вспомнив о необходимости сохранять достоинство, однако, Фритцен стер с лица улыбку прежде, чем ее успел заметить Трапп, благосклонно выглянувший из кухни.

Теперь, словно не понимая, чем еще он мог бы заняться, Фритцен нахмурился, глядя на маримбу, и стал регулировать пластинки, непрерывно что-то бормоча или, возможно, ругаясь вполголоса. Через некоторое время, будучи удовлетворен настройкой, он пробежался молоточками вверх и вниз по пластинкам — маримба отозвалась переливчатым фейерверком звуков. Фритцен приступил к исполнению новой, синкопированной мелодии в бодром темпе, заканчивая паузами вопросительно звучащие каденции, чтобы барабанщик мог вставить очередной импровизированный вихрь шелестящих перестуков и глухих ударов.

Таким образом исполнение продолжалось минут двадцать — маримба производила глуховатые, нерезкие, чуть плавающие звуки, а барабан, тоже приглушенный, обеспечивал ненавязчиво подгоняющий ритм. Мелодии следовали одна за другой — тоскливые, задумчивые, мрачно маршеобразные. Веселых наигрышей не было: никаких джиг, тарантелл, быстрых вальсов или других танцевальных мотивов — ничего, что побуждало бы пуститься в пляс и кружиться, притопывая, подпрыгивая и размахивая руками.

«Любопытно!» — подумал Мирон. Он задержал одного из официантов: «У вас тут необычные музыканты! Они здесь постоянно выступают?»

Официант критически взглянул на эстраду: «Только не барабанщик. Он — дикарь-

клугаш из Гаммы, забрел сюда просить милостыню. Трапп решил, что, как любой другой клугаш, он сумеет неплохо стучать по барабану. Маримба — другое дело. В свое время бабка Траппа заказала инструкции и сама ее изготовила из всяких обломков и обрезков. Но маримба только пылилась в сарае, пока Траппу не пришло в голову, что кухонный персонал слишком много получает и слишком мало работает. Он собрал всех судомоек, поварят и прочих бездельников и объявил, что больше не позволит им слоняться вокруг да около, притворяясь, что они чем-то занимаются. Теперь им придется выходить на эстраду и играть на маримбе. Поварята стали наперебой возражать, утверждая, что у них нет никакого слуха, но Трапп сказал, что ему известен способ исправить этот недостаток, не прибегая к немедленному увольнению. Он взял сборник нот, принадлежавший его бабке, разорвал его на части и вручил каждому поваренку по разделу. Фритцену достался раздел погребальных гимнов, скорбных баллад и тому подобного». Официант усмехнулся: «Фритцену вообще не везет. Сегодня, ошпаривая лук-порей в кипящем масле, он прервался, чтобы высморкаться — Трапп это заметил и набросился на него, как бешеный пес. И вот, теперь Фритцену приходится играть на маримбе». Заметив выходящего из кухни Траппа, официант поспешил выполнять свои обязанности.

Прошло десять минут, и Мирон стал свидетелем еще одного странного события. В пристройку через задний вход проникли три молодые женщины. Держась в тени, они потихоньку приблизились к эстраде. Цветные фонари, тусклые и мерцающие, не позволяли хорошо разглядеть их лица, но Мирон не преминул заметить грациозную гибкость темно-коричневых тел; их черные волосы, подстриженные спереди на уровне середины лба, спускались до плеч, закрывая уши. Выше пояса они были обнажены — только небольшие колпачки прикрывали их груди; ниже пояса на них были длинные юбки из плетеных пальмовых волокон — волнообразно покачиваясь при ходьбе, волокна эти то и дело приоткрывали стройные ноги. У каждой в руках была небольшая гитара; ненавязчиво пристроившись сбоку у эстрады, они стали перебирать струны, подстраиваясь к звукам маримбы.

Мелодия смолкла. Фритцен поглядывал вниз, на трех темнокожих девушек, без всякого энтузиазма.

Девушки сыграли короткое вступление и принялись тихо напевать — по-видимому, на каком-то экзотическом наречии, потому что слова не поддавались пониманию. Но это не имело значения: музыка достаточно передавала настроение. Фритцен прислушался, пожал плечами и стал наигрывать приглушенный аккомпанемент. Девушки пели сладкими тихими голосами, полными тоски по далеким, неизвестным родным местам — они пели об увядающих воспоминаниях детства, о невыносимом бремени предательской судьбы.

Еще один сюрприз! В тенях у эстрады появилась фигура в наряде странствующего музыканта — в свободном черном плаще с высоким воротником «готического» покроя, в мягкой шляпе с широкими опущенными полями, надвинутой на лицо, и так уже наполовину скрытое пышными черными усами и бакенбардами. Музыкант нес подвешенную на наплечном ремне гармонь; усевшись на краю эстрады рядом с девушками, он раздвинул гармонь и стал перебирать пальцами кнопки, слегка подчеркивая ритм переливчатым бисером арпеджированных аккордов.

Песня кончилась. Странствующий музыкант сбросил черный плащ — под ним оказалась черная бархатная куртка, украшенная серебряными пуговицами и двумя симметричными вышивками из искристых красных и синих нитей. Теперь музыкант надвинул шляпу на лоб

еще ниже — так, что она почти прикасалась к висящим пушистым усам. Сыграв четыре протяжных аккорда, он кивнул девушкам, и те спели протяжную балладу — так тихо, что слова снова нельзя было разобрать, хотя их трагический смысл был очевиден.

Баллада закончилась, разговоры в трактире затихли, и минуту-другую можно было слышать только почти беспрерывный шорох прибоя, набегавшего по диагонали на песчаный берег. Но тихо звенящие струны гитар проснулись — зазвучала новая, тихая и медленная песня, сладостно тоскующая о чем-то безвозвратно потерянном. Песня постепенно замедлялась и растягивалась, маримба умолкла, голоса превратились в еле слышные мелодичные вздохи, словно улетающие с ветром, и наступила тишина. Музыки больше не было.

Фритцен спустился с эстрады и присел на скамье в темном углу. Барабанщик тоже спрыгнул на пол. пробежал трусцой к заднему выходу и скрылся. Музыкант в черной бархатной куртке отложил гармонь, обменялся парой слов с Фритценом, сходил на кухню, вернулся с широким круглым блюдом и бросил в него пригоршню монет.

«Ага! — подумал Мирон. — Наживка на крючке, не так ли?» Будь под рукой Монкриф, он воспользовался бы таким трюком без малейших угрызений совести. Мирона осенило внезапное подозрение. Приглядевшись, он внимательно изучил внешность странствующего музыканта. Разумеется! Не могло быть никаких сомнений. Игравший на гармони бродяга, скрывавший физиономию обвисшими полями шляпы, бакенбардами и пышными усами, был не кто иной, как Проныра Монкриф!

И еще одно неожиданное прозрение тут же осенило Мирона. Три темнокожие черноволосые девушки — кто они? Когда он решил рассмотреть их получше, они уже потихоньку исчезли, одна за другой, за дверью черного входа. Но и в этом случае напрашивался неизбежный вывод! Снук, Плук и Фрук выкрасили кожу, переоделись и напялили парики — так, что их почти невозможно было узнать! Но и в таком виде они были настолько притягательны, что воображение невольно дорисовывало головокружительные картины.

Монкриф ходил от стола к столу, встряхивая звенящее монетами блюдо и в то же время вступая в оживленные непродолжительные беседы с туристами из гостиниц Сонка, находившими его исключительно колоритной личностью. После того, как блюдо пополнялось достаточно щедрыми чаевыми, Монкриф переходил к следующему столу, и процедура повторялась.

Наконец находчивый шарлатан приблизился к столу Мирона и жалобным голосом произнес: «Сударь, перед вами бедный гармонист, родившийся в семье странствующих паяцев и обреченный вечно скитаться, зарабатывая тяжким трудом на скудное пропитание! Сегодня я сделал для уважаемых посетителей салуна все, что мог, услаждая их слух голосами очаровательных певиц. Наши благородные усилия заслуживают вознаграждения, и мы от него не откажемся. Проявите щедрость, несомненно присущую такому ценителю музыки, как вы! Не скупитесь! Черпайте обеими руками из карманов, полных монет — пусть прольется золотой дождь благодарности!»

Мирон бросил в блюдо одно сольдо, и Монкриф продолжил свой обход.

На веранду вышли Фрук, Плук и Снук. Они сняли парики и смыли с кожи темный пигмент — на них снова были голубые блузы с белыми отворотами и белые юбки в голубую полоску. Преображение было полным. Девушки подошли туда, где отдыхали Винго, Шватцендейл и несколько пассажиров «Гликки»; стюард и механик галантно нашли для них

стулья и предложили им сесть. Через некоторое время явился и Монкриф, теперь уже в обычном костюме.

Официанты вынесли из вестибюля гостиницы длинный стол и поставили его на пляже неподалеку от очага, тлевшего в песчаной яме. Окружив этот стол стульями, они расстелили на нем скатерть и разместили на нем миски с зеленым острым соусом, блюда с караваями хлеба и свежими овощами, тарелки и столовые приборы. Монкриф спустился с веранды в сопровождении трех девушек. Фрук, Плук, Снук и их антрепренер расселись за длинным столом; вслед за ними с веранды стали спускаться другие, и вскоре за столом не осталось свободных мест.

Официанты принесли к пляжной жаровне широкую доску и перетащили на нее продолговатый сверток, коптившийся уже почти полтора часа. Доску со свертком водрузили на столе; когда обугленные банановые листья развернули, под ними оказался огромный морской червь-броненосец, диаметром почти с локоть и длиной два с половиной метра, окаймленный двумя противоположными рядами маленьких членистых ножек. Официанты отрубили передний хоботок и головные органы червя, а также хвостовые органы, выделявшие под давлением желтоватую пену. Отсоединив от туловища членистые ножки, они нарезали туловище на круглые ломти дюймовой толщины и разложили их по тарелкам клещевыми захватами. В каждом ломте содержался центральный слой кроваво-красных клеток, напоминавших зернышки граната; едоки выскребали этот слой ложками в миски с зеленым соусом, резали куски пополам и ели пикантную белую мякоть так, как едят мякоть арбуза, используя хлеб с зеленым соусом и красными зернышками в качестве гарнира.

К полуночи посетителям салуна, собравшимся возвращаться к «Гликке», выдали фонари и факелы, освещавшие пляж и в то же время отпугивавшие крылатых хищников-никталопов, нередко нападавших на людей. Защищенные таким образом, команда и пассажиры вернулись в космопорт и нашли безопасное убежище в своих каютах.

Поутру в трюмы загрузили еще несколько ящиков, после чего экспедитор сообщил, что дальнейшие грузы, нуждавшиеся в перевозке, должны были прибыть только через неделю. Капитан Малуф сразу же переместил «Гликку» на станцию С, в окрестностях городка Высадка Фелькера на Гамме.

~

Глава 11

Высадка Фелькера находилась на краю Необозримой Пропасти, пересекавшей континентальную толщу Гаммы. Из космопорта, на восточной окраине городка, тоже открывался вид на ущелье, в этих местах глубиной больше семидесяти метров, а в ширину достигавшее почти двухсот метров.

В пропасть спускались, расходясь и сходясь, бесчисленные шаткие мостки — так называемые «шпранги» — подвешенные, как сеть, на решетчатых фермах, нависших над обрывом; этими мостками пользовались сборщики орехов «кики», растущих на стеблях, тянувшихся ввысь из болота на дне ущелья.

Высадку Фелькера основали в незапамятные времена странствующие корреспонденты «Общества обличителей» — люди, у которых было мало общего с нынешними обитателями городка. Обличители прибыли на Марию, чтобы создать рациональное общество, основанное на гармонии с природой. Они надеялись сделать логику и целесообразную производительность инстинктивными привычками, автоматически выполняемыми функциями, подобными дыханию. Все их сооружения, например, должны были быть круглыми в плане, чтобы не образовывались углубления и углы, способствующие накоплению пыли и грязи. Каждый аспект человеческой жизни анализировался и упрощался таким образом, чтобы посредством приложения минимальных усилий достигался максимальный полезный результат.

Проходили века и тысячелетия; обычаи жителей Высадки Фелькера постепенно изменялись, их взаимосвязь с исходными принципами первопоселенцев становилась все более смутной и несущественной. Теперь правила и условности соблюдались строже, чем когда-либо, но их сущность поддавалась пониманию только посвященных. Различиями в покрое и расцветке одежды диктовались многие аспекты личных взаимоотношений — внешние признаки позволяли человеку демонстрировать, в общем и в целом, какую роль он намеревался выполнять сегодня, в зависимости от ожидаемых событий. Человек, желавший уклоняться от общения с другими, мог повязать голову черной лентой, что практически делало его невидимкой, так как никто не должен был его замечать, и все окружающие вели себя так, словно его не было. Достигшие половозрелости юноши носили головные повязки с голубой каймой, а девушки — с красной каймой; надев эти повязки, они становились друг для друга не более чем бесполыми призраками. Бракосочетания устраивались по расчету, и по завершении свадебной церемонии невеста и жених снимали друг с друга окаймленные головные повязки; предполагалось, что в этот момент они впервые «видели» друг друга — и во многих случаях, по-видимому, так оно и было. Этот ритуал был проникнут эротическим напряжением, равнозначным лишению девственности. Все присутствующие приходили в возбуждение. В момент «обнажения голов» от невесты и жениха требовалось изображение радостного изумления, после чего они исполняли традиционный танец, символизировавший посвящение в тайны супружеской жизни. Прочие участники церемонии с удовольствием пользовались случаем критически оценить исполнение танца, сравнивая его с танцами других новобрачных, критикуя ошибочные позы или обмениваясь похвалами в том случае, если танцоры соблюдали надлежащие хореографические предписания.

Центр Высадки Фелькера пересекала река Эймер; переливаясь через край Необозримой Пропасти, она распылялась водопадом. Северный берег реки считался «женским», южный

— «мужским». Мужчина, желавший посетить северный берег, обязан был закрепить на переносице небольшую пунцовую кокарду. Сходным образом, женщина, направлявшаяся на южный берег — как правило для того, чтобы посетить одну из трех находившихся там таверн, «Просперо», «Черную пробку» или «Фазираб» — должна была наклеивать на щеки кисточки из голубых щетинок.

Помыслы горожан сосредоточивались главным образом на Необозримой Пропасти и опутавшей ее сети «шпрангов». Болото на дне ущелья сплошь заросло гигантскими черными папоротниками. Листья папоротников тянулись вверх метров на тридцать, а центральные стебли возвышались над ними еще на десять метров; стебель заканчивался большим шарообразным навершием, от двух до двух с половиной метров в диаметре. Поверхность навершия покрывали, как бородавки, многочисленные стручки — каждый содержал гроздь орехов «кики», от одной мысли о которых текли слюнки у всех гурманов Ойкумены.

Таким образом, экономику Высадки Фелькера поддерживали туризм и экспорт орехов. Собирать орехи, карабкаясь по стволам папоротников снизу, было невозможно, так как на огромных черных листьях кишели ядовитые насекомые. В грунт под болотом вбили расставленные через равные промежутки составные металлические сваи, соединенные узкими подвесными мостками-шпрангами; шпранги, в свою очередь, соединялись перемычками, позволявшими переходить с одних мостков на другие и подниматься к площадкам на краю обрыва. Легкие и узкие подвесные мостки — иногда не шире полуметра — дополнительно поддерживались тросами, закрепленными сверху на решетчатых фермах. Сборщики орехов, мужчины и женщины с корзинами в руках, перемещались перебежками по шпрангам; их называли здесь «шпрангоходами». На протяжении веков имена нескольких шпрангоходов стали легендарными благодаря их невероятной ловкости и бесстрашным прыжкам с одних мостков на другие; знаменитостями становились также отважные участники головокружительных схваток-дуэлей, случавшихся между соперниками-шпрангоходами — побежденный падал в мягкую сине-зеленую сердцевину гигантского папоротника, где его немедленно пожирала масса полуметровых жуков-падальщиков.

Собрав корзину стручков, шпрангоход относил ее под навес, где стручки шелушили, а очищенные орехи «кики» сортировали и паковали в бочонки, ожидавшие отправки в космические порты цивилизованных миров.

«Гликка» должна была оставаться на станции С два или три дня, в связи с чем капитан предоставил команде возможность распоряжаться свободным временем по своему усмотрению.

Покончив с поварскими обязанностями, Винго иногда устраивал нечто вроде импровизированного базарчика, предлагая в продажу игрушки, кухонную утварь, ножи, столовые приборы, цветные карандаши и тому подобное. Такая предпринимательская деятельность не приносила особой прибыли, но стюард любил разговаривать и торговаться с местными жителями, а его фотографическая камера всегда была готова запечатлеть очередное «настроение». В таких случаях, чтобы производить романтическое впечатление приверженца древних артистических традиций, Винго нахлобучивал широкополую бежевую шляпу, лихо сдвинутую набекрень, и закутывался в просторный длиннополый светло-коричневый плащ, а защиту его чувствительных ступней обеспечивали изготовленные по особому заказу дорогостоящие мягкие сапоги.

Во второй половине дня, после прибытия «Гликки» в космопорт Высадки Фелькера, команда попробовала эль, который подавали в тавернах «Просперо» и «Черная пробка» —

продукция местных пивоваров произвела на них благоприятное впечатление. На следующий день Винго установил свой ларек рядом со входом в космический вокзал. Почти сразу же вокруг ларька собралась небольшая толпа потенциальных покупателей, желавших посмотреть на его товары, и у Винго были все основания надеяться на бойкую и прибыльную торговлю. К сожалению, на этот раз надежды стюарда не оправдались. Ни его артистический наряд, ни его суровые манеры не удержали фельков от озорства. Подойдя к ларьку и хорошенько изучив все, что им приглянулось, местные жители отходили и надевали черные головные повязки «невидимок», после чего, уверенные в том, что их поступки останутся незамеченными, возвращались к ларьку и начинали разворовывать товары Винго.

Разгневанный Винго кричал: «Подождите-ка! Прекратите это безобразие! Я не позволю себя грабить!»

Его возражения игнорировались. Быстро сделав несколько «снимков-настроений» на память, Винго стал опрыскивать похитителей вонючим репеллентом, отпугивающим клещей. Но эта оборонительная тактика вызвала такое возмущение, что стюарду пришлось отступить.

«Очень хорошо! — заявил он распространявшим отвратительный запах и не на шутку разозлившимся воришкам. — Вы не умеете себя вести, как подобает порядочным людям, в связи с чем мне придется, к сожалению, закрыть ларек. Просто поразительно, однако! Никак не ожидал, что жители Высадки Фелькера окажутся, все, как один, прирожденными жуликами!»

Винго отнес мелочные товары обратно к себе в каюту, после чего направился в город. Прогуливаясь по краю Необозримой Пропасти, он время от времени останавливался, чтобы сфотографировать шпранги и проворных шпрангоходов. Подходя к реке, он заметил на другом берегу, под сенью шести высоких дендронов с кудрявыми черными и зелеными кронами, трехэтажную гостиницу «Просперо» с таверной, занимавшей первый этаж. Винго перешел через Эймер по одному из шести мостов и заглянул в таверну «Просперо», но не нашел там никого из команды «Гликки». Вернувшись на бульвар, он направился к таверне «Черная пробка». По пути он проходил мимо перпендикулярной боковой улицы, с обеих сторон застроенной трехэтажными зданиями. На первом этаже одного из этих домов, когда-то жилом, теперь обосновалось предприятие, рекламировавшее себя следующим образом на полотне, висевшем поперек улицы:

«МУЗЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Выставка-продажа

Коллекционные раритеты, антиквариат и экспонаты, иллюстрирующие древние предания и традиции

Куратор музея, профессор Гилль — знаток, заслуживший высочайшую репутацию в трансгалактических масштабах!

В настоящее время он предлагает вниманию посетителей выставку причудливых и загадочных объектов, окутанных покровом тайны.

Чудаков, дилетантов и праздных туристов не приглашают.

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить время на пустую болтовню!»

Винго не преминул зайти в это заведение. За прилавком в глубине помещения сидел маленький человечек с морщинистой бледной физиономией; растрепанные редкие пряди

седых волос и постоянно приподнятые брови придавали этой физиономии выражение хронического раздражения. Человечек был облачен в потертый черный сюртук, облегающие вельветовые брюки табачного оттенка и старомодные черные ботинки с острыми носками. На столе перед ним была раскрыта большая книга в кожаном переплете; прочитав несколько строк, человечек быстро пробегал пальцами по клавишам компьютера, после чего снова заглядывал в книгу. Вежливо подождав минуту-другую, Винго пожал плечами и приступил к изучению выставки. На размещенных рядами столах покоились лотки, заваленные всевозможными небольшими изделиями и старинными безделушками; на полках, тянувшихся вдоль стен, наблюдался такой же хаос экспонатов, не сопровождавшихся никакими письменными пояснениями.

Вздохнув, профессор Гилль решительно отодвинул ведомость в кожаном переплете и соблаговолил обратить внимание на посетителя. Он наставительно произнес: «Я предлагаю материалы, способные заинтересовать только настоящего знатока или специалиста. Сувенирные лавки для туристов можно найти на главной улице. На тот случай, если вы туда направитесь, позвольте порекомендовать вам зеленую головную повязку меркантилиста — надевайте ее перед тем, как заключать какие-либо сделки с местными торговцами. Иначе вас безжалостно надуют».

«Полезный совет! — с благодарностью отозвался Винго. — Где я мог бы получить такую повязку?»

«Так уж получилось, что у меня под рукой оказался набор меркантилистских повязок. Все они высокого качества, но я мог бы, пожалуй, уступить одну подешевле».

«Мне пригодилась бы такая повязка. Сколько она сто́ит?» — поинтересовался Винго.

«Девяносто два сольдо», — быстро ответил профессор Гилль.

Винго моргнул: «Придется об этом подумать».

«Как вам будет угодно».

Прежде, чем Гилль успел вернуться к просмотру своей ведомости, Винго задал еще один вопрос: «Вы родились и выросли здесь, в Высадке Фелькера?»

Профессор Гилль опалил стюарда презрительным взглядом: «Ни в коем случае, ни в каком виде и ни в малейшей степени! Разве это не очевидно?»

Винго поспешно извинился: «Разумеется, это не подлежит сомнению! Я спросил, не подумав».

Но профессора нельзя было умилостивить так легко: «Я — чистокровный космополит! Я защитил докторские диссертации в шести университетах и опубликовал десятки научных работ. Как только будет полностью документирован мой нынешний трактат, я тут же распрощаюсь с этой планетой! Тем временем, — профессор позволил себе сдержанный приглашающий жест, — у вас есть возможность познакомиться с экспонатами».

«Насколько я понимаю, это коллекция изделий старинных шпрангоходов?» — наивно предположил Винго.

Профессор ответил тоном, выражавшим всю бесконечность его терпения: «Часть предлагаемых изделий изготовлена фельками. Но большинство моих артефактов — редкости работы клугашей».

Винго хотел было что-то сказать, но Гилль поднял руку и прервал его: «У меня нет времени болтать о клугашах».

Стюард с достоинством заметил: «Я всего лишь хотел упомянуть о том, что повстречался с одним из этих дикарей только вчера или позавчера, в салуне на берегу залива

Сонгерль. Уродливый коротышка с маленьким круглым пузом и длинными тощими ногами. Он показался мне достаточно безвредным субъектом».

Профессор Гилль язвительно усмехнулся: «Насколько мне известно, как минимум три группы этнографов и антропологов намеревались изучать клугашей. Они углубились в Шинарский лес, и больше их никто никогда не видел. Тем не менее, клугаши время от времени показываются в районе камбрийских раскопок — выпрашивают милостыню, крадут все, что плохо лежит, предлагают меняться товарами». Гилль внезапно потерял терпение, ему надоело продолжать разговор. Указывая нервными движениями рук на различные экспозиции, миниатюрный профессор каркнул: «Смотрите сами! Может быть, вас что-нибудь заинтересует».

Винго заглянул в ближайший лоток. В нем он заметил пару декоративных ушных раковин, вырезанных из маслянистых черных косточек какого-то фрукта. Они напоминали раковины, которые Винго видел в сувенирных лавках фельков, но в данном случае резьба была искуснее. Отложив раковины, он нашел в стеклянной коробке коллекцию насекомых, сохранившихся в прозрачной окаменевшей смоле — судя по всему, они выполняли функцию женских украшений. В глаза бросался крупный зеленый скорпион; янтарное ожерелье содержало трех тигровых жуков и маленькую черную бабочку с золотыми крапинками; в хрустальной сфере, словно остановившись в полете, парили десятки микроскопических радужных мошек. Отодвинув потрепанную тряпичную куклу, Винго обнаружил маленький механизм неизвестного назначения. Рассматривая его со всех сторон, стюард пытался привести в движение его компоненты, но не преуспел. Профессор Гилль, с усмешкой наблюдавший за его попытками, в конце концов заметил: «Это устройство фельков для удаления волосков из ноздрей. Оно заржавело и больше не работает. Может быть, вы сможете его отремонтировать?»

«Может быть», — откликнулся Винго. Положив механизм в лоток, он взял оттуда же небольшой блокнот. На обложке вычурно разукрашенными большими буквами было написано:

«ВАЖНЕЙШИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕГО ДОНДИЛЯ РЕСКЕ».

Внутри блокнота Винго обнаружил несколько страниц, покрытых почти неразборчивыми записями, поверх которых кто-то добавил другие корявые пометки красным восковым карандашом, что делало тщетными любые попытки прочтения первоначального текста с первого взгляда. Некоторые страницы были вырваны, но в блокноте сохранились несколько зарисовок. На первом рисунке, выполненном исключительно в коричневых и серых тонах, был изображен двухэтажный дом сложной конструкции, окруженный ярко-черными дендронами. На окно верхнего этажа указывала стрелка, снабженная примечанием: «Моя комната!» На следующей странице находился рисунок совсем другого рода — портрет с подписью «Эверли Прэйз, 11 лет». Бледное, слегка болезненное лицо девочки утопало в каскадах кудряшек. Винго снисходительно улыбнулся и перевернул страницу. Замысел следующего эскиза был гораздо внушительнее, но он был сделан не столь уверенно: по-видимому, юный Дондиль рисовал по памяти, а не с натуры. Он изобразил кошмарную тварь, напоминавшую то ли горгулью, то ли птеродактиля, с десятиметровыми бурыми перепончатыми крыльями, сложенными по бокам вдоль туловища. Рядом с чудовищем стоял высокий худой человек, узкий в бедрах и в плечах, с хищным лицом. У него на голове был

цилиндрический шлем полуметровой высоты, с острым навершием. Дондиль снабдил этот рисунок подписью, заглавными буквами:

«НЕБОЖИТЕЛЬ С УТЕСОВ ГАСПАРДА И ЕГО КРЫЛАТЫЙ ЯЩЕР».

К разочарованию Винго, дальнейшие страницы блокнота остались пустыми. Он показал эскиз «небожителя» профессору: «Что вы об этом думаете?»

Гилль едва взглянул на рисунок: «Этой записной книжке четыре тысячи лет. Перед вами — зарисовка впечатления, оставшегося у школьника, увидевшего аркта. Надо сказать, он неплохо рисовал. С тех пор гаспардаркты мало изменились».

Винго удивился: «Значит, этот человек и его тварь — на плод воображения?»

«Аркты — древняя раса. Они все еще гнездятся на дюжине утесов в горных твердынях Гаспарда на Гамме. Аркты знамениты междоусобицами и вендеттами. Кроме того, они грабят скотоводов, живущих в низовьях, внушая им нечто вроде почтения, смешанного с ужасом. Так же, как клугаши, аркты — особый мутировавший народ зловещего и непредсказуемого характера».

«Да-да, возникает такое впечатление», — рассеянно отозвался Винго, снова перелистывая блокнот. Гилль мог заломить за него высокую цену, а мог и не слишком дорожить эскизами школьника. Гадать в данном случае было бесполезно. Стюард спросил: «Сколько вы возьмете за эти рисунки?»

«Сто сольдо! — твердо ответил Гилль. — Это очаровательный раритет невообразимой древности, в отличном состоянии».

«Ха! Гм!» — прокашлявшись, Винго отложил блокнот, не сомневаясь, что лицо Эверли Прэйз будет посещать его во сне как минимум несколько недель.

Взглянув на содержимое другого лотка, Винго наугад вынул из него какой-то каменный обломок. Он уже собирался положить его обратно, но, приглядевшись, решил изучить его повнимательнее. Осколок фигурки, вырезанной из черного диорита, изображал голову и переднюю часть тела (от ног остались только обрубки) какого-то тяжеловесного животного. Винго отметил высокое качество резьбы — даже то немногое, что осталось от статуэтки, излучало жизненную энергию.

Винго представил этот обломок на рассмотрение профессора Гилля: «Что это такое?»

Гилль соблаговолил мельком взглянуть на статуэтку: «Это фетиш клугашей. Собрав все тридцать семь фигур набора фетишей — но только после этого — человек становится повелителем магических бесовских сил, олицетворенных статуэтками. Владелец полного набора может стать очень богатым человеком — если его не убьют, что гораздо вероятнее».

Винго с сомнением разглядывал обломок фигурки: «У вас есть еще какие-нибудь подобные статуэтки — возможно, в вашей собственной коллекции?»

«Ха-ха! Их днем с огнем не сыщешь! И даже если бы мне их предложили, сомневаюсь, что я решился бы их приобрести — по множеству причин, в том числе потому, что я просто побоялся бы это сделать».

Винго тоскливо произнес: «Меня неудержимо притягивают такие безделушки — особенно в тех случаях, когда есть надежда собрать полный набор».

«Широко распространенное недомогание: зуд коллекционера», — поставил диагноз профессор Гилль.

«Может быть, полный набор можно купить у самих клугашей?» — пробормотал Винго,

обращаясь скорее к себе самому, нежели к профессору.

Гилль усмехнулся: «Очень маловероятно!»

Винго вздохнул: «А за этот обломок сколько вы возьмете?»

Профессор снова усмехнулся: «Вы просто жаждете приобрести этот кусочек камня! Я мог бы назвать астрономическую сумму, и вы все равно заплатили бы!»

«Так назовите же цену», — мрачно потребовал Винго.

«Вы принимаете меня за мошенника, полностью лишенного чести и достоинства? — возмутился Гилль. — Это бесполезный фрагмент, мне он ни к чему. Берите его даром, он ваш!»

Винго крякнул и выложил на стол два сольдо: «Это столько, сколько я готов заплатить. Считайте это моим вкладом, который поможет вам улететь с явно осточертевшей вам планеты».

«На таких условиях я не имею ничего против».

Двое слегка поклонились друг другу. Винго положил в карман обломок статуэтки и покинул музей.

~

Глава 12

Ближе к вечеру, когда белое солнце Пфитц сияло еще довольно высоко на темно-фиолетовом небе Марии, «Гликка» взмыла над Высадкой Фелькера и заскользила по воздуху в восточном направлении: над равниной, над океаном, к гористой сердцевине Беты. В сумерках судно приземлилось в космопорте Камбрии. К тому времени конторы экспедиторов уже закрылись на ночь; складские рабочие и грузчики тоже разошлись. За дальним краем посадочного поля темной стеной возвышалась чаща Великого Шинарского леса. В противоположном направлении россыпь огней свидетельствовала о местонахождении Камбрии — не очень большого городка. За городскими огнями в сумеречном небе чернела гряда Мистических холмов.

На протяжении миллиардов лет окрестности нынешней Камбрии подвергались бесчисленным тектоническим возмущениям. В районе Мистических холмов столкнулись медленно перемещающиеся континентальные плиты — одна надвигалась на другую, что приводило к катастрофическим оползням и обвалам; местами эти плиты долго «боролись лоб в лоб», пока одна из них, наконец, не подчинялась и не погружалась в нижележащую магму, в то же время выплескивая потоки пылающего газа и раскаленной лавы, устремлявшиеся вверх через параллельные трещины, служившие своего рода фракционирующими колоннами, формировавшими пропластки драгоценных металлов.

За пять тысяч лет, прошедших после прибытия на Марию Абеля Мерклинта, Камбрия пережила множество исторических преобразований. Численность местного населения то сокращалась, то приумножалась пропорционально интенсивности разработки месторождений Материнской залежи — ее рудники позволяли добывать редкоземельные элементы, синтезировать которые было бы слишком трудно и дорого.

Примерно через две с половиной тысячи лет после основания Камбрии местными жителями было сделано сенсационное открытие, повлиявшее на представление людей о себе по всей Ойкумене. Причиной сенсации стало обнаружение в чаще Великого Шинарского леса, всего лишь в нескольких шагах от ведущей в лес прогалины, четырнадцати идолов высотой примерно в полтора человеческих роста каждый. Первоначально допускалось, что идолы были делом рук дикарей-клугашей, и на них не обратили особого внимания. Затем, исключительно из любопытства, группа биохимиков решила изучить эти монументы и объявила их реликтами нечеловеческой цивилизации, обосновывая свое заключение несколькими соображениями. Новости об их открытии, сами по себе не выходившие за рамки возможного, мгновенно вызвали целую бурю разногласий. Камбрию заполонили участники сотен научно-исследовательских экспедиций. Окрестности городка обыскали и раскопали пядь за пядью, а монументы как таковые анализировали всеми известными способами.

Конечный результат исследований, неопределенный и противоречивый, не позволил внести ясность в вопрос о происхождении идолов. Так как материал монументов не плавился и не горел, невозможно было произвести его спектроскопический анализ; кроме того, этот материал ничего не излучал в какой-либо регистрируемой приборами полосе частот, то есть невозможно было измерить даже период полураспада составляющих его элементов. Материал не поддавался воздействию каких-либо известных человеку реагентов. В конце концов ученые заявили, что монолиты состоят из отвержденной неизвестными

методами субэлементарной плазмы, и на этом пришлось поставить точку. Так же, как методы изготовления, перемещения и установки монументов, их возраст оставался предметом бесконечных гипотез и сомнений.

Такова была первая загадка, ставившая в тупик лучших естественнонаучных экспертов. Вторая тайна занимала умы ксенологов и специалистов по культурно-социальной символике. Кого или что должны были изображать эти идолы? На первый взгляд это были существенно увеличенные по сравнению с натуральной величиной статуи четырнадцати клугашей, сидевших на корточках в позах, позволявших предположить медитацию или, возможно, подчинение. Следовало ли истолковывать эти идолы как попытку нечеловеческой расы увековечить свое представление о клугашах? Или же клугашей как таковых следовало рассматривать как нечеловеческую расу? Лица статуй отчасти скрывались под уплощенными коническими шлемами, а их открытые взору черты носили абстрактно-сатирический, причем не всегда человекообразный характер.

Споры продолжались; ученые и знатоки предлагали новые оригинальные теории. На участке, окружающем монументы, выросли корпуса научного института, а затем, с прибытием туристов, здесь образовалась небольшая община работников служб и учреждений, выполнявших самые различные функции.

Четырнадцать статуй выстроились строго по прямой линии на самом краю Великого Шинарского леса; и туристов, и местный персонал постоянно предупреждали о непредсказуемом темпераменте клугашей. Нередко, когда сумерки спускались на Мистические холмы, одинокий клугаш выскальзывал из лесной чащи, взбирался на статую, садился, свесив ноги, на ее безжизненные плечи и проводил в таком положении целый час, опустив подбородок на шлем идола. Зачем? Может быть, это способствовало мыслительным процессам дикарей? Или таким образом они «заряжались» психической энергией? Клугаши никогда ничего не объясняли, и никто не смел задавать им вопросы.

Утром товары, привезенные «Гликкой» в Камбрию, разгрузили, после чего наступил период бездействия — приходилось ждать упаковки в контейнеры грузов, ожидавших отправки, и оформления транспортных накладных.

Винго посвятил дополнительное свободное время осуществлению своих планов. Никому не говоря ни слова, он направился к «Параду идолов» в плещущем на ветру коричневом плаще, с рюкзаком за плечами. На краю прогалины стюард остановился, оценивая вздымающуюся перед ним стену леса: мрачную, темную, угрожающую. Частые ребристые стволы нескольких приглушенных оттенков поднимались на высоту примерно десяти метров, после чего раздваивались, а еще выше снова и снова раздваивались, уже покрытые мясистыми длинными серо-зелеными листьями, напоминавшими щупальца. Из глубин леса не доносилось ни звука. Винго вглядывался в сумрачную чащу, но, как и следовало ожидать, никого не заметил. Деловитыми поспешными движениями стюард вынул из рюкзака и установил на прогалине маленький складной столик, разместив на нем несколько предметов — в первую очередь плоскую коробку, разделенную на сорок отделений, в одно из которых он положил приобретенный у профессора Гилля обломок статуэтки. Открыв крышку коробки, он прислонил к ней карточку с напечатанным сообщением:

«Я ХОТЕЛ БЫ СОБРАТЬ ПОЛНЫЙ НАБОР СТАТУЭТОК — ТАКИХ, К
ФРАГМЕНТ, ЛЕЖАЩИЙ В КОРОБКЕ — НО В ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ.

РЯДОМ Я РАЗЛОЖИЛ ТОВАРЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ В ОБМЕН.

ЕСЛИ ИХ НЕ ДОСТАТОЧНО, ПОЖАЛУЙСТА, УКАЖИТЕ, ЧТО ЕЩЕ ВЫ ХОТ

БЫ ПОЛУЧИТЬ».

На другой половине столика Винго разместил четыре ножа с лезвиями из ирревокса, два долота, ножницы, пару пинцетов, флакон с лавандовым маслом, карманный фонарик и небольшое зеркало.

С удовлетворением взглянув на результат своих усилий, стюард отошел метров на пятьдесят в направлении «Гликки», остановился и приготовил свою потайную камеру.

Шло время — Винго ждал. Ослепительный диск Пфитца поднимался по чернильно-темному небосклону. Ничего не происходило. Винго вынул оловянный свисток и произвел с его помощью несколько трелей и пискливых наигрышей. Подождав еще немного, он попробовал сыграть веселую джигу, но отказался от этой попытки, так как забыл продолжение мелодии и, в любом случае, исполнение оставляло желать лучшего.

Прошло еще довольно много времени, но в конце концов стюарду показалось, что он заметил в тенистом лесу какое-то движение. Винго тут же позвал: «Я пришел торговать! Я хочу получить красивые резные фигурки животных! Принесите мне набор из тридцати семи таких фигурок и возьмите мои ножи — этими ножами вы можете резать по камню, их лезвия никогда не затупляются. Но мне нужны фигурки самого высокого качества!»

Стюард отошел еще на несколько шагов и присел на пень. Минута проходила за минутой. Раскладной столик оставался нетронутым; издали он казался затерянным и несущественным перед лицом подавляющего безразличия леса. Винго печально вздохнул. В конце концов, он и не ожидал ничего лучшего. Тем не менее, возможно, еще не следовало отчаиваться. Стюард удерживался от того, чтобы откровенно вглядываться в чащу, хотя краем глаза замечал какие-то тени, украдкой порхавшие то в одну, то в другую сторону — по меньшей мере, так ему казалось.

Белое солнце достигло зенита. Винго осторожно приблизился к своему столику и сразу увидел, что обломок статуэтки исчез. Любопытно! Кто и как умудрился его унести? Ведь он непрерывно следил за происходящим, и на прогалину никто не выходил!

Винго потянулся, разминая затекшие конечности, неторопливо вернулся на посадочное поле и оставался на борту «Гликки» до вечера.

Пфитц опустился за Мистические холмы. Ландшафт постепенно растворялся в сумерках. Винго беспокойно расхаживал по салону, время от времени выглядывая в иллюминаторы. Планета Мария была облачена покровом меланхолии. Стюард ощущал подавленность с той минуты, когда они приземлились в космопорте Сонгерля. В тавернах Высадки Фелькера никто не смеялся, а в Камбрии царила еще более гнетущая атмосфера. Странно, очень странно! Но он достаточно долго ждал. Прихватив с собой фонарь и легкий металлический шест, Винго снова спустился по трапу и медленно пересек поле космодрома, направляясь к лесной прогалине. Затаив дыхание, стюард стал приближаться к столику — и почувствовал радостную нервную дрожь! Его товаров на столике больше не было! Винго поспешил вперед и заглянул в коробку. Только три отделения оставались пустыми — в каждом из тридцати семи остальных лежала маленькая резная каменная фигурка.

«Чудеса, да и только!» — подумал Винго. Перед ним лежало сокровище, получить которое, по правде говоря, он не надеялся. Неужели клугаши так мало ценили свои изделия, что могли расстаться с ними так легко? И как быть с пресловутой магической силой? Глядя сверху на резные статуэтки, Винго не чувствовал никакого загадочного влияния. Неважно! Достаточно того, что у него в руках оказались столь необыкновенные, изящные редкости.

Кто-то произнес глубоким басом: «Что ты ухмыляешься, розовый человек? Тебе удалось здорово нас облапошить?»

«Нет! Ни в коем случае! — воскликнул Винго. — Я улыбаюсь потому, что ваши статуэтки доставляют мне удовольствие! Я ни над кем не насмехаюсь!»

«Может быть. И все же, мы предпочитаем трезвое отношение к обмену. Что еще ты нам принес?»

«Принес все, что у меня было. Вот фонарь, вот металлический шест. Кроме того, вот еще два карманных фонарика, рулон клейкой обвязочной ленты, горшок с мазью для ступней — я ее сам приготовил — и дюжина пирожных с заварным кремом». Винго вынул из карманов свои дары и ждал. Тишина казалась ему зловещей.

Наконец гулкий голос из леса сказал: «Придется обойтись тем, что есть. А теперь ступай прочь, а не то к параду идолов прибавится пятнадцатый, знаменитый своей дурацкой ухмылкой».

Винго поколебался, после чего, собравшись с духом, спросил: «Вы проявили неожиданную щедрость. Чем я заслужил такое снисхождение?»

Лес молчал. Обладатель гулкого баса, скорее всего, уже удалился. Напряженно прислушиваясь, Винго уловил только тишайший шорох — здесь кто-то еще был, кто-то дышал. У Винго часто и сильно билось сердце. Пробормотав нечто нечленораздельное, он поспешно закрыл коробку, сложил столик, засунул все это в рюкзак и ушел.

Оказавшись снова на борту «Гликки», в своей каюте, стюард изучил по очереди каждую из каменных фигурок. Он ожидал, что статуэтки покажутся ему странными и страшными, но они превзошли все ожидания. Он обнаружил, что ему не хотелось к ним прикасаться — Винго не мог заставить себя брать их в руки и перемещать, не пользуясь чистой салфеткой, защищавшей пальцы.

Стюард встал, задумчиво разглядывая свои приобретения. Эйфория прошла, он чувствовал себя опустошенным. Медленно разместив фигурки в отделениях коробки, он плотно закрыл ее крышкой и засунул в самый дальний темный угол стенного шкафа. «При первой возможности, — сказал он себе, — продам эту коробку и все ее содержимое какому-нибудь учреждению или кому бы то ни было, кто пожелает ее купить».

2

Площадь Рорбека в центре Камбрии была окружена с трех сторон многоэтажными зданиями; одни были построены еще в древности, другие — сравнительно недавно, но все они соответствовали одним и тем же принципам непритязательно прямоугольной планировки. С четвертой стороны к площади примыкал общественный парк с игровой площадкой для детей, эстрадой и минералогическим музеем. Для того, чтобы воспользоваться преимуществами трехдневного пребывания «Гликки» в местном космопорте, Монкриф нанял павильон у северного входа в парк. Его объявление гласило:

«УЧЕНЫЕ! ИНЖЕНЕРЫ! ТЕХНОЛОГИ!

ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ СВОЕМУ СУЖДЕНИЮ? КОНЕЧНО!

В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ СВОИМИ ЗНАНИЯМИ СПОСОБНОСТЯМИ, ЧТОБЫ ВЫИГРАТЬ И РАЗБОГАТЕТЬ!

НАШИ ИГРЫ ПОРАЖАЮТ ВООБРАЖЕНИЕ!

ФРУК, ПЛУК И СНУК ПОДВЕРГНУТ ИСПЫТАНИЮ ВАШУ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ!

ПРИХОДИТЕ, ДЕЛАЙТЕ СТАВКИ И ВЫБИРАЙТЕ!»

Три девушки взобрались на позолоченные белые пьедесталы и стояли с высокими факелами в руках, драматически наклонив их — в стороны по краям и вперед посередине. В глубине сцены сторожили Сиглаф и Хунцель, решительно намеренные оберегать свои интересы. Как всегда, на них были кожаные шорты и перекрещенные наплечные ремни, а шевелюры, стянутые чугунными обручами, они выкрасили в соломенный цвет.

Монкриф, бодрый и веселый, вышел на авансцену так, словно спешил сообщить присутствующим радостную весть. Представившись, он познакомил публику с каждой из трех девушек, разъясняя их достоинства, причуды и особенности. Затем он привлек внимание зрителей к Сиглаф и Хунцель, отозвавшись о них как о «непоколебимых девственницах, олицетворяющих классические образы готических богинь войны». «А теперь, — воскликнул Монкриф, — приступим к нашим играм! Подходите, гордые и доблестные камбрийцы! Никогда у вас больше не будет такой возможности!» Монкриф забрал факелы у трех девушек: «Наблюдайте за тремя прелестницами! Фрук, Плук и Снук — озорницы, полные воодушевления юности, бросают вызов. Догадайтесь, кто из них кто! Давайте-ка, девушки, пускайтесь в пляс! Хей-хо!»

Девушки исполнили свой головокружительный танец заслоняющих одно другое тел и мелькающих рук и ног, после чего выстроились вдоль края сцены, ухмыляясь публике.

«Так что же? — громко вопросил Монкриф. — Кто из них Фрук? Или Плук? Или Снук? Делайте ставки, выбирайте! Для людей с вашими умственными способностями не должно быть ничего проще! Сущие пустяки!»

«Именно так! — заявил низенький толстяк с жеманным тонким голоском. — Я ставлю пять сольдо и утверждаю, что крайняя справа девушка — Снук!»

«Ура! — с фальшивым энтузиазмом закричал Монкриф. — Вас не обманешь! Что ж, начнем следующий раунд — может быть, на этот раз мне больше повезет».

Толстяк чопорно возразил: «Настоящий ученый никогда и ни в чем не полагается на удачу! Для него имеет значение только оптимальное и своевременное использование умственных процессов».

Монкриф не высказал возражений, и девушки снова сплясали свой танец. Ученый толстяк снова выиграл. Он выиграл и в третий раз, из-за чего Монкриф явно начинал терять самообладание. Проныра подошел к столику за боковым занавесом на краю сцены, чтобы выпить стакан воды и успокоить нервы. Здесь он подслушал обрывок беседы двух задержавшихся рядом технологов.

«Ты видел? — говорил один. — Герман проверяет новый температурный датчик. Похоже на то, что прибор работает на славу!»

«Еще бы! Он измеряет температуру с точностью до тысячной доли градуса на расстоянии десяти метров!»

Научные сотрудники отошли в сторону. Повернувшись, чтобы взглянуть на толстяка Германа, Монкриф заметил, что тот держал в руке небольшой прибор. Герман уже возмущался задержкой: «Я готов продолжать! Давайте, танцуйте, мне не терпится делать ставки!»

«Одну минуту, нужно сделать небольшой перерыв», — сказал Монкриф. Подав девушкам знак, он провел их в гримерную за кулисами. Там он сразу же включил нагреватель-рефлектор и направил его на Фрук; через десять секунд он заставил Снук нагреваться в два раза дольше. Тем временем Плук обтиралась полотенцем, увлажненным

холодной водой.

Монкриф вышел на авансцену. «Мы готовы продолжать! — сообщил он Герману. — Сколько вы поставите?»

«Теперь я настолько уверен в себе, что поставлю шестьдесят пять сольдо! Где же девушки?»

Фрук, Плук и Снук выбежали из-за кулис и выстроились вдоль края сцены. «На этот раз обойдемся без акробатических номеров, — сообщил толстяку-технологу Монкриф. — Так что же? Кто из них Фрук, Плук или Снук?»

Герман взглянул на свой прибор — сначала словно ненароком, затем с откровенным вниманием и в некотором замешательстве. Наконец он указал дрожащим пальцем на среднюю девушку: «Насколько я понимаю, это должна быть Плук».

«Ошибаетесь! — объявил Монкриф, набивая кошелек шестьюдесятью пятью сольдо. — Вы выбрали не менее привлекательную Фрук!»

Технолог удалился, бормоча себе под нос и покачивая головой. Удовлетворенно посмотрев ему вслед, Монкриф объявил: «Начинается новый раунд! Вы готовы?» Поглядывая направо и налево, Проныра воскликнул: «Ага! Азартный дух конкуренции еще не покинул бравых камбрийцев! Добро пожаловать, сударь! Фортуна ждет вашего выбора!»

В отличие от дородного специалиста по термодинамике, протиснувшийся вперед господин, обладатель длинного тонкого носа, был высок, худощав, бледен, как воск, и лыс, как бильярдный шар. В руках у него была желтая кепка с красной эмблемой Гиперлогического общества, в связи с чем Монкриф решил, что перед ним еще один ученый или технолог, хотя у того не было в руках никаких инструментов или приборов. Лысый верзила подошел как можно ближе к сцене, обозрел трех девушек и положил на сцену десять сольдо: «Вот моя ставка! Начинайте!»

Когда девушки станцевали свой номер и выстроились в ряд, лысый игрок без колебаний указал на ту, что стояла слева: «Это, несомненно, Плук!»

«Вы правы! — проворчал Монкриф. — Все вы, ученые, одинаковы. Чем вы пользуетесь на этот раз? Телеметрическим ретранслятором? Логарифмической линейкой? Куда нам, дуракам, соревноваться с современной технологией! Если вы хотите играть так, как играют порядочные люди, вам придется отказаться от использования каких-либо устройств».

«Не говорите глупости! — возмутился лысый господин. — Я имею право играть, и вот моя следующая ставка, на этот раз — ровно сто сольдо!»

Монкриф решительно покачал головой: «С меня довольно! Мы не позволяем нарушать заведенный распорядок игры». Проныра подал знак, и на авансцену вышла Сиглаф. «Наши правила запрещают применять научные приборы и датчики, — продолжал Монкриф. — Такие ухищрения несовместимы с благородным духом азарта».

«Подождите-ка, о чем вы говорите? — воскликнул лысый игрок. — Если я объясню свои методы, вы позволите мне продолжать игру?»

Возмущение Монкрифа тут же испарилось: «Разумеется! Мы настаиваем только на том, чтобы все играли по одним и тем же правилам».

«Замечательно! — заявил лысый господин. — Аплодирую великодушию вашего подхода!»

Монкриф с улыбкой поклонился, забавляясь наивностью игрока: «Большая честь заслужить похвалу столь выдающейся личности! А теперь не будете ли вы любезны объяснить, каким образом вы сделали правильный выбор в предыдущей игре?»

«Проще простого! Я пользуюсь собственным носом. Фрук недавно съела ириску, пропитанную ромом. Снук позволила себе надкусить дольку чеснока, а Плук все еще жует мятную пастилку. Надеюсь, дальнейшие разъяснения не требуются? Я побился об заклад. Заклад — сто сольдо. Продолжим?»

«Непременно! — с энтузиазмом согласился Монкриф. — Начинается новая игра, и вы станете ее первым участником!»

«Ни в коем случае! Я намеревался участвовать только в следующем раунде прежней игры!»

«Может быть, у вас появится такая возможность завтра, но сегодня вы уже побились об заклад, не так ли? Извольте держать свое слово».

Обладатель сверхчувствительного носа яростно возражал, но публика злорадно поддержала Монкрифа, и лысому господину пришлось подняться на шаткую доску, перекинутую над резервуаром, заполненным грязью. На другом конце доски появилась Хунцель. Вытянув руки по бокам, она чуть пригнулась, втянув голову в плечи, и принялась сжимать и разжимать кулаки, обнажив зубы в волчьей усмешке.

Тем временем Монкриф объяснял правила: «Это игра для отважных и ловких, но в конечном счете непременно побеждает изобретательная стратегия! Каждый игрок надеется, что противник промахнется, то есть что он успеет добежать до противоположного края резервуара, не свалившись в грязь. Допускаются любые приемы классической борьбы, но не более того — воздерживайтесь от вульгарного насилия».

Мирон наблюдал за происходящим со стороны. Его внимание отвлек стоявший рядом высокий тощий человек. У него были очень длинные тонкие ноги и узкое продолговатое лицо с блестящими черными глазами. «Странный субъект! — подумал Мирон. — Легковесный, но жесткий, как хищная птица». По одежде и кепке, натянутой на коротко подстриженные черные кудри, можно было предположить, что он — сельский фермер из глубинки. Заметив внимание Мирона, субъект быстро смерил молодого человека оценивающим взглядом: «Вы не здешний?»

Мирон признал справедливость этого наблюдения: «Я — суперкарго на борту грузового судна».

Тощий субъект явно заинтересовался: «Может быть, вы сможете мне как-нибудь помочь. Мое ранчо — далеко в Лилианхской прерии, за лесом. Я потерпел крушение в скалах Балха — едва выжил, но дело не в этом. Мне нужен другой автолет. На борту вашего судна не найдется, случайно, запасной автолет? Я хорошо за него заплатил бы».

Мирон развел руками: «К сожалению, в нашем распоряжении только одна старая машина».

Фермер кивнул, словно ничего другого не ожидал: «Если вы узнаете, что кто-нибудь предлагает в продажу автолет, оставьте сообщение для Клойда Таттера в местном отеле, ладно?»

«Не премину так и сделать», — пообещал Мирон и продолжил наблюдение за соревнованием. Игрок в желтой кепке с красной эмблемой, сплошь покрытый грязью, с трудом выбирался из бассейна. Монкриф поинтересовался, не желает ли он попытать счастья еще раз. Носатый господин решительно отказался. Хунцель спрыгнула с доски и стояла в стороне, подбоченившись и вызывающе усмехаясь. Монкриф возвысил голос: «Больше никто не желает рискнуть? Хунцель вот-вот лопнет от самодовольства — ей не помешало бы побарахтаться в грязи. Как же так? В этом мире не осталось храбрецов? По

всей видимости, нет. Тогда перейдем к следующему представлению. Я говорю, конечно же, о чудесных мышиных бегах с препятствиями по трем дорожкам. Приглашаем всех! Представление начнется с другой стороны павильона — будьте добры, проходите туда».

«Ничего подобного не ожидал, — сообщил Мирону Таттер. — Даже неподвижно расставив ноги на золоченых тумбах, эти девушки производят сенсацию».

«Да-да, вполне возможно», — откликнулся Мирон.

«А что они делают на борту корабля? Танцуют? Зазывают пассажиров? Или составляют им веселую компанию?»

«Одно несомненно, — уклонился от разъяснений Мирон. — У них прекрасный аппетит. Повар Винго их избаловал».

Задумчиво нахмурившись, Таттер поглаживал длинный костлявый подбородок: «И куда они летят?»

«Мы их отвезем в Какс, на Бленкинсопе».

«Я мог бы предложить кое-что получше. Пусть Монкриф оставит их у меня на ферме. Уж я-то позабочусь о том, чтобы они не потолстели!»

«Обратитесь со своим предложением к Монкрифу, — посоветовал Мирон. — Может быть, он вас выслушает — но в конечном счете судьба девушек зависит от Хунцель и Сиглаф».

Таттер взглянул на эстраду: «А это еще кто такие?»

Мирон указал пальцем: «Вот они стоят, Хунцель и Сиглаф, валькирии в кожаных штанах. Они заявляют, что им принадлежит право собственности на трех девушек. Не могу сказать, так ли это на самом деле. Но вы могли бы опротестовать их притязания и вызвать их на поединок».

Таттер с удивлением взглянул на Мирона, после чего покосился на темнокожих амазонок: «Поединок? Вы имеете в виду, бороться с ними на доске, перекинутой над баком с грязью? Нет уж, увольте. Мои дела важнее таких забав. Прежде всего мне нужно найти воздушный транспорт и вернуться в Лилианхскую прерию. Дóма у меня остались три сломанных автолета и груда запасных частей в сарае. Я как-нибудь смогу соорудить из них действующий драндулет, даже если он будет летать задом наперед. Куда вы отправитесь отсюда, из Камбрии?»

«Нам нужно отвезти несколько контейнеров в Фарисей-город, но мы не вылетим еще три дня».

Таттер угрюмо кивнул: «Если не подвернется что-нибудь получше, я мог бы прилететь с вами в Фарисей-город, а оттуда как-нибудь добрался бы домой. Сколько вы возьмете за перелет?»

«Примерно три сольдо, насколько мне известно».

Монкриф поднялся на эстраду и обратился к толпе: «Кажется, я уже слышу громовые раскаты мышиных скачек! В нашей достопримечательной Вселенной все еще возможны настоящие приключения! Если вы в этом сомневаетесь, проконсультируйтесь с Фрук, Плук или Снук! Они ждут вас с другой стороны павильона».

«Прошу меня извинить! — сказал Мирону Таттер. — Я должен увидеть собственными глазами, чтó там происходит!» Он побежал трусцой за павильон Монкрифа.

Оказавшийся неподалеку капитан Малуф подошел к Мирону, взглянул вслед Таттеру и спросил: «Это еще кто такой?»

«Фермер, потерпевший крушение на автолете. Теперь он хочет вернуться домой и

пытается найти замену своей машине».

«Гм! — поднял брови капитан. — И где его дом?»

«На пастбищах Лилианхской прерии, к востоку от леса».

«Сколько весит груз, который нам нужно отвезти в Фарисей-город?»

«Не так уж много. Там несколько мешков с почтой и четыре или пять небольших ящиков».

Малуф кивнул: «Пока «Гликка» ожидает загрузки, мы можем отвезти эти мешки и ящики в Фарисей-город на автолете, что позволит нам покинуть эту безотрадную планету на два дня раньше. В придачу мы могли бы захватить Таппера. Возьми с него три сольдо и скажи, что мы отправимся завтра, рано утром».

Мирон выполнил указания капитана, в первую очередь погрузив на автолет почту и груз, направлявшиеся в Фарисей-город. Затем он позвонил в отель «Гранд-Люкс» и попросил связать его с Клойдом Таттером. Таттер с готовностью согласился явиться на взлетное поле в назначенное время.

Сидя в рубке управления, Мирон изучал карту Марии. Он нашел Камбрию в подножьях Мистических холмов; Великий Шинарский лес покрывал всю территорию к востоку от городка, вплоть до скалистых возвышенностей горной пустыни Гаспарда. За утесами Гаспарда начиналась прерия, простиравшаяся до самого Эолийского океана. Дальше на востоке, в шестистах пятидесяти километрах, океанские волны разбивались об унылые берега Альфы, где Фарисей-город ютился за кривой грядой Упорного мыса.

Мирон обратил внимание капитана Малуфа на карту: «Вы помните фотографию Вингс — зарисовку аркта и его ручного дракона?»

«Помню — почему ты спрашиваешь?»

Мирон указал на пики Гаспарда: «Здесь аркты живут уже четыре тысячи лет. Как видите, мы пролетим над скалами Балха, к северу от утесов Гаспарда. Может быть, увидим селения арктов — если они все еще существуют. Надо полагать, Таттер знает, где они прячутся».

Малуф наклонился над картой: «А где находится ранчо Таттера?»

«Кажется, где-то здесь, — Мирон постучал пальцем по изображению Лилианхской прерии. — Мы могли бы доставить его прямо домой».

«Не возражаю», — сказал Малуф.

Рано утром Клойд Таттер явился в космопорт. Капитан Малуф и Мирон встретили его у «Гликки», и все трое направились к автолету. Таттер начал было забираться в машину, но Малуф задержал его: «Прошу прощения! Я должен убедиться в том, что у вас нет с собой никакого оружия. Это неприятная формальность, но она необходима по очевидным причинам».

Брови Таттера высоко взметнулись: «Оружие? Кому какое дело до того, что́ я ношу с собой?»

Капитан повернулся к Мирону: «Верни Клойду Таттеру внесенную им плату за проезд, ему придется возвращаться домой каким-нибудь другим способом».

Таттер неподвижно сверлил капитана блестящими черными глазами. Затем, не говоря ни слова, он засунул руку за пазуху и вынул небольшой пистолет, заряженный взрывными дротиками; другой рукой он одновременно выдернул кинжал из плоских ножен, висевших сзади у него на поясе. Передав оружие Малуфу, он повернулся к автолету.

«Подождите! — снова остановил его капитан. — Еще одна, последняя формальность».

Малуф быстро обыскал Таттера привычными движениями, после чего, пробормотав извинения, заглянул под кепку пассажира. Таттер стоял, оцепенев от ярости, но вытерпел унижение.

Малуф закончил обыск и отошел на шаг: «Еще раз прошу прощения за причиненное неудобство, но это неизбежная процедура. Лучше вызвать раздражение у ни в чем не повинного человека, чем быть убитым вооруженным бандитом».

Плотно сжав губы, Таттер забрался в автолет; Малуф и Мирон последовали за ним. Машина взлетела над космическим вокзалом и направилась на восток.

Таттер сидел молча и напряженно смотрел вниз, на Великий Шинарский лес, все еще негодуя на оскорбление, нанесенное его достоинству. Мирон дал ему успокоиться, и через несколько минут протянул ему карту: «Если вы покажете, где находится ваше ранчо, мы сможем доставить вас прямо к парадному крыльцу».

Таттер неохотно решил, что обижаться и отмалчиваться было невыгодно ему самому. Он ответил ничего не выражающим тоном: «Это было бы очень удобно». Изучив карту, он нарисовал на ней маленький крестик: «Здесь я живу: примерно в самом центре Лилианхской прерии».

Мирон указал на район, затененный штриховкой, обозначавшей хребты и ущелья: «А это — горная пустыня Гаспарда?»

«Именно так».

«Эти утесы не так уж далеко от вашей фермы. Надо полагать, вам они хорошо знакомы».

«Достаточно хорошо».

«Тогда послушайте». Мирон прочел отрывок из «Путеводителя по планетам»: «На просторах Лилианхской прерии обитает бесчисленное множество разнообразных диких зверей. Некоторые из них достигают впечатляющих размеров и отличаются поистине потрясающей свирепостью; другие выживают благодаря выносливости или прыткости, а также, в какой-то мере, проявляют сообразительность, напоминающую разумное мышление». Мирон прервался и спросил Таттера: «Как вы справляетесь с этими тварями?»

«Ха-ха! Исключительная осторожность и умение маскироваться — полезные навыки. Кроме того, помогает ограда под высоким напряжением, длиной полтораста километров. Когда дела вынуждают меня отправиться в открытую степь, я лечу достаточно высоко, меня не достанешь. Временами, однако, жизнь висит на волоске. Как-то раз, когда я потерял автолет в скалах Балха, я пробежал на своих двоих триста километров, перемещаясь главным образом рано по утрам, когда дневное зверье еще только просыпается, а ночное уже засыпает. Добравшись до своей ограды, я нашел соединительную коробку и позвонил домой. Женщины выехали на автофургоне и подобрали меня. По пути, однако, мне привелось пережить несколько незабываемых встреч с голодными хищниками».

Мирон вернулся к «Путеводителю»: «Здесь упоминается племя так называемых «арктов», живущих высоко на утесах Гаспарда». Мирон прочел вслух еще один отрывок:

«По словам редких очевидцев, аркты перелетают с одного пика на другой на так называемых «ручных драконах», размах перепончатых крыльев которых может составлять больше двенадцати метров. Как правило, аркты — люди высокого роста, жилистые и худощавые, с безжалостными лицами. О них отзываются как о воинственных разбойниках, совершающих кровавые вылазки верхом на драконах. Эти слухи, однако, не подтверждены доказательствами; скорее всего, горцы пустыни Гаспарда пользуются какими-то легковыми автолетами, раскрашенными и снабженными бутафорскими крыльями так, чтобы аппараты

напоминали устрашающих летучих чудовищ. Говорят также, что аркты носят шлемы сложной конструкции, красивые, но причудливые. Шлем аркта, а также его женщины, свидетельствуют о его успехе и богатстве. Так как продажа горцам энергетического и огнестрельного оружия запрещена, они предпочитают пользоваться шестиметровыми гарпунами.

Родственное арктам племя, визгляки, населяют каменные башни-крепости в предгорьях пустыни Гаспарда, главным образом в скальных лабиринтах Балха. Женщины визгляков нередко становятся жертвами арктов, стремительно спускающихся из неба на «ручных драконах». Женщины убегают в панике, но их хватают и увозят в недостижимые «драконьи гнезда» арктов. Когда они больше не могут рожать детей, пленницы работают, удобряя и окучивая грядки высокогорных огородов».

Мирон с отвращением покачал головой: «И все это правда?»

«Чистая правда».

«Вы их видели собственными глазами?»

Таттер усмехнулся: «Вижу их каждый раз, когда пролетаю над утесами».

«И они на вас не нападают?»

Таттер расхохотался: «Аркты хотели бы меня поймать, и не раз пытались это сделать, но куда там! Месяц тому назад они выставили шлем на могильном шесте и ждали в засаде. Горцы — не слишком сообразительный народ. Сидя в засаде, они успели поссориться и принялись ругаться и драться; тем временем я застал их врасплох — спустился на автолете, схватил шлем и был таков. Но один из арктов успел швырнуть гарпун, повредивший двигатель. Автолет упал на крутой склон над рекой и, кувыркаясь с камня на камень, соскользнул в быстрину Вермона. Плохо дело! Я спрыгнул на песчаную отмель и заполз в густую поросль тростника, не выпуская шлем из рук. Аркты слетелись вниз, к реке — я слышал, как они перекликались; но их драконы устали, аркты меня не нашли. Иначе висел бы я сейчас в клетке из прутьев высоко над провалом Слевина. Но я сумел добежать до своего ранчо и добавил еще один шлем к своей коллекции!» Таттер кипел злорадным торжеством: «Так им и надо, недотепам!»

Мирон устал от тщеславной похвальбы и с прохладцей заметил: «Тем не менее, вы потеряли автолет, что должно было придать некоторую горечь наслаждению победой».

«Подумаешь! — презрительно оскалил зубы Таттер. — Я похитил у них драгоценный шлем, за него можно получить десять автолетов — в любом случае у меня скоро будет новый автолет, так или иначе».

«И чем вы займетесь после этого? Снова полетите срывать наживку арктов?»

Таттер улыбнулся: «В каком-то смысле они далеко не дураки, эти «повелители драконов». Но в других отношениях они наивны, как чирикающие птички. Любопытнейший народец, но вовсе не привлекательный, уверяю вас, причем чувство юмора у них самое странное. Если хотите взглянуть на арктов своими глазами, слегка поверните на юг. До утесов Гаспарда отсюда всего несколько минут лёту».

Несколько секунд Мирон молча разглядывал Таттера. Тот раздраженно нахмурился: «Что вы на меня уставились?»

Мирон собрался с мыслями: «Прошу прощения! Мне показалось, что вы сами похожи на аркта».

«Вот еще! — огрызнулся Таттер. — Откуда бы вы узнали, как выглядит аркт?»

«В этом нет никакой тайны. Я видел фотографию зарисовки аркта и его дракона,

сохранившейся в старом блокноте».

Таттер угрюмо хмыкнул: «Вы наполовину угадали. Я родился в тени под скалами Балха; мой отец был аркт, моя мать — визглянка в красном шелковом халате! Еще мальчишкой я убил первого аркта. Его дракон перевернулся в воздухе и грохнулся на спину; так он и лежал, хлопая крыльями, пищá и размахивая хвостом, как плетью. Я перекатил со склона несколько валунов, чтобы прижать ему хвост, а потом отрубил ему голову — тварь продолжала дрожать и дергаться. Дракон сдох только через четыре дня. Жрецы хотели принести меня в жертву, но я разломал прутья клетки и сбежал. Я столкнул жреца Фугасиса в очаг, выбрался перебежками из скального лабиринта и вырвался в степь. В конце концов я забрел на ранчо старика Панселина и стал ему помогать. А когда Панселин сыграл в ящик, я заявил свое право на его ферму — там я и живу до сих пор».

Внизу начиналась пустыня Гаспарда. Круто поднимаясь, машина пролетела над хаотичными террасами оползней, усеянных валунами, после чего открылась панорама утесов, окружавших обрывистые ущелья. На первый взгляд ландшафт казался непригодным для человеческого обитания. Тем не менее, время от времени показывалось селение, издали напоминавшее естественную россыпь каменных глыб в расщелине или рваную зубчатую череду скал на краю пропасти. Изредка какие-то темные силуэты пересекали провалы между утесами. Таттер заявил, что это были ручные драконы с наездниками-арктами, и напряженно наблюдал за их перемещениями. После одного из таких эпизодов, когда им удалось разглядеть дракона и наездника поближе, Таттер с явным удовлетворением повернулся к капитану и Мирону: «Вот видите! Я же обещал! Вы видели то, чего не видели, о чем даже почти не подозревают по всей Ойкумене: отважных покорителей высот и их крылатых чудовищ! Арктов-небожителей, повелителей драконов!»

«Вдохновляющее зрелище! — согласился капитан Малуф. — Но и вы сами по себе — впечатляющая личность с бесподобной биографией, надо сказать».

«Ну-ну, — безразлично отозвался Таттер. — Может быть. Я — это я. Какой уродился, такой и получился».

Машина летела вперед, то погружаясь в тень утесов, то выныривая навстречу слепяще-прохладным лучам Пфитца. Вскоре поднебесные пики Гаспарда остались за кормой, и за чередой террас, нисходящих оползневыми обрывами, открылось наконец слегка холмистое пространство прерии, сплошь поросшей жесткими суховатыми травами, хотя местами здесь росли одинокие деревья-часовые. Черными пятнами, на большом расстоянии одно от другого, из почвы вздымались обнажения крошащейся породы.

Через некоторое время Таттер сообщил, что они уже летели над пастбищами его ранчо. Еще через несколько минут автолет опустился на землю перед окруженным дюжиной величественных тисов старым фермерским домом, сложенным из камня и бревен.

Таттер выпрыгнул из машины; за ним последовали, не столь торопливо, Мирон и Малуф. Все трое стояли, разглядывая старый дом. «Удивительное дело! — заметил Мирон. — Я ожидал увидеть гораздо более скромное жилище».

Таттер усмехнулся: «Мне и этого хватает. Здесь достаточно свободного места, и никто не шумит — только ветер воет в щелях».

«Вы живете один?» — спросил Мирон.

«Здесь — по сути дела один. Скотный двор и огороды гораздо дальше, за Ирфельским лесом. Там я содержу двадцать восемь визглянок, они работают на ферме и патрулируют ограду. Раз в неделю молодая женщина приходит, чтобы меня подстричь и побрить — ну и

чтобы выполнить другие обязанности, сами понимаете. А все остальное время я один и могу без помех заниматься своими делами».

«И в чем заключаются ваши дела?» — поинтересовался Малуф.

«Дел у меня предостаточно. Главным образом я продаю мясо, шкуры и зерно рыбакам из селений на восточном берегу. Но заходите на минуту-другую, взгляните, как я живу! Я покажу вам вещи гораздо удивительнее старого фермерского дома!»

Мирон и Малуф переглянулись. Пожав плечами, они прошли вслед за Таттером через парадный вход в просторное помещение со стенами, обшитыми лакированными панелями каменного кедра. На полу лежала пара толстых ковров в черную, белую и серую полоску; длинный стол, диван и пара небольших табуретов из черного венга были расставлены, по-видимому, согласно каким-то правилам домашнего этикета. На стенах висели портреты представителей семьи Панселиных, написанные маслом на досках из венга.

Малуф прошелся вдоль стены, рассматривая продолговатые бледные лица, смотревшие с портретов тревожными черными глазами. «Любопытные картины! — сказал Малуф, повернувшись к Таттеру. — Вы этим хотели нас удивить?»

«О нет! Я имел в виду кое-что другое — сами увидите».

«Нам еще далеко лететь, — возразил Малуф. — Думаю, что мы провели здесь достаточно времени».

«Зачем так спешить? — гостеприимно развел руками Таттер. — Вы еще ничего не видели!»

«Если вы приготовили какой-то сюрприз — что бы это ни было — покажите нам это сразу. Мы на самом деле торопимся».

«Да! — поразмыслив пару секунд, ответил Таттер. — «Сюрприз» — подходящее слово. В любом случае, вам не помешало бы чем-нибудь закусить. Стыдно принимать гостей с пустыми руками».

Таттер покинул помещение почти бегом; через минуту он вернулся с подносом и поставил его на стол: «Наше традиционное печенье с тмином. И особый степной чай, заваренный в чайнике Панселина. Мне он нравится». Таттер налил чай в две кружки и протянул одну Мирону, а другую — Малуфу: «Было бы интересно знать, что́ вы думаете об этом напитке».

Малуф приподнял кружку и понюхал исходящий из нее пар. Брови капитана взметнулись, он поставил кружку на поднос.

Таттер внимательно следил за ним: «Так что́ вы думаете?»

«Слишком крепкое варево. Если кто-нибудь — даже вы — способен это пить, для меня это действительно оказалось бы сюрпризом».

«Но хотя бы попробуйте! — настаивал Таттер. — И вы тоже, Мирон! Вот увидите, вы никогда такого не пили, вам этот чай будет по вкусу».

«Боюсь, у меня от него заболит голова», — не уступал капитан.

«Один глоточек!» — не унимался Таттер.

«Нет, спасибо».

Мирон тоже опустил кружку: «Я придерживаюсь того же мнения».

Малуф повернулся к выходной двери: «А теперь…»

Таттер поднял руку: «Помните, я говорил про шлемы арктов?»

«Вы упомянули о том, что они высоко ценятся».

«Так оно и есть, это драгоценные трофеи! — подскочив к стенному шкафу, Таттер

распахнул его дверцы. — Смотрите сами!»

Шесть высоких шлемов настороженно смотрели на тех, кто потревожил их покой, темными глазницами по бокам носовых прорезей, напоминавших ноздри. «Перед вами — мои сокровища! — провозгласил Таттер. — Красота! Чем не сюрприз? Но это еще не все!» Таттер сделал шаг вперед и поднял с полки один из шлемов: «Взгляните! Какая тщательная отделка рельефа — ни щербинки, ни задоринки!» Поставив шлем на стол, он снова повернулся к полкам: «Симметрией нельзя пренебрегать!» Протянув руку к полке, он обернулся через плечо: «Красота существует во многих обличьях! Она повсюду! Жизнь полна красоты; иные считают, что жизнь — сама по себе красота! Другие утверждают, что угасание жизни — так же, как последние мгновения солнечного заката — кульминация всего опыта кратковременного бытия. Парадокс? Вполне может быть — мне до сих пор не удалось разобраться в этой головоломке».

Таттер покачал головой, словно в замешательстве. Вытянув руку, он пошарил в темном углу шкафа и достал голубовато-серебристый лучемет. Фермер повернулся к гостям — его лицо оскалилось, как маска театрального злодея: «Вопросы жизни и смерти, однако, теперь не имеют значения, потому что мне нужен ваш автолет».

Малуф ждал этого момента с оружием в руке. Капитан успел выстрелить прежде, чем Таттер прицелился. Разбойник даже не вскрикнул — он медленно опустился на колени и растянулся ничком на полу.

Мирон подошел ближе и взглянул на тело сверху: «Трудно сожалеть о Таттере».

Капитан Малуф отвернулся: «Пойдем, нам пора. Пусть Таттер разгадывает тайны жизни и смерти в привычном одиночестве».

«Подождите! — воскликнул Мирон. — Нельзя же оставлять эти шлемы!»

«Почему?»

«Если мы оставим их здесь и уйдем, их приберет к рукам первая попавшаяся банда головорезов, заглянувших в окно».

«Пожалуй. Займемся шлемами».

Они перенесли шлемы арктов в багажник автолета, забрались в машину и вылетели на восток, догоняя свою тень в умиротворенном зареве вечернего солнца. Через некоторое время они пронеслись над унылым скалистым берегом Эолийского океана — внизу уже блестел морщинистый морской простор. Еще шестьсот пятьдесят километров пролетела их машина, прежде чем они приземлились на квадратной каменной площадке приземистой крепостной башни Фарисей-города. Выгрузив мешки и ящики, они направились в трапезную и подкрепились жареной рыбой с овсяными лепешками. Вернувшись к автолету, они сразу покинули Фарисей-город и полетели обратно тем же путем: над океаном и над Лилианхской прерией, на этот раз догоняя последние лучи заходящего солнца.

Мирон и Малуф молчали, погруженные в невеселые мысли. На этот раз они не повернули в сторону утесов Гаспарда — оставив степь позади, машина скользила над огромной неразборчиво-черной массой Великого Шинарского леса. Мирон смотрел вниз — неужели во всем этом лесу не было ни одного огонька? Он видел только глубокую тьму и отвернулся: «Не хотел бы я сделать вынужденную посадку в этом лесу — особенно теперь».

«Разделяю твои опасения, — отозвался Малуф. — Я хочу побыстрее добраться до Камбрии, подняться в рубку «Гликки» и попрощаться с этим гнетущим миром».

«Я тоже».

Они снова замолчали. В конце концов Малуф поднял глаза к небу, где уже ярко горели

звезды: «Где-то там наш следующий порт — Коро-Коро на Флютере. Это спокойное, даже безмятежное место, там роскошные виды. Нам всем не мешало бы передохнуть, а для этого лучше места не найти, чем Коро-Коро».

«Кое-кто опять начнет жаловаться».

«В Коро-Коро закончится первый этап нашего маршрута. После этого мы полетим в Какс на Бленкинсопе. Паломники не всегда ведут себя разумно; для того, чтобы их успокоить, придется проявить твердость — по возможности, в самой тактичной форме. Но я настроен оптимистично — подозреваю, что мы добьемся своего и благополучно доставим их в Какс. Ага! На горизонте уже появились огни Камбрии!»

3

Перед тем, как покинуть Марию, «Гликка» сделала еще одну остановку в Высадке Фелькера, чтобы загрузить готовую к отправке партию орехов «кики». При первой возможности Винго накинул коричневый плащ, нахлобучил широкополую шляпу, взял с собой большой пакет и поспешил в город. Миновав таверну «Просперо», он повернул в боковую улицу, поднялся по ступеням крыльца «Музея человеческой природы» и зашел внутрь. Профессор Гилль стоял за прилавком, полируя каменный амулет.

Отметив присутствие Винго сухим кивком, профессор продолжал свое занятие. Винго вежливо поклонился и поставил пакет на прилавок. Через несколько секунд профессор Гилль покосился на загадочный пакет, еще через несколько секунд снова взглянул на него и, наконец, больше не мог сдерживать любопытство и отложил амулет: «Что это такое?»

Стюард ответил несколько напыщенным тоном: «Насколько мне известно, это подлинный экземпляр, и я хотел бы знать, что вы о нем думаете».

Гилль раздраженно прошипел сквозь зубы: «Ох уж мне эти любители! Каждый турист, подобравший засохшую репу, прибегает ко мне со своим трофеем и требует, чтобы я выдал нотариально заверенный сертификат! Придется взимать плату за экспертизу. Что ж, посмотрим, посмотрим…»

«Вы с первого взгляда убедитесь в том, что это не засохшая репа, — пообещал Винго и развернул пакет. — Кажется, вы выразили заинтересованность экспонатами такого рода, так что перед тем, как выставлять этот шлем на аукцион…»

«Минутку, минутку! — сдавленным голосом воскликнул профессор Гилль. — Глубокоуважаемый, меня не обманывают глаза?»

«Нет, конечно — почему бы они вас обманывали?»

«Потому что я никогда даже не надеялся увидеть что-либо подобное! Откуда вы взяли этот шлем?»

«Как мне сказали, он происходит из коллекции грабителя-аркта, объявленного вне закона — ему больше не придется летать».

«Превосходное качество! Могу ли я к нему прикоснуться?»

«Разумеется! По сути дела я надеялся, что вы, может быть, согласитесь взять этот шлем в обмен на что-нибудь другое».

«Конечно, конечно! Что вы хотели бы получить? Говорите, я слушаю!»

Винго неуверенно произнес: «Если признаться, мне приглянулась одна старинная вещица — блокнот с зарисовками мальчика по имени Дондиль Реске».

«Прекрасно помню этот блокнот — очаровательный сувенир давно минувших дней! Он ваш! Что еще вам приглянулось?»

«Этого вполне достаточно».

Профессор Гилль побежал за блокнотом.

Два знатока поздравили друг друга, после чего стюард вернулся к «Гликке». Профессор Гилль закрыл входную дверь музея на замок и поставил «шлем небожителя» на середину стола. Справа и слева от шлема он установил два золотых канделябра и почтительно зажег оранжевые свечи. Из глубин серванта, стоявшего у него за спиной, он достал приземистую стеклянную флягу и бокал. Распечатав пробку фляги, он налил в бокал вязкую янтарную жидкость, после чего пододвинул кресло поближе к столу и устроился в нем, чтобы без помех наслаждаться новым приобретением. Бескрайние просторы Вселенной снова раскрылись перед ним; теперь он мог, наконец, с достоинством покинуть этот забубенный городишко помешанных шпрангоходов и с гордостью вернуться в академическую обитель, где его иронические отзывы об укладе жизни на Марии смогут украсить немало интимных ужинов для избранных.

Блаженство!

~

Эпилог

«Гликка» парила в космосе, несущественная, как облачко магического дыма. Далеко за кормой едва мерцала — и наконец погасла — белая искорка Пфитца. Впереди еще нельзя было заметить золотистую Фраметту. Капитан Малуф, стоявший в рубке управления, отвернулся от носового иллюминатора и прошел на корму, в корабельный салон. Подождав, пока не умолкли оживленные беседы, он обратился к команде и пассажирам:

«Довольно скоро мы прибудем в космический порт Коро-Коро на Флютере, и мне следовало бы кое-что вам рассказать о местных условиях, иногда противоречивых, если не шокирующих. В целом Флютер — мирная планета с прекрасными пейзажами и почти полным отсутствием естественных опасностей. Коро-Коро — единственный крупный населенный пункт, служащий транспортным узлом, принимающим туристов, каковых на Флютере великое множество.

Помимо учреждений, обслуживающих туристов, в городе практически ничего нет. Бульвар тянется от космопорта до отеля «О-Шар-Шан» мимо многочисленных прочих гостиниц, агентств, магазинов и таверн. Жилые кварталы рассеяны в садах по обеим сторонам бульвара. Там живут горожане Коро-Коро, отличающиеся от туземцев-фляутов, населяющих глубинные территории планеты. По существу, горожане — смешанная раса, потомки изгоев-фляутов и тех инопланетян, которым разрешили постоянно проживать на Флютере. Горожане Коро-Коро считают себя высокообразованными утонченными аристократами; их существенное благосостояние нажито благодаря торговле с туристами и обслуживанию туристов.

Коро-Коро — изолированный анклав, в какой-то степени освобожденный от действия обычных правил, ограничивающих численность населения. В принципе, туристам разрешается проводить на планете до тридцати дней, после чего они обязаны ее покидать. На практике срок действия въездной туристической визы можно продлевать.

Любитель новизны может арендовать машину и осмотреть тот или иной провинциальный район Флютера. Его ожидают величественные виды и, главным образом, полное одиночество. Возможно, по пути ему встретится селение, состоящее из дюжины-другой колоритных старых хижин, таверны, базара и нескольких лавок, окружающих центральную лужайку. Как правило, в поселке есть постоялый двор, где можно переночевать. Обслуживающий персонал ведет себя вежливо, но не слишком дружелюбно. Если вы посетите такое селение, держитесь тише воды и ниже травы, не выражайте никаких мнений и не пьянствуйте. Никто на Флютере не побеспокоится о пьяном туристе, сброшенном в отстойник. Не торгуйтесь и не жалуйтесь; не замечайте туземных девушек. На первый взгляд поселок фляутов может показаться безмятежной пасторальной идиллией, где ничто никогда не происходит. Жестокое заблуждение! На памяти каждого такого селения — тысячи ужасных преступлений.

Первопоселенцы прибыли на Флютер с перенаселенной планеты Эргард. На первом же всеобщем собрании они поклялись навсегда запретить бесконтрольное размножение, заставившее их покинуть родной мир. Была установлена максимальная допустимая численность населения: девяносто девять тысяч человек. Прилагая огромные усилия, фляуты добивались соблюдения этого закона на протяжении тысячелетий, и даже теперь все еще поддерживается соответствующая плотность населения. Необходимость самоотверженного

контроля рождаемости неизбежно наложила отпечаток на характер фляутов, подверженных депрессии и вспышкам раздражительности, но при этом они отличаются своего рода упорным представлением о себе как о величественной, даже героической расе. Сегодня фляуты — угрюмый и подозрительный народ, что неудивительно, если учитывать их мрачную историю, в подробности каковой я вдаваться не буду.

По-моему, я сумел дать общее представление об укладе жизни на Флютере. Есть вопросы?»

Калаш, перрумптер пилигримов, поднял руку: «Как быть с нашими сундуками? В них содержатся драгоценные реликвии — вы их нам отдадите?»

«Разумеется, как только вы полностью оплатите стоимость их перевозки».

«Да уж, конечно! — воскликнул Калаш. — Неужели вы не можете взглянуть на вещи с более возвышенной точки зрения? Вы прекрасно знаете, что мы проиграли все наши деньги Шватцендейлу — теперь у нас ничего нет!»

«Это была ваша ошибка, а не моя».

Калаш скорчил гримасу: «Что же нам делать? Наше паломничество имеет огромное значение, но Шватцендейл отказывается даже слышать о каком-либо возмещении убытков. При этом мы торопимся, дальнейшее промедление немыслимо! Подумайте, проявите снисхождение! Нам еще предстоит заплатить за полет до Кирила, а по завершении круговерти мы должны будем как-то вернуться домой на Комард — не говоря уже о расходах, связанных с обходом всей планеты по экватору. Откуда мы возьмем необходимые средства?»

«Все очень просто. Заработайте их».

Калаш снова поморщился: «Это легче сказать, чем сделать».

«Ошибаетесь. Владельцам таверн и гостиниц на центральном бульваре в Коро-Коро постоянно не хватает рук. Там вы всегда найдете работу».

«А сундуки?»

«Я оставлю сундуки на перегрузочном складе. Чтобы их выкупить, вам достаточно будет заплатить за их перевозку и хранение — вы их получите. Есть еще какие-нибудь вопросы?»

«Какие могут быть вопросы? — брюзжал Калаш. — Я надеялся, что вы проявите подобающую случаю щедрость, но теперь нам придется, судя по всему, как-то обойтись без вашей помощи».

«Кому-нибудь еще нужны дополнительные разъяснения?»

Полоскун задумчиво нахмурился и выступил вперед, всем своим видом показывая, что он хотел бы задать капитану вопрос, но еще не совсем понял, в чем именно этот вопрос заключается.

Капитан Малуф проигнорировал его и обратился ко всем присутствующим:

«Я хотел бы сделать объявление. Команде нашего судна нужен отдых — все мы устали и перенесли несколько нервных потрясений. Кроме того, «Гликке» требуется техническое обслуживание. Поэтому на Флютере мы возьмем отпуск — на пару недель. По прибытии в Коро-Коро паломников просят освободить каюты, собраться в космическом вокзале и самостоятельно заняться приготовлениями к полету на Кирил. Нам будет не хватать их мудрых советов и веселых песнопений, но из Коро-Коро «Гликка» направится в Какс. После этого — кто знает? Не смею предсказывать будущее. Мы подобны романтическим бродягам древности, каждый из нас ищет потерянную Лурулу».

«Никогда не слышал о таком месте! — заявил Полоскун. — Будьте добры, объясните, что такое «Лурулу», и где она?»

«Это особенный мир — о нем упоминается в мифах и легендах. Даже теперь, после многих лет поисков чего-то потерянного и неизвестного, мир этот остается для меня тайной. Но в один прекрасный день я обернусь через плечо — и у меня за спиной будет Лурулу, и невозможно будет понять, как я не нашел ее раньше. Сегодня, однако, мы летим в Коро-Коро. Меня не покидает, тем не менее, предчувствие чего-то неминуемого, чего-то важного. Предчувствие меня не обманет, я в этом совершенно уверен. Что случится? Не знаю. Тайна есть тайна».

Полоскун оставался в замешательстве: «И Лурулу — часть этой тайны?»

Малуф неопределенно пожал плечами: «Возможно. Мне может не понравиться то, что я найду — когда я это найду и если я смогу это найти».

«Но что́ вы ищете?»

Капитан улыбнулся: «Могу сказать только одно: если мне посчастливится — или не посчастливится — то, что я ищу, найдется на Флютере».

«Любопытно! — Полоскун повернулся к Монкрифу. — А вы, сударь? Тоже занимаетесь поисками Лурулу?»

«Меня влечет в этом направлении, — признался Монкриф. — Каждый раз, когда мне удается выиграть у Шватцендейла, я замечаю проблеск надежды. В общем и в целом, я надеюсь, что легендарная труппа Чародея Монкрифа воскреснет во всей своей славе! Это была бы Лурулу чистой воды!»

Полоскун взглянул на стюарда: «А ты, брат Винго? Где ты найдешь свою Лурулу?»

«Не могу точно выразить это словами, — сказал Винго. — Для меня Лурулу — именно то, что я пытаюсь запечатлеть в альбоме «Карнавал Ойкумены». Лурулу скрывается также в элементарном уравнении, описывающем Истину, но по этому поводу я не хотел бы пускаться в дальнейшие рассуждения».

«Мои надежды носят гораздо более конкретный характер! — вмешался Мирон. — Цель моих странствий — в том, чтобы найти леди Эстер Ладжой. И когда я ее поймаю, надеюсь, неподалеку окажется какой-нибудь каземат, где она сможет провести остаток своих дней, потому что врожденное благородство не позволит мне сделать то, что я на самом деле хотел бы с ней сделать!»

Полоскун снова повернулся к Малуфу: «Не могли бы вы, капитан, подробнее разъяснить нам сущность ваших поисков?»

Капитан Малуф печально улыбнулся: «Мне не терпится прибыть на Флютер — это все, что я могу сказать. Там, в бескрайних безлюдных просторах, ждут неразгаданные тайны. Так или иначе, желаю удачи всем присутствующим!»

Полоскун начал было формулировать еще какой-то жизненно важный вопрос, но капитан уже ушел: он вернулся в рубку управления и встал у носового иллюминатора. Фраметту все еще нельзя было заметить невооруженным глазом. «Что произойдет, если вообще что-нибудь произойдет? — бормотал себе под нос Малуф. — Нужно взять себя в руки и не поддаваться предчувствиям полностью». Он продолжал смотреть в ту точку черной пустоты, где должна была загореться искорка Фраметты: «Как бы то ни было, жизнь продолжается — кроме того, следует приготовиться к прибытию в Какс, где всегда делается что-нибудь отвратительное».

Еще несколько секунд капитан стоял, глядя на звезды. Наконец ему показалось, что в

бездонной глубине космоса — прямо по курсу — мелькнул золотистый проблеск Фраметты.

~

ЛУРУЛУ

Предисловие

Несколько лет тому назад, когда я работал над «Зовом странствий», рукопись достигла объема, более чем достаточного для издания отдельной книги — при том, что оставалось большое количество материала, который я не мог заставить себя сократить или оставить без внимания. Что было делать? Я решил проблему в том же духе, в каком Александр разрубил гордиев узел: просто перестал писать, оставив намек на то, что сюжет продолжится в дальнейшем. После чего я отложил первую книгу и принялся за «Лурулу» — теперь и эта вторая книга, к моему облегчению, закончена.

Для того, чтобы освежить в памяти читателей содержание «Зова странствий», в первой главе второй книги приводится краткая сводка событий, о которых говорилось в первой. Если читателю покажется, что он испытывает нечто вроде déjà vu, не беспокойтесь, это еще не галлюцинация; для того, чтобы упростить пересказ, я использовал несколько параграфов из первой книги.

~

Глава 1

Краткое изложение содержания книги первой.

В детстве Мирон Тэйни бредил легендами о космических исследованиях. Он странствовал в воображении по далеким закоулкам Ойкумены, трепетно сопереживая приключениям звездных старателей и разведчиков-заявителей, пиратов и охотников за рабами, МСБР и ее отважных агентов.

В противоположность его фантазиям, будни в буколическом поселке Лиллинг на отрадной планете Вермейзен, где он родился и вырос, буквально убаюкивали непринужденной безмятежностью. Вопреки дерзновенным мечтам Мирона, родители настойчиво напоминали ему о прозаических требованиях действительности. «Если ты хочешь стать финансовым экспертом, таким, как твой отец, для тебя важнее всего образование, — говорили ему. — Когда закончишь Институт и получишь диплом, у тебя будет время немного расправить крылья, так сказать, перед тем, как ты займешь должность на Бирже».

Будучи покладист и прилежен от природы, Мирон заставил себя на какое-то время забыть об опьяняющих грезах и поступил в Колледж конкретных совершенств при Институте Варли в Саалу-Сейне, на другом краю континента. Родители, хорошо понимавшие предрасположенность Мирона к беспечному времяпровождению, сопроводили сына строгими напутствиями. Ему надлежало сосредоточить внимание на учебе. Академические успехи имели огромное значение для дальнейшей карьеры молодого человека.

Мирон обязался сделать все от него зависящее, но, когда настало время выбрать предлагаемое расписание занятий, оказался в западне нерешительности. Несмотря на лучшие намерения, он никак не мог избавиться от картин, представлявшихся внутреннему взору: роскошные пассажирские звездолеты величественно плыли в бесконечном пространстве, инопланетные города полнились незнакомыми ароматами, в старинных тавернах, открытых теплым ветрам, смуглые девушки в пурпурных юбках подавали пенистый пунш в кувшинах из резного дерева…

В конце концов Мирон составил список курсов обучения, по его мнению отражавший своего рода компромисс: в него входило изучение статистической математики, экономических закономерностей Ойкумены, общей космологии, основных принципов конструкции космических двигателей и ойкуменической антропологии. Он заверял родителей в том, что эта программа, изобретательно названная им «анализом экономических производных», служила надежной основой для достаточного общего образования. Родители Мирона не были убеждены его заверениями. Они знали, что за благопристойными, хотя и несколько рассеянными манерами их отпрыска скрывалась наклонность к нерациональному упрямству, преодолеть которое не могли никакие доводы. Они больше ничего не могли сказать — Мирону предстояло самому убедиться в ошибочности его представлений.

Мирон не мог с легкой душой избавиться от мрачных предчувствий, навеянных прогнозами отца. Это заставило его наброситься на занятия с небывалой энергией. В свое время он закончил Институт, получив почетный диплом, и перед ним открылась перспектива успешной карьеры на Бирже. Но к тому времени предусмотренный распорядок

жизни Мирона нарушило неожиданное вмешательство. Виновницей вмешательства стала двоюродная бабка Мирона, леди Эстер Ладжой, унаследовавшая огромное состояние своего первого мужа. Леди Эстер содержала роскошное поместье, окружавшее усадьбу Сарбитер в Дингл-Террасе, на южной окраине Саалу-Сейна. Когда Мирон учился на последнем курсе Института Варли, леди Эстер заметила, что ее двоюродный племянник больше не был тощим подростком с рассеянно-мечтательным — «телячьим», по выражению леди Эстер — выражением лица, но превратился во все еще худощавого, но пропорционально сложенного юношу приятной наружности, с гладкими светлыми волосами и глазами цвета морской лазури. Леди Эстер нравилось, когда ее окружали молодые люди приятной наружности: она считала, что они создавали нечто вроде орнаментальной оправы, выгодно оттенявшей блистательные достоинства ее драгоценной персоны. Так или иначе, по той или иной причине, пока он готовился к выпускным экзаменам, Мирон проживал в усадьбе Сарбитер со своей двоюродной бабкой, что, как оказалось впоследствии, позволило ему приобрести поучительный опыт.

Леди Эстер не соответствовала общепринятым в Ойкумене закономерностям или категориям женского поведения. Высокая и костлявая, она настаивала на том, чтобы окружающие восхищались ее стройностью. Она ходила размашистыми шагами, выставив голову вперед подобно хищной птице, разыскивающей добычу. Артистически растрепанная лавина волос цвета красного дерева обрамляла ее продолговатое бледное лицо со впалыми щеками. Черные глаза леди Эстер были окружены, подобно глазам попугая, множеством морщинок и складок, а ее длинный горбатый нос заканчивался заметным крючком. Лицо ее мгновенно запоминалось и поражало собеседника: рот непрерывно кривился и гримасничал, пристальные птичьи глазки часто моргали, выражение то и дело менялось под натиском эмоций. Леди Эстер была знаменита бурными вспышками темперамента, капризами, причудами и странностями. Однажды, когда в саду ее усадьбы собрались многочисленные гости, некий господин наивно предложил ей написать мемуары. Лихорадочная ярость ее реакции заставила его испуганно отшатнуться: «Смехотворно! Нелепо! Непристойно! Тошнотворная идея! Почему бы я стала писать мемуары сейчас, когда я только начала жить!»

Действительно, леди Эстер не всегда умела вести себя сдержанно и благоразумно. Она воображала себя очаровательным созданием, возбуждающим сладострастные порывы и неподвластным разрушительному влиянию времени. Невозможно отрицать тот факт, что она представляла собой великолепное зрелище, энергично вращаясь в высших кругах в самых поразительных нарядах красновато-лиловой, сливовой, лимонно-зеленой, киноварной и черной расцветки.

Незадолго до переселения Мирона в ее усадьбу леди Эстер обвинила Гоуэра Хэчки, состоятельного члена Общества гильоширов, в клевете, порочащей ее репутацию. Суд вынес решение в ее пользу, и леди Эстер получила, в качестве возмещения ущерба, космическую яхту «Глодвин».

Первоначально леди Эстер рассматривала яхту всего лишь как доказательство того, что любой, кто осмеливался называть ее «старым лысым огородным пугалом в красном парике», должен был дорого заплатить за такую привилегию. К изумлению Мирона, она не проявляла никакого интереса к космическому судну. «Поистине, стремление нестись куда-то сломя голову в безвоздушном пространстве абсурдно, неестественно! — язвительно заметила ему леди Эстер. — У меня, например, нет ни времени, ни желания проводить время зря, сидя в

кувыркающемся жестяном гробу и глядя в непроглядный мрак. Все это сплошное безумие, умерщвляющее дух и тело. Скорее всего, мне придется продать это судно».

Мирону оставалось только застонать и схватиться за свои гладкие светлые волосы.

Леди Эстер пристально наблюдала за ним: «Твое замешательство очевидно — ты думаешь, что я боязлива и придерживаюсь старомодных воззрений. Заблуждаешься! Плевать я хотела на условности и традиции. И почему, как ты думаешь? Потому что тот, кто молод духом, никогда не стареет! Можешь считать меня сумасбродной фантазеркой — что с того? Такова цена, которую я плачу́ за то, что сохраняю бодрость юности, и в этом секрет моей неувядающей красоты!»

«Да-да, разумеется», — поспешил согласиться Мирон, но тут же задумчиво прибавил: «И все же, жаль было бы расстаться с таким замечательным звездолетом».

Последнее замечание вызвало у леди Эстер приступ раздражения: «Мирон, смотри на вещи с практической точки зрения! С какой стати я стала бы слоняться среди звезд, подыхая от скуки, или бродить по грязным глухим закоулкам, зажимая нос и рискуя вдохнуть какую-нибудь заразу?»

Не находя слов, Мирон ушел к себе, чтобы продолжить чтение увлекательного труда «Трансцендентные биографии: космические разведчики-заявители и их сверхсветовые ржавые посудины модели 11-В».

В редкую минуту покоя леди Эстер случайно наткнулась на журнальную статью, опубликованную под псевдонимом «Серена» и повествовавшую о пребывании «Серены» на планете Кодайра, где она прошла на удивление эффективный курс омоложения. Леди Эстер вдохновилась этой статьей. Наведя справки, она изменила свои взгляды на космические путешествия и решила посетить Кодайру, воспользовавшись яхтой «Глодвин».

Для леди Эстер принять решение значило немедленно перейти к действию. Она вызвала Мирона и приказала ему узнать, где, в точности, находилась планета под наименованием «Кодайра». Она назначила капитаном «Глодвина» своего дражайшего интимного компаньона Донси Труза, но тот скомпрометировал себя, и эта должность была предложена Мирону.

«Глодвин» вылетел из космопорта Саалу-Сейна, и Мирон взял курс на планету Нахариус — таково было настоящее наименование Кодайры. Поначалу путешествие оправдывало надежды Мирона. Леди Эстер роскошествовала в полном покое, в отсутствие забот и треволнений — никто не претендовал на ее свободное время. Она спала, сколько хотела, болтала от души за завтраком и за ужином, даже прочла несколько книг. «Наш полет, — говорила она Мирону, — уже производит омолаживающее действие сам по себе».

Шло время, и энтузиазм леди Эстер начал истощаться. Она никак не могла найти себе занятие и в конце концов вызвала Мирона.

«Да, тетушка Эстер?»

«Сколько мы уже пролетели?»

«Насколько я понимаю, мы где-то на полпути».

«Всего лишь? У меня такое ощущение, словно мы уже вечно тащимся и глазеем в пустоту».

«Нахариус далеко, ничего не поделаешь, — признал Мирон. — Тем не менее, в полете вы можете пользоваться множеством приятных преимуществ — отдыхать в тишине и предаваться размышлениям. Ну и просто радоваться красоте Вселенной, глядя на

проплывающие мимо звезды».

«Бред собачий!» — отрезала леди Эстер.

Мирон указал на иллюминатор: «Взгляните, как мерцают бесчисленные созвездия! Разве это не самое романтическое зрелище из всех возможных?»

«Я хотела бы остановиться на время в каком-нибудь месте, где люди все еще соблюдают старинные обычаи, где мы могли бы подышать свежим воздухом, полюбоваться на странные, пленяющие воображение пейзажи и на причудливые уютные селения».

«Все это хорошо и замечательно, — возражал Мирон. — Не сомневаюсь, что такие колоритные места существуют, но если мы отклонимся от проложенного курса, нам будет не так легко оказаться поблизости от конечного пункта назначения, то есть Нахариуса».

Леди Эстер ничего не хотела слышать: «Я читала о туземных рынках, где можно купить единственные в своем роде вещи: фетиши и маски, эмблемы плодородия, экзотические ткани. Там, если немного поторговаться, можно заключить самые выгодные сделки».

«Да-да, разумеется! Тем не менее, такие миры встречаются не в каждом районе Галактики».

Леди Эстер выпрямилась, сидя в углу мягкого дивана: «Мирон, будь так любезен! Я выразила свои пожелания! Изволь их выполнить».

Сдерживая раздражение, Мирон терпеливо ответил: «Дражайшая тетушка Эстер, если бы я мог сотворить такой чудесный романтический мир для вашего развлечения, я сделал бы это сию минуту. Но я не чудотворец!»

Леди Эстер произнесла ледяным тоном: «В таком случае научись творить чудеса. Надеюсь, тебе понятно, наконец, в каком я настроении?»

«Да, — сказал Мирон. — Понятно».

«Вот и хорошо», — леди Эстер снова развалилась, откинувшись на подушки дивана.

Мирон поклонился и направился в рубку управления, чтобы свериться со справочниками.

Через некоторое время он вернулся в салон. «Я внимательно просмотрел «Путеводитель по планетам», — сообщил он капризной владелице яхты. — Ближайший доступный обитаемый мир — Заволок, на пятой орбите белого карлика, звезды Модвелла. Насколько я понимаю, он вполне удовлетворяет самым странным и причудливым вкусам.

Справочная информация носит несколько расплывчатый характер. Никто не утверждает всерьез, что Заволок — привлекательная планета. Позвольте мне прочесть отрывок из «Путеводителя»: «Заволок никак нельзя назвать безмятежно очаровательным миром, хотя его ландшафты нередко отличаются суровым величием. Бóльшую часть поверхности планеты покрывают труднопроходимые горы и ледники. Несколько небольших округлых равнин, расположенных ниже уровня моря — древние метеоритные кратеры. На равнинах воздух нагревается благодаря теплу, исходящему из-под земли, что делает их пригодными для обитания. Город Фладжарет и космический порт находятся в одном из таких кратеров.

Заволок и его обитатели, мягко говоря, необычны, хотя их необычность может не показаться достаточно любопытной разборчивому туристу. Горячие источники создают в ледниках туннели, служащие убежищем презренной касте собаководов, которых на Заволоке называют «случниками». Представители элиты содержат собак в своих жилищах и наряжают животных в прихотливые костюмы и платья. Для взаимоотношений случников и элиты характерна подспудная враждебность, так как случники питаются собаками, а обеспеченные домовладельцы холят и лелеют четвероногих любимцев, скармливая им остатки блюд со

своего стола.

Самый популярный спорт на Заволоке — собачьи схватки, играющие важную роль, так как они задают тон всей местной общественной жизни. Во Фладжарете каждый одержим азартом собачьих боев, все делают рискованные ставки на того или иного пса. Даже маленькие дети, едва научившиеся ходить, прибегают посмотреть на арену и приносят с собой монеты, чтобы поставить на самую свирепую, с их точки зрения, собаку. Еще одним всеобщим развлечением, превратившимся в нечто вроде азартной игры, стала местная система исправительных наказаний. Неподалеку от Фладжарета большой залив сплошь покрыт «матами» водорослей. Преступников изгоняют на поверхность этих «матов», причем дальность изгнания прямо пропорциональна тяжести преступления, и дальнейшая судьба наказанных вызывает у публики острый интерес.

Заволок не знаменит кулинарными достижениями, так как на этой планете почти не производятся и не потребляются продукты естественного происхождения. Пищей местным жителям служит, главным образом, синтетическая каша, приправленная тем или иным искусственным ароматизатором — в жареном, печеном, вареном или пареном виде, хотя на вкус приезжего она одинаково несъедобна в любом варианте».

Мирон прервался: «Продолжать? «Путеводитель» предлагает несколько рецептов приготовления тушеной собаки — если вам это интересно».

«Нет уж, спасибо!»

Мирон украдкой поглядывал на леди Эстер, пытаясь предсказать ее дальнейшие намерения. Нередко она проявляла извращенное упрямство исключительно для того, чтобы драматизировать наскучившую ей ситуацию. Немного подождав, Мирон решился высказать свое мнение: «Предлагаю не останавливаться на Заволоке. Довольно скоро мы сможем приземлиться в Танджи на планете Тобри — уверен, что этот мир развлечет вас гораздо лучше».

«Мы ненадолго остановимся на Заволоке — хотя бы для того, чтобы составить представление об этой кошмарной планете! — решительно произнесла леди Эстер. — А после этого навестим Тобри, чтобы сравнить лучшее с худшим».

Мирон церемонно поклонился: «Как вам будет угодно».

Во Фладжарете леди Эстер познакомилась с инопланетной перелетной птицей по имени Марко Фассиг — располагающим к себе широкоплечим молодым бездельником с пушистыми усами и снисходительными карими глазами. Шутливые присказки и галантные манеры Фассига произвели положительное впечатление на богатую старуху — настолько положительное, что леди Эстер наняла его стюардом «Глодвина» вопреки энергичным возражениям Мирона.

Как только «Глодвин» приземлился в Танджи, Мирон уволил Фассига и приказал ему немедленно покинуть яхту. Но уже через полчаса самому Мирону, кипящему не находящим выхода возмущением, пришлось спуститься по трапу «Глодвина» с чемоданчиком в руке — в его ушах все еще звучали последние язвительные замечания двоюродной бабки.

Мирон побрел в город и устроился на ночлег в дешевой гостинице «Приют скитальца». Вечером Мирон навестил таверну «Осоловей-разбойник», где ему удалось познакомиться с командой грузового судна «Гликка», состоявшей из капитана Адэйра Малуфа, стюарда Винго, механика Шватцендейла и суперкарго Хильмара Крима.

Каждый из этих астронавтов заметно отличался от других, но больше всех — Крим.

Долговязый и сухопарый, с высоким лбом и любопытной маленькой шапочкой черных волос, с длинным подбородком и задумчиво полузакрытыми черными глазами, Крим выражал догматические мнения, противоречить которым его спутники даже не пытались. Мирону сообщили, что Крим старательно изучал юриспруденцию и готовил к изданию трехтомный трактат, посвященный анализу законодательств Ойкумены.

В этот достопримечательный вечер Крим был в духе и осушил несколько кружек горького эля «Старый Габон». Когда посетители начали танцевать, Крим вскочил и присоединился к ним, энергично отплясывая импровизированную джигу. Хорошо одетый дородный господин с красивыми темно-рыжими усами тоже вышел на танцевальную площадку, чтобы исполнить со своей напарницей то, что в Танджи называли «воровской рысью» — слегка отклонившись назад, как важничающие вельможи, танцоры передвигались быстрыми размашистыми шагами, высоко вскидывая ноги, после чего вихрем разворачивались и продолжали такое же движение «гоголем» в другую сторону. Самозабвенно пляшущий Крим столкнулся с этой парой. Последовала ссора, во время которой разгоряченный Крим нанес дородному господину пару оскорблений, а когда к судовому суперкарго уже направились констебли, Крим отвесил обладателю темно-рыжих усов несколько пинков. Оказалось, однако, что обиженный им щеголь-усач — городской магистрат, уполномоченный судить правонарушителей и выносить им приговоры на месте преступления.

Магистрат проковылял к находившемуся там же, в таверне, возвышению с пюпитром, констебли подтащили Крима к этой трибуне, и судья во всеуслышание перечислил допущенные Кримом правонарушения. Суперкарго тщетно пытался выступать в свою защиту, цитируя инопланетные законодательные положения вперемешку с такими не имеющими общепринятого юридического смысла терминами, как «вшивая деревенщина» и «дубина стоеросовая». Его не отпустили. Возложив на себя официальные полномочия, магистрат рассмотрел дело Крима. Сохраняя подобающую случаю беспристрастную сдержанность, городской чиновник огласил приговор: «Подсудимый сделал несколько любопытных замечаний, свидетельствующих о недюжинном юридическом образовании. Тем не менее, его аргументы не имели непосредственного отношения к делу. Мой долг заключается в том, чтобы разъяснить подсудимому неукоснительность местных законов и оградить мирное население нашего славного города от дальнейших безрассудных проявлений насилия. Посему я приговариваю господина Хильмара Крима к четырем месяцам, одиннадцати дням и девятнадцати часам воспитательных работ в каменоломне».

Крим приводил другие законные основания для возражений и ссылался на прецеденты, свидетельствующие о существовании применимых средств правой защиты, но его подхватили под локти, вывели из таверны и безотлагательно препроводили в каменоломню.

Тактично помолчав несколько минут, Мирон выдвинул свою кандидатуру на должность суперкарго «Гликки». Поразмышляв, капитан Малуф сказал: «Это непростая работа, требующая компетенции и находчивости».

«Думаю, что я достаточно компетентен и находчив», — смело заявил Мирон.

«Посмотрим! — покачал головой капитан Малуф. — Прежде всего, позвольте спросить: известны ли вам первые десять простых чисел?»

«Конечно, известны!»

«Вам известно, как они обычно применяются?»

«Да».

«И вы способны пересказывать, вкратце и в понятных выражениях, содержание бюрократических письменных документов?»

«Да».

«Если я поручу вам обязанности суперкарго, будете ли вы возражать против того, чтобы более или менее точно подводить баланс поступлений и расходов?»

«Что можно было бы против этого возразить?»

Капитан Малуф с облегчением вздохнул: «Судя по всему, ваша квалификация более чем достаточна. Считайте, что с этого момента вы — суперкарго на борту моего корабля».

«Благодарю вас, капитан!»

«Благодарить меня, в сущности, не за что, — признался Малуф. — Не хотел бы подвергать сомнению репутацию бедняги Крима, но ему будет полезно некоторое время заниматься перемещением тяжелых камней, а не перемещением цифр в финансовых ведомостях. Насколько я понимаю, вам предстоит преодолеть существенное препятствие, а именно разобраться в применявшихся Кримом методах бухгалтерского учета. Можете явиться на борт «Гликки» завтра утром».

Утром Мирон покинул «Приют скитальца», позавтракал в кафе под открытым небом на краю центральной площади, направился в космопорт по бульвару, окаймленному облачными вязами, и, пройдя через космический вокзал, нашел «Гликку» на посадочном поле, примерно в ста метрах от вокзала. Старое неказистое судно, «Гликка» перевозила грузы в трех трюмах, а также, в зависимости от спроса, то или иное количество попутных пассажиров. Корпус «Гликки» некогда был покрыт суровой синевато-серой эмалью с темно-красными обводами, но теперь через полустертую эмаль проглядывал серовато-белый грунтовочный слой, местами заляпанный оранжевым вяжущим материалом, необходимым для герметизации глубоких царапин, оставленных мелкими метеоритами пробоин и прочих повреждений. Приблизившись к судну, Мирон поднялся по короткому трапу и прошел через открытый шлюз в главный салон. Там он нашел капитана Малуфа и механика Шватцендейла, задержавшихся за завтраком.

«Садитесь, — пригласил Малуф. — Вы уже завтракали?»

«Я съел две рыбные котлетки под томатным соусом и выпил горшок перечного чая, — признался Мирон. — По сути дела, я уже позавтракал».

Винго, гремевший кастрюлями в соседнем камбузе, услышал его слова и тут же принес Мирону миску фасоли с беконом и две поджаренные ячменные лепешки, сопровождая свои действия следующим строгим наставлением: «На дрянных планетах кормят всякой дрянью. На борту «Гликки» мы не предаемся гурманскому обжорству, но и не корчим из себя эстетов-аскетов. Так или иначе, в изучении всех тонкостей местной кулинарии обычно нет необходимости».

«Такие вопросы у нас решает Винго, — сообщил Мирону Шватцендейл. — Если он находит на местном рынке что-нибудь достойное внимания, это подают на ужин. Винго внимательно следит за последствиями и, если нам не становится плохо от нового блюда, иногда осмеливается попробовать его сам».

Винго ухмыльнулся до ушей. «Мне редко приходится выслушивать жалобы, — успокоил он Мирона. — Если вы соблаговолите последовать за мной, я покажу вашу каюту. Мы с Шватцендейлом уже сложили вещи бедняги Крима в камеру хранения на космическом вокзале. Каюта проветрилась, на койке свежие простыни. Думаю, что вы тут освоитесь».

Мирон отнес свой чемоданчик в каюту и вернулся в салон.

За столом остался один капитан. Он спросил: «Надеюсь, вас устраивает каюта?»

«Да, разумеется — и я готов приступить к работе».

«В таком случае я объясню, в чем будут заключаться ваши обязанности. Они разнообразнее, чем вы могли бы ожидать». Малуф задумчиво взглянул на потолок и продолжил: «Попытайтесь разобраться в методах, применявшихся Кримом. В этом отношении у вас могут возникнуть затруднения. Несмотря на множество его талантов и познаний, Хильмар Крим относится к категории людей, которых… как бы это выразиться… невозможно отнести к какой-либо категории».

Мирон кивнул: «Это меня не удивляет».

«Крим неприязненно обращался с некоторыми пассажирами, что приводило к излишним трениям. В ответ на запрос, казавшийся ему нерациональным, вместо того, чтобы затратить пять минут и удовлетворить запрос, Крим разъяснял, почему пассажиру следовало изменить взгляд на вещи. Например, если пассажир жаловался на несварение желудка, Крим мог рекомендовать ему холистический подход вместо того, чтобы выдать требуемую пилюлю, и споры по этому поводу могли продолжаться несколько часов, пока позеленевший пассажир не скрывался в туалете, схватившись за живот. Если я пытался вмешаться, Крим заявлял, что придерживается самых высоконравственных принципов, в связи с чем мне оставалось только чувствовать себя беспринципным шарлатаном».

Мирон снова кивнул и занес в маленькую записную книжку следующую пометку: «Инструкция № 1: умиротворять пассажиров; выдавать лекарства по требованию».

«Вот именно. А теперь — о записях и счетах. Опять же, в этом отношении я вынужден подвернуть Крима критике. Он был настолько одержим монументальной компиляцией законодательств Ойкумены, что рассматривал финансовый учет как невыносимый каторжный труд, которого следовало избегать всеми возможными средствами. Когда его упрекали в нерадивости, он утверждал, что безошибочно хранит в памяти все существенные цифры и может восстановить их на бумаге в любой момент, когда это потребуется. Однажды я спросил его: «Что, если какая-нибудь превратность судьбы заставит вас покинуть наше судно — например, если вас убьет бандит или вы умрете от кровоизлияния в мозг?»

«Чепуха, абсолютный вздор!» — безапелляционно заявил Крим.

«Тем не менее, — настаивал я, — что, если вас арестует полиция и вы окажетесь в кутузке? Кто, в таком случае, сможет расшифровать ваши каракули?»

Крим рассердился. По его словам, такая перспектива была слишком маловероятна, чтобы ее можно было рассматривать всерьез. Никакая полиция не посмела бы задержать человека, вооруженного такими средствами правовой и процессуальной защиты, какими располагал он, Хильмар Крим! Но он ошибался. Его арестовали и бросили в тюрьму — и теперь для нас потеряно все огромное множество учетных записей, которые он держал в голове. На мой взгляд, этот эпизод говорит сам за себя».

Мирон пометил в записной книжке: «Инструкция № 2: вести учетные записи; избегать полиции».

«Вы меня правильно понимаете». Малуф приступил к описанию других обязанностей суперкарго. Мирону надлежало регистрировать загрузку и разгрузку товаров, оформлять транспортные накладные и, по мере необходимости, обеспечивать получение разрешений на импорт и экспорт. Наблюдая за погрузкой и разгрузкой в каждом порту, он должен был удостоверяться в том, что все надлежащие грузы доставлялись получателю, даже если бы для этого ему пришлось самому перетаскивать их из трюма на передвижную платформу.

Мирон записал: «Инструкция № 3: следить за погрузкой и разгрузкой, подробно регистрируя все, что перемещается из трюмов и в трюмы».

Малуф продолжал: «Суперкарго должен проверять оплату перевозки товаров перед их загрузкой — в противном случае вполне возможно, что мы будем перевозить грузы, не извлекая никакого дохода, так как грузополучатели нередко отказываются оплачивать счета за перевозку, и в результате у нас на руках остаются бесполезные товары, что приводит к множеству затруднений».

Мирон записал: «Инструкция № 4: требовать предварительной оплаты всех счетов, сборов и пошлин».

«Как видите, — говорил Малуф, — идеальный суперкарго — человек непреклонный, всевидящий и неумолимо настойчивый. Его ум подобен западне, не упускающей никакие сведения, он не верит никаким нахальным утверждениям складских работников и не уступает никакому давлению с их стороны, как бы они ни пытались его запугивать».

«Сделаю все, что смогу», — упавшим голосом отозвался Мирон.

«Надеюсь, этого будет достаточно, — сказал капитан. — У нас на борту вечно не хватает рук. Каждый выполняет несколько функций одновременно — в особенности суперкарго, время от времени вынужденный помогать стюарду или механику, а также брать на себя обязанности подсобного рабочего. Вы это понимаете?»

«Теперь понимаю».

В тот же день, после полудня, капитану Малуфу представились одиннадцать пилигримов, направлявшихся в Бесовскую Высадку на планете Кирил, где им предстояло пятилетнее паломничество в обход всего этого мира. Капитан пояснил, что «Гликка» может отвезти их в Коро-Коро на Флютере, после чего им предстояло найти другой корабль, способный доставить их на Кирил. Пилигримы долго торговались, но в конце концов согласились с условиями Малуфа.

Дополнительные возражения вызвал размер оплаты. Калаш, перрумптер паломников, настаивал на предоставлении им скидки, причитавшейся представителям религиозной организации. Капитан Малуф не согласился с таким взглядом на вещи: «Если бы божества, которым вы поклоняетесь, пожелали бесплатно отправить вас прямиком на Кирил, им ничего не стоило бы продемонстрировать таким образом свое всемогущество».

Калаш предпринял последнюю попытку объяснить очевидный парадокс: «Пути богов неисповедимы».

Малуф задумчиво кивнул: «Пожалуй, что так! Тем не менее, кому-то — вам или богам — придется заплатить за полет сполна».

Перрумптеру больше нечего было сказать. Пилигримы промаршировали вверх по трапу, после чего Винго и Мирон проводили их в каюты.

С заходом солнца «Гликка» отправилась в путь по маршруту, пролегавшему от одной планеты к другой через удаленные, малоизвестные области Галактики, изредка посещаемые только трамповыми судами, такими, как «Гликка». Паломники быстро привыкли к корабельному распорядку жизни: пили чай, критиковали кухню Винго, отправляли обряды, резались в карты и обсуждали планету Кирил, где им предстояло совершить пятилетнее «кругохождение».

Мирон тоже быстро приспособился к повседневным обязанностям. Гораздо труднее оказалось справиться с записями Хильмара Крима и его необычайными методами бухгалтерского учета. Крим использовал систему сокращений, неразборчивых

стенографических пометок и не поддающихся расшифровке иероглифов. Кроме того, многие финансовые подробности, такие, как портовые сборы, суммы, полученные складскими рабочими, авансы, выплаченные команде, и прочие случайные расходы, Крим вообще никогда не регистрировал. Он предпочитал держать промежуточный итог в голове до тех пор, пока у него не появлялось желание занести значение баланса в учетные книги. Такое желание появлялось у него нерегулярно, по капризу, в связи с чем в ведомостях нелегко было найти какие-либо осмысленные цифры.

В конце концов Мирон изобрел ретроактивный метод учета — он называл его «усреднением по вдохновению». Его упрощенная система позволяла получать определенные результаты, хотя исходные данные в ней носили скорее интуитивный и даже произвольный характер. Руководствуясь этим методом, Мирон заменял иероглифы Крима воображаемыми суммами, каковые он корректировал до тех пор, пока они не позволяли получить надлежащее значение. Таким образом Мирон восстановил какую-то видимость порядка в учетных книгах, хотя не мог гарантировать абсолютную достоверность записей. Мало-помалу он обнаружил, что точность цифр не имела особого значения постольку, поскольку цифры были указаны четким и уверенным почерком и в общей сложности позволяли подвести осмысленно выглядевший итог и согласовать счета. Капитан Малуф периодически пытался проверять учетные записи, но процессы, применявшиеся Кримом, превосходили его понимание. Теперь, просматривая «вдохновенные» цифры Мирона, снабженные удобопонятными краткими пояснениями, капитан был вполне удовлетворен.

Дни проходили за днями, и Мирон все ближе знакомился со своими коллегами-астронавтами. Шватцендейл оказался, по ближайшем рассмотрении, стихийно непосредственной, непостоянной личностью с необузданным воображением, полной сюрпризов и вызывающих изумление способностей. Рядом с ним Винго выглядел человеком спокойным, методичным, склонным к глубокомыслию. С первого взгляда Шватцендейл производил впечатление мошенника привлекательной наружности, но с сомнительными привычками. Его сердцевидная физиономия с треугольным выступом волос на лбу и словно светящимися прозрачными глазами нередко побуждала незнакомцев принимать его за томного молодого эстета, даже за сибарита. Такое представление нисколько не соответствовало действительности. По сути дела, Шватцендейл был человеком дерзким, непоседливым, с расточительными привычками и сумасбродными настроениями. Он спешил по жизни вприпрыжку, как ребенок, никогда не испытывая ни малейшего смущения. К практическим обязанностям инженера-механика Шватцендейл относился с презрительной яростью, как если бы это занятие было недостойно серьезного внимания со стороны человека с изящными вкусами и блестящим интеллектом — то есть такого, как он. В том, что касалось самооценки, Шватцендейл был одновременно тщеславен и романтически наивен; он воображал себя азартным игроком и благородным искателем приключений.

Время от времени Винго отзывался о выходках Шватцендейла с почтительным ужасом, смешанным с восхищением и неодобрением. Будучи полной противоположностью механику, Винго — низенький, полный, голубоглазый, с редкими прядями светлых волос, ничуть не прикрывавших розовую лысину — был мягок и дружелюбен, всегда готов проявить сочувствие. Он страстно коллекционировал редкости, небольшие антикварные безделушки и любопытные диковины, причем ценил в них не столько стоимость, сколько изобретательность и мастерство изготовления. Кроме того, Винго увлекался фотографированием и занимался составлением того, что он называл «подборкой

настроений» — стюард надеялся когда-нибудь опубликовать большой альбом под наименованием «Карнавал Ойкумены».

Винго проявлял исключительный интерес к сравнительной метафизике — к сектам, предрассудкам, исповеданиям и трансцендентальным философским воззрениям, с бесконечным разнообразием каковых он неизбежно сталкивался по мере того, как «Гликка» порхала с планеты на планету. Оказавшись в том или ином незнакомом месте, он непременно уделял внимание местным мистическим верованиям. Шватцендейл осуждал в нем эту склонность:

«Винго, ты зря тратишь время! Все они говорят одну и ту же чушь разными словами, причем все, чего они от тебя хотят — денег, больше денег и еще больше денег! Какой смысл разбираться в этой болтовне? Во всей Вселенной нет ничего глупее и постыднее религиозного юродства и ханжества».

«Ты во многом прав, — признавал Винго. — Тем не менее, разве не существует вероятность того, что одно из вероучений в самом деле определяет смысл и назначение космоса? Если мы упустим такую возможность, мы так никогда и не узна́ем, что́ есть истина».

«В теории все может быть, — ворчал Шватцендейл. — На практике у тебя нет никаких шансов».

Винго покачивал в воздухе розовым указательным пальцем: «Не скажи! Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Откуда ты знаешь, что не просчитался? Тот, кто не играет, не выигрывает».

«Одними рассуждениями ничего не добьешься! — рычал Шватцендейл. — Сколько бы ты ни играл, тысячу раз или тысячу тысяч раз, ты останешься с носом, если у тебя нет никаких шансов!»

«Я проверю математическую достоверность твоего расчета, — с печальной улыбкой отзывался Винго. — Может быть, ты в чем-то ошибаешься».

Шватцендейл не мог не согласиться с тем, что такая вероятность существовала, даже если она была пренебрежимо мала — и на этом спор заканчивался.

Шватцендейл служил для Мирона неистощимым источником любопытнейших наблюдений. Механик прекрасно сознавал тот факт, что природа наделила его идеальным телосложением и привлекательной внешностью, но полностью игнорировал это обстоятельство. В двигательном отсеке он работал быстро, с безукоризненной точностью, абсолютной самоуверенностью и характерным для него апломбом. Как правило, Шватцендейл выполнял любую работу так, словно демонстрировал восхищенной публике, как это делается, после чего отходил на шаг, окинув отремонтированную деталь угрожающе-высокомерным взглядом — и тем самым предупреждая ее никогда больше не повторять допущенную ошибку. Мирон исподтишка следил за причудливыми повадками механика — ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного — за его неповторимыми манерами и приемами, язвительными шутками и неожиданными предположениями, за вопросительным наклоном его головы и приподнятыми, будто взлетающими локтями, за его повадкой стремительно переходить с места на место размашистыми шагами. Иногда Мирону казалось, что все компоненты Шватцендейла были деформированы — но так, что они подходили один к другому и поэтому слаженно функционировали. В нем все было асимметрично, эксцентрично, наперекос. Шватцендейл напоминал шахматного коня, способного передвигаться по доске только прыжками, совершая непредсказуемый пируэт в

воздухе перед самым приземлением.

«Гликка» перелетала от одного мира к другому согласно назначению груза, указанному в транспортных накладных. В Жирандоле на планете Фьяметта «Гликка» приземлилась рядом с большой космической яхтой «Фонтеной», роскошью отделки не уступавшей «Глодвину». Владельцем «Фонтеноя» был Джосс Гарвиг, куратор отдела закупок Пангалактического музея искусств в Дюврее, на Альцидоне. Гарвига сопровождали его супруга Вермира, сын Мирль и дочь Тиббет.

В Медовом Цвету команда «Гликки» присоединилась к семье Гарвигов на праздновании фестиваля Лалапалузы, представлявшем собой сложное сочетание ярмарки, карнавальных шествий, аттракционов, представлений и проповедей. Там они наблюдали за тем, как Проныра Монкриф и его труппа умело и настойчиво надували доверчивых зевак. Шватцендейл живо заинтересовался происходящим, так как именно Монкриф в свое время выиграл у него в «калиостро» почти пятьдесят сольдо. Уже тогда Шватцендейл поклялся себе, что не упустит случай отомстить ловкому шулеру, если такой случай представится.

Тем временем Мирон и Тиббет ускользнули от внимания родителей девушки, углубившись в «Грот любви» — и не вернулись до позднего вечера. Им пришлось расстаться, однако, и расставание было сладостно-горьким, ибо Ойкумена невообразимо велика — они почти не могли надеяться на то, что когда-нибудь встретятся снова. Напоследок Тиббет сказала Мирону: «Ты можешь мне писать по адресу Пангалактического музея искусств в Дюврее. Когда твои письма перестанут приходить, я пойму, что ты меня забыл».

Под конец того же дня шарлатан Монкриф отвел в сторону капитана Малуфа и условился о перевозке всей его труппы, в том числе его самого, в Какс на планете Бленкинсоп. На следующее утро атмосферу на борту «Гликки» оживили шесть новых пассажиров: Проныра Монкриф собственной персоной, три очаровательные и непоседливые девушки — почти неотличимые близнецы Фрук, Плук и Снук, а также две дерзкие темнокожие амазонки из племени клутов, Сиглаф и Хунцель, уроженки Мутных холмов Нумоя.

«Гликка» продолжала свой нескончаемый полет. Оставив за кормой вызывавшие гнетущие опасения четыре космических порта планеты Мария, старое грузовое судно отправилось в далекий путь к легендарному Коро-Коро на Флютере.

~

Глава 2

Выдержка из «Путеводителя по планетам»:

«Флютер, мир пленительных очарований»

«Описывать климат Флютера бесполезно: он идеален — и фляуты воспринимают это обстоятельство, так же как и большинство других особенностей их великолепного мира, как нечто должное и само собой разумеющееся. Солнечные перспективы зеленеющих холмов этой планеты напоминают сбывшуюся мечту о потерянной Аркадии.

Фляутам присущи свойства их чудесного мира. Они словно танцуют по жизни в такт музыке, доступной только их утонченному слуху: женщины, наделенные множеством талантов, благородные философы, одинокие странники, блуждающие по безлюдным заповедным просторам. В целом они дружелюбны и жизнерадостны, им не терпится выглядеть прекрасными в глазах инопланетян, мнению которых они придают, пожалуй, преувеличенное значение. Фляуты исключительно привязаны к радостям жизни — пиршествам, музыке, звездочтению, плаванию под парусами по бескрайним морям и безоглядным любовным «запоям» — сами фляуты эвфемистически называют их «поглощением благоухающих цветов»…»

Проницательный читатель не преминет заметить, что приведенное выше славословие, заимствованное из статьи в журнале «Вопросы туризма» — шедевр преувеличения; не подлежит сомнению, что автор никогда не бывал на Флютере и делал свои заметки после приятной выпивки, сидя на скамье в ближайшем парке аттракционов. Только самый наивный человек, пробежав глазами такую рекламную белиберду, поспешит сломя голову на Флютер в надежде найти «невыразимое очарование и повседневные радости эротического опьянения».

Следует принимать во внимание следующие факты. Да, на Флютере попадаются очень приятные пейзажи. Лучший отель в Коро-Коро — «О-Шар-Шан», но у них не течет из кранов горячая вода. Девушки-фляуты не слишком соблазнительны и не особенно дружелюбны. По прибытии в космопорт инопланетным посетителям выдают туристические визы, срок действия которых истекает через тридцать дней».

2

«Гликка» парила в космосе, несущественная, как облачко магического дыма. Далеко за кормой едва мерцала — и наконец погасла — белая искорка Пфитца, но прямо по курсу еще не было видно золотистую Фраметту. Капитан Малуф, стоявший в рубке управления, отвернулся от носового иллюминатора и прошел на корму, в корабельный салон. Подождав, пока не умолкли оживленные разговоры, он обратился к команде и пассажирам:

«Довольно скоро мы прибудем в космический порт Коро-Коро на Флютере, и мне следовало бы кое-что рассказать о местных условиях, иногда противоречивых, если не шокирующих.

В целом Флютер — мирная планета с повсеместно радующими глаз пейзажами и почти полным отсутствием естественных опасностей. На Флютере кажется, что время течет медленнее, чем в других мирах; возможно, это объясняется тем, что сутки на Флютере продолжаются двадцать восемь часов.

Коро-Коро — единственный крупный населенный пункт. Помимо заведений, обслуживающих туристов, в городе нет почти ничего достопримечательного. Бульвар

тянется от космопорта до отеля «О-Шар-Шан» мимо многочисленных прочих гостиниц, агентств, магазинов и таверн. Жилые кварталы рассеяны в садах по обеим сторонам бульвара. Там живут горожане Коро-Коро, во многом отличающиеся от туземцев-фляутов, населяющих глубинные территории планеты. По существу горожане — смешанная раса, потомки изгоев-фляутов и состоятельных инопланетян-экспатриантов. Обитатели Коро-Коро считают себя высокообразованными эстетами-аристократами; их существенное благосостояние нажито благодаря торговле с туристами и обслуживанию туристов — эта прибыльная индустрия издавна освоена столичными дельцами.

Инопланетянам постоянное проживание на Флютере запрещено. Туристам разрешается проводить на планете до тридцати дней, после чего они обязаны ее покидать. На практике, однако, срок действия туристической визы можно продлевать.

Если вы пожелаете посетить то или иное селение в глубинке, держитесь как можно незаметнее, не выражайте никаких мнений и не пьянствуйте. Никто на Флютере не побеспокоится о пьяном туристе, выброшенном в отстойник. Не торгуйтесь, не жалуйтесь и — превыше всего! — не флиртуйте с туземными красотками. Фляуты соблюдают строгие правила сексуального этикета. Если вас неожиданно схватят и кастрируют, не слишком удивляйтесь: возможно, вы позволили себе ту или иную бестактность — например, заглянули под юбку наклонившейся девушке. На первый взгляд поселок фляутов может показаться безмятежным воплощением пасторальной идиллии, где ничто никогда не происходит. Жестокое заблуждение! На памяти каждого такого селения — тысячи леденящих кровь преступлений.

Первопоселенцы прибыли на Флютер с перенаселенной планеты Эргард. На первом же всеобщем собрании они поклялись навсегда запретить бесконтрольное размножение, заставившее их покинуть родной мир. Была установлена максимальная допустимая численность населения: девяносто девять тысяч человек. Прилагая невероятные усилия, фляуты добивались соблюдения этого ограничения на протяжении тысячелетий — в наши дни учрежденные в древности ограничения все еще соблюдаются. Необходимость самоотверженного контроля рождаемости неизбежно наложила отпечаток на характер фляутов, подверженных депрессии и вспышкам раздражительности; при всем при том у них выработалось своеобразное упорное представление о себе как о величественной, даже героической расе. Сегодня фляуты — угрюмый и подозрительный народ, что неудивительно, если принимать во внимание их мрачную историю, в подробности каковой я вдаваться не буду.

По-моему, я сумел дать какое-то представление о важнейших сторонах жизни на Флютере. Есть какие-нибудь вопросы?»

Калаш, перрумптер пилигримов, поднял руку: «Как быть с нашими сундуками? В них ценные реликвии — вы их нам отдадите?»

«Разумеется, как только вы полностью оплатите стоимость их перевозки».

«Да уж, конечно! — воскликнул Калаш. — Неужели вы не можете взглянуть на вещи в более возвышенной перспективе? Вы прекрасно знаете, что мы проиграли все деньги Шватцендейлу — от них ничего не осталось!»

«В этом виноваты вы, а не я».

Калаш скорчил гримасу: «Мы не знаем, что делать! Наше паломничество имеет огромное значение, но Шватцендейл отказывается даже слышать о каком-либо возмещении убытков. При этом мы торопимся, дальнейшее промедление немыслимо! Подумайте,

проявите снисхождение! Нам еще предстоит заплатить за полет до Кирила, а по завершении круговерти мы должны будем как-то вернуться домой на Комард — не говоря уже о расходах, связанных с обходом всей планеты по экватору. Откуда мы возьмем необходимые для этого средства?»

«Все очень просто. Заработайте их».

Калаш снова поморщился: «Это легче сказать, чем сделать».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Ошибаетесь. Владельцам таверн и гостиниц на центральном бульваре в Коро-Коро постоянно не хватает рабочих рук. Там вы всегда сможете найти работу».

«А сундуки?»

«Они будут у вас под рукой. Я оставлю их на перегрузочном складе. Чтобы выкупить сундуки, достаточно будет заплатить за их перевозку и хранение — вы их получите. Есть еще вопросы?»

«Какие еще могут быть вопросы? — брюзжал Калаш. — И какой смысл задавать вопросы, если ответы не приводят ни к каким последствиям?»

Малуф кивнул: «Вполне логичное умозаключение».

Но Калаш еще не закончил: «Мы надеялись, что вы проявите подобающую случаю щедрость, но спорить с вами так же невозможно, как пробить лбом каменную стену».

Капитан отвернулся от перрумптера: «Кому-нибудь еще нужны какие-нибудь разъяснения?»

Полоскун задумчиво нахмурился и выступил вперед, всем своим видом показывая, что он мог бы задать капитану вопрос, но еще не совсем понял, в чем собственно этот вопрос заключается. Капитан Малуф проигнорировал его и обратился ко всем присутствующим:

«Я хотел бы выступить с объявлением. Команде нашего судна нужен отдых — все мы устали и перенесли несколько нервных потрясений. Кроме того, «Гликке» требуется портовое техническое обслуживание. Поэтому мы возьмем отпуск на Флютере — на пару недель. По прибытии в Коро-Коро паломников просят освободить каюты, собраться в космическом вокзале и самостоятельно заняться приготовлениями к полету на Кирил. Нам будет не хватать их мудрых наставлений и веселых песнопений, но из Коро-Коро «Гликка» направится в Какс. После этого — кто знает? Я не умею предсказывать будущее. Мы подобны романтическим бродягам древности, каждый из нас ищет потерянную Лурулу».

«Никогда не слышал о таком месте! — заявил Полоскун. — Объясните, будьте добры, что такое «Лурулу» и где она?»

«Лурулу — особенный мир или особое понятие: о нем упоминается в мифах и легендах. Даже теперь, после многих лет поисков чего-то безвозвратно потерянного, Лурулу остается для меня тайной. Но в один прекрасный день я обернусь через плечо — и Лурулу окажется у меня за спиной, и невозможно будет понять, как я не нашел ее раньше. Сегодня мы летим в Коро-Коро. Тем не менее, у меня есть предчувствие чего-то неминуемого, чего-то важного: предчувствие меня не обманет, в этом я совершенно уверен. Что нам готовит грядущее? Не знаю. Тайна есть тайна».

Полоскун продолжал пребывать в замешательстве: «И Лурулу — часть этой тайны?»

Малуф неопределенно пожал плечами: «Возможно. Мне может не понравиться то, что я найду — когда я это найду и если я смогу это найти».

«Но что́ вы ищете?»

Капитан улыбнулся: «Могу сказать только одно. Если мне посчастливится — или не

посчастливится — то, что я ищу, найдется на Флютере».

«Любопытно! — Полоскун повернулся к Монкрифу. — А вы, сударь? Тоже занимаетесь поисками Лурулу?»

«Меня влечет в этом направлении, — признался Монкриф. — Каждый раз, когда мне удается выиграть у Шватцендейла, я замечаю проблеск надежды. В общем и в целом я надеюсь, что легендарная труппа Чародея Монкрифа воскреснет во всей своей славе! Это была бы Лурулу чистой воды!»

Полоскун взглянул на стюарда: «А ты, брат Винго? Где ты найдешь свою Лурулу?»

«Это трудно выразить словами, — сказал Винго. — Для меня Лурулу — именно то, что я пытаюсь запечатлеть в своем альбоме, «Карнавал Ойкумены». Лурулу скрывается также в элементарном уравнении, описывающем Истину, но по этому поводу я не хотел бы пускаться в дальнейшие рассуждения».

«Мои надежды носят гораздо более конкретный характер! — вмешался Мирон. — Цель моих странствий — в том, чтобы найти леди Эстер Ладжой. И когда я ее поймаю, надеюсь, неподалеку окажется какая-нибудь тюрьма, где она сможет провести остаток своих дней, потому что врожденное благородство не позволит мне сделать то, что я на самом деле хотел бы с ней сделать!»

Полоскун снова повернулся к Малуфу: «Не могли бы вы, капитан, подробнее разъяснить нам сущность ваших поисков?»

Капитан Малуф печально улыбнулся: «Мне не терпится прибыть на Флютер — это все, что я могу сказать. Там, в бескрайних просторах пустынных морей, все еще ждут неразгаданные тайны. Так или иначе, желаю удачи всем присутствующим!»

Полоскун начал было формулировать еще какой-то жизненно важный вопрос, но капитан уже ушел: он вернулся в рубку управления и приблизился к носовому иллюминатору. Фраметту все еще нельзя было заметить невооруженным глазом. «Что произойдет, если вообще что-нибудь произойдет? — пробормотал себе под нос Малуф. — Нужно взять себя в руки и не поддаваться предчувствиям полностью». Он продолжал смотреть в ту точку черной пустоты, где должна была появиться искорка Фраметты: «Как бы то ни было, жизнь продолжается».

Еще несколько секунд капитан стоял, глядя на звезды. Наконец ему показалось, что в бездонной глубине космоса — прямо по курсу — мелькнул золотистый проблеск Фраметты.

~

Глава 3

Наблюдателю, находящемуся на орбите, география Флютера представлялась исключительно необычной — даже, пожалуй, единственной в своем роде, по меньшей мере в пределах Ойкумены. Охлаждаясь в первородном расплавленном состоянии, этот мир съеживался, выдавливая уже образовавшуюся кору в виде девяти гигантских антиклинальных складок, вздымавшихся вдоль меридианов одного полушария, в то время как другое оставалось почти плоской равниной. По мере того, как поднимался уровень моря, двусторонне-наклонные складки превратились в девять узких континентов, тянувшихся с севера на юг и разделенных мелкими морями. Противоположное полушарие утонуло в водах огромного океана, лишенного каких-либо островов. Наделенный мягким климатом, Флютер заразился жизнью, и вся его суша оделась зеленью бесчисленных разновидностей.

Со временем группа ойкуменических мигрантов прибыла с перенаселенной планеты Эргард и рассеялась по всем девяти континентам. Через пять лет, на Первом Конклаве, первопоселенцы обязались соблюдать несколько суровых заповедей, чтобы неукоснительно контролировать численность населения и никогда не допустить превращение Флютера в бетонные джунгли небоскребов с подземными «муравейниками», грязными и вонючими, вечно забитыми толпой улицами и душными «жилищными блоками», где едва могли разойтись два человека. Все это они твердо решили навсегда оставить в прошлом. «Пусть проходят века и тысячелетия, — поклялись они, — никогда этот новый чудесный мир не подвергнется такому осквернению!» Фляуты (как они сами себя называли) произвели геодезическую разведку всех континентов и подразделили пахотные земли на округа, определив максимальную численность населения каждого округа, превышать которую запрещалось под страхом смерти. Через тысячу лет фляуты жили в ста сорока семи селениях, неравномерно рассредоточенных по девяти континентам, не считая особого скопления сооружений вокруг космопорта Коро-Коро на Пятом континенте. К этому времени максимальная допустимая численность населения Флютера — девяносто девять тысяч человек — была уже давно достигнута.

Туземная флора мирно сосуществовала с десятками экзотических растений, импортированных с Древней Земли и других планет. Повсеместно распространенные кокосовые пальмы [3] клонились к морю на тысячах пляжей; инопланетные деревья твердых и мягких пород, цветущие кустарники и лозы росли в лесах и по горным склонам Флютера. Состав сухопутной фауны ограничивался ящерицами и насекомыми, тогда как морская живность была гораздо разнообразнее, в связи с чем изучение морей и океанов Флютера было интереснейшим, хотя и небезопасным занятием.

В Коро-Коро находились знаменитый отель «О-Шар-Шан», а также множество других, более или менее фешенебельных туристических гостиниц. Несмотря на сложность соответствующих расчетов, столица подлежала тем же правилам контроля рождаемости, что и вся остальная планета, и оставалась не более чем городком скромных размеров.

2

Как только «Гликка» приземлилась в космопорте Коро-Коро, по трапу поднялась группа местных должностных лиц. Они с необычной скрупулезностью относились к соблюдению предусмотренных процедур: два медика проверили все помещения судна, команду и пассажиров на наличие признаков инфекционных заболеваний, тогда как еще

один медик-технолог фильтровал пробы судовой атмосферы в поисках нежелательных вирусов, пыльцы, спор и белков. Не обнаружив ничего, что могло бы их заинтересовать, медики удалились.

Тем временем представитель иммиграционной службы регистрировал имена, возраст, планеты происхождения, причины посещения Флютера и наличие уголовной судимости в отношении каждого из находившихся на борту лиц, по ходу дела оформляя разрешения на въезд и временное проживание.

Закончив этот процесс, чиновник обратился к команде и пассажирам, собравшимся в салоне: «Будьте добры, выслушайте меня внимательно! Меня зовут Ютер Тоун, я — общественный контролер и представляю административное управление Коро-Коро, хотя мои полномочия распространяются, по сути дела, на всю планету.

Общественные контролеры выполняют множество обязанностей, но наша важнейшая функция заключается в охране красоты нашей несравненной планеты. У нас любой, кто позволяет себе оставлять после себя мусор или осквернять природу каким-либо иным образом, подвергается строгому наказанию.

Не буду вдаваться в подробности наших законов. Достаточно сказать, что их соблюдение эффективно обеспечивается особыми подразделениями общественных контролеров и не менее бдительных территориальных инспекторов, причем нарушителей ожидают наказания того или иного из трех уровней, в зависимости от тяжести преступления. Ни территориальные инспекторы, ни общественные контролеры не принимают к рассмотрению какие-либо оправдания. Отходы и мусор разрешается оставлять только в обозначенных соответствующими ярлыками контейнерах! Мочеиспускание или испражнение в не предусмотренных для этого местах не допускаются ни в каких обстоятельствах по очевидным причинам, разъяснять каковые было бы излишне. Причем вместо того, чтобы хмуриться и морщиться, вам следовало бы радоваться тому, что вам представилась возможность пользоваться привилегиями и преимуществами пребывания на Флютере!

Позвольте еще раз напомнить, что срок действия туристической визы составляет тридцать дней, хотя этот срок может быть продлен, если будет заблаговременно оформлен соответствующий запрос. Хотел бы отметить также — к сведению лиц, заинтересованных во временном трудоустройстве — что биржа труда находится неподалеку от космического вокзала, на бульваре Помар.

Еще одно, последнее замечание. Если, совершая загородную экскурсию, вы заметите какое-либо селение, рекомендую повернуть в другую сторону. Если же вы решите пренебречь моим советом и приземлитесь в селении, будьте исключительно благоразумны. Типичный фляут может показаться вам не слишком гостеприимной личностью — напротив, он может производить впечатление бесцеремонного и неприветливого субъекта. Находясь в сельской таверне, ведите себя благопристойно и, общаясь с представительницами женского пола, воздерживайтесь от фамильярностей — фляуты пользуются любым поводом устроить взбучку непристойному туристу.

Как правило, однако, если приезжий соблюдает осторожность и щедро платит за услуги, на Флютере ему не грозят никакие неприятности.

У кого-нибудь есть какие-нибудь вопросы?»

Разумеется, тут же выступил вперед бесподобный Полоскун — его наивная пухлая физиономия порозовела от волнения. Он высоко поднял руку, перебирая в воздухе пальцами.

Общественный контролер смерил его взглядом: «У вас есть вопрос?»

«Да, есть! Зачем нужны и общественные контролеры, и территориальные инспекторы, если они занимаются одним и тем же?»

Чиновник пренебрежительно нахмурился: «Различия между этими службами существенны, но иногда не очевидны для приезжих. В целом и в общем, общественные контролеры патрулируют Коро-Коро, тогда как территориальные инспекторы бдительно следят за поведением лиц, отправляющихся в походы и экскурсии за пределы городской черты».

«И какая из этих служб подвергает туристов наибольшим жестокостям?»

«Ни та, ни другая не позволяет себе жестокости. Мы следим за соблюдением законов и сами соблюдаем законы, ни больше ни меньше».

«Ха! — с неподобающей случаю веселостью воскликнул Полоскун. — А в чем, хотел бы я знать, заключаются упомянутые вами три уровня наказаний за правонарушения? Какие именно наказания применяются, и в каких случаях?»

Чиновнику не нравились притворно-легкомысленные манеры Полоскуна; он сухо ответил: «Публичное обсуждение наказаний считается неудобным — и дамы, и господа предпочитают их игнорировать».

«Ага! — Полоскун усмехнулся. — Вы недооцениваете аудиторию, однако. Здесь, на борту «Гликки», все мы философы — и дамы, и господа! Можете выражаться без обиняков, не стесняйтесь».

Тон контролера стал положительно ледяным: «Как вам угодно. Раз вы настаиваете, не могу отказать вам в разъяснениях. Наказание первого уровня заключается в публичном объявлении выговора задержанному лицу. Наказание второго уровня этим не ограничивается: правонарушителя подвергают публичному унизительному оскорблению, все его имущество, в том числе одежда, конфискуется, после чего его изгоняют с Флютера в набедренной повязке из прутьев ежевики. Наказание третьего уровня — смертная казнь, а именно погружение под воду в пруду Шарлера».

«Гм! — теперь выражение лица Полоскуна можно было назвать скорее враждебно вызывающим, нежели веселым. — Видно, что вы относитесь к охране правопорядка серьезно, даже скоропалительно. Надо полагать, на Флютере лучше не переступать границы дозволенного».

«Насколько мне известно, это рекомендуется на любой цивилизованной планете», — парировал чиновник.

«А как я узна́ю, что поблизости находится общественный контролер или территориальный инспектор? Чем они отличаются?»

«Ваши вопросы не имеют практического значения. Предусмотрительный человек допускает, что контролер или инспектор может наблюдать за ним в любую минуту. Но для того, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, позволю себе пояснить: общественный контролер никогда не бросается в глаза, несмотря на то, что носит аккуратную униформу. Контролер вежлив даже тогда, когда препровождает задержанного в место предварительного заключения. Древняя традиция требует, чтобы у контролера была борода, коротко подстриженная «лопатой». Контролер готов выслушать задержанного, но никогда не поддается на уговоры. Контролеры известны пунктуальностью и вниманием к деталям. Территориальный инспектор носит широкий зеленый кушак и пользуется бамбуковой тростью; во всех других отношениях он выглядит так же, как общественный контролер».

«А теперь перейдем к раздаче справочных материалов», — Ютер Тоун достал из поясной сумки пачку узких брошюр с заголовками «Предусмотренные законами правила», «Постоянно действующие постановления», «Обязанности посетителя планеты» и «Советы общественного контролера».

«Каждый обязан внимательно прочесть эти материалы и запомнить их содержание! — объявил чиновник. — Никакие оправдания правонарушений не принимаются к рассмотрению».

«Не беспокойтесь, мы будем ходить на цыпочках, прикусив язык», — пробормотал Полоскун.

Чиновник притворился, что не расслышал это замечание. Он раздал брошюры и покинул «Гликку».

3

Перрумптер Калаш в последний раз попытался смягчить сердце капитана. Приблизившись к Малуфу, он обратился к нему с дрожащей улыбкой на лице: «Капитан, я посовещался со спутниками. Все мы восхищаемся ясностью и определенностью вашего мировоззрения — в этом между нами нет никаких расхождений!»

«Рад слышать, — отозвался Малуф. — Благодарю вас».

«Но мы считаем также, что некоторые из ваших взглядов настолько абстрактны, что они изолируют вас от восприятия невзгод и тягот, постигающих других представителей рода человеческого. Мы искренне надеемся, что вы пересмотрите свою оценку той неблагоприятной ситуации, в которой мы оказались, и, возможно, посочувствуете нашему затруднительному положению и сделаете другой вывод, основанный на лучшем понимании слабостей человеческой природы».

«Вы заблуждаетесь. Могу вам посоветовать только то, о чем я уже упоминал».

Калаш в отчаянии всплеснул руками и отвернулся. Паломники собрались тесной группой, чтобы посовещаться, и решили просить Шватцендейла вернуть им его выигрыш. Винго, стоявший поблизости и слышавший, о чем они спорили, заверил пилигримов в том, что Шватцендейл «скорее пустит себе кровь, нежели отдаст деньги, оказавшиеся у него в руках».

Шватцендейл сам присоединился к разговору и спросил перрумптера: «Если бы вы обчистили меня до нитки, имело бы какой-нибудь смысл просить у вас возмещения моих потерь? Не забывайте, что я такой же человек, как вы, и в той же степени способен испытывать горечь поражения!»

Возмущенно бормоча, пилигримы спустились по трапу и побрели на биржу труда.

Капитан Малуф и Мирон направились на склад, чтобы организовать разгрузку трюмов. Монкриф, в сопровождении Фрук, Плук и Снук, поспешил в центр города; Хунцель и Сиглаф угрюмо последовали за ними.

Перед тем, как покинуть судно, Винго и Шватцендейл переоделись в костюмы, лучше подходившие к климату и нравам туристического городка. Винго надел серовато-коричневые бриджи, серовато-розовую рубашку со шнурованным черным поясом, свободный плащ табачного оттенка и свою любимую мягкую широкополую шляпу — такой наряд напоминал о доблестных традициях свободных художников, украшавших своим существованием ранние романтические эпохи. Его чувствительные ступни были надежно защищены мягкими кожаными сапогами, каковым он придавал огромное значение. Шватцендейл выбрал черные брюки, рубашку из черных и зеленых ромбов, а также мягкий

черный берет, сдвинутый набекрень поверх его черных локонов.

Они направились в город по бульвару Помар под шелестящими кронами тенистых деревьев, усеянными сладостно-ароматными цветами. Здесь росли деревья многих разновидностей — как туземные, так и заимствованные с далеких планет. Одни величественно и стройно тянулись к небу, другие словно пригнулись под тяжестью массивных кривых ветвей, протягивая над дорогой опахала листвы. Силурийские вязы трепетали длинными ленточными вайями, бледно-голубыми и синевато-зелеными; с дендронов срывались легчайшие, наполненные газом пленочные пузырьки, влекомые ветром над бульваром и постепенно оседавшие на него. Деревья-трясуны дрожали под каждым порывом теплого бриза, роняя стручки, рассыпавшиеся облачками спор при соприкосновении с землей. Нектарные чашечки, висящие на спиральных усиках, пружинисто подпрыгивали, рассеивая в воздухе пьянящее благоухание.

Сегодня Шватцендейл был в духе и вышагивал гоголем. Пританцовывая на длинных ногах, он то и дело опережал упорно и равномерно семенившего стюарда, бросался в сторону, чтобы сорвать цветок, и уже через пару секунд выбрасывал его через плечо, демонстративно пренебрегая местными постановлениями. Винго благосклонно наблюдал за проделками механика, задерживаясь, чтобы подобрать разбросанные цветы и засунуть их в карман.

Они прошли мимо биржи труда — длинного открытого навеса под сенью талисманных деревьев. Одинокий служащий за стойкой выслушивал пожелания коренастой женщины в черных сапожках и оранжевых шароварах. Паломники уныло сгрудились у доски объявлений, просматривая списки вакансий и хлопая себя то по рукам, то по шее — они успели привлечь внимание кровососущих насекомых.

Винго и Шватцендейл продолжали прогулку. Винго склонен был сочувствовать паломникам и напомнил механику о множестве предстоявших им неудобств и затруднений. Шватцендейл занимал более отстраненную позицию: «Никто не заставлял их отправляться в эту проклятую экспедицию! Оставшись дома, они могли бы преспокойно валяться в мягких постелях или отправлять свои изощренные религиозные обряды до посинения!»

«Ими движет так называемое «божественное откровение», — возразил стюард. — Это всепоглощающее и совершенно необъяснимое влечение».

Шватцендейл кивнул, но не стал продолжать разговор на эту тему. Они проходили мимо туристического агентства «Тарквин», предлагавшего в аренду всевозможные транспортные средства, в том числе трех- и четырехколесные самоходные экипажи, которые в Коро-Коро называли «легковушками»: одни — хвастливо-показные, причудливой формы и расцветки, другие — высокоскоростные, приземистые спереди, но с двумя высокими колесами сзади, напоминавшими велосипедные. Предлагались также автолеты, настолько хрупкие и легкие, что, казалось, их мог унести первый порыв ветра. В дальнем углу стоянки несколько просторных аэролимузинов гордо ожидали возможности услужить обеспеченным туристам, желавшим обозревать дикие просторы если не в роскошных, то, по меньшей мере, достаточно комфортабельных условиях.

Глядя по сторонам, Шватцендейл и Винго продолжали прогулку, то и дело уворачиваясь от «легковушек», с дребезгом проносившихся по бульвару. Они заметили несколько бунгало, почти утонувших в листве, после чего приблизились к хаотичному сооружению из старых досок и панелей прессованной травы, под остроконечной крышей из пальмовых листьев. Перед входом три дощатые ступени вели на осевшее крыльцо, тянувшееся вдоль всего

фасада. Над крыльцом висела вывеска: «ТАВЕРНА ПИНГИСА».

Винго и Шватцендейл тут же остановились, оценивая постройку глазами опытных знатоков, молча пришли к одному и тому же выводу, поднялись по ступеням и зашли в таверну.

Их встретил знакомый запах старого дерева, впитывавшего разлитое пиво на протяжении поколений, с затхлой примесью, исходившей от сухих пальмовых листьев. В данный момент, посреди дня, в полутемной тихой таверне почти никого не было. За столом в глубине помещения две коренастые дамы серьезно сплетничали, почти не прикасаясь к небольшим пивным кружкам. К стойке бара прислонился господин респектабельной наружности, державший в руке рюмку какого-то бледного ликера. На нем были блестящая синяя блуза, перехваченная зеленым кушаком, штаны из черного габардина и черные сапожки добротной выделки. Продолговатая физиономия господина выражала трезвую наблюдательность, а копна его жестких каштановых волос была аккуратно причесана. Коротко подстриженная «лопатой» борода придавала его внешности дополнительную основательность. Он вежливо кивнул стюарду и механику, расположившимся за исцарапанным деревянным столом.

На доске, висевшей за баром, неразборчивым почерком перечислялись несколько фирменных напитков. Господин с каштановой бородой благосклонно взирал на Винго и Шватцендейла, пытавшихся понять, что́ было написано на доске, после чего великодушно посоветовал: «Нынешний хозяин таверны, Бальроб, пользуется высокой репутацией — могу гарантировать, что вам понравится его горький эль».

Бальроб, протиравший бокалы за стойкой, поклонился: «Благодарю, достопочтенный инспектор! Невозможно переоценить весомость вашей рекомендации».

Господин величественно выпрямился: «Позвольте представиться: Эфрам Шант, территориальный инспектор, к вашим услугам».

Винго и Шватцендейл тоже назвали себя, после чего инспектор поделился дальнейшими замечаниями: «Если вас интересует пунш, у нас пользуются популярностью пунши «Щипучий», «Неотвязный» и «Старый надежный». Бальроб, однако, придерживается той точки зрения, что его лучший фирменный пунш — «Пробивной», и я склонен с ним согласиться».

«Гм! — поджал губы Винго. — Никогда не слышал о таком напитке».

Шватцендейл с сомнением покачал головой: «Мне приходилось пробовать множество разных пуншей, но «Пробивной» пунш — это что-то новое».

«Конечно, вы никогда его не пробовали! — отозвался бармен. — Существуют четыре варианта «Пробивного», все они изобретены в Коро-Коро и содержат только местные ингредиенты. Рецепты, разумеется, строго засекречены и доступны только хозяину таверны и его преемникам».

«Лично я предпочитаю «Пробивной № 3», — изрек инспектор Шант. — Достаточно крепкий напиток, с изюминкой, если можно так выразиться, но не слишком вяжет язык».

Винго взглянул на Шватцендейла: «Попробуем сей легендарный препарат?»

«Такую возможность не следует упускать!» — без колебаний заявил Шватцендейл.

«Не могу не согласиться», — поддержал его стюард и подал знак Бальробу: «Будьте добры, приготовьте нам две порции «Пробивного № 3»».

«С удовольствием!»

«Пробивной» подавали в особых глазурованных глиняных кружках с темно-зеленым

отливом. Инспектор Шант наблюдал за тем, как два астронавта пробовали содержимое кружек: «Так что же? Выносите приговор!»

Винго прокашлялся: «Многогранный напиток. О нем не следует судить опрометчиво».

«Стимулирующий пунш, хорошо сбалансированный, с характерным изысканным привкусом», — отозвался Шватцендейл.

Винго пригубил еще немного: «Несомненно освежает! Интересно, а «Пробивной № 4» существует?»

Инспектор Шант чуть нахмурился и погладил бороду: «Сам я никогда не пробовал этот вариант. Тем не менее, насколько мне известно, его иногда называют «Воскресителем Пингиса», так как, по слухам, он возвращает к жизни потерявших сознание и даже мертвых».

«В самом деле? — подивился Винго. — Как такое может быть?»

«Я никогда не присутствовал при воскрешениях. Тем не менее, учитывая обширный и разнообразный жизненный опыт, позволивший мне стать свидетелем самых неожиданных происшествий, я больше не решаюсь высказывать безапелляционные мнения».

«Судя по всему, вашему мнению можно доверять, — сказал Шватцендейл. — В связи с чем мог бы оказаться полезным ваш совет, относящийся к другому вопросу».

«Говорите! Отвечу в меру своих способностей».

«Мы только что прибыли на эту достопримечательную планету. Как мы могли бы здесь лучше всего развлечься без особых затрат и не преступая границы закона?»

«Гм! — инспектор снова погладил бороду. — Вы могли бы еще спросить, как нырнуть в воду и остаться сухим. Но дайте мне подумать. Если вас привлекает растительный мир, вам пришлось бы по душе разнообразие цветов в общественных парках — или вы могли бы отправиться в ботаническую экскурсию за город. Несколько дороже обойдется аренда автолета, но машина позволила бы вам значительно расширить кругозор. Кроме того, вы могли бы нанять экскурсионную яхту и отдохнуть, наслаждаясь несравненными речными и озерными видами». Территориальный инспектор расправил плечи, осушил свою рюмку и посмотрел по сторонам: «Мне пора заниматься своими делами».

Шватцендейл, никогда не отличавшийся застенчивостью, полюбопытствовал: «Не хотел бы совать нос не в свое дело, но в чем могут заключаться ваши неотложные дела?»

Инспектор бросил на механика довольно-таки строгий взгляд, но объяснил: «Я вхожу в состав территориального комитета и руковожу тридцатью территориальными инспекторами, не считая нескольких десятков их помощников, патрулирующих малонаселенные районы — их у нас называют «скитальцами». Все они занимаются поисками незаконного мусора и призывают нарушителей к ответу. Это тяжелая работа, нередко связанная с опасностями».

Винго наивно спросил: «А вы сами тоже ищете мусор?»

Инспектор Шант выпрямился во весь рост и снова расправил плечи: «Мне нельзя уклоняться от прямых обязанностей, где бы я ни был. Я обязан подавать пример подчиненным!»

При этом инспектор взглянул на пол и сосредоточенно нахмурился — что-то привлекло его внимание. Заметив, как изменились манеры чиновника, Винго посмотрел туда же и к своему ужасу обнаружил, что один из сорванных Шватцендейлом цветков, подобранных стюардом по дороге, выпал у него из кармана и валялся на полу у всех на глазах!

Стюард поспешно нагнулся и ликвидировал незаконный объект, засунув его обратно в карман. Территориальный инспектор недовольно пожал плечами, отвернулся и вышел из

таверны.

Винго и Шватцендейл вполголоса обсудили этот эпизод, после чего решили еще раз попробовать «Пробивной № 3». Они его заказали, и вскоре бармен принес им еще две кружки пунша.

4

Мирон, остававшийся на борту «Гликки», проследил за разгрузкой трюмов, после чего удалился к себе в каморку, чтобы оформить документацию. Через некоторое время в дверном проеме показалась фигура капитана Малуфа.

Мирон поднял голову: «Да, капитан?»

Малуф махнул рукой: «Ничего особенного. Продолжай, не обращай на меня внимания».

«Я почти закончил. Бумаги займут у меня еще пару минут, не больше».

Малуф зашел в каморку суперкарго, уселся напротив Мирона и молчал, пока Мирон вносил последние несколько записей.

Закрыв ведомость, Мирон взглянул капитану в лицо, пытаясь догадаться, что́ было у того на уме.

Малуф спросил: «Какие-нибудь подходящие грузы ожидают отправки из Коро-Коро?»

Мирон кивнул: «На здешнем складе много транзитных грузов, в том числе следующих в Бленкинсоп — ими можно заполнить половину трюма».

«Понятно», — без особого интереса отозвался Малуф. Очевидно было, что мысли капитана заняты чем-то другим.

Подождав минуту-другую, Малуф сказал: «Несколько дней тому назад я упомянул о том, что здесь, в Коро-Коро, меня могут ждать личные дела».

«Так оно и было, — подтвердил Мирон. — При этом, насколько я помню, вы использовали термин или наименование «Лурулу»».

Капитан кивнул: «Теперь мне кажется, что я зря не придержал язык. Но моя задача носит более прозаический характер. Я хотел бы раскрыть одну тайну, которая давно уже не дает мне покоя».

«Какую?»

Малуф колебался: «Я мог бы объяснить, если у тебя хватит терпения меня выслушать».

«Я вас выслушаю, разумеется. По сути дела, я был бы рад по возможности вам помочь».

«Очень любезно с твоей стороны — честно говоря, я был бы не прочь воспользоваться твоей помощью. Но прежде всего следует предупредить, что предприятие может оказаться по-настоящему опасным».

Мирон пожал плечами: «Если нас будет двое, по меньшей мере я смогу следить за тем, что делается у вас за спиной».

«Надеюсь, до этого дело не дойдет, — не слишком уверенно заметил Малуф. — В любом случае, мне будет полезно твое содействие — особенно учитывая тот факт, что у тебя, кажется, подходящий для такого предприятия темперамент. Винго и Шватцендейл — превосходные опытные специалисты, без всякого сомнения, но им лучше заниматься другими вещами. Винго — человек слишком простосердечный, а Шватцендейл слишком любит покрасоваться. Мне нужен немногословный, проницательный и ненавязчивый напарник или человек, способный без особого труда взять на себя такую роль — короче, такой человек, как ты. Если, конечно, ты не откажешься надеть какую-нибудь шляпу — твои русые локоны вечно привлекают внимание».

Мирон решил рассматривать последнее замечание в качестве комплимента. Про себя он

подумал: «По меньшей мере, мне не придется перекрашивать волосы».

Некоторое время Малуф молчал, глубоко задумавшись. Наконец он встрепенулся: «Объясню подоплеку этого дела. Она непроста, но я постараюсь выражаться кратко. Придется начать с событий, происходивших много лет тому назад — в Трейвене на планете Морлок, в секторе Корабля Аргонавтов.

Я родился в семье представителей патрицианской касты и провел детство в привилегированных условиях — все это кажется теперь немыслимо далеким сном. Мой отец был банкиром — богатым банкиром. Он запомнился мне высоким, брезгливым, лишенным чувства юмора господином, надменно убежденным в справедливости всех его мнений. Мать моя ничем на него не походила: хорошенькая и легкомысленная, легко увлекающаяся, она всегда была готова поддаться последней моде. Мы жили в роскошной усадьбе с видом на Форенсийский заповедный луг, простиравшийся до самых лесов Лейланда.

С отцом у меня всегда были напряженные отношения — насколько я теперь понимаю, виноват в этом был главным образом я сам. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я ушел из дому, чтобы стать кадетом МСБР; это еще больше отстранило меня от родителей — они хотели, чтобы я работал в банке.

В те годы я был дерзок, опрометчив и придерживался очень высокого мнения о себе. Шесть лет подготовки в МСБР обуздали мои наихудшие наклонности и приучили меня к дисциплине. В связи с чем мне присвоили ранг младшего офицера восьмого ранга; я воображал, что даже мои родители могли быть довольны таким достижением.

Мне предоставили короткий отпуск, и я провел его в Трейвене. К тому времени отец представлялся мне человеком еще более своевольным и самонадеянным; теперь я понимаю, что никогда не ценил его заботу, и что после того, как я покинул родное гнездо, он чувствовал себя заброшенным и одиноким. Мать, с другой стороны, показалась мне еще более легкомысленной и глупой, чем когда-либо. Она болтала о пустяках и порхала вокруг в девчачьих платьях, как пустоголовая вертихвостка. Тем не менее, мне было жаль расставаться с родителями и вернуться на службу.

Мне поручили обязанности, приводившие меня в самые разные места на многих планетах Ойкумены. Получив повышение до шестого ранга, я работал в Ольфане на 92 й планете Знаковой звезды. Там меня сделали лейтенантом пятого ранга и послали в город Ванн на Дюзе, суровой маленькой планете почти на границе Запределья.

Считалось, что Ванн — самый опасный аванпост Ойкумены, но я выжил и научился тому, чему там можно было научиться. Вскоре меня снова повысили в должности, и мне оставалось прослужить еще немного, чтобы стать полномочным коммодором МСБР. К тому времени я был уже готов заняться чем-то новым; поговаривали о том, что меня сделают начальником отделения МСБР на влиятельной планете, но из этого ничего не вышло — произошло событие, изменившее всю мою жизнь.

Из колонии Серафим, находившейся далеко в Запределье, на потрепанном разведочном корабле модели 9 В прибыли четверо разбойников. Они захватили стоявшее в порту грузовое судно «Крич», убили его владельца и команду и тут же удрали на похищенном звездолете — по всей видимости, обратно в Запределье, где у нас не было никаких полномочий, и где действующие правила запрещали появляться таким штатным офицерам МСБР, как я.

В те дни в отделении МСБР на Дюзе работали только три агента. Всех нас возмутил презрительный налет пиратов — он оскорбил наше достоинство, и мы должны были как-то отреагировать, даже если это не дозволялось уставом. Руководил нашим отделением

коммодор Вистельрод; он предоставил мне полномочия коммодора МСБР, отправил меня в бессрочный отпуск и перевел меня в резерв. Таким образом, я временно стал гражданским лицом и мог отправиться куда угодно, по своему усмотрению, не навлекая на себя гнев и упреки «прогрессивных активистов» и прочих любителей ходить вокруг да около, не решая никаких проблем. Я воспользовался брошенным бандитами разведочным кораблем модели 9 В, вылетел из космопорта Ванна, углубился в Запределье и приземлился в окрестностях колонии Серафим — куда, по нашему мнению, сбежали пираты на захваченном звездолете.

Я прибыл в Серафим глубокой ночью, спрятал свой корабль в безлюдной местности и добежал, ориентируясь благодаря лунному свету, до местного космопорта. И действительно — там, на взлетной площадке, стоял звездолет «Крич»!

Короче говоря, я перестрелял пиратов и увел «Крич» обратно в пространство Ойкумены. По пути к Ванну меня осенила удачная мысль. Предыдущий владелец «Крича» погиб. По существу, после того, как пираты оказались за пределами Ойкумены, право собственности никому не принадлежало. Захватив похищенный пиратами звездолет, я становился его новым владельцем, причем, будучи гражданским лицом, не обязан был передавать корабль агентам МСБР. Звездолет мне понравился — в нем все хорошо работало, это было надежное, профессионально оборудованное судно. И я нарек его «Гликкой».

Вернувшись в Ванн, я отчитался перед коммодором Вистельродом и сообщил о моем решении оставаться в бессрочном отпуске. Он не был доволен потерей агента, но пожелал мне всего наилучшего. Я набрал команду и сразу занялся перевозкой грузов.

Перед тем, как я смог снова посетить Трейвен, прошло три года. Отец мой погиб, когда его яхта перевернулась на озере. Погоревав о нем несколько дней, моя пустоголовая мать упорхнула в компании человека, которого моя тетка и мой двоюродный брат называли лишенным всякого здравого смысла авантюристом, вскружившим матери голову романтическими бреднями. Никто не знал, куда отправились этот авантюрист и моя дражайшая родительница.

Большой дом в холмах Телемани продали, теперь в нем жили чужие люди. Сложилась безрадостная ситуация, но у нее был один аспект, внушавший какой-то оптимизм. Хорошо понимая импульсивный темперамент моей матери, отец вложил свои финансовые активы в доверительный фонд, из которого мать могла ежегодно получать достаточное, но не слишком щедрое содержание — мудрая предосторожность, несомненно вызывавшая раздражение ее новоиспеченного любовника.

Отцовская небольшая парусная яхта перевернулась на озере в погожий тихий день. Даже если я не любил отца, я уважал его; обстоятельства его смерти казались мне более чем подозрительными.

Я поговорил с теткой и с кузеном — о человеке, с которым сбежала моя мать, они знали очень мало. Мать привела его в дом моей тетки только однажды, на полчаса. Он представился как «Лой Тремэйн» и выглядел значительно моложе матери. Она явно его обожала и вела себя, как помешанная от любви девчонка, причем Тремэйн даже не скрывал, что нисколько не разделял ее привязанность.

Он не понравился моим родственникам, хотя и тетка, и двоюродный брат признавали, что Тремэйн располагал к себе и что он, по-видимому, умел в какой-то степени гипнотизировать окружающих. У Тремэйна были густые, черные, коротко подстриженные волосы, облегавшие голову наподобие шлема. Глаза его, черные и пронзительные, были посажены близко к горбатому носу. По общему мнению моей родни, лицо Тремэйна

выражало самовлюбленную решительность — пожалуй, даже жестокость. И кузен, и тетка заметили у него на шее, между кадыком и нижней челюстью, маленькую татуировку характерного черно-лилового оттенка: крест внутри двух концентрических окружностей.

Тремэйн мало говорил и отвечал на вопросы односложно. Только тогда, когда его спросили, на какой планете он вырос, он стал красноречив и многословен — расхаживая взад и вперед и размахивая руками, он волновался и употреблял напыщенные выражения. Тем не менее, он не предоставил почти никакой фактической информации. «Это далекий мир, — говорил он. — Его наименование ничего вам не скажет; по сути дела, оно известно только самым разборчивым и обеспеченным туристам, которым позволяют там оставаться лишь несколько недель — несмотря на их нежелание покидать эту планету! Но мы не можем расслабляться, деньги для нас ничего не значат. Наш мир нуждается в защите, его волшебная безмятежность неповторима — мы не можем допустить, чтобы его оскверняли вульгарные толпы!»

Моя мать с гордостью упростила эти заявления: «Лой говорит, что это самый чудесный мир во всей Ойкумене — настолько чудесный, что каждый, кто там побывал, не может туда не возвращаться. Мне не терпится повидать эту прекрасную планету!»

По словам моей тетки, сразу после этого Тремэйн поднялся на ноги и сказал матери: «Нам пора идти». Уже через несколько секунд они ушли.

Я навел справки в банке. Мне сказали, что за несколько месяцев до моего приезда моя мать явилась в банк в компании мрачноватого субъекта. Она заявила, что намерена путешествовать, и требовала, чтобы ей предоставили доступ к доверительному фонду — мать хотела сразу получить все деньги, содержавшиеся на ее счету. Работники банка решительно отказали в удовлетворении ее запроса, что вызвало ряд резких замечаний со стороны угрюмого субъекта. Недовольство постороннего лица не вызвало у банковских служащих никакого беспокойства: они выдали моей матери пачку купонов с проставленными на них датами — по этим купонам она могла получать наличные в любом региональном банке в начале каждого года, выполнив некоторые формальности, связанные с удостоверением ее личности. Купоны эти подлежали дальнейшей пересылке в трейвенский банк, а сумма, выданная наличными, должна была перечисляться на счет банка, выдавшего деньги. Мать возмущалась сложностью и обременительностью такого процесса; ей объяснили, что только таким образом можно было обеспечить выплату наличных денег именно ей, а не какому-нибудь ловкому проходимцу, и что поэтому ей не пристало жаловаться.

Я поинтересовался, производилась ли оплата по какому-либо из купонов, но такие платежные требования еще никто не предъявлял. Банковские служащие не имели ни малейшего представления о том, где могла находиться моя мать.

В космопорте я пытался выяснить, когда именно Лой Тремэйн прибыл на Морлок, когда он улетел с моей матерью, и куда они улетели. Мне не удалось ничего узнать.

В трюмах «Гликки» находился груз, ожидавший срочной доставки. Я больше не мог задерживаться и покинул Морлок.

Через некоторое время «Гликка» приземлилась на планете Сансевер. Я отправился в университет Этны, чтобы проконсультироваться с доктором Тессингом, знаменитым знатоком социальной антропологии. Я описал ему внешность Тремэйна настолько подробно, насколько позволяли полученные мной сведения, и упомянул о том, что, по словам Тремэйна, он родился и вырос в самом прекрасном из ойкуменических миров, откуда

никто не улетал, не тоскуя о возвращении.

Я спросил Тессинга: может ли он определить, о каком именно мире говорил Тремэйн? Тессинг считал, что, скорее всего, найдет ответ на мой вопрос. Он ввел полученные данные в компьютер, просмотрел результаты анализа и сказал: «Задача относительно проста. Интересующий вас субъект и мир, который он расхваливал, отличаются характерными признаками; их сочетание свидетельствует о том, что этот субъект — фляут, а его планета — Флютер, знаменитый чарующими пейзажами». Тессинг заметил также, что фляуты одержимы своей планетой и в обычных обстоятельствах редко ее покидают.

Я поинтересовался: «А что вы думаете о татуировке на шее Тремэйна?»

«Это либо символ социального статуса, либо эмблема места рождения».

Больше он ничего не мог сказать. Я поблагодарил специалиста и вернулся на борт «Гликки».

Теперь у меня было достаточно определенное представление о том, где можно было бы найти мою блудную родительницу, причем имело смысл предположить, что периодический доступ к деньгам отца гарантировал ее безопасность. Тремэйн не мог наложить руки на все ее деньги сразу, но она ежегодно получала существенную сумму, что, по сути дела, страховало ее жизнь.

Проходили недели и месяцы; перевозка грузов приводила меня в самые отдаленные уголки Ойкумены, но только не в тот сектор, где находится Флютер. Где только я не побывал! Но в конце концов мы приземлились в космопорте Коро-Коро.

Нам предстояло провести в Коро-Коро три дня. В первый же день я встретился с высокопоставленным должностным лицом в управлении въездного контроля. Мы вместе изучили регистрационные записи, но не нашли никаких сведений о человеке по имени «Тремэйн» или о моей матери. Чиновника это не слишком удивило: он сообщил, что мошенники и злоумышленники время от времени пренебрегают формальностями, незаконно приземляясь в диких местах, а затем добираются до ближайшего селения пешком. По его словам, подобное правонарушение считалось тяжким преступлением, и преступник, будучи задержан, мог подлежать наказанию третьего уровня, так как его действия нарушали фундаментальные принципы законодательства фляутов — а именно постановления о контроле численности населения. Не располагая действительным разрешением на въезд, такой преступник постоянно подвергался опасности быть арестованным общественным контролером, что неизбежно произошло бы, если бы он попытался переночевать в гостинице.

Я спросил: «Что, если он пользуется поддельными документами?»

«Это возможно, — признал чиновник, — но разрешение на въезд необходимо ежемесячно продлять, а попытка обновить поддельную визу несомненно привлекла бы внимание. В любом случае, после второго или третьего продления разрешение стало бы недействительным, и человек, оставшийся после этого на Флютере, понес бы соответствующее наказание»».

Мирон поморщился: «Строгость въездного контроля фляутов представляется мне чрезмерной».

«Если бы ты познакомился с историей Флютера, тебя не удивляла бы суровость их постановлений. В эпоху так называемой «Жуткой смуты» они привыкли рассматривать смертную казнь как необходимое и целесообразное наказание за любое прегрешение. Это простейшее решение проблемы — мертвые не мстят, не судятся и не размножаются.

На второй день я обратился в местное отделение МСБР. Руководил им сварливый старый вояка, коммодор Хармс. Его, по существу, отправили в Коро-Коро на отдых — работа на Флютере считалась безопасной и комфортабельной синекурой; местные власти следят за соблюдением законов настолько внимательно, что даже самый привередливый любитель совать нос не в свое дело не может нанести особого ущерба репутации МСБР. Помощником Хармса служил безобидный молодой лейтенант, научившийся не проявлять никакой инициативы, так как коммодора Хармса раздражал любой намек на самостоятельность.

Когда я туда явился, Хармс сидел за столом у себя кабинете. Внешность коммодора внушала трепет — широкоплечий, с грудью колесом и длинными тощими ногами, он напоминал сердито напыжившуюся хищную птицу. Его загоревшее в космосе лицо приобрело розовато-коричневый оттенок, с которым резко контрастировали мохнатые белые брови, яростнопронзительные голубые глаза, непослушно взъерошенная седая шевелюра и ощетинившиеся белые усы.

Я представился и объяснил сущность моих поисков. Как и следовало ожидать, Хармс перечислил дюжину причин, по которым МСБР не могла вести себя в рамках местной юрисдикции, как слон в посудной лавке.

Я сказал, что Тремэйн почти наверняка убил моего отца, и что в его компании жизнь моей матери тоже подвергалась опасности. Хармс заявил, что эти обстоятельства не имели отношения к обязанностям МСБР, и что мне следовало поделиться своими подозрениями с общественными контролерами. Мне пришлось напомнить ему, что такой подход подверг бы мою мать риску наказания третьего уровня. Хармс пожал плечами — он считал, что моя мать должна была предусмотреть возможность такого исхода перед тем, как решила сопровождать преступника.

Я упомянул о татуировке Тремэйна. Хармс подтвердил, что фляуты татуируют на шее эмблемы родных селений, но в этом отношении он не мог оказать никакой помощи, так как в его распоряжении не было перечня или каталога фляутских татуировок. По его мнению, такие сведения мне могли предоставить в отделе регистрации актов гражданского состояния, в бюро демографической статистики или в отделе контроля численности населения. Я попрощался с коммодором и больше не беспокоил его.

На третий день я последовал рекомендации Хармса и явился в отдел регистрации актов гражданского состояния. Через два часа бесполезных переговоров меня направили в отдел контроля численности населения, где после того, как я провел там еще два часа, мне сказали, что интересующие меня сведения проще всего получить в бюро демографической статистики. Просидев еще час в вестибюле этого бюро, я узнал, что служащая, которая могла бы располагать требуемой информацией, отправилась в двухнедельный отпуск на экскурсионной яхте, и что не было никакого способа ускорить ее возвращение. Мне посоветовали навести справки в отделе археологических исследований.

К тому времени я уже понял, что меня нарочно водят за нос, и вернулся в космопорт в отвратительном настроении. На следующий день мы улетели из Коро-Коро.

Теперь «Гликка» вернулась на Флютер. И я намерен продолжить поиск».

Малуф взглянул Мирону в глаза: «Ну вот, теперь ты знаешь, каковы мои планы. Ты все еще не прочь принять участие в этом предприятии?»

«Почему нет? Но как вы намерены приступить к делу?»

Малуф пожал плечами: «Хотел бы я, чтобы мне пришла в голову какая-нибудь хитроумная стратегия, но, скорее всего, придется действовать, как раньше — то есть

стучаться во все двери и задавать вопросы, пока кто-нибудь не соблаговолит ответить. Можно надеяться, по меньшей мере, что служащая бюро демографической статистики больше не загорает на палубе яхты».

«У нас есть одно преимущество, — заметил Мирон. — Тремэйн не знает, что мы его ищем».

«Верно».

«А если мы его найдем — что тогда?»

«Многое будет зависеть от обстоятельств».

Мирон поднялся на ноги: «Если вы готовы, я готов».

Малуф тоже встал: «Надень темную куртку. Представимся антропологами из университета Этны на Сансевере. И не забудь про шляпу!»

~

Глава 4

Выдержка из «Путеводителя по планетам»:

«Флютер: эпоха Жуткой смуты»

Посетителям прекраснейшего из миров, как правило, неизвестна эта темная страница истории Флютера. Когда им сообщают факты, в большинстве случаев информация воспринимается с вежливым недоверием или, с точки зрения более сведущих людей, как еще один рубец, оставшийся от раны на теле ойкуменической истории. Так или иначе, ниже приводится краткая сводка событий, происходивших на радующих глаз просторах Флютера в эти мрачные времена.

Первопоселенцы прибыли на Флютер, гонимые невыносимым столпотворением человеческих масс в их родном городе, Кореоне, заполнившем всю поверхность планеты Эргард. Постановление о контроле численности населения стало первым и самым строгим законодательным актом фляутов. Проходили столетия; жесткие ограничения постепенно смягчались, а воспоминания о Кореоне блекли. Угроза перенаселения снова надвинулась призрачной тенью на мирные зеленые холмы Флютера, и лихорадочное стремление возродить древние законы усиливалось — настолько, что теперь это движение воспринимается как массовая истерика. Первоначально, на Конклаве по вопросам коррекции народонаселения, было решительно возобновлено действие древних постановлений. Ревнители контроля рождаемости безусловно преобладали; тем, кто предлагал постепенное сокращение популяции, затыкали рот громогласными заявлениями о необходимости безотлагательных мер.

Каждому селению присвоили индекс, отражавший степень сокращения численности его обитателей, необходимую для соблюдения норм; убийства стали повседневным явлением. В первую очередь отправляли на тот свет престарелых и больных; за ними следовали слабоумные и все, кого считали ущербными в том или ином отношении. Семьи враждовали; старики и даже люди средних лет бежали в дикие просторы на свой страх и риск. Устройство засад превратилось в своего рода изощренное искусство, но больше всех страдали старики — до тех пор, пока они не объединились и не организовали устрашающие банды «седовласых призраков», бродившие по ночам в поисках детей и плачущих младенцев — схватив ребенка, они тут же разбивали ему голову о камень. Когда численность обитателей селения уменьшалась до уровня, предусмотренного индексом, необходимость в убийствах отпадала, но тайные умерщвления продолжались — по привычке и вследствие застарелой взаимной ненависти.

В конце концов равновесие восстановилось. Численность населения повсеместно поддерживалась на максимальном допустимом уровне посредством неукоснительного контроля рождаемости и фертильности, благодаря ликвидации ненормальных детей и абортам. Мало-помалу возникли те условия, что наблюдаются в поселках фляутов и по сей день.

Возникает вопрос: чем занималось в эти времена МСБР? Иные утверждают, что МСБ относилась к массовым убийствам с полным безразличием — но это не так. На самом деле МСБР могла бы действовать эффективно только в том случае, если бы ее агенты оккупировали каждый из поселков фляутов и Коро-Коро. Для этого потребовались бы армия из как минимум пятидесяти тысяч агентов и настолько широкомасштабная и сложная

кампания, что на ее осуществление не было никаких надежд. Было решено, что фляуты, насытившись кровопролитиями, рано или поздно остановятся сами. Так и случилось.

2

В Коро-Коро агенты МСБР держались незаметно, причем в каких-либо активных действиях с их стороны обычно не было необходимости, так как для поддержания порядка и дисциплины среди фляутов в большинстве ситуаций было достаточно влияния общественных контролеров.

Общественные контролеры неоднократно требовали, чтобы МСБР полностью ликвидировало свое отделение в Коро-Коро. В конечном счете МСБР отреагировала на эти дерзкие претензии, построив новое здание своего демонстративно постоянного управления неподалеку от круглой площади О-Шар-Шан.

Малуф и Мирон направились в город по осененному деревьями бульвару Помар под гроздьями белых соцветий, испускавшими тонкий аромат. Они могли бы вскочить на площадку одного из колоритных открытых омнибусов, проезжавших по бульвару — длинных шарабанов с высокими колесами, перевозивших туристов и фляутов от космопорта до площади О-Шар-Шан и обратно. Но астронавты предпочли идти пешком.

Они миновали биржу труда — длинный открытый навес с крышей из рыжеватых пальмовых листьев. Здесь выстроились вдоль прилавка паломники, теперь уже получавшие направления к возможным работодателям. Ни у кого из них перспектива зарабатывать деньги честным трудом не вызывала ни малейшего энтузиазма. Не удовлетворенный полученным направлением, Полоскун наклонился над прилавком и выступал с какой-то высокопарной речью, гневно размахивая справкой. Взглянув на него с некоторым удивлением, служащий спокойно вернулся к выполнению своих обязанностей.

Проходя мимо туристического агентства «Тарквин», Малуф и Мирон задержались, чтобы полюбоваться на машины, заполнявшие стоянку — так же, как Винго и Шватцендейла, их заинтересовала идиосинкратическая конструкция этих транспортных средств. Автолеты из бамбука и пленки, напоминавшие растрепанных крылатых насекомых, изготовлялись, по всей видимости, из местных компонентов, за исключением импортированных силовых блоков. Каждый автолет отличался от других, отвечая вкусам и требованиям конструктора — в некоторых случаях явно любителя. Подобно автолетам, колесные экипажи — «легковушки» — проектировались индивидуально по вдохновению; распорки, рамы и перекладины устанавливались там, где, по мнению изготовителя, они приносили наибольшую пользу. В каждой машине были предусмотрены особые приборы управления — как если бы применение стандартной системы могло оскорбить в лучших чувствах отважного и опытного водителя. Трехколесные «легковушки», предназначенные для бесшабашных молодых людей, занимали отдельный участок стоянки; некоторые были устроены так, что водитель должен был сидеть высоко над двумя задними колесами, а третье, переднее, крепилось на стреле, выставленной вперед наподобие некоего орудия нападения. На тросах, натянутых между носовой стрелой и кабиной управления, висели украшения: развевающийся плюмаж из павлиньих перьев, крылатый херувим, дующий в сигнальный рожок, гротескная голова, корчившая безобразные гримасы в зависимости от того, куда и насколько круто поворачивала машина.

Такие же экипажи проезжали мимо по бульвару: высокие колеса жужжали и постукивали, водители сидели, гордо выпрямившись на высоких сиденьях и с презрением поглядывали на других таких же водителей, словно подвергая сомнению их компетенцию.

Малуф и Мирон продолжали путь, почти сталкиваясь головами и плечами с белыми гроздьями цветов, повисшими над бульваром. Дойдя до таверны Пингиса, они остановились, чтобы оценить это нескладное сооружение. «Еще рановато, конечно, — проворчал Малуф, — но я почти не сомневаюсь в том, что Винго и Шватцендейл решили тут задержаться, чтобы попробовать местный эль».

«Такая идея не могла не придти им в голову», — согласился Мирон.

Без лишних слов оба поднялись по ступеням на крыльцо и зашли в таверну. Им пришлось немного подождать у входа, чтобы глаза привыкли к полутемной атмосфере помещения. За стойкой ожидал посетителей бармен средних лет; в углу пристроилась пара старух, увлеченных какой-то настольной игрой.

Малуф обратился к бармену: «Может быть, сегодня утром к вам заглядывали наши приятели? Один — толстенький, розовый, с круглой физиономией, почти облысевший. Обычно он носит бледно-коричневый плащ. Другой — темноволосый и нервный, в рубашке с яркими зелеными и черными ромбами, как у арлекина».

Опираясь обеими руками на стойку, бармен нахмурился, глядя в сторону двух старух, после чего его лицо прояснилось — он вспомнил: «Утром сюда зашли два господина такой наружности. Один — плотного телосложения, с доброй физиономией. Другой будто смотрит одновременно в двух направлениях, с торчащими локтями и коленями». Бармен восхищенно покачал головой, будто его озарило чудесное виде́ние: «Да-да, конечно! Они выпили по три кружки «Пробивного № 3» каждый, после чего, вопреки моему настоятельному совету, заказали по четвертой и выпили снова. Теперь они отдыхают на циновках у меня в подсобной кладовой. Их можно было бы расшевелить, налив им по рюмочке «Пробивного № 4», но номер четвертый иногда производит самое неожиданное действие. Пока вы их ждете, может быть, вы тоже закажете по кружке пунша, чтобы подбодриться?»

«Не сейчас, спасибо, — отозвался Малуф. — Может быть, в следующий раз, на обратном пути. Так вы считаете, что наши друзья смогут хорошо отдохнуть?»

«В кладовой тихо и прохладно. Они спят без задних ног, им никто не помешает».

Убежденные заверениями бармена, Малуф и Мирон вышли на улицу.

Уже недалеко, в конце бульвара, виднелась круглая площадь О-Шар-Шан с радиально расходящимися от нее улицами, а за ней — чудесная терраса отеля «О Шар Шан», где туристы в самых нарядных летних костюмах сидели в тени под яркими зонтами и пили из высоких бамбуковых кружек шипучие напитки, пунш и коктейли с пальмовым соком. Приезжие собирались на террасе пораньше, чтобы посмотреть на других и покрасоваться; напустив на себя ленивое безразличие привычных ко всему завсегдатаев тропических курортов, они исподтишка наблюдали за туристами, сидевшими за соседними столиками, пытаясь определить их происхождение, общественное положение и нравственные устои.

Время от времени прямо под террасой останавливались шарабаны. Одни пассажиры выходили, другие поднимались на площадку длинного открытого омнибуса, чтобы отправиться в очередную загородную экскурсию. По площади разъезжали десятки всевозможных «легковушек» на высоких колесах с блестящими спицами, радуя глаз трепещущими цветными лентами и букетами искусственных цветов. Водители — по большей части атлетически сложенные молодые люди — выруливали, гордо расправив плечи и выпрямившись; видимо, так здесь было принято. Они внимательно следили за маневрами других водителей и начинали возмущаться, как только замечали какую-нибудь ошибку или невоздержанность. Выкрикивая критические замечания, они обгоняли друг

друга или неожиданно разворачивались, беспардонно пересекая поток встречного движения, чтобы объяснить другим автомобилистам, взволнованно размахивая руками, почему тем не следовало садиться за руль — что обычно вызывало встречные замечания, сопровождавшиеся сходной жестикуляцией. Тем временем обе «легковушки» продолжали рыскать из полосы в полосу, увиливая от других машин.

В нескольких шагах перед круглой площадью перпендикулярная бульвару короткая аллея, окаймленная высокими тисами, вела к внушительному каменному зданию. Справа от входа блестело вертикальное сокращение из больших бронзовых букв: «МСБР». Как только Малуф и Мирон приблизились, дверь автоматически сдвинулась в сторону, а как только они вошли — тихо закрылась у них за спиной.

Два астронавта оказались в просторном помещении с высоким потолком, производившем, так же, как и фасад здания, впечатление присутствия непоколебимой самоуверенной власти. Пол был выложен бледно-серой плиткой, а безукоризненно белые стены ничто не украшало, кроме эмблемы МСБР — лучистой золотой звезды — высоко напротив входа.

За столом сидел человек, словно родившийся, чтобы занимать именно эту должность — еще не пожилой, с темно-золотистыми волосами и проницательными голубыми глазами. Стоявшая на столе табличка с бронзовой надписью гласила: «Коммодор Скэйхи Серле». Ожидая приближения Малуфа и Мирона, офицер поднялся на ноги, после чего сделал приглашающий жест: «Доброе утро, господа! Будьте добры, присаживайтесь».

Только после того, как посетители сели, Серле опустился в кресло за столом: «А теперь представьтесь и объясните, каким образом я мог бы вам помочь».

«Хорошо. Меня зовут Адэйр Малуф, я — владелец и капитан звездолета «Гликка», находящегося в настоящее время в космопорте Коро-Коро, а это — Мирон Тэйни, мой первый помощник. Прежде всего нам нужна информация; дальнейшее во многом зависит от того, что́ вы сможете нам сообщить».

«Пожалуйста, продолжайте».

«Мы пытаемся найти некоего Лоя Тремэйна: вполне возможно, что он находится на Флютере. Желаете ли вы, чтобы я разъяснил предпосылки наших поисков? Это не слишком приятная история».

Серле улыбнулся: «Меня трудно вывести из равновесия! Я тут ничем не занимаюсь, кроме подготовки ежемесячных отчетов — каковую обязанность я мог бы с таким же успехом поручить младшему лейтенанту Джервису».

Малуф собрался с мыслями: «Примерно год тому назад я прилетел в Трейвен на планете Морлок — по двум причинам. Мое судно, «Гликка», нуждалось в капитальном ремонте и в некоторых модификациях, а я хотел навестить своих родителей, проживавших неподалеку.

Мой отец нажил большое состояние; я ожидал, что он уже отошел от дел и приятно проводит время с моей матерью в нашей усадьбе в холмах Телемани. Вместо этого мне сообщили, что отец погиб в весьма подозрительных обстоятельствах, и что моя мать улетела с Морлока в неизвестном направлении в компании любовника, который был гораздо моложе ее.

В последние годы здоровье отца пошатнулось; он практически потерял интерес к предпринимательской деятельности и больше ничего не хотел от жизни, кроме тишины, покоя и утешения, которое ему доставляли книги. Мать, напротив, с головой погрузилась в водоворот балов и вечеринок — ветреная и уже в какой-то степени слабоумная, она

отчаянно пыталась снова ощутить пылкое возбуждение молодости. Несмотря на жалобы отца, она открыла двери нашей усадьбы всем желающим веселиться, устраивая экстравагантные, почти скандальные маскарады и безудержные полуночные пьянки.

Отцу пришлось искать убежища в дачном сельском доме на озере Кристель, что позволило матери, оставшейся в усадьбе, распуститься более, чем когда-либо. Доведенный до крайнего раздражения ее выходками, отец перевел все свое состояние на счет доверительного фонда, из которого матери должны были выплачивать ежегодное умеренное содержание. Когда матери сообщили о его решении, она была возмущена, но догадалась помалкивать об изменении своего финансового положения, так как ее новые приятели, несомненно, стали бы насмехаться над ней у нее за спиной. Так или иначе, она умудрялась поддерживать иллюзорное представление о себе как об обладательнице несметного богатства.

Тем временем матушка увлеклась самодовольным молодым разгильдяем по имени Лой Тремэйн. У него была впечатляющая внешность: блестящие черные волосы, хищный горбатый нос, пронзительный взгляд пламенно-черных глаз, страстные, хотя и несколько вульгарные манеры. Находясь в его обществе, пожилые дамы, будучи без ума от колоритного мошенника, ловили каждое его слово, щебетали и прихорашивались, стараясь превзойти одна другую в использовании арсенала девичьих жеманных ужимок, но основное внимание Тремэйн уделял моей матери, так как имел все основания полагать, что та контролировала крупный семейный капитал.

Однажды вечером Тремэйн употребил изрядное количество вина и расхвастался не на шутку. Он принялся рассказывать о своих дерзких приключениях и рискованных предприятиях в Запределье — все это были выдумки, конечно, но перезрелые дамы слушали его, затаив дыхание. Помимо прочего, Тремэйн упомянул о родной планете, каковую объявил прекраснейшим из миров Ойкумены! Он говорил об этой планете с особым искренним увлечением, превосходившим обычную тоску по родным местам. «Однажды я туда вернусь, — провозгласил Тремэйн, — как только будет устранено небольшое недоразумение, возникшее у меня с местными властями!»

На мою мать все это произвело большое впечатление. Она сказала, что тоже хотела бы странствовать по экзотическим мирам, но что ее супруг считал путешествия опасным времяпровождением, требующим неоправданных затрат. Она жаловалась на скупость отца, не позволявшую ей в полной мере наслаждаться преимуществами семейного состояния, принадлежащего ей по праву. Тремэйн сочувственно выслушал ее, но не высказал никаких замечаний. Тем не менее, уже через два дня мой отец утонул — его парусная лодка необъяснимым образом перевернулась на озере Кристель в безветренный солнечный день!

Мать явилась на похороны в сопровождении Тремэйна. Через несколько дней он, по всей видимости, убедил ее сопровождать его в поисках романтических приключений на сказочных далеких планетах Ойкумены — по меньшей мере, к этому сводилось содержание записки, оставленной матерью ее подруге. Парочка улетела с Морлока под вымышленными именами; они никому даже не намекнули, куда решили отправиться.

Прошлое Тремэйна так и не удалось установить. Но у него на шее была любопытная маленькая татуировка — наклонный крест внутри двух концентрических окружностей. Расположение и стиль этой татуировки, насколько мне известно, типичны для фляутов».

Малуф помолчал, после чего продолжил, произнося слова с подчеркнутой разборчивостью: «Такова, в общем и в целом, сложившаяся ситуация. Судя по всему,

Тремэйн — уроженец Флютера. Он может находиться здесь — сию минуту — в компании моей матери. С моей стороны вполне целесообразно навести справки, и было бы очень полезно, если бы МСБР могла оказать мне содействие».

«Каковы ваши намерения в отношении Тремэйна?»

«Я все еще почти ничего о нем не знаю, — осторожно ответил Малуф. — Многое будет зависеть от того, как он будет себя вести».

Некоторое время Серле молча размышлял, после чего сказал: «Мне приказано не вмешиваться в дела местных инспекторов и контролеров постольку, поскольку они не подвергают чрезмерное число туристов — или фляутов, если уж на то пошло — наказаниям третьего уровня. В данном случае, если бы я действовал так, как считает нужным начальство, я бы посоветовал вам обратиться в городское управление общественного контроля». Коммодор откинулся на спинку кресла: «Тем не менее, я, конечно же, сделаю для вас все, что смогу — в пределах предусмотренных ограничений. Татуировка Тремэйна указывает на место его рождения. Он родился не в Коро-Коро — в таком случае у него на шее была бы семиконечная звезда. Но узнать, откуда он родом, должно быть нетрудно. Я попрошу Джервиса этим заняться». Серле нажал кнопку на столе.

Раздвинулась дверь в стене; появился молодой человек в синей с черными лацканами униформе МСБР — стройный, темноволосый, с почти военной выправкой: «Чем могу быть полезен?»

«У меня есть для вас поручение. Позвольте представить вам капитана Малуфа и его первого помощника, Мирона Тэйни. Господа, это мой ассистент, Иэн Джервис».

Малуф и Мирон вежливо привстали. Серле повернулся к Джервису: «Вы знаете, где найти татуировщика Флорио?»

«Да, его ателье напротив, с другой стороны бульвара».

Серле нарисовал символ на карточке, положил карточку в конверт и передал конверт лейтенанту: «На карточке обозначено фляутское «родимое пятно». Будьте добры, попросите Флорио объяснить, откуда может происходить человек с такой татуировкой». Джервис взял конверт и удалился.

Прошло несколько минут. Джервис вернулся в компании тощего седого субъекта. «Я показал маэстро Флорио эту карточку, — извиняющимся тоном сказал лейтенант, — и он настоял на том, чтобы поговорить с вами лично».

«Именно так! — подтвердил Флорио. — Причем с глазу на глаз. О некоторых вещах не следует объявлять во всеуслышание».

«Как вам будет угодно», — Серле провел татуировщика в соседнее помещение и закрыл за собой дверь. Джервис вежливо откланялся и удалился в свой кабинет.

Малуф и Мирон сидели в молчании. Они не хотели строить догадки — поведение старика Флорио пока что не поддавалось пониманию.

Прошло довольно много времени; наконец Флорио и Серле вернулись. Безразлично кивнув Мирону и Малуфу на прощание, Флорио ушел, а Серле снова занял место за столом.

Некоторое время коммодор сидел, задумчиво поглядывая на двух инопланетян. Наконец он встрепенулся и выпрямился в кресле: «Вы спрашиваете себя: почему Флорио согласился говорить только со мной и только с глазу на глаз? Причина очевидна. О том, что я вам скажу, не следует упоминать и даже намекать в присутствии посторонних — особенно в присутствии общественных контролеров, которых Флорио глубоко презирает.

Начнем с того, что Флорио опознал татуировку на шее Тремэйна. Это эмблема селения

Кренке — то есть Тремэйн родился в Кренке. Само по себе это еще ни о чем не говорит. Важнее то, что два месяца тому назад человек, соответствующий вашему описанию внешности Тремэйна, явился в студию Флорио и поручил ему, за большую сумму наличными, заменить символ Кренке у него на шее символом Коро-Коро — семиконечной звездой. Кроме того, Флорио сделал такую же татуировку на шее сопровождавшей Тремэйна пожилой женщины. Таким образом, можно почти не сомневаться в том, что Тремэйн и ваша мать устроились где-то на Флютере. Где именно? По этому поводу нет никаких сведений».

Малуф задумался: «Если Тремэйн родился в Кренке, скорее всего, он считает, что именно там он мог бы успешнее всего скрываться от общественных контролеров».

Серле пожал плечами: «Может быть. В Коро-Коро он и его спутница действительно бросались бы в глаза».

Малуф поразмышлял еще немного: «Где находится Кренке? Что известно об этом селении?»

Серле вызвал Джервиса и поручил ему добыть все имеющиеся сведения о селении Кренке. Через некоторое время лейтенант вернулся и сообщил, что Кренке — небольшой поселок, более или менее благополучный, где туристам предлагаются более или менее приемлемые условия ночлега в гостинице под названием «Три пера».

Коммодор Серле вручил Малуфу карту, обозначив на ней координаты: «Кренке довольно далеко отсюда, но не слишком далеко. Если вы отправитесь сейчас же, вы прибудете туда сегодня вечером».

3

Вернувшись к своему звездолету, Малуф и Мирон обнаружили, что на борту остались они одни: все пассажиры нашли себе те или иные занятия в городе. Малуф оставил записку на столе в камбузе: «Этого должно быть достаточно на тот случай, если кто-нибудь начнет беспокоиться».

На слова Мирона, заметившего, что им не помешала бы поддержка со стороны Винго и Шватцендейла, капитан ответил: «Как-нибудь справимся сами. Кроме того, вдвоем мы будем привлекать гораздо меньше внимания, чем вчетвером». Мирон не стал возражать, но не преминул убедиться в том, что его карманное оружие было заряжено и функционировало безотказно.

Два астронавта спустили на взлетное поле судовой автолет и погрузили в багажник кое-какое оборудование. Поднявшись в воздух, они полетели к селению Кренке над безмятежными пасторальными просторами Флютера. По мере того, как внизу проплывали моря и континенты, солнце мало-помалу перемещалось по небосклону.

Когда солнце уже начинало опускаться к горизонту, впереди показались коттеджи Кренке, озаренные сонливыми золотистыми вечерними лучами. Малуф медленно облетел поселок по кругу. С востока сюда вела дорога, пересекавшая спокойную реку по чугунному мосту и становившаяся главной улицей селения. Неподалеку от моста на той же улице находилась гостиница «Три пера», а в ста метрах дальше дорога выходила на площадь, после чего поворачивала и скрывалась под плотной листвой высоких деревьев. Перед мостом, на противоположном гостинице берегу реки, обширный луг был загроможден всевозможной сельскохозяйственной техникой, самоходными подводами и телегами; тут же можно было заметить несколько «легковушек», явно нуждавшихся в ремонте, и пару древних автолетов, настолько прохудившихся, что они напоминали крылья высохших мотыльков. Малуф нашел свободный участок на дальнем краю этого поля и опустил автолет на траву как раз в тот

момент, когда последний луч солнца скрылся за горизонтом, оставив после себя неразбериху облаков, тлеющих киноварным, янтарным и золотистым огнем.

Когда Малуф и Мирон шли по мосту через реку, уже смеркалось. Впереди темнела гостиница «Три пера» — громоздкое сооружение из бревен и камня, с длинной остроконечной крышей. Вывеской над входом служила старинная узорчатая чугунная рама со вставленными в нее тремя чугунными перьями, раскрытыми веером. Открыв тяжелую дверь, Малуф и Мирон зашли в трапезный зал.

Они оказались в просторном помещении почти величественных пропорций. Сучковатые поперечные балки покоились на бревенчатых столбах; этими балками поддерживались продольные стропила и потемневшие от времени потолочные доски. Вдоль левой стены были расставлены столы; вдоль правой тянулась стойка бара. За столами ужинали местные жители: принарядившиеся по такому случаю мужчины, женщины и несколько детей. Их обслуживала мрачноватая сухопарая особа средних лет, с длинными костлявыми руками и ногами, торопливо сновавшая между столами и кухней размашистыми пружинистыми шагами. На ней было свободное платье в коричневую и зеленую полоску, настолько длинное, что оно почти волочилось по полу. Волосы ее были собраны в пирамиду, скрепленную на вершине булавкой со скромным голубым цветком. Посетители часто и громко обращались к ней с капризными требованиями: «Дина! Нужно больше соуса!», «Дина! Принеси еще баррачей, со свежим уксусом!», «Дина! Хлеб почти высох! И у нас кончилась острая приправа!»

Когда открывалась дверь на кухню, там можно было заметить низенькую толстенькую повариху с покрасневшим взмокшим лицом, поглядывавшую на едоков с выражением хронической ярости.

Над стойкой бара сгорбились за деревянными кружками и ворчливо о чем-то бормотали больше десятка мужчин — одни в рабочих блузах, другие — в несколько более притязательных костюмах торговцев. За стойкой прытко танцевал из стороны в сторону круглолицый бармен; наваливаясь выдающимся пузом на прилавок, он перезаполнял кружки, вытирал разлитое пиво и поругивал клиентов, привычно отвечавших безразличными взглядами.

Малуф и Мирон уселись на табуретах в конце стойки и стали ждать.

Бармен Йодель заметил новоприбывших и продвинулся к ним бочком вдоль всего прилавка: «Что вам будет угодно, господа?»

«Мы только что прибыли из Коро-Коро, — сообщил Малуф. — Мы хотели бы у вас переночевать, поужинать и позавтракать с утра».

«Никаких проблем! — пыхтя, развел руками Йодель. — Вот ведомость — распишитесь, и с формальностями будет покончено».

«Очень хорошо — если мы можем позволить себе ваши расценки».

Йодель беззаботно махнул рукой: «Не беспокойтесь, наши цены считаются умеренными».

«Но каковы они в числовом выражении?»

Йодель пожал плечами: «Как хотите. Скажем, четыре сольдо за комнату на двоих и по пятьдесят грошей за ужин и за завтрак с каждого. То есть, шесть сольдо в общей сложности».

«Мы не возражаем, — уступил Малуф, — если вы не взимаете без предупреждения дополнительную плату — например, за чистое белье или за горячую воду».

«Включена стоимость всех услуг! — заявил Йодель. — Тем не менее, мы предпочитаем

взимать плату вперед, по вполне понятным причинам практического характера. Иные постояльцы встают ни свет ни заря, уплетают роскошный завтрак и уносят ноги, не рассчитавшись».

«У нас нет таких привычек, — заверил его Малуф. — Тем не менее, мошенников следует остерегаться. В Коро-Коро нам встретился некий Лой Тремэйн, пытавшийся нас обмануть. Кстати, как ни странно, Тремэйн упомянул, что он родом из Кренке».

Йодель с сомнением покачал головой: «Здесь что-то не так. В Кренке ни о каких Тремэйнах слыхом не слыхивали. Наверное, вы спутали название поселка».

«Возможно», — согласился Малуф.

«Скорее всего, он просто вам сказки рассказывал, — размышлял вслух пузатый бармен. — Всего лишь недели три тому назад к нам заехал торговец дикими ягодами. Пока мы приценивались к его товару, он заманил девчонку за подводу и уже успел задрать ей юбку на вершок! Она завопила, все сбежались к ней на подмогу. Коробейника увели на мельницу, и там ему пришлось два дня танцевать на валках, чтобы не свалиться под жернов. Все содержимое его подводы конфисковали. Когда этот похабник потащился на пустой подводе обратно в Лилянск, он представлял собой жалкое зрелище, скажу я вам!

Но теперь вам следует взглянуть на свою комнату. Когда вы спуститесь в трапезную, вам подадут ужин». Опираясь руками и пузом на стойку, бармен наклонился и посмотрел по сторонам. Не будучи удовлетворен результатом своих поисков, он задрал голову и прокричал в потолок: «Бунтя! Бунтя! Скорей иди сюда! Где ты пропала?» Прислушавшись, Йодель позвал опять, еще громче: «Бунтя! Ты что, оглохла? Бунтя! Почему не идешь, когда тебя зовут?»

В трапезную со всех ног ворвалась, размахивая руками, девочка лет четырнадцати в длинной юбке, развевавшейся на бегу так, что похотливый наблюдатель мог бы рассмотреть как минимум нижнюю часть ее щиколоток. Малуф и Мирон скромно отвели глаза. Почти плоскую грудь девочки туго обтягивала розовая блузка; ее просторная черная юбка почти подметала пол. Так же, как у Дины, волосы ее были собраны в пирамидку на макушке, скрепленную воткнутой наискось булавкой с цветком, оставлявшей сверху маленький залихватский хвостик. Остановившись напротив Йоделя, запыхавшаяся Бунтя выпалила: «Перестань орать, папа — я уже здесь!»

«Тебя не дождешься! Вечно ты где-то прячешься! Чем ты там занималась?»

Девочка страстно закричала в ответ: «Почему я должна отчитываться за каждую минуту своей личной жизни? Если тебе так хочется знать — когда ты позвал, я была в туалете! Не могла же я вскочить и прибежать сюда, у всех на глазах, в чем мать родила! Ты этого хочешь?»

«Вот еще! — пробормотал Йодель. — Такими делами надо заниматься в свободное время. Ты там баклуши бьешь, а эти господа ждут, чтобы ты соблаговолила им помочь. А теперь быстренько отведи их в номер. И проверь, чтобы там все было в порядке».

Бунтя смерила глазами Малуфа и Мирона, неодобрительно опустив уголки губ: «Они явно с другой планеты. А тот, что помоложе, вообще подозрительно выглядит».

«Не распускай язык! — строго сказал Йодель. — Постояльцы как постояльцы. Проведи их в номер шестой и спроси, что́ еще им может понадобиться».

Скорчив гримасу, Бунтя смирилась, заложила руки за спину и спросила Малуфа: «Где ваш багаж?»

«У нас с собой только небольшие походные сумки, мы их носим сами».

Лицо девочки оскорбленно вытянулось: «Как вам будет угодно! К вашему сведению, если вы принимаете меня за воровку, вы заблуждаетесь. Меня нисколько не интересуют ваши драгоценные пожитки».

Малуф начал было извиняться, но Бунтя его игнорировала: «Пойдемте, я проведу вас в номер».

«Постойте-ка, постойте! — воскликнул Йодель, хлопнув ладонью по стойке. — Прежде, чем вы сделаете еще один шаг, я хотел бы видеть шесть блестящих монет, аккуратно выложенных на прилавок».

Как только капитан выплатил требуемую сумму, Бунтя указала на узкую лестницу, ведущую наверх. Малуф и Мирон вежливо ждали, чтобы пропустить ее вперед, но девочка испуганно отпрянула: «Вы меня за деревенскую дурочку принимаете? Знаю я ваши инопланетные штучки! Ничего у вас не получится — идите вперед!»

«Как хочешь», — вздохнул Малуф. Астронавты поднялись по лестнице; Бунтя следовала за ними на безопасном расстоянии. На верхней площадке она торопливо проскользнула вперед, демонстративно держась подальше от Мирона. Открыв дверь с закрепленным на ней номером «6», она с подозрением обернулась к Малуфу и Мирону, после чего быстро заглянула в комнату и тут же отскочила в коридор: «Заходите, там все готово».

«Один момент! — остановил ее Малуф. — Ты должна была внимательно проверить, чтобы все было в порядке. Вы постелили свежие простыни?»

«И как насчет полотенец и мыла? — спросил Мирон. — Тебе следовало бы прежде всего заглянуть в ванную».

«Там все готово, — упрямо повторила Бунтя. — Если увидите каких-нибудь грызунов, выгоняйте их в коридор».

Девочка убежала и, стуча башмаками, спустилась по лестнице. Осмотрев комнату, Малуф и Мирон не нашли никаких поводов жаловаться. Массивная, надежная мебель стояла здесь, судя по всему, с незапамятных времен. Боковая дверь вела в старинную затейливую ванную.

Минуту-другую они постояли у окна, глядя на поселок. К тому времени на улице уже зажглись редкие качающиеся фонари, создававшие островки подрагивающего бледного света. На центральной площади несколько молодых людей что-то передвигали и устанавливали, подготавливая какое-то мероприятие. Отвернувшись от окна, астронавты спустились в трапезную и уселись за свободным столом, ожидая, что их обслужат.

Дина расшагивала мимо, взад и вперед, но в конце концов остановилась. Когда Малуф попросил ее показать меню, Дина явно удивилась и, едва сдерживая презрительную усмешку, объяснила: «У нас нет и не бывает никаких таких документов, сударь».

«Тогда что́ же вы можете предложить на ужин?»

«Это зависит от того, что́ для вас приготовит Виллика».

«Даже так!» — обернувшись в сторону кухни, Малуф и Мирон взглянули на приземистую краснолицую кухарку, угрожающе стоявшую в дверном проеме с деревянной поварешкой в руке.

Дина пояснила: «Повариха на вас разозлилась. Бунтя сообщила ей, что ваш молодой приятель хотел заманить ее в ванную, чтобы изнасиловать, и что ей пришлось защищаться самыми отчаянными способами».

«Какая чепуха! — возмутился Малуф. — Будьте добры, попросите Виллику подойти, чтобы мы могли обстоятельно опровергнуть выдумки взбалмошной девчонки. Подобную

безобразную клевету невозможно оставить без внимания!»

Дина покачала головой: «Я сама ей все объясню, и она успокоится. Всем известно, что Бунтя позволяет себе подростковые фантазии — возможно, Виллика не поверит ей на слово. В крайнем случае я могу принести вам вяленой рыбы и немного сухарей с почечным салом».

Дина направилась на кухню и закрыла за собой дверь. Через некоторое время она вернулась с двумя мисками горячего острого супа и поставила их перед Малуфом и Мироном. Поглядывая на кухню, она заметила: «Виллика вроде бы больше не бесится. Насколько я понимаю, сегодня вечером на площади будет потеха. Бунтя еще никогда не шалила с сорванцами — боится раньше времени свалиться на спину, задрав ноги. Так или иначе, ужин вам приготовят».

Когда астронавты покончили с супом, Дина принесла им блюдо пареной рыбы с остряком и небольшими корнеплодами — впрочем, это могли быть вареные желуди; на десерт им подали вареники с фруктовой подливкой.

Утолив голод, Малуф и Мирон сидели с кружками травяного чая в руках. Им еще не хотелось спать, и местным жителям тоже. Наблюдая за входящими и выходящими посетителями, они не замечали ничего любопытного. Здесь все вели себя с мрачноватой сдержанностью и разговаривали вполголоса. Йодель суетился за стойкой, скользя пузом по прилавку; на его круглом лице застыло выражение, напоминавшее улыбчивую гостеприимность. Никто не обращал внимания на двух инопланетян.

В конце концов астронавты встали из-за стола, направились к выходу, открыли тяжелую дверь и вышли под вечернее небо.

4

Малуф и Мирон стояли перед входом в гостиницу; чугунная вывеска слегка покачивалась у них над головами, потревоженная блуждающими порывами ветра. Небо еще не полностью потемнело; крыши коттеджей по обеим сторонам улицы выделялись черными контурами на фоне серого полумрака.

Два астронавта прошлись по главной улице, ускоряя шаг на освещенных фонарями участках. Там, где улица выходила на площадь, они остановились, чтобы посмотреть на развлечения, устроенные сельской молодежью — судя по всему, веселье только начиналось. Вдоль одного края площади собралась группа парней, главным образом подростков шестнадцати-восемнадцати лет. Напротив устроилась стайка девушек примерно того же возраста — может быть, на год или на пару лет младше. Они болтали, смеялись, сумасбродно жестикулировали и бегали одна за другой, создавая впечатление веселой непосредственности, но в то же время исподтишка поглядывая на парней; те, по большей части, сидели тихо и откровенно глазели на девиц.

Заинтересованные происходящим, Малуф и Мирон присели на скамье под высокой плюмерией и стали ждать дальнейшего развития событий. Вскоре молодые люди, разделившись на группы и пользуясь какими-то специальными орудиями, разметили ряд параллельных линий, тянувшихся поперек всей площади и образовавших череду полос примерно полтора метра шириной каждая.

Закончив эту работу, юноши и девушки сразу разбежались в разные стороны, выбирая ту или иную полосу, причем многие девушки поспешно перемещались из одной полосы в другую, если замечали на другом конце партнера, который им не особенно нравился. Тем временем еще несколько молодых людей — судя по всему, музыкантов — поднялись на низкую эстраду в дальнем конце площади и занялись установкой и настройкой

инструментов. На них были особые наряды странного покроя и странной расцветки: туго облегающие тело рубахи из фосфоресцирующей ярко-синей ткани, с открытым воротом и глубокими вырезами спереди, обширные шаровары, перевязанные под коленями — матово-красные, лимонно-зеленые или черные — а также белые башмаки с длинными острыми носками. Через несколько минут все музыканты одновременно надели причудливые длиннорылые маски и внезапно превратились в коварно переглядывающуюся бесовскую шайку.

Напряжение возрастало — казалось, в воздухе проскакивали электрические разряды. Юноши и девушки принялись подпрыгивать и кружиться, взбрыкивая ногами — сначала застенчиво и неуверенно, но мало-помалу все смелее и развязнее. Подбоченившись, они то и дело взмахивали руками, словно протыкая воздух, и вертели ладонями, оттопырив большие пальцы. На далекой эстраде ударник подвесил вереницу трубчатых колоколов над огромным басовым барабаном и прошелся бамбуковой метелкой по пустотелому деревянному резонатору, после чего встал навытяжку — на площади тут же воцарилась тишина. Театральным жестом вытянув вверх руку с зажатым в ней молоточком, барабанщик ударил по цилиндрическому гонгу. Другие музыканты тут же принялись пиликать и дудеть, производя внезапный оглушительный гвалт воющих и дрожащих глиссандо, случайных пассажей и арпеджио, подгоняемых судьбоносными гулкими ударами громадного барабана.

Сумбурный звуковой шквал застал Малуфа и Мирона врасплох: почему-то оба они ожидали, что музыка будет более упорядоченной и мелодичной. Тем не менее, они продолжали внимательно слушать.

«Я знаю, в чем дело! — заявил Мирон. — Мы не понимаем их музыку, потому что нам незнакомы и непонятны ее сложные закономерности».

«Надо полагать, так оно и есть», — допустил Малуф.

Юноши и девушки, находившиеся на разных концах расчерченных полос, реагировали на музыку с энтузиазмом, дергаясь в такт ударам большой литавры, корчили всевозможные гримасы, извиваясь всем телом, поднимали согнутые в коленях ноги и броском распрямляли их вперед, вытягивая носки. Мирон не преминул заметить, что девушки привязали длинные юбки к туфлям, чтобы не слишком обнажать щиколотки, хотя самые отважные провокационно демонстрировали на мгновение вершок-другой своей ноги, сразу исчезавший под юбкой.

Ритм барабана становился все настойчивее, пируэты и прыжки танцоров — все неистовее, нервное напряжение достигло критического уровня. Юноша и девушка, плясавшие на разных концах одной из полос, стали сближаться — подбоченившись, кружась и брыкаясь. Они встретились посередине полосы и резко остановились, все еще поводя плечами и бедрами в такт грохочущему ритму, после чего, развернувшись спиной друг к другу, быстро наклонились так, чтобы их ягодицы столкнулись, и разбежались на прежние позиции, опять торжествующе подпрыгивая, кружась и брыкаясь.

Гвалт на эстраде не умолкал, огромный барабан непрерывно гремел. Еще одна пара сорвалась с места, двинулась навстречу и повторила ритуальное столкновение; вслед за ней это проделали еще две пары.

Мирон вдруг что-то заметил, нагнулся и протянул руку, указывая вперед: «Смотрите, смотрите! Четвертая девушка, если считать от нас!»

«Ага! Это наша Бунтя — и пляшет не хуже остальных!»

«Давай, давай!» — с энтузиазмом поддержал ее Мирон, когда Бунтя двинулась

навстречу своему партнеру, выделывая пируэты с энергией, не уступавшей пылу ее подруг.

Все полосы площади неожиданно наполнились движением сходившихся и разбегавшихся пар; каждый участник ритуала демонстрировал свой особенный стиль: одни вышагивали важно и многозначительно, другие — суматошно и легкомысленно, подобно вертлявым насекомым. Время от времени парень или девушка начинали двигаться к середине полосы, кривляясь и приплясывая изо всех сил, но обнаруживали, что никто не стремился им навстречу с противоположного конца площади. Такое положение дел явно считалось унизительным. Подвергнувшаяся оскорблению персона останавливалась и, опустив плечи, уныло возвращалась к началу полосы — или, поддавшись порыву раздражения, продолжала пляску до середины полосы и там выполняла ритуал столкновения в одиночку, надеясь устыдить обидчика нелепым извращением общепринятых поз и телодвижений.

Через некоторое время танцы закончились. Ударник стал быстро перебирать молоточками по колоколам, рыгорог испустил дикое воющее глиссандо, прогремела последняя прощальная дробь барабана — и наступила тишина. Музыканты сняли маски, спрыгнули с эстрады и пропали в темноте. Юноши и девушки, снова игнорируя друг друга, собрались небольшими болтливыми группами, обсуждая события вечера. Одни были радостно возбуждены и праздновали свои успехи. Другие, огорченные результатами состязания в популярности, бродили вокруг и ни с кем не разговаривали.

«Вот таким образом, — подвел итог Малуф, — развлекается молодежь в поселке Кренке. Мы засвидетельствовали немало мимолетных триумфов и сбывшихся надежд — и столько же маленьких трагедий».

Мирон серьезно кивнул: «Интересно, что будет дальше? По-моему, они еще не готовы разойтись по домам».

Предположения Мирона были вскоре опровергнуты. Парни гурьбой удалились с площади по главной улице, а оттуда разошлись в разных направлениях. Из глубоких теней по краям площади появились, как по мановению волшебной палочки, родители девушек и бесцеремонно увели каждую домой по той же главной улице.

Через несколько минут темная площадь опустела — только в какой-то конторе напротив еще горел одинокий огонь.

«Кто-то работает по ночам», — заметил Мирон. Поднявшись на ноги, он пригляделся: на стенде у входа в контору предлагались в продажу газеты и журналы.

«Скорее всего, какое-то агентство новостей, — сказал он Малуфу. — Если допустить, что в Кренке может существовать такое предприятие».

Малуф тоже встал, и они вдвоем пересекли площадь. Подходя к конторе, они увидели над дверью вывеску с золочеными буквами на черном фоне:

«ОБОЗРЕНИЕ КРЕНКЕ
УЛЬВИН ФАРРО, ИЗДАТЕЛЬ»

Малуф постучал в дверь. Послышался спокойный голос: «Заходите!»

Астронавты зашли в небольшую опрятную контору; кроме стола и нескольких стульев, здесь не было никакой мебели. Одну из стен полностью покрывали фотографии, изображавшие мужчин, женщин и детей всевозможных возрастов и во всевозможных позах, хотя в большинстве случаев они просто смотрели в объектив без всякого выражения. На

других стенах, безукоризненно побеленных, не было никаких сувениров или украшений.

За столом сидел бледный молодой человек ничем не впечатляющей внешности. Лоб его обрамляли пепельно-серые светлые локоны, а в его физиономии тоже не было ничего достопримечательного, если не считать прозрачных, словно светящихся серых глаз. Он представился: «Как вы могли догадаться, я — Ульвин Фарро. У вас есть ко мне какое-то дело?»

«Нет, ничего особенного, — отозвался Малуф. — Мы просто проходили мимо, заметили вашу вывеску и решили заглянуть, исключительно из любопытства».

Фарро разглядывал посетителей — у него они тоже вызывали любопытство: «Надо полагать, вы — те самые инопланетяне, что прилетели сегодня вечером и остановились в «Трех перьях»?»

«Совершенно верно», — подтвердил Малуф.

«В Кренке слухи распространяются быстро», — с иронической усмешкой прибавил Мирон.

Фарро безразлично пожал плечами: «Так или иначе, я благодарен вашему прибытию — теперь у меня есть хоть какой-то злободневный материал. Не желаете ли присесть?»

«Спасибо, — астронавты уселись на стулья с прямыми спинками. — Я — Адэйр Малуф, владелец космического судна «Гликка», а это Мирон Тэйни, мой первый помощник».

Фарро вежливо кивнул: «Что привело вас в наш отдаленный от столичной суеты поселок? Следует ли рассматривать вас как туристов — или у вас что-то другое на уме?»

«Если вы надеетесь опубликовать в «Обозревателе» интригующую статью, посвященную нашему приезду, не слишком увлекайтесь этой идеей. На Флютере мы — всего лишь туристы и блуждаем с места на место скорее по прихоти, нежели следуя какому-то определенному плану».

«Допустим! — откинувшись на спинку стула, Ульвин Фарро немного помолчал, подвергая посетителей задумчивой инспекции. — Если бы я позволил себе откровенное замечание, я мог бы сказать, что ни один из вас не похож на типичного праздного туриста. Тем не менее, трудно представить себе, с какой целью вы могли бы оживить своим присутствием такую сонную захолустную дыру, как Кренке. Поистине, ваш приезд — своего рода загадка! Должен тут же оговориться, что мои умозаключения — не более чем полет фантазии, и, конечно же, не будут опубликованы».

Малуф задумался и ответил не сразу. Наконец он сказал слегка назидательным тоном: «Судя по всему, вы — человек проницательный и сообразительный. Позвольте предложить на ваше рассмотрение еще один «полет фантазии» — а именно возможность того, что на самом деле мы хотели бы получить информацию по интересующему нас вопросу, но только с тем условием, что предоставление таких сведений ни в коем случае не станет достоянием гласности».

Фарро наклонился вперед: «Давайте определим ситуацию в менее расплывчатых выражениях. Вы хотите, чтобы я предоставил вам информацию, а затем никоим образом и никому ни словом не упоминал о содержании нашего разговора. Я правильно вас понимаю?»

«Именно так. Если причина нашего приезда станет общеизвестной, это существенно ограничит свободу наших действий».

«Очень хорошо! — Фарро выпрямился. — Я согласен соблюдать ваши условия — если то, что я от вас услышу, не свидетельствует о какой-нибудь кошмарной угрозе или катастрофе, о которой я буду вынужден предупредить население».

Малуф мрачно усмехнулся: «Ни о каких катастрофах и катаклизмах вы не услышите. Могу ли я продолжать?»

«Да, — кивнул Фарро, — продолжайте».

«Несколько лет тому назад в Трейвене, на планете Морлок, появился молодой человек, представлявшийся под именем «Лой Тремэйн». Его основное занятие состояло в том, чтобы очаровывать богатых пожилых женщин и мошеннически избавлять их от бремени благосостояния. Будучи обладателем гипнотической внешности, он вел себя исключительно нагло. У него на шее была татуировка — нам удалось узнать, что таким символом обозначают тех, кто родился в Кренке. Находясь в Трейвене, Лой Тремэйн утверждал, что он отчаянно тосковал по Флютеру и хотел бы во что бы то ни стало вернуться в родные места, но что для этого ему нужно было утрясти кое-какие проблемы с общественными контролерами. В конце концов он совершил убийство и соблазнил богатую вдову своей жертвы покинуть Морлок вместе с ним, обещая ей чудесные приключения на далеких планетах — но при всем при том намеревался вернуться на Флютер.

Позавчера «Гликка» приземлилась в космопорте Коро-Коро. Мы знали, что Тремэйн скрывается где-то на Флютере. В Коро-Коро мы его не нашли и предположили, что он нашел убежище в Кренке. Поэтому мы сюда и приехали».

Фарро покачал головой: «Здесь что-то не так. В Кренке никогда не было никаких Тремэйнов. Возможно, вы неправильно истолковали его татуировку».

«Нет, мы не ошиблись. Эту татуировку видел и определил специалист, который переделал ее, по просьбе Тремэйна, в семиконечную звезду уроженца Коро-Коро».

«В таком случае нет никаких сомнений в том, что человек, которого вы ищете, скрывается под другим именем. Как он выглядел?»

«Ха! — лицо Малуфа подернулось нервной гримасой. — Однажды увидев, его ни с кем не спутаешь. Это высокий, сильный человек. У него театрально-горделивая походка, как у кавалера, танцующего старомодный шебардиган. На лоб его спускаются темные кудри, у него аристократический горбатый нос, близко посаженные черные глаза напряженно сверлят собеседника. Он любит притворяться бесшабашным сорвиголовой и рассказывать выдумки о своих похождениях, сопровождая их мелодраматической жестикуляцией».

«Подождите-ка, подождите! — воскликнул Ульвин Фарро. — Я знаю, о ком вы говорите! Его зовут Орло Кавке! Но, уверяю вас, в Кренке вы его не найдете».

«Почему же?»

«Он не посмел бы показаться здесь, где его могут узнать! Орло Кавке совершил в Кренке ряд отвратительных преступлений, но избежал наказания.

Его поступки тошнотворны. Он похитил трех девушек, одну за другой. Он уводил их по ночам на Кручу Меллами. В Кренке наступили тяжелые времена, все мужчины подозревали друг друга. Орло Кавке насиловал девушек всеми доступными воображению способами — и даже, пожалуй, способами, не сразу поддающимися воображению. Он безумно издевался над бедными девочками, наказывая их за то, что они не желали делиться с ним своей красотой. Его схватили, заковали в цепи и притащили в поселок, но он сбежал, после чего нам сообщили, что Кавке каким-то образом умудрился улететь с Флютера. Он вернулся, вы говорите? Это просто потрясающе!»

«Вы проливаете новый свет на тайну Лоя Тремэйна, — пробормотал Малуф. — Впрочем, теперь его следует называть «Орло Кавке»».

Журналист задумчиво разглядывал капитана: «И что вы теперь намерены делать?»

«Не знаю. Многое зависит от обстоятельств».

Фарро обратился к Малуфу настойчиво-серьезным тоном: «Если вы его найдете, надеюсь, вы привезете его обратно в Кренке. Кавке нанес местным жителям такой ущерб, что его сможет в какой-то мере возместить только его публичное наказание».

Малуф печально покачал головой: «Не могу ничего обещать. Моя мать у него в руках, и нам придется использовать любые возможности». Капитан задумался, после чего спросил: «Не найдется ли у вас фотография Орло Кавке?»

Фарро поколебался, но выдвинул ящик стола, вынул из него пару фотографий и положил их на стол перед Малуфом.

«Благодарю вас».

Рассмотрев оба снимка, Малуф передал их Мирону.

На первой фотографии был изображен высокий темноволосый человек впечатляющей внешности, закованный в цепи и стоявший спиной к каменной стене. Кавке уставился в объектив с почти осязаемым, звериным бешенством. На второй фотографии Кавке повернули в профиль; в таком ракурсе он напоминал какого-то древнего демонического героя. Его вызывающая поза свидетельствовала только о презрении к окружающим.

Фарро спросил: «Когда вы уезжаете?»

«Завтра утром. В Кренке нас больше ничто не удерживает».

Малуф и Мирон встали, снова поблагодарили издателя и вышли на темную площадь; Фарро, безутешно смотревший им вслед, остался за столом.

Вернувшись к гостинице «Три пера», астронавты зашли в трактирный зал. За стойкой еще сидели два любителя пива, продолжавших неспешную беседу с Йоделем. Посреди ряда опустевших столов стояла и смотрела в ночное окно Дина, погрузившаяся в какие-то свои невеселые мысли. Дверь в кухню была закрыта, скрывая от посторонних глаз раздражительную Виллику — если та все еще расхаживала среди кастрюль и сковородок, угрожая невидимым врагам увесистой поварешкой.

Проходя мимо, астронавты вежливо пожелали Дине спокойной ночи, но она их почти не заметила. Поднявшись по лестнице к себе в номер, Малуф и Мирон по очереди помылись, устало бросились на кровати и вскоре заснули.

5

Утром небо над поселком затянула унылая пелена облаков, надвинувшаяся с северных холмов — из окна селение казалось еще более промозглым, безрадостным и подавленным тяжестью столетий.

Два астронавта молча оделись, размышляя о полученных вчера неутешительных сведениях, и спустились в трактир. Дина вышла им навстречу и провела их в продолговатое полутемное помещение, которое она назвала «утренним салоном»; в «салоне» попахивало плесенью и влажным камнем. Маленькое окно в торцевой стене пропускало водянистый серый свет, едва достаточный для того, чтобы можно было что-либо разглядеть на столе.

«Виллика в хорошем настроении, — сообщила им Дина. — Она соблаговолила сварить вам самую лучшую кашу и приготовила фруктовый десерт».

Астронавтам подали хлеб с хрустящей корочкой, мармелад, густую горячую кашу, сдобренную кусочками соленой рыбы, и миски с вареным инжиром в пряном медовом сиропе. Малуф и Мирон съели столько, сколько смогли, обильно запивая завтрак травяным чаем, после чего вернулись в трактирный зал.

За стойкой уже горбились над кружками пива три субъекта средних лет.

Йодель жизнерадостно приветствовал постояльцев: «Вы уезжаете? Еще только рассвело!»

Малуф задержался: «Мы приятно провели время в Кренке, но теперь нам пора возвращаться в столицу».

«Конечно, конечно, вам виднее! — развел руками бармен. — Но, может быть, вы подождете еще несколько минут? Эти господа хотели бы с вами познакомиться».

«Неужели?» — Малуф наклонился к Мирону и пробормотал ему на ухо: «Фарро разболтался. Видимо, он решил, что мы привезли достаточно ужасные и катастрофические вести».

«Неудивительно! — отозвался Мирон. — По сути дела, ему ничего другого не оставалось».

Переводя взгляд с одного астронавта на другого, Йодель встревожился: «Нет никаких причин для беспокойства. Мои сегодняшние гости пользуются самой высокой репутацией, я могу за них поручиться».

Три местных жителя спустились с высоких табуретов и повернулись лицом к чужеземцам. Они походили друг на друга: суровые люди с загрубевшими лицами, крепко сколоченные, широкоплечие; их темные волосы были стянуты под затылком кожаными ремешками. На них были длинные черные плащи, расширявшиеся в бедрах, черные панталоны, подвязанные под коленями, длинные черные чулки и башмаки с длинными острыми носками.

Йодель произнес, осторожно и почтительно: «Позвольте мне представить присутствующих». По очереди похлопывая по плечу каждого из селян, бармен называл их: «Дерль Моун. Эверн Глистер. Мадриг Каргус». Смущенно улыбнувшись, Йодель покосился на Малуфа: «Боюсь, я запамятовал ваши имена».

«Неважно. Я — Адэйр Малуф, а это — Мирон Тэйни. Мы оба работаем на борту звездолета «Гликка», приземлившегося в космопорте Коро-Коро. Что мы могли бы для вас сделать?»

Дерль Моун заговорил первый, хрипло и напряженно — ему явно стоило большого труда соблюдать правила приличия: «Вы проявили необычный интерес к личности некоего Орло Кавке. Как вам известно, Кавке — преступник, избежавший правосудия. Мы решительно намерены исправить нашу оплошность и наказать негодяя по заслугам».

«Вполне понятное намерение, — ответил Малуф. — Вчера вечером мы узнали, что Орло Кавке — или Лой Тремэйн, как он называл себя на моей планете — совершил ряд дополнительных преступлений, о которых мы даже не догадывались».

Моун едва сдерживал гнев: «Почему вы ищете Кавке?»

«Он убил моего отца, сделал мою мать своей заложницей и живет на ее деньги».

Моун неопределенно хмыкнул и отвел глаза, после чего спросил: «И что вы намерены делать теперь?»

«В данный момент мы не имеем ни малейшего понятия о том, где он находится. Тем не менее, мы его найдем — скорее всего проследив, каким образом, где и кому выплачивается ежегодное содержание моей матери. Если бы она не получала деньги, Кавке давно бы ее бросил. Не думаю, что он рассматривает глуповатую старуху как подходящую спутницу жизни».

Моун издал мрачный звук, напоминавший рычание: «Орло известен другими наклонностями — он предпочитает невинных хорошеньких девочек, едва достигших

подросткового возраста. Его первой жертвой стала Лалли Глистер. Он отвел ее в лесную берлогу и делал с ней невероятные вещи. Когда она умерла, он похоронил ее в рыхлой земле на прогалине. Через некоторое время он похитил мою дочь, Мёрси, и подверг ее таким же пыткам. К этому времени весь поселок был объят ужасом, и никто не проклинал неизвестного насильника яростнее, чем Орло Кавке! Прошло несколько недель, и он подкараулил Сэли Каргус. То, что он с ней сделал, не поддается представлению! Но на этот раз Кавке допустил оплошность. Фермерский сын, паренек по имени Тиннок, работавший на участке по соседству с грядками Кавке, заметил, что Орло не заботился о своем огороде. Если он уходил из поселка на весь день, но не собирал урожай — где он был, спрашивается? На участке Кавке никто не окапывал грядки, все заросло сорняками. Тиннок поделился с нами своими подозрениями. Мы закрепили миниатюрный передатчик в каблуке башмака Кавке и проследили мерзавца до его лесного убежища.

Мы выкопали из-под плесневеющего гумуса то, что осталось от наших дочерей, и попросили Орло объяснить, каким образом их могилы оказались рядом с той пещерой, куда он наведывался. Орло только улыбнулся и пожал плечами.

Мы притащили его в поселок и заковали его в кандалы. Пока мы спорили о том, какой приговор послужит для него достаточным наказанием, Орло умудрился как-то вывернуться из цепей и убежал в лес. Мы упали ничком на землю, колотя ее кулаками, и грызли щебень, проклиная свою непроходимую тупость. Был объявлен пятидневный траур: один день поминовения погибших девочек, три дня самобичевания в наказание за побег Орло и последний день — день отвержения единого всемогущего бога, допустившего такое извращение. С тех пор мы считаем бога предателем. Теперь вы понимаете, почему ваши поиски вызывают у нас такой интерес».

Малуф не мог не согласиться: «Ваши побуждения мне вполне понятны, и я им сочувствую».

Каргус нарушил молчание: «Сочувствия мало! Вы говорите, что найдете Кавке. Может быть, так оно и будет — но когда он окажется у вас в руках, вы должны вернуть его в Кренке, а мы уж тут по-своему отпразднуем возвращение блудного сына!»

Малуф с сожалением покачал головой: «Никак не могу взять на себя обязательства, выполнение которых невозможно гарантировать. Могу сказать одно: если Кавке нам попадется и у нас будет такая возможность, мы передадим его вам. Любые другие обещания бессмысленны».

Три фермера молча повернулись к стойке бара, осушили пивные кружки, промаршировали к выходу и покинули трактир.

Малуф и Мирон задержались еще немного, чтобы вежливо попрощаться с пузатым Йоделем, после чего тоже вышли на улицу. Остановившись под вывеской «Трех перьев», они взглянули в сторону центральной площади, после чего направились к реке, пересекли ее по чугунному мосту и прошли по стоянке сельскохозяйственной техники туда, где их ждал автолет.

Машина поднялась в воздух и пробилась через пелену туч к солнечному свету. Малуф и Мирон полетели над просторами Флютера обратно в Коро-Коро.

~

Глава 5

Когда автолет доставил их в космопорт Коро-Коро, уже сгущались характерные для Флютера мягкие теплые сумерки. Винго и Шватцендейл сидели в камбузе «Гликки», ужиная хлебом с сардинами и луком. Малуф и Мирон присоединились к ним и рассказали о своей поездке в Кренке.

Стюард и механик были надлежащим образом впечатлены. «Странно! — задумчиво произнес Винго. — Можно было бы подумать, что после стольких веков освоения планеты у них могла бы развиться кулинария потоньше той, о которой вы упомянули».

Шватцендейл указал на то, что импровизированные теории Винго носили релятивистский характер, так как Винго не располагал информацией о гастрономических стандартах, преобладавших на Флютере две тысячи лет тому назад: «Кто знает? Может быть, им приходилось жевать траву».

Винго проигнорировал его замечания: «Возможно, в каждом поселке Флютера сформировалась своя неповторимая кухня». Он поразмышлял еще немного: «Хмм. Антрополог мог бы найти здесь материал для любопытной монографии». Стюард принес и поставил на стол чайник и блюдо с фруктовыми пирожными, после чего он и Шватцендейл тоже рассказали о своих дневных похождениях. Они провели вторую половину дня на террасе отеля «О Шар Шан», где Винго удалось запечатлеть ряд ярких «настроений» для своего монументального альбома «Карнавал Ойкумены».

«На террасе встречается первоклассный материал! — говорил Винго. — Я уделял особое внимание дамам. Каждая делает все возможное и невозможное, чтобы превосходно выглядеть. Господа тоже соревнуются, разумеется, но, как правило, не выставляют свою внешность напоказ с такой настойчивостью.

Терраса превратилась в арену почти трансцендентальных тайн. Туристы проникнуты каким-то экстраординарным озарением и начинают представлять себя привилегированной элитой, готовой позволить себе какие угодно причуды по мимолетной прихоти». Винго горько рассмеялся: «Ирония в том, что, когда я столкнулся с поистине поразительным явлением, я не успел его запечатлеть — и теперь всегда буду сожалеть об этом упущении». Стюард снова замолчал и задумался.

Малуф потерял терпение: «Будь так любезен, описывай события в конкретных выражениях и без продолжительных пауз! Мы тут сидим как на иголках, пока ты блуждаешь мыслями в облаках».

«Прошу прощения! — спохватился Винго. — Постараюсь дать более четкое представление о ситуации. Когда мы поднялись на террасу, Шватцендейл куда-то пошел по своим делам, а я нашел свободный столик рядом с декоративным растением и некоторое время фотографировал «настроения», после чего отложил камеру и наслаждался бездельем, потягивая ромовый пунш.

Внезапно я заметил за соседним столиком, наполовину заслоненным растением, нечто заслуживающее пристального интереса, но ускользнувшее от моего внимания — чему, конечно, нет никакого оправдания — а именно пару исключительно привлекательных молодых женщин. Самое примечательное заключалось в том, что они походили одна на другую, как две капли воды, и я тут же решил, что они — сестры-близнецы. Они завивали кудри медового оттенка в одном и том же стиле, у них были одинаковые черты лица, на них

были одинаковые белые блузы, расшитые голубыми и красными узорами. Растение скрывало нижние части их одежды, но я уверен, что они тоже были идентичными.

Между ними, тем не менее, существовала разница. Одна была счастлива: ее лицо светилось волнением, юмором и пылкой жаждой жизни, а другая погрузилась в отчаяние и уныние поражения, опустив глаза и уголки губ.

Я сидел и смотрел на них, пытаясь понять: чем было вызвано такое эмоциональное расхождение?»

Шватцендейл наклонился вперед: «Я знаю, чем! Они заметили, что ты на них уставился — одну это позабавило, а другая разозлилась и готова была надавать тебе по шее!»

«Чепуха! — Винго презрительно фыркнул. — На самом деле все было по-другому, ни одна из них даже не взглянула в мою сторону».

«Наконец я спохватился и решил прибавить контрастный двойной портрет к моему «Карнавалу», — продолжал Винго. — Я протянул руку к камере, лежавшей под столиком. Другой столик был совсем рядом, сразу за растением, и я понимал, что мне следовало двигаться как можно неприметнее. Я притворился безразлично скучающим туристом и готов был сфотографировать эту достопримечательную пару. Но когда я снова к ним повернулся, за их столиком уже никого не было — пока я доставал камеру, девушки упорхнули!

Я вскочил на ноги и принялся искать глазами в кишащей толпе туристов, по всем проходам и ярусам террасы — и в конце концов я их обнаружил! Они уходили, я видел только их спины. Одна была обычного роста и шла с непринужденной атлетической грацией, а другая едва достигала в высоту талии своей сестры и поспешно семенила на коротеньких кривых ножках.

Я снова вспомнил о фотоаппарате, но, пока я наводил резкость, сестры уже исчезли в толпе — больше я их не видел».

«Гм! — Малуф прокашлялся. — Из всего этого, по-видимому, следует извлечь какой-то урок или вывод, но я затрудняюсь его сформулировать. А где был Шватцендейл, пока ты строил глазки двум сестрам?»

Винго с сомнением покачал головой: «Сперва, по меньшей мере, он сидел за столиком надо мной, на следующем ярусе, и проводил время в компании женщины самой необычной внешности. Это была высокая, тощая и жилистая особа с длинными белыми руками и длинными бледными пальцами. Белые волосы окружали ее голову наподобие пушистого нимба — как у одуванчика. У нее было продолговатое костлявое лицо с глазами и губами, оттененными черной тушью, как у маскарадной Пьеретты. Она нарядилась в каскад белых лент, свисавших с широких эполет — когда она двигалась, ленты колыхались, обнажая подробности ее анатомии; в руке она держала веер из роскошных белых перьев. Когда она говорила, она широко раскрывала веер, заслоняя им свое лицо и лицо Шватцендейла — по-видимому, чтобы подчеркнуть конфиденциальный характер их беседы. Я спрашивал Шватцендейла: о чем они говорили, прячась за веером белых перьев? Но он отказывается делиться разъяснениями».

«Что неудивительно, — заметил Мирон, — так как Шватцендейл — человек самых честных правил и не станет раскрывать секреты знакомой дамы».

Шватцендейл повертел головой, явно будучи в замешательстве: «Какие тут могут быть секреты? Эта особа призналась мне в том, что больше всего в жизни любит продолжительные прогулки в сельской местности, и предложила мне побродить с ней по Смежливым вересковым лугам. Я объяснил, что у меня нет подходящей одежды для

подобных спортивных упражнений, в связи с чем мне пришлось отклонить ее приглашение. Вот и все!»

«Тайное стало явным! — провозгласил Винго. — И все-таки, почему вы закрывались веером, когда разговаривали?»

«Без каких-либо особых причин, — заявил Шватцендейл. — Просто у нее такая привычка».

Стюарду пришлось удовольствоваться этим объяснением, и на этом вечерняя беседа закончилась.

2

На следующее утро Малуф и Мирон позавтракали в камбузе, после чего проехали на омнибусе по бульвару Помар в местное управление МСБР. Серле, как прежде, сидел за столом и просматривал какие-то отчеты — в чем, по существу, и заключались почти все его обязанности, так как ему советовали не вмешиваться в дела общественных контролеров. Он вежливо приветствовал двух астронавтов и предложил им сесть.

Откинувшись на спинку кресла, Серле с бесстрастным любопытством разглядывал посетителей: «Судя по всему, вам еще не нанесли тяжкие телесные повреждения. Что вам удалось сделать?»

«Принимая во внимание все обстоятельства, кое-что удалось, — ответил Малуф. — На центральной площади поселка мы наблюдали за вечерними развлечениями молодежи, представлявшими собой нечто вроде энергичного ритуала ухаживания. Мы поужинали в трактире гостиницы «Три пера» и позавтракали там же, в особом «утреннем салоне». Проводившая нас в номер девушка по имени Бунтя обвинила Мирона в том, что он заглядывался на ее щиколотки, и донесла об этом поварихе.

Гораздо важнее другое. Нам сообщили, что человека, скрывавшегося под именем «Лой Тремэйн», на самом деле зовут «Орло Кавке», и что он изнасиловал и убил трех девочек. Обыватели поселка Кренке схватили его, но он сбежал и добрался до Коро-Коро, а отсюда улетел в космос. Местных жителей чрезвычайно удивило то, что Кавке решился вернуться на Флютер. Они страстно желают с ним расправиться».

«Потрясающе! — отреагировал Серле. — Меня тоже изумляет его дерзость».

«Постольку, поскольку ему удается скрываться от общественных контролеров, ему практически ничто не угрожает. Пока мы его не найдем, конечно».

Серле кивнул: «По-видимому, вы правы. Тот факт, что его сопровождает леди Малуф, в какой-то степени связывает ему руки. Он не осмелился бы купить или арендовать дом в Коро-Коро: пришлось бы заполнять слишком много бумаг, а его спутница, несомненно, пожелала бы проводить время на террасе «О-Шар-Шана» и в других модных местах. По прошествии месяца контролеров заинтересовала бы просрочка ее въездной визы, после чего она и Орло Кавке оказались бы в исключительно опасном положении. Кавке мог бы устроить «романтическое гнездо», поставив палатку где-нибудь на необжитых просторах, но леди Малуф вряд ли доставляет удовольствие отсутствие горячей воды, туристические консервы, укусы насекомых и необходимость присаживаться по нужде над вонючей ямой».

«Этот вариант можно исключить», — согласился Малуф.

«Существует другой, гораздо более вероятный вариант. Я имею в виду использование плавучего дома. Здесь предлагают в продажу и в аренду плавучие жилища и экскурсионные яхты всех размеров, любой планировки и конструкции, скромные и роскошные; они позволяют посещать места с самыми приятными видами и бросать якорь практически где

угодно. Провиант можно закупать в береговых селениях. С точки зрения Кавке плавучий дом послужил бы оптимальным решением его проблем».

«Вполне может быть, — осмелился заметить Мирон. — Но что, в таком случае, можно сделать? Флютер — мир, изобилующий сотнями рек, а по ним, надо полагать, плавают сотни или тысячи яхт. Если Кавке бросил якорь в излучине какой-нибудь далекой реки, мы его никогда не найдем».

«Не обязательно! — возразил Серле. — Можно проверить местонахождение любых яхт и плавучих домов на Флютере, не покидая столицу».

«Вы нас обнадеживаете. Почему вы так уверены?»

«Исходя из логики вещей, — пожал плечами Серле. — Представьте себе, что вы — владелец флота плавучих домов и сдаете их в аренду. Чего вы опасались бы больше всего?»

Поразмышляв, Мирон ответил: «Я опасался бы того, что пьяный турист, получивший яхту напрокат, наскочит на риф и оставит полузатонувшее судно гнить на подводных камнях. А к тому времени, когда я узна́ю, что́ произошло, турист уже вернется на родную планету».

«Совершенно верно, — кивнул Серле. — Для того, чтобы предотвратить такое развитие событий, арендатор устанавливает на каждой яхте и в каждом плавучем доме миниатюрный передатчик. Карта в его управлении отображает местонахождение каждого судна. Достаточно узнать, какую яхту арендовал Орло Кавке, получить координаты этой яхты и направиться туда, где она находится. Возьмите яхту на абордаж, задержите убийцу — и ваша задача выполнена».

«Все очень просто, — съязвил Мирон, — особенно если у Кавке не будет возражений».

«Опасность такого предприятия — единственное сомнительное звено в логической цепи, — согласился Серле. — К сожалению должен сказать, что установленный протокол взаимодействия МСБР с местной службой общественного контроля не позволяет мне брать на себя обязанности фляутских властей. В противном случае мы с Джервисом надели бы полевые униформы, взошли бы на борт яхты Орло Кавке и арестовали бы его — что послужило бы превосходным завершением всей этой трагедии».

«Так или иначе, — сказал Малуф, — мы как-нибудь справимся, даже если нам придется поджечь яхту мерзавца и схватить его, когда он спрыгнет в воду».

3

В «Туристическом путеводителе по Флютеру» были указаны два концерна, предлагавших плавучие дома и яхты в кратко-срочную и долгосрочную аренду.

Представительство агентства «Тарквин» находилось на бульваре Помар, рядом с таверной Пингиса. Малуф и Мирон нашли диспетчера, молодого красавца с бесподобными шелковисто-желтыми бакенбардами. Как только Малуф стал задавать вопросы, диспетчер взглянул на него довольно-таки вызывающе: «Общественные контролеры тоже занимаются этим делом?»

«Ни в коем случае! Лоем Тремэйном и высокомерной пожилой дамой, с которой он путешествует, заинтересовалась МСБР. Никто не хочет вовлекать в эту историю общественных контролеров».

«Вот как! — поднял брови диспетчер. — С такой точки зрения все выглядит по-другому. Да будет вам известно, что агентство «Тарквин» никогда, на всем протяжении срока моего трудоустройства, не сдавало в аренду какое-либо судно паре, соответствующей вашему описанию. Главным образом мы обслуживаем группы из трех или четырех туристов, нередко с детьми». Диспетчер проверил учетные книги, но записи только подтвердили его

заявление.

Малуф и Мирон направились в агентство «Зангвилль», обосновавшееся на боковой улице за отелем «О Шар Шан». В отличие от диспетчера агентства «Тарквин», владелец этого заведения, Урбан Зангвилль, не проявил ни малейшего стремления к сотрудничеству и ответил на первоначальные расспросы Малуфа с нескрываемым презрением: «Я заслужил завидную репутацию человека, умеющего хранить тайны. Почему бы я стал рисковать потерей этого ценного актива по требованию пары инопланетян?»

Как предсказывал Серле, Зангвилль проявил уступчивость, как только Малуф упомянул об заинтересованности МСБР. Недовольно бормоча себе под нос, он просмотрел ведомость и через некоторое время объявил, что «Майджаро» — роскошная яхта с превосходными характеристиками — была предоставлена в долгосрочную аренду отличавшемуся изысканными манерами клиенту по имени Лой Тремэйн, которого сопровождала его дряхлая мать, вспыльчивая и брезгливая особа.

Зангвилль продемонстрировал планы, изображавшие элегантное судно длиной четырнадцать с половиной метров и четыре с половиной метра в ширину. На планах были обозначены носовая рубка управления, большой главный салон, камбуз с кладовой, две каюты — каждая с отдельной ванной — а также носовая и кормовая палубы двухметровой ширины.

«Где заякорена яхта «Майджаро»?» — поинтересовался Малуф.

Зангвилль провел их в свой внутренний кабинет. На длинной подставке была закреплена крупномасштабная рельефная карта Флютера, изготовленная из матового черного стекла; выпуклые континенты были окрашены в бледно-серый цвет, а на извилистых водных путях блестели неравномерно рассеянные белые искры.

Без всякого выражения, словно подчеркивая полное отсутствие каких-либо взаимных обязательств между ним и двумя астронавтами, Зангвилль произнес: «Искры отображают местонахождение плавучих домов и яхт нашего агентства. В настоящее время арендованы пятьдесят четыре судна четырех различных классов».

«И какая из этих искр — «Майджаро»?»

Сохраняя нарочито бесстрастное выражение лица, Зангвилль заглянул в ведомость, после чего прикоснулся к нескольким кнопкам на панели рядом с картой. Одна из белых искр превратилась в ярко-зеленый огонек.

«Это «Майджаро». Яхта бросила якорь на реке Суаметта, в западной части Второго континента».

Малуф внимательно изучил карту и отметил в записной книжке координаты яхты «Майджаро».

Зангвилль продолжал тем же отстраненным тоном: «Эта стоянка считается одной из лучших. Там превосходные виды, это достаточно малопосещаемые места, а провиантом можно запасаться в ближайшем селении, в нескольких километрах выше по течению».

«Вы предоставили нам полезную информацию, — сказал Малуф. — Вам следует знать, что Тремэйн — опасный преступник. Уведомляю вас об этом для того, чтобы у вас не возникло желание предупредить его о наших поисках каким бы то ни было способом. Если вы это сделаете, вас подвергнут тем же наказаниям, какие суждено понести Тремэйну. В исправительных колониях МСБР холодно, сыро и грязно; никого не освобождают оттуда досрочно. Кормят там очень плохо. Собратья-заключенные — дикие звери в человеческом облике. Вы достаточно хорошо меня понимаете?»

Зангвилль поморщился: «Вы не оставили никаких сомнений. Агентство «Зангвилль» строго соблюдает законы».

«Прекрасно! — отозвался Малуф. — Рад, что могу положиться на вашу добросовестность»,

4

Малуф и Мирон вернулись в управление МСБР. Корпевший за столом Серле с удивлением поднял голову: «Вы вернулись раньше, чем я ожидал. Следует ли считать это положительным признаком?»

Малуф подтвердил его предположение: «Насколько я понимаю, наши дела продвигаются». Он поведал коммодору о результатах утренних поисков.

«Зангвилль вынужден сотрудничать, но он производит впечатление человека с не слишком устойчивыми принципами. Поэтому я предупредил его, что любая его попытка установить связь с Орло Кавке — то есть, по его мнению, с Лоем Тремэйном — повлечет за собой тяжкое наказание».

«Правильно!» — сказал Серле. Поразмышляв, он прибавил: «Но этого недостаточно». Наклонившись к телефону, Серле тихо произнес несколько слов.

Зажегся экран; на нем появилось угрюмое чернобровое лицо: «Урбан Зангвилль слушает».

«С вами говорит коммодор Скэйхи Серле из управления МСБР».

Зангвилль изучил изображение коммодора на своем экране: «Не имел чести встречаться с вами раньше. Чем я могу быть полезен?»

Серле улыбнулся: «Я намерен известить вас об обстоятельствах, которые могут вам показаться необычными — не сомневаюсь, однако, что на протяжении вашей профессиональной карьеры вам не раз приходилось приспосабливаться к необычным обстоятельствам».

«Допустим, что это так», — осторожно ответил Зангвилль.

«В таком случае вам будет нетрудно убедить себя в следующем: сегодня утром вы сидели у себя в конторе, и у вас случилось временное помрачение ума, нечто вроде сна наяву. Теперь вы смутно припоминаете, что вам привиделись два агента МСБР, обсуждавшие с вами некую арендованную у вас яхту. Я достаточно ясно выражаюсь?»

Зангвилль нахмурился: «Не сказал бы, что я хорошо вас понимаю».

«В моих словах нет никакой загадки. Погрузившись в сон наяву, вы стали жертвой галлюцинации и вообразили, что ваше учреждение посетили два агента. Для того, чтобы восстановить и сохранять психическое равновесие, вам следует полностью исключить из памяти любые обрывки воспоминаний об этой галлюцинации. Уже теперь, когда мы с вами говорим, я убежден в том, что эти воспоминания исчезли и никогда не вернутся — особенно в том случае, если кто-либо станет задавать вам неуместные вопросы. Теперь вы меня хорошо понимаете?»

Толстые губы Зангвилля раздраженно подернулись: «Короче говоря, если кто-нибудь станет расспрашивать меня о визите ваших агентов, я должен забыть об их существовании».

«Как вы можете забыть то, чего никогда не было?»

Зангвилль нервно облизал губы: «Теперь я понимаю, что это было бы невозможно».

«И вы совершенно правы». Серле внимательно смотрел в лицо владельцу плавучих домов: «В общем и в целом, у вас хорошая память?»

Зангвилль задумался и ответил не сразу: «Насколько я понимаю, неплохая».

«Превосходно. Следовательно, если вы не помните, что сегодня утром вас кто-либо посещал, значит, этого не было — не так ли?»

«Мне пришлось бы сделать такой вывод — да, действительно!»

«И вы не помните ничего подобного?»

Зангвилль снова поморщился: «Нет, боюсь, что не помню».

«Если кто-нибудь проявит интерес к упомянутому гипотетическому событию, немедленно свяжитесь со мной, и я прослежу за тем, чтобы вам больше никто не надоедал с расспросами. Могу заметить также, что ваше сотрудничество существенно укрепило вашу репутацию с точки зрения МСБР».

Зангвилль издевательски усмехнулся: «Рад слышать».

Экран погас. Коммодору пришла в голову какая-то неприятная мысль; нахмурившись, он спросил Малуфа: «Надо полагать, вы установили точное местонахождение яхты «Майджаро»?»

Малуф спокойно ответил: «Я зарегистрировал координаты, указанные на карте Зангвилля». Открыв записную книжку, он зачитал несколько цифр.

Серле вынул из ящика карту Второго континента и разложил ее на столе. Малуф повторил координаты; Серле проследил их на карте и отметил искомый пункт: ««Майджаро» — здесь, где река течет вдоль хребта Сумберлин».

Коммодор продолжал изучать карту: «В двенадцати километрах выше по течению — небольшое селение. Оно называется «Пенгелли». Насколько я понимаю, это малоизвестный и незначительный населенный пункт». Серле открыл еще один ящик, вынул из него справочник, нашел требуемый раздел и прочел вслух: «Пенгелли: деревня почтенной древности на берегу реки Суаметты. Население: примерно четыреста человек. Основные занятия жителей: рыболовство и сельское хозяйство. Пенгелли играет некоторую роль в исторических легендах, так как в свое время в окрестностях этой деревни находилось логово разбойника Рассельбейна. Единственным значительным сооружением в Пенгелли является гостиница «Чугунный ворон»». Серле отложил справочник: «Вот таким образом. Яхта «Майджаро» бросила якорь у берегов Суаметты. Кавке и ваша мать проводят на ее борту бесконечные сонные часы. Кавке не сдастся без сопротивления. Если вы не станете поджигать яхту, как вы намерены действовать?»

«Возможностей много, — отозвался Малуф. — Мы можем переодеться рыбаками и попытаться продать Кавке какую-нибудь рыбу. Или мы можем представиться служащими речной полиции, разыскивающими похищенный плавучий дом. Ночью мы могли бы привязать якорную цепь к стволу дерева на берегу — течение прибило бы яхту к отмели, после чего мы могли бы задержать Кавке, когда он выберется на берег, чтобы отвязать цепь. Так или иначе, мы привезем мою мать в Коро-Коро, и она вернется на Морлок». Малуф поднялся на ноги: «Мы будем поддерживать с вами связь».

Серле тоже встал: «Вылетев сейчас же, вы достигнете берегов Суаметты поздно вечером. Рекомендую приземлиться где-нибудь, где можно переночевать, и произвести разведку утром».

«Конечно, так мы и сделаем».

5

Вернувшись на борт «Гликки», Малуф и Мирон никого там не нашли. Оставив записку на столе в камбузе, они снова поднялись на автолете над радующим глаз ландшафтом Флютера и взяли курс на северо-запад.

Ближе к полудню они пролетели над бесконечной чередой прибрежных утесов и вырвались в солнечное пространство над синим океаном. Когда солнце было еще почти в зените, впереди показалась белая песчаная полоса, окаймлявшая восточный берег Второго континента. Они полетели дальше — над лесами, пологими холмами и горами, над возделанными полями и заповедными безлюдными просторами.

Вечером впереди блеснула река Суаметта. На дальнем берегу в слабеющих лучах заходящего солнца виднелась деревня, наполовину спрятавшаяся под высокими деревьями.

В нескольких километрах ниже по течению стояла на якоре почти неприметная экскурсионная яхта.

Гостиница «Чугунный ворон» сразу бросалась в глаза: массивное двухэтажное строение из потемневших от времени бревен и камня, под причудливой черепичной крышей с горгульями, охранявшими коньки. Единственная деревенская улица угадывалась под кронами деревьев, осенявшими покрытые мхом и потеками каменные дома. Из печных труб поднимались сонные струйки дыма. Деревня Пенгелли впала в летаргическое оцепенение старости.

Изучив селение сверху, Малуф и Мирон приземлились на площадке небольшого пустыря за гостиницей. Выйдя из машины, они стояли, приглядываясь и прислушиваясь, но вокруг не было слышно никаких голосов, никаких поспешных шагов — судя по всему, их прибытие осталось незамеченным.

Они направились по тропе, ведущей к фасаду гостиницы. На вывеске над входом красовался взъерошенный черный ворон почти полутораметровой высоты, в позе, знаменовавшей неустрашимый вызов. Рама вывески висела на чугунных цепях под торчавшими из стены выступами потолочных балок. Под вывеской внутрь вела пара тяжелых створчатых дверей.

Толкнув двери, Малуф и Мирон зашли в просторный трактир с высоким потолком. Слева окна, выходившие на берег Суаметты, пропускали потоки тусклого света. Вдоль ближней половины правой стены тянулась начищенная до блеска деревянная стойка. В глубине помещения были расставлены столы. Зал пустовал — только двое детей сидели за дальним столом и старательно выполняли какие-то упражнения в школьных тетрадях. Мальчику было лет одиннадцать, девочке — на пару лет меньше.

Малуф и Мирон направились к бару, но тут же остановились, с изумлением глядя на стену за стойкой. Когда-то — судя по всему, очень давно — художник изобразил достопримечательное панно высотой чуть больше метра, от одного конца прилавка до другого. С исключительной точностью, в мельчайших деталях, древний живописец имитировал длинное зеркало, отражавшее посетителей, сидящих за столами и разглядывающих свои отражения в замершем зеркале прошлого. В тот незапамятный день в трактире собрались типичные представители местного люда: пожилые и молодые, мужчины и женщины, все в старомодных нарядах — одни смеялись, другие серьезно задумались, озабоченные обстоятельствами своего давно минувшего существования. За исключением призраков, отраженных в зеркале времени, за стойкой никого не было.

Дети — опрятные, сообразительные, уверенные в себе — заметили новоприбывших. Мальчик вскочил, подбежал к двери в противоположной входу стене, что-то прокричал, просунув голову внутрь, и вприпрыжку вернулся на свое место за столом. В проеме двери появился седой старикашка — низенький, костлявый и угрюмый, в белом переднике. Раздраженно ворча, он протиснулся бочком за стойку, чтобы встать лицом к посетителям.

Подвергнув их краткому осмотру, он спросил: «Каковы ваши пожелания, господа?»

«Они носят самый будничный характер, — ответил Малуф. — Мы хотели бы здесь переночевать, поужинать перед сном и позавтракать с утра».

Бармен довольно долго молчал, анализируя предъявленные требования и подтверждая кивками свои молчаливые умозаключения, пока Малуф не потерял терпение: «Насколько мне известно, это гостиница «Чугунный ворон»? И я говорю с уполномоченным представителем владельца? Если это не так, будьте добры, позовите такого представителя».

Бармен смерил капитана неодобрительным взглядом и осторожно ответил, тщательно выговаривая каждое слово так, словно ни в коем случае не хотел, чтобы Малуф понял его неправильно: «Не беспокойтесь. Вы несомненно находитесь в знаменитой исторической гостинице «Чугунный ворон». Меня зовут Уго Тейбальд, я — владелец гостиницы. Должен уведомить вас о том, что мы принимаем только избранных постояльцев самой высокой репутации и не можем потакать прихотям инопланетян, не взимая за это дополнительную плату».

Малуф мрачно улыбнулся: «Ваши предубеждения ошибочны. Мы — умудренные жизнью странники, хорошо знакомые с традициями фляутских постоялых дворов и гостиниц. Нас ничто не удивляет, и нас вполне удовлетворят стандартные услуги и удобства. Откажитесь от любых помыслов о дополнительной плате, так как мы обязались сообщать обо всех неоправданно завышенных расценках в региональное управление общественного контроля».

«Вот еще! — пробормотал Тейбальд. — Наши тарифы неизменны, как каменные скрижали. Даже если бы сама богиня Гиркания покинула свою пещеру и потребовала ночлега, она обнаружила бы, что наши цены не изменились с тех пор, как она предпочла проводить время под землей».

«Замечательно! В таком случае нас вполне устроят ваш лучший номер и ваши лучшие блюда — по установленным неизменным расценкам».

Тейбальд снова поразмыслил, после чего неохотно уступил: «Как вы могли заметить, постояльцев у нас нынче немного, в связи с чем мы могли бы отвести вам первоклассный номер, прекрасно меблированный, с великолепным видом на реку». Старик упрямо прибавил: «Соседний туалет с умывальней предоставляется, однако, за дополнительную плату».

«Даже так! Насколько велика эта дополнительная плата? И какова будет, в общей сложности, извечная и непреложная стоимость постоя в вашей исторической гостинице?»

В конечном счете Тейбальд и Малуф согласовали окончательную цену, включавшую стоимость ночлега, использования туалета, ужина, завтрака и необходимых услуг — цену, которую капитан нашел приемлемой.

Тейбальд посматривал по сторонам: «А где же ваш багаж?»

«Все еще на борту автолета».

Хлопнув ладонью по стойке бара, Тейбальд приказал: «Берард! Сонсси! Обслужите богатых чужеземцев — и не мешкайте! Пошевеливайтесь, если надеетесь заработать щедрые чаевые!»

Не ожидая окончания его понуканий, дети выскочили из гостиницы и побежали вокруг здания к автолету. Мирон поспешил за ними и успел открыть багажник, вынув из него пожитки прежде, чем Берард и Сонсси забрались в машину, чтобы подергать за ручки и понажимать на кнопки. Мирон передал им багаж — дети схватили походные сумки,

торжествующе притащили их в гостиницу, поднялись с ними по лестнице и поставили в номере, отведенном астронавтам.

Малуф и Мирон последовали за ними в более умеренном темпе; дети провели их в номер, где пахло старым навощенным деревом. Какие-либо украшения в комнате отсутствовали, но она была обставлена тяжеловесной, явно старинной мебелью. Выглянув из окна, Малуф убедился в том, что из него открывался обещанный вид на реку. От гостиницы тропа вела к причалу, где покачивались несколько пришвартованных лодок.

Малуф подозвал Сонсси — та подскочила, дрожа от готовности выполнить поручение. «Я заметил лодки у причала, — сказал ей капитан. — Ими пользуются постояльцы?»

«Да, конечно, сударь — постояльцы могут развлекаться греблей или просто отдыхать на воде, кому как нравится. Если хотите, вы можете приятно провести вечер в лодке».

«Не сегодня, — отказался Малуф. — Может быть, завтра утром».

«Но вам все равно нужно заказать лодку сегодня. На рассвете придут рыбаки и разберут все лучшие лодки, останется только маленькая баржа».

Берард выступил вперед: «А какая лодка вам потребуется?»

Малуф задумался: «Не слишком большая, но достаточно быстроходная и не производящая никакого шума».

«Может быть, вы спуститесь к причалу, пока еще светло, и сами выберете подходящую лодку?»

«Удачная мысль! — одобрил капитан. — Мы спустимся через пять минут».

«Мы готовы вас сопровождать».

Берард и Сонсси промаршировали к двери, развернулись и встали, скромно сложив руки за спиной. Не обращая на них особого внимания, Малуф и Мирон принялись раскладывать свои пожитки.

«Господа! — произнес Берард. — Мы сделали все возможное, чтобы вам помочь. Если мы в чем-то провинились — тогда, конечно, мы не заслуживаем никаких чаевых».

«Ага! — отозвался Малуф. — Теперь все понятно». Он вручил детям по пять грошей — те приняли монеты вежливо, но без особого энтузиазма, и удалились.

Минут через десять Малуф и Мирон прошли к пристани — Берард и Сонсси побежали вперед. У причала были привязаны четыре лодки. В конце концов астронавты выбрали «Лулио» — рыбацкое суденышко без претензий, метров шесть с половиной в длину, с небольшим камбузом.

Сонсси одобрила их выбор: «У нас хорошие лодки, они не тонут, и двигатели толкают их туда, куда вы хотите плыть! На «Лулио» есть кабинка — в ней можно спрятаться, если пойдет дождь».

Берард продемонстрировал приборы управления и подтвердил, что лодка могла двигаться как минимум с достаточной скоростью. Сонсси самоуверенно заявила: «Вам, конечно, понадобится опытный навигатор, а рулить я умею гораздо лучше Берарда — его иногда заносит, он любит поднимать волну. Кроме того, он может зазеваться и наскочить на мель. Если вы доверитесь Берарду, то непременно вернетесь испачканные и промокшие до нитки. А я знаю все самые рыбные места на реке и в притоках!»

«Не слушайте Сонсси! — презрительно шмыгнул носом Берард. — Она только и делает, что хвастается. Я — гораздо лучший рулевой! Не сомневаюсь, что вы наймете меня, а не кого-нибудь другого».

Малуф объяснил детям, что услуги штурмана ему не потребуются — они заметно

приуныли. Все четверо вернулись по тропе к гостинице; дети снова побежали вперед и выстроились по бокам входной створчатой двери.

«А теперь чего вы ждете?» — спросил Малуф, переводя взгляд с одного лица на другое.

«Ничего особенного, сударь, — ответил Берард. — Мы просто стараемся быть начеку — на тот случай, если вам понадобится что-нибудь еще».

«Кроме того, если вы собирались дать нам чаевые, — подхватила Сонсси, — мы хотели оказаться под рукой, чтобы не причинять вам лишнее неудобство».

Малуф язвительно рассмеялся, но вручил Берарду и Сонсси еще по пять грошей, после чего он и Мирон зашли в трактир.

За стойкой уже сидели четверо местных жителей, потягивавших пиво из высоких кружек. Украдкой покосившись на чужеземцев, они вернулись к пиву, переговариваясь вполголоса.

Навстречу астронавтам вышел Тейбальд, теперь уже в белом халате и в белом поварском колпаке: «Чего пожелаете, господа?»

«Мы не прочь выпить горького эля, если он у вас есть», — сказал Малуф.

Тейбальд молча выставил на стойку две кружки пенистого эля.

«Кроме того, — продолжал Малуф, — мы хотели бы завтра проехаться по реке. Это займет несколько часов. Нам приглянулось суденышко под наименованием «Лулио». Надо полагать, лодки предоставляются постояльцам без взыскания дополнительной платы?»

«Ошибаетесь! «Лулио» сдается в аренду за семь сольдо в день»

Малуф потрясенно поднял брови: «Это большие деньги! Мы могли бы поплавать в реке бесплатно, чтобы не расходовать такую сумму».

«Верно, но уже через минуту стеклянная рыба откусит вам самые интимные части тела. Купание в Суаметте обходится недешево».

Поторговавшись, Малуф договорился об аренде «Лулио» за пять сольдо, с оплатой вперед, и выложил деньги на стойку.

Через некоторое время астронавтов позвали ужинать; ужин состоял из салата с острыми травами, жареной рыбы с оладьями из кислого теста, гуляша с перловкой под пикантным соусом, компота из свежих фруктов и свежезаваренного чая. Их расторопно обслуживали Берард и Сонсси в белых передниках; и на этот раз дети снова получили чаевые.

После ужина Малуф и Мирон воздержались от вторичного посещения бара, поднялись по лестнице и устроились на постелях у себя в номере. Вечером здесь было тихо — из деревни не доносились никакие выкрики, не играла музыка. Через полчаса почти бессвязной беседы астронавты уснули.

6

Малуф и Мирон проснулись рано; когда они спустились в трактир, им подали сытный завтрак — кашу, блины с мармеладом и жареные колбаски.

В предрассветной тишине они прошли к причалу. День обещал быть ясным и прохладным, ветра не было — поверхность реки даже не морщилась. Астронавты перебрались на борт «Лулио», отшвартовались и направились вниз по течению, когда первые лучи восходящего солнца уже золотили речную гладь. В других обстоятельствах Малуф и Мирон наслаждались бы идиллическими пейзажами по берегам и чистым, сонным речным воздухом.

Лодка тихо скользила по воде — согласно показаниям тахометра на панели управления, со скоростью примерно пятнадцать километров в час. Капитан держался поближе к правому

берегу, где лодка была бы менее заметна для наблюдателя на борту «Майджаро», хотя Кавке и леди Малуф вряд ли проявили бы бдительность в такую рань.

Через полчаса оба астронавта стали внимательно обозревать реку в поисках «Майджаро», но не замечали никаких признаков яхты. Еще через десять минут напряжение возросло — они переглянулись. Наконец впереди показалась яхта — она стояла на якоре у небольшого прибрежного островка, носом вниз по течению.

Малуф выключил двигатель. «Лулио» бесшумно дрейфовала у самого берега, в тени наклонившихся над водой деревьев, все ближе и ближе к «Майджаро», и наконец подплыла почти вплотную к яхте. Астронавты присматривались и прислушивались, но на борту «Майджаро» не раздавалось ни звука.

Мирон с исключительной осторожностью взобрался на носовую палубу и привязал носовой фалинь к металлической стойке. Малуф присоединился к нему; их лодка проплыла ниже по течению и остановилась там, где она уже не могла стукнуться об яхту.

Какое-то время оба они стояли, напрягая слух — не заметил ли кто-нибудь легкое покачивание яхты, вызванное их перемещением на палубу? Но тишина ничем не нарушалась.

Малуф повернул ручку входа передней кабины; она подалась, и капитан осторожно распахнул дверь. Другая дверь, полуоткрытая напротив, вела в главный салон. Оттуда, где стояли Малуф и Мирон, они могли видеть только часть противоположной стены, но в салоне кто-то был — оттуда слышались позвякивание фарфора и другие приглушенные звуки, сопровождающие чаепитие. Капитан осторожно продвинулся вперед, и его взору открылся почти весь салон.

В плетеном кресле с высокой спинкой сидела леди Малуф. У нее под рукой, на восьмиугольном табурете из расщепленного бамбука, стоял поднос с чайником, маленькими пирожными на блюдечке и чем-то вроде миниатюрной соусницы, скорее всего наполненной медом. Леди Малуф держала в костлявой руке желтую чашку с чаем.

На ней был свободный пеньюар из бледно-голубого шелка, расшитого фантастическим узором, изображавшим красочных птиц, сидящих на ветках. Свисающие хвосты птиц распускались экстравагантными веерами, создавая контрастные узорчатые сочетания ярких цветов: мандаринового красного, фосфоресцирующего зеленого, едкого синего. Пеньюар совершенно не соответствовал обстановке; по всей видимости, он свидетельствовал о смелой, но тщетной попытке леди Малуф бросить вызов безжалостному течению времени. С той же целью старуха явно прибегала к косметическим операциям, но они ей мало помогли: кожа под ее глазами собралась морщинистыми складками, направляя глаза чуть вверх, что придавало ее лицу вопросительное выражение. Обвисшие складки кожи под ее подбородком были хирургически удалены, но длинный острый подбородок продолжал уродливо торчать. Мирон заметил, что капитан поморщился и покачал головой.

Астронавты обвели глазами весь салон — кроме леди Малуф, погруженной в невеселые размышления, здесь никого не было.

С лучевым пистолетом наготове, капитан медленно, шаг за шагом, зашел в салон. Леди Малуф, кивавшая носом в полудреме, встрепенулась, потревоженная каким-то скрипом, и обернулась через плечо. Увидев двух вооруженных людей, она широко раскрыла глаза, у нее отвисла челюсть — старуха собиралась завизжать.

Капитан набросился на нее и зажал ей рот — она успела испустить только сдавленный писк. Выпучив глаза, леди Малуф уставилась на обидчика, все еще не узнавая его. Малуф тоже едва узнавал в этой дряхлой старухе свою мать; Орло Кавке не слишком заботился об

источнике своего дохода.

Наконец плечи леди Малуф опустились — она осознала, кто зажал ей рот; капитан отпустил ее. «Адэйр, это ты? — прохрипела старуха. — Адэйр!»

«Да, это я. Ты вернешься со мной в Трейвен».

Глаза леди Малуф увлажнились, слезы потекли по ее морщинистым щекам.

Малуф спросил: «Твой приятель, Кавке… то есть Лой Тремэйн — где он?»

Леди Малуф смотрела в сторону коридора, ведущего к кормовым каютам. Проследив направление ее взгляда, капитан увидел Кавке, стоявшего в дверном проеме, обнаженного до пояса и босого.

«Я здесь! — заявил Кавке, переводя глаза с Малуфа на Мирона и обратно. — Что вам от меня понадобилось?»

«Я приехал, чтобы забрать домой мою мать. Она вернется со мной в Трейвен».

Кавке не преминул заметить направленное на него дуло лучемета. «Не слишком удачная идея!» — притворно расслабившись, Орло Кавке прислонился плечом к дверной раме.

Двумя быстрыми длинными шагами Кавке внезапно оказался за спиной леди Малуф и схватил пальцами левой руки ее тощую шею. Другой рукой он достал нож, лежавший на прилавке мини-кухни, и приставил острие лезвия к серой жилистой шее своей заложницы:

«Вы — хороший сын и совершили благородный поступок, но почему я должен испытывать неудобства по этому поводу? Она никуда не поедет — ни с вами, ни с кем-нибудь другим!»

Малуф изучал горбоносую физиономию преступника. Он помнил внешность Орло Кавке по фотографиям, полученным в Кренке, и не мог не заметить, что лицо Кавке приобрело новое, плохо поддающееся определению выражение вульгарной запущенности. Губы его слегка опухли, под глазами висели мешки, дряблая полнота в области живота свидетельствовала о начале образования брюшка. Черные штаны Кавке с почти неприличной тугостью облегали бедра, но расширялись клешем под коленями. Безволосая обнаженная грудь убийцы блестела, словно смазанная маслом. В мочку его левого уха было продето золотое кольцо; под челюстью красовалась татуировка: многолучевая звезда.

Кавке неожиданно спросил: «Как вы сумели меня найти?»

«Это было нетрудно. Вы сами предоставили необходимые сведения».

«Неужели? Каким образом?»

«В доме моей тетки, в Трейвене, вы сказали, что намерены вернуться на самую прекрасную планету Ойкумены. Я поверил вам на слово. В Коро-Коро агент МСБ предположил, что вы арендовали яхту. В агентстве Зангвилля мне сообщили, где находится яхта «Майджаро» — и вот, я здесь».

Кавке по-волчьи осклабился: «Понятно».

«Рекомендую вам покинуть яхту и вернуться в Коро-Коро. Не пытайтесь мне препятствовать».

«Неплохой совет, даже в чем-то забавный, — согласился Кавке. — Но у меня есть другое предложение, оно мне больше по душе. Через месяц-другой я брошу эту старуху на террасе «О-Шар-Шана» — после этого можете делать с ней все, что хотите».

«Нет! — пискнула леди Малуф. — Он хочет получить наличными основной капитал моей пенсии! А я отказываюсь отдать ему деньги! Это животное не получит от меня ни гроша!»

Малуф взглянул на Кавке и поднял бровь: «Достаточно определенный ответ?»

Леди Малуф продолжала: «Невозможно выразить словами, как он надо мной издевается! Невероятный, беспардонный грубиян и мерзавец!»

Кавке игриво встряхнул ей загривок: «Заткнись, старая потаскуха! У тебя не осталось никакого уважения к себе? Никому не интересны твои причитания».

Но леди Малуф только повысила голос: «Он жестоко меня оскорбляет! Он обозвал меня костлявой старой цаплей, линяющей на ходу! Сказал, что от меня воняет, как от маринованной сельди, и что мне следует почаще мыться — при этом он посоветовал мне купаться в реке, утверждая, что после первого взгляда на меня стеклянная рыба бросится прочь в поисках чего-нибудь съедобного!»

«Нехорошо!» — покачал головой Малуф.

«Что, уже и пошутить нельзя?» — ухмыльнулся Кавке.

«Он злословит меня с изобретательностью прирожденного садиста! — выла леди Малуф. — Я хочу домой!»

«Не спеши! — предупредил ее Орло Кавке. — Прежде всего мне нужно одеться как следует». Кавке стал бочком продвигаться к коридору, толкая леди Малуф перед собой.

Мирон, уже перемещавшийся в том же направлении, тут же перегородил проход в коридор и усмехнулся, направив на Кавке лучемет: «У тебя в каюте оружие. Оно тебе больше не понадобится».

Кавке понимал, что, продолжая двигаться к коридору, он оказался бы между Мироном и Малуфом, что поставило бы его в опасное положение, так как ему пришлось бы одновременно следить за двумя противниками. Нахмурившись, он попятился в угол, заставляя спотыкающуюся и подпрыгивающую старуху следовать за ним. Прислонившись спиной к стене, Кавке произнес звенящим голосом: «Нужно найти какой-то выход из этого тупика. Если вы не будете делать глупости, через три недели — может быть, через месяц — вы сможете забрать эту женщину и отправиться восвояси. Я вам не помешаю — но только при том условии, что никто не вздумает мне мстить. Это бессмысленно. В таком случае старуха умрет».

Откуда-то донесся глухой стук. Мирон автоматически взглянул на Малуфа, и эта неосторожность едва не стоила ему жизни. Кавке метнул нож Мирону в шею. Малуф вскрикнул; краем глаза Мирон заметил блеск стали и отпрянул назад, почти опрокинувшись навзничь. Кавке тут же развернулся, одним непрерывным движением поймал отскочивший от косяка нож и швырнул его изо всех сил, целясь Мирону в голову. Вращаясь в воздухе, нож ударился рукояткой Мирону в плечо. Предплечье Мирона на мгновение онемело, его лучемет упал на пол. Кавке не упустил это преимущество, подхватил оружие и потащил старуху в коридор. Оказавшись за пределами салона, он торжествующе обернулся: «А теперь я застрелю вас обоих. Даже если один из вас успеет вернуться в лодку, я застрелю его с палубы! Вы рискнули жизнью и проиграли в самой выгодной позиции. Пусть вас рассудит на том свете…»

За спиной у Кавке появилась тяжеловесная фигура. Одна рука схватила насильника за плечо, другая заломила ему руку за спину и безжалостно дернула ее вверх. Кавке закричал — похищенный у Мирона лучемет свалился на пол. Леди Малуф вырвалась и упала ничком: испуганно рыдающее смятение огненных птиц и дрожащих конечностей.

Орло Кавке снова закричал — его рука вывернулась из плечевого сустава и повисла под неестественным углом. Его вытолкали в салон.

По коридору за спиной Кавке следовали три человека, вышедшие из кормовой каюты:

Дерль Моун, Эверн Глистер и Мадриг Каргус. Моун и Глистер, крепко державшие Кавке, соединили его запястья за спиной наручниками и надели ему на шею петлю с поводком. Кавке обмяк, его лицо осунулось — он был оглушен внезапно постигшей его катастрофой.

Отступив в стороны, фермеры из Кренке разглядывали пленника с холодным удовлетворением.

«Орло! — позвал Моун. — Ты меня помнишь? Мою дочь звали Мёрси Моун. Припоминаешь?»

«А меня ты помнишь, Орло? — спросил Эверн Глистер. — Мою дочь звали Лалли Глистер. Она была курносая, с каштановыми волосами».

«А меня ты узнаёшь, Орло? — Каргус заглянул в лицо пленнику. — Я — Мадриг Каргус. Мою дочь звали Сэли. Не может быть, чтобы ты забыл Сэли!»

Кавке растянул губы в отвратительной усмешке: «Всех вас я прекрасно помню, и трех девочек тоже. Мозг — чудесный инструмент, ничего не забывает». Но лицо убийцы тут же помрачнело, он спросил хриплым, напряженным голосом: «Как вы меня нашли, так далеко от Кренке?»

Моун холодно улыбнулся: «Скажи спасибо двум господам с другой планеты. Они прилетели в Кренке и стали о тебе расспрашивать. Мы установили на их летательной машине миниатюрный передатчик и последовали за ними. Как и следовало ожидать, они привели нас к тебе».

«Будь уверен, сбежать тебе больше не удастся, — сказал Глистер. — Мы будем следить за каждым твоим вздохом — так, будто ты наш возлюбленный больной ребенок».

«Твое возвращение в Кренке вызовет сенсацию, — пообещал Каргус. — Мы устроим праздник, который запомнится на века! Весь поселок будет плясать от радости!»

«Именно так, — серьезно подтвердил Моун. — Объявим семидневное гулянье, и ты будешь у нас самым веселым танцором. Но не будем томить ожиданием твоих старых знакомых! Настала пора для триумфального возвращения блудного сына на родину!»

«Тебе следует приодеться, как подобает по такому знаменательному случаю, — заметил Каргус. — Я принесу тебе рубашку, куртку и ботинки».

Малуф спросил Моуна: «Вы уверены, что сможете взлететь вчетвером?»

«Не беспокойтесь. Мы прилетели на грузовой платформе. Она легко поднимает целую толпу и долетит до Кренке без малейших проблем».

7

Фляуты улетели со своим драгоценным пленником. Леди Малуф переоделась и упаковала кое-какие пожитки в дорожную сумку, после чего все трое спустились в лодку «Лулио» и вернулись вверх по течению в Пенгелли.

Леди Малуф забралась в автолет; астронавты одарили Берарда и Сонсси последними чаевыми, после чего летательный аппарат поднялся над деревней и устремился к столице.

Капитан обратился к матери: «Критический момент наступит, когда тебе придется выйти из автолета и подняться по трапу в «Гликку». Это следует сделать как можно незаметнее, не привлекая внимание общественных контролеров».

Леди Малуф недоуменно хмыкнула: «Они должны понимать, что я находилась в положении заложницы, и не чинить мне никаких препятствий».

Капитан печально усмехнулся: «Это маловероятно. Так или иначе, лучше не рисковать».

«Я ничего не понимаю в таких делах, — призналась леди Малуф. — Мне не терпится принять ванну, переодеться во что-нибудь свежее и хорошенько подкрепиться».

Капитан предложил ей хлеб с сыром и кусок холодного пирога с мясной начинкой — старуха соблаговолила попробовать эти деликатесы, хотя и не преминула при этом презрительно фыркнуть. Покончив с пирогом, леди Малуф устроилась поудобнее на заднем сиденье и заснула.

Автолет прибыл в Коро-Коро во второй половине дня, ближе к вечеру. Убедившись в том, что вокруг не было общественных контролеров, капитан как можно быстрее провел стучащую каблуками и подпрыгивающую старуху вверх по трапу, в салон звездолета.

Леди Малуф немедленно принялась жаловаться: «В самом деле, Адэйр, ты начисто забыл об элементарных правилах хорошего тона! Тащишь меня за собой, как сбежавшее и пойманное животное! Я этого больше не допущу — и слышать не хочу никаких возражений!»

«Ты шла слишком медленно, — оправдывался капитан. — Я хотел, чтобы нас не заметили».

«А я чувствовала себя, как мешок с сеном, который валяют туда-сюда без всякого смысла! Как бы то ни было, я устала и проголодалась».

Капитан подал ей миску горячего супа, омлет, булочки с маслом и кремовое пирожное, после чего заботливо уложил ее спать в своей каюте, где она быстро уснула.

~

Глава 6

Оказавшись в безопасности на борту звездолета своего сына, леди Малуф скоро выбросила из головы все, что происходило на яхте «Майджаро», словно это был дурной сон. Она снова превратилась в светскую львицу Трейвена, недостижимо высокий престиж которой надежно предохранял ее от любых бюрократических препон.

Капитан терпеливо пытался объяснить ей побуждения общественных контролеров: «Эти агенты неукоснительно соблюдают протокол; с их точки зрения ты нарушила закон и подлежишь наказанию — как минимум второго уровня».

Леди Малуф только качала головой и улыбалась: «Послушай, Адэйр, не станут же они тратить время на такие пустяковые шалости, особенно после того, как узна́ют, кто я такая».

«Для них это ничего не значит! Они преследуют нарушения закона, невзирая на лица».

«Хммф! — фыркнула леди Малуф. — Мой опыт показывает, что любой чиновник проявляет уступчивость — особенно после того, как увидит банкноту достоинством в десять сольдо».

Капитан выдавил кислую улыбку: «Вопрос отпадает, так как тебе нельзя покидать «Гликку»».

Леди Малуф отозвалась мурлыкающим смешком: «В самом деле, Адэйр, тебе давно пора стать человеком, искушенным в житейских делах. Я не намерена торчать здесь, как отшельница, замурованная в келье! Прояви благоразумие, сын мой!»

«Я собираюсь отправить тебя назад на Морлок при первой возможности, — повторил капитан. — И такая возможность существует. А пока что тебе придется не показываться на людях и не высовывать нос из «Гликки»».

«Но это противоречит практическому здравому смыслу! — высокомерно возмутилась леди Малуф. — Я найму экипаж и отправлюсь на террасу «О-Шар-Шана», где можно вести приятные разговоры с цивилизованными людьми. Никто не может лишить меня такого права!»

«Боюсь, что ты ошибаешься, — вздохнул капитан. — Общественные контролеры задержат тебя прежде, чем ты покинешь здание космического вокзала».

Леди Малуф приложила ко лбу носовой платок: «Никак не могу понять, почему ты считаешь нужным придерживаться такого непреклонно догматического подхода! В детстве ты всегда был гораздо внимательнее и почтительнее — с тех пор ты изменился, и это меня беспокоит!»

Поднявшись на ноги, она бросила носовой платок на палубу: «Можешь отвести меня в каюту».

2

Через час, оставив Мирона сторожить свою родительницу, капитан Малуф прошелся по пассажирскому залу ожидания в здании космопорта и просмотрел расписание ожидаемого отправления звездолетов из Коро-Коро. Его немало порадовало то обстоятельство, что туристический пакетбот «Бродяга-дальнобойщик» вылетал из Коро-Коро в полночь и в свое время должен был приземлиться в Порт-Палласе на Тране, служившем пунктом пересадки на корабли, следовавшие по десяткам маршрутов, что позволяло без труда добраться до Морлока.

Покинув зал ожидания, Малуф направился по взлетному полю к огромному голубому

пакетботу с серебристыми обводами. Когда он поднялся по трапу, его провели в управление капитана Бревета Фэйна, с которым Малуф успел познакомиться прежде.

Фэйн сочувственно выслушал Малуфа и заверил его в том, что ему будет достаточно привести мать на борт «Бродяги-дальнобойщика», после чего персонал пакетбота позаботится о решении всех дальнейших проблем. Малуф предоставил Фэйну все требуемую информацию. Капитан пакетбота нажал кнопку, чтобы вызвать стюарда — тот принес тяжелую бутыль и две стопки на подносе.

Фэйн почтительно приподнял бутыль, наполнил темно-желтой жидкостью стопки, высотой примерно четыре пальца каждая, и протянул одну Малуфу.

«На каком-то древнем языке слово «уискебоу» означало «живая вода», — изрек Фэйн. — Легенда гласит, что этот напиток состоит из солнечного света, дождевой росы и мягкого торфяного дыма».

Капитан пакетбота поднял бокал: «Сланче!»

«Сланче!» — отозвался Малуф.

3

Когда Малуф вернулся к себе на корабль, Мирон сидел один за столом в камбузе и просматривал перечень грузов, подлежавших отправке. Капитан заглянул в салон — там никого не было. Он спросил у Мирона: «Где она?»

«Все еще в каюте, — успокоил его Мирон. — Она оттуда даже не выглядывала — наверное, спит».

Малуф направился к каюте, отведенной его матери, постучал в дверь и прислушался, но ничего не услышал. Он снова постучал. На этот раз из-за двери раздался певучий отклик: «Кто там?»

Капитан открыл дверь, зашел в каюту и тут же остановился, удивленно подняв брови.

Леди Малуф сидела перед зеркалом за туалетным столиком, нанося на обвисшую кожу лица маску белого косметического крема. Она обвела глазницы мазками коричнево-пурпурного пигмента, в связи с чем ее физиономия напоминала побелевшую от старости морду енота. Ее волосы, теперь выкрашенные в ярко-черный цвет, были собраны торчащим пучком на затылке и скреплены упругим колечком белых бусинок. На ней было поразительное, сияющее и колыхающееся длинное зеленое платье с разрезами вдоль ног, обнажавшими, помимо бледно-голубой подкладки, сухие и тонкие, как палки, ноги. Заметив присутствие сына, она повернулась и неодобрительно взглянула на него: «Ты полностью забыл об элементарных правилах приличия? Вламываешься без предупреждения!»

«Прошу прощения, — сказал Малуф. — Я пришел сообщить о том, что твой полет от Флютера до Морлока зарезервирован. Пакетбот отправляется сегодня, поздно вечером — собирай багаж».

Леди Малуф снова сосредоточила внимание на зеркале: «Полет придется отложить, он не соответствует моим планам. Я закажу экипаж и поеду в «О-Шар-Шан». Если там собралась достаточно забавная публика, я поселюсь в этом отеле на пару недель».

Капитан не стал терять время и без лишних слов позвал Мирона. Игнорируя крикливые протесты леди Малуф, вдвоем они быстро запихнули пожитки старухи в дорожные сумки.

Малуф спустился по трапу «Гликки», чтобы внимательно обозреть взлетное поле — над ним уже сгущались сумерки. Группы усталых туристов брели к своим звездолетам. Капитан вернулся в каюту матери.

«Уже темнеет, можно не задерживаться, — сообщил он. — Ты готова?»

«Нет, конечно! К чему вся эта суматоха? Нет, это просто какая-то трагедия!»

«Весьма сожалею! — Малуф принес длинный черный плащ, оставленный в салоне кем-то из пилигримов. — Твое платье слишком заметно, завернись в этот плащ».

«Ни за что! Он весь пропитался грязью!»

«Тем не менее, тебе придется его надеть, — капитан завернул тощую фигуру своей матери в черный плащ и нахлобучил ей на голову широкополую шляпу. — Теперь все в порядке. Пойдем!»

«Это катастрофа, это принуждение! — возмущалась леди Малуф. — Я никуда не пойду!»

«Придется идти — или мы отвезем тебя на тачке, — пригрозил капитан. — Так ты идешь или нет?»

«Мне не оставили никакого выбора! — жалобно воскликнула леди Малуф. — Я вынуждена подчиниться неизбежности. Но помяни мое слово, я никогда не забуду это унижение!» Подхватив капитана под руку, леди Малуф спустилась с ним на взлетное поле, и они направились к «Бродяге-разбойнику» со всей возможной поспешностью. Мирон, с дорожными сумками в руках, следовал за ними.

Им удалось добраться до утешительной громады пакетбота без каких-либо нежелательных инцидентов. Поднявшись по пассажирскому трапу, они прошли через вестибюль в главный салон. Старшего стюарда там не было, и Мирон отправился его искать.

Тем временем Малуф оценивал интерьер, создававший атмосферу сдержанной элегантности: стены, обшитые панелями золотисто-коричневого дерева, пол, покрытый мягким зеленым плюшем. Покосившись на свою мать, капитан заметил, что та презрительно опустила уголки губ.

«Здесь не так уж плохо, — осторожно заметил он. — Ты приятно проведешь время в полете».

Леди Малуф язвительно фыркнула. Компания пассажиров, собравшаяся за столом неподалеку, что-то оживленно обсуждала, потягивая коктейли из покрытых изморосью охлажденных бокалов. Как только они заметили леди Малуф, разговор прервался. Паузу нарушила пара приглушенных смешков, после чего беседа возобновилась.

Леди Малуф что-то злобно прошипела сквозь зубы и, вывернув руки назад и вниз, позволила черному плащу упасть на пол. Для пущего эффекта она сорвала с головы шляпу и отбросила ее.

Ее сын наблюдал за происходящим, но не вмешивался.

К тому времени Мирон вернулся со стюардом — тот с безукоризненной церемонностью приветствовал леди Малуф на борту звездолета и воскликнул звучным баритоном: «Должен признаться, я просто поражен! Я ожидал встретить даму гораздо старше вас, а ваше умение элегантно одеваться — приятная неожиданность!»

«Надеюсь, что мне удается оставаться выдающейся личностью во многих отношениях, — проворковала в ответ леди Малуф. — Страстное стремление жить согласно самым романтическим представлениям никогда не охладеет в моей душе!»

«Достопримечательная особенность! — восхищенно заявил стюард. — А теперь мне следует сопроводить вас в каюту, где, несомненно, вы воспользуетесь возможностью немного отдохнуть перед тем, как начнется торжественный бал, посвященный вылету «Бродяги» в космические просторы».

Малуф похлопал мать по плечу: «Уверен, что путешествие тебе понравится. Ты скоро

будешь дома».

«Надо полагать, я уж как-нибудь справлюсь», — сухо отозвалась она.

Мирон тоже вежливо попрощался со старухой, заслужив не более чем рассеянный кивок, после чего стюард увел ее в недра пакетбота. Носильщик подхватил ее сумки и поспешил туда же.

Малуф и Мирон оставались в салоне до возвращения стюарда. Малуф спросил у него: «Насколько я понимаю, расписание не изменилось, вы отправляетесь в полночь?»

«Никаких изменений не предвидится, вылетаем по расписанию».

«Должен предупредить вас, что моя мать — упрямая и капризная особа. Иногда ее представления настолько расходятся с действительностью, что она умудряется наносить себе существенный вред».

Стюард мягко улыбнулся: «Нам приходится удовлетворять потребности пассажиров со всевозможными причудами. Сомневаюсь, что в случае леди Малуф возникнут какие-нибудь чрезвычайные проблемы».

«Ни в коем случае, однако, не позволяйте ей покидать звездолет, пока он остается в Коро-Коро. У нее не осталось никаких документов — ни въездной визы, ни удостоверения личности. Общественные контролеры задержат ее, как только она появится в городе, и ей не избежать наказания второго уровня. Если потребуется, дайте ей снотворное или даже заприте ее в каюте. Будьте начеку! Она умеет инстинктивно хитрить и добиваться своего, как животное».

«Будут приняты дополнительные меры предосторожности, — заверил его стюард. — По сути дела, я сейчас же пойду и закрою ее дверь на замок. Не беспокойтесь, ей не дадут покинуть звездолет».

«Благодарю вас — уверен, что на вас можно положиться». Откланявшись, Малуф и Мирон вернулись по взлетному полю к «Гликке».

Прошло несколько часов. Сумерки сменились мраком — «Бродяга-дальнобойщик» должен был скоро улететь.

Когда приблизилась полночь, Малуф и Мирон вышли на верхнюю площадку трапа «Гликки». За три минуты до полуночи команда «Бродяги» подняла трап и задраила люк входного шлюза. Ровно в полночь прозвучал предупреждающий сигнал, напоминавший скорбный стон, набиравший высоту, достигнувший диапазона завывающего сопрано и снова опустившийся до едва уловимого инфразвукового вздоха.

Громада «Бродяги-дальнобойщика» тихо вознеслась над полем метров на полтораста, после чего, взлетая все выше и набирая скорость, пакетбот ускользнул в ночное небо, превратившись в мерцающую точку, пропавшую среди звезд.

4

На борту «Гликки» Малуф и Мирон продолжали бодрствовать в полутьме, погруженные в свои мысли. Через некоторое время капитан сходил в камбуз и вернулся с бутылью полусладкого желтого вина.

Он наполнил бокалы, после чего они продолжали тихо сидеть — хотя вино каким-то образом, мало-помалу, изменило их настроение.

Малуф произнес, практически беседуя сам с собой: «Предприятие завершилось. Я сделал все, что мог, и теперь чувствую внутри какую-то пустоту. Странное ощущение: что дальше? Может быть, ничего. Может быть, я попытаюсь отойти от дел и отдохнуть. Словно наступила новая, незнакомая фаза существования».

Помолчав, Мирон ответил: «Ощущение опустошения вполне естественно после такого нервного напряжения. Теперь вы можете не торопясь заняться поисками Лурулу».

Малуф тихо рассмеялся: «Лурулу так просто не найдешь, это особое, неуловимое состояние. Его невозможно точно определить — но, судя по всему, оно достигается, когда находят выход томления, когда утоляется жажда поиска. Не обязательно посредством фактического обнаружения искомого — эти слишком походило бы на пассивное успокоение». Капитан задумался: «Мне кажется, что Лурулу содержит активный компонент, и этот компонент может быть очень хрупким и уязвимым».

Мирон смотрел в темный иллюминатор: «Сомневаюсь, что мне когда-нибудь приведется испытать такое состояние».

«Почему?»

«Мои «томления», если их можно так назвать, слишком противоречивы — они тянут меня в разные стороны. Одно связано с небезызвестной Тиббет Гарвиг, проживающей в Дюврее на Альцидоне. С другой стороны, моя двоюродная бабка, леди Эстер, нанесла мне ущерб. Ущерб этот нельзя назвать незаживающей раной, но он породил нечто вроде внутреннего зуда — если хотите, рассматривайте эту чесотку правдоискательства как активный компонент моего Лурулу. Кроме того, остается вопрос о космическом странничестве. Я не смогу работать на борту «Гликки» вечно, а перспектива любого другого образа жизни приводит меня в отчаяние».

Малуф осушил бокал: «Для каждого из нас Лурулу — далекая, почти недостижимая мечта. Тем не менее, в данный момент мне кажется, что ложиться спать еще рано, в то время как небольшая прогулка по бульвару Помар приведет нас в таверну Пингиса, где можно было бы рискнуть и попробовать «Пробивной пунш № 2» или даже «№ 3», в зависимости от знамений».

Мирон мгновенно вскочил на ноги: «Исключительно конструктивная идея! Причем отважным астронавтам подобает игнорировать знамения — если, конечно, они не принимают форму общественных контролеров, в каковом случае требуется срочное переопределение планов».

Спустившись по трапу, они прошли к космическому вокзалу и направились по бульвару Помар к таверне Пингиса.

5

Отпускное времяпровождение команды «Гликки» в Коро-Коро подходило к концу. Астронавты стали неохотно собираться в путь.

Посетив в очередной раз складские конторы экспедиторов, Мирон согласился рассмотреть возможность перевозки партии товаров на планету, находившуюся несколько в стороне от прямого маршрута, соединявшего Флютер со следующим пунктом назначения, Каксом на Бленкинсопе.

Вернувшись на борт «Гликки», Мирон сообщил капитану о предлагаемой сделке: «Требуется доставить тридцать два баллона с жидким кейзиком. Их привезли из Какса, и они ожидают отправки на Звездную Обитель».

«На Звездную Обитель?»

Малуф заглянул в «Путеводитель по планетам», нашел статью под заголовком «Звездная Обитель» и прочитал вслух:

«Звездная Обитель, вторая спутница белого карлика Мирейля — небольшая плотная планета с пригодной для дыхания атмосферой, благоприятным для человека климатом и

силой притяжения, мало отличающейся от земной. Продолжительность звездных суток — двадцать часов двадцать три минуты. На этой планете два континента. Меньший, северный — безжизненная ледяная пустыня с обнажениями скал. Для второго, экваториального континента характерны ровные степи, сплошь поросшие высокой, почти достигающей плеч травой, изредка пересеченные кряжами покатых древних холмов, и только далеко на юге возвышается небольшой горный хребет.

На первый взгляд Звездная Обитель ничем не привлекательна ни для исследователя, ни для случайного посетителя-путешественника, хотя немногочисленное местное население существенно оживляет картину. Так называемые «рыцари» — высокомерная и бескомпромиссная каста кочевников — руководствуется неписаным законом, догматами «рыцарского пути». «Рыцари» блуждают по приморской равнине, задерживаясь в любом приглянувшемся месте и смешиваясь с местными группами населения, после чего подразделяются на кланы. Они не образуют оседлые общины, и у них нет никакой общепризнанной социальной структуры.

«Рыцари» — мастера на все руки, владеющие множеством ремесленных навыков, но особой известностью пользуются изготовляемые ими изысканные ковры. Эти ковры они экспортируют на другие планеты, получая взамен необходимые товары, которые «рыцари» не могут производить сами — такие, как инструменты, синтезаторы пищевых продуктов и домашняя утварь. «Рыцари» — преимущественно мирный народ, избегающий конфликтов и безразлично относящийся к присутствию инопланетных гостей. Преступность среди них неизвестна, так же, как и непристойное поведение — если не считать хулиганства бесшабашных молодых ухажеров, чьи выходки благодушно рассматриваются как неизбежное проявление избытка энергии. «Молодежь перебесится, зато здоровых детей будет больше» — гласит одно из поучений «рыцарского пути». Единственный космический порт планеты находится в Палактусе, неудобно расположенном посреди степных просторов Большого Мермаза. Сооружений в Палактусе очень мало — пара обветшалых складов и единственное здание, одновременно выполняющее функции банка и портового управления. Никаких ремонтных мастерских или постоялых дворов для приезжих в Палактусе нет.

Флора Звездной Обители не слишком обильна. хотя здесь произрастают больше десяти различных видов трав, в том числе величественный туземный бамбук с черными стеблями и бледно-зелеными листьями. Местная фауна, так же, как и флора, не слишком разнообразна, но в узких туннелях, вырытых ими под степной травой, водятся хищные меренги — гибкие и проворные шестиногие твари с длинными зубастыми мордами; в длину они достигают четырех метров. «Рыцари» их боятся, но иногда охотятся на меренгов, чтобы добывать мясо и шкуры. Большое впечатление производят также кроткие травоядные гиганты, блуждающие по травянистым равнинам Звездной Обители — местные жители называют их «вумпами». Эти тяжеловесные жвачные, высотой больше шести метров и пятнадцать или, в отдельных случаях, даже восемнадцать метров в длину, собирают траву в охапки и отправляют их в пасть удлиненными хватательными выростами морды. «Рыцари» одомашнивают вумпов и сооружают на широких спинах этих животных «тримбели» — небольшие бамбуковые жилища. Тримбели, с крутыми высокими крышами, нередко весьма колоритны; в глубине каждого тримбеля неизменно находится помещение, где ткутся ковры».

Малуф нахмурился и поднял глаза: «Вот и все». Капитан молча перечитал статью, постукивая пальцами по столу, после чего с некоторым раздражением отбросил справочник в сторону: «Путеводитель не содержит достаточных сведений! Я хотел бы знать, например,

почему космический порт находится посреди безлюдной степи? Кроме того, в тексте нет ни малейшего намека, позволяющего догадаться, почему «рыцарям», каковы бы ни были странные нравы и обычаи этих кочевников, могли бы понадобиться тридцать два баллона кейзика».

Мирон покачал головой: «По этому поводу не могу выдвинуть никаких гипотез».

Малуф отмахнулся от проблемы: «В конце концов, это не наше дело. С практической точки зрения меня больше интересует вопрос о том, кто́ нас встретит в Палактусе, чтобы принять груз? «Рыцари» могут не уделять внимание таким мелочам».

«В путеводителе упоминается портовое управление, — неуверенно возразил Мирон. — Значит можно надеяться, что у них там есть какое-то начальство».

«С твоей точки зрения это было бы логично, — согласился Малуф. — Но на Звездной Обители может преобладать другая логика. В малопосещаемых и труднодоступных местах, таких, как Палактус, необычайное нередко становится нормой, и бедняга-астронавт шарахается от собственной тени, ожидая подвохов со всех сторон».

«Я мог бы включить в договор положение, согласно которому в том случае, если груз не будет принят местными представителями получателя в течение трех суток — например, в связи с отсутствием надлежащего персонала в космическом порту — право собственности на груз перейдет к перевозчику, то есть к владельцу «Гликки»», — предложил Мирон.

Малуф одобрил предложение: «Удачная мысль. Если отправитель согласится на такое условие, мы рискнем и доставим баллоны на Звездную Обитель».

Вечером того же дня тридцать два баллона с жидким кейзиком установили в отделении трюма «Гликки», освободившемся после выгрузки сундуков пилигримов.

6

На следующее утро Монкриф и его труппа поднялись по трапу «Гликки» и заняли прежние каюты.

Шарлатан и его помощницы по-разному воспринимали необходимость отлета. Фрук, Плук и Снук горевали: перспектива покинуть Флютер — вероятно, навсегда — приводила их в отчаяние. Хунцель и Сиглаф приютились в углу салона и ворчливо обсуждали свои тайные планы. Стараясь поднять дух девушек-танцовщиц и показать им пример оптимизма, Монкриф радужно улыбался всем и каждому и даже попытался сплясать нечто вроде чечетки.

Мирон настрочил и отправил письмо, адресованное «мадемуазели Тиббет Гарвиг». Шватцендейл и Винго поглотили последние кружки пунша «Пробивной» в таверне Пингиса, но вернулись к выполнению обязанностей еще до наступления темноты и в достаточно работоспособном состоянии.

Прошла еще одна ночь, и через два часа после восхода солнца «Гликка» взмыла над космопортом Коро-Коро и взяла курс на Звездную Обитель.

~

Глава 7

По прибытии к Звездной Обители «Гликка» приземлилась на ночной стороне планеты — там, где бледные лучи убывающей луны озаряли посадочную площадку Палактуса.

В рубке управления капитан Малуф выключил подачу энергии к двигателям и подошел к иллюминатору. Насколько мог видеть глаз, повсюду вокруг простиралась плоская степь под покровом слегка колышущихся, бесцветных в лунном зареве трав. Однообразие пейзажа нарушалось только двумя складами, тихими и темными, словно сгорбившимися от старости, а также, чуть поодаль, еще одним небольшим угловатым строением. В порту никого не было — в частности, никто не появился, чтобы оформить или как-либо подтвердить прибытие космического судна. Команда «Гликки» приготовилась ждать; никто не хотел выходить наружу до рассвета.

Через некоторое время над восточным горизонтом образовалось сероватое просветление, постепенно разгоревшееся желтым огнем. За грядой туч всплыло белое солнце, залившее степь тускловатым пасмурным светом.

Люк входного шлюза «Гликки» сдвинули в сторону, трап опустили на землю. Астронавты и пассажиры спустились друг за другом на поверхность Звездной Обители и молча стояли, впитывая безграничность ландшафта. На взлетном поле и по его периметру степная трава была подстрижена и утрамбована в виде напоминающего циновку покрытия; дальше, со всех сторон, она росла сплошным ковром полутораметровой высоты. Уже через пару минут новоприбывшие заметили вдали, почти на самом горизонте, несколько огромных серых туш, медленно бредущих по степи. Подминая остатки травы шестью толстыми ногами, каждое животное срывало стебли на ходу двумя хоботами, верхним и нижним, регулярно отправляя в пасть собранную охапку.

Мирон поделился с пассажирами сведениями, почерпнутыми из путеводителя: «Местные жители называют их «вумпами», хотя, конечно, это не научное наименование. Издали, в отсутствие сравнимых ориентиров, трудно оценить их размеры, но они впечатляющи: больше шести метров в высоту и от пятнадцати до восемнадцати метров в длину. В справочнике отмечается, что эти гиганты отличаются настолько смирным нравом, что степные кочевники, «рыцари», одомашнивают их, сооружают у них на спинах хижины и живут в свое удовольствие, перемещаясь таким образом вдоль побережья и по внутренним равнинам континента».

Монкриф бросил на вумпов презрительный взгляд и отвернулся — после очередной размолвки с Хунцель и Сиглаф шарлатан пребывал в плохом настроении, а поучительный тон молодого суперкарго послужил дополнительным раздражителем.

Монкриф стал демонстративно оглядываться по сторонам: «Вы уверены, что мы не заблудились в космосе? По-моему, на этой планете нет ни души — не вижу никаких «рыцарей»! Может быть, они прячутся в траве?»

«Справочники не оставляют сомнений, — возразил Мирон. — «Рыцари» — кочевники, отказавшиеся от технологических средств передвижения. В свободное время — а его у них предостаточно — они ткут высококачественные ковры, после чего собираются на празднества — поют, танцуют и соревнуются в прыжках над кострами. У них нет никакой общественной иерархии, но они подчиняются подразумеваемым неписаным правилам, которые, по-видимому, всех устраивают. Некоторые из их обычаев весьма любопытны;

например, выразив восхищение ковром, мужчина обязан жениться на девушке, соткавшей ковер. Так или иначе, «рыцари» не прячутся под травой, на этот счет вы можете быть уверены».

«Врет ваш путеводитель! — воскликнула Фрук, протянув куда-то указательные пальцы обеих рук. — Я только что видела лицо, глядевшее на меня из-под травы!»

Снук выразила интерес: «Он был приятной наружности?»

«Не сказала бы. Мне показалось, что он как-то криво ухмылялся».

«Какая чушь! — отмахнулся Монкриф. — Что вы придумываете?»

«Нет-нет! — возразила Плук. — Я тоже его видела!»

Монкриф потерял терпение: «Общеизвестно, что в вашем возрасте девушкам приходит в голову всякая галиматья, зачастую самого непотребного сорта! Сдерживайте инстинкты, слушайте старших и старайтесь вести себя разумно».

«А как еще мы себя ведем? — возмутилась Плук. — Я своими глазами его видела. Что может быть разумнее?»

И снова Мирон смог предоставить информацию, подтвержденную авторитетным источником: «Скорее всего, вы видели меренга. Согласно путеводителю, это коварный гибкий хищник, достигающий в длину четырех метров. Он скользит под травой, извиваясь на шести коротких ногах; считается, что меренги чрезвычайно опасны. Не советую заходить в траву в поисках романтических приключений».

«А, болтовня!» — махнув рукой, Монкриф повернулся спиной ко всем присутствующим.

Тем временем Малуф усмотрел за складами небольшое сооружение из плавленого камня — судя по всему, портовое управление и банк, упомянутые в путеводителе. Отойдя от собравшихся у трапа, он направился по утрамбованной траве к этому одинокому строению. С обращенной к степи стороны он нашел сплошную дверь из темного дерева, висевшую на двух чугунных петлях.

Отступив на шаг, капитан обернулся. Степь простиралась до горизонта, вокруг не было ничего, кроме волнующейся под ветром травы. Снова повернувшись к двери, он постучал, постучал еще раз, постучал третий раз — никто не ответил. Взявшись за ручку двери, капитан потянул ее на себя; к его удивлению, дверь подалась. Несколько секунд Малуф колебался, но в конце концов пригнулся и заглянул в образовавшийся проем.

Он никого не увидел. Три узких окна под потолком пропускали скорее сумрак, нежели свет; в этом сумраке капитан смог разглядеть стол, стулья и конторку, заваленную какими-то разбросанными, потрепанными бумагами; кроме того, на конторке стоял видавший виды радиофон.

В тени, на противоположной входу стене, можно было различить контуры еще одной двери, ведущей во внутреннее помещение. Малуф отвернулся и собрался уходить — ему не хотелось заходить без разрешения. Но его остановила неприятная мысль: что́, если с начальником космопорта случилась беда? Может быть, он лежал за второй дверью — больной или неспособный выйти по какой-нибудь другой причине? Малуф решил забыть о вежливости и зашел в управление.

Внутри царила полная тишина. Внимание капитана привлек висевший на левой стене коврик — или это была часть большого ковра? Квадратный отрез ткани, со стороной чуть больше метра, был обрамлен темным деревом. Малуф пригляделся: несомненно, ковер был делом рук виртуоза. Искусно переплетенные нити образовывали точно очерченные странные узоры необычной расцветки: броские голубые тона сочетались с лимонно-зелеными,

сернисто-красными, черными и гранатовыми на обожженном белесом фоне цвета калиевой извести.

Неохотно отвернувшись от абстрактного гобелена, Малуф приблизился к внутренней двери. Он остановился, глядя на дверную панель, после чего поднял руку и постучал. Капитан прислушался — ничто не шелохнулось. Он постучал снова, настойчивее — но так же безрезультатно. Чтó это, однако? Ему послышалось? Какой-то шорох, какой-то намек на движение внутри?

Обнадеженный признаком жизни за дверью, Малуф постучал еще раз, еще громче. Изнутри послышался трагический стон человека, потревоженного посреди глубокого приятного сна.

И опять Малуф постучал. На этот раз из-за двери раздался заспанный, с трудом произносящий слова голос: «Кто там шумит? Еще не рассвело, имейте сострадание! Мне тоже полагается отдыхать».

«Где начальник космопорта? — громко спросил Малуф. — Почему он не на работе?»

«Всему свое время, — обиженно пробормотал обитатель управления. — Дайте собраться с мыслями».

Малуф приготовился ждать.

Шло время; Малуф снова стал беспокоиться. Он опять встал у двери и приподнял руку, чтобы постучать — но в тот же момент дверь распахнулась: взору капитана явился коренастый субъект в просторном оранжевом ночном халате, закрывавшем тучную фигуру от шеи до щиколоток. Часто моргая, субъект недовольно смотрел в лицо нарушителю тишины: «Я — начальник космопорта Освиг. Что вы тут расшумелись?»

«Я — капитан Малуф, владелец звездолета «Гликка». Мы прибыли ночью, несколько часов тому назад. Так как никто не позаботился нас встретить, после восхода солнца я решил проверить, не случилась ли с вами какая-нибудь беда. Мы доставили в Палактус тридцать два баллона кейзика. Они готовы к выгрузке, но предварительно мы должны получить плату за перевозку».

«Что вы мне голову морочите? — возмущенно заорал Освиг. — Доставка любых грузов в Палактус оплачивается перед отправкой, в Каксе на Бленкинсопе».

«Только не в данном случае. Баллоны ожидали дальнейшей перевозки и были погружены в Коро-Коро. Условия доставки недвусмысленно указаны в транспортной накладной».

Малуф передал Освигу документ; тот стал внимательно его просматривать.

«Обратите особое внимание на примечание, — вежливо порекомендовал Малуф. — Это дополнительное условие, в соответствии с которым оплата доставки груза должна быть произведена в течение трех суток. В случае несоблюдения этого условия команда моего судна может конфисковать груз и вылететь без дальнейших формальностей».

«Безобразие! — бормотал Освиг. — Я еще не проснулся толком, а вы уже торгуетесь. Подождите, мне придется официально заняться решением этого вопроса. Садитесь, устраивайтесь поудобнее». Начальник космопорта отступил во внутреннее помещение и захлопнул дверь.

Вместо того, чтобы принять приглашение Освига и сесть, капитан Малуф вернулся к изучению гобелена, висевшего на стене. Повторное рассмотрение этого шедевра произвело не меньшее впечатление, чем первое: качество вышивки и жгучие сочетания цветов пленяли воображение, а более внимательное рассмотрение узоров позволило выявить еще более

сложные, искусно выполненные детали.

Внутренняя дверь сдвинулась в сторону; в проеме стоял Освиг, теперь нарядившийся в приличествующий его должности костюм — серую блузу, свободные белые брюки и белую кепку с небольшим черным козырьком, надвинутую на темные кудри начальственной головы. Вступив в управление, Освиг остановился, чтобы строго проинспектировать внешность капитана. Но как только он заметил интерес Малуфа к ковру, манеры начальника космопорта изменились: «А! Это экспериментальная панель — ее изготовила моя дочь, Треблинка. Ей двенадцать лет, но она уже умеет ткать первосортные ковры».

«Судя по всему, у нее выдающиеся способности», — похвалил Малуф.

«Вполне может быть! Но пора переходить к делу. Нужно торопиться. Прежде всего меня беспокоит транспорт — трех фургонов должно быть достаточно. Позвоню Докерлю на базу в Фароле. Если он не станет сидеть сложа руки, фургоны прибудут через три-четыре дня. Надеюсь, нам удастся застать лалланкаров врасплох — тогда все будет хорошо».

Начальник космопорта подошел к конторке и набрал номер на панели радиофона. Прозвучал сигнал, напоминавший звон колокольчика, после чего Освиг снова нажал на какие-то кнопки, сел и приготовился ждать.

Прошло несколько минут. Освиг постукивал пальцами по конторке и явно начинал терять терпение.

Наконец экран засветился; послышался тихий вежливый голос: «Вас слушает диспетчер караванов Докерль. Кто меня беспокоит с такой завидной настойчивостью?»

Ни продолжительное ожидание, ни язвительное приветствие Докерля не способствовали улучшению настроения Освига. Сгорбившись над микрофоном, толстяк разразился потоком распоряжений — настолько энергичным, что Докерль не успевал вставить ни слова. Только прервавшись, чтобы перевести дух, Освиг заметил, что экран радиофона погас.

Откинувшись на спинку стула и опустив уголки губ, начальник космопорта медленно повернулся лицом к Малуфу: «Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Это же не просто пренебрежение обязанностями, это намеренное оскорбление!» Раздраженно вскочив на ноги, Освиг снова вышел на середину комнаты: «Когда шмира не хватает, фургоны копошатся вокруг космопорта, как жуки-могильщики на трупе. А когда горшки полны шмиром и ковроплеты ухмыляются до ушей — куда пропали все фургоны, где они? В Низинах Мискиттера, в Сточном лагере, на Речных Шлюзах — или вообще где-нибудь на окраинах степи! Здесь, в Палактусе, можно только надеяться, что они соберут караван вумпов и прибудут через четыре дня». Освиг гневно качал головой.

«Вам следовало бы каким-то образом заставить их соблюдать правила обслуживания космопорта», — предположил Малуф.

«Мы — рыцари! У нас никто никого не заставляет! В старые добрые времена все шло как по маслу. Фургоны были приписаны к космопорту и увозили товары, как только их разгружали — лалланкары ничего не могли с этим поделать, грузы доставлялись по назначению и в срок. А теперь все полагаются на радиосвязь, понимаешь ли! Черт бы побрал все эти никому не нужные новшества! Если лалланкары подслушали мой вызов, они завалятся сюда на вумпах, умыкнут баллоны у меня из-под носа и вернутся восвояси, распевая издевательские частушки!»

«Это никуда не годится», — согласился Малуф.

Освиг мрачно кивнул.

Помолчав немного, Малуф осторожно заметил: «Во всем этом есть что-то загадочное. Настоящий парадокс, с моей точки зрения».

Начальника космопорта мало интересовали парадоксы Малуфа: «Вы родились и выросли на другой планете. Конечно, вас приводят в замешательство наши нравы и обычаи».

«Разумеется! Но даже с учетом всех различий в воспитании и мировоззрении остается необъяснимая тайна. Возможно, вы могли бы просветить меня по этому вопросу».

«Я не философ, — грубовато обронил Освиг. — У меня нет времени на праздные размышления».

«Не стану злоупотреблять вашим временем. Но этот вопрос может вас заинтересовать, так как он в какой-то мере вас касается».

«Раз уж вам так приспичило… — проворчал начальник космопорта. — Выкладывайте, в чем дело, и покончим с этим сразу».

«Благодарю вас. Ситуация такова: я познакомился с вами совсем недавно, но уже успел получить общее представление о вашем характере. Насколько я понимаю, вы — человек решительный и практичный, ни в коем случае не пугливый и не податливый, привыкший распоряжаться, а не повиноваться».

Освиг насмешливо хмыкнул: «Не стану вас разубеждать, но — ближе к делу — в чем заключается тайна?»

Малуф поднес ладонь ко лбу: «Как ни странно, мне только что пришла в голову возможная разгадка. Никакой тайны больше нет!»

Освиг с подозрением поглядывал на капитана: «Все это прекрасно и замечательно — возникает впечатление, что мы можем заняться делами без дальнейших проволочек. Но все-таки — в чем заключалась так называемая «тайна»?»

«Она возникла в связи с тем, что, будучи рационально мыслящим человеком, я никак не мог уяснить, по какой причине такой решительный человек, как вы, не мог бы предотвратить похищение баллонов. Но мне пришла в голову новая мысль, и загадка исчезла. Я понял, что лалланкары — свирепые сорвиголовы, натиску которых не может противостоять даже такой храбрец, как начальник космопорта Освиг, вынужденный позволять им безнаказанно грабить склады, пока он прячется в тайном убежище. Правильно ли я понимаю происходящее?»

«Неправильно! — громогласно заявил Освиг. — Вы ошибаетесь во всех отношениях и ничего не понимаете! Лалланкары — вредители и паразиты, а я — рыцарь Звездной Обители! Я действую совершенно независимо, руководствуясь только собственными соображениями, и сам определяю свою судьбу! На Звездной Обители нет никаких законов или указов. Даже пытаться как-либо контролировать лалланкаров означало бы поступиться основными принципами рыцарского достоинства». Широким жестом руки Освиг дал понять, что в дальнейшем обсуждении этой темы нет необходимости: «А теперь перейдем к вопросу о доставленном товаре. Вы упомянули, что привезли тридцать два баллона кейзика, и что они готовы к выгрузке?»

«Именно так! Кстати, что такое «кейзик», и в каких целях он используется? Я спрашиваю просто из любопытства».

«От того, из каких побуждений вы спрашиваете, фактические результаты ваших расспросов не изменятся ни на йоту», — язвительно откликнулся Освиг.

«Гм! — Малуф слегка задумался. — Рад слышать, что на странной планете, полной парадоксов, хотя бы парадоксальность остается неизменной».

«Вот еще! — пробормотал Освиг. — Даже если бы я подробно все объяснил, это не помогло бы вам понять больше, чем вы понимаете теперь».

Повернувшись на каблуках, начальник космопорта промаршировал к выходу, навстречу бледному утреннему свету. Малуф последовал за ним.

Освиг резко остановился, словно внезапно о чем-то вспомнил: «Как это не пришло мне в голову раньше! Ведь складских рабочих нет — все уехали на состязания в Боллингейские Колеи. Но это ничему не помешает — конечно же, ваша команда может сделать нам такое одолжение и выгрузить баллоны».

«Никаких проблем, — согласился капитан. — Мы нередко выполняем такие работы и можем сделать это снова. Стандартный сбор за разгрузку трюма — пятьдесят сольдо».

Потрясенный Освиг вскрикнул: «Как?! Меня не обманывает слух? Вы только что упомянули сумму в размере пятидесяти сольдо? У вас не осталось никакого представления о порядочности? Неужели человек, претендующий на честность и благородство, способен, не краснея, заниматься подобным вымогательством?»

Малуф примирительно поднял руку: «Позвольте мне ответить на ваши вопросы в том порядке, в котором они заданы. Да, уши вас не обманывают. Да, стоимость разгрузки трюма составляет пятьдесят сольдо. Да, я руководствуюсь нравственными принципами добросовестного астронавта-коммерсанта — немногочисленными, но находящими универсальное применение. И я могу объяснить, на каких основаниях за разгрузку взимается такая плата: слишком часто портовые чиновники просят нас сделать им одолжение, а затем кладут себе в карман сэкономленные таким образом деньги. Наш прейскурант способствует предотвращению таких злоупотреблений должностными полномочиями».

«Чушь собачья! — бушевал Освиг. — Какой-нибудь наивный новичок мог бы поверить вашим объяснениям и оправданиям, но только не я!» Начальник космопорта снова зашел в управление и поспешно направился к конторке. Открыв ящик, он схватил пачку розовых и голубых банкнот, не обращая внимания на то, что некоторые из них упали и разлетелись по полу. Потрясая деньгами перед лицом Малуфа, он прокричал: «Как видите, мне ничто не мешает уплатить ваш драгоценный сбор!»

«Меня интересует не столько обеспечение задолженности, сколько ее погашение наличными», — сказал капитан Малуф.

Освиг угрюмо отсчитал триста семьдесят пять сольдо: «Теперь вы довольны? Пусть ваша команда займется разгрузкой».

«Будет сделано».

2

Малуф и Освиг стояли в стороне, наблюдая за работами. Винго, находившийся в трюме, управлял стрелой подвесного подъемника, перемещая баллоны и опуская их на поле, покрытое утрамбованной травой, где их ожидали Мирон и Шватцендейл, приготовившие самоходные тележки. Выполняя указания начальника космопорта, они перевозили баллоны в дальний склад, который Освиг считал лучше защищенным от грабителей. Тем временем Монкриф, прогуливаясь по взлетному полю, присоединился к капитану и Освигу.

Романтический темперамент побуждал шарлатана к более или менее невинным полетам фантазии, развлекавшим его самого и, по его мнению, окружающих. В данном случае он решил представиться начальнику космопорта в преувеличенно цветистых выражениях: «Ваш покорный слуга — маэстро Марсель Монкриф, странствующий эрудит и корреспондент журнала «Галактический часовой» в бессрочной командировке».

Освиг смерил шарлатана недружелюбным взглядом, тогда как капитан Малуф насмешливо поднял брови.

Монкриф украсил выдумку дополнительными деталями: «Никаких определенных планов в отношении вашей планеты у меня нет, но я хотел бы, как обычно, собрать материал, достаточный для опубликования краткого обзора этого мира и его культуры. В справочниках, которыми я пользуюсь, упоминаются несколько удаленных селений, где еще сохранились древние обычаи. Если у меня останется свободное время, я хотел бы посетить пару таких селений, чтобы оценить поделки местных ремесленников и, возможно, сделать звукозапись одного или двух церемониальных гимнов».

Освиг презрительно фыркнул: «Справочники ввели вас в заблуждение. Рыцари Звездной Обители — кочевники. Никаких селений у нас нет, а самая впечатляющая музыка на нашей планете — многоэтажные ругательства ковроплетов, заметивших, что у них кончается шмир».

«Что такое «шмир»?»

«Связующий состав, служащий основной для ковров, — неохотно пояснил Освиг. — Он незаменим».

«Любопытно! Значит, в этих баллонах содержится шмир?»

«Конечно, нет! В баллонах кейзик — катализатор, необходимый для приготовления шмира».

Монкриф с улыбкой покачал головой: «Не подлежит сомнению, что вы умеете искусно жонглировать словами, но нарисованная вами картина слишком расплывчата. Привлекая внимание красочностью, она в то же время разочаровывает отсутствием деталей».

Освиг нахмурился: «Должен признаться, я в замешательстве. Не могли бы вы пояснить свои замечания?»

Немного помолчав, Монкриф ответил: «По сути дела, я хотел бы знать, как используется кейзик».

Начальник космопорта раздраженно повел плечами, но в конце концов решил удовлетворить любопытство репортера-самозванца хотя бы для того, чтобы продемонстрировать всю глубину невежества собеседника: «Как я уже упомянул, кейзик — один из ингредиентов шмира. Его перевозят в баллонах, потому что это вязкая темно-коричневая жидкость с неприятным запахом. На каждые полтораста литров шмира расходуется четверть литра кейзика».

«И кто приготовляет шмир? Особая каста посвященных, надо полагать?»

«Ничего подобного! Рыцари — однородная раса. У нас нет никаких каст — кроме, пожалуй, разбойников-лалланкаров».

«Так кто же приготовляет шмир?»

«Кто угодно! Моя дочь, Треблинка, прекрасно умеет готовить шмир».

«И как он приготовляется?»

«По стандартному рецепту. В чан вместимостью полтораста литров заливают семьдесят пять литров камеди, выжатой из зеленой травы, после чего в камедь добавляют тридцать восемь литров измельченной массы морских желудей, четыре с половиной килограмма воска, добытого из мочевых пузырей меренгов — он придает составу требуемую маслянистость — одиннадцать с половиной литров сгущенного отвара красных морских водорослей, кувшин эмалькового экстракта, почти четыре литра печного масла — в качестве добавочного растворителя — и четверть литра кейзика. Содержимое чана кипятят два часа

на медленном огне, процеживают через сетчатый фильтр и отстаивают. Через неделю шмир готов».

«Чрезвычайно любопытно! — Монкриф взглянул на «Гликку», из трюма которой все еще выгружали баллоны. — Такое количество кейзика позволит вам практически утонуть в шмире! Как вы умудряетесь тратить столько катализатора?»

«Ничего удивительного в этом нет! — резко обронил Освиг. — Тридцати двух баллонов едва хватит. Любой ковроплет больше всего тревожится о том, как бы не опустел его горшок со шмиром».

«Но кому нужны ковры в таких количествах? — развел руками Монкриф. — По-моему, ваши ковроплеты просто одержимы своим ремеслом. Очевидный избыток их энергии можно было бы использовать гораздо эффективнее».

«Неужели? Что бы вы могли им предложить?»

Монкриф задумался, постукивая указательным пальцем по подбородку: «Ну, прежде всего, они могли бы построить пару настоящих городов, центров цивилизации с гостиницами для туристов, кафе и аркадами, где можно было бы демонстрировать и выгодно рекламировать лучшие ковры. Такова была бы прогрессивная социально-экономическая программа».

Освиг довольно долго молчал, неподвижно глядя в лицо шарлатану: «Совершенно очевидно, что вы пропитаны глубокими познаниями до мозга костей и в прошлом занимали почетную должность председателя комиссии профессоров кислых щей. Кроме того, за всю свою жизнь вы успели прочесть несколько книг. Тем не менее, каждый раз, когда вы рассуждаете о Звездной Обители, вы попадаете пальцем в небо, а ваши гипотезы и предложения годятся только меренгу под хвост».

Монкриф моргнул, но сохранил сценическое хладнокровие: «Внимательно учту ваши замечания. Вполне возможно, что они позволят мне лучше разобраться в нелепых обычаях местных жителей».

«Изучая местные обычаи, — отозвался Освиг, — не забывайте, что мы, рыцари Звездной Обители — кочевники. Мы блуждаем по степи куда глаза глядят, днем и ночью, под жгучими лучами солнца и в бледном зареве луны. На каждом шагу вумпа нашим взорам открываются новые горизонты; травы волнуются на ветру — по степи, как по глади морской, пробегает блестящая рябь. Порой на крыши тримбелей обрушивается ливень — но вумпам все равно, они бредут себе, переставляя шесть ног одну за другой. Внутри, в уютных бамбуковых светлицах, висят натянутые на рамы незаконченные ковры. Мирная, спокойная жизнь идет своим чередом — постольку, поскольку своевременно производится поставка кейзика. Но если лалланкары перехватывают очередную партию кейзика, горшки со шмиром пустеют, и ковроплеты начинают нервничать».

«Кто такие эти «лалланкары», и почему их терпят?»

Освиг сплюнул на траву: «О них не любят упоминать. Тем не менее, их невозможно игнорировать. Иногда отпрыск чрезмерно любвеобильных родителей становится юнцом, убежденным в том, что свет сошелся клином на его несравненной персоне. Он бредит наяву и вечно отлынивает, он ищет любой возможности побаловаться с девочками, не прилагая ни малейших усилий для того, чтобы следовать по рыцарскому пути. Никто не вмешивается, однако. Мы — рыцари, каждый из нас — хозяин своей судьбы! У такого самовлюбленного юнца нет настоящих друзей, но он проводит время в компании таких же отщепенцев, как он. Они мнят себя галантными сорвиголовами, унаследовавшими право срывать сладчайшие

плоды древа жизни! Их излюбленное развлечение — перехватить партию кейзика; согласно предписаниям «рыцарского пути», добыча становится их имуществом. Каждый лалланкар объявляет себя владельцем баллона с кейзиком — а больше ему и не понадобится до скончания века.

Лалланкары собираются где-нибудь в общеизвестном месте — например, в Сточном лагере — и обменивают кейзик на товары и услуги. То, что остается после обмена, распределяется практически по жребию, причем даже такая случайная раздача кому попало лучше, чем никакая. Обеспечив себя таким образом, лалланкар занимается исключительно своими делами. Он украшает тримбель алыми атласными подушками и обмывает вумпа цветочной водой. Он набивает кладовую деликатесами, флягами ежевичного вина и редкостными сластями, приготовленными пищевым синтезатором. Он опоясывается голубым кушаком и отправляется на поиски отборных хорошеньких девушек, каковых он приглашает к себе в тримбель. Он усаживает девушку на подушку и наливает душистое зеленое вино в изящный стаканчик из резного бамбука. Через некоторое время он устраивает ей пиршество из диковинных яств, и так проходит вечер. Перед заходом солнца он демонстрирует ей кувшин с кейзиком и спрашивает, не может ли он принести ей в дар этот кувшин в знак своего пылкого расположения. Девушка принимает дар, радостно и благодарно. Тем временем вумп бредет по степи под меркнущим небом.

Вот таким образом. А в других местах ковроплеты выскребают из горшков последние остатки шмира. По всей степи, у каждого пресноводного пруда, на каждой прибрежной отмели, на каждом холме, где вумпы пасутся вокруг кочевого лагеря, ковроплеты поют одну и ту же песню — песню, полную скорби».

Немного помолчав, Монкриф спросил: «Разве нельзя как-нибудь изменить существующую систему, чтобы регулярно снабжать кейзиком несчастных, чьи горшки опустели?»

Освиг не проявил сочувствия: «Тридцать два баллона кейзика позволяют приготовить требуемое количество шмира, не больше и не меньше. Такова основа упорядоченного распределения кейзика».

«Ага! — воскликнул шарлатан; глаза его загорелись энтузиазмом. — Я нашел решение упомянутой вами проблемы!»

Освиг терпеливо вздохнул: «Очень хорошо! Будьте добры, разъясните сущность своей блестящей идеи».

«С удовольствием! Достаточно поставлять в Какс в два раза больше ковров, чем сейчас, а из Какса будут поставлять в два раза больше кейзика. Кейзик нужно разгружать в месте, надежно защищенном от лалланкаров — таково важнейшее условие. После этого кейзик будет распределяться с благородной щедростью, и песни ковроплетов повеселеют».

Монкриф отступил на шаг, с улыбкой ожидая аплодисментов.

«Поразительное предложение! — признал начальник космопорта. — Особенно с учетом его подразумеваемых предпосылок».

«Даже так? — улыбка сползла с лица Монкрифа, он приподнял бровь. — Почему вы так думаете?»

«Ваш план подразумевает, что рыцари степей — одичавшие болваны, — ответил Освиг. — И только совет инопланетного благодетеля может спасти их цивилизацию от неминуемой гибели».

«Хм! — Монкриф прокашлялся. — Должен признаться, от меня ускользает смысл

ваших замечаний».

Освиг невозмутимо продолжал: «Ваши рекомендации неприменимы по нескольким причинам. Прежде всего, избыток посредственных ковров приведет к насыщению рынка и падению цен. Во-вторых, в связи с удвоением поставок кейзика потребуется удвоить объем других ингредиентов шмира, сбор которых связан с большими затратами труда и времени. В третьих, даже теперь многие призывают ограничить импорт кейзика десятью баллонами. В четвертых… но я уже, наверное, привел достаточные доводы. Короче говоря, ваша идея неосуществима».

Монкриф отвесил чопорный поклон: «В дальнейших разъяснениях нет необходимости. А теперь прошу меня извинить: неотложные дела требуют моего внимания». Развернувшись, шарлатан решительно направился к трапу «Гликки»; к тому времени разгрузка трюма уже закончилась.

Начальник космопорта повернулся к Малуфу: «Не могу ли я поинтересоваться, каков ваш следующий пункт назначения?»

«Мы везем товары в Какс».

«В таком случае — если вас это интересует — я мог бы предложить дополнительную партию груза для «Мономарха» в Каксе».

«Разумеется, это меня интересует».

«Мы хотели бы отправить четырнадцать ковров. Они закатаны в рулоны примерно двухметровой длины. В данный момент они находятся на складе в Торквальских Низинах. Я мог бы организовать их доставку в космопорт фургоном, но это заняло бы примерно две недели. Существует гораздо лучший способ.

Докерль прибудет сюда через три-четыре дня. Его сопровождает мой помощник, Зитцельман. Как только Докерль увезет баллоны с кейзиком, вы могли бы перелететь на «Гликке» в Торквальские Низины, где можно будет быстро перегрузить ковры в трюм. Стоимость перевозки будет оплачена предварительно по стандартным расценкам — в размере ста семидесяти пяти сольдо».

Малуф задумался: «Любопытно было бы знать, сколько вам платят за каждый ковер?»

Освиг с подозрением покосился на капитана, но ответил без колебаний: «Изготовляются ковры нескольких различных категорий. За ковер экспортного качества дают порядка трехсот сольдо. Время от времени мы нуждаемся в дополнительном специализированном оборудовании — например, в новом пищевом синтезаторе. В таких случаях мы поставляем дополнительный ковер, покрывающий стоимость такого заказа».

«И вы продаете ковры только «Мономарху»?»

«Таков порядок вещей, установившийся с незапамятных времен».

3

Вернувшись в салон «Гликки», капитан Малуф сообщил команде об изменении расписания: «Мы задержимся в Палактусе на несколько дней, пока начальник космопорта Освиг не передаст баллоны местному перевозчику. После этого мы перелетим в Торквальские Низины, чтобы загрузить ковры, отправляемые в Какс. Считайте, что у вас трехдневный отпуск!»

Монкриф шлепнул ладонью по столу и поднялся на ноги: «Очень своевременная задержка! Но у труппы Проныры Монкрифа никакого отпуска не будет! Я подготовил несколько новых номеров и надеюсь предложить их вниманию публики в Каксе. Они отличаются от нашей обычной программы, и нам следует тщательно подготовиться, так как

в Каксе, насколько мне известно, преобладают своеобразные вкусы».

Шарлатан указал на пачку бумаг, лежавшую на столе: «Вот мои заметки. Предлагаю просмотреть их сейчас же. Возможно, мы еще успеем провести сегодня первую репетицию. Соберемся где-нибудь в сторонке — например, вокруг дивана в углу салона».

Монкриф направился к дивану. Пританцовывая на ходу, Фрук, Плук и Снук последовали за ним. Амазонки-клуты продолжали молчаливо сидеть, сардонически наблюдая за происходящим. Обменявшись несколькими ворчливыми фразами, однако, они тоже встали и присоединились к танцовщицам. Три девушки, как всегда неотразимые и скромные, опустились на софу; клуты презрительно прислонились к стене.

Монкриф разложил бумаги на столике перед диваном: «Вас может порадовать то обстоятельство, что в Каксе мы будем выступать в «Треванионе» — исключительно просторном и вместительном театре.

«Треванион» популярен не только среди обывателей-бленков, но и в кругах местной элиты. Люди приходят туда расслабиться и развлечься, публика часто шумит. Если представление ей нравится, исполнителей вознаграждают; если зрители скучают или раздражены, исполнителям немедленно дают об этом знать — и даже в этом случае актеры должны вести себя любезно! В «Треванионе» всем нам предстоит приобрести любопытный опыт. Так что возьмемся за работу.

Новые номера мало напоминают наш обычный репертуар, они задуманы с учетом предпочтений бленков. Первый номер — тропическая феерия. Девушки выступают в костюмах из зеленых перьев и в птичьих масках. Они сидят на ветках, сначала едва заметные на фоне буйной растительности, и напевают переливчатые мелодии, напоминающие птичью перекличку в лесу. Внезапно они изображают жестами ужас и замолкают. Из-за кулис доносится низкий рокочущий рев — скорее сотрясение воздуха, нежели звук. Девушки-птицы пытаются спрятаться поглубже в кронах деревьев. Рокот становится все громче и тяжелее: на сцене появляются раболовы: тяжеловесные существа в чугунных доспехах воинов-бугасков. Они обнаруживают девушек-птиц и расставляют свои ловушки. Но девушек так просто не обманешь — применяя всевозможные акробатические трюки, они ускользают из рук жадных охотников за рабами. В конечном счете раболовы сами попадаются в ловушки и повисают вниз головой под ветвями. Девушки-птицы в зеленых перьях исполняют злорадный кувыркающийся танец. Тем временем на сцене сгущаются сиреневые сумерки — и так заканчивается первый номер».

«Все это слишком сложно, — пробормотала Хунцель. — Кроме того, мне не нравится висеть вниз головой».

«Зрителям это понравится! — весело заверил ее Монкриф. — Во втором акте я намерен использовать традиционную постановку Загазига — по возможности, слегка модифицированную. Может быть, нам удастся вовлечь в нее нескольких смельчаков из зала. Гм. Вряд ли. Бленки известны осмотрительностью.

Так или иначе, в третьем акте я собираюсь попробовать поистине новаторский сценарий — простой, но призванный позабавить бленков, всегда готовых порезвиться». Шарлатан усмехнулся: «Они долго не забудут труппу Проныры Монкрифа!» Он поднял со столика пачку заметок: «Но теперь, сию минуту — птицы и охота на рабов в джунглях!»

Шарлатан стал раздавать аннотации к первому акту. Фрук, Плук и Снук взяли их, но клуты отмахнулись от бумаг и сложили руки на груди. «Можешь подтереться своими заметками!» — буркнула Хунцель.

Сиглаф обошлась без грубостей, но ее реакция была не менее однозначной: «Номера и представления не имеют значения. Мы здесь для того, чтобы получить наши деньги, больше ни для чего».

«Никаких уловок! Усмешки и подмигивания не помогут! — прибавила Хунцель. — Платите сполна, и дело с концом!»

Монкриф вздохнул: «В данный момент финансовое положение нашей труппы нельзя назвать устойчивым. Тем не менее, причины для предъявления ваших требований более или менее очевидны. Вы можете предъявить мне постатейный счет?»

«Счет не потребуется, — заявила Хунцель. — Рассчитать итоговую сумму можно следующим образом: мне и Сиглаф причитаются по шесть сольдо в день. За каждую из девушек — по четыре сольдо в день. В общей сложности оклад труппы составляет двадцать четыре сольдо в день или сто двадцать сольдо за пятидневную рабочую неделю. Мы прослужили вам три года. Таким образом, в итоге вы должны нам примерно восемнадцать тысяч сольдо».

Монкриф поднял брови — он был просто потрясен — и начал было что-то говорить, но Хунцель продолжала: «Если вычесть из этой суммы те деньги, которые вы нам уже выдали, и не учитывать время, проведенное в полетах, а также прочие мелкие расходы на содержание труппы, в итоге вы задолжали нам пятнадцать тысяч сольдо. Мы имеем право получить эти деньги и требуем немедленного расчета».

Монкриф вздохнул еще глубже: «Потрясающе! Вы просто высосали из пальца некую фантастическую цифру и голословно утверждаете, что она имеет какое-то отношение к действительности. Вынужден заявить, что это не так — я не согласен с вашими расчетами целиком и полностью! Если вы хотите, чтобы я серьезно рассмотрел ваш запрос, вам придется выставить мне точный подробный счет. Дальнейшие переговоры мы сможем вести только на основе такого счета».

«Никаких дальнейших переговоров не будет! — взорвалась Сиглаф. — Где наши деньги? Вы собираетесь платить или нет?»

«Вы предъявляете непомерные требования! Подготовьте аккуратный счет, и я, как минимум, внимательно его рассмотрю. Как я уже упомянул, в настоящее время труппа располагает очень скудными финансовыми средствами».

«Мы не хотим ничего слышать о ваших затруднениях! Мы хотим слышать шелест хрустящих банкнот и звон полновесных монет!»

Монкриф попытался сделать хорошую мину при плохой игре: «Давайте взглянем на дело с разумной точки зрения. Нельзя допустить, чтобы незначительное расхождение во мнениях нарушило все наши планы. Я рассчитываю на большой успех в Каксе, а для того, чтобы разделить этот успех, вам нужно приготовиться».

Сиглаф издала последовательность каркающих звуков, которую при желании можно было бы принять за смех: «Не будет никакого «успеха», и никакой труппы у вас нет! Если нам не заплатят, все мы покинем это судно, как только приземлимся в Каксе».

«Ну зачем же так говорить! — с укором обратился к ней Монкриф. — Если вы покинете звездолет, не получив деньги, вам придется просить милостыню на улице».

«О нас можете не беспокоиться! — сверкнув зубами, огрызнулась Хунцель. — Мы с девушками живо устроим прибыльное предприятие. Деньги потекут рекой».

Монкриф внезапно понял, на что намекали амазонки — у него отвисла челюсть. Шарлатан приглушенно выдавил: «Вы шутите! Это немыслимо, неприемлемо!»

«Приемлемо и мыслимо! — возразила Сиглаф. — Если нам не заплатят, нам придется пользоваться теми активами, какие останутся в нашем распоряжении. А вам придется смириться с неизбежностью».

Монкриф снова повысил голос: «Не позволю! Девушки останутся на борту «Гликки»!»

Сиглаф снова рассмеялась каркающим смехом: «Старый дурак! Если ты не заплатишь, в Каксе ты запоешь по-другому!»

«В Каксе девушки сойдут по трапу вместе с нами, — прибавила Хунцель. — Им ничего больше не остается — они обязаны слушаться, пока кто-нибудь их не выкупит. Таков кабальный договор, и закон на нашей стороне».

Монкриф изобразил самую обаятельную улыбку: «Разговоры такого рода никак не способствуют достижению соглашения». Оглянувшись, он сказал: «Вот идет капитан Малуф. Может быть, он поможет решению нашей проблемы».

«Капитан тут ни при чем! — прорычала Сиглаф. — Это не его дело».

«Все, что происходит на борту «Гликки» — его дело», — возразил Монкриф и жестом подозвал капитана. Тот подошел ближе.

Переводя взгляд с одного лица на другое, Малуф заметил: «Все вы чем-то расстроены. Возникли какие-то трудности?»

«Да, — признал Монкриф. — Мы в тупике. Ваш беспристрастный совет может оказаться полезным».

«Мой совет может не понравиться никому из вас. Тем не менее, если хотите, я готов рискнуть и выразить свое мнение».

Монкриф вкратце разъяснил сущность конфликта, стараясь сохранять по меньшей мере видимость объективности. Сиглаф и Хунцель вставили несколько более или менее язвительных замечаний, после чего три девушки тоже высказали свое отношение к происходящему.

Капитан присел на край софы и взглянул на столик: «Что это за бумаги?»

«Это мои заметки — сценарий нашей следующей программы», — объяснил Монкриф.

Малуф посмотрел вокруг: «Может ли кто-нибудь из вас предъявить документы, обосновывающие ваши претензии?»

«Нам не нужны никакие документы, — прорычала Хунцель. — Наши требования основаны на простом арифметическом расчете».

Малуф взглянул на Монкрифа: «А вы? Что вы можете предъявить?»

«Только некоторые расписки и квитанции — может быть, пару учетных ведомостей с указанием прибылей и расходов, связанных с представлениями, перечень инвентаря и несколько сценариев будущих программ. Впрочем, эти документы могут пролить свет на достойное сожаления финансовое положение труппы».

«Никто вас не просил проливать свет! — рявкнула Сиглаф. — Не наводите тень на плетень и заплатите все, что нам причитается!»

Капитан поднялся на ноги: «Могу дать только один совет: каждая сторона должна собрать всю имеющуюся у нее документацию — памятные записки, договоры, заметки о путевых расходах и все остальное, что может иметь отношение к делу — и тщательно подготовить как можно более подробный перечень предъявляемых требований. После этого мы сможем вернуться к переговорам — в любое удобное для вас время».

Сиглаф и Хунцель разочарованно поморщились и удалились к себе в каюту.

«Я — профессиональный антрепренер, известный изобретательностью и сценическими

успехами. Я устраивал бесчисленные балаганные представления на фестивалях и ярмарках, не говоря уже о многом другом, но никогда не считал гроши и не вел бухгалтерские книги», — уныло развел руками Монкриф.

«Вам следует внимательно просмотреть все свои записи, — порекомендовал Малуф. — Одна цифра сто́ит десятка допущений и предположений».

Дальнейшим переговорам при посредничестве капитана воспрепятствовало неожиданное происшествие. Ночью неизвестные лица тихо и незаметно, как призраки, вынырнули из степных просторов. Собравшись у дальнего склада, они со знанием дела, быстро и бесшумно взломали дверь, вынесли тридцать два баллона с кейзиком и скрылись в высокой траве.

4

Проснувшись рано утром, Винго пошел прогуляться, захватив с собой камеру в надежде застать врасплох меренга, привлеченного любопытными запахами. Проходя мимо дальнего склада, стюард заметил признаки взлома, а также множество следов в смятой траве и удалявшуюся на северо-восток колею, оставленную колесами фургона.

Винго отчитался о своих наблюдениях перед Малуфом, и капитан поручил Мирону известить о происшедшем начальника космопорта.

Когда Мирон явился в управление Освига, тот поглощал завтрак — горячую кашу — запивая ее сладким чаем. Ситуация не требовала проявлять особый такт, и Мирон обошелся без вступлений: «Плохие новости! Кейзик стащили».

Освиг безразлично уставился на Мирона и неспешно поглотил остатки каши, после чего повернулся к радиофону.

Находясь рядом, Мирон слышал, как Докерль весело отозвался на вызов: «Слушаю!»

Голос Освига почти срывался от раздражения: «Вопреки моим указаниям, вы не поторопились и все еще не выехали в Палактус».

Докерль стал поспешно оправдываться: «Мы готовились в отъезду, но нам пришлось иметь дело с чрезвычайными обстоятельствами! Теперь все препятствия преодолены, и мы можем выехать с минуты на минуту!»

«Не трудитесь! — сухо сказал Освиг. — Лалланкары вас опередили. Кейзик пропал. Если вы не возражаете, позвольте мне критически отозваться о вашей безответственной склонности к бесконечным проволочкам — надеюсь, вы сами понимаете, что ваше поведение никоим образом не согласуется с заветами рыцарского пути!»

Когда Докерль дождался, наконец, возможности вставить замечание, он воскликнул: «Вместо того, чтобы обвинять меня в чем-то — то есть ни в чем, потому что я ничего не сделал — вы могли бы похвалить меня за предусмотрительность, так как я предотвратил бесполезную сумасшедшую гонку по степи! Тем самым я не только сэкономил время и деньги, но и позволил вам не оказаться в исключительно неудобном положении — но никакой благодарности от вас ожидать не приходится!»

Когда Мирон вернулся в салон «Гликки», капитан Малуф совещался с Винго и Шватцендейлом. Присоединившись к ним, Мирон с интересом прислушался к обсуждению.

«Никакого особенного риска нет, — говорил капитан, — а преимущества очевидны. Как вы думаете?»

«Нет возражений! — отозвался Шватцендейл. — Вполне осуществимый план».

«Я тоже так думаю», — поддержал его Винго.

«Тогда приготовьтесь — и за дело!»

Шватцендейл, Винго и Мирон спустили судовой автолет на утрамбованную траву. Забравшись в машину, они взлетели. Повсюду, до самого горизонта и за горизонт, простиралась бесконечная степь, ровная и одинаковая — если не считать неспешных волн, пробегавших по траве под порывами ветра.

Колея фургона лалланкаров вела на северо-восток. Автолет следовал над этой колеей на высоте примерно трехсот метров, и уже через полчаса впереди показался медленно бредущий караван из пяти вумпов — у каждого на широкой спине ютился небольшой коттедж с двумя верандами, спереди и сзади. Искусно изготовленные из бамбука крутые выпуклые крыши тримбелей были украшены прихотливо загнутыми вверх карнизами. На верандах никого не было — судя по всему, лалланкары отдыхали внутри, утомившись от ночных трудов праведных и последовавшей за ними пьянки.

Последний вумп каравана тянул за собой, на длинном веревочном канате, фургон, нагруженный баллонами с кейзиком.

Посоветовавшись на борту автолета, Шватцендейл, Винго и Мирон согласовали простую и прямолинейную стратегию.

Шватцендейл опустил машину так, чтобы она летела над самой травой, и приблизился к каравану сзади, почти уткнувшись носом в корму фургона. Мирон спрыгнул на смятую фургоном и вумпами траву, быстро обогнал фургон и перерезал канат острым ножом. Фургон остановился; конец каната упал на траву — громадное животное продолжало равнодушно тащить его за собой.

Мирон поспешил вернуться к автолету, пока какой-нибудь прыткий меренг не выскочил из травы и не схватил его за ногу.

Караван вумпов продолжал брести на северо-восток: лалланкары не заметили потерю своей добычи.

Шватцендейл связался с «Гликкой» и сообщил капитану о положении дел: «Судя по всему, лалланкары спят без задних ног! Их вумпы уже уходят за горизонт, вокруг все тихо и спокойно. Надо полагать, они не на шутку разозлятся, когда протрут глаза».

Уже через пятнадцать минут «Гликка» спустилась из неба и приземлилась у фургона.

Грузовой люк распахнулся, и баллоны переместили в трюм. «Гликка» воспарила над степью, вернулась в направлении Палактуса и опустилась на траву в полутора километрах от космического порта.

«Я не стал возвращаться в порт, — сообщил команде капитан Малуф, — потому что Освиг — человек с трудным характером и, кроме того, прирожденный рыцарь степей. Учитывая эти обстоятельства, я предпочел бы встретиться с ним здесь, а не у него в управлении».

Шватцендейл сомневался: «Ваши побуждения понятны — но придет ли Освиг к звездолету, если звездолет не идет к нему?»

«Посмотрим. В любом случае, теперь ты можешь заглянуть в портовое управление и пригласить Освига навестить нас на борту «Гликки»».

Как и ожидалось, Освиг упирался, но в конечном счете Шватцендейл уговорил его забраться в автолет и прилететь туда, где приземлилась «Гликка».

Малуф встретил Освига у трапа и провел его в салон. Они присели за небольшим круглым столиком в углу. Винго подал им чай и пирожные, но начальник космопорта игнорировал угощение.

«Зачем вы меня сюда привезли? Здесь ничего нет, кроме высокой травы! — возмущался

Освиг. — Я привык заниматься делами у себя в управлении».

«Вот именно, — согласился Малуф. — Поэтому я и подумал, что будет лучше, если мы поговорим здесь».

«Как бы то ни было! Все это несущественно. Будьте добры объяснить назначение этого совещания».

«Прежде всего примите мои соболезнования по поводу пропажи баллонов».

Освиг пожал плечами: «Не беспокойтесь по этому поводу. Мы, рыцари Звездной Обители, невозмутимо выдерживаем удары судьбы. Что бы ни случилось, я продолжаю следовать по рыцарскому пути».

«Вас нисколько не огорчает кража баллонов?»

Освиг нахмурился: «Вы употребляете какие-то странные выражения. Само собой, я предпочел бы, чтобы кейзик распределялся уполномоченным должностным лицом — то есть мной. Тем не менее, как обычно, лалланкары умыкнули не принадлежащее им имущество. Теперь их вумпы бредут по степи к Девственному Роднику или в какое-нибудь другое популярное место отдыха. Там они обменяют кейзик и устроят оргию сибаритских безумств».

«К счастью, — отозвался Малуф, — я могу известить вас о том, что лалланкаров ожидают позор, гнев и разочарование, так как моя команда последовала за их караваном и отрезала канат, тянувший фургон с баллонами. Все баллоны — в трюме моего звездолета».

Некоторое время Освиг сидел молча, размышляя о сложившейся непредвиденной ситуации. Затем он проговорил, с трудом заставляя себя не нарушать правила вежливости: «И что вы теперь предлагаете? Надеюсь, кейзик будет передан тем, кому он принадлежит по праву?»

«Вполне возможно, — сказал Малуф. — В данный момент мы сами являемся законными хранителями этого груза, так как мы конфисковали его у безответственных грабителей. Тем не менее, на определенных условиях кейзик может быть снова передан вам».

«На каких условиях?» — ледяным тоном спросил начальник космопорта.

«Не буду играть с вами в прятки, — Малуф посмотрел Освигу в глаза. — Вы упомянули о том, что на складах Торквальских Низин пылятся сотни или даже тысячи готовых ковров».

«Кажется, я что-то такое говорил», — неохотно промямлил Освиг.

«Когда-нибудь эти ковры заплесневеют и сгниют. Какая это была бы потеря! Неужели вы хотите, чтобы сверкающие всеми цветами радуги шедевры исчезли навсегда, не послужив никакой полезной цели?»

«Хорошо вас понимаю — это была бы невосполнимая, трагическая утрата».

Малуф кивнул: «Пятьдесят или шестьдесят таких ковров могли бы послужить полезной цели, и никто никогда не заметил бы недостачи».

«Теоретически такая возможность существует, — осторожно сказал начальник космопорта, — если будут соблюдены некоторые… как бы это выразиться… приличия».

«Разумеется, само собой! — воскликнул капитан Малуф. — Мы прилетим в Торквальские Низины в любом случае, чтобы загрузить ковры, предназначенные для «Мономарха». Ковры можно будет переместить в трюм быстро и не привлекая особого внимания — особенно если мы будем производить загрузку сами, без лишних свидетелей».

«А кейзик?»

«Баллоны будут переданы вам на хранение в любом указанном вами месте».

«Ваши условия удовлетворительны», — уступил Освиг.

~

Глава 8

За час до захода солнца «Гликка» покинула Звездную Обитель с шестьюдесятью двумя коврами, свернутыми в рулоны и размещенными в кормовом грузовом отсеке. Четырнадцать ковров подлежали доставке «Мономарху» в Каксе; сорок восемь ковров начальник космопорта Освиг передал капитану Малуфу в обмен на тридцать два баллона с кейзиком. Два ковра приберег для себя, по соглашению с капитаном, Мирон Тэйни; остальные сорок шесть могли быть проданы капитаном Малуфом по его усмотрению в любое время, когда такая продажа могла оказаться выгодной и целесообразной.

Утром второго дня полета капитан Малуф и труппа Проныры Монкрифа возобновили обсуждение, прерванное кражей в Палактусе.

Все они собрались вокруг того же круглого столика перед диваном в углу салона. Капитан Малуф прибыл первым, за ним последовали Монкриф и три девушки-танцовщицы; в последнюю очередь пришли угрюмые амазонки-клуты. Малуф сидел на софе за столом, клуты — на стульях напротив него, Монкриф — справа от капитана, три девушки — слева.

Разглядывая присутствующих, Малуф не заметил признаков смягчения враждебности сторон, преобладавшей во время их предыдущей беседы. Клуты о чем-то вполголоса переговаривались, время от времени бросая гневные взгляды на Монкрифа. Монкриф сидел с терпеливо-усталым выражением на лице, скромно скрестив на столе пальцы обеих рук.

Стараясь внушить окружающим уверенность в возможности положительного решения вопроса, Малуф произнес: «Сегодня мы продолжим совещание, начавшееся несколько дней тому назад, и я надеюсь, что мы сможем согласовать условия, приемлемые — или, по меньшей мере, допустимые — с точки зрения всех заинтересованных лиц. Я выполняю роль беспристрастного арбитра. Я не правовед, но, будучи офицером МСБР, практически познакомился с применением многих законов Ойкумены — и все еще не забыл приобретенный опыт. В прошлый раз я попросил вас просмотреть бумаги и принести на переговоры все найденные вами материалы, относящиеся к делу. Надеюсь, что это было сделано».

Сиглаф проворчала: «Мы не нашли никаких бумаг вроде тех, о которых вы упомянули, но ни в каких документах нет необходимости, потому что обоснованность наших требований может быть доказана простым арифметическим расчетом».

Малуф повернулся к шарлатану: «А вы, господин Монкриф? Вы можете продемонстрировать какие-либо документальные доказательства?»

Монкриф ответил с почти извиняющейся улыбкой: «Я просмотрел архивы и нашел множество счетов, расписок, квитанций и памятных заметок, главным образом несущественного содержания. Тем не менее, мне удалось обнаружить несколько документов, которые могут заинтересовать присутствующих». Шарлатан достал из-за пазухи небольшую коричневую папку и положил ее на стол.

Малуф снова повернулся к клутам: «Какова, в точности, сущность ваших претензий?»

«Что может быть проще? — воскликнула Хунцель. — Монкриф задолжал нам деньги. Теперь он больше не может оправдываться и уклоняться. Ему придется платить».

Склонив голову набок, Сиглаф растянула губы в усмешке, напоминавшей звериный оскал: «Он заявит, конечно — и со слезами на глазах! — что он разорился, что у него не осталось ни гроша. Не верьте слезам, не верьте оправданиям — среди его личных вещей

полно драгоценностей».

Монкриф горестно рассмеялся: «Если бы только это было так! Каждый из нас нашел бы свою Лурулу и возблагодарил судьбу в радостном экстазе! Мне больше никогда не пришлось бы шарлатанить».

«Не притворяйтесь! — проворчала Хунцель. — Ваши шутки не смешны, они вызывают только отвращение. Вместо того, чтобы тратить время на глупости, платите — и дело с концом!»

«Я и не подозревал, что должен вам какие-то деньги».

Обе амазонки выпучили глаза от удивления, после чего разразились издевательским смехом. «Еще одна шутка заправского шарлатана? — спросила Хунцель. — Неважно! Мы можем доказать свою правоту. А Монкрифу никакие уловки не помогут».

«Будьте добры подробно изложить свою позицию», — сказал капитан Малуф.

2

«Мы впервые встретились с Монкрифом в Фриппене, под Мутными холмами на Нумое, — начала Хунцель. — Мы спустились с холмов, чтобы отчитаться в управлении «Фермы подкидышей» в долине Задельщиков, откуда мы взяли девушек под опеку за два года до этого.

Монкриф заинтересовался нами по той же причине. Он долго говорил с нами, а потом еще дольше говорил с девушками. Он сказал, что возглавляет знаменитую балаганную труппу, и что в его труппе освободились вакансии, которые он хотел бы заполнить. Он спросил, не хотели бы мы присоединиться к его труппе; он красочно описывал захватывающие приключения и межзвездные полеты; он обещал, что мы сможем посетить самые чудесные места и познакомиться с сотнями самых странных народов — причем, уверял нас Монкриф, все это время мы продолжали бы зарабатывать деньги.

Монкриф заметил, что мы навострили уши, и предложил несколько вариантов заработка. Он распространялся о том и о сем, о различных преимуществах различных планов, пока не привел нас в полное замешательство. После этого он сделал письменную сводку вариантов. Мы выбрали план, который показался нам самым выгодным, и таким образом вошли в состав его балаганной труппы.

Поначалу мы совершали турне по провинциям Нумоя. Затем звездолет отвез нас в город Лалли-Комар на планете Спангард. После этого мы переезжали из одного места в другое, и все было примерно так, как обещал Монкриф — везде все было по-разному, одни места нам нравились, другие — не очень.

Но каждый раз, когда нам нужны были деньги, у Монкрифа начинался нервный припадок — он что-то бормотал, усмехался и переминался с ноги на ногу, после чего заявлял, что ему нужно проверить учетные записи. Иногда, поджав губы и зажмурив глаза, он засовывал руку в карман, вынимал несколько монет и отсчитывал их нам в руки, по одной. Таким образом все это продолжалось, пока Сиглаф не подсчитала наконец, сколько он нам должен.

Монкриф обязался платить мне и Сиглаф по шесть сольдо в день, а за каждую из девушек — по четыре сольдо в день, причем эти деньги тоже причитаются нам, так как девушки работают на нас и под нашим наблюдением согласно облигационному договору. Они никогда не пытались выплачивать свои задолженности, составляющие по четыреста сольдо с головы».

Сиглаф наклонилась вперед: «Монкриф — ловкий пройдоха. В Фриппене он пытался

водить нас за нос, обещая то одно, то другое, молочные реки с кисельными берегами! Но ему не удалось нас надуть, и теперь он не знает, что́ ему делать — все его уловки бесполезны, мы твердо решили получить свое. А если он не заплатит, в Каксе мы от него уйдем вместе с девушками».

Малуф приподнял ладонь: «Вы говорите слишком много и слишком быстро. Сколько, по вашим расчетам, вам задолжал Монкриф?»

«Эту сумму легко определить, — ответила Хунцель. — Мы работаем пять дней в неделю, а в ойкуменическом году пятьдесят недель. Сиглаф и мне причитаются по шесть сольдо в день, то есть по тридцать сольдо в неделю и по полторы тысячи в год. За три года каждая из нас заработала четыре с половиной тысячи сольдо, в общей сложности девять тысяч. За каждую из девушек нам причитается тысяча сольдо в год, то есть, за три года и за всех трех девушек — еще девять тысяч сольдо. Таким образом, на сегодняшний день Монкриф нам должен восемнадцать тысяч».

«Гм! — отозвался капитан Малуф. — Это большие деньги».

«Само собой, — согласилась Сиглаф. — Время от времени Монкриф выдавал нам несколько монет — то пять сольдо, то десять, и еще несколько грошей, когда у него случался редкий приступ щедрости. За все эти годы, движимый угрызениями совести, он раскошелился, наверное, на две сотни! Нас, с другой стороны, никак нельзя обвинить в скупости — чтобы никто не усомнился в нашей безграничной щедрости, мы требуем от Монкрифа всего лишь пятнадцать тысяч сольдо. Но эти деньги он обязан уплатить сполна — иначе в Каксе он останется без труппы, и ему придется одному плясать вприсядку в «Треванионе», одновременно аккомпанируя себе на губной гармошке!»

Монкриф изумленно качал головой: «Никогда бы не подумал, что у клутов такое богатое воображение! Все их заявления, конечно же — сплошные выдумки».

Малуф вздохнул: «Какова, в таком случае, ваша версия событий?»

«С удовольствием все объясню, — серьезно сказал Монкриф. — Да, я повстречался с клутами и с тремя девушками во Фриппене на Нумое. Они произвели на меня глубокое впечатление. В то время я занимался реорганизацией состава труппы и поисками нового персонала. Я сразу заметил, что мрачные клуты — с их свирепыми рожами и устрашающим телосложением — поразительно контрастировали с очаровательной невинностью и подростковой проказливостью трех веселых девушек. Такое противоречие внешности и характеров послужило бы на пользу любому балаганному представлению. Я предложил им устроиться на работу в мою труппу, и все они приняли мое предложение без колебаний.

Клуты хотели знать, сколько им будут платить. Я объяснил, что, присоединившись к труппе, они могут рассчитывать на долю прибылей после вычета расходов — или же, в другом варианте, получать почасовую плату за участие в представлениях и репетициях, а также за выполнение других функций, непосредственно связанных с деятельностью труппы — но я предупредил их, что в таком случае им придется самим оплачивать свои расходы.

На протяжении предыдущих трех месяцев моя труппа давала по два представления в день, разъезжая по провинциям Фьяметты. Клуты хорошо понимали, что в таких условиях они могли рассчитывать на весьма существенный заработок, и поэтому выбрали второй режим оплаты.

Для того, чтобы у них не было никаких сомнений в том, какой выбор они сделали, я подготовил документ, содержавший подробное и предельно ясное описание условий первого и второго вариантов трудоустройства. При этом я настоял на том, чтобы клуты подтвердили

сделанный ими выбор, подписавшись под сводкой условий соответствующего варианта. Клуты подписались, и только после этого сообщили мне, что три девушки будут работать на них до тех пор, пока не будут погашены их задолженности, то есть на условиях сервитута, и что поэтому подписи танцовщиц не потребуются. Мне пришлось согласиться с таким положением дел».

«И вы сохранили подписанный клутами документ?»

«Разумеется! Многолетний горький опыт научил меня хранить все важные документы и тщательно вести учетные записи».

Монкриф раскрыл коричневую папку, вынул из нее лист бумаги и передал его капитану. Прищурившись, клуты с подозрением наблюдали за происходящим.

Малуф просмотрел документ. Условия его второго параграфа были подтверждены двумя подписями, снабженными настолько причудливыми завитушками, что они почти не поддавались прочтению. Подняв глаза, капитан посмотрел на клутов: «Надо полагать, вы помните, что подписали эту бумагу?»

Амазонки переглянулись и пожали плечами. Сиглаф сказала: «Это было давно, с тех пор прошли три года. Старая бумага пожелтела, надписи на ней поблекли, их уже почти невозможно разобрать. Забудьте о бумажках — будем рассматривать вещи такими, какие они есть».

Малуф покачал головой: «Может быть, так делаются дела в Мутных холмах на Нумое, но в других местах, по всей Ойкумене, сделки заключаются по-другому».

«Неважно! — отозвалась Сиглаф. — Наши расчеты не подлежат сомнению».

«Названные вами цифры весьма привлекательны, — согласился Малуф. — Тем не менее, они не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме».

Клуты уставились на капитана с молчаливым негодованием.

Малуф взглянул на Монкрифа: «У вас есть еще какие-нибудь записи?»

Монкриф снова раскрыл папку и вынул из нее две записные книжки: «В черном блокноте я подробно регистрирую все доходы и расходы, связанные с представлениями и репетициями. В зеленом блокноте я учитываю все личные расходы, понесенные персоналом труппы.

Я вношу эти данные в мой переносной компьютер каждый раз, когда появляется такая возможность, что позволяет мне просматривать информацию о любых закупках и выплатах, произведенных за многие годы — по сути дела, компьютер содержит избыток информации, многие из этих данных могут мне вообще никогда не понадобиться. Таким образом, мне точно известно, сколько часов отработала каждая из клутов и девушек, и какая сумма им причитается.

Как я уже сказал, в зеленом блокноте указаны все расходы, связанные с операциями персонала труппы, в том числе расходы на пропитание, проживание и переезды клутов и трех девушек. Должен указать на тот факт, что, несмотря на условия заключенного ими договора, клуты не заплатили ни гроша с тем, чтобы покрыть эти весьма существенные затраты.

Почему я позволял им накапливать такую задолженность? Потому что я знал, сколько они зарабатывали в общей сложности, и видел, что суммы причитающихся им поступлений и понесенных ими расходов оставались примерно одинаковыми. Каждый раз, когда их заработок заметно превышал их расходы, я выплачивал им сумму, восстанавливавшую баланс. Мои учетные записи показывают, что за три года я выплатил им наличными больше

девятисот сольдо. На сегодняшний день может существовать небольшое расхождение между их заработком и расходами — в последнее время я еще не подводил баланс».

Капитан Малуф повернулся к клутам: «Вы слышали разъяснения Монкрифа. Желаете ли вы проверить его учетные записи?»

«К чему их проверять? — пробормотала Сиглаф. — Все равно мы ничего не разберем в его закорючках. Мы уверены в правильности наших расчетов — они отражают результаты трехлетнего труда».

«Монкриф должен выполнить свои обязательства, — прибавила Хунцель. — В противном случае мы покинем труппу в Каксе вместе с девушками. Нам больше ничего не остается».

Монкриф широко развел руки, призывая к умеренности: «Как я могу выдать вам деньги, которых у меня нет? Вы требуете невозможного!»

Сиглаф хрюкнула: «Мы спустились с Мутных холмов, но мы не последние идиоты. Мы знаем, что вы спрятали кучу драгоценностей. И требуем свою долю».

«Все предельно ясно, — сказала Хунцель. — Либо вы нам заплатите, либо мы — все пятеро — расстанемся с вами в Каксе».

Монкриф раздраженно прищелкнул языком: «Вы не можете забрать девушек! Они хотят остаться в труппе».

«Как бы то ни было — девушки уйдут вместе с нами».

«Бахвальство! Пустые угрозы! Какс — безжалостная столица бессердечного народа! Вам придется нищенствовать, вы будете бродить по улицам оборванные, голодные и холодные. Вы не вправе подвергать девушек такому обращению!»

«Вопреки всему, что вы о нас думаете, мы предусмотрительны! — парировала Сиглаф. — Мы организуем предприятие и заставим девушек работать. Их выдающиеся качества принесут нам популярность и немалую прибыль, наши расценки быстро вырастут. Девушкам давно пора познакомиться со всеми прелестями новизны, так или иначе».

Антрепренер с трудом находил слова: «Омерзительная идея! Я не позволю девушкам покинуть звездолет!»

Хунцель разразилась глумливым хохотом: «Это неизбежно, вы не сможете нам помешать! Заключен кабальный договор, девушки — наша собственность, они обязаны нам подчиняться. Таков закон. Попробуйте только нарушить закон, и с вами поступят по закону!»

Три девушки переглядывались, слушая то Монкрифа, то своих дуэний-клутов. Наконец Фрук спросила: «О чем вы говорите? Кажется, это непосредственно нас касается. Не могли бы вы объяснить, что происходит?»

Монкриф объяснил — размеренно и отчетливо: «По прибытии в Какс клуты собираются покинуть «Гликку» и взять вас с собой. Они станут приводить к вам мужчин, чтобы те смотрели на вас, и брать деньги с каждого мужчины, который захочет использовать любую из вас в постели, независимо от того, нравится он вам или нет».

Девушки ошеломленно повернулись к клутам: «Не может быть! Неужели вы на такое способны?»

«Таким образом можно быстро сделать деньги, — отозвалась Сиглаф. — В Каксе вам понадобятся деньги, а к работе вы скоро привыкнете. По меньшей мере вам не придется голодать и дрожать от холода под дождем».

«Я не хочу голодать и дрожать от холода, — сказала Фрук. — Но такая работа мне не по

душе».

«Предпочитаю оставаться на борту «Гликки» и работать в труппе Монкрифа», — прибавила Плук.

«Если Сиглаф и Хунцель намерены промышлять проституцией, это их дело, — заметила Снук, — но мы не желаем покидать звездолет».

«Ваши желания не имеют значения! — рявкнула Сиглаф. — Вы — крепостные должницы и должны делать то, что вам говорят. Таков закон, у вас нет выбора».

Девушки подавленно молчали.

Малуф поднялся на ноги: «Я выслушал заявления обеих сторон. Мое заключение таково: учетные записи Монкрифа являются убедительным доказательством. Советую клутам продолжать работу в труппе, как прежде, но при этом аккуратно вести приходно-расходные счета. Если они желают покинуть судно в Каксе, они могут это сделать, но ни один суд Ойкумены не позволил бы им использовать девушек в тех отвратительных целях, какие они считают позволительными и желательными».

Помолчав несколько секунд, капитан обратился к клутам: «Если не возражаете, я хотел бы взглянуть на свидетельства существования задолженности девушек».

«Мы возражаем! — отрезала Хунцель. — Это конфиденциальные документы».

«Не обязательно, — настаивал Малуф. — Не подлежит сомнению, что девушки имеют право просматривать эти документы в любое время, по их требованию».

Хунцель поторопилась ответить за девушек: «Думаю, что сию минуту у них нет никакого желания просматривать эти бумаги. Не так ли?»

«Мне было бы интересно на них взглянуть! — воскликнула Фрук. — Я никогда их не видела».

«Я тоже хочу на них посмотреть!» — поддакнула Плук.

«И я тоже», — почти прошептала Снук.

Сиглаф сверкнула глазами: «Очень хорошо! Вы их увидите — но наедине с нами, без посторонних».

«А почему не сейчас? — возмутилась Фрук. — С нами никого нет, кроме Монкрифа и капитана. А мы не возражаем против их присутствия».

Амазонки-клуты сидели, неподвижно выпрямившись на стульях, как статуи. Наступило тягостное молчание. Наконец Хунцель пробормотала: «В данный момент было бы неудобно копаться в нашем багаже из-за каких-то пустячных капризов».

Капитан Малуф не согласился: «Данный момент не хуже любого другого. Принесите бумаги, или я воспользуюсь полномочиями владельца звездолета и найду их сам!»

Клуты переглянулись, после чего Сиглаф с тяжелым вздохом поднялась на ноги и раздраженно направилась в каюту, которую она делила с Хунцель. Вскоре она вернулась с бежевым конвертом в руке и бросила его на стол перед Малуфом.

Малуф взглянул на трех девушек: «Вы разрешаете мне открыть этот конверт?»

Девушки по очереди кивнули — они чувствовали, что в их жизни наступает переломный момент.

Малуф открыл конверт и вынул из него три листа толстой бежевой бумаги. Разложив их на столе, он стал читать. Через некоторое время он улыбнулся, а еще через несколько секунд рассмеялся.

Монкриф подошел к капитану, чтобы заглянуть ему через плечо: «Они мне мозги пудрили?»

«Всю дорогу!» — откликнулся Малуф.

Плук тревожно спросила: «Что это значит?»

Малуф произнес тихо и нараспев, словно цитировал по памяти чьи-то стихи: «Порой нелепость достигает поистине возвышенного уровня, граничащего с божественным вдохновением». Капитан взглянул на пару амазонок. Те ответили ему безразличными взглядами.

Малуф снова обратился к трем девушкам: «По всей видимости, эти бумаги — официальные свидетельства выдачи опекунских лицензий управлением «Фермы подкидышей» в долине Задельщиков, на окраине Фриппена, областного центра провинции Мондри-Вейл на планете Нумой. Так значится в заголовке». Наклонившись к столу, капитан прочел: «Настоящая лицензия предоставляет Сиглаф Подеско и Хунцель Подеско, проживающим на ферме Котерфель в округе Тадо, в Мутных холмах провинции Мондри-Вейл, опекунские права в отношении четырнадцатилетней Празильяны Склаво…»

«Это я!» — вставила Фрук.

«…при условии соблюдения следующих положений. Опекуны обязаны обеспечивать подопечную комфортабельным и безопасным жильем, предоставляя подопечной высококачественное питание, соответствующее вкусам подопечной. Опекуны обязаны обеспечивать стандартное образование подопечной, а также, по мере необходимости, ее медицинское и зубоврачебное обслуживание, принимая все возможные меры для создания заботливой и радостной домашней атмосферы в месте проживания подопечной, а также предоставляя подопечной доступ к находящимся поблизости местам отдыха и развлечений, приличествующим ее возрасту. Подопечной следует регулярно предоставлять свободное время, достаточное для общения со сверстницами и прочими знакомыми, но в то же время ее необходимо предохранять от влияния нежелательных и вредоносных личностей. Подопечную запрещается подвергать какой-либо эксплуатации и поручать ей какую-либо работу, кроме повседневной домашней уборки. Подопечной запрещается поручать тяжелую, сложную или опасную работу. Помещения в месте проживания подопечной подлежат регулярной проверке инспекторами, представляющими наше учреждение и обеспечивающими соблюдение постановлений «Фермы подкидышей» и положений настоящей лицензии.

Лицензия, предоставляющая опекунские права, действительна исключительно в пределах провинции Мондри-Вейл. Подопечную запрещается перемещать за пределы упомянутой провинции без предварительного письменного разрешения на это, выданного нашим учреждением. В случае несоблюдения этого условия действие настоящей лицензии и предоставляемых ею опекунских прав немедленно прекращается.

Если опекуны понесут чрезвычайные расходы, убедительно обоснованные как с практической, так и с юридической точки зрения, опекуны могут наложить на подопечную финансовые обязательства в размере, не превышающем четырехсот сольдо. Настоящая лицензия служит разрешением на создание такой задолженности, если в ней возникнет необходимость, и на ее последующее взыскание, но только в пределах провинции Мондри-Вейл и только после уведомления нашего учреждения о причинах создания такой задолженности.

Если подопечная будет перемещена за пределы провинции Мондри-Вейл, любая ее предварительно существовавшая задолженность будет считаться погашенной. Ниже проставлены подписи обеих сторон, подлежащих действию положений настоящей

лицензии».

Взглянув на остальные документы, капитан прибавил: «Все эти лицензии одинаковы, но две другие выданы в отношении Лулании Склаво и Талассы Склаво — надо полагать, это Плук и Снук».

«Так оно и есть! — возбужденно воскликнула Плук. — Значит, нашей задолженности больше нет, и мы не обязаны делать все, что приказывают Хунцель и Сиглаф?»

«Совершенно верно».

Фрук не успокаивалась: «И нам не придется покидать звездолет в Каксе?»

«Нет, не придется, — ответил капитан. — Клутам вы ничего не должны. Они не могут вас контролировать. Если вы желаете остаться в труппе и работать на Монкрифа, вы можете это сделать, если Монкриф не против — а я думаю, что он не станет возражать».

«Нас это вполне устроит, — сказала Снук. — А клуты — что будет с ними? Они покинут нас в Каксе и сами организуют свое… хм… предприятие?»

Хунцель и Сиглаф сидели, не шелохнувшись. Помолчав, Сиглаф обронила — как бы между прочим: «Пожалуй, мы останемся в труппе. Все равно нам больше нечего делать».

Монкриф задумчиво взглянул на двух амазонок: «Я рассмотрю такую возможность. Бесспорно, вы играете полезную роль во многих номерах. Тем не менее, вас никак нельзя назвать незаменимыми. Поживем — увидим».

Снова наступило молчание. Его прервал капитан Малуф: «Вопрос, обсуждение которого началось в степи на Звездной Обители, решен. Надеюсь, все заинтересованные лица убедились в том, что справедливость принятого решения не подлежит сомнению».

Не высказывая никаких дальнейших замечаний, Сиглаф и Хунцель поднялись на ноги и вернулись к себе в каюту.

~

Глава 9

Выдержка из «Путеводителя по планетам»:

«Бленкинсоп, 17 я планета системы Молдера»

«Оранжевая звезда Молдер верховодит системой из двадцати двух далеко рассеянных планет, из которых единственной пригодной для жизни оказалась семнадцатая — обнаруживший ее разведчик-заявитель, Абель Бленкинсоп, присвоил ей свое собственное имя. Ныне, три тысячи лет спустя, мир этот населен смуглой угрюмой расой бленков, проживающих в пяти огромных городах и работающих в колоссальных промышленных комплексах, поставляющих товары для доброй половины обитаемых планет местного сектора Ойкумены.

Ни климат, ни географические характеристики Бленкинсопа нельзя назвать благоприятными для человеческого существования. Как правило, небо над головой бленка затянуто дымкой, сквозь которую просвечивает тусклый оранжевый диск гигантской звезды. Времена года мало отличаются одно от другого, хотя на протяжении так называемой «зимы» ливневые дожди и обжигающие холодом ветры чаще промывают и продувают узкие городские улицы, загоняя пешеходов в их одноэтажные жилища или в подземную транспортную систему.

Южный и северный полярные континенты — безжизненные просторы ледников, спускающихся по долинам между хребтами черного габбро. Из шести других континентов четыре — дышащие вечной сыростью болота, пересеченные извилистыми застойными протоками. В южных районах двух остающихся континентов преобладают холмистые равнины, и здесь бленки основали свои города. По причинам, забытым в сумраке времен, каждый из этих городов находится с северной стороны гряды холмов, а относящиеся к нему промышленные предприятия рассредоточены по равнине еще дальше от холмов, в том же северном направлении.

По мере того, как проходили века, местное население подразделилось на три гражданские категории, и каждая из них сплотилась в особую, характерную касту. Самой престижной кастой считаются относительно немногочисленные шимераты, живущие вдоль хребтов южных возвышенностей во дворцах, утопающих в зелени экзотических садов. Вторую, не столь высокомерную, но все же элитную касту составляют хуммеры: руководящие работники финансовых и коммерческих организаций, юристы, врачи, технические специалисты и прочая интеллигенция. Их усадьбы, рассыпанные по склонам холмов, заметно более претенциозны, нежели элегантные в своей простоте дворцы шимератов. Третья каста — рабочий класс Бленкинсопа, населяющий крепко сколоченные небольшие бунгало, тянущиеся бесконечными тесными рядами вдоль бесчисленных городских улиц.

Движение на узких городских улицах никогда не бывает плотным, но время от времени по ним перемещаются самоходные подводы и фургоны, доставляющие продукты, тележки с мелочным товаром, подталкиваемые энергичными пожилыми женщинами, и моторизованные коляски на высоких колесах, служащие местным жителям в качестве такси. В основном, однако, бленки пользуются сетью подземных рельсовых путей, дублирующей сеть городских улиц.

Несмотря на неизбежные индивидуальные различия, типичного рабочего-бленка

довольно легко определить. Коренастый человек среднего роста, он, как правило, мог бы похудеть на дюжину килограммов, но не обращает на это обстоятельство никакого внимания — тщеславие ему чуждо. В том, что касается одежды, он ценит скорее прочность и долговечность, нежели стиль, и, глядя в зеркало, безразлично воспринимает отражение, не испытывая никакого желания как-либо подчеркнуть свою индивидуальность. Грубоватые бесцеремонные манеры типичного бленка не оставляют места для изящества или такта, но справедливости ради следует отметить, что он с безупречной отвагой защищает интересы своей семьи, проявляя щедрость и заботу по отношению к жене и детям. На работе он постоянно соревнуется с коллегами, так как его первоочередной целью является повышение статуса и ранга.

Типичный бленк часто посещает колоссальный театр «Треванион» — иногда с семьей, иногда в одиночку. В теплом размытом пространстве темного зала, бормочущего неразборчивыми разговорами, разряжаются напряжения повседневной жизни, бленк примиряется с собой и со своим окружением. По окончании представления он неохотно поднимается из кресла и медленно покидает театр, все еще пребывая в почти эйфорическом состоянии, и едет в вагоне подземки домой, где его дети уже спят, а жена приготовила ему миску горячего супа.

Элитные касты также не пренебрегают «Треванионом». Шимераты занимают ложи верхнего яруса — их могут видеть исполнители, находящиеся на сцене, но только как лишенные выражения овалы лиц, озаренных отраженным светом юпитеров. Под ними, на втором ярусе, сидят не столь заметные хуммеры, нарядившиеся в самые роскошные костюмы и строго соблюдающие ритуальный этикет. Дамы водружают на головы монументальные куафюры, искрящиеся огоньками и перевязанные каскадами цветных лент. В театре их поведение становится преувеличенно манерным; они жестикулируют, поигрывая пальцами в воздухе, жеманно улыбаются, капризно гримасничают и с притворным отчаянием возводят глаза к потолку, когда их прихоти непростительно игнорируются. Они подзывают знакомых наклоном головы и щебечут с ними, одновременно вкушая деликатесы и напитки, поданные лакеями в ливреях.

Такое же пристрастие к экстравагантности и преувеличению присуще архитектуре хуммеров — в ней все необычно, причудливо, вычурно, фантастично. Трехэтажные усадьбы хуммеров возвышаются над фундаментами, встроенными в склоны холмов — каждая поражает взор ансамблем куполов, застекленных выступов-фонарей, балконов, интимных веранд и подвесных стеклянных шаров, меблированных внутри для желающих пить чай и пробовать петифуры и мороженое, тихонько покачиваясь в лучах тусклого оранжевого солнца.

Совсем не так выглядят дворцы шимератов — одноэтажные виллы несимметричной планировки, обманчиво простые, сооруженные согласно принципам сдержанной элегантности из порфира, лунного камня и черного агата, изредка оживленных выложенной малахитом колонной между арками».

2

В иллюминаторе рубки управления «Гликки» Молдер казался поначалу не более чем оранжевой искрой на фоне далеких, малозаметных созвездий. По мере того, как звездолет приближался к гигантской звезде, искра разгорелась и превратилась в пылающий оранжевый диск, окруженный свитой из двадцати двух планет.

Капитан Малуф направил судно к семнадцатой из них, когда-то — давным-давно —

зарегистрированной под своим именем разведчиком-заявителем, Абелем Бленкинсопом.

Под звездолетом раскинулся целый мир. Малуф связался с космическим диспетчером в Каксе и получил посадочные инструкции. «Гликка» спустилась сквозь привычную для бленков дымку к только начинавшей просыпаться столице. Определив местонахождение взлетного поля, капитан посадил «Гликку» на отведенную ей площадку.

Как только команда сдвинула в сторону люк входного шлюза и спустила трап, три чиновника в униформах вышли из портового управления и поспешили к звездолету. Посовещавшись несколько секунд, они поднялись по трапу и зашли в салон. Таможенная инспекция грузов и выдача краткосрочных виз команде и пассажирам заняли примерно полчаса.

Когда чиновники удалились, Мирон направился по взлетному полю к длинному низкому зданию космического вокзала, где он ожидал найти управление портового диспетчера.

Поднявшись по наклонной рампе погрузочной эстакады и оказавшись внутри здания, он повернул налево в коридор — туда, куда указывала стрелка с надписью: «ДИСПЕТЧЕР».

Сделав несколько шагов, Мирон оказался перед высокой дверью с табличкой, гласившей:

«РИКО ЙЕЙЛ
ДИСПЕТЧЕР ПОРТА
ЗАХОДИТЕ, НЕ СТЕСНЯЙТЕСЬ!»

Дверь сдвинулась в сторону при первом прикосновении. Мирон зашел в просторное помещение, где не было никакой мебели, кроме стола, нескольких стульев и высокого шкафа. На стене висело единственное украшение: напечатанный черным, серым и багровым цветами плакат, изображавший двадцать пять самых распространенных моделей звездолетов. За столом лениво развалился на стуле дородный субъект неопределенного возраста, довольно приятной наружности. Возникало впечатление, что диспетчер — если это был он — давно уже считал ворон и отчаянно скучал; Мирон не ожидал оказаться в столь непринужденной обстановке. Субъект вежливо сказал: «Я — Рико Йейл. Будьте добры, присаживайтесь и объясните, чем я мог бы вам помочь».

Мирон сел и выложил на стол пачку бумаг: «Меня зовут Мирон Тэйни, я — суперкарго только что прибывшего судна «Гликка». Мы привезли несколько различных грузов, в том числе десять кип выделанных кож с планеты Терц, кое-какие товары с Флютера и других планет, а также партию ковров со Звездной Обители, предназначенных для «Мономарха» — насколько я понимаю, это местный торговый дом?»

«В каком-то смысле это так, — ответил Йейл. — В каждом городе Бленкинсопа открыты магазины «Мономарха» и других посреднических фирм, хотя не все они располагают такой разветвленной сетью поставщиков, как «Мономарх». Они предлагают — как рядовым бленкам, так и представителям элит — всевозможные товары инопланетного и местного производства. «Мономарх» — самая престижная торговая фирма, пользующаяся существенным влиянием в коммерческих кругах Бленкинсопа. Они пришлют за коврами своего представителя, об этом можете не беспокоиться. Кроме того, я поручу бригаде грузчиков освободить ваши трюмы от товаров, предназначенных для Какса. И вам больше ничего не нужно делать!»

Озадаченный, Мирон указал на пачку бумаг, лежавшую на столе: «Здесь все

соответствующие декларации, счета-фактуры и свидетельства, а также несколько форм, которые требуется заполнить безотлагательно».

Он начал было передвигать бумаги по столу, чтобы диспетчер мог их просмотреть, но тот остановил его, предупреждающе подняв руку: «Обычно у нас такими делами занимается секретарь, но сегодня его нет — так что положите бумаги вот сюда, в урну, здесь они никому не помешают».

У Мирона челюсть отвисла: «Вы не шутите?»

«Ни в коем случае! Завтра придет секретарь. Если ему захочется, он может отсортировать мусор — это его прерогатива. Но у нас есть дела поважнее».

Мирон решил подчиниться местным обычаям без дальнейших возражений.

«Прекрасно! — Йейл снова откинулся на спинку стула. — А теперь: куда вы направитесь из Какса?»

«Насколько мне известно, наш дальнейший маршрут еще не определен окончательно, — осторожно сказал Мирон. — В данный момент у нас нет никаких невыполненных обязательств; мы можем принять любые грузы, которые вы хотели бы отправить».

«Превосходно! Мы можем предложить грузы, ожидающие доставки в самые различные пункты — главным образом, однако, на планеты, находящиеся в стороне от основных торговых путей, что не обязательно следует рассматривать как затруднение, ибо доставка товаров по необычным маршрутам нередко прибыльна! В качестве возмещения за потери времени, связанные с перевозкой грузов в исключительно удаленные космические порты, может предлагаться надбавка в размере до двадцати процентов стандартной стоимости фрахта».

«Это может заинтересовать нашего капитана, — согласился Мирон. — Если вы предоставите мне перечень таких грузов и пунктов их назначения, а также прогнозируемых затрат на их перевозку, я попрошу капитана Малуфа просмотреть этот список, и сегодня же вечером мы могли бы рассчитать несколько возможных маршрутов».

Йейл повернулся к экрану компьютера и нажал несколько клавиш; экран загорелся розовым сиянием, на нем появились яркие сине-зеленые строки. Просмотрев записи, диспетчер внес несколько изменений и нажал кнопку; из прорези компьютера выполз распечатанный перечень. Йейл передал бумагу Мирону, а тот засунул ее в карман.

«Мы сегодня же рассмотрим этот список, — пообещал Мирон. — И, если нам удастся найти какие-то возможности, я вам сразу об этом сообщу».

Мирон приготовился уйти, но задержался, пребывая в нерешительности. Йейл вопросительно взглянул на него.

«Если у вас найдется пара свободных минут, — почти извиняющимся тоном сказал Мирон, — я с благодарностью выслушал бы ваши рекомендации».

«У меня нет неотложных дел, — отозвался диспетчер. — Расскажите, в чем состоит проблема, и я постараюсь, по возможности, дать полезный совет».

Мирон собрался с мыслями: «Ситуация такова. На Звездной Обители «Гликка» перелетела из Палактуса к складу ковров в Торквальских Низинах, где мы загрузили ковры для «Мономарха». На том же складе мы заметили сотни других ковров, причем самых лучших. За несколько дней до этого разбойники украли тридцать два баллона с кейзиком с портового склада в Палактусе. Мы догнали воров и конфисковали похищенные баллоны. Начальник космопорта настаивал на возвращении ему этих баллонов, в связи с чем мы обменяли кейзик на сорок шесть ковров, залежавшихся на торквальском складе. Теперь эти

ковры находятся в кормовом отсеке нашего трюма, и мы хотели бы продать их по самой выгодной цене. Но мы не знаем, как это можно было бы сделать».

Йейл задумчиво кивнул: «Ваше беспокойство вполне оправданно. Как только вы предложили бы эти ковры в продажу, вас опутали бы бесконечными бюрократическими препонами. Но пусть это вас не обескураживает: надлежащая тактика позволяет преодолеть любые ухищрения крючкотворов. В конце концов, власти не могут облагать налогами и ограничениями то, о чем они ничего не знают, не правда ли? Такова логика вещей!

«Мономарх» практически обеспечил себе монополию в том, что касается торговли коврами со Звездной Обители. Они продают ковры шимератам — и при этом, разумеется, неплохо наживаются. Другие торговые фирмы вовсе не прочь были бы лишить монополистов их преимущества. Думаю, что с ними можно было бы договориться, не привлекая лишнего внимания». Диспетчер наклонился к столу: «Какую цену вы хотели бы получить? Например, вы согласились бы продать ковры по триста сольдо за штуку?»

«Гм! — почесал в затылке Мирон. — Сорок шесть ковров по три сотни каждый? Получится тринадцать тысяч восемьсот сольдо — впечатляющая сумма. Но прежде, чем я смогу взять на себя какие-нибудь обязательства, мне нужно посоветоваться с коллегами».

Йейл взглянул в окно, напряженно нахмурившись — он что-то подсчитывал и взвешивал в уме. Наконец он снова повернулся к Мирону: «Я назвал, конечно, лишь предварительную, ориентировочную цену. Если вы попытаетесь торговать напрямую со скупщиками, скорее всего, вам удастся выговорить не больше двухсот сольдо за ковер, да и то после длительных переговоров. С моей помощью вы могли бы извлечь дополнительную прибыль. Тем не менее, я хотел бы получить комиссионные, в разумном размере. Скажем, вы могли бы заплатить мне двадцать процентов любой суммы, полученной сверх трехсот сольдо за ковер. То есть, например, если мне удастся продать ковер за четыреста сольдо, мои комиссионные составят двадцать сольдо, то есть пятую долю разницы между окончательной и отправной ценой. Таким образом, вы получите за этот ковер триста восемьдесят сольдо. Вас устроила бы такая сделка?»

«Триста восемьдесят сольдо лучше двухсот, — кивнул Мирон. — И все же, в данный момент я не могу обещать ничего определенного».

3

Мирон поднялся по трапу «Гликки» и нашел капитана Малуфа в камбузе, в компании Винго и Шватцендейла. Изложив содержание своей беседы с диспетчером, Мирон заметил: «Признаться, он меня удивил — Йейл вовсе не такой бленк, какого я ожидал увидеть. Он ведет себе спокойно и просто, я не заметил в нем никаких признаков нервного напряжения».

«У него найдется для нас какой-нибудь груз?» — спросил Малуф.

Мирон вынул из кармана перечень, полученный от диспетчера: «Судя по всему, несколько партий товара давно ожидают отправки в порты, находящиеся в стороне от основных торговых путей — я сказал Йейлу, что мы просмотрим список и попробуем рассчитать практически целесообразный маршрут».

Капитан внимательно изучил список и поднял брови: «Никогда даже не слышал о большинстве перечисленных портов! Подозреваю, что эти так называемые «партии товаров» — остаточный хлам, который отказались принять другие перевозчики. Какие-нибудь пыльные ящики и тюки, прятавшиеся по темным углам складов Йейла, как заключенные-призраки, почти потерявшие надежду на чудесное освобождение». Малуф положил список на стол: «И все же, это какой-никакой груз, и мы могли бы даже извлечь небольшую

прибыль, если получим двадцатипроцентную надбавку за доставку в самые непосещаемые места».

«Кроме того, мы могли бы подхватить какие-нибудь грузы по пути», — предположил Мирон.

«Такой возможностью никогда нельзя пренебрегать, — Малуф снова просмотрел перечень диспетчера. — Хмф! Многие из этих наименований поистине неизвестны, хотя, надо полагать, указанные пункты существуют, так как у Йейла залежался предназначенный для них товар! Сегодня вечером мы найдем их в астронавигационной базе данных и рассчитаем возможный маршрут».

«Скорее всего, это будет непросто», — осторожно заметил Мирон.

«Так-то оно так, но можно надеяться. что наша недюжинная изобретательность, в сочетании с готовностью сделать лишний крюк, если это потребуется, позволит выработать осуществимый план полета». Капитан немного помолчал, после чего возразил самому себе: «Тем не менее, я не стану делать крюк в сотню световых лет, чтобы доставить мешок птичьего корма».

Снова наступило молчание. Мирон его нарушил: «В разговоре с диспетчером я упомянул также о наших дополнительных коврах и спросил, каким образом их можно было бы продать по самой выгодной цене. Он предупредил меня о том, что договариваться со скупщиками напрямую было бы ошибкой, так как нарушению монополии «Мономарха» препятствует множество бюрократических ловушек. Он спросил, сколько мы хотели бы получить за ковры. Я сказал, что мы еще об этом не думали. Диспетчер поинтересовался, не согласились бы мы получить по триста сольдо за штуку — то есть тринадцать тысяч восемьсот сольдо за всю партию ковров. Я сказал, что посоветуюсь с командой «Гликки» и сообщу ему о нашем решении в кратчайшие возможные сроки.

Йейл предложил использовать его в качестве посредника — его комиссионные составили бы двадцать процентов разницы между окончательной и отправной ценами, равной тремстам сольдо. Например, если он продаст ковер за четыреста сольдо, то заработает двадцать, а нам достанутся триста восемьдесят».

Шватцендейл записал цифры на листе бумаги: «На таких условиях мы могли бы продать сорок шесть ковров за семнадцать тысяч четыреста сольдо, а Йейл заработал бы девятьсот двадцать».

«Что было бы вполне справедливо, — отозвался капитан Малуф, — если нам сразу заплатят наличными в момент доставки ковров».

Мирон вернулся в управление диспетчера. Как прежде, тот сидел за столом и, по всей видимости, наслаждался безмятежным покоем.

Пригласив Мирона сесть, Йейл спросил: «Вы получили относящиеся ко мне инструкции?»

«Получил. Ваше предложение принято — с условием, что оплата будет произведена наличными в момент доставки ковров».

«Меня вполне устраивает такое условие, — сказал Йейл. — Итак, за работу! Считая «Мономарх», на Бленкинсопе — одиннадцать торговых фирм, располагающих достаточными средствами для заключения подобной сделки. Они будут рассматривать такую покупку как прибыльную, так как шимераты утопают в деньгах, никогда не торгуются и платят за приглянувшийся товар столько, сколько за него просят. Но у «Мономарха» нет

причин назначать чрезмерно спекулятивные цены. Думаю, что розничная рыночная цена каждого ковра колеблется примерно на уровне пятисот сольдо. Я проверю ситуацию на рынке. Приходите попозже — вполне может быть, что у меня будут для вас хорошие новости».

4

После полудня утренний проливной дождь превратился в мелкую морось, а через некоторое время вообще прекратился, и в туманной пелене неба появился оранжевый диск Молдера.

Примерно за два часа до этого амазонки-клуты решили побродить по городу, чтобы самостоятельно оценить обстановку. Обстановка их не порадовала: шел непрерывный дождь, от влажных мостовых исходили гниловатые испарения. Тем не менее, они упорно маршировали по узким улицам, напялив на головы непромокаемые капюшоны. Время от времени им встречались темные витрины небольших лавок; приглядевшись, за грязноватым забрызганным стеклом иногда можно было увидеть бледную физиономию владельца заведения. Клуты на заметили больше ничего любопытного.

В конце концов они вернулись в космический порт, мрачные и разочарованные, и прошлепали по лужам под дождем к трапу звездолета.

Сменив промокшую одежду на сухую, амазонки направились в камбуз, где Винго подал им горячего чаю с булочками.

«Как вам понравился город?» — весело спросил стюард.

«Их улицы походят на темные крепостные коридоры и воняют дохлятиной. Холодный дождь идет непрерывно и струями затекает за шиворот. Мы хотели зайти в чайхану или кофейню, где можно было бы согреться и подсохнуть, но ничего подобного не нашли».

«Несмотря на все их пошлые глупости, я предпочитаю планету фляутов», — прибавила Сиглаф.

Помолчав, Винго осторожно спросил: «Таким образом, вы решили остаться в труппе Монкрифа?»

Хунцель поколебалась, после чего неопределенно хмыкнула: «Мы еще ничего не решили. Но никаких привлекательных возможностей пока что не видно».

Сиглаф упростила замечание подруги: «По сути дела, мы готовы рассмотреть любые подходящие предложения».

5

Тем временем Монкриф отважно направился в город по своим собственным делам. Приодевшись, он занялся поисками «Треваниона» — антрепренер надеялся, что руководство театра ангажирует его труппу на благоприятных условиях.

Он нанял стоявшую перед входом в космический вокзал моторизованную коляску, управляемую тощим молодым человеком со впалыми щеками и длинными лощеными усами. Не включая мотор, усатый юноша смерил Монкрифа взглядом с головы до ног и спросил: «Тебе куда?»

«Вы можете отвезти меня в «Треванион»! — величественно ответствовал шарлатан. — И побыстрее, будьте любезны».

Водитель соблаговолил кивнуть: «Залезай! Это обойдется в десять грошей. Не стану возить такую тушу за меньшие деньги».

Монкрифу не нравились манеры водителя, по мнению антрепренера граничившие с отсутствием всякого представления о вежливости — тем более, что усатый юнец позволил

себе критические замечания по поводу недостаточной ловкости пассажира, залезавшего в коляску: «Пошевеливайся, дедуля! Нынче погода располагает к прыткости! А если ты так устал, что едва волочишь ноги, тебе лучше было бы где-нибудь прилечь и выспаться как следует».

Стараясь сохранять все возможное достоинство, Монкриф взобрался на узкое сиденье коляски. Водитель включил двигатель, и такси понеслось по взлетному полю, лихо объезжая самые глубокие лужи — Монкрифу приходилось судорожно хвататься за поручни, чтобы не выпасть из коляски.

Такси свернуло на улицу, загромыхало по мостовой и довольно скоро подъехало к «Треваниону». Неуклюже спустившись на тротуар, Монкриф почтительно замер, глядя на внушительный фасад главного развлекательного учреждения бленков.

Усатый водитель нетерпеливо шлепнул по кнопке гудка: «Долго ты будешь торчать столбом, старый чурбан? Выкладывай десять грошей, или я возьму с тебя еще за простой!»

Монкриф поспешно заплатил грубияну условленную сумму, каковую тот принял без дальнейших замечаний. Описывая прощальный вираж вокруг лужи, растекшейся у обочины, коляска скрылась в туннеле боковой улицы.

Монкриф поднялся по ступеням парадного крыльца «Треваниона». Массивная стеклянная дверь с ажурной чугунной решеткой сдвинулась в сторону, как только он к ней приблизился. Короткий широкий коридор открывался в просторное восьмиугольное фойе, откуда радиально расходились еще семь коридоров.

Здесь видавший виды импресарио остановился. Он не понимал, куда идти. Какой из коридоров вел к кабинету главного режиссера? На противоположной стене он заметил длинное белое табло, испещренное текстом — по всей видимости, справочный указатель. Монкриф подошел к этому табло.

Мелко напечатанный текст трудно было разобрать с первого взгляда. Ага! Один из параграфов был снабжен заголовком «Распорядитель Муриус Занк, главный режиссер-постановщик». Ниже, после описания обязанностей и полномочий режиссера, значилась следующая фраза: «Желающих пройти в управление главного режиссера просят пользоваться оранжевым индикатором». Монкриф нахмурился — от него полностью ускользало таинственное значение этого указания. Что такое «оранжевый индикатор», и где его найти? Отступив на шаг от белого табло, Монкриф посмотрел по сторонам в поисках каких-либо цветных индикаторов — и его осенило прозрение.

Посередине каждого коридора на полу тянулась полоса того или иного цвета. Один из коридоров был отмечен оранжевой полосой. Казавшийся бесконечным узким туннелем коридор и полоса сходились в сумрачной перспективе. Монкриф без дальнейших колебаний направился в недра «Треваниона» по этому коридору.

Справа и слева попадались разделенные неравными промежутками пронумерованные двери. В конце концов Монкриф оказался перед двойной дверью с табличкой, гласившей:

«РАСПОРЯДИТЕЛЬ МУРИУС ЗАНК,
ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК»

Монкриф прикоснулся к затвору, и дверь сдвинулась в сторону. Антрепренер вошел в крупное помещение с высоким потолком; длинный прилавок отделял приемную от конторы, где дюжина служащих корпела над столами в позах, свидетельствовавших о напряженном

прилежании. Монкриф приблизился к прилавку и надменно выпрямился, ожидая, что кто-нибудь подойдет и поинтересуется причиной его прибытия.

Пока он ждал, старый шарлатан успел оценить интерьер и планировку помещения. В конце той части приемной, где он стоял, деревянная балюстрада отгораживала нечто вроде небольшого зала ожидания, в настоящее время пустовавшего. Оттуда еще одна дверь вела во внутренний кабинет. На этой двери тоже висела табличка:

«РАСПОРЯДИТЕЛЬ МУРИУС ЗАНК,
ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК
ВХОДИТЕ, КОГДА ЗАГОРИТСЯ ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ!»

В данный момент над дверью горела темно-красная лампа.

Монкриф снова обратил внимание на контору. Потеряв терпение, он постучал костяшками пальцев по прилавку. Никто не обратил на стук никакого внимания.

Ближайшим к прилавку был стол, за которым сидел розовощекий молодой человек, слегка полноватый и щеголевато одетый. На табличке, обращенной ко входу, значилось его имя: «БАЙЯРД ДЕЗОССО». Подобно коллегам, Байярд работал так прилежно, что, казалось, не замечал ничего вокруг. Монкриф уставился на него, пытаясь одним усилием воли заставить молодого человека взглянуть на посетителя, но не преуспел в этом начинании: Байярд принялся еще энергичнее перелистывать какие-то ведомости и вносить какие-то записи.

В этот момент из внутреннего кабинета донесся внезапный шум: оживленная перепалка голосов, топот и грохот мебели, язвительные восклицания и возмущенные выкрики. Байярд испуганно поднял голову и в результате встретился глазами с настойчивым взором Монкрифа.

Монкриф тут же указал на него пальцем: «Байярд Дезоссо! Да-да, именно вы! Немедленно подойдите сюда!»

На лице молодого человека отразилось скорбное сожаление, мгновенно сменившееся выражением решительной вежливости: «Разумеется, сударь! Сию минуту!» Байярд подошел к прилавку: «Чем я могу быть полезен?»

«Я — маэстро Монкриф, руководитель труппы Чародея Монкрифа, знаменитой по всей Ойкумене. Я желаю видеть режиссера-постановщика Занка, чтобы он мог включить нашу программу в расписание представлений. Время не ждет!»

Байярд оглянулся через плечо — над внутренней дверью все еще горела красная лампа. Молодой человек произнес извиняющимся тоном: «В данный момент главного режиссера нельзя беспокоить».

Монкриф наклонил голову и прислушался: «Возникает впечатление, что он репетирует какую-ту исключительно скандальную постановку — или что ему устраивают основательную взбучку».

«Подобные вольности немыслимы!» — воскликнул Байярд, но в то же время тревожно обернулся в сторону режиссерского кабинета.

«Предлагаю, — решительно заявил Монкриф, — по меньшей мере известить главного режиссера о прибытии маэстро Монкрифа, импресарио знаменитой труппы. Совершенно необходимо, чтобы он встретился со мной безотлагательно».

Байярд покачал головой: «Ваше предложение неосуществимо». Он помолчал,

прислушиваясь к топоту ног, доносившемуся из кабинета: «Он все еще старается умиротворить «плюхошлепов» — но, как вы могли заметить, они продолжают настаивать на своем».

«Шлюхоплетов? — не понял Монкриф. — Это еще кто такие?»

«Труппа акробатов из Темного Леса, — пояснил Байярд. — Их наглые выходки вызывают у распорядителя отвращение. Тем не менее, они популярны среди определенной части публики, и режиссер считает себя вынужденным предоставлять им возможность выступать в «Треванионе»».

Выкрики в кабинете Занка затихли, превратившись в тихое бормотание голосов, после чего послышался новый взрыв гневных восклицаний, сменившийся тишиной.

Монкриф стучал пальцами по прилавку. Внезапно дверь режиссерского кабинета распахнулась, и оттуда в отгороженный зал ожидания вывалились десять длинноволосых бородачей, тут же принявшихся толкаться, оттесняя друг друга, чтобы занять места получше на скамьях с мягкой обивкой.

Когда им надоело ерзать, пихаться локтями, ворчать и ругаться, «плюхошлепы» принялись глазеть из-за балюстрады на конторских служащих так, словно разглядывали невиданных зверей в зоопарке.

Монкриф с неодобрением посматривал на эту банду — по его мнению, самую неотесанную из всех, какие ему приходилось встречать в театральных кругах. Будучи среднего роста, акробаты бугрились мышцами настолько, что казались приземистыми; их гладкие черные волосы свисали ниже подстриженных «лопатами» бород. Акробаты носили кожаные куртки-безрукавки и кожаные шорты — маслянистые, потертые и грязные.

«Непривлекательные субъекты!» — Монкриф фыркнул и отвернулся.

«Тише! Не выражайте неодобрение так откровенно! — предупредил Байярд Дезоссо. — Если они решат, что их оскорбили, вам жестоко отомстят. На сцене они выделывают невероятные номера, но если кто-нибудь из них ошибется, они бьют провинившегося, пока тот не свалится, а потом пинками выгоняют его за кулисы — бедняга едва уползает на четвереньках».

«На глазах у зрителей?» — Монкриф не верил своим ушам.

«Вот именно! И зрители их только подзуживают!»

Знаменитому импресарио не понравился энтузиазм конторского служащего: «Когда я вошел в контору и встал у прилавка, вы старательно меня не замечали, словно я сделан из воздуха. Не могли бы вы объяснить, чем вызвано такое поведение?»

«Нам приходится действовать в соответствии с новыми инструкциями», — упрямо выпятив подбородок, ответствовал Байярд.

«Значит, инструкции предписывают вам игнорировать посетителей? — съязвил Монкриф. — Я правильно вас понимаю? В это трудно поверить!»

«Не мы устанавливаем правила. Кроме того, по большей части заведенный порядок вещей вполне целесообразен».

Монкриф взглянул на дверь, ведущую в кабинет режиссера, но зеленая лампа еще не зажглась. Снова повернувшись к Байярду, он спросил: «Расскажите мне о ваших новых инструкциях».

Байярд очевидно знал правила наизусть — он принялся их излагать монотонно, как автомат: «Статья первая определяет необходимость пунктуальности и устанавливает размеры наказаний, пропорциональные степени опоздания. Статья вторая запрещает

разговоры, пение, шутки, сплетни и тому подобное. Статья третья нормирует объем работы, подлежащей выполнению каждым из конторских служащих, причем требуется неукоснительное соблюдение этих норм! Статья четвертая запрещает традиционный порядок приема посетителей — в прошлом, как только клиент подходил к прилавку, его могли приветствовать четверо или пятеро служащих, интересовавшихся состоянием здоровья родных и близких посетителя, обсуждавших погодные условия и лишь в последнюю очередь выяснявших причины, по которым посетитель к ним обратился. После этого клиента могли направить в другой отдел, или ему могли подробно рекомендовать, как ему следовало вести себя с распорядителем Занком. Согласно новым инструкциям, такая потеря времени недопустима. Как только клиент заходит, первый заметивший его служащий обязан поспешить к прилавку и самостоятельно, быстро и эффективно оказывать помощь посетителю. К сожалению, служащий, сразу замечающий посетителей, никогда не успевает выполнить норму! Но мы нашли решение этой проблемы. Ни одно из положений не предусматривает необходимость бдительного слежения за наличием посетителей за прилавком. Таким образом, если служащий целиком и полностью сосредоточен на выполнении конторской работы, его невозможно упрекнуть за то, что он не заметил клиента».

«Изобретательно!» — заявил импресарио.

Монкрифа избавил от необходимости делать дальнейшие замечания тот факт, что над дверью режиссерского кабинета зажглась зеленая лампа.

«Дали зеленый свет! — отреагировал Байярд. — Если вы хотите видеть Занка, следуйте за мной!»

Передвигаясь самой величавой походкой, Монкриф миновал услужливо открывшуюся калитку в прилавке и проследовал за Байярдом к еще одной двери, ведущей в кабинет Занка из служебного помещения — это позволило ему и Байярду не встречаться лицом к лицу с «плюхошлепами».

«Плюхошлепы» тут же перестали толкаться и ругаться друг с другом, собрались гурьбой у балюстрады и принялись улюлюкать, осыпая Монкрифа насмешками, как шайка уличных сорванцов:

«Эй, старая развалина! Куда торопишься, будто тебя псы кусают за пятки?»

«Скажи скотине Занку, что ему еще достанется — мы ничего не забываем!»

«А если не скажешь, мы тебе нос свернем на сторону — или оторвем то, что болтается у тебя между ногами!»

Игнорируя хамство, Монкриф пересек конторское помещение вслед за Байярдом Дезоссо. Перед дверью, ведущей в кабинет, Байярд остановился: «Я зайду первый и объявлю о вашем прибытии. После собеседования с «плюхошлепами» режиссер Занк мог не сохранить обычное хладнокровие».

«Плюхошлепы» продолжали выкрикивать издевательские рекомендации. Монкриф ждал, заставляя себя не реагировать на провокации.

Еще через несколько секунд дверь открылась, и к Монкрифу вышел Байярд. Розовощекий служащий произнес несколько напыщенным тоном: «Я упомянул распорядителю Занку о труппе Чародея Монкрифа и, на мой взгляд, это произвело благоприятное впечатление. Теперь вы можете зайти. Будьте вежливы, но не проявляйте чрезмерный энтузиазм. Будьте добры, проходите».

Монкриф прошел за Байярдом в просторное помещение, не содержавшее почти никакой

мебели — в кабинете никого не было, кроме тощего старика, неподвижно сидевшего за тяжеловесным полукруглым столом.

Вытянув руки по швам, Байярд представил присутствующих. Слегка поклонившись Монкрифу, он сказал: «Вы находитесь в присутствии распорядителя Муриуса Занка, главного режиссера-постановщика». Отвесив такой же поклон Занку, он произнес: «Перед вами — профессор Монкриф, руководитель труппы Чародея Монкрифа. Если имеется такая возможность, он надеется предложить вниманию зрителей «Треваниона» одну или несколько программ».

Занк бросил на Монкрифа мимолетный, но пристальный взгляд, после чего отпустил Байярда небрежным движением пальцев. Байярд снова церемонно поклонился и вышел из кабинета.

Два театрала изучали друг друга. Физиономии Занка — щуплого коротышки с шишковатой лысой головой и круглыми глазами — придавал хищное выражение маленький крючковатый нос. Его тонкие бесцветные губы были постоянно поджаты. Если режиссер когда-либо испытывал какие-либо чувства, его внешность не позволяла об этом судить.

Немного помолчав, Занк пригласил: «Если вы желаете присесть, присаживайтесь».

Монкриф осторожно опустился на производивший хрупкое впечатление стул с прямой спинкой, скрипнувший под его весом.

«В том, что касается наших программ, вы прибыли в неподходящее время, — сказал Занк. — Расписание полностью зарезервировано на неделю, за исключением нескольких перерывов в «кладбищенскую смену», после полуночи. Послезавтра открывается одна вакансия, но на нее претендуют «плюхошлепы», причем самым бесцеремонным образом. Я не уступил их требованиям, что вызвало некоторые возражения. Предпочел бы, чтобы они убрались восвояси в Темный Лес и не возвращались. Тем не менее, приходится учитывать их популярность среди зрителей, представляющих определенные слои населения, игнорировать пожелания которых непрактично».

«Гм! — отозвался Монкриф. — Эти акробаты производят впечатление исключительно невоздержанных нахалов».

Губы главного режиссера покривились намеком на улыбку: «Они надеются меня запугать, но их надежды не оправдаются».

«Плюхошлепы» недостаточно плотно закрыли за собой дверь, ведущую в зал ожидания. В оставшейся щели сверкали несколько глаз.

Монкриф и Занк продолжали беседу, не подозревая о том, что за ними подглядывают. Монкриф произнес слегка нравоучительным тоном: «Так как я недостаточно знаком с обычаями, принятыми в Каксе, мне следовало бы, наверное, держать свои мнения при себе. Тем не менее, эти «шлюхоплеты» производят впечатление шайки хулиганов-садистов, лишенных всякой привлекательности».

«Вполне разделяю ваше мнение, — отозвался Занк. — А теперь расскажите мне о своей труппе».

«С готовностью! Излишне было бы упоминать о том, что наши программы ничем не напоминают вульгарные сальто-мортале. Труппа Чародея Монкрифа вдохновляется другими представлениями; в наших номерах сочетаются галантные приключенческие сюжеты и романтическая таинственность. Мы знамениты творческой изобретательностью постановок, наш каждый номер привлекает слух музыкой, взор — красотой, воображение — захватывающей экзотикой далеких миров. Я подготовил три номера, соединенных

различными средствами в неразрывную последовательность. Осмелюсь заметить, что вакансия, открывающаяся послезавтра, устроила бы нас наилучшим образом, так как мы не можем долго оставаться в Каксе».

«Меня это тоже устроило бы, — Занк помолчал, взвешивая какие-то соображения. — Тем более потому, что ваша программа согласуется с моими собственными вкусами. «Плюхошлепам» придется удовольствоваться «кладбищенской сменой». А если они вздумают снова протестовать, им предстоит бежать наперегонки по дороге к Темному Лесу».

Дверь, ведущая в зал ожидания, с треском распахнулась, и обросшие акробаты ввалились, отталкивая друг друга, в кабинет режиссера.

Занк пробормотал Монкрифу: «Встаньте за мной и ничего не говорите».

Монкриф поспешно выполнил это указание.

Занк резко произнес: «Что еще вы придумали? Немедленно покиньте мой кабинет — вас никто не приглашал заходить сюда снова!»

Главарь циркачей протиснулся на шаг вперед: «Сам виноват! Ты обозвал нас «вонючими скотами» и насмеялся над нашим мастерством. Снюхался с этим жирным фокусником и отдал ему лучшую вакансию. А нам оставил только ночные представления — кто будет на нас смотреть? Пара храпящих пьяных забулдыг? Ты нас предал, и кому-то придется дорого за это заплатить!»

Занк поднял руку — его указательный палец, направленный на «плюхошлепов» подобно дулу лучемета, заставил акробатов попятиться и неуверенно переминаться с ноги на ногу.

«Не закатывайте истерику! — тихо предупредил режиссер. — Будьте осторожны — или ваши дела пойдут еще хуже».

«Плюхошлепы» слегка присмирели — набычившись и поблескивая глазами, бородатые силачи стояли в трех метрах от полукруглого стола.

Занк заговорил снова — на этот раз в его голосе звенела металлическая нотка: «Я — главный режиссер, и я устанавливаю расписание по своему усмотрению! Скажите спасибо за то, что я вообще позволяю вам выступать — или убирайтесь в Темный Лес! Вон!»

«Нет уж, так дело не пойдет!» — прорычал главарь. «Плюхошлепы» стали угрожающе продвигаться вперед — похмыкивая, постанывая, похрипывая, посвистывая сквозь зубы.

Монкриф прижался спиной к стене. Дикие циркачи сошли с ума! Странно и печально было бы кончить свои дни здесь, в кабинете главного режиссера «Треваниона»!

Занка, по-видимому, происходящее нисколько не беспокоило. «Так вы уйдете, наконец, или нет?» — спросил он.

«Уйдем, когда каждый получит по заслугам! — заносчиво заявил главарь шайки. — Сперва мы покажем этому «чародею», где раки зимуют, а потом и тебя поставим на место!»

Занк прикоснулся к кнопке на столе. Дверь кабинета сдвинулась в сторону, в проеме появился Байярд Дезоссо: «Слушаю вас, распорядитель!»

«Удалите нарушителей из моего кабинета! — приказал ему Занк. — Я их не приглашал».

Байярд повернулся к «плюхошлепам»: «Освободите кабинет! Вы слышали, что сказал режиссер? Вас сюда не приглашали! Пошевеливайтесь! Выходите по одному — будьте добры, соблюдайте очередь, не толкайтесь!»

Бородатые акробаты схватили Байярда и принялись перебрасывать его туда-сюда, как большую, болтающую руками и ногами тряпичную куклу, невзирая на протесты и угрозы

возмущенного клерка. Наконец, когда им надоела эта забава, «плюхошлепы» выбросили Байярда за дверь и снова повернулись к распорядителю Занку. Шаг за шагом все они приближались к полукруглому столу.

Не торопясь, Занк слегка наклонился и нажал еще одну кнопку. В полу кабинета раздвинулась дугообразная прорезь; из нее быстро и тихо поднялась полукруглая панель из толстого стекла — защищавшая стол прозрачная преграда высотой полтора метра.

Озадаченные, «плюхошлепы» снова остановились. Их главарь презрительно расхохотался: «Детские шалости! Чего ты хочешь этим добиться? Я могу перепрыгнуть это стекло без разбега!»

Вся его труппа разразилась издевательским ржанием.

Откинувшись на спинку стула, режиссер беззаботно обронил: «Делайте, что хотите. Рекомендую вам, однако, сейчас же покинуть это помещение, не производя лишний шум и без хулиганских выходок».

«Справедливость должна восторжествовать!» — заявил главарь бородачей.

«Справедливость не замедлит восторжествовать», — кивнул режиссер.

Главный «плюхошлеп» сгорбился, присел и легко вспрыгнул на верхний край стеклянной преграды.

Руки и ноги акробата заискрились голубым огнем. его шевелюра и борода распушились торчком, образуя нечто вроде огромного черного одуванчика, переливающегося трескучими маленькими молниями. Циркач сдавленно вскрикнул и спрыгнул назад, перекувыркнувшись в воздухе. Как только его ступни прикоснулись к полу, от них разбежались ручейки голубых искр, постепенно гаснувшие по мере того, как предводитель «плюхошлепов» вертелся, подпрыгивал и ругался, как одержимый. Его товарищи с изумлением наблюдали за этой пляской.

К тому времени в кабинет режиссера почти незаметно зашли шестеро надзирателей в черных униформах с желтыми нашивками. Без лишних слов они занялись выдворением «плюхошлепов». Последовала непродолжительная суматоха — несколько прикосновений электрическими разрядными дубинками быстро подавили сопротивление. На акробатов надели наручники, их соединили цепями, надетыми на шею, после чего, по сигналу, бесцеремонно вытолкали из кабинета.

Монкриф робко выступил из-за стола и снова занял место на стуле, пытаясь вести себя так, словно не случилось ничего особенного. Немного успокоившись, он спросил: «Что с ними сделают?»

«Практически ничего, — ответил Занк. — Они не обращают внимания на побои, так что надзиратели не станут тратить на них время и силы. Их заключение в карцере тоже доставляет надзирателям одни неприятности, поскольку «плюхошлепы» только и делают, что спят, а когда просыпаются, гадят по углам камеры. Мы могли бы выслать их на Ветреный остров, но уже через несколько месяцев публика начнет устраивать дебоши и требовать, чтобы акробатов вернули. Но если я заставлю их выступать по ночам три или четыре месяца, они, возможно, поймут, что им следует вести себя приличнее».

«Гм! — Монкриф нахмурился. — Следует ли принимать всерьез их угрозы?»

Занк ответил не сразу: «Лучше всего было бы сказать, что их поступки непредсказуемы. Они злопамятны и мстительны, в этом нет никакого сомнения, но трудно сказать, воспользуются ли они какой-нибудь возможностью отомстить или будут отвлечены каким-нибудь другим предприятием. Рекомендую вам не ходить в одиночку по ночам по темным

улицам». Режиссер выпрямился на стуле с высокой спинкой: «В данный момент, однако, вам следует проконсультироваться с распорядителем Скеймом по вопросу о подготовке ваших декораций и реквизитов». Занк прикоснулся к одной из кнопок на столе.

В кабинет, прихрамывая, зашел Байярд: «Слушаю вас, распорядитель!»

Подняв брови, режиссер критически взглянул на клерка: «Байярд, будьте любезны проводить маэстро Монкрифа в управление помощника режиссера».

«Будет сделано, сию минуту!» — отчеканил Байярд.

Занк сверлил клерка ледяным взором: «Затем, до того, как вы снова приступите к выполнению своих обязанностей, будьте любезны, зайдите в гардеробную и приведите себя в порядок. Вы представляете собой жалкое зрелище. Не могу допустить, чтобы мой персонал выглядел, как огородные пугала».

«Как прикажете, распорядитель!» — Байярд с трудом поклонился, после чего повернулся к Монкрифу: «Если не возражаете, сударь, я отведу вас к распорядителю Скейму».

Выразив должную благодарность распорядителю Занку, антрепренер вышел из кабинета вслед за Байярдом.

6

Пользуясь поперечным переходом, Байярд Дезоссо провел Монкрифа в коридор, отмеченный голубой полосой; полоса заканчивалась у массивной чугунной двери, украшенной сотней серебряных розеток. Табличка на двери оповещала золотистыми буквами:

«РАСПОРЯДИТЕЛЬ ЛУКАН СКЕЙМ,
ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕЖИССЕРА, ЗАВЕДУЮЩИЙ ДЕКОРАЦИЯМИ РЕКВИЗИТАМИ»

Байярд решил подбодрить Монкрифа: «Распорядитель Скейм — доброжелательный знаток своего дела, он всегда прислушивается к пожеланиям исполнителей. С первого взгляда он может показаться человеком странным, даже слегка не в своем уме, но не придавайте этому никакого значения». Клерк прикоснулся к затвору, и чугунная дверь сдвинулась в сторону. «Желаю удачи!» — Байярд откланялся и ушел, прихрамывая, обратно по голубой полосе.

Монкриф сделал шаг вперед и тут же остановился, пораженный открывшейся перед ним картиной. Весь объем ярко освещенного внушительного помещения был хаотически загроможден, от пола до потолка, всевозможными сценическими реквизитами — за исключением дальнего конца, где распорядитель Скейм восседал за причудливым столом между двумя работниками, корпевшими над верстаками.

Монкрифа никто не приветствовал. Моргнув, импресарио посмотрел по сторонам, вверх и вниз. Практически весь зал управления был заставлен столами, заваленными, помимо знакомых Монкрифу устройств, аппаратурой неизвестного назначения.

Монкриф медленно двинулся вперед, ошеломленный окружившей его сумятицей форм, цветов и хитроумных механизмов. В застекленных шкафах хранились сотни чучел диковинных зверей, привезенных с далеких планет; манекены в характерных костюмах всевозможных рас Ойкумены стояли группами или имитировали выполнение работ, типичных для их культур. Повсюду — насколько можно было судить, в полном беспорядке — возвышались макеты сооружений различных эпох и народов. Здесь можно было заметить

миниатюрные реплики скромных жилищ, павильонов и дворцов, небольших причудливых хижин и крепостей, сторожевых башен и горнолыжных баз. Под потолком на бронзовых цепях висели люстры, лампы и фонари сотен различных стилей, в том числе старинные, архаические и примитивные — все они горели, будучи оснащены надлежащими источниками света. В промежутках между манекенами, макетами и столами поблескивали металлом загадочные механизмы и электрические устройства. Под потолком вдоль стен тянулись полностью окружавшие помещение полки с рельсами — по ним двигались поразительно детальные модели автомобилей и локомотивов, причем некоторые из них время от времени издавали тихие гудки, звонки и свистки.

Монкриф отказался от дальнейших попыток объять и усвоить все многообразие этого хранилища театральных сокровищ. Он направился прямо к столу Скейма — объекту экстравагантной формы: поверхность шириной метра полтора почти полностью окружала сидевшего в центре распорядителя, словно стиснутого выпрямляющимися по бокам концами подковы.

Внимание Скейма сосредоточилось на страницах огромного тома, пестрящих изображениями модно одетых молодых женщин, внешность каковых не обязательно соответствовала расовым характеристикам бленков; торсы и конечности этих женщин были вычурно изогнуты в самых неестественных позах, а их наряды отличались чрезмерной стилизацией. Заведующий реквизитами был настолько поглощен изучением этих иллюстраций, что, казалось, не замечал Монкрифа, остановившегося прямо перед его столом.

Антрепренер изучал внешность распорядителя Скейма. Перед ним был человек характерной и необычной внешности. Так же, как Занк — и, по сути дела, так же, как Байярд — он мало напоминал типичного бленка; скорее всего, во всех этих людях присутствовала какая-то генетическая примесь. «Шимераты?» — спросил себя Монкриф, но не мог ответить на этот вопрос. У Скейма, высокого, худощавого и узкоплечего, с тонкими костлявыми руками и пальцами, было продолговатое, узкое и бледное лицо с тонким носом, широким, вечно кривящимся ртом и бледно-зелеными глазами под почти неподвижными бровями. На нем был свободный халат в темно-синюю и зеленую полоску, на шее распорядителя висела тонкая чугунная цепочка с большим сферическим опалом не меньше пяти сантиметров в диаметре, голову его покрывала лихо сдвинутая набекрень темно-бежевая шляпа с плоской тульей и чрезвычайно широкими полями.

Наконец Скейм осознал присутствие Монкрифа. Захлопнув огромный том, он повернулся на шарнирном стуле: «Прошу прощения, сударь! Я погрузился в размышления. Могло возникнуть впечатление, что я не замечал ничего вокруг. Так или иначе, теперь я могу посвятить свое внимание вам, целиком и полностью. Чем я могу вам помочь? Но прежде всего — садитесь! Снимите со стула ажурный плащ из ангельских перьев — да-да, тот самый! — и воспользуйтесь сиденьем по назначению, после чего мы сможем перейти к обсуждению интересующего вас вопроса».

Монкриф выполнил полученные указания и представился: «Меня зовут Марсель Монкриф, я руковожу известной труппой Чародея Монкрифа. Нам выделили время для представления — мы будем выступать уже послезавтра. Распорядитель Занк посоветовал мне сразу проконсультироваться с вами по поводу сценических реквизитов, которые могли бы нам потребоваться».

«Да-да, разумеется. Какого рода программу вы имеете в виду?»

«Мы представим сюиту из трех номеров, различных по характеру. Надеюсь, это не слишком обременит ваши ресурсы».

Скейм улыбнулся, покачал головой и прикосновением пальца заставил волноваться широкие поля своей шляпы: «Маловероятно! Здесь, в «Треванионе», мы можем воспроизвести практически любые сценические эффекты — морские бои, разрушения великих городов, схватки фантастических чудовищ невероятных размеров, а также астрономические зрелища, такие, как столкновения черных дыр, взрывы сверхновых и прочие галактические катаклизмы — с помощью голографических проекторов, как вы понимаете. Короче говоря, мы можем подготовить любые требуемые декорации в кратчайшие сроки».

«У вас поистине впечатляющие возможности!» — с почтением заметил Монкриф.

Скейм рассмеялся — почти как шаловливый ребенок: «Так может показаться, хотя наша основная система предельно проста. Если хотите, я могу ее объяснить».

«Было бы очень любопытно узнать!»

Скейм выпрямился на стуле: «Овальную в плане сцену «Треваниона» пересекает, вдоль продольного эллиптического диаметра, высокий экран — стена, если хотите. Пока используется половина овала, обращенная к зрителям, рабочие сцены устанавливают на другой половине декорации, предусмотренные либретто следующего номера, используя любые из тысяч реквизитов, хранящихся у нас на складах. По окончании каждого номера занавес опускается и сцена поворачивается — когда занавес снова поднимают, зрители видят новые декорации. Вот и все. А теперь, если вы предоставите мне сведения, относящиеся к вашей труппе и к вашему представлению, а также описание декораций, которые потребуются при исполнении каждого номера, я приступлю к составлению инструкций».

Монкриф изложил сущность своего сценария. Когда он закончил, Скейм поразмышлял несколько минут, после чего сказал: «Последовательность ваших номеров, насколько я ее понимаю, весьма изобретательна. Контраст настроений между первым и вторым номерами произведет желаемый эффект. Первый эпизод может произвести странное, гипнотическое впечатление; события разворачиваются с неизбежностью судьбы».

«Рад слышать, что вы одобряете мой замысел», — скромно отозвался Монкриф.

Скейм кивнул, что снова заставило волноваться поля его шляпы: «Во втором номере создается новая атмосфера: веселая и радостная, как забавы детей на поляне. усеянной желтыми и белыми цветами! Идея трех девушек, пытающихся оживить мраморную статую — со всеми ее эротическими обертонами — завораживает. Завершающий эпизод, в котором девушки, танцуя, убегают по цветущему лугу, а статуя — теперь уже ожившая и возбужденная страстью — стремится их догнать, но шатается, спотыкается и падает в тростниковые заросли, протягивая руку к недостижимым девичьим силуэтам, скрывающимся за горизонтом… да, это заставит дрогнуть струны многих сердец».

Монкриф пожал плечами, притворно возражая против излишней похвалы: «Мне повезло — у меня исключительно талантливая труппа».

Скейм скептически поджал губы: «Не сомневаюсь! Но в том, что касается эпилога — должен признаться, я в некотором замешательстве. При всех его изящных и красочных атрибутах этот номер может выглядеть слегка авангардистским, то есть непонятным с точки зрения зрителя-бленка»

Монкриф благодушно рассмеялся: «Что вы, в самом деле! Третий номер задуман в качестве коды, объединяющей всю программу».

Скейм продолжал сомневаться: «Кода? Мало кто из бленков понимает значение этого слова. Еще меньше надежды на то, что они разгадают символизм вашей постановки — допуская, что, будучи изумлены и потрясены, они вообще сохранят способность мыслить».

«Все это не так уж важно, — возразил Монкриф. — Сцена произведет желаемый эффект; публика помолчит пару секунд, очнется, рассмеется и разразится выкриками «Браво!» и аплодисментами».

Скейм задумался, после чего едва заметно пожал плечами: «Возможно. Подозреваю, что в любом случае ничего страшного не случится — не считая одной или двух истерик, чреватых преждевременными родами в зрительном зале. Но бленки, несомненно, предпочли бы выступление дрессировщика каких-нибудь жутких бестий — или легкомысленный эротический фарс».

«Никак не могу оправдать такие ожидания! И мои «бестии», и мои девушки исключительно целомудренны. Они даже обнажить ягодицы осмелятся разве что в том случае, если им придется прыгать из окна горящего здания. Надеюсь, ваша компетенция более чем достаточна в том. что касается остальных аспектов нашей программы?»

«В отношении первых двух эпизодов не предвижу никаких существенных проблем. Каждый из них, конечно, отличается определенными сложностями, но наши бутафоры и декораторы умеют преодолевать такие препятствия. По поводу заключительной сцены возникают проблемы другого рода — но, опять же, они разрешимы. Мы воспользуемся реквизитами из нашей коллекции средневековых осадных сооружений. Это массивное, впечатляющее оборудование».

«Превосходно! — откликнулся Монкриф. — А теперь, как насчет гардероба?»

«Костюмы изготовят в соответствии с вашими указаниями. Если хотите, вы можете просмотреть мои альбомы. Думаю, что ассортимент окажется достаточно обширным».

Монкриф приятно провел полчаса, просматривая альбомы Скейма, и выбрал костюмы, показавшиеся ему оптимальными.

«Очень хорошо! — одобрил Скейм. — Заметно, что у вас наметанный глаз. Если завтра утром вы приведете ваших исполнительниц для примерки, костюмы будут готовы сразу после полудня».

«Я высоко ценю вашу помощь, — поклонился Монкриф. — Без вас мы никак не справились бы. «Треванион» — великолепнейший из театров Ойкумены. По меньшей мере, мне еще не приходилось видеть ничего подобного, а я выступал на многих планетах!»

«Благодарю вас, — отозвался Скейм. — Похвала такого опытного постановщика, как вы, имеет большое значение».

«Еще один вопрос, — вспомнил Монкриф. — Перед вечерним представлением моя труппа и команда нашего звездолета хотели бы прибыть в «Треванион» на судовом автолете. Где им лучше всего приземлиться?»

Скейм ответил без колебаний: «У северной стены «Треваниона», на уровне второго яруса, предусмотрена посадочная площадка — ничего не может быть удобнее. Она предназначена для шимератов, желающих прилетать на собственных машинах и сразу подниматься в ложи, но на площадке всегда остаются свободные места. Особый коридор ведет с этой площадки в своего рода гостиную рядом со сценой. Лифты поднимаются на балконы верхнего яруса, но ими редко пользуются. Предусмотрен ряд сидений, позволяющих смотреть на сцену из-за кулис. Рекомендую команде вашего звездолета воспользоваться этой возможностью».

Монкриф снова рассыпался в благодарностях и откланялся.

7

На следующее утро Мирон вновь отправился в управление диспетчера космического порта. Как прежде, Рико Йейл сидел, лениво развалившись за широким, крепко сколоченным столом.

Йейл дружески кивнул Мирону и указал на стул: «Садитесь и покажите мне бумаги, которые вы несете так бережно, словно они — готовая разбиться вдребезги хрустальная ваза».

Мирон сел и разложил на столе перед диспетчером маршрутные карты. Йейл наклонился и с любопытством просмотрел их. Через некоторое время он поднял голову: «Насколько я могу судить, не пользуясь компьютером, это оптимальный маршрут. Но что означают красные метки — здесь, в Глейме на Подморе, и здесь, в Крое на Новой Надежде?»

«Значение этих символов трудно объяснить в двух словах, — ответил Мирон. — Вылетев из Первого Лагеря на Вельтерсе, мы прибываем в Глейм, а следующая остановка — в Крое. Но если вы взглянете на карту, вы заметите, что Флютер находится неподалеку от траектории, соединяющей Подмор и Новую Надежду. В Коро-Коро группа паломников ожидает первой возможности добраться до Бесовской Высадки на Кириле. Для нас было бы удобно забрать паломников с Флютера перед тем, как направиться в Крой — особенно в том случае, если у вас найдется какой-нибудь груз для фляутов».

«Такой груз нетрудно подыскать».

«Высадив паломников на Кириле, мы продолжим полет в Океанию на Лавандере, то есть в последний порт, указанный в вашем списке. А из Океании мы отправимся к Нахариусу, где мне предстоит закончить одно дело семейного характера».

«Нахариус? — Йейл откинулся на спинку стула. — До меня доходили слухи об этой планете. Не обязательно достоверные, но — скажем так — любопытные».

Мирон печально улыбнулся: «На Нахариусе моя престарелая родственница надеялась найти секрет вечной молодости и красоты. Хотел бы я знать, что́ она там нашла!»

Йейл взглянул в окно с задумчивой полуулыбкой на лице: «Слухи разлетаются по космическим путям, как светлячки в чаще ночного леса. Иногда они поражают воображение. Не сомневаюсь, что на других планетах люди нашептывают друг другу небылицы даже о Бленкинсопе, о пяти городах, о шимератах — даже об изгоях, прозябающих в Темном Лесу…»

Диспетчер облокотился на стол: «А теперь — о коврах. Вы можете рассчитывать на выгодную сделку. Я потихоньку наводил справки, связавшись с представителями пяти крупнейших торговых фирм в четырех периферийных городах. Они немедленно заинтересовались. Я получил предложения, позволяющие выручить от четырехсот до четырехсот двадцати пяти сольдо за ковер — с условием проведения предварительной инспекции товара. Против инспекции я не возражал, хотя еще не брал на себя никаких обязательств. Если вы согласитесь с этим условием, инспектор может прибыть в ближайшее время на самоходной подводе, позволяющей увезти товар без лишнего шума».

«Мы согласны. Расценки, на мой взгляд, удовлетворительны».

«Я тоже так считаю. Сразу после передачи прав собственности на ковры складские рабочие займутся перегрузкой товара. Дело будет в шляпе еще до полуночи, и вы сможете вылететь рано утром».

«Мы останемся в Каксе еще на один день, — сказал Мирон. — Монкриф и его труппа выступят в «Треванионе» завтра вечером. Мы вылетим утром следующего дня».

Зазвонил телефон под рукой диспетчера; тот поднял трубку, не включая экран: «Диспетчер Йейл слушает. Чем могу быть полезен?»

Мирон не расслышал слова собеседника Йейла, но манеры диспетчера сразу изменились — он ответил прохладно-официальным тоном: «Нет, сударь, дело обстоит вовсе не таким образом. То, на что вы намекаете, не имеет никакого отношения к нашим намерениям». Выслушав довольно продолжительную тираду, Йейл продолжил так же равнодушно и строго: «В данном случае я выступаю в роли частного консультанта. Владелец товара — молодой астронавт с другой планеты, предъявивший достаточно надежные рекомендации, но незнакомый с методами заключения коммерческих сделок на Бленкинсопе… Нет, он не возражает против возможной сделки с «Мономархом» на не менее выгодных условиях». Еще раз выслушав собеседника, Йейл ответил: «Предлагаются сорок шесть ковров высшего экспортного качества, доставленные непосредственно со Звездной Обители. Мы хотели бы получить по пятьсот сольдо за ковер. Пока что другие стороны предлагают не больше четырехсот двадцати пяти».

Разговор продолжался. Наконец Йейл сказал: «Я сообщу о вашем предложении продавцу, находящемуся в данный момент у меня в управлении. Будьте добры, подождите минутку». Диспетчер повернулся к Мирону: «Представитель «Мономарха» готов заплатить по четыреста семьдесят пять сольдо за ковер. Принять его предложение?»

«Конечно, конечно!» — откликнулся Мирон.

Йейл сообщил скупщику о согласии владельца товара и положил трубку. «Дело сделано, — сказал он Мирону. — Не будет никаких задержек. Инспектор и подвода прибудут в течение часа».

«А наличные они привезут?»

«Разумеется! Торговля — двигатель прогресса, но никакой двигатель не может работать без смазки… — Йейл прикинул в уме. — После вычета моих комиссионных вы получите чистоганом восемнадцать тысяч семьсот шестьдесят восемь сольдо. Это соответствует вашим расчетам?»

«Полностью».

«Сотрудничество с вами оказалось прибыльным, — заметил Йейл. — Хотел бы я, чтобы такое случалось каждый день!»

«Кто этого не хочет?»

«Остается одна деталь, — спохватился диспетчер. — Я должен сообщить распорядителю Гарлоку из торгового дома «Парре» о том, что наша предварительная договоренность отменяется».

Йейл набрал номер и принес распорядителю Гарлоку надлежащие извинения, каковые тот принял в надлежащих выражениях. Диспетчер с облегчением положил трубку.

«Как только за ковры заплатят и мы от них избавимся, — сказал Мирон, — складские рабочие могут начать загрузку трюмов. Я оформлю транспортные накладные, и «Гликка» будет готова к вылету».

~

Глава 10

Вечером, когда уже начинало смеркаться, Шватцендейл опустил автолет на поле космодрома и отвез труппу Монкрифа, а также капитана Малуфа, Винго и Мирона, на посадочную площадку у северной стены «Треваниона».

Все они зашли в огромный театр. Монкриф и его исполнительницы направились в костюмерную, чтобы приготовиться к первому номеру, а команда «Гликки» нашла закулисную гостиную, упомянутую распорядителем Скеймом, и заняла кресла, позволявшие беспрепятственно наблюдать за происходящим на сцене.

Зал уже наполнялся начинавшими прибывать зрителями, стремившимися найти места получше. Некоторые завсегдатаи задерживались у прилавков, окаймлявших центральный проход в зал, чтобы купить свертки с жареными моллюсками, медовыми колбасками, палочками вяленой требухи и прочими деликатесами, призванными подкреплять их во время представления. Другие запасались продуктами иного свойства — тухлой рыбой, пакетами с дохлятиной и гнилыми фруктами, а также ведерками со слизью и экскрементами — чтобы вознаграждать по заслугам бездарных артистов. В особом погребе под театром хранились более чем достаточные резервы таких материалов.

Шло время. Люстры моргнули и стали блекнуть. Из высоко подвешенных громкоговорителей послышалась музыка: возгласы медных труб, звонкие переливы тарелок, дробь барабанов. Маршеобразная каденция закончилась тремя ударами низко гудящего гонга.

Прозвучал голос, гулко разносившийся по всему залу: «Сегодня в «Треванионе» — необычная программа! Выступают выдающиеся мастера со всех концов Ойкумены! В первом номере силурийцы выполнят достопримечательные упражнения — так называемые «извилистости». Вы не поверите своим глазам!»

Зал ответил жидковатыми аплодисментами.

Голос продолжал: «После того, как силурийцы завяжутся в узлы и развяжутся, Прюфелегрыз расскажет, как он избегает ловушек, расставленных его недостаточно прозорливой матушкой. Нашему любимцу По-По придется изрядно пошевелить мозгами! Как ему не стыдно вести себя так нехорошо?»

Этому объявлению зрители аплодировали с энтузиазмом.

«Затем нас познакомит с тремя номерами из своего обширного репертуара знаменитая межпланетная труппа Чародея Монкрифа, заслужившая признание во многих секторах Ойкумены!»

За машинальным коротким всплеском аплодисментов последовали несколько мяукающих возгласов, хрюканий и свистов.

Перечислив прочие номера, включенные в продолжительную вечернюю программу, конферансье объявил: «В связи с неувязками административного характера «Плюхошлепы» сегодня выступать не смогут — и не только сегодня, но и в ближайшем будущем».

Это известие было встречено возмущенным хором улюлюкающих голосов и громким свистом.

Привычный ко всему, конферансье продолжал: «А теперь — силурийцы и их головокружительные «извилистости»!»

Из левой кулисы на сцену выкатились шесть круглых серых рулонов; они по очереди

остановились, каждый у своего шеста. Рулоны развернулись; каждый превратился в длинную фигуру, закутанную с ног до головы в серую ткань. По какому-то сигналу, незаметному для публики, серые фигуры обняли блестящие шесты и скользнули по ним вверх, к перекладинам. Они соединились в орнаментальную композицию, застывшую на несколько секунд, после чего композиция распалась — и начался первый этап «извилистостей».

Серые фигуры перемещались из стороны в сторону, вверх и вниз, вращаясь и кувыркаясь, образуя не поддающиеся запоминанию мимолетные орнаменты из тел, и в конечном счете вернулись к первоначальной застывшей композиции. Некоторое время они оставались в таком положении, но снова разлетелись в стороны, и последовал второй этап. Теперь фигуры двигались неспешно и ритмично, с судьбоносной решительностью, словно стараясь поведать какую-то ужасную тайну, но затем потихоньку восстановили исходную неподвижную конфигурацию.

В течение двадцати секунд фигуры не шевелились, а затем приступили к третьей стадии «извилистостей». Сочетания тел стали более определенными, но, тем не менее, приводили зрителей в замешательство, так как порой казалось, что на перекладинах вертятся четыре фигуры, а не шесть, а иногда их становилось восемь. Композиции постепенно усложнялись, но в конце концов хаотически рассыпались — все это вызывало странные, невыразимые словами эмоции. Фигуры бесшумно соскользнули с шестов, свернулись в рулоны и выкатились со сцены. Занавес опустился.

Несколько секунд зрители молча сидели и часто моргали; мало-помалу некоторые стали хлопать в ладоши — неуверенно и осторожно, словно не зная, чему именно они аплодируют.

Светильники разгорелись, чтобы публика стряхнула с себя оцепенение. Объявили короткий перерыв: желающие могли обновить запас закусок и напитков. Затем люстры снова погасли.

Из громкоговорителей разнесся голос конферансье: «Силурийцы смотались, наградив нас временным косоглазием. Это скоро пройдет — где-то неподалеку шныряет Прюфелегрыз По-По! Как всегда, ему не везет, но иногда даже ему удавалось одержать славную победу — например, когда ему поручили принести прюфели в подарок умирающему дедушке! Но, как правило, его авантюры заканчиваются трагически. По-По уже идет — слышите?»

В зале наступила тишина — зрители старались расслышать какие-нибудь признаки приближения Прюфелегрыза. Центральную часть сцены озарил расплывчатый круг мягкого света. Что-то появилось в щели между половинами занавеса — какой-то почти незаметный бугорок. Объект этот продолжал постепенно выдвигаться, и теперь можно было различить тихий хруст, напоминавший звуки, раздающиеся, когда крыса выскребает деревянную обшивку стены. Звуки становились все громче: «Крсст! Крсст! Крсст!»

Публика поняла наконец, что высунувшийся бугорок — не что иное, как нос, и по залу пробежал шорох радостного нетерпения. Занавес всколыхнулся, и в прореху выглянула круглая физиономия с пухлыми розовыми щеками, длинными гладкими волосами оттенка нюхательного табака и вздернутой кнопочкой носа. По-По дожевал и проглотил то, что держал во рту, после чего, лукаво подмигнув зрителям, отступил назад, и половины занавеса сомкнулись.

«По-По! По-По!» — топая ногами, вызывали клоуна зрители. Кто-то прокричал: «У нас карманы набиты прюфелями! Выходи, получай!»

Занавес распахнулся, и на сцену кувырком выскочил По-По — в свободной светло-

коричневой рубахе и красновато-коричневых панталонах, расклешенных под коленями. Парень с заметным брюшком, он был на полголовы ниже среднего роста. На голове у него нахально торчала красная шапочка с помпоном, круглые, слегка выпученные глаза были широко расставлены. Исполнив странный короткий танец — что-то вроде карикатурного марша на месте — По-По остановился и принялся монотонно напевать дребезжащей скороговоркой:

«Я — По-По Прюфелегрыз, конкурент голодных крыс! Если прюфель вижу я — ухожу, его жуя! Где бы ты ни спрятал прюфли — под подушкой или в туфли — я разнюхаю мгновенно тайничок твой драгоценный! Взял я прюфельный горшок, сдвинул крышку на вершок — а в горшке, увы и ах, крыса с прюфелем в зубах! Надо было суп варить, мать родную накормить — я все прюфели стащил, суп из крысы ей сварил! И кому какое дело, что мамаша крысу съела?»

По-По вынул из кармана небольшой прюфель, высоко подкинул его в воздух, прытко подбежал и поймал его зубами.

«Вчера соседская черная собачка совершила преступление, — доверительно обратился он к публике. — Стащила мой отборный прюфель! Я взял дубинку и выследил ее — она унесла прюфель в кусты и с наслаждением его грызла! Ох уж и отколотил я ее! Живого места не оставил! А тут, смотрю — откуда ни возьмись, еще одна такая же черная собачка, с моим прюфелем в зубах! Оказывается, я колотил не ту собачку! Неважно — я тут же исправил ошибку, огрел по спине второго пса и отнял у него свой прюфель!» — По-По исполнил несколько па своего причудливого танца:

«Я — По-По Прюфелегрыз, конкурент голодных крыс! За версту я прюфли чую — все найду и все стащу я, отниму их у детей, беспардонный прохиндей! В подземелье под замкóм прячет прюфли скопидом — мне преграды нипочем, голод служит мне ключом! Привлеченный ароматом, подкрадусь я воровато и устрою пир горой в разоренной кладовой! Снизу вверх и сверху вниз, я — По-По Прюфелегрыз!»

Комик продолжал эпическое повествование о своих победах и поражениях, воспевая вкусовые качества несравненного корнеплода и прерывая частушки неуклюжими прыжками и взбрыкивающим танцем. Он попробовал сделать сальто-мортале, но неудачно приземлился и некоторое время стоял на голове, размахивая руками и ногами, пока у него из карманов сыпались прюфели. Наконец, опустившись на четвереньки, выпятив обширный зад и принюхиваясь, как собака, он принялся лихорадочно собирать разбросанные по сцене прюфели. Собрав все до единого и засунув последний в рот, он вприпрыжку скрылся за занавесом, заслужив взрыв аплодисментов.

Публика продолжала шуметь, вызывая популярного клоуна на бис. По-По вернулся на сцену и прошелся по ней колесом — зрители одобрительно свистели, топали ногами и улюлюкали. Комик снова убежал. Загорелись люстры, начался антракт; зрители выходили в фойе и возвращались с закусками.

В зале снова наступила темнота. Зазвучал гулкий голос конферансье: «По-По отвлекся важным делом — матушка подала ему полную миску отборных прюфлей. Уверен, что он скоро вернется, чтобы сообщить нам о своих новых злоключениях. Но теперь маэстро Монкриф и его замечательная труппа выступят с программой из трех экзотических номеров, чтобы познакомить нас с чудесной страной волшебства и красоты! Позвольте представить вам знаменитую труппу Чародея Монкрифа!»

После вульгарных глупостей клоуна По-По, основанных на повседневных реалиях

местной жизни, публика не была готова приветствовать каких-то инопланетных гастролеров и не выразила особого энтузиазма.

Монкриф выступил на сцену; его приветливая внешность и любезные манеры не вызвали у зрителей никакой симпатии. Шарлатан надел элегантный костюм из черного бархата и серый плащ с каймой, расшитой узорами из алхимических символов. Когда он с улыбкой поклонился публике, из зала донеслись несколько мяукающих и тявкающих возгласов.

«Уважаемые горожане Какса и жители благородных возвышенностей и плодородных равнин Бленкинсопа! Мне почти нечего сказать — кроме того, что мы благодарны за возможность выступить в «Треванионе», несомненно одном из лучших и роскошнейших театров Ойкумены! Предлагаю вам приобрести опыт неповторимых переживаний, увидев своими глазами магическое представление труппы Чародея Монкрифа! Оно говорит за себя и не нуждается в лишних вступлениях. Не буду больше вас задерживать!» — Монкриф с достоинством поклонился и покинул сцену.

Публика, теперь уже в какой-то степени заинтересованная, отозвалась жидкими хлопками и приготовилась оценить чудеса, на которые намекнул антрепренер.

Занавес раздвинулся, открыв взорам тропические джунгли с голографической проекцией лиловых гор на заднем плане.

Первая сцена была исполнена безукоризненно, вплоть до ее мрачного, леденящего кровь финала. Некоторое время зрители сидели молча, по-видимому не совсем понимая, как им следует относиться к столь необычной фантасмагории, но в конце концов отреагировали осторожными аплодисментами.

Занавес снова раскрылся — теперь сцена изображала идиллический пасторальный ландшафт. Номер начался с танца нимф в коротких белых юбочках и закончился роковым отчаянным падением ожившей статуи в тростники.

Опустилась постепенно мутневшая пелена, скрывшая от глаз трагическую картину на лугу. Аплодисменты были негромкими — зрители опять же не были уверены в том, как надлежало реагировать на непривычное представление. Монкриф снова вышел на сцену, встал перед занавесом и поднял обе руки, словно призывая к тишине и так уже достаточно молчаливый зал:

«Мы предложили вашему вниманию два номера из нашей программы. Рад видеть, что наши творческие усилия не пропали даром. Что такое искусство? Это передача эмоций посредством применения символов, понятных как творцу, так и тем, кто воспринимает его творение. Не сомневаюсь, что бленки остро переживают эмоции, послужившие основой для нашей фантасмагорической сюиты!

Для того, чтобы отдать должное вашему вниманию и отпраздновать вашу восприимчивость, мы заменили третью сцену, которая могла бы вызвать у вас разочарование, своеобразным праздничным финалом, позволяющим наилучшим образом выразить наше искреннее восхищение бленками и вашей потрясающей цивилизацией! Мы посетили множество планет и познакомились со множеством самых разнообразных культур, но ни одна из них не произвела на нас такое глубокое впечатление, как культура Бленкинсопа!

Короче говоря, мы считаем, что обязаны выразить благодарность за ваше гостеприимство и за ваше благосклонное отношение к необычной программе. Надеемся приятно вас удивить — уверен, что вам надолго запомнится окончание нашего

выступления!»

Монкриф повернулся к кулисе и подал знак. Появилась вся его труппа, теперь уже в обычных балаганных костюмах. «Ага! — воскликнул Монкриф. — Вот они, все тут как тут!» Обратившись к девушкам и клутам, он сказал: «Можете занять свои места. Всюду поспевайте, ничего не забывайте!»

Все исполнители, включая Монкрифа, спрыгнули на широкий плоский выступ авансцены. На этом уступе были расставлены через равные промежутки шесть пар массивных объектов, закрытых чехлами.

«А теперь — приготовились!» — скомандовал Монкриф. Каждая из трех девушек и двух амазонок встали у одной из зачехленных сдвоенных форм, а сам антрепренер подошел к шестой паре: «Внимание! Считаю до трех! Не зевайте, все должно быть сделано одновременно! Готовы? Раз!»

Все шестеро наклонились, сорвали чехлы и сбросили их на пол. В зал уставились дула двенадцати тяжелых гаубиц, закрытые фольгой и бантиками из розовых лент.

«Два!» — скомандовал Монкриф. Девушки и клуты, стоявшие между гаубицами, развели руки в стороны и прикоснулись к большим красным кнопкам на орудиях, справа и слева.

«Три!»

Двенадцать кнопок одновременно загорелись; орудия оглушительно выстрелили, и над партером вознесся фейерверк небольших снарядов. Но вместо сладостей, сувениров, фруктовых леденцов и надушенных конфетти, заряженных в гаубицы Монкрифом, на головы зрителей посыпались дохлая рыба, экскременты, обрывки кишок, гнилые фрукты и десятки других, не менее вонючих, липких и во всех отношениях оскорбительных мерзостей. Брызги некоторых зловонных жидкостей долетели до балконов нижнего яруса, что вызвало изумленные восклицания хуммеров. Только шимератам удалось избежать осквернения — впоследствии многие из них поздравляли друг друга с тем, что им посчастливилось присутствовать на таком единственном в своем роде спектакле.

В зале воцарилась странная глубокая тишина. Затем, мало-помалу, стали раздаваться выкрики, полные бешеной злобы, слившиеся в дикий, оглушительный рев. Зрители вставали, направляясь ко сцене.

Монкриф отреагировал мгновенно. «Наверх! — приказал он труппе. — Наверх и наружу!»

Девушкам и клутам не потребовались повторные указания. Они вскочили на сцену и убежали в гостиную за кулисами; Монкриф почти не отставал. На авансцену уже взбиралась первая волна обезумевших от ненависти бленков. Обернувшись, Монкриф успел заметить за кулисами с противоположной стороны сцены нескольких бородатых акробатов в кожаных штанах, потрясавших кулаками и торжествующе скаливших зубы. «Поистине, месть шлюхоплетов беспощадна!» — подумал шарлатан.

Труппа, Монкриф и команда «Гликки» выбежали на посадочную площадку и поспешно забрались в автолет. Шватцендейл поднял его в воздух, когда замызганные нечистотами бленки уже высыпали на стоянку — глядя вверх, вслед удаляющейся машине, они выкрикивали страшные угрозы и проклятия.

Вернувшись в космопорт, Шватцендейл и Мирон без проволочек подняли автолет в предназначенный для него отсек; все поднялись по трапу звездолета, и «Гликка» тут же взлетела.

Огни Какса померкли в ночной облачной дымке. «Гликка» вынырнула из этой пелены навстречу звездному небу и оставила Бленкинсоп далеко за кормой.

~

Глава 11

Покинув планету бленков, «Гликка» летела по маршруту, пересекавшему удаленные и малопосещаемые секторы Ойкумены, но в конечном счете приводившему ее обратно в Коро-Коро на Флютере. На борту звездолета постепенно восстановился заведенный порядок, но кое-что изменилось. Монкриф пребывал в замкнутом и мрачном настроении: катастрофа в «Треванионе» не позволила ему получить причитавшийся труппе гонорар, и потеря этих денег нанесла ему незаживающую душевную рану. Антрепренер проводил часы, изобретая всевозможные способы заставить театрального казначея выплатить обещанную сумму; тем временем он манкировал репетициями — труппа бездействовала.

Характер клутов стал еще более раздражительным; сгорбившись на софе в углу салона, они что-то бормотали, неприязненно поглядывая на окружающих. Настроение девушек-танцовщиц было труднее определить. Последние события в «Треванионе» испугали их; никогда еще они не становились объектами безудержной ярости толпы, и присущая им беззаботная невинность слегка стушевалась.

Первым пунктом назначения, указанным в плане полета «Гликки», был Фальзиэль на планете Мирстен. На единственном обитаемом континенте этого мира преобладал центральный горный массив, а в лесистых прибрежных районах инопланетные животные и растения размножались наравне с туземными разновидностями. Местное население бережно эксплуатировало лесные ресурсы, экспортируя драгоценные породы дерева в Какс и в другие города Ойкумены.

В Фальзиэле обосновались учреждения Института — первоначально Дендрологического института, со временем превратившегося в правительственную организацию, осуществлявшую как исполнительные, так и судебные полномочия по всей территории Мирстена.

Выдержка из «Путеводителя по планетам»:

Фальзиэль

«Путешественник может посетить многие столицы Ойкумены, но вряд ли повстречает город, сравнимый с Фальзиэлем в том, что касается архитектурного единообразия.

Фальзиэль занимает почти квадратное поле со стороной меньше полутора километров в длину. Строительство каких-либо дополнительных или пригородных кварталов, выходящих за эти границы, строго запрещено. Вдоль проспектов высятся величественные здания, насчитывающие до семи этажей, хотя во многих случаях они ниже. Все они построены в соответствии с одними и теми же стандартами, отличаясь одно от другого лишь размерами, и у всех одинаковые фасады, благодаря какому-то волшебству пропорциональных соотношений производящие не поддающееся определению впечатление безукоризненной элегантности. На крыше каждого здания красуется купол из блестящего красно-коричневого дерева, со стройным шпилем на вершине.

Обитатели Мирстена — практичные люди, парадоксальным образом подверженные, однако, боязни призраков и других сверхъестественных существ, населяющих, по их мнению, безлюдные темные места. Подобные верования больше всего распространены в уединенных горных селениях, где дождливыми ночами местные жители собираются вокруг очагов и рассказывают детям зловещие басни, повторяемые из поколения в поколение».

В свое время «Гликка» опустилась на поле космопорта Фальзиэля. Косые лучи вечернего солнца оттеняли очертания волшебного города, усеянного сотнями лакированных куполов из красного дерева.

Сразу по прибытии Малуф и Мирон прошли к зданию портового управления, чтобы договориться о разгрузке товаров. В этом здании они нашли кабинет со следующей надписью на двери:

«НАЧАЛЬНИК КОСМИЧЕСКОГО ПОРТА
АРМАН РУФТ
ЗАХОДИТЕ!»

Два астронавта сдвинули дверь в сторону и вступили в помещение со стенами, обшитыми панелями бледно-коричневого дерева. За конторкой стоял человек средних лет и среднего роста, с заметным брюшком, что свидетельствовало о пристрастии к легкой жизни. У него было круглое веселое лицо под копной густых белоснежных волос. Как только Малуф и Мирон приблизились, бонвиван отложил в сторону большую оплетенную керамическую бутыль, изучением каковой он занимался, и радостно, слегка нараспев приветствовал посетителей: «Господа, перед вами — начальник космического порта, вы меня нашли! Меня зовут Арман Руфт, я к вашим услугам».

Малуф представился и представил Руфту Мирона: «Мы работаем на борту звездолета «Гликка» — только что прибывшего, как вы, несомненно, могли заметить. Мы привезли в Фальзиэль товары из Какса и готовы их разгрузить, когда это будет удобно».

«С разгрузкой придется подождать до завтра, так как складские рабочие уже разошлись по домам».

«Это нас вполне устроит, — откликнулся Малуф. — У нас будет возможность познакомиться с вашей достопримечательной столицей».

Руфт усмехнулся и покачал головой: «Если ваши ожидания мало отличаются от представлений большинства астронавтов, оказавшихся в незнакомом городе, скорее всего вы будете разочарованы. У нас нет никаких питейных заведений или ночных клубов, где люди могли бы вволю развлекаться по своему усмотрению. В общем и в целом мы — в высшей степени сдержанный и трезвый народ».

Капитан Малуф удивленно рассмеялся: «Трудно поверить, чтобы такой великолепный город выстроили в высшей степени сдержанные люди!»

«Сдержанность и архитектурное великолепие вполне совместимы, — возразил Руфт. — Вероятно, существование Фальзиэля как такового объясняется именно сдержанностью». Начальник космопорта переводил взгляд с Малуфа на Мирона и обратно: «Вас это озадачивает?»

Капитан развел руками: «Вы можете как-нибудь объяснить этот парадокс?»

«Несомненно. Объяснение не займет много времени, но от разговоров пересыхает горло — к счастью, у нас есть возможность его промочить».

Руфт поставил на конторку три стаканчика и, приподняв тяжелую оплетенную бутыль, налил в каждый немного рыжеватой жидкости и подвинул два стаканчика поближе к астронавтам: «Это наша лучшая сливовица! Новичкам рекомендуется относиться к ней с почтительной осторожностью».

Малуф и Мирон взяли стаканчики и не преминули заметить изящную, искусно выполненную резьбу на стенках этих маленьких цилиндрических сосудов из плотного темного дерева.

Руфт поднял свой стаканчик и провозгласил тост: «За здоровье высоких деревьев и плодородных женщин!» Опрокинув в глотку содержимое стаканчика, он звучно проглотил его.

Малуф и Мирон попробовали сливовицу осторожнее — душистый крепкий напиток сразу бросался в голову. В конечном счете, однако, они последовали примеру Руфта и допили остающееся зелье залпом, мгновенно ощутив взрыв распространяющегося по всему телу тепла.

«Налить по второй? — с надеждой спросил начальник космопорта. — На одной ноге далеко не ускачешь, одной выпивки надолго не хватит!»

«Может быть, чуть попозже, — слегка охрипшим голосом отказался Малуф. — Я говорю, конечно, только от своего лица».

«Да-да, лучше немного подождать», — согласился с капитаном Мирон.

Руфт, однако, налил себе второй стаканчик и тут же отправил его содержимое в глотку.

«Ага! — начальник космопорта облегченно вздохнул. — Теперь можно смело перейти к делу. Вообразите себе происходившее шестьсот лет тому назад, когда наш древний портовый город, Скольпнес, был разрушен великим наводнением. Несмотря на потоп, в те времена мы процветали, и комиссары Дендрологического института предложили выстроить столицу заново — таким образом, чтобы она достойно символизировала коммерческие успехи Мирстена.

Как раз тогда на нашей планете гостил гениальный архитектор по имени Рийбан Трилль. Спроектированные им здания встречаются на многих планетах Ойкумены. Трилль заслужил завидную репутацию исключительно одаренного и компетентного специалиста, а на Мирстене он поселился, чтобы закончить свои дни в тишине и покое. Комиссары с самого начала решили, что руководство их проектом будет поручено Триллю, хотя архитектор был уже далеко не молод, и к тому времени его здоровье изрядно пошатнулось.

Надеясь использовать его таланты и опыт, комиссары предложили Триллю разработать план застройки нового города. Он рассматривал предложение неделю, после чего представил в ответ перечень условий, на которых он согласился бы взяться за руководство проектом. По существу, он требовал предоставить ему неограниченный контроль на всех этапах проектирования и строительства, не оставлявший никакой возможности для постороннего вмешательства или влияния. Комиссары могли только принять или отвергнуть его условия, в полном объеме. Никакие уступки или компромиссы не допускались.

Комиссары неохотно согласились выполнить требования Трилля. Был заключен договор, подписанный обеими сторонами и торжественно скрепленный печатью Дендрологического института. Трилль немедленно приступил к работе. Произвели геодезическую разведку, разметили координаты будущих перпендикулярных проспектов, и на участке рядом с центральной площадью возвели здание-прототип — в окончательном виде это было семиэтажное сооружение, изготовленное исключительно из драгоценного коричневато-красного дерева и увенчанное великолепным полусферическим куполом. Впоследствии в этом здании разместилось управление Дендрологического института.

Прототип заслужил всеобщее одобрение — даже критики Трилля замолчали. Но именно в этот момент, когда карьера Трилля была в зените, здоровье предало его. Трилля хватил

апоплектический удар; ему спасли жизнь, но он остался паралитиком, почти неспособным говорить и двигаться.

Трилль понимал, что не сможет закончить проект строительства города в том виде, в каком он его задумал, но в то же время ему пришла в голову идея, послужившая решением всех возникших проблем. Одним росчерком пера архитектор приказал строить все городские здания в строгом соответствии с теми стандартами, которые применялись в отношении прототипа; разрешалось изменять только размеры зданий, но не их пропорции.

Смелость такого подхода поразила всех — и сторонников, и противников проекта. Комиссары бурно протестовали — они считали, что, поскольку окончательный план Трилля явно представлял собой безответственный каприз спятившего инвалида, его следовало отвергнуть целиком и полностью. Но перспектива нарушения договора вызвала напряжение в обществе. Как я уже упомянул, мы — сдержанный и трезвый народ. Нам присущи прирожденное чувство личной ответственности и почти религиозное почтение к устоям договорного права. Короче говоря, намерение комиссаров расторгнуть договор с Триллем вызвало такое возмущение, что комиссарам пришлось отступить.

Вырос новый город — и почти немедленно он был объявлен самым совершенным архитектурным достижением Галактики! Трилля окружили невиданными почестями; ему даровали знатный титул с обширным поместьем, ему присвоили звание пожизненного члена-корреспондента Института, что позволяло носить на плече сверкающий золотой знак отличия.

Вот таким образом. Так возник Фальзиэль — плод безумного воображения Трилля и результат нашей непоколебимой приверженности соблюдению цивилизованных норм». Руфт указал на бутыль: «Не пропустить ли нам еще по стаканчику, чтобы отметить столь знаменательную встречу?»

Малуф взглянул на Мирона; тот фаталистически пожал плечами.

«Хорошо, но только капельку».

Руфт щедро наклонил бутыль, заполнив стаканчики так же, как в первый раз, после чего провозгласил очередной тост: «За здоровье высоких женщин и плодородных деревьев!»

Стаканчики с пламенной жидкостью опрокинули согласно заведенному обычаю.

Когда Малуф снова обрел дар речи, он спросил, выговаривая слова с некоторым трудом: «Не порекомендуете ли вы какую-нибудь таверну, где мы могли бы попробовать местный эль?»

«Конечно, конечно! Сразу приходит в голову «Двор короля Гамбринуса» — я сам частенько посещаю это респектабельное заведение. Их крепкий темный портер тяжеловат на мой вкус, но горький силурийский эль не заслуживает ничего, кроме похвалы. Таверна недалеко отсюда — пройдите до первого перекрестка по бульвару, ведущему к космическому вокзалу, и поверните налево. Метрах в пятидесяти впереди вы заметите арочный портик, поддерживающий статую полубога Атласа, в свою очередь взвалившего на плечи глобус Древней Земли. По традиции такой статуей украшена каждая таверна в Фальзиэле».

«Любопытно! — отозвался Малуф. — Ваши сведения могли бы оказаться исключительно полезными, если бы у нас было больше времени на ознакомление с городом».

Руфт вздохнул: «Иногда мне хочется находиться в двух тавернах одновременно. Это позволило бы сэкономить много времени и сил, затрачиваемых на передвижение из одного

заведения в другое».

«Если кто-нибудь и способен сотворить такое чудо, — пробормотал себе под нос Мирон, — так это наш судовой механик, Фэй Шватцендейл».

Вскоре после захода солнца капитан Малуф и его команда направились в город из космического вокзала; Монкриф и его труппа решили остаться на борту «Гликки». Астронавты прошлись по бульвару, повернули налево на первом перекрестке и увидели впереди портик «Двора короля Гамбринуса». Внутри таверна представляла собой длинное, узкое, тускло освещенное помещение со сводчатым потолком и стенами, обшитыми полированными деревянными панелями оттенка темного меда. Столы были рассредоточены по всей длине зала, а бар находился в правом конце, у стены.

Посетителей в таверне оказалось немного. За одним из дальних столов два старика сидели с недопитыми кружками пива, склонившись над шахматной доской. На стене за ними какой-то художник изобразил — судя по всему, давным-давно — короля Гамбринуса собственной персоной, восседающего на величественном золотом троне. В одной руке Гамбринус держал скипетр, в другой — кружку пенящегося пива. Король строго, но в то же время достаточно благосклонно взирал на питейный зал.

За стойкой стоял толстый бармен в белой блузе и в маленькой белой шапочке. Заметив новоприбывших, бармен не проявил особого энтузиазма; тем не менее, он приветствовал их звучным раскатистым баритоном: «Добрый вечер, господа! Вы решили навестить нас в необычно поздний час. Тем не менее, мы сделаем все возможное, чтобы утолить вашу жажду». Широким жестом он указал на пустующие столы: «Присаживайтесь за столом с подходящим астрологическим символом. Или, если хотите, я могу порекомендовать подходящий стол».

«Ваш совет не помешал бы, — отозвался капитан Малуф. — Значение некоторых из этих символов теряется во мраке времен».

«Верно!» — спокойно кивнул бармен. Поразмышляв, он протянул руку: «Вот этот стол, думаю, вас вполне устроит. Он надежен и поддерживал тысячи кружек, лишь изредка опрокидывавшихся. Насколько мне известно, этот стол способствует доброжелательному и великодушному обмену мнениями, даже среди инопланетян. За этим столом никто еще не подавился до смерти, и никто из сидевших за ним еще не пытался сбежать, не заплатив за выпивку».

Четыре астронавта уселись за рекомендованным столом. Бармен спросил: «Что вам подать?»

«А что у вас есть?» — спросил, в свою очередь, капитан Малуф.

«Мы предлагаем превосходные сорта пива и эля на любой вкус: крепкий темный портер, «Особое» пиво фирмы «Сырой погреб», нефильтрованный «Вайверн», эль «Старая злючка», «Бледный готический» эль и горький силурийский эль».

Малуф и все его спутники заказали горький силурийский эль.

Его подали в высоких кружках, изготовленных из выдолбленных коротких поленьев твердого темного дерева. Малуф довольно долго изучал полученную кружку, поворачивая ее то в одну, то в другую сторону. Наконец он обернулся к бармену и спросил: «Это темное дерево как-то называется?»

«Разумеется! Это болотный свиль, он растет в полупогруженном в воду состоянии и никогда не достигает больше двух метров в высоту и метра с четвертью в диаметре. Это

дерево нельзя рубить или пилить в месте произрастания; его вытаскивают с корнем, пользуясь плавучей подъемной стрелой. Стволы обтесывают, приготовляя бревна, которые выдерживают в течение пяти лет. Затем бревна режут на поленья, а поленья высверливают и обтачивают на станке, получая стандартные заготовки. Эти заготовки варят в особом масле в течение трех дней, после чего покрывают резьбой и отделывают вручную. И они становятся пивными кружками, причем ни одна не похожа на другую! Кружки не бьются, не растрескиваются и служат вечно».

Малуф приподнял тяжелую черную кружку: «Мне нравится эта кружка. Кажется, она даже придает элю приятный привкус. Продаются ли такие кружки? И, если они продаются, то где?»

Бармен взглянул на часы, висевшие на стене у него за спиной, и сказал: «У меня есть для вас хорошие и плохие новости». Протянув руку к окну, он указал на магазин с зеленой звездой на двери, находившийся напротив: «Хозяйка этой лавки, леди Флорис, твердо придерживается старинных обычаев и традиций. Она продает сувениры, антиквариат и прочие коллекционные редкости туристам, астронавтам и местным жителям, подвергая дискриминации только тех, кто не хочет или не способен платить. У нее вполне разумные цены. Таковы хорошие новости. Плохие новости заключаются в том, что через пять минут она погасит свет и закроет лавку, причем это так же неизбежно, как энтропия и прочие законы природы».

Малуф уставился на часы: «Пять минут?»

«Уже на десять секунд меньше. Вы успеете покончить с элем, заплатить по счету и перебежать улицу, после чего у вас останутся еще две с половиной минуты на покупку — если леди Флорис проявит сочувствие к вашему чрезвычайному положению. Я закрываю бар в ту же минуту».

Четыре астронавта поспешно осушили кружки. Между глотками Малуф спросил, указывая рукой на двух стариков-шахматистов, один из которых только что сделал ход: «А они?»

Бармен пожал плечами: «Они будут играть при свечах. Я найду их здесь, когда открою бар утром».

Малуф заплатил за эль. Поспешно покинув «Двор короля Гамбринуса», астронавты перебежали улицу и зашли в лавку с дверью, обозначенной зеленой звездой.

Леди Флорис — высокая особа с длинным бугорчатым носом, взглянула на запоздалых клиентов с явным неодобрением: «Вы много себе позволяете! Я закрываю лавку. Рабочий день кончился».

«Не совсем, — возразил капитан Малуф. — У вас еще есть время продать мне шесть пивных кружек из болотного свиля».

«Кроме того, — прибавил Мирон, — пока вы обслуживаете капитана, вы можете сэкономить время, если принесете мне еще шесть таких же кружек».

Леди Флорис резко произнесла: «К тому времени, когда я принесу заказанные вами кружки из кладовой, пора будет гасить свет. Вы собираетесь платить в темноте?»

«Все будет гораздо проще, если вы согласитесь добавить лишнюю минуту к расписанию своего рабочего дня — может быть, даже полторы минуты, — предположил Малуф. — Впрочем, вы вправе поступать так, как считаете нужным».

Леди Флорис развернулась на каблуках и удалилась в кладовую.

Астронавты воспользовались возможностью рассмотреть лавку. Мирон подошел к

небольшой статуэтке Атласа, стоящего на коленях и поддерживающего Древнюю Землю на плечах. Эта фигурка, высотой сантиметров пятнадцать, была вырезана из плотного белого дерева. Легко поддающийся романтическим влечениям Мирон был очарован; по его мнению, статуэтка Атласа послужила бы прекрасным сувениром, напоминающим о Фальзиэле и его тавернах. Он решил купить ее вместе с кружками. Еще через несколько секунд он обнаружил стойку, на которой висели изящные цепочки, каждая примерно полтора метра длиной. Приглядевшись, он понял, что цепочки были невероятно искусно вырезаны из длинных прутьев бледного дерева.

К тому времени леди Флорис уже вернулась с кружками и смирилась с беспрецедентной необходимостью обслуживать покупателей во внеурочное время вопреки всем традициям и постановлениям. В ответ на расспросы Мирона она пояснила, что изготовлением деревянных цепочек занималась скрытная группа старух, проживавших в далеком горном селении, и что местные жители считали этих старух колдуньями.

«Все это, конечно, болтовня, — с ледяной усмешкой заметила она. — Цепочки вырезаны из побегов горного орехового дерева. Действительно, такая работа требует исключительного терпения и точности движений, но причем тут колдовство? Ха! Смехотворный предрассудок!»

Мирон заметил, однако, что, несмотря на ее слова, леди Флорис суеверно скрестила пальцы левой руки. Он выбрал две цепочки, чтобы доставить удовольствие некой Тиббет в Дюврее на планете Альцидон.

Астронавты заплатили за покупки и, на семь минут позже окончания установленного рабочего дня, отправились обратно в космический порт.

Утром следующего дня явился на работу складской персонал, и товары, доставленные «Гликкой» в Фальзиэль, разгрузили.

В полдень «Гликка» взмыла над космопортом и поблескивающими куполами из красного дерева. Настало время посетить следующий порт.

2

После Фальзиэля «Гликка» приземлялась в Чанселаде на Авенте и в Органоне на Архимбале.

Несмотря на существенное сходство, обитатели этих двух миров во многом отличались в том, что касалось принципов общественного устройства. Уроженцы Авента, терпимые к отклонениям и новшествам, были чувствительны к эстетическим деталям и ревностно охраняли свободу выражения неповторимых индивидуальных качеств. Туземцы Архимбала, уровень цивилизации которых можно было назвать эквивалентным авентскому, предпочитали стадную общительность и чувствовали себя лучше всего, когда работали коллективно, руководствуясь общими представлениями о прогрессе и превосходстве альтруизма над личными интересами.

Еще до того, как закончилась разгрузка доставленных товаров, начальник космопорта в Чанселаде предложил Мирону партию груза на условиях настолько выгодных, что Мирон немедленно согласился заключить сделку, хотя для выполнения ее условий необходимо было дождаться окончания подготовки груза, на что должны были уйти три или четыре дня. Все находившиеся на борту «Гликки» только приветствовали задержку, так как Чанселад оказался очаровательно приятным, колоритным, романтическим и непритязательно элегантным городом.

Город раскинулся в напоминавшей обширный парк местности в районе слияния трех

рек. соединенных дюжиной сонных каналов. Берега всех рек и каналов были усеяны лавками, салонами, кафе, ресторанами, оранжереями и концертными залами, укромными беседками для свиданий арлекинов в карнавальных масках, беспризорных эльфов, дриад и нимф, а также заведениями, предлагавшими удовлетворение самых неожиданных и даже абсурдных причуд. К востоку от города возвышался мощный горный хребет с утесами и ущельями, альпийскими озерами и лесами — там для желающих отдохнуть на свежем воздухе были устроены многочисленные дачи и коттеджи, как нарочито деревенские, так и роскошные, относившиеся скорее к категории загородных вилл.

Сразу после прибытия команда отправилась осматривать город и оценивать его возможности. Монкриф занялся поисками мест, где могла бы выступать его труппа.

Свободное время проходит быстро. Утром в назначенный день отлета груз привезли в космический порт и загрузили в трюм «Гликки». Команда решила провести еще один вечер в городе, посетив полюбившиеся им заведения.

В тот же вечер, пока команда отсутствовала, Монкриф и его труппа поднялись по трапу «Гликки», собрали свои пожитки и удалились, не дожидаясь возможности попрощаться с командой. Когда астронавты вернулись в звездолет, капитан нашел на столе в камбузе записку и деньги.

Малуф прочел записку вслух: «К сведению высокочтимого капитана Малуфа и его команды: нам повезло! Мы заключили долгосрочный контракт, благодаря которому сможем выступать в горных курортах Авента на очень выгодных условиях. Отказаться нам просто не позволяет финансовое положение. Капитан Малуф, Винго, Фэй, Мирон: примите наши наилучшие пожелания — мы долго вас не забудем. Прилагаю сумму, достаточную для покрытия остающихся задолженностей. С искренним уважением, Марсель Монкриф и его труппа».

Малуф бросил записку на стол: «Вот так! Они останутся на Авенте». Капитан стоял продолжая смотреть на записку: «Принимая во внимание все обстоятельства, Монкриф, пожалуй, принял наилучшее решение и решил расстаться, не сентиментальничая на прощание. По меньшей мере так это выглядит с моей точки зрения».

Винго безрадостно произнес: «Без них у нас тихо и пусто».

Шватцендейл нервно откинулся на спинку стула и взглянул в потолок: «По сути дела, так будет лучше для всех. Атмосфера на борту становилась застойной. Монкриф здорово постарел, его шарлатанское мастерство поблекло. Клуты напоминали, внешностью и запахом, туши прогорклого мяса, забытые в углу салона. А девушки, бездумные существа из затерянного мира? Они танцевали по жизни, подчиняясь мимолетным прихотям, и пели свои песни на незнакомом языке, не желая ничего знать об ответственности и бесполезно отвлекая нас от работы. Что от них останется? Сладостно-горькие воспоминания о том, чего никогда не было».

«Трогательный отзыв!» — бледно улыбнувшись, сказал Малуф.

«Скорее эпитафия», — проворчал Винго.

«Их будет не хватать, — согласился со стюардом Мирон. — Но без них все будет проще».

«А! — внезапно возмутился Винго. — Кому нужна простота! Даже их глупости нас развлекали. В обществе Монкрифа и трех красавиц все было возможно».

Мирон серьезно кивнул: «В том числе возможно было, что они никогда не покинули бы «Гликку» и оставались бы на борту до скончания века».

Капитан поморщился: «Неприятная перспектива».

Мирон смутился и прокашлялся; разговор закончился.

Рано утром следующего дня «Гликка» вылетела из Чанселада и направилась к Архимбалу. Действительно, в звездолете наступила непривычная тишина, казавшаяся неестественной. Даже угол салона, где обычно сидели на софе, бормотали и мрачно поглядывали на всех и каждого амазонки-клуты, выглядел каким-то обнаженным. Винго внезапно прекратил выпечку экспериментальных булочек и пирожных. Но мало-помалу воспоминания о труппе Монкрифа потеряли живость, и прошлое постепенно утонуло в повседневности.

3

«Гликка» прибыла в космический порт Органона, когда солнце взошло уже довольно высоко. Доставленный груз без задержек перевезли на склад, и команда отправилась полюбоваться на город. И если по пути они заметили бы достаточно гостеприимную таверну, где можно было бы оценить качество местного пива — тем лучше!

Омнибус проехал по длинному бульвару и доставил четырех астронавтов на центральную площадь, вымощенную безукоризненно начищенными плитами полированного гранита. В центре площади искрились фонтаны, окружавшие цоколь героической статуи, водруженной в честь легендарного разведчика-заявителя, Ганса ван дер Вике, чья нога первая ступила на девственную землю Архимбала. Статуя изображала первооткрывателя в черном сюртуке и в плоской черной шляпе, в знаменательно напыщенной позе — одна из мощных рук разведчика высоко вознеслась к небу, приветствуя будущие поколения. Площадь окружали по периметру сплошные ряды пяти- и шестиэтажных домов с узкими фасадами, напоминавшими строй стоящих плечом к плечу, застывших исхудалых фигур. На первом этаже аскетическую строгость зданий оживляли магазины со сдержанно-роскошными интерьерами. В большинстве из них предлагались товары, предназначенные для разборчивых состоятельных покупателей. Налицо были также рестораны и несколько агентств и салонов.

Спустившись с площадки омнибуса, четверо приезжих задержались, чтобы сориентироваться. Всюду по площади сновали горожане. И мужчины, и женщины носили добротную одежду скромного, исключительно приличного покроя — так, как если бы появляться в общественных местах можно было только в костюме, ни у кого не вызывающем никаких нареканий. Проходя мимо астронавтов, местные жители мельком бросали любопытствующие взгляды, но тут же отворачивались, чтобы не создавать впечатление оскорбительной навязчивости.

Астронавты сосредоточили внимание на вывесках, пестревших над окнами первых этажей; здесь попадались рестораны и кафе, но нигде не было никаких признаков наличия таверн или баров. Мирон предположил, что все подобные заведения по каким-то причинам прятались на боковых улицах или даже в отдельном отведенном для них городском квартале. Винго согласился с тем, что эта теория была не хуже любой другой, и что тайна в свое время раскроется — так или иначе.

Все четверо прошлись вокруг площади и вскоре приблизились к заведению — по всей видимости своего рода кафе — с узорчатой вывеской, изображавшей синюю вазу и снабженной соответствующей надписью «СИНЯЯ ВАЗА». Окна под тремя широкими арками позволяли видеть людей, сидевших за столами и потреблявших различные закуски и напитки. За ближайшим столом несколько господ средних лет и весьма респектабельной

внешности пили из стеклянных кружек янтарную жидкость с заметным верхним слоем белой пены. Молчаливо подчиняясь единодушному побуждению, астронавты зашли в «Синюю вазу» и заняли места за свободным столом.

К столу с достоинством подошел высокий седой официант в напоминающем фрак костюме безукоризненного покроя. Официант слегка поклонился, словно для того, чтобы показать, что он распознал в посетителях инопланетян, и что люди, незнакомые с местными обычаями, имели право на дополнительное снисхождение. Он спросил мелодичным басом: «Могу ли я поинтересоваться, господа, что вы хотели бы заказать?»

«Конечно, можете! — ответствовал Малуф. — После прогулки нас мучает жажда — вы могли бы принести нам самый лучший эль, в больших кружках».

Официант с улыбкой покачал головой: «Мы не предлагаем напитки такого рода, сударь».

«Неужели? — удивился Малуф. — А что, в таком случае, пьют с таким удовольствием господа, сидящие за соседним столом?»

Официант вежливо повернулся, чтобы взглянуть на соседний стол: «Я вижу, что́ вы имеете в виду! Им доставляет такое удовольствие наш фирменный напиток «Двенадцатая марка» — между прочим, я тоже его предпочитаю».

«В таком случае, — сказал Малуф, — будьте добры, принесите мне кружку «Двенадцатой марки»».

Другие астронавты выразили такое же пожелание, и официант ушел выполнять заказ. Вскоре он вернулся с четырьмя кружками, проворно расставил их на столе и удалился.

Малуф приподнял кружку: «Выпьем в память десяти тысяч поколений пивоваров, чье настойчивое рвение и чья неувядающая изобретательность сделали возможным этот момент! Не могу придумать ничего лучшего».

«Благородный тост! — воскликнул Винго. — Позвольте добавить к нему послесловие. В последние секунды существования Вселенной, когда вечный мрак обступит со всех сторон последних людей, кто-нибудь встанет и провозгласит: «Остановись, мгновенье, чтобы я успел воздать должное отважным пивоварам, открывшим для нас золотистый путь славы, струящийся по меркнущим туннелям времени!» После чего — разве это невозможно? — в непроглядной темноте возникнет сияющая брешь, которая позволит пивоварам вырваться из энтропической западни в поисках лучшей Вселенной!»

«Вполне приемлемая гипотеза, — заметил Шватцендейл. — А теперь…» Четыре астронавта чокнулись, опрокинули кружки и сделали несколько жадных глотков.

И тут же Малуф ощутил невероятное потрясение, навсегда запечатлевшееся в его памяти. Он медленно поднял голову и пристально посмотрел на официанта; тот вопросительно наклонился в сторону капитана: «Да, сударь?»

Малуф спросил, тихо и невозмутимо: «Мы заказали пиво. Что вы нам принесли?»

Официант с чувством ответил: «Господа, вам подали наш лучший перловый настой!»

«Перловый настой?» — глухо переспросил капитан.

«Так точно. Причем я оказал вам полезную услугу. Этиловый спирт — чрезвычайно токсичное вещество; его употребление внутрь, в любой форме, строго запрещено на Архимбале».

Шватцендейл испугался: «Так что же, в Органоне нигде нельзя выпить пива?»

«Нигде».

Астронавты угрюмо рассчитались и вернулись в космопорт. Уже через час «Гликка»

покинула Органон и взяла курс к следующему пункту назначения.

4

Продолжая следовать своему зигзагообразному маршруту, «Гликка» в конце концов вернулась в Коро-Коро на Флютере.

Сразу после прибытия звездолет окружили знакомые паломники. Капитан Малуф встретился с перрумптером Калашом и Полоскуном, который к тому времени успел стать «коадъюкатором». Капитан заверил их, что прежние условия оставались в силе, и что «Гликка» может без околичностей доставить их в Бесовскую Высадку. Калаш и Полоскун выразили удовлетворение таким положением дел, после чего, ссылаясь на свою принадлежность к религиозной организации, снова стали требовать предоставления им существенной скидки. Малуф пояснил, что, несмотря на преобладание религиозных предрассудков на некоторых перенаселенных планетах, они очевидно отсутствовали в космическом пространстве. и что в связи с этим — хотя существовали, конечно, и многие другие причины — никакие скидки религиозным организациям не полагаются. Ворча, раздраженные пилигримы взошли по трапу «Гликки». В то же время портовые рабочие снова загрузили в трюмы звездолета сундуки, содержавшие мешочки с освященной почвой. После этого «Гликка» вылетела из Коро-Коро и направилась к Бесовской Высадке на Кириле.

В пути Винго увлекся беседами с неким Эфраимом Кьюрегом, странствующим мудрецом и корреспондентом Института трансцендентальной метафизики, базирующегося в городе Бантрийское Болото на планете Монтрой. Кьюрег явно был высокообразованным и выдающимся мыслителем. Будучи чуть ниже среднего роста, он сохранял завидную атлетическую форму и отличался исключительной чистоплотностью. Шапка седых волос, резкие аскетические черты лица, постоянно сохранявшего слегка ироническое выражение, холодный взгляд серых глаз и гордая выправка позволяли предположить, что философ был отпрыском какого-то патрицианского рода.

Кьюрег путешествовал в одиночку и держался в стороне от паломников. В свою очередь, пилигримы считали его притворно-снисходительным выскочкой. Тем не менее, перрумптер пытался присоединить Кьюрега к своей группе и приглашал его участвовать в утренних собеседованиях паломников, но философ не принимал его приглашения. Полоскун разработал маловразумительную теорию, постулировавшую бесконечную последовательную регрессию божеств все более усложненной сущности. подчинявшихся таинственно породившим их предшественникам, и попытался изложить основные положения этой гипотезы Кьюрегу, но столкнулся с настолько безразличным, лишенным всякого выражения взглядом философа, что самоуверенная улыбка сползла с пухлого розовощекого лица теоретика-самородка. Полоскун тут же вспомнил, что его ждали неотложные дела.

Винго считал присутствие Кьюрега на борту загадочным обстоятельством, и стюарда снедало любопытство. Однажды вечером он пригласил Кьюрега выпить с ним чаю, заметив, что чай будет сопровождаться свежеиспеченными булочками, печеньем и экстравагантными пирожными. Будучи убежденным эпикурейцем, Кьюрег с готовностью принял это приглашение и явился в камбуз точно в назначенное время. С одобрением взирая на стол, украшенный множеством деликатесов, философ уселся на предложенный стюардом стул.

Поначалу их беседа носила церемонно-обобщенный характер, после чего, улучив удачный момент, Винго вставил вопрос: «По правде говоря, никак не могу понять, почему бы ученый с такой высокой репутацией, как ваша, решил отправиться на Кирил подобно

одному из паломников, намеренных совершить утомительную «круговерть». Не могли бы вы объяснить свои побуждения?»

«Мог бы, — с прохладной улыбкой ответил Кьюрег. — Но не стал бы, так как вы, скорее всего, нашли бы мои соображения абстрактными и, возможно, превосходящими ваше понимание».

Озадаченный, Винго приподнял брови. По его мнению, необычное замечание Кьюрега никак не свидетельствовало о желании философа проявлять уважение к собеседнику. Тщательно выбирая слова, стюард выдержал паузу и сказал: «Разумеется, вы вправе делать любые допущения, хотя, с моей точки зрения, они чрезмерно пессимистичны».

Точка зрения Винго мало интересовала Кьюрега: «В самом деле?» Философ взял с блюда лимонное печенье и откусил половину хищным движением маленьких белых зубов: «Что ж, в любом случае это несущественно».

«С тем исключением, что осмысленное общение между нами стало невозможным — несмотря на то, что мы тут сидим, пьем чай и жуем пирожные».

«Как так? — слова стюарда привлекли, наконец, внимание его гостя. — Не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

«Вот именно! — кивнул Винго. — Если люди желают обмениваться информацией, ясность имеет первостепенное значение. Если, однако, они желают приводить друг друга в замешательство, для этого существует множество приемов и тактик. Например, они могут выражаться бессвязно и неразборчиво, говорить на примитивном языке щелчков и хрипов, или же — в качестве последнего отчаянного средства — на эзотерическом жаргоне Института».

«Впечатляющий анализ! — заметил Кьюрег, хотя он явно не был впечатлен. — Но какое отношение он имеет к нашему чаепитию?»

Винго откинулся на спинку стула: «Вы считаете, что любые разъяснения, относящиеся к целям вашего посещения Кирила, могут только привести меня в замешательство. Подозреваю, однако, что, если вы будете пользоваться общепринятыми в Ойкумене идиомами, не нарушая стандартную синтаксическую структуру предложений, сущность ваших замечаний стала бы доступной моему пониманию».

«Осторожнее, Винго! — язвительно и насмешливо сказал Кьюрег. — В темных глубинах эпистемологических дебрей легко заблудиться! Неопытного новичка там поджидают западни, которые можно обойти только самыми странными путями, а в тенях притаились чудовища. Такой отважный странник, как вы, однако, сможет, по меньшей мере, постигнуть основную, предельно простую аксиому, непосредственно касающуюся темы нашего разговора. Она заключается в том, что полное взаимопонимание между двумя индивидуумами невозможно ни в каких обстоятельствах. Ваше лимонное печенье, между прочим, восхитительно».

Поразмыслив, Винго пожал плечами: «Все это прекрасно и замечательно, но возникает впечатление, что вы не признаёте существование «истины» в каком-либо смысле и на каком-либо уровне».

«Истина? — Кьюрег лениво махнул рукой. — Чтó есть истина? Последнее убежище слабоумных. Иллюзорное, нефункциональное представление, подобное корню квадратному отрицательной бесконечности. Зачем беспокоиться по этому поводу? Как справедливо заметил некогда умница барон Бодиссей, «истина — чирей в заднице прогресса»». Философ взял с блюда последнее лимонное печенье.

Вздохнув, Винго поднялся на ноги, пополнил запас сладостей на блюде и снова уселся: «Рекомендую попробовать пирожные из дождевых ягод с кремом. Эклеры, глазированные белым шоколадом, тоже заслуживают внимания».

«Благодарю вас, — отозвался Кьюрег. — Немедленно последую вашей рекомендации. Чай остался?»

Винго наполнил чашку мудреца.

«А теперь, — продолжал Кьюрег, — если вас все еще интересует этот вопрос, я могу объяснить, зачем я лечу на Кирил».

«Как вам будет угодно, — не слишком дружелюбно сказал Винго. — Не хотел бы ни в малейшей степени вмешиваться в ваши личные дела. Пусть вас не беспокоит мое праздное любопытство».

«В таком случае я могу удовлетворить его в нескольких словах, — философ поднял с блюда пирожное из дождевых ягод с кремом. — Я лечу на Кирил, чтобы подтвердить справедливость наблюдений, которые я сделал во время первого посещения этой планеты».

Винго ошеломленно уставился на собеседника.

Кьюрег задумчиво смотрел в пространство: «Все это случилось давно, когда я был молод и еще бредил романтическими идеалами. Я надеялся, что паломничество на Кирил станет отважным приключением — таким оно и оказалось». Философ замолчал, о чем-то задумавшись. Через некоторое время он сказал: «Слишком много воспоминаний. Они сливаются в круговорот впечатлений, голосов, цветов, лиц, пейзажей. Тысячи эпизодов, огромные трагедии, маленькие торжества». Кьюрег молча наблюдал за тем, как стюард наливал ему чай, после чего продолжил:

«Кирил — негостеприимный мир. Путь пилигримов лежит по пустыням и болотам, они взбираются по песчаным дюнам и бредут по колено в вязкой жиже, их силы и терпение испытывают бескрайние холмистые саванны, где растут только язвенные деревья и терновник. Погода непредсказуема: по утрам клубится промозглый туман, после полудня часто начинается гроза. А по ночам в небе плывут три тусклые луны.

Время от времени паломникам встречаются постоялые дворы и приюты, где путник может сидеть, глядя на бесконечно разнообразную вереницу других пилигримов, проходящих мимо: молодых и старых, мужчин и женщин, часто с детьми. Одни маршируют с песнями, другие бормочут заклинания. Иногда, танцуя и прыгая из стороны в сторону, мимо пробегает юродивый, проклинающий небеса. Его возгласы замирают вдали, и все становится таким же, как прежде.

На Дальнем Западе высится Святая гора — умирающий вулкан с кратером на вершине, где булькает и шипит лава. Крутой подъем к этому кратеру трудно преодолеть; многим паломникам приходится буквально ползти на четвереньках».

Дородный Винго, с его чувствительными ступнями, разволновался, представив себе подобные тяготы: «И что же, никто не помогает этим несчастным?»

Кьюрег пожал плечами, не испытывая особого сочувствия: «Они добираются до края кальдеры, там отдыхают и залечивают, по возможности, свои болячки, после чего присоединяются к остальным.

Обход кратера, в сущности — конечная цель паломничества. На полпути устроена выступающая над жерлом обзорная площадка, откуда открывается потрясающий вид на весь кратер и на кипящую далеко внизу огненную магму. Большинство пилигримов не останавливаются на площадке, опасаясь головокружения. Тем не менее, иногда тот или иной

паломник выбегает в приступе религиозного остервенения на этот плоский уступ, бросается в пропасть и падает, исчезая в клокочущей лаве. Бывает и так, что он хватает своего ребенка — или даже чужого ребенка — и швыряет его в кратер. Чаще всего, однако, его удерживают другие пилигримы — ребенка оттаскивают от обрыва, после чего отец обычно передумывает и решает не кончать с собой».

Винго недоуменно покачал головой: «Столь напряженное, трагическое паломничество трудно вообразить. Начинаю понимать, что вас влечет обратно на Кирил».

Игнорируя замечание стюарда, Кьюрег попробовал эклер, глазированный белым шоколадом: «Так или иначе, в конце концов пилигримы возвращаются в Бесовскую Высадку. Они уходят оттуда на запад, а приходят с востока, тем самым завершая «круговерть» — и наступает момент необузданного торжества! Они смеются и плачут, они падают на колени и целуют землю; ничто во всей их жизни не может сравниться с восторгом этой минуты. Память о ней остается с ними навсегда».

«Все это понятно и в высшей степени мелодраматично, — размышлял вслух Винго. — Окончание паломничества становится актом победы духа, преодоления всех препятствий. Но зачем пилигримы летят на Кирил в первую очередь, какими побуждениями они руководствуются?»

«Причин столько же, сколько паломников, — ответил философ. — Одни стремятся заслужить благоволение того или иного божества, другие хотят умилостивить призраков предков. Многие — приверженцы тайных культов, умерщвляющие плоть. Некоторые надеются искупить тайные преступления, а иными движет не менее мощный стимул — возможность сбежать от сварливой супруги».

«И какое место в этом списке занимают соображения, заставляющие вас повторно испытать кошмар, посетивший вас в молодости?» — почти насмешливо поинтересовался Винго.

Кьюрег воспринял вопрос всерьез: «Простого ответа нет. Первоначально паломничество было своего рода вызовом, принять который требовало мое самоуважение. Затем, через три-четыре дня, мое отношение к происходящему стало изменяться. Вызов постепенно потерял значение, я о нем забыл. Вместо этого я стал наблюдать, слушать и осязать со все возрастающей чувствительностью. Для меня становились все ярче и яснее детали, текстуры, нюансы. Однажды утром меня осенило прозрение. Я увидел в кустах у дороги большой черный валун. Я тут же остановился и обратился к нему: «Камень! Я тебя вижу, а ты меня не видишь. Почему? Потому что я способен чувствовать и сознавать свои чувства, а ты — нет! Почему это так? Все очень просто! Потому что я жив, а ты мертв»».

«Любопытно! — воскликнул Винго. — В вашей истории несомненно есть вдохновляющий элемент, хотя, казалось бы, взывать к камню — довольно-таки бесполезное занятие».

«По меньшей мере оно никому не причиняет вреда, — Кьюрег встал из-за стола. — Благодарю вас, я очень приятно провел время. Ваши пирожные и печенье безупречны». Вежливо кивнув, эпикуреец вышел из камбуза.

Винго остался за столом, прихлебывая чай и размышляя обо всем, что услышал.

5

Полет продолжался без нежелательных инцидентов. Пилигримы коротали время, изучая священные тексты, обсуждали духовные доктрины и часами рубились в карты на гроши — Шватцендейла к карточному столу больше не подпускали: игроки все еще горько

переживали разгром, нанесенный им судовым механиком. Кьюрег, как всегда, безразлично держался в стороне, не участвуя в утренних собеседованиях и пресекая любые попытки Полоскуна вовлечь его в теологический диспут.

Команда «Гликки» выполняла повседневные обязанности, хотя теперь Винго проводил много времени, размышляя о планете Кирил и о том, чтó он узнал про кругохождение по ее всемирному континенту. Мало-помалу он начинал понимать представление Кьюрега о паломничестве как о метафорическом символе гораздо более значимого события. «Все это замечательно, — думал Винго, — но как насчет самих пилигримов? Какие побуждения заставили их пуститься в тягостный и мучительный поход? Причины, шутливо упомянутые Кьюрегом, нельзя принимать за чистую монету. А тогда, чтó ими движет?» Подвергнув этот вопрос глубокому анализу, Винго пришел к тому выводу, что фактической подспудной причиной массового паломничества был инстинкт — подобный тому, который заставлял многотысячные полчища леммингов Древней Земли бросаться в море. Такую причину, по мнению Винго, нельзя было считать существенной или поучительной, но она была вполне реальным — даже если подсознательным — стремлением доказать свою жизнеспособность посредством прохождения отчаянного испытания физической и духовной стойкости.

Сосредоточение на вопросе о побуждениях паломников повлияло на поведение стюарда больше, чем он сам осознавал. Его кипучий, жизнерадостный темперамент теперь проявлялся гораздо реже, его словоохотливость превратилась в склонность к рассеянному бормотанию. Эти изменения не могли не привлечь внимание его коллег, и в конце концов Шватцендейл, усевшись напротив Винго за столом в камбузе, поставил вопрос ребром. Винго уклонялся от прямого ответа, но механик настаивал, и стюарду пришлось подробно изложить содержание его беседы с Кьюрегом. Отчитавшись без утайки, он прибавил: «Несмотря на его манеры, которые никак нельзя назвать располагающими к дружескому общению, Кьюрег — очень интересный и сложный человек, заслуживший высокую репутацию мудреца, а также эпикуреец, циник и, в глубине души — что почти невероятно! — искатель приключений и романтик».

«Странно! — заметил Шватцендейл. — Он производит впечатление человека умеренного, уставшего от людей и довольно-таки высокомерно относящегося к простым радостям жизни».

«Это всего лишь маска, — отозвался Винго. — Кьюрег тщательно имитирует презрительное отчуждение, чтобы исключить всякую возможность амикошонства. Фактически под этой маской скрывается проницательная чувствительность. Когда он соглашается наконец говорить откровенно, его наблюдения весьма поучительны. Теперь я понимаю истинную сущность Кирила и условия, с которыми сталкиваются пилигримы, совершающие «великое кругохождение». Они проделывают трудный путь, не лишенный, однако, своеобразия — и нередко сталкиваются с неожиданностями, а те, кому удается вернуться наконец в Бесовскую Высадку, ощущают торжество свершения, служащее достаточным возмещением тягот, перенесенных во время «кругохождения»».

Поразмышляв, Шватцендейл недовольно крякнул: «Если этот момент облегчения — единственная награда за мученичество, в чем смысл паломничества? Идея «кругохождения» на Кириле не должна была бы привлекать никого, кроме свихнувшихся фанатиков и самобичевателей».

«Нет-нет! — воскликнул Винго. — Паломничество объясняется подсознательными побуждениями, которые, должен признаться, трудно выразить словами».

«Не вижу здесь никаких затруднений или сложностей, — упорствовал Шватцендейл. — Их паломничество — совершенно бесполезная затрата времени, денег и сил, их путь ведет ниоткуда в никуда. Уровень их умственного развития невозможно сформулировать, не прибегая к вульгарным выражениям».

Винго выдавил терпеливую улыбку: «Паломничеству присущи непонятные тебе аспекты! Да, ими движут подсознательные стимулы, но это исключительно мощные и чрезвычайно важные стимулы! Великая «круговерть» — калибр, которым паломник измеряет личное достоинство. Возвращаясь с востока в Бесовскую Высадку, он испытывает восторг, граничащий с ощущением собственного величия!»

«И его можно понять, — обронил Шватцендейл. — У него наконец появляется возможность отдохнуть после утомительной ходьбы».

Все еще улыбаясь, Винго покачал головой: «Кьюрег уже завершил одно «кругохождение». Он нашел в паломничестве аспекты не поддающейся пониманию глубины — по меньшей мере, не поддающиеся моему пониманию, хотя я намерен серьезно их рассмотреть».

«Дорогой мой, этот очковтиратель тебя загипнотизировал, — Шватцендейл встал. — Очевидно, мне придется обменяться с ним парой слов».

Улыбка Винго стала насмешливой: «Посмотрим, кто из вас окажется в большем замешательстве».

«Несмотря на всю его эрудицию, — парировал Шватцендейл, — Кьюрегу все еще приходится надевать штаны по утрам». Механик вышел из камбуза — Винго сначала вздохнул, потом задумался.

Шватцендейл отыскал философа, пребывавшего в относительно общительном настроении. Будучи не прочь поболтать на досуге, тот представился не только как ученый, искатель приключений и эпикуреец, но и в качестве изобретательного финансиста, ожидающего возможности заключения нескольких прибыльных сделок в Бесовской Высадке. Отвечая на вопросы Шватцендейла, Кьюрег предоставил сведения о паломничестве, которые заинтриговали механика, хотя показались ему отчасти обескураживающими и даже устрашающими.

Шло время, полет подходил к концу. В тот день, когда впереди появилась холодная белая искра звезды Рыс, Винго зашел в рубку управления, где капитан Малуф просматривал описание Кирила в «Путеводителе по планетам».

Расстроенный и почти отчаявшийся, Винго не стал тратить время на осторожные вступления: «Капитан! После долгих и мучительных размышлений я наконец принял решение!»

«Неужели? — Малуф отложил справочник и взглянул стюарду в глаза. — Какое именно?»

Винго сделал шаг вперед: «На протяжении нескольких последних недель я подводил итоги своей жизни и понял, что оказался на распутье. Двигаясь по одному пути — по легкому пути — я могу продолжать жить по-прежнему. В другом направлении меня ожидают препятствия — это трудный, часто безотрадный путь, но он передо мной открылся. Взвешивая эти две возможности, я принял решение. В Бесовской Высадке я собираюсь сложить с себя полномочия стюарда «Гликки» и отправиться на запад вместе с паломниками. В конечном счете я вернусь с востока, полный чистого торжества — может быть, в этом и заключается поиск моей Лурулу!» Подчеркивая слова, Винго потрясал в

воздухе розовым кулаком: «Вот и все, по сути дела. Вы слышали, что́ я хотел сказать. Мы останемся друзьями?»

«Разумеется! — ответил капитан. — Думаю, что наша дружба станет крепче, чем когда-либо! Но мне приходит в голову странная мысль. Вполне может быть, что ты потеряешь больше, чем найдешь».

Винго поморщился: «Я прекрасно понимаю, что́ потеряю. Общество друзей, которое я ценю превыше всего! Хотел бы я, чтобы мы запарковали «Гликку» в Бесовской Высадке и отправились на запад вчетвером, чтобы в конце концов вернуться с востока и вместе отпраздновать торжество в самую радостную минуту нашей жизни!»

«Не сомневаюсь, что все мы обрадовались бы возвращению, — сухо сказал Малуф и вздохнул. — Даже в перспективе воображения, однако, путешествие вокруг света на своих двоих представляется мне сумасшедшим предприятием».

«Надо смотреть на вещи без предубеждения! — заявил Винго. — Преданность мечте позволяет внедрять ее в жизнь, и радость достижения никогда не покидает победителя!»

Малуф снова вздохнул и откинулся на спинку стула: «Позовем Шватцендейла и посмотрим, как он отреагирует на твое предложение».

«Фэй нередко проявляет нерешительность, — с сомнением сказал Винго. — Придется напомнить ему о его склонности к галантным приключениям».

«Ха! Гм!» — капитан прокашлялся и наклонился к микрофону.

Уже через несколько секунд Шватцендейл появился в рубке. Переводя взгляд с капитана на стюарда и обратно, механик с подозрением спросил: «Что случилось? Зачем я понадобился?»

«Нам понадобился твой совет, — объяснил Малуф. — Возникла беспрецедентная ситуация. Винго намерен покинуть звездолет в Бесовской Высадке и отправиться в кругосветный поход с паломниками».

«В самом деле?» — Шватцендейл озабоченно посмотрел на стюарда, как врач — на тяжело больного пациента.

«И это еще не все, — продолжал капитан. — Винго желает, чтобы вся команда «Гликки» присоединилась к нему в этом предприятии — для того, чтобы, вернувшись в Бесовскую Высадку с востока, мы вместе отпраздновали наше торжество. Я правильно тебя понимаю, Винго?»

«В сущности, таково мое предложение, — подтвердил стюард. — Могу прибавить только то, что стремление к этому героическому свершению вызывается несколькими подсознательными архетипическими стимулами, позволяющими преобразить остаток нашей жизни, внушив нам уверенность в своем внутреннем величии».

«Идея, поражающая своей новизной, — признал Шватцендейл. — Неожиданная, нелепая и наивная! Она никогда не пришла бы мне в голову — особенно после моей недавней беседы с Кьюрегом. Судя по всему, паломничество связано со множеством нежелательных обстоятельств, которые практически никогда не предаются гласности. Например, лишь небольшая доля тех, кто отправляется на запад из Бесовской Высадки, возвращается туда с востока. Многие отказываются от попытки «кругохождения» уже через несколько дней. Утомительный и продолжительный путь особенно мучителен для людей с чувствительными ступнями — паломникам нередко приходится пробираться по лавовым полям, то есть по почти непроходимым завалам острых обломков вулканического туфа».

Винго воззрился на свои деликатные ступни. «Это неприятно слышать. — пробормотал

он себе под нос. — Но это невозможно не принимать во внимание».

Шватцендейл продолжил обсуждение фактов, сообщенных Кьюрегом: «Многие пожилые паломники, уже в Бесовской Высадке чувствовавшие себя неважно. умирают по пути от различных болезней, от голода, от дизентерии и просто от истощения и утомления. По ночам возникает особенно опасная ситуация, потому что на паломников нападают обнищавшие и одичавшие шайки, отнимающие у них сапоги и башмаки — причем, если ограбленные пытаются сопротивляться, им разбивают колени и переламывают лодыжки дубинками!»

«Это просто бесчеловечно! — возмутился Винго. — Значит, в поход можно отправляться только в компании друзей, заслуживающих доверия!»

«Привлекательный, но не обязательно осуществимый план. Для того, чтобы присоединиться к способной защищаться группе пилигримов, нужно заплатить крупную сумму. Паломники постоянно торопятся, их приходится догонять, невзирая на боль в ступнях и прочие недомогания. В противном случае отставший остается один. Потратив все свои деньги, одинокий паломник не может приобрести еду в придорожных приютах, даже если он не возражает питаться тем, чтó там подают. Брезгливые люди отказываются хлебать эту бледно-розовую баланду, даже если у них есть деньги, и пробавляются собранными клубнями и семенами, хотя поблизости от торной тропы их давно уже нет, и поиски занимают много времени. Но хуже всего другое. Когда по пути встречаются возвышенности, тропа усеяна острым щебнем, рвущим обувь и покрывающим ступни кровоточащими ранами. Что ты будешь делать в такой ситуации?»

Винго уже представил себе подобные неприятности: «У меня не останется выбора! Придется карабкаться на четвереньках, пока я не переползу через щебень!»

«Не получится! — отрезал Шватцендейл. — Острый щебень изранит тебе ладони и колени так же, как ступни, и вместо колен у тебя останутся ободранные хрящи. Что ты намерен делать дальше?»

«Я еще не продумал все детали! — тонким, напряженным голоском взмолился Винго. — Но в том случае, если придется это сделать, я перевернусь на спину и буду ползти в таком положении, отталкиваясь локтями. Продвижение будет медленным и болезненным, но это лучше, чем сидеть ночью одному в скалистой пустыне под тремя тусклыми лунами. Невеселая перспектива, что и говорить!»

«Даже когда тропа спустится с холмов, тебя будет поджидать очередной враг. Над тропой нависли ветви терновника, с них сыплются покрытые шипами звездчатые семена. Пока ты будешь ползти, со стонами отталкиваясь окровавленными локтями, шипы станут впиваться тебе в задницу — а чтобы найти и вытащить каждый шип, тебе придется останавливаться перед тем, как ты сможешь продолжить свое храброе хождение по мукам. Возможно, человек в таком состоянии способен завершить «круговерть» лет за десять, но зачем? Ради славы? Торжества? Никакой славы он не приобретет, никакое торжество ему не улыбнется. Скорее всего, он будет горестно сожалеть о мучениях, бесполезно перенесенных им во имя… во имя чего, скажи мне?»

Винго вздохнул: «Становится ясно — с безжалостной очевидностью! — что я не тот человек, который мог бы испытать и доказать свою доблесть таким способом. Это очень неприятно, но мне придется отказаться от паломничества. Благодарю за предупреждение».

Малуф заботливо спросил: «Так ты не уволишься?»

Винго снова вздохнул: «Конечно, нет. Кирил больше не возбуждает во мне

романтические мечты»

«Очень предусмотрительно с твоей стороны, — похвалил стюарда капитан. — Разве не так, Фэй?»

«Согласен, целиком и полностью», — склонив голову набок, серьезно ответил Шватцендейл.

~

Глава 12

В свое время «Гликка» прибыла в Бесовскую Высадку. Пилигримы спустились по трапу с неуклюжей торопливостью, под предводительством невыразимого Полоскуна. Кьюрег последовал за ними неспешно, не обращая внимания на других так, как если бы они не были ему знакомы, и сразу направился к самому роскошному постоялому двору, где, если можно было доверять его заявлениям, он собирался приступить к осуществлению своего замысла и организовать на Кириле какое-то коммерческое предприятие.

Как только из трюма выгрузили сундуки с освященной почвой, команда «Гликки» приготовилась вернуться в Танджи на планете Тобри. Мирон заметил, что Нахариус находился сравнительно недалеко от Тобри. Движимый приливом давних воспоминаний, он ощутил сильнейшее желание посетить Нахариус — хотя бы для того, чтобы узнать, каким образом и насколько преобразили его двоюродную бабку, леди Эстер Ладжой, чудесные терапевтические процедуры.

Капитан Малуф тоже выразил любопытство по поводу этих процедур, и ему не составило труда изменить маршрут звездолета так, чтобы он мог приземлиться на Нахариусе.

2

По какой-то причине в «Путеводителе по планетам» Нахариусу была посвящена лишь краткая и не слишком содержательная статья. За перечнем геофизических характеристик планеты следовали четыре небольших параграфа:

«Плотность населения Нахариуса, по множеству причин, невысока и становится существенной лишь в окрестностях Тражанса, частично урбанизированного населенного пункта неподалеку от космического порта.

В нескольких километрах к востоку от Тражанса над грядой холмов возвышается потухший вулкан, гора Мальдун. По склонам этой горы струятся три ручья, которые, согласно местным верованиям, «заряжаются» достопримечательными свойствами, просачиваясь сквозь лесную подстилку долин, заросших единственными в своем роде разновидностями деревьев, кустарника и мхов.

Самыми магическими характеристиками, однако, славятся воды сакральных родников, пробившихся у подножия горы. Настойчиво распространяются слухи о том, что эти воды, в сочетании с целебными процедурами местных лекарей, нейтрализуют нежелательные возрастные явления и восстанавливают — по меньшей мере в какой-то степени — внешние признаки молодости. Достоверность этих сведений не подтверждена независимыми источниками, но они привлекают на Нахариус, со всех концов Ойкумены, многих немощных и пожилых людей, надеющихся на чудо.

Насколько соответствует действительности реклама лечебниц, приглашающих пациентов на Нахариус? Отсутствие каких-либо сведений об этих лечебницах, опубликованных заслужившими высокую репутацию медицинскими журналами, не позволяет сделать определенные выводы. Редакция «Путеводителя по планетам» рекомендует относиться с осторожностью к любой саморекламе».

3

«Гликка» приземлилась в космопорте Тражанса. На дальнем краю взлетного поля выстроились несколько других звездолетов; яхты «Глодвин» среди них не было.

Винго и Шватцендейл поехали на омнибусе в город, а Малуф и Мирон отправились узнавать все, что можно было узнать о судьбе леди Эстер Ладжой. В первую очередь они навели справки в трех крупнейших клиниках, после чего, оставшись с пустыми руками, стали опрашивать персонал менее известных — то есть более сомнительных — заведений.

Вечером второго дня им посоветовали обратиться в «Странноприимную богадельню» — безрадостный комплекс серых бетонных корпусов на окраине городка, предоставлявший кров и пищу неимущим умирающим больным и старикам. Санитар провел их в обширное, полутемное и плохо пахнущее помещение, вдоль стен которого были расставлены узкие койки — многие из них пустовали. Санитар указал на койку в дальнем конце зала, после чего вернулся к своему посту и предоставил посетителей самим себе.

Малуф и Мирон приблизились к указанной койке. На ней лежала фигура настолько тощая и хрупкая, что она едва создавала рельеф на прикрывавшей ее простыне. Из-под простыни высовывалась голова, больше напоминавшая туго обтянутый трещиноватой кожей череп, нежели вместилище живого мозга. По бокам на простыне лежали руки, похожие на сочлененные сухие прутья с птичьими когтями на концах.

Глядя на этот костлявый призрак, Мирон оцепенел — ему стоило большого труда сдерживать охватившие его тошнотворные спазмы ужаса и жалости. Длинные и спутанные каштановые лохмы, заостренный выступ подбородка и некое скрюченное щупальце, некогда служившее хищным носом, позволяли распознать в этом привидении то, что осталось от Эстер Ладжой.

Едва заметное перемещение простыни вверх и вниз свидетельствовало о том, что в ней еще таились какие-то признаки жизни. Когда Мирон заглянул в потускневшие глаза, ему показалось, что Эстер его узнала. Ее губы пошевелились, кожа на шее подернулась, она что-то прохрипела. Наклонившись к старухе, Мирон едва разобрал слова: «Ты все-таки приехал!» Леди Эстер замолчала, но через некоторое время отдышалась и прошептала: «Ты опоздал. Из меня вытянули все деньги, надо мной надругались, все мои надежды обмануты — и вот я здесь. Здесь кончится моя чудесная жизнь, у меня ее отняли».

Мирон ничего не мог сказать.

Хрипя и задыхаясь от приступов кашля, леди Эстер поведала историю своих последних лет. Сначала — после того, как с нее взяли плату вперед — ей казалось, что лекари стремились добиться обещанного результата. Ей предписали режим, с ее точки зрения слишком строгий, но персонал клиники отказывался допустить какие-либо послабления. Ее заставляли до упада выполнять гимнастические упражнения; ее кормили черными сухарями из зерна грубого помола и жидким овощным супом, попахивавшим травой. Ежедневно ей натирали кожу ничтожным количеством воды из «магического» источника, ежедневно она проглатывала наперсток вонючего, на вкус напоминавшего гной экстракта, выпаренного из воды трех самых «сильнодействующих» ручьев.

Проходили недели и месяцы. Лекари брали с нее все больше денег, но она не замечала никаких существенных изменений ни в своей внешности, ни в своем общем состоянии. Персонал клиники советовал ей проявлять терпение и строго соблюдать предписанный режим, но преображение леди Эстер Ладжой в юную красавицу заставляло себя ждать.

Она жаловалась, но ответ был только один: «Дайте больше денег!» В конце концов леди Эстер отказалась от их услуг и занялась лечением по собственному рецепту. Вместо одного терапевтического курса она стала проходить три одновременно; обтирания несколькими драхмами драгоценной магической воды она заменила ежедневными купаниями в бассейне

того или иного целебного источника; каждый день она выпивала несколько литров воды из целебных ручьев.

Она ничего не добилась — напротив, ее одолела апатия, она чувствовала себя все хуже. Оздоровительные процедуры окончательно подорвали ее здоровье, и ей пришлось снова проводить время в клинике — теперь уже в постели. Когда лекари обнаружили, что у нее не осталось денег, они отказались оказывать ей дальнейшую помощь, заявив, что она свела на нет все их усилия, прибегнув к самолечению, и что теперь ей придется самой решать проблему, вызванную нарушением рекомендованного режима. В конечном счете ее перевели в богадельню.

Вздохнув, леди Эстер прохрипела: «Ужас, ужас! Просто кошмар!» Она отдышалась, сжимая и разжимая пальцы-когти, и снова стала шептать. Теперь, по ее словам, все еще можно было исправить, если Мирон увезет ее как можно скорее обратно в Саалу-Сейн, где ее здоровье несомненно восстановится и все будет, как прежде.

Мирон осторожно спросил: «Что случилось с Марко Фассигом?»

Хрупкое тело задрожало, хриплый шепот стал возбужденным и прерывистым: «Предатель! Худший из всех, кто меня предал! Он присвоил «Глодвин» и сбежал на нем в Запределье. Потом я узнала, что его прикончили пираты — об этом я нисколько не сожалею, но моя яхта пропала безвозвратно. Неважно! Дома, в Саалу-Сейне, мы купим новый «Глодвин», лучше прежнего!» Старуха замолчала, ее веки закрылись. Когда она заговорила снова, шепот стал спокойным, фразы — связными: «Я поступила с тобой несправедливо, теперь меня мучает совесть. Когда мы вернемся в Саалу-Сейн, я возмещу тебе ущерб». Шепот затих, веки снова опустились. Старуха лежала не шевелясь, больше не было заметно никаких признаков дыхания.

«Она в коме», — мрачно и глухо произнес Малуф.

Мирон разглядывал неподвижное тело: «Нет, тут что-то не так».

Прошло несколько секунд. Застывшая фигура конвульсивно вздрогнула, глаза старухи широко раскрылись. «Вздор! — гортанно выдавила она. — Больше ничего не будет, я умираю. Никогда больше я не вдохну свежий ветер родной планеты. Нужно сделать то, что я обязана сделать, пока еще не поздно». Дрожащая рука старухи протянулась к тумбочке, стоявшей у койки; она взяла самопишущее перо и торопливо набросала несколько слов на листе бумаги. Закончив, она выронила перо; ее рука упала на койку. Эстер закрыла глаза и снова впала в оцепенение.

Мирон взял бумагу и прочел то, что написала леди Эстер Ладжой. «Это завещание, — сказал он Малуфу. — Она оставляет мне все свое имущество».

Капитан внимательно изучил документ: «Завещание действительно. Я присутствовал при его составлении, и мое свидетельство послужит достаточным подтверждением».

Мирон сложил бумагу вчетверо и засунул ее в карман. Несколько минут два астронавта смотрели на неподвижную фигуру старухи. Ее глаза не открывались, простыня больше не поднималась и не опадала. В конце концов Малуф произнес: «Кажется, она умерла».

«Я тоже так думаю», — отозвался Мирон.

Еще через несколько секунд Мирон сказал: «Здесь мы ничего больше не дождемся».

«Ты прав, — согласился капитан. — Ждать больше нечего».

Они покинули палату. В приемной они сообщили санитару, что пациентка, которую они пришли навестить, скончалась. Дежурный санитар нисколько не удивился и не огорчился, но покосился на двух посетителей, оценивая их внешность: «Надо полагать, вы — кровные

родственники покойной?»

«Нет, — солгал Мирон. — Мы приехали по поручению знакомого — он не смог приехать сам, потому что у него нет денег на проезд».

«Жаль! — заметил санитар. — Тем не менее, за шестьдесят сольдо я могу организовать похороны с фейерверком под руководством жреца, ритуальные состязания атлетов и танцы детишек в длинных разноцветных шарфах под аккомпанемент рыгорна».

«В таких ритуалах нет необходимости, — возразил капитан Малуф. — Покойница, кремированная или даже еще не кремированная, не сможет получить удовольствие от подобного представления. По меньшей мере, мой личный опыт показывает, что это именно так. Нас вполне устроит простейшая, самая дешевая церемония».

«Какой нынче прижимистый народ пошел! — возмутился санитар. — Ладно, простейшее погребение обойдется в десять сольдо. Не будут присутствовать никакие почетные гости, а музыкальное сопровождение ограничится воспроизведением звукозаписи пяти погребальных сигналов трубы. Еще за одно сольдо можно воскурить три палочки фимиама».

Мирон уплатил десять сольдо: «Фимиам не потребуется».

«Как вам будет угодно».

4

После трехдневной задержки в Танджи «Гликка» должна была остановиться в Саалу-Сейне, где Мирону предстояли важные дела, связанные с передачей ему наследства леди Эстер Ладжой. Капитан Малуф согласился, однако, предварительно посетить еще один порт, а именно Дюврей на планете Альцидон, где находился Пангалактический музей искусств и где, что важнее всего, проживала Тиббет Гарвиг.

«Гликка» приземлилась в космопорте Дюврея. Мирон собрал подарки, предназначенные для Тиббет, спустился по трапу звездолета и нанял такси, которое отвезло его по красивым городским улицам в фешенебельный район Ранглинских Высот, по адресу семьи Гарвигов. Такси подъехало к внушительной усадьбе, видневшейся за воротами обширного сада. Мирон вышел из машины и, попросив водителя подождать, направился к парадному входу по дорожке, ведущей через сад.

Уже в нескольких шагах за воротами ему повстречалась пара четырехметровых монументов, стоявших по бокам садовой дорожки. Скульптуры эти, судя по всему, были плодом воображения авангардиста, замыслившего выразить таким образом свое презрение к общепринятым общественным условностям. Монументы были изготовлены из необычных материалов — разномастных металлических прутьев и прочих перекрученных и вдавленных элементов, деформированных так, словно они частично пропадали в другом измерении и частично выступали из него. Серовато-розовые трубки неприятно напоминали кишки, переплетавшиеся в промежутках между другими компонентами. Мирон в изумлении уставился на эти опусы: по-видимому Гарвиги принадлежали к избранному кругу эстетической элиты, в котором бездарное уродство считалось любопытным или оригинальным. «Странно!» — подумал Мирон.

Он поднялся по нескольким ступеням к парадному входу — массивной двери в глубине небольшого портика. На двери не было никаких ручек, кнопок, сенсорных пластинок или других подобных устройств; Мирон тщетно искал колокольчик или дверной молоток. На двери висела тяжелая маска демона из покрывшейся патиной меди; рельефные черты маски искажала злобная торжествующая усмешка — или, может быть, какая-то другая внушавшая

страх эмоция. Глаза маски выпучились, уши напоминали крылья летучей мыши, изо рта свисал длинный черный язык. Мирон неодобрительно покачал головой: маска символизировала еще один аспект авангардизма — шокирующим качествам и непривычности придавалось первостепенное значение. «В какой степени Тиббет заразилась этим поветрием?» — спросил себя Мирон. Мысль эта огорчила его подобно вызывающему подавленность воспоминанию о допущенной ошибке. Мирон снова стал искать какой-нибудь звонок, переключатель или другое сигнальное устройство, но, как прежде, ничего не нашел. Он постучал в дверь костяшками пальцев и даже пнул ее несколько раз, но это не произвело никакого эффекта — дверь была явно звукоизолирована. Наконец, в качестве последнего отчаянного средства, Мирон дернул медную маску за болтающийся черный язык — и тут же из-за двери послышалось причудливое переливчатое верещание: что-то вроде быстрой последовательности бессвязных диссонансов, неприятных для слуха, но, тем не менее, заинтересовавших Мирона. Он снова потянул маску за язык, тем самым пробудив к жизни новую, столь же случайную последовательность диссонансов. «Странно!» — снова подумал Мирон. Это была не музыка, но кто-то тщательно продумал алгоритм, производивший звуки, ничем не напоминавшие мелодию или гармонию — кто-то стремился избежать всякого намека на красоту или талант. Еще одна демонстрация авангардистской системы ценностей! Мирон уже протянул руку, чтобы дернуть маску за язык в третий раз, но в этот момент дверь сдвинулась в сторону.

В проеме стояла высокая женщина в униформе гувернантки или домоправительницы; на лице ее изобразилось недоуменное раздражение. Смерив Мирона с головы до ног неодобрительным взглядом, она спросила: «Что вам тут понадобилось, сударь?»

Мирон собрал воедино жалкие остатки собственного достоинства: «Я хотел бы видеть леди Тиббет. Будьте добры, сообщите ей о моем прибытии».

Домоправительница не проявила никакого сочувствия: «Не могу выполнить вашу просьбу, сударь. Леди нет дома».

«Даже так? В таком случае, если она намерена вернуться в ближайшее время, я мог бы ее подождать».

«Это было бы бесполезно, сударь. Леди Тиббет улетела с супругом в Палисады, на планету Франток, где они занимаются сбором античных черепков для Пангалактического музея. Не желаете ли оставить для нее сообщение?»

«Да, я хотел бы оставить сообщение, — ответил Мирон. — Можете ей передать, что к ней заходил Чижик-Пыжик, по самому пустячному делу».

«Хорошо, я так и сделаю, сударь».

5

Мирон вернулся к такси; машина отвезла его обратно в космопорт. На борту «Гликки» капитан Малуф, Шватцендейл и Винго беседовали в камбузе, задержавшись за утренним чаем с пирожными. Мирон тихонько прошел к себе в каюту, спрятал подарки в стенном шкафу, переоделся в повседневную униформу и остановился в нерешительности посреди каюты. Наконец он пожал плечами: распустить нюни и опустить руки? Это ничему не поможет. Глубоко вздохнув и расправив плечи, Мирон вышел в коридор, пересек салон и зашел в камбуз. Усевшись за стол, он налил себе чаю и взял с подноса лимонное печенье.

Другие астронавты наблюдали за ним с ненавязчивым любопытством. Наконец Винго спросил: «Ты рано вернулся. Как твои дела?»

Мирон сдержанно ответил: «Принимая во внимание все обстоятельства, мои «дела»,

как ты выразился, идут хорошо, но ко всем чертям». Поразмыслив немного, он прибавил: «Если это кому-то интересно, я мог бы упомянуть о том, что с небезызвестной Тиббет Гарвиг меня больше ничто не связывает».

«В какой-то степени — в пределах общепринятых понятий о вежливости и приличиях — нас это, конечно, интересует, — заметил капитан Малуф. — В частности, не могу не заметить, что по этому вопросу ты, по-видимому, принял окончательное и бесповоротное решение».

«Ничто не может окончательнее и бесповоротнее», — нахмурившись, Мирон попробовал чай.

Наступило молчание. Его снова прервал Винго: «Если бы ты потрудился что-нибудь объяснить, мы не отказались бы тебя выслушать».

Мирон устало откинулся на спинку стула: «Хорошо. Факты, во всей их неприглядности, таковы. Я приехал на такси к усадьбе Гарвигов, не подозревая о подстерегающем меня провале. Я попросил водителя подождать и направился к дому через сад. Как только я прошел через ворота ограды, я столкнулся с парой сумасбродных четырехметровых авангардистских уродств — с натяжкой их можно было бы назвать «статуями». С моей точки зрения, они не только не привлекательны, но немедленно вызывают отвращение — и в этом, надо полагать, заключалась цель их создателя. Меня это огорчило: Гарвиги никогда бы не поставили такую мерзость у себя в саду, если бы сами не входили в круг авангардистской элиты».

Мирон рассказал друзьям о массивной двери, лишенной общепринятых устройств, о медной маске демона с болтающимся черным языком и об оскорбляющих слух звуках, раздавшихся, когда он дернул маску за язык. Он рассказал о встрече с домоправительницей и о тех относящихся к Тиббет сведениях, каковые он почерпнул из разговора с этой высокомерной служанкой. «Я скрыл свои чувства и вернулся на такси в космопорт. Теперь у меня практически нет никаких чувств, кроме чувства благодарности за то, что я каким-то чудом избежал встречи с Тиббет — благодарности судьбе или Лурулу, называйте это как хотите. Дуракам везет, как говорится».

«Гм! — улыбнулся Винго. — Мирон верит в удачу! Это, конечно, примитивный фатализм. Но по существу он признаёт существование подсознательных побуждений, оказывающих огромное, хотя почти незаметное влияние». Стюард повернулся к Мирону: «Не так ли?»

Мирон пожал плечами: «Точнее было бы сказать, что я нахожусь в оглушенном замешательстве».

Винго серьезно произнес: «Обстоятельства таинственны. «Судьба» — это то, что происходит. «Лурулу» — гораздо более тонкое понятие, и в случае Мирона Лурулу выполнила защитную функцию, что само по себе исключительно любопытно».

«Бред собачий!» — обронил Шватцендейл, склонив голову набок и подняв правую бровь выше левой.

«Представляю себе, как удивится Тиббет, когда ей скажут, что к ней заходил Чижик-Пыжик», — усмехнулся Мирон.

Капитан Малуф поднялся на ноги: «Может быть, я — единственный из всех нас, кто не ощущает никакого замешательства, так как в данный момент я совершенно, полностью, фаталистически убежден в том, что́ нам следует делать дальше. Не испытывая ни малейших сомнений, с ясностью прозрения, посетившего величайшего пророка всех времен и народов,

я вижу, что нам пора работать. Все по местам! Задраить люки, приготовиться к отлету!»

6

«Гликка» прибыла в космический порт Саалу-Сейна на Вермейзене. На следующий день Мирон посетил муниципальную регистратуру, где с вызывающей облегчение безразличной эффективностью ему выдали подтверждающий право собственности документ на основании завещания леди Эстер. Мирон стал владельцем неожиданно огромного наследства, в том числе великолепной усадьбы Сарбитер в пригородном районе Дингл-Террас.

Мирон нанял домашнюю прислугу, после чего он и его друзья-астронавты вселились в роскошные апартаменты усадьбы, где они быстро согласовали чрезвычайно приятный режим существования. В хорошую погоду они долго и лениво завтракали в саду. По вечерам они иногда бродили по городу, по одиночке или вместе. Чаще всего, однако, они оставались дома, отдыхая в шезлонгах вокруг бассейна, наслаждаясь охлажденным фруктовым пуншем и беседуя с новыми знакомыми.

Ужин подавали с соблюдением всех подобающих церемоний, в трапезном зале с обшитыми деревянными панелями стенами, под люстрой из тысячи сверкающих кристаллов. Меню всегда состояло из семи, восьми или даже девяти блюд, поглощению каковых немало способствовало извлечение пыльных бутылей из погребов усадьбы.

После ужина четверо друзей обычно переходили в полутемную старую библиотеку, где в каменном камине пылал огонь и где их прибытия ожидали кресла с мягкой кожаной обивкой. Под рукой были графины с крепкими напитками, настойками и дистиллятами известных высоким качеством марок. Беседы касались множества различных вопросов и нередко затягивались допоздна. Друзья обсуждали новых знакомых и анализировали их качества; разговор нередко возвращался к воспоминаниям о космических портах далеких планет и странных народах, населявших далекие края. Время от времени обсуждению подвергались глубокие истины — как правило, в связи с наклонностью Винго к невразумительной философии. Изредка кто-нибудь упоминал о Лурулу, причем со временем стало ясно, что каждый из четверых придавал этому имени, слову или термину различные значения.

Во время таких обсуждений Малуф говорил мало, а Мирон — еще меньше, но Шватцендейл оживлял беседу причудливыми гипотезами, каковые Винго считал должным снабжать оговорками или опровергать перед тем, как перейти к изложению своих собственных теорий.

«Если вы помните, мы как-то обсуждали значение и влияние Лурулу. Рискуя показаться глупцом, повторяющим прописные истины, хотел бы указать на тот факт, что «судьба», «участь» и «Лурулу» — вовсе не синонимы. «Участь» — темный, роковой, подавляющий термин. «Судьба» гораздо светлее, нечто вроде прекрасного заката. Но когда мы говорим о Лурулу, словесные ассоциации бесполезны. Лурулу — индивидуальное представление, подобное надежде или тоске, но гораздо более реальное, чем мечта».

«Смотри-ка! — усмехнулся Шватцендейл. — Винго становится поэтом, он украшает пустое место блестящими шарами, сверкающими лентами и мигающими разноцветными лампочками словоблудия — так же, как он украшает свои пирожные глазурью и сахарной пудрой».

Винго вздохнул: «Мои цели благородны. Я считаю, что космос содержит множество сложностей, большинство которых не находит отражения в словесных формулировках, в

связи с чем приходится прибегать к косвенным ссылкам, намекам, аналогиям».

«Чушь! — Шватцендейл оставался собой. — Заворот мозгов чистейшей воды! Язык достаточно хорошо нам служит — зачем выворачивать его наизнанку, пытаясь выразить нечто, чего на самом деле нет?»

Малуф налил себе вина из графина: «Винго, никто не нападает на твои попытки определить сложное понятие, но для обсуждения Лурулу не требуются абстрактные формулировки. Взгляни вокруг: Лурулу рядом, тут как тут. Я имею в виду, конечно, Мирона. Он — здоровый, сильный, выносливый молодой человек приятной наружности, умеет вежливо разговаривать и даже еще не начал лысеть. Он живет во дворце, у него денег куры не клюют, он ни в чем не нуждается. Девушки за ним волочатся хороводом жизнерадостного очарования. Если Мирону захочется, чтобы кто-нибудь положил ему в рот виноградину или почесал ему спину, ему достаточно поднять бровь, и это сделают. Мирон — олицетворение Лурулу!»

Мирон откинулся на спинку кресла: «Не знаю, не знаю… Когда я смотрю в зеркало, я вижу очень обыкновенного, ничем не выдающегося человека, которому повезло иметь такую родственницу, как леди Эстер Ладжой».

«Точнее говоря, такую родственницу, как покойная леди Ладжой», — поправил его Шватцендейл.

Мирон кивнул: «Вот именно. Так или иначе, все не так просто, как вы себе представляете. Я частенько чувствую себя виноватым — будто меня застали с поличным, когда я засунул руку в банку с чужими конфетами». Мирон переводил взгляд с одного лица на другое: «Вы надо мной смеетесь!»

«Подобные угрызения совести неудивительны, — сказал Малуф. — Но я не стал бы придавать им слишком большое значение».

Мирон не возражал: «Тем не менее, на меня иногда что-то находит. Я нервничаю, не нахожу себе места — причем интуиция подсказывает, в чем тут дело». Наклонившись вперед, Мирон уставился в огонь: «Я чувствовал бы себя гораздо увереннее, если бы вы — Винго, Фэй и капитан — всегда были со мной и пользовались моей удачей вместе со мной».

Некоторое время четверо сидели молча, гладя в пылающий камин. Наконец Малуф тихо сказал: «Интуиция тебя не обманывает. Все преходяще, прекрасное мгновение не остановишь. Твоя программа, при всех ее идиллических достоинствах, неосуществима. По своей природе я не сибарит, я не способен жить в зачарованном мире мечты, в нем для меня нет места. Полагаю, что примерно то же самое могут сказать о себе Винго и Шватцендейл. Капитальный ремонт «Гликки» закончен: ее корпус сияет эмалью и металлом, в камбузе установлено роскошное новое оборудование. Звездолет томится на взлетном поле, как брошенный ребенок». Малуф рассмеялся: «Может ли «Гликка» испытывать одиночество? Этот вопрос следует обсудить с Винго, хотя по его лицу уже видно, что он сомневается в такой возможности».

«Не обязательно! — заявил Винго. — Завораживающая концепция!»

Шватцендейл зевнул и поднялся на ноги: «Пока что я все еще наслаждаюсь декадансом и пытаюсь побить несколько рекордов в этом виде спорта. Бытие бесстыдного эпикурейца, танцующего с цветами и нюхающего прекрасных дев, требует немалых затрат энергии, и сегодня я уже растратил весь запас героической готовности к наслаждениям. Короче говоря, я пошел спать — спокойной ночи!» Он вышел из библиотеки; вскоре за ним последовали Малуф и Винго. Последним удалился Мирон, оставив в одиночестве огонь, догоравший в

камине молчаливой темной библиотеки.

7

Мирон несколько раз навещал отца и мать в их старом доме в Лиллинге. Во время этих визитов он всегда чувствовал себя неудобно, потому что его родители так и не расстались с надеждой сделать из него финансиста, работающего на бирже вместе с отцом и проводящего выходные дни в родном городке. Такая карьера, несомненно, позволила бы Мирону приобрести высокую репутацию в обществе. Мирон вежливо отклонял подобные предложения, ссылаясь на обязательства, заставлявшие его оставаться в Саалу-Сейне.

Однажды Мирон убедил родителей провести с ним какое-то время в усадьбе Сарбитер. Они приняли приглашение, приехали в Саалу-Сейн и два дня оставались в усадьбе. Все это время отец и мать Мирона строжайшим образом соблюдали все правила приличия, демонстрируя безукоризненные манеры; при этом их шокировали и серьезно беспокоили бесцеремонные взаимоотношения Мирона и его трех друзей. Они с облегчением вернулись в Лиллинг, убежденные в том, что Мирон водится с какими-то бродягами, твердо намеренными испортить их наивного сына, навязав ему свои достойные осуждения низменные стандарты.

Проходили недели; астронавты стали открыто обсуждать возвращение к космическим странствиям. Наконец, во время очередного скучного мрачноватого ужина, они согласовали дату вылета, договорившись не задерживаться в Саалу-Сейне больше десяти дней.

Теперь каждый день приобрел особую окраску, особый характер. Капитан Малуф, Винго и Шватцендейл навещали переоборудованный звездолет; Мирон иногда присоединялся к ним, но чаще оставался в усадьбе, погруженный в состояние беспросветной подавленности.

За полтора дня до отлета Мирона гальванизировал внезапный приступ энергии. Он посетил банк и встретился с юрисконсультом, договорился с агентом по продаже недвижимости, уволил прислугу, нанял супружескую пару, согласившуюся присматривать за усадьбой, и упаковал личные вещи. В назначенный день и в назначенный час «Гликка» вылетела из космопорта Саалу-Сейна. На борту звездолета находились капитан Малуф, Фэй Шватцендейл, Винго и — в полном соответствии с ожиданиями его друзей — Мирон Тэйни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

~

Джек (Джон Холбрук) Вэнс (родился 28 августа 1916 г. в Сан-Франциско, умер 26 мая 2013 г. в Окленде) — знаменитый американский писатель, автор множества романов и рассказов в научно-фантастическом и фантазийном жанрах, а также детективных повестей. Большинство его произведений публиковалось под именем «Джек Вэнс», хотя он пользовался и другими псевдонимами. Новеллы и рассказы Вэнса посвящены самым различным научно-фантастическим идеям, но писатель уделял внимание, главным образом, загадочным явлениям и биологическим возможностям (экстрасенсорному восприятию, генетике, паразитам мозга, «переселению душ», другим измерениям, необычным культурам), а не технологическим изобретениям. К 1960-м годам Вэнс выбрал, в качестве места действия своих персонажей, подробно разработанную футуристическую Ойкумену — область Млечного пути, заселенную человеком в процессе космической экспансии. Все его последующие научно-фантастические сюжеты развиваются в более или менее строгом соответствии с условиями Ойкумены — объединенной лишь некоторыми общими

представлениями о законности и цивилизации и постоянно расширяющейся федерации миров, каждый из которых отличается своей уникальной историей, своим уровнем развития и своей культурой. В пределах Ойкумены поддерживается относительная безопасность и, как правило, преобладает коммерция. Но за ее пределами, в Запределье, о безопасности во многих местах не может быть и речи.

См. также:
Страница на «FaceBook», посвященная творчеству Джека Вэнса
Отрывки из автобиографии Джека Вэнса на русском языке
Полный каталог книг Джека Вэнса в переводах Александра Фета
Официальный сайт, посвященный Джеку Вэнсу (на английском языке)

~

Александр Фет (родился в 1961 г. в Новосибирске) — русский американский поэт, переводчик и композитор; почти 20 лет он оттачивал свои русские переводы важнейших произведений Джека Вэнса, и в настоящее время продолжает работать над составлением включающего более 30 томов собрания сочинений Вэнса на русском языке. Александр встречался с Джеком Вэнсом и обсуждал с писателем трудности, связанные с переводом ритмичного, исключительно богатого и неподвластного преходящим модным поветриям языка Вэнса, гипнотизирующее воздействие которого часто не передается плохими переводами.

См. также:
Встреча с Джеком Вэнсом
История переводов
Заметки переводчика

~

Если вам понравилась эта книга и вы хотели бы видеть больше книг Джека Вэнса на русском языке …

Вот что вы могли бы для этого сделать.

1) Покупайте наши книги на легитимных сайтах: SmashWords, Amazon, Barnes&Noble и прочих.

2) Сообщайте другим о книгах, которые вам понравились. Большинство читателей узнают о наших книгах от друзей и знакомых, на социальных форумах (Twitter, Facebook) или из новостей и статей, публикуемых в блогах и традиционными СМИ. Размещайте ссылки на ваши любимые книги Джека Вэнса в вашем блоге или на вашем сайте. Если вы читаете сообщение в блоге или в выпуске новостей и считаете, что автору сообщения или статьи было бы интересно узнать о новых русских переводах книг Джека Вэнса, оставьте положительный отзыв или напишите автору по электронной почте.

3) Оставляйте отзывы на таких сайтах, как SmashWords, Amazon, Barnes&Noble, FantLab и на любых других сайтах.

4) Участвуйте в программе «The Smashwords Affiliate». Зарегистрировавшись на сайтах PayPal.com и SmashWords.com, вы получите возможность зарабатывать не менее 11 % продажной стоимости электронных изданий книг Джека Вэнса.

~

Как работает программа «The Smashwords Affiliate»?

Эта программа партнерского сотрудничества позволяет третьим сторонам — блоггерам, операторам сетевых сайтов, авторам, издателям и тем, кто занимается маркетингом в Интернете — содействовать сбыту книг, распространяемых сайтом Smashwords, размещая гиперссылки на страницы сайта Smashwords. Партнер получает не менее 11 % чистых поступлений от продажи всех книг, купленных (в течение 48 часов после посещения ссылки) теми, кто воспользовался ссылкой партнера на сайт Smashwords.

Что нужно сделать для того, чтобы участвовать в программе?

1) Для того, чтобы участвовать в программе, необходимо зарегистрироваться на сайте PayPal.com — самом популярном сайте денежных расчетов. Зарегистрировавшись на сайте PayPal, вы сможете не только участвовать в программе «The Smashwords Affiliate», но и делать покупки во многих интернет-магазинах (см. русскую версию сайта PayPal.ru).

2) Сперва зарегистрируйтесь в качестве пользователя сайта Smashwords. Зарегистрировавшись, выберите ссылку «Account» («Учетная запись»), после чего выберите страницу «Affiliate System Management» («Управление системой партнерского сотрудничества»). Внимательно прочтите текст договора и нажмите кнопку «I Agree» («Согласен»).

3. Не забудьте ввести ваши данные на странице денежных расчетов https://www.smashwords.com/account/payee.

Как пользоваться программой?

Теперь, когда вы зарегистрировались как участник программы, в нижнем поле страницы любой книги (кроме бесплатных) будет появляться надпись «Link to this page to earn a __% net affiliate referral bonus on sales of this book» («Разместите ссылку на эту страницу, чтобы получать премиальные за рекомендацию партнера в размере ___% поступлений от продажи этой книги»).

Скопируйте эту ссылку и размещайте ее в блогах, на форумах, в социальных сетях, на своем сайте, и т. п. Если посетитель сайта SmashWords воспользуется вашей ссылкой и в течение 48 часов сделает покупку, на ваш счет будет переведена сумма в размере не менее чем 11 % стоимости покупки. (Процентная доля, причитающаяся участникам программы, определяется издателями или авторами книг. Ссылки на книги Джека Вэнса позволяют получать 16 % стоимости покупки). Перечисление сумм на счет партнера, открытый на сайте PayPal, осуществляется ежеквартально после того, как причитающаяся партнеру сумма достигает 10–25 долларов США (в зависимости от страны проживания партнера). Если причитающаяся партнеру сумма меньше, выплата переносится на следующий квартал.

~

Примечания

[1] По-английски «синим носом» («blue nose») называют человека, упорно придерживающегося консервативных предубеждений. — Прим. перев.

[2] Кокосовая пальма, происходящая с Древней Земли, распространилась по морским побережьям всех планет Ойкумены, где преобладал достаточно теплый климат — возможность сорвать или купить кокосовые орехи воспринималась как нечто само собой разумеющееся во многих уголках Галактики.

[3] Кокосовая пальма, происходящая с Древней Земли, распространилась по морским побережьям всех планет Ойкумены, где преобладал достаточно теплый климат — и теперь воспринималась как неизбежный элемент туземной флоры по всей Галактике.

~